Перевод сделан совместными усилиями АНКИ
(Аспирантов Научной Кафедры Иверологии),
город Киев и Самогитии, город Шяуляй.

Данная работа может свободно распространяться,
публиковаться и цитироваться без какого-либо разрешения.

СТОЛЕТИЕ ПОЗОРА

Bradshaw H. Swales

ПОСМОТРИТЕ НА РУКИ СВОИ! ОНИ ЗАПЯТНАНЫ КРОВЬЮ ВАШИХ БЛИЖНИХ.

Б.Франклин

Эта книга наглядно показывает, как высоко развитое в техническом, военном и правовом плане американское общество 18-20 веков обходилось с местными аборигенами Северной Америки.
Наиболее сильные, здоровые и воинственные племена уничтожались десятком разнообразнейших способов – от прямого вырезания войсками, до спаивания, стимуляции разврата и вырождения, организации искусственных голодоморов и т.п.

С индейцами заключали десятки договоров о передаче их земель, условия договоров не выполнялись, заключались новые - и белые поселенцы гнали индейцев все дальше вглубь континента в необитаемые пустоши, пустыни и горы. Индейцы юридически и по факту были бесправными, в сознании белых укрепилась мысль, что с их имуществом и с ними самими можно делать что-угодно. Не обремененным моралью людям удавалось избежать наказания закона даже в случаях прямых грабежей и убийств (даже - массовых). Общественное мнение всегда было на стороне белых, в постоянных конфликтах с белыми поселенцами лишь немногие случаи решались в пользу индейцев, и то – не в полном объеме, с проволочками и послаблениями в одну сторону.

Из охотников и рыболовов правительство пыталось сделать исключительно фермеров. Но так как права на землю у индейцев были призрачные и шаткие, часто случалось, что уже обработанная дикая земля с созданными теперь полями, садами и зданиями, полностью переходила под контроль белого населения, а индейцев гнали дальше – окультуривать новый участок.

Хотя следует упомянуть, что были и хорошие, честные американские солдаты, юристы, экономисты, политики и управленцы. Их действительно интересовала судьба этих несчастных людей. Они помогали индейцам информацией, средствами, строили школы, отказывались выполнять ужасные приказы и шли на прямой конфликт с соотечественниками. Усилиями этих замечательных людей были спасены тысячи индейских жизней, следующему поколению детей был дан шанс на осмысленное существование, на интеграцию в общество.

Тяжело осознавать то, насколько индейцы, при всех их недостатках, стремились жить с белыми в мире, честно работать, то рвение познать мир и ценности западной культуры, ту тягу к знаниям, открытость и уважение прав, стремление к справедливости во всем, и веру в возможность справедливости, даже после неоднократных предательств.

Надеюсь, что факты из этой книги предоставят хорошую пищу для размышлений.

Переводчик

ПРЕДИСЛОВИЕ

Меня попросили написать предисловие к этой печальной истории "Столетие позора." Я не могу отказаться от этой просьбы - сердце женщины так красноречиво умоляло в пользу бедных людей. Материалы для ее книги были взяты из официальных документов. Печальное открытие сломанной веры, нарушенных соглашений, и жестоких дел нечеловеческого насилия вгонит в краску позора тех, кто любит свою страну (США; прим.пер.). Они зададутся вопросом, как наши правители смели так шутить с правосудием, и вызывать гнев Бога. Многие из историй будут для читателя в новинку. У индейца нет телеграфа, он не нанимает корреспондента, и его сторона истории людям неизвестна. Нации, как и люди, пожинают точно то, что они сеют. Те, кто сеет грабеж - пожинают грабеж. Сеяние семени несправедливости дает кровавый урожай. Американский народ принял как правду доктрину, что индейцы были дегенерировавшей, брутальной горсткой дикарей, и что это было желание Бога, что они должны были погибнуть при приближении цивилизации. Если американский народ и не принимает мнение наших пуританских отцов, что индейцы - хетты, которые должны быть вытеснены перед избранным Богом святым народом, то они действительно принимают то учение, что нормальное положение дел - выжить индейцев с их земли. У непреклонного нет ни слез, ни жалости, при криках замученной обреченной расы. Ахаб никогда не говорит любезно о Наботе, у которого он отнял его виноградник. Бросать грязь на характер того, кого мы обидели - успокаивает совесть.

Люди считают виновниками индейских войн - торговца с индейцами, людей на границе, агентов, работающих с индейцами, армию, и Министерство внутренних дел. Но ни один из них не ответственен за индейские войны, которые стоили Соединенным Штатам 500 миллионов долларов и десятки тысяч жизней. В былое время торговец был другом индейца. Отношения строились на взаимной зависимости. Если торговец угнетал индейца, то он рисковал потерять свой долг;

Если бы индеец отказался платить по своим долгам, то торговец должен был покинуть эту местность. Торговцы и агенты старых компаний, занимающихся продажей меха говорят нам, что их товары были в неохраняемой торговой точке в индейской деревне в такой же безопасности, как в цивилизованном городе. У поселенцев-пионеров слишком многое находилось под угрозой, чтобы вызывать индейскую резню, которая погубила бы и их самих, и их родных. И армия не ответственна за индейские войны; они - "люди подневольные", которые идут туда, куда их посылают. У людей, которые представляют честь страны, есть традиция, что вранье - это позор, и что воровство уничтожает характер. Генерал Крук выразил чувства всей армии, когда он ответил другу, который сказал: "Трудно идти на такую войну." "Да, это трудно; но, сэр, самое трудное состоит в том, чтобы нужно идти бороться с теми, которые, и вы сами это знаете - правы." Индейское Бюро часто неспособны выполнить соглашения, потому что Конгресс был не в состоянии выделить средства. Если агенты этого бюро, и были людьми не самого высокого характера, то это, в значительной степени, вследствие того, что мы посылали человека выполнять эту трудную работу в отдаленные места, и ожидали, что он сможет поддерживать себя и свою семью на 1500$ в год. Индейское Бюро представляет собой систему, которая является грубой ошибкой и преступлением.

Индеец - единственный человек на нашей территории, у которого нет никакого частного права на владение землей. Он не подпадает под действие или защиту закона. Исполнительные, законодательные, и судебные отделы правительства признают, что он имеет собственническое право на землю; но его гражданское определение растворяется в племени - и человек перед законом - никто. Китаец или готтентот имели бы хоть какое-то положение, но коренного американца оставляют жалко беспомощным. Эта система выросла из наших отношений при первом расселении страны. Изолированные поселения вдоль Атлантического побережья не могли попросить индейцев, которые превосходили их численностью десять к одному, принять положение опеки. Не предпринималась никакая мудрая политика изменения обстоятельств, чтобы обучать индейцев и вводить в систему гражданства. Были сделаны соглашения согласно той же обязательной силы конституции; но эти соглашения не были выполнены. Можно вообще подвергнуть сомнению, выполнялось ли когда-либо хоть одно соглашение, поскольку их делали так, как будто оно было между двумя иностранными державами - соглашения делались как будто между двумя независимыми суверенами. Иногда каждая сторона была не осведомлена о пожеланиях другой, поскольку приход обеих сторон к соглашению лежал на плечах переводчика, а он был существом, находящимся в собственности коррумпированных людей, которые желали использовать индейцев в качестве ключа, чтобы обманом выбить деньги у национального казначейства. Торжественно сделанные заявления были бесстыдно нарушены. У индейца не было никакого способа компенсации, кроме насилия и войны. Во время этих войн на каждых десять белых людей было убито по одному индейцу, и те индейцы, которые были убиты, стоили правительству по сто тысяч долларов каждый. Потом было новое соглашение, опять нарушение договора, еще одна война, пока у нас земля на сотни миль между Атлантикой и Тихим океаном не стала сценой индейской резни.

И все это в то время в Канаде вообще не было никаких индейских войн. На каждые сто долларов, которые наше правительство израсходовало на индейцев, канадцы израсходовали - один. Они признают, как и мы, что индеец имеет право собственника на землю. Они покупают это право, как и мы, в соответствии с соглашениями; но их соглашения делаются с индейцами именем Ее Величества. Они устанавливают индейцам обособленные постоянные резервации; они редко переселяют индейцев; они выбирают высоконравственных агентов, которые занимают их должности пожизненно; они делают меньше обещаний, но они их выполняют; они создают индейские христианские миссии, у которых есть сердечная поддержка христианских людей, и все их усилия основаны на взаимопомощи и цивилизации. Один инцидент иллюстрирует эти две системы. Чиновник армии Соединенных Штатов, которого послали, чтобы он получил Аляску от правительства России, остановился в Британской Колумбии. Губернатор Дуглас услышал, что индеец был убит другим индейцем. Он посетил индейское племя; он объяснил им, что убитый человек был подданным Ее Величества; он потребовал преступника. Убийца сдался, был отдан под суд, был признан виновным, и был повешен. По достижении Аляски чиновник случайно вошел в греческую церковь, увидел на алтаре красивую копию Евангелия в дорогом переплете, обитом драгоценностями. Он позвал греческого епископа, и сказал: "Ваше Преосвященство, мне кажется, что Вы должны убрать эту копию Евангелия из церкви, поскольку она может быть украдена." Епископ ответил: "Но почему я должен ее убирать? Это подарок матери императора, и он лежит на этом алтаре вот уже семьдесят лет." Чиновник покраснел, и сказал: "В этой местности среди индейцев нет никакого закона, и я боюсь, что такая ценная вещь может быть украдена." Епископ сказал: "Книга находится в доме Бога, и это - Его книга, и я не буду убирать

ее." Книга осталась, Аляска стала нашей, и на следующий день после этого, Евангелие было украдено.

Наши войны с индейцами являются бесполезными и злыми. Североамериканский индеец - самый благородный тип языческого человека на земле. Он признает Большой Дух; он верит в бессмертие; у очень быстрый интеллект; он - ясный мыслитель; он - храбр и бесстрашен, и, пока его не предали, верен своему слову и вере; он имеет страстную любовь к своим детям, и считает радостью - умереть за свой народ. Наши самые ужасные войны были с самыми благородными племенами индейцев, с людьми, которые были друзьями. Николет говорил, что индейцы племени Sioux были самым прекрасным типом диких людей, которых он когда-либо видел. Старые торговцы говорят, что индейцы Sioux хвастались и гордились тем, что они ни разу не отобрали жизнь у белого. Льюис и Кларк, губернатор Стивенс, и Полковник Степто свидетельствовали о преданной дружбе индейцев Nez Perces к белым. Полковник Бун, Полковник Бент, генерал Харни, и другие говорят самые высокие похвалы в адрес индейцев Cheyennes. Индейцы Navahoes были полуцивилизованными людьми.

Наши лучшие друзья страдали от нашего пренебрежения и попранного доверия более глубоко, чем наши самые горькие противники. Миролюбивые индейцы часто говорят: "Вы заставляете нас страдать; если бы мы убили ваших людей, то вы бы 'позаботились' о нас."

Наши войны с индейцами имели причиной не только нарушенное доверие. В мирное время у нас была политика устанавливать "богадельни", чтобы тренировать и обучать диких нищих. Мы покупали воинам краску, бусинки, ножи для скальпирования, и кормили их в безделье в агентстве. Вокруг этого агентства и вдоль его границ собирались разные растлевающие заведения, чтобы ухудшить дикаря, и погрузить его в такую глубину разврата, которую никогда не знали его отцы. Требовалась только небольшая реальная или выдуманная обида, чтобы эта доведенная до нищеты дикость вспыхнула кровавыми делами. При президенте Гранте произошел новый раскол. Мирная политика была одним лишь названием. В системе взаимоотношений с индейцами не произошло никаких изменений; им не дали никакие права на собственность; никакие законы не были приняты, чтобы защитить индейцев. Президент, правда, отобрал право назначать агентов по взаимоотношениям с индейцами у политиков, которые сделали эту должность наградой за политическую службу. Он дал право назначения индейских агентов исполнительным комитетам миссионерских обществ различных церквей. Там, где эти христианские организации установили школы и миссии, и где правительство установило свое влияние в вопросе рабочей силы - это имело успех. За последние двенадцати лет для обучения индейцев было сделано больше, чем в любой другой период нашей истории. "Индейское Кольцо" боролось с новой политикой на каждом шагу; но все же, несмотря на наши индейские войны, наши нарушенные соглашения, нашу гнилую систему, тысячи индейцев, которые были бедными дикарями, теперь живут как христианские, цивилизованные люди. Было время, когда казалось невозможным обеспечить внимание правительства на любые преступление, совершаемые в адрес индейцев. Сегодня это - не так. Правительство действительно слушает друзей индейцев, и многие из ужасных форм грабежа пресечены. Нельзя установить никакую постоянную реформу, пока не достучишься до сердца людей.

В 1863 я посетил Вашингтон, чтобы представить правительству причины, которые опустошили наше справедливое государство и оросили кровью убитых в индейской резне. После напрасного взывания и понимания, что никакого эффекта нет, Секретарь Стэнтон сказал другу: "Что хочет

Епископ? Если он приехал сюда, чтобы сказать нам, что наша индейская система - пример несправедливости, скажите ему, что мы все это знаем. Скажите ему, что Соединенные Штаты никогда не исправляют несправедливость, пока этого не потребуют люди; и когда кто-то сможет достучаться до сердец людей, индеец будет спасен." В этой книге читатель найдет печальную историю того столетия - нет, не целую историю, но - фрагментарную историю изолированных племен. У автора будет ее награда, если она сможет помочь в обеспечении справедливости для благородной и обиженной нации. Даже имея опыт печальных событий в прошлом, мы не научились правосудию. Чероки и другие племена получили индейские территории в качестве компенсации и искупления за одни из самых темных преступлений, когда-либо совершенных христианской страной. Та территория была передана им законодательными органами по закону столь сильному, насколько его могло разработать остроумие государственных деятелей. Отцы, которые передали эту территорию чероки - мертвы. Жадные глаза жаждут земли и замышляют планы, как вырвать ее у ее законных владельцев. Если эта большая несправедливость осуществится, эти индейцы утверждают, что вся надежда на наше правосудие умрет в их сердцах, и что они будут защищать свою страну собственными жизнями.

Работа, направленная на реформы - трудная; она будет стоить нам времени, усилий, и денег; она потребует лучшие умы лучших людей страны. Мы должны будем возвратить уверенность наших индейцев честными делами и выполнением наших обещаний. Теперь имя белого для индейцев - это синоним "лгуна". Индеец Bed Cloud недавно посетил Блэк-Хилс, и был гостеприимно принят его белыми друзьями. Прощаясь он выразил надежду, что, если они никогда снова не встретятся на земле, они могут встретиться в загробном мире - "там, где белые перестали бы быть лгунами."

Несмотря на то, что история довольно темная, в ней есть и яркая сторона. Никакие миссии к язычникам не принимались где-то более радушно, чем среди индейцев. Тысячи тех, кто однажды были разрисованными дикарями, находя свою наибольшую радость в делах войны, являются теперь учениками Иисуса. В поселениях есть индейские церкви с индейской паствой, в котором индейское духовенство рассказывает историю любви Бога в Иисусе Христе, нашем Спасителе. Там, где однажды был слышим только барабан и песни танца скальпирования, теперь слышен звон христианского колокола, зовущий к молитве, и песни похвалы, и слова молитвы, возносимой к небесам. Христианский дом, хотя он лишь только - бревенчатая хижина, занял место вигвама; и бедная индейская женщина была превращена в христианскую жену и мать. С правосудием, личными правами, и защитой закона, Евангелие сделает для наших Красных братьев то, что оно сделало для других наций - даст им дома, мужественность и свободу.

H. B. Whipple, Епископ Миннесоты.

Нью-Йорк. 11-ого ноября 1880.

ВВЕДЕНИЕ.

Текущее число индейцев в Соединенных Штатах не превышает триста тысяч человек, но сейчас, возможно, оно как раз равняется тому количеству, которое было тогда, когда европейцы начали заселение североамериканского континента. Различные племена, существующие тогда, значительно уменьшились, а некоторые - вымерли; но можно предположить, что обширная территория, теперь занятая Соединенными Штатами, тогда была если не абсолютно дикой местностью, то, в значительной степени, была безлюдна. Кочующие дикие племена, которые встретили новых исследователей, были, однако, достаточно многочисленными, чтобы сделать "индейскую проблему" в начале - серьезной, в то время как ни ее сила, ни ее трудность до сих пор не показывают признаки уменьшения.

Трудность состоит не в том, что индейцы - дикари. Поскольку такие люди в ранней истории человеческого рода покорялись и "цивилизовались" в тысячах случаев. В то же время, изменения, которые в наше время были произведены среди каннибалов Южного Моря и варваров Южной Африки, и среди самых диких североамериканских индейцев непосредственно, хорошо показывают, что те цивилизации, которым мы готовы протянуть руку помощи, этого не желают, и они не являются слабыми.

Большая трудность индейской проблемы заключена не в индейцах, а в правительстве и в людях Соединенных Штатов. Вместо либеральной и дальновидной политики, направленной на образование, цивилизацию и возможное гражданство индейских племен, мы позволили этим людям оставаться дикарями, чье будущее нам, по сути, безразлично. К рассуждениям о текущем состоянии этих людей правительство приступило только тогда, когда его вынудила некоторая непосредственная опасность. Мы вторглись в их среду проживания, не предоставив им какой-либо надлежащей компенсации; мы закрыли их в резервациях, как известно, часто - неприспособленных к нормальной жизни; или, если приспособленных - мы не смущались прогонять их ради нашей прибыли, вообще не задумываясь об их выгоде. Мы иногда рассматривали их как "иностранные государства", с которыми у нас были соглашения; иногда - как "опекаемых", которые вообще не наделены правом голоса в управлении собственными делами; иногда - как "субъектов", от которых мы требовали повиновения, но к кому мы не признавали никаких обязательств. То, что правительство Соединенных Штатов делало с индейцем, часто заявляя о "взаимном доверии", и так же часто - нарушая его, наказывая индейца за его преступления, не давало ему в судах никакого статуса, за исключением статуса преступника, печально не видя перед ним никаких обязанностей, и пожинало мятежи только потому, что саму посеяло смуту, описано на следующих страницах безо всяких преувеличений, и должно быть с позором признано каждым американским гражданином.

Сейчас нужно признать, что единственное решение индейской проблемы состоит в полном изменение этих людей от дикой к цивилизованной жизни. Они вряд ли будут истреблены. Если мы сами не начнем избегать всякого контакта с ними, и не оставим их беспрепятственно бродить по их дебрям, или пока мощь христианской цивилизации не сделает их сознательно едиными с нами, они не прекратят нам досаждать.

Но как они должны стать цивилизованными? Цивилизация - это, в самом важном смысле - подарок, а не собственное приобретение. Люди сами ее не приобретают, за исключением тех случаев, когда стимул к цивилизации исходит от кого-то, находящегося выше их самих. Дикарь не трудится для удовлетворения потребностей цивилизованной жизни, так как он не желает их.

Его силы и его желания зависят от некоторого духовного подарка, который, разжигая его, ускоряет его желания и вызывает этот тяжелый труд. Если у него нет никакой помощи извне, если его не освещают и не вдохновляют свет и жизнь сверху, дикарь остается дикарем. И без этого, все уговоры цивилизации, с которой он мог бы вступить в контакт, больше не могут привести его в лучшее состояние, чем ему дают свет и теплота солнца, пустыни и плодотворные поля. Когда английские миссионеры пошли к индейцам в Канаде, они взяли с собой квалифицированных рабочих, которые должны были показать индейцам, как нужно трудиться, чтобы у них, в удобных домах, с одеждой, едой, пробудились желания и они проявили усилия - увековечить и увеличить эти удобства. Но индеец предпочел не работать, предпочел свой вигвам, и кожу, и сырую плоть, и грязь - предпочел все это чистоте и удобствам цивилизованного дома; и только после того как влияние христианства преподало ему его внутренние потребности, и способ, которым эти потребности могут быть удовлетворены - это убедило его возжелать и начать работать над усовершенствованием внешнего состояния его жизни и привычек.

То же самое верно повсюду. Цивилизация не воспроизводит себя сама. Она должна быть сначала разожжена, и даже тогда может быть по-настоящему поддержана только христианской силой.

Но это - пустая трата времени - пытаться нести христианские ценности другим, если мы сами - не христиане. Поэтому первый шаг к желаемому преобразованию индейца - это его преобразование и обработка нашими руками. Серьезно, наши правительственные чиновники, прежде всего, должны быть христианами, и рассматривать индейский вопрос так, как этого требуют христианские принципы. Это означает, сперва, что мы должны быть честными и не заявлять о соблюдении наших прав, пока мы не готовы выполнить наши обязательства. Это означает, что мы должны быть добрыми, и быть столь же готовыми дать индейцу то, что является нашим, чтобы получить то, что является его. Это означает, что мы должны быть мудрыми, терпеливыми и упорными, отбросив все альтернативы и временные средства, и поставив перед собой цель - действовать по отношению к нему, как к брату до тех пор, пока он не будет действовать по отношению к нам, как к братьям. И бесполезно пытаться преподавать ему христианские ценности на словах, пока он сначала не увидел их проиллюстрированными нашими собственными делами.

Истинный христианский принцип бескорыстной честности и доброты, соблюдаемый ясно и непрерывно - это первая необходимая истина государственной деятельности в работе с индейским вопросом. При этом, однако, не требуется, чтобы индейцу предоставлялись все привилегии гражданства и самоуправления. Хотя он теперь и обращенный в христианство, он нуждается в долго- или краткосрочной опеке, как ребенок. Вначале от него не может ожидаться мудрая забота о его собственных интересах, и правительство должно заботиться о нем, требуя от него мудрого повиновения и предусмотрительности к закону, и ему предоставляется защита закона. Юрисдикция судов и присутствие правительства должно чувствоваться на индейской территории и в каждой индейской резервации столь же сильно, как и в наиболее просвещенных частях земли. Суд должен действовать уже в школе, если даже не раньше, и это сам по себе - очень важный образовательный инструмент.

Когда индеец, посредством мудрого и христианского обращения, станет наделенным всеми правами и обязанностями гражданина, его особенные "племенные отношения" - вымрут. Это будет сделать не легко, и отнюдь не быстро; но вся наша политика должна быть сформирована на постепенное ослабление племенных связей, и постепенное растворение индейских семей среди масс наших людей. Это привело бы к концу целую систему индейских резерваций, убрало

бы постоянную изоляцию индейской территории. Это не мудрая государственная деятельность - создавать непроходимые барьеры между любыми частями нашей страны, или любыми слоями наших людей.

Относительно только этого пункта возникают очень трудные вопросы, требующие очень осторожного обращение. Определенным индейским племенам теперь принадлежат определенные индейские резервации и территория, и это право на собственность нужно наиболее свято охранять. Но из этого отнюдь не следует, что эти индейцы, в их текущем состоянии, должны руководить процессом текущего использования этой собственности. Им, возможно, понадобится долгое обучение, прежде, чем они будут достаточно мудры, чтобы законно управлять тем, что по праву - их собственность. Это обучение, в обеспечение которого их собственность могла бы справедливо использоваться, должно усердно преподаваться в установленных школах с необходимым обслуживанием.

Если таким образом постепенно будут получены нужные результаты, собственность, принадлежавшая племенам в данный момент, должна быть в конечном счете пропорционально разделена между отдельными членами племени. Такое разделение не следует делать быстро и сию же секунду, но, когда оно будет проводиться, его нужно делать с большой заботой и верностью; но и сам индеец должен как можно скорее почувствовать и стимулы, и ограничения, которые личная собственность накладывает на владельца, и правительство, которое является его опекуном, обучив его для этой собственности, должно обеспечить его этими знаниями. Но пока индеец не станет столь же способным, как и среднестатистический белый человек, самостоятельно управлять своей собственностью, правительство должно управлять ей для него, независимо от того желает ли он этого, или не желает.

Трудность возникает в тех случаях - и таких случаем много - где правительством Соединенных Штатов были заключены соглашения с различными индейскими племенами, где эти две стороны согласились на определенные четко очерченные условия. Такие соглашения действовали на ложных основаниях - ложных как принципе, так и по факту - что индейское племя, бродящее в дикой местности и живущее охотой и собирательством, является нацией. Чтобы быть нацией, они должны быть людьми с кодексом законов, которого они придерживаются, и иметь правительство, которое они поддерживают. Никакой неопределенный смысл "неписанных законов", перед которыми человеческая натура на ее самых низких стадиях несомненно чувствует некоторые обязательства, и никакие инстинктивно принятые для общей защиты принципы, которым всегда будут следовать самые грубые люди, сбившиеся в общину - не достаточны, чтобы это основать "нацию". Эти индейские племена - это не нация, не страна, и ничто ни в их истории, ни в их состоянии не может должным образом наделить их властью заключать соглашения.

И все же, когда этого, казалось, требовала острая необходимость, мы рассматривали их как нации и государства, и обещали, основываясь на нашей собственной национальной вере, заключали с ними торжественное соглашение. Было бы наиболее смело сказать, что эта вера и соглашения должны быть выполнены. Конечно, они должны были быть выполнены. Именно к нашему собственному отвратительному позору мы так часто терпели в этом неудачу. Но мы можем мудро и честно спросить, а не мог ли быть сам смысл этих соглашений быть сфальсифицирован их письмом, и нужно ли, чтобы дать индейцу его реальные права, отбросить в сторону прерогативы, на которые он мог бы технически и формально предъявить права. Если индейская территория и

индейские резервации были даны определенным племенам в их вечное владение, святость этой гарантии не должна также закрывать наши глаза на святость реальных интересов людей, от имени которых была дана гарантия. Мы не должны потерять причину наших усилий, чтобы сохранить тень; мы не должны настаивать на summum jus (абсолютная справедливость), когда она становится summa injuria (абсолютной несправедливостью).

Конечно, такой принцип нужно применять с максимальной осторожностью. Признать, что соглашение с индейцами может быть обойдено без согласия самих индейцев - это означает снова открыть двери тем же самым мошенничествам и неправдам, которые так мрачно заклеймили "Столетием Позора." Но наша большая проблема состояла в том, что мы стремились взыскать правосудие с индейца, не проявляя к нему никакого правосудия со своей стороны; и когда все наше взаимодействие с ним будет вестись на принципах правды и непорочности, мы не должны бояться - его совесть и его суждение это, в конце концов, одобрят.

(Julius H. Seelye) Джулиус Х. Силай.

Декабрь 10,1880

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА.

Все цитаты в этой книге, там, где не указывается источник, взяты из официальных отчетов Военного отдела или Министерства внутренних дел.

Это книга дает, как и указывает ее название, только эскиз, наброски, а не всю историю.

Чтобы полностью написать историю любого из этих индейских сообществ, со всеми принудительными переселениями, войнами и бедствиями, потребовался бы отдельный том.

Из истории трудов миссионеров различных церквей среди индейцев получился бы еще один том. Это - одно светлое пятно в темном отчете.

Все это я был вынужден оставить нетронутым, строго придерживаясь моей цели - просто показать причины для национального позора в деле нашего отношения к индейцам. Это - позор, который американская страна не должна прятать, поскольку американский народ, как люди, в глубине души не является несправедливым.

Если есть одна вещь, в которую они верят больше, чем во что-либо, и предполагают, что ей должен обладать каждый человек на этом континенте, это - "честная игра." И как только они справедливо поймут, насколько безжалостно это право было отобрано у индейца, они встанут и потребуют для него это право.

СТОЛЕТИЕ ПОЗОРА.

ГЛАВА I

ВВОДНАЯ.

Вопрос благородности деловых отношений между Соединенными Штатами и индейцами приводит нас к очень спорному и малопонятному пункту. Какова была природа права индейцев на страну, в которой они жили, когда континент Северной Америки был обнаружен? Между теориями некоторых сентименталистов, что индейцы были настоящими владельцами земли, и теорией некоторых политических деятелей, что они вообще не имели никаких прав собственности, присутствует неисчислимое множество градаций и запутанных мнений. Единственным авторитетом в этом вопросе, судя по всему, являются взгляды и помыслы той власти, которая обнаружила эти земли во время их открытия, и позже - использовала обнаруженные земли.

К счастью, честная экспертиза этих вопросов не оставляет никаких сомнений.

Англия, Франция, Испания, немного - Португалия - все отчаянно ссорились и боролись друг с другом за самые большие владения на новом континенте - каждая страна требовала "суверенитет почвы", основываясь на "праве открытия". Однако, все признали "право индейцев на проживание"- право, отчуждаемое двумя способами - или покупкой, или завоеванием.

Все их дискуссии относительно границ, начиная с 1603 и до 1776, признали это право и этот принцип. Они однако повторили что, во-первых, исследователи имели право суверенитета - право настолько абсолютное, что исследователь был уполномочен не только брать во владение, но и дарить, продавать, и передавать земли, все еще занятые индейцами - и что для любой страны, пытающейся брать во владение, дарить, продавать, или передавать любые такие занятые индейцами земли (в то время, как права на эти земли заявлялись другими странами, основываясь на "праве первооткрывателя") - это было нарушение прав, и повод для войны. Во-вторых, то, что все это владение, дар, продажа, и передача должны были проводиться, принимая во внимание "право индейцев на проживание", которое должно было погашаться или посредством дальнейшей покупки, или посредством завоевания от того, кто получил землю в дар или купил.

Петерс, в своем предисловии к седьмому тому "Уставов Соединенных Штатов в целом" говорит: "История Америки, от ее открытия и до настоящего момента, доказывает универсальное признание этих принципов."

Каждая сила, государство-первооткрыватель, могла регулировать отношения между собой и индейцами; но относительно существования "права индейцев на проживание", среди них было абсолютное единодушие. То, что среди них было хотя бы что-то одно, в чем они были единодушны - замечательно. Для нас невозможно понять это внезапное приглашение к жадности и разногласиям на этом справедливом, красивом, невостребованном континенте в восемь миллионов квадратных миль земли - более чем в два раза больше самой Европы. Какой бы приманкой сегодня оказался бы такой другой внезапно обнаруженный континент! Борьба за него была бы столь же жестокой теперь, как она была тогда, и есть лишь небольшой шанс, что "право

на проживание" местных аборигенов получило бы такое единодушное признание, как тогда его справедливо предоставили эти четыре великих державы.

Справедливо заметить, что окончательный суверенитет принадлежал цивилизованному первооткрывателю, по сравнению с диким варваром - в этом нет никаких сомнений. Подвергать это сомнению - слабый сентиментализм. Но чтобы подтвердить и поддержать его, было бы глупо не поддержать и упустить из виду оставшееся право меньшинства; это было бы, в определенной степени - своеобразное добро, которое большее право, по справедливой природе вещей, было обязано уступить.

Тогда было ясно, что "право на проживание" индейцев тогда было правом, признанным всеми крупными силами первооткрывателей. Они действовали, основываясь на нем, на всех их обнаруженных землях. Но можно задаться вопросом, признало ли правительство Соединенных Штатов, занимая свое место среди стран-первооткрывателей, также это индейское "право на проживание" как фактическое право. По этому пункту также нет никаких сомнений.

"В соответствии с соглашением, которое завершило войну нашей Революции, Великобритания сняла все требования не только на правительство, но и на собственность и территориальные права Соединенных Штатов, границы которых были установлены во второй Статье. В соответствии с этим соглашением полномочия правительства и права на почву, которая ранее была собственностью Великобритании, определенно перешли этим Штатам. Мы прежде овладели ими, объявив независимость, но ни декларация независимости, ни соглашение, подтверждающее это, не могли дать нам больше того, чем то, чем мы владели прежде, или то, но что прежде имела права Великобритания. Это никогда не подвергалось сомнению, что ни Соединенные Штаты ни отдельные государства не имели четкое право на все земли в пределах границ, описанных в соглашении. Касательно предмета индейского права на проживание, исключительным правом аннулировать это право наделялось то правительство, которое могло бы конституционно ввести его в действие."

"Касательно предмета индейского права на проживание." Примечательно, насколько часто появляется эта фраза. В их желании определить, утвердить и провести в жизнь большее право, "право суверенитета," законотворцы, переводчики, и те, кто записывал этот закон сами, вероятно, не понимали насколько ясно и одинаково они определяли, утверждали, и декларировали меньшее право, "право на проживание."

Вероятно, они даже и не мечтали, что настанет время, когда даже это меньшее право - это самое базовое из всех прав, которое, казалось бы, могло требоваться, или быть предоставлено исконным жителям страны, хоть и дикарям, фактически будет отрицаться в отношении наших индейцев. Но если бы они предвидели такое время, то они, возможно, едва бы оставили более явное доказательство удовлетворить "острую необходимость".

"Соединенные Штаты недвусмысленно приняли то большое и обширное правило, по которому его цивилизованные жители теперь держат эту страну. Они держат и утверждают себе титул, которым эта земля было приобретена. Они поддерживают, как поддержали все другие, что "открытие" дало исключительное право аннулировать право индейцев на проживание с помощью покупки или завоевания, и это также дало право на такую степень суверенитета, как обстоятельства людей позволяли им применять.

"Сила, которой обладают теперь Соединенные Штаты, чтобы управлять землями, находилась у нас, пока мы были колониями, в Короне или ее подданных. Законность владений, предоставляемых Короной или ее подданными никогда не подвергалась сомнению в наших судах. То же самое было и с территориям во владении индейцев. Существование этой силы должно отрицать существование любого противоречивого права, и должно управлять им. Абсолютное право на земли не может существовать одновременно у разных людей или у разных правительств. "Абсолют" должен быть исключительным титулом, или, по крайней мере, титулом, который исключает все другие, не совместимые с ним. Все наши учреждения признают абсолютное право на владение Короны, которому противодействует индейское право на проживание и признают, что абсолютный титул Короны аннулирует это право. Оно несовместимо с абсолютным и полным правом на владение индейцев. " *Peters

Конечно. Но это также "несовместимо с абсолютным и прекрасным правом на владение" у белого человека! Здесь снова, в их желании определить и навязать большее право, они делают это настолько ясным, что они включают в него и меньшее право. Слово на "subject" является сильным причастием, когда используется в юридических документах. В завещаниях создаются условия, что вдова "подвергается" праву на дар, например, и условия не могут быть выполнены без согласия человека, которым он, как таким образом объявляется, "подвергается". Право на владение, которое, как объявляют, "подвергается" чему-либо, не является абсолютным, пока не исправится противоречие.

Также существовали некоторые определения и ограничения от высших юридических инстанций, в которых это индейское "право на проживание" могло бы быть аннулировано даже завоеванием.

"Право на собственность завоеванием приобретается и поддерживается силой. Завоеватель по своему усмотрению предписывает ее пределы. Человечество, однако, действуя согласно общественному мнению, установило, как правило, что завоеванные не должны всячески угнетаться, и что они должны иметь столько прав, как это положено объектам завоевания. Они объединяются со страной-победителем, и становятся подданными или гражданами правительства, с которым они связываются. * * * Когда это объединение воплощается в жизнь, гуманизм и мудрая политика требуют, чтобы права завоеванных на собственность остались нетронутыми; что новыми подданными следует управлять так же справедливо, как и старыми. * * * Когда завоевание завершено, и завоеванные жители могут смешаться с завоевателями, или ими можно благополучно управлять, общественное мнение, которое даже завоеватель не может игнорировать, налагает на него ограничения, и он не может пренебречь ими без вреда своей репутации и опасности его власти. "*

В печально известном случае выселения племени чероки из Джорджии, зарегистрировано как мнение нашего Верховного Суда, что "у индейцев есть неоспоримое право на земли, которые они занимают, пока это право не должно быть аннулировано добровольной уступкой правительству" * * * "Индейские нации всегда рассматривались как отличные независимые политические сообщества, сохраняющие их оригинальные естественные права на бесспорное обладание землей, с незапамятных времен, с единственным исключением, наложенным непреодолимой силой, которая исключила их из общения с любым другим европейскими суверенами, кроме того, кто был первым исследователем побережья определенного региона; и это было ограничение, которое те европейские суверены вводили для себя так же, как и для индейцев.

Сам термин 'нация' означает людей, отличных от других. Конституция, декларируя уже сделанные соглашения, а также те, которые предстояло сделать, должна была быть высшим правом страны, приняла и санкционировала предыдущие соглашения с индейскими нациями, и, следовательно, допускала их в разряд субъектов, способных к заключению соглашений. Слова 'соглашение' и 'нация' - это слова нашего собственного языка, отобранные на наших дипломатических и законодательных слушаниях. И каждое имеет определенное и хорошо понятное значение. Мы применили их к индейцам, как мы применили их к другим нациям земли. Они применяются ко всем в том же самом смысле. "*

В другом решении Верховного Суда мы находим еще больший акцент на индейское право на проживание, заявляя его как право, соблюдение которого было предусмотрено в соглашениях между Соединенными Штатами и другими странами.

"Когда Соединенные Штаты получили и овладели Флоридой, соглашения, которые были сделаны с индейскими племенами перед приобретением территории Испанией и Великобританией, оставались в силе по всей уступленной территории, как закон, который регулировал отношения со всеми индейцами как представляемой стороной, и привязывал их к Соединенным Штатам обязательством, что они, в соответствии с луизианским соглашением, приняли его как высший закон страны.

"Соглашения с Испанией и Англией перед приобретением Флориды Соединенными Штатами, которые гарантировали индейцам Семинолам их земли согласно праву на собственность, которым они наделили индейцев, были приняты Соединенными Штатами. И США, таким образом, стали защитниками всех прав, которыми они (индейцы) ранее обладали, или могли обладать, находясь под Великобританией или Испанией, как люди или нации, в соответствии с любыми соглашениями в которых Соединенные Штаты стали стороной в 1803 году. * * *

"Индейское право на земли как на собственность не означало просто "владение"; его отчуждение было сопутствующим обстоятельством; оба права (на владение и отчуждение) одинаково обеспечивались, защищались и гарантировались Великобританией и Испанией, подвергаясь ратификации и подтверждению лицензией, уставом, или делом от правительства, представляющего короля." * * *

Законы заставляли, когда индейцы продавали свои земли, чтобы договора подавались губернатору для подтверждения. Продажи, проводимые индейцами, передавали права, которым они обладали; ратификация продажи губернатором должна была быть расценена как отказ Короны от прав владения и передача их покупателю, и не известно ни одного случая об отказе а разрешении продать, или об отклонении индейской продажи *

"Для земель в пределах индейских охотничьих угодий были подписаны колониальные хартии большей частью отдельных грантов проприетарных и королевских правительств, и еще большая часть Штатов Союза после Революции. Северная Каролина и Вирджиния в значительной степени платили такими грантами их чиновникам и солдатам, и погашали долги армии подобными средствами. Это был один из крупных ресурсов, которые выдержали войну, причем не только для тех штатов, но и для других государств. Окончательная плата, выплата которой требовалась согласно "права на проживание", была положена на Корону еще до Революции, и позже - в Штатах. Так что право на проживание было защищено политической властью, и уважалось

судами до того момента, пока оно не аннулировалось." * * * "Таким образом, в этом вопросе Верховный Суд и Государственные суды придерживались единого мнения. "*

Президент Адамс в своем сообщении за 1828 год так описывает политику Соединенных Штатов в отношении индейцев в то время:

"При учреждении Федерального правительства был принят принцип рассматриваться их как иностранные и независимые силы, и также - как владельцев земли. Относясь к ним как к независимым силам - мы проводили с ними переговоры в соответствии с соглашениями; как к владельцам - мы купили у них всю землю, которую мы смогли убедить их продать; как к братьям человеческого рода, грубым и неосведомленным - мы пытались вить им знание религии и письменность."

Кент говорит: "Европейские страны, которые, соответственно, установили колонии в Америке, предполагали, что они сами были окончательным доминионом, и требовали исключительного права предоставлять право на землю, которое оспаривалось только индейским правом на проживание. Уроженцы этой земли, как допускалось, были законными жителями с юридическими и правомочными притязаниями на сохранение своей собственности, и ее использование по собственному усмотрению, хотя они не могли избавиться от этой земли по их собственному желанию. Только правительство давало право на отчуждение земли." * * * "Соединенные Штаты приняли этот же принцип; и их исключительные права в судебном порядке никогда не оспаривались - право на аннулирование прав индейцев на собственность земли путем покупки или завоевания, право предоставление земли во владение, право применять такую степень власти, как этого требовали обстоятельства."

Кент также говорит после предоставления решения Верховного Суда в случае разбирательства Johnson против M'Intosh: "Тот же самый суд с тех пор неоднократно призывался, чтобы обсудить и решить важные вопросы относительно прав и титулов индейцев, и этот предмет в последнее время стал чрезвычайно серьезным и важным, затрагивая веру и характер, если не само спокойствие и безопасность, правительства Соединенных Штатов."

В "Институтах Международного права" Гарднера подводится итог соответствующих прав на землю у индейцев и белых: "В нашем Союзе у аборигенов было только собственническое право, и в первоначальных тринадцати штатах каждому принадлежал участок, и плата с него, согласно индейскому праву - в соответствующих пределах всех земель; а вне Штатов с остаточных нераспределенных земель плата вносилась Соединенным Штатам, согласно индейского права на собственность - до пределов всей страны."

Доктор Уокер, в его публикации "Американский закон," делает еще более краткое резюме: "Американская доктрина на предмет индейских прав на владение, если кратко: Индейцы не обложены никакой платой за земли, которые они занимают. Эта плата находится в правительстве. Они не обладают правом отчуждения собственных земель ни другим странам, ни другим людям. Исключительное право на отчуждение принадлежит правительству. Все же они имеют подтвержденное право на проживание, которое может быть аннулировано только по соглашению, и по справедливой компенсации; до которой они наделяются правом быть защищенными в их владении."

"Обзор Абботта" - одна из последних инстанций, повторяет тот же самый принцип: "Право на проживание было признано многими способами: среди прочих - многими решениями судов и мнениями генеральных прокуроров."

Таким образом было установлено устанавливаемый, что "право индейца на проживание" на его землях было правом, признанным всеми Великими державами, открывшими этот континент, и принято ими как право, которое необходимо аннулировать или покупкой, или завоеванием. И что Соединенные Штаты, как страна, также с самого начала признали, приняли, и действовали согласно этой теории. Мы только можем спросить вели ли Соединенные Штаты дела с индейцами честно или бесчестно, в этом вопросе их признанного "права на проживание."

В отношении действий отдельных людей редко есть много поводов для обсуждения благородные ли они, или бесчестные - стандарт чести в поведении людей, среди цивилизованных, однородных людей - понятен и неоспорим. Кража, например, повсюду считается постыдной, а также - нецелесообразной; ложь - также, во всех ее формах; нарушение обещаний и злоупотребление доверием презирается даже среди самых необразованных людей. Но когда дело доходит до обсуждения действий стран, то здесь концепции менее четкие, здесь меньше единых стандартов что есть правильно, и что - неправильно, что есть честь, и что есть позор. Поэтому, при обвинении правительства или нации в постыдном поведении, необходимо показать, что их моральный стандарт никоим образом не должен отличаться от морального стандарта отдельного человека; то, что является трусливым **и** жестоким в человеке, является же трусливым и жестоким в правительстве или нации. Чтобы это сделать, необходимо только изучить историю принятого "Международного права" со дней Императора Юстиниана и до сих пор.

Римские юрисконсульты использовали как синонимичные, говорит Витон, "эти два выражения - 'право народов' ('jus gentium'), свод законов, который можно найти у всех известных наций земли, и 'естественное право' ('jus naturale'), основанное на общей природе человечества. Однако, из этих двух форм одной и той же идеи, первую нужно рассмотреть как преобладающую, поскольку оно так же как и 'гражданское право' ('jus civile') было положительным законом, происхождение и развитие которого должно быть разыскано в истории."

Для стран, являющихся просто, как Ваттель их определяет, "обществами объединенных вместе людей", ясно что, если есть такая вещь как "закон природы," которому люди обязаны повиноваться, то этот же закон также обязателен для "обществ", созданных из отдельных людей, таким образом "объединенных."

Гоббс делит естественное право на право человека и право государств, говоря, что "принципы каждого из этих законов - одинаковые. Но поскольку государства, когда-то установленные, принимают право на личную собственность, то, что называют "естественным правом", когда мы говорим об обязанностях людей, называется теперь "международным правом", когда оно применяется ко всем странам или государствам." Император Юстиниан сказал: "Международное право характерно для всего человеческого рода."

Гротиус определяет различия между естественным правом и международным правом так: "Когда несколько человек в разное время и в разных местах бесспорную придерживаются тех же самых вещей, то такое совпадение чувств должно быть приписано некоей общей причине. Теперь, в вопросах перед нами, эта причина обязательно должна быть одной из этих двух - или

это есть справедливое последствие, определенное естественными принципами, или это - универсальное согласие. Первое обнаруживает нам естественное право, второе - международное право."

Веттель определяет "необходимое международное право" как "применение естественного права к странам." Он говорит: "Это необходимо, потому что страны абсолютно обязаны его соблюдать. Этот закон содержит предписания, предписанные естественным правом всем государствам, этот закон не менее обязателен для них, чем - для людей, так как государства составляются из людей, их резолюции принимаются людьми, а международное право подводит всех людей, независимо от их отношений, под действие этого закона. Это - закон, который Гротиус, и те, кто ему следует, называют "внутренним международным правом" из-за того, что оно обязательно для стран во всем, что касается совести."

Веттель повторяет: "Страны составляются из людей, по природе - свободных и независимых, которые перед учреждением гражданских обществ жили вместе в естественном состоянии. Страны или суверенные государства нужно рассматривать как множества свободных людей, живущих вместе в естественном состоянии."

И снова: "Так как люди по природе - равны, и идеальное равенство преобладает в их правах и обязательствах, так как они имеют одинаковую природу происхождения, то и страны, составленные из людей, и рассматриваемые как множества отдельных свободных людей, живущих вместе в естественном состоянии, и между собой естественно равны, и наследуют от природы те же самые обязательства и права. Сила или слабость в этом отношении не производят различия. Карлик такой же человек, как и гигант; небольшая республика - в не меньшей степени суверенное государство, чем самое сильное королевство."

В этих двух последних предложениях затрагивается лейтмотив истинного международного права, так же, как и истинного закона для людей - закона правосудия. Среди некоторых из более поздних авторов в юриспруденции есть определенная мода снисходительной речи в цитировании Ваттеля. С течением лет, в то время как государства стали более сильными, и их отношения из-за эгоизма и богатства - более сложными, всё меньше и меньше говорится о естественном праве как о составляющей и неизменной части международного права. Была предпринята прекрасная тонкость определений и ограничений. Сотни страниц полны очевидно изученных по жизненному опыту дискриминаций между частями того закона, которые основаны на естественном праве, и теми частями, которые основаны на согласии и методах использования стран. Но эти две части не могут быть отделены. Никакое количество законности во фразе не может покончить с неотделимой правдой, лежащей в основе ее. Витон и президент Вулси сегодня говорят, в действительности, то же, что Гротиус сказал в 1615, и Веттель - в 1758.

Витон говорит: "Международное право, столь же понятное среди цивилизованных стран, может быть определено как состоящее из тех правил поведения, которое рассудок выводит как согласные правосудию от природы общества, существующего среди независимых стран."

Президент Вулси говорит: "Международное право, в широком и абстрактном смысле, охватило бы те правила общения между странами, которые выводятся из их прав и моральных требований; или, другими словами, это - выражение правовых и моральных отношений государств друг другу.

"Если бы международное право не было бы составлено из правил, для которых причинами могут быть приведены удовлетворение интеллектуального и морального характера человека, если бы

международное право не было бы основано на принципах права, то оно было бы даже меньшей наукой, чем кодекс, который управляет действиями вежливого общества."

Поэтому очевидно, что одно основное право, которое "международное право" и выражает, и охраняет - это право каждой страны на справедливое отношение к ней других стран, право даже самой маленькой республики одинаково праву "самого сильного королевства." Так же, как и одно основное право, для которого гражданское право - выражение и защита, это право каждого человека на справедливое обращение от любого человека: право, неоспоримое, неотделимое, никаким образом не уменьшенное слабостью и не усиленное силой - это право столь же величественно в человеке-"карлике", как и в "гиганте."

По правосудию Вэттель говорит: "Правосудие - это основа всего общества, верная порука всей торговли. * * *

"Все страны действуют в соответствии со строгим обязательством проявлять друг к другу правосудие, скрупулёзно и тщательно его соблюдать и воздерживаться от чего-либо, что может его нарушить. * * *

"Право на отказ подчиниться несправедливости, право на сопротивления несправедливости силой в случае необходимости, является частью естественного права, и, как таковое, признанно международным правом.

"Напрасно бы Природа давала нам право отказа от подчинения несправедливости, напрасно бы она обязывала других быть справедливыми в их деловых отношениях с нами, если бы мы не могли бы законно использовать силу, когда они отказывались исполнить эту обязанность. Справедливость была бы во власти жадности и несправедливости, и все права скоро стали бы бесполезными. От предшествующего права возникают, как два различных подразделения, во-первых - право на справедливую защиту, которое принадлежит каждой стране, или право на ведение войны против того, кто нападает на страну или на ее права; и это - основа защитной войны. Во-вторых - право получить правосудие силой, если мы не можем получить его иначе, или преследовать наше право силой оружия. Это - основа наступательной войны."

Справедливость обещается людьми друг другу посредством обещаний или контрактов; то, что между людьми - обещания и контракты, между странами - соглашения.

Президент Вулси говорит: "Контракт - один из самых высоких актов человеческого свободного выбора: это - желание, связывающее себя в отношении будущего, и сдающее право изменить определенное выраженное намерение так, чтобы действовать иначе было и нравственным, и правовым образом несправедливо.

"Национальные контракты являются еще более торжественными и священными, чем частные - из-за вовлеченного большого интереса; из преднамеренности, с которой принимаются обязательства; из постоянства и общности обязательств, измеряемых жизнью нации, включая тысячи отдельных случаев; и у каждой нации есть призвание перед Богом - быть учителями права всему - в пределах и за пределами ее границ."

Веттель говорит: "В естественном праве, это - улаженный вопрос, что тот, кто дал обещание любому, тот присудил ему реальное право потребовать обещанную вещь; и, следовательно, что нарушение обещания - это нарушение права другого человека, и такой же очевидный акт несправедливости, как грабеж - отъем у человека его собственности. * * *

"Между человечеством больше не было бы никакой безопасности, никакой торговли, если бы люди не думали о непосредственной обязанности оставаться друг другу верными, и выполнять их обещания."

Очевидно, что весь вес признанного и принятого международного права бросается на весы правосудия между страной и страной, и является признанным и принятым стандартом обязательств, вовлеченных во взаимоотношения между одной и другой нацией.

Потому мы должны искать среди принятых деклараций международного права справедливые и неопровержимые меры преодоления позорных национальных соглашений, преодоления зла тех стран, которые смеют делать это.

Мы вернемся к самым ранним дням мира, и не найдем там инакомыслия, кроме приговора к позору таких действий. Ливи говорит относительно лиг: "Лиги - это такие соглашения, которые делаются советом высшей власти. Поэтому страны навергают на себя гнев Бога, если они нарушают лиги."

Гротиус открывает главу "Замечание" в заключении третьей книги его известных "Прав войны и мира" следующим образом: "Поскольку на вере", - говорит Цицерон, - "держится не только Содружество наций, но и великое общество стран поддерживается." "Отберите эту веру", - говорит Аристотель, - "и вся человеческая торговля потерпит крах". Поэтому, это отвратительно - предавать веру, от которой зависит очень много жизней. "Это", - говорит Сенека, - "лучшее украшение с помощью которого Бог украсил рациональную душу; самая сильная опора человеческого общества, которая тем более должна быть нерушима сохранена верховными принцами, поскольку они могут грешить с большим "правом на грех" и с большей безнаказанностью, чем другие люди. Уберите веру - и люди станут более жестокими и свирепыми, чем дикие животные, гнева которых действительно ужасно боятся все люди. Правосудие во всех его других частях имеет что-то неясное; но это в том, что затрагивает нашу веру - оно ясно и очевидно; да, и люди поддерживают свою веру до самого конца - веру в то, что на переговорах все сомнения уйдут. Насколько же больше это касается королей - сохранять их веру ненарушенной - ради совести и их чести и репутации - в чем и состоит власть королевства.'"

Веттель говорит: "Соглашения - не лучше, чем пустые слова, если страны не рассматривают их как уважаемые обязательства, как правила, которые должны нерушимо соблюдаться суверенами, и считаться священными повсюду на земле.

"Вера в соглашениях - это устойчивая и искренняя резолюция, это постоянство и уверенность в выполнении наших обязательств, которые мы обязываемся выполнить в соглашении - должна поэтому считаться священной и неприкосновенной между всеми странами земли, безопасность и покой которых она обеспечивает; и если человечество не преднамеренно нарушает взятые на себя обязанности, то позор должен быть участью того, кто нарушает его веру. * * *

"Тот, кто нарушает соглашения, нарушает в то же самое время международное право, поскольку он игнорирует веру соглашений - ту веру, которую международное право объявляет священной; и, насколько это от него зависит - он делает ее тщетной и неэффективной. Вдвойне виновный, он причиняет вред своему союзнику, причиняет вред всем странам, и причиняет вред всему великому обществу человечества. * * *

"От соблюдения и выполнения соглашений," - сказал почтенный суверен, - "зависит вся безопасность, которую принцы и государства имеют друг относительно друга -потому, что нет никакой уверенности в будущих соглашениях, если текущие не соблюдаются."

Иногда те, кто пытаются защищать, или, по крайней мере, смягчить многократное нарушение правительством Соединенных Штатов его соглашений с индейцами, говорят, что никакой Конгресс не может быть ответственным за акты прошлых Конгрессов, как не может связывать обязательствами будущие Конгрессы; или, другими словами, что каждый Конгресс, если он этого захочет, может уничтожить все, что было сделано предыдущими Конгрессами. Однако, хотя это может быть верно в отношении некоторых законодательных актов, это однозначно не применимо к соглашениям, согласно принципам международного права.

По этому вопросу Веттель говорит: "Поскольку общественные соглашения, даже "личного характера", заключенные королем, или другим сувереном, который наделяется достаточной мощью, являются соглашениями относительно государства, и являются обязательными для всей страны, реальные соглашения, которые были предназначены, чтобы существовать независимо от человека, который их заключил, несомненно действуют и для преемников того, кто их заключил; и обязательства, которые такие соглашения налагают на государство, переходят последовательно всем его правителям, как только они принимают орган государственной власти. То же самое касается прав, приобретенных теми соглашениями. Они приобретаются государством, и последовательно переходят всем преемникам."

Фон Мартенс говорит: "Так называемые 'соглашения' являются или личными, или реальными. Они являются личными, когда продолжение силы их действия зависит от человека, суверена или его семьи, с которым они были заключены. Они реальны, когда их продолжительность зависит от государства - независимо от конкретного человека, который заключает контракт. Следовательно, все соглашения между республиками должны быть реальными. Все соглашения, сделанные на какое-то определенное время, или навсегда - реальны. * * *

"Это подразделение имеет самое большое значение, потому что реальные соглашения никогда не прекращают быть обязательными, кроме как в случаях, когда ВСЕ соглашения становятся недействительными. Каждый преемник власти, каким бы титулом он не обладал, обязан их соблюдать и без того, чтобы они были возобновлены при его вступлении во власть."

Витон говорит: "Они (соглашения) продолжают связывать государство, независимо от прошедших изменений в его внутренней конституции, или в составе его правителей. Государство продолжает быть тем же самым, несмотря на такое изменение, и, следовательно, соглашение, касающееся национальных объектов, остается в силе, пока страна существует как независимое государство."

Нет никакого разногласия среди властей по этому вопросу. Также некоторые, стремящиеся защитить или смягчить непрерывные нарушения правительством Соединенных Штатов его соглашений с индейцами говорят, что такова практика всех стран, была и есть по сей день - аннулировать соглашение всякий раз, когда у государства есть серьезное основание для того, чтобы это сделать. Это верно; но соглашения разрешаются одним из двух способов 1) или взаимным и мирным соглашением между сторонами, которые его заключили (это соглашение рассматривается как действующее, пока не было дано согласие обеих сторон на его отмену);2) признанием со стороны одной страны своего намерения больше не соблюдать это соглашение,

и принять, поэтому, возможность вероятности объявления войны в свой адрес. Ни одно из этих направлений не преследовалось правительством Соединенных Штатов при его разрывах соглашений с индейцами.

Веттель говорит об отмене соглашений: "Соглашения могут быть расторгнуты взаимным согласием при свободном выборе сторон, заключавших контракт."

Гротиус говорит: "Если любая сторона нарушает Лигу, другая сторона освобождается от обязанностей; потому что каждая Статья Лиги имеет форму и достоинство отдельного состояния."

Кент говорит: "Нарушение любой статьи соглашения - это нарушение всего соглашения. * * *

"Это - принцип универсальной юриспруденции, что соглашение не может быть отменено только одной стороной, если другая сторона не соглашается его отменять, и не совершает поступка, чтобы его можно было расторгнуть. * * *

"Возобновить войну нарушением статей мира считается намного более одиозным, чем вызвать войну некоторыми новыми требованиями или агрессией; поскольку в последнем случае - это просто несправедливость, а в первом случае сторона виновна и в вероломстве, и в несправедливости."

Также, с не имеющей ответа бесполезностью, теми, кто стремится защитить или смягчить непрерывное нарушение правительством Соединенных Штатов его соглашений с индейцами говорится, что это было, во-первых, абсурдно - вообще заключать с ними соглашения и рассматривать их в любом смысле как стороны или нации, имеющие полномочия и способные заключать соглашения. Логика этого утверждения, сделанного в оправдание нарушения нескольких сотен договоров, заключенных в разное время в течение последней сотни лет, и нарушаемых сразу же после их заключения, кажется почти равной той из знаменитого случая защиты, когда чайник, который брали в аренду, был сломан, когда его возвращали - был цел, а по факту - вообще никогда не заимствовался. Это была бы трата слов - рассуждать с людьми, которые могут видеть в этом положении любую возможность защиты правительства Соединенных Штатов против обвинений в вероломстве в его отношениях в соглашениях с индейцами.

Несомненно, является истиной то, что индейцы, помещенные в социальном смысле в аномальное положение "племен", "внутренних зависимых наций," и, как люди - в еще более аномальное положение взрослых "опекаемых", по закону не обладали полномочиями заключать соглашения. Наше право ставить их или рассматривать их в этих ненормальных положениях, можно было бы успешно оспорить; но они, беспомощные, приняв такие свои положения, действительно теряли свое право, чтобы к ним относились как к нациям. Однако, как только было установлено наше правительство, оно продолжало относиться к ними как к нациям по имени и обозначению, и с точно такими же формами и ратификациями, которые оно использовало при взаимодействии с другими странами; и оно продолжало относиться к ним как к странам по имени и обозначению - со все время увеличивающейся торжественностью, заявляя добрые намерения и добросовестность, в течение почти столетия. Грабежи и жестокость, которые делались под прикрытием этой сотни лет заключения и нарушения соглашений, нельзя даже описать. У них не осталось ни гор, ни пустынь.

В 1871 Конгресс, или от стыда создания соглашений только затем, чтобы их нарушать, или просто экономящий время, деньги и бумагу, которую он тратил впустую, принял закон, что никакое индейское племя нельзя после этого рассматривать как иностранное государство, с которым Соединенные Штаты могли заключать соответствующие соглашения. Кажется, что тогда в умах людей, которые принимали этот закон, действительно была затуманенная уверенность по поводу некоторых обязательств, которые возникали в этих соглашениях; поскольку они добавили к акту условие, что он не должен быть рассмотрен как лишающий законной силы любые соглашения, уже сделанные. Но это чувство долга, должно быть, было столь же недолгим как и темным, и, возможно, не имело в себе никакого элемента ощущения вины или позора, так как эти люди немедленно продолжали невозмутимо заключать еще большее количество соглашений с индейцами, и нарушать их; например, так называемое "Brunot Treaty" с индейцами Юта в Колорадо, и одно с индейцами Кроу в Монтане - оба сделаны летом 1873. Их называли в то время "конвенциями" или "договорами", а не "соглашениями." Но ведь разница-то - только в названии.

В этих соглашениях были указаны оплаты сумм денег, сдача и захват земли, обеими сторонами; они должны были быть ратифицированы Конгрессом перед вступлением в силу; и они понимались индейцами как соглашения, обязанные к выполнению. Тот факт, что ни у одного человека чувство справедливости открыто не восстало против таких "отговорок" под именем "соглашений" объясняется только деградацией чувства собственного достоинства в стране. В дни Гротиуса существовали люди, которые не видели позора в уловке, если они из этого извлекали прибыль, и о таких он написал слова, правда которых могла бы сегодня их ужалить, как, без сомнения, она ужалила их тогда:

"Принимая во внимание то, что есть многие, которые думают, что излишне требовать правосудия от свободных людей или их губернаторов (которое они ежедневно навязывают обычным людям), причина этой ошибки состоит в том, что эти люди в законе не уважают ничего, кроме прибыли, которую можно извлечь из чего-то. Это особенно видно в случае людей, которые разбираются со всем в одиночку и неспособны защитить себя. Но в больших городах, у которых, кажется, внутри себя есть все необходимое для их собственного благосостояния, явно не кажется, что у них есть любая потребность в этом положительном качестве, называемом правосудием, которое уважает незнакомцев."

Эти цитаты не подвергающихся сомнению авторитетов международного права доказывают, что мы можем держать страны в стандартах правосудия и добросовестности, как мы держим людей; что стандарты - одинаковые в обеих случаях; и что страна, которая крадет, лжет и нарушает обещания, больше не будут уважаемой или не будет более безнаказанной, чем отдельный человек, который крадет, лжет и не выполняет обещания. Можно зайти даже дальше, и показать, что со страной, обычно виновной в таком поведении, могли бы должным образом поступить и другие страны, которые прямо не пострадали из-за ее недобросовестности - поскольку все страны страдают тогда, когда нарушаются интересы человеческого общества.

"Интерес человеческого общества," - говорит Веттель, - "уполномочил бы все другие страны сформировать конфедерацию, чтобы унизить и отчитать преступника." * * * Когда страна "не расценивает никакое право, как священное, безопасность всего человеческого рода требует, чтобы она была подавлена. Формирование и поддерживание несправедливой претензии вредит

не только стороне, интересы которой затрагиваются этой претензией; такая страна презирает правосудие вообще и вредит всем странам."

История многократных нарушений правительством Соединенных Штатов веры индейцев в их слово, таким образом осуждает нас как страну, которая не только нарушила принципы правосудия, являющиеся основой международного права, что открыло нас к обвинениям в жестокости и в вероломстве, она сделала нас открытыми ко всем наказаниям, которые следуют за такими грехами - к произвольному наказанию от руки любой цивилизованной страны, которая могла бы счесть целесообразным вызвать нас к ответу, и к тому более определенному естественному наказанию, которое, рано или поздно, обязательно прибывает из злодеяний - как урожай всходит из посеянного семени.

Чтобы доказать все это, необходимо просто изучить историю любого из индейских племен. Я предлагаю в следующих главах просто эскизный набросок в общих чертах истории нескольких из них, не вдаваясь в большие подробности, чем это необходимо, чтобы показать постоянно нарушаемое правительством Соединенных Штатов доверие индейцев. Полная история злодеяний, которые они перенесли от рук властей - военных и гражданских - а также от граждан этой страны, потребовала бы многие годы для описания, и многие тома для удержания.

Есть всего лишь одна надежда на исправление этой несправедливости. Она находится в обращении к сердцу и совести американского народа. Конгресс сделает то, чего требуют люди. К нашему позору, это было требование части людей к правительству - совершать все злодеяния, нарушать соглашения, грабить.

Пока на нашей земле есть хоть одна квадратная миля земли, занятая слабым и беспомощным владельцем, будет существовать сильный и недобросовестный житель, готовый захватить ее, и слабый и недобросовестный политический деятель, который может за голоса или за деньги его поддержать.

Единственная вещь, которая может остановить это - это могущественное откровенное чувство и целенаправленность большого количества людей. Правильное чувство и правильная цель у некоторых отдельных сенаторов и у некоторых отдельных представителей власти - это немного больше, чем соломка, которая создает сиюминутные водовороты, но не затрудняет течение самого потока. Прецеденты беспрепятственного и выгодного грабежа на протяжении столетия сформировали целый Гибралтар защиты и убежища тем, кто заботится только о безопасности и о выгоде. То, что такие прецеденты должны быть проведены в жизнь, и открыто общепризнаны как стандарты, является только еще одним позором, добавленным к списку. Если бы такая логика использовалась в случае отдельного человека, то все люди быстро увидели бы ее чудовищность. Предположите, что у человека произошла неудача родиться в семье, имя которой было осквернено поколениями преступников: что его отец, его дедушка, и его прадед перед ним жили в тюрьмах, и умерли на лесоповала. Должен ли этот человек говорить себе в душе: "Да пропади оно пропадом! К чему это все? Я также буду грабить и убивать, и получу от этого такую же выгоду, как до этого делала моя семья." Или же он скажет в душе: "Господи, помоги мне! Я сделаю все, что в силах одного человека, и одного поколения, чтобы искупить зло, и сделать чистым имя моего опозоренного дома!"

Какая возможность есть для Конгресса 1880 года - покрыть себя блеском славы и сократить наш национальный отчет жестокости и лжесвидетельств, сделать первый шаг, чтобы попытаться искупить опороченное имя Соединенных Штатов от окраски столетия позора!

ГЛАВА II

Индейцы Delaware.

Когда Хендрик Хадсон поставил свое судно Half Moon на якорь около острова Нью-Йорк в 1609, индейцы делаверов толпой стояли на берегу, встречая его и восклицая, в своей невиновности: "Посмотрите! Боги навестили нас!"

Более ста лет спустя традиции этого случая были все еще актуальны в племени. Старый моравский миссионер, Хекьюелдер, написал в 1818 году:

"Я когда-то в апреле 1787, был удивлен, когда услышал одного из их ораторов, великого вождя делаверов по имени Pachgantschilias. Он как раз говорил на эту тему, резюмируя наиболее экстраординарные события, произошедшие прежде. Он сделал вывод следующими словами: 'Я признаю, что есть хорошие белые, но их количество ничтожно мало, по сравнению с плохими; плохие, должно быть - самые сильные, поскольку они правят. Они делают то, что им хочется. Они порабощают тех, кожа которых не такого цвета, как у них, хотя эти люди созданы тем же Великим Духом, который создал и их. Они бы сделали из нас рабов, если бы могли; но поскольку они не могут этого сделать, они убивают нас. Никакой веры нельзя помесить в их слова. Они не похожи на тех индейцев, которые являются врагами только в состоянии войны, и друзьями - во время мира. Они скажут индейцу: "Мой друг! Мой брат!", - они возьмут его за руку, и, одновременно, уничтожат его. И, таким образом, вас' - (он обращался к христианизированным индейцам в Gnadenhütten, Пенсильвания) - 'вас ждет та же судьба в ближайшее время. Запомните, что в этот день я попросил Вас остерегаться таких друзей, как они. Я знаю Длинных ножей. Им нельзя доверять. '"

Настоящее имя делаверов было Lenni Lenape, или "оригинальные люди." Западные племена назвали их также Wapenachki: "люди на восходе солнца. " Когда им белыми было дано имя "Delawares", они сначала негодовали на это; но когда им сказали, что их, а также одну из их рек, назвали в честь великого английского храброго лорда De la Warre, они были очень рады, и охотно приняли это имя. Их земли простирались от реки Гудзон до Потомака. Они были высококультурные, энергичные, добрые люди; находились под сильным контролем высокомерных и всесильных ирокезов, которые обманули их и дали им постыдное название "женщины", вынуждая вести войну или же покинуть свои земли для удовольствии победителей.

Во время гуманного управления Уильямом Пенном делами Пенсильвании, делаверы были его самыми преданными друзьями. Они назвали его Mignon, или "Старший Брат".

"Со времени его первого прибытия в их страну," - говорит Хекьюелдер, - "между ними сформировалась дружба, которая должна была длиться до тех пор, пока светит солнце светить и реки наполнены водой. Эта дружба несомненно продолжилась бы до конца времен, если бы их хороший брат всегда оставался среди них."

Во время войны французов и индейцев в 1755 году, многие из них боролись на стороне французов против англичан; но в начале нашей войны за независимость, большинство их примкнуло к англичанам против нас.

Большинство незабываемых случаев индейской резни, которая произошла во время этого периода, было результатом или французского, или английского влияния. Никакая страна не была достаточно благородной, чтобы презирать помощь диких союзников, готовых делать кровавые

дела, которые она сама не посмела бы делать, рискуя национальной репутацией, если бы делала это сама. Этот факт сильно упускается в обычных оценках варварской свирепости индейского характера, потому что первое соглашение Соединенных Штатов с делаверами было сделано в 1778 в форте Pitt. Сторонами соглашения были "Соединенные Штаты" и "Нация Делаверов". Соглашение предусматривает, что должен быть мир, и что войска Соединенных Штатов могут пройти "через земли Делавэрской Нации" после оплаты полной стоимости любых продуктов, которые они могут использовать. Далее говорится, что "принимая во внимание, что враги Соединенных Штатов пытались всякими уловками утвердить в индейцах мнение, что наш замысел - искоренить их и овладеть их землями - чтобы устранить такие ложные предположения, Соединенные Штаты гарантируют нации делаверов и их наследникам все их территориальные права самым полным и самодостаточным образом, как это ограничено бывшими соглашениями."

Соглашение также обеспечивает, что "если в будущем будет признано способствующим взаимному интересу обеих сторон пригласить любые другие племена, которые были друзьями интересам Соединенных Штатов, присоединиться к существующей конфедерации и сформировать отдельный штат, нация делаверов будет его авангардом. Это будет сделано и делаверы будут наделены правом послать своего представителя в Конгресс" *

* См. Приложения X.

Излишне говорить, что эти условия никогда не выполнялись, как и показано той ранней резней

Делаверы согласились послать всех воинов, которых они могли нам дать, чтобы бороться за нас - и что должен быть мир и бесконечная дружба.

В то же время, остальная часть племен, населяющих Огайо, большинство нью-йоркских племен и значительная часть самих делаверов воевали на британской стороне. Когда война Революции была завершена, они все были вынуждены заключить мир с нами на лучших условиях, как они могли; и в нашем первом соглашении мы предусмотрели восстановление в Делавэрской Стране руководителей и глав, которые заключали тот старый союз с нами. Они потеряли часть касты их племени, которая боролась на нашей стороне.

"Принимается," - говорит заключительная статья соглашения, - "что руководители Делавэров - Kelelamand (или Лейтенант-полковник Генри), Henque Pushees (или Большая Кошка) и Wicocalind (или "Капитан Белые Глаза"), которые подняли топор за Соединенные Штаты, и их семьи, должны быть приняты в нацию Делавэров на те же условия и с теми же правами, которые были у них перед войной, и обладать своими должными частями земель, данных нациям Виандот и Делавэр в этом соглашении, в той полноте, как будто они не принимали сторону Америки, или - как любой другой человек в упомянутых нациях."

Этот "Капитан Белые Глаза" поддерживал наши идеи несмотря на большое сопротивление со стороны враждебной части племени. Когда-то ему угрожала насильственная смерть, если он сказал бы хоть одно слово в пользу американцев; но энергичными речами он поддерживал энтузиазм соотечественников на своей стороне, и наконец перевел их на сторону Соединенных Штатов. Некоторые из его речей записаны и достойны воспоминания:

"Если вы примете участие в этой войне," - сказал он им когда-то, когда его племя было склонно присоединиться к британцам, - "то вы не пойдете без меня. Я принял мирные меры, это верно,

для спасения моего племени от разрушения; но если вы думаете, что я заблуждаюсь, если вы оказываете больше доверия беглым бродягам, чем вашему собственному другу - человеку, воину, делавэру - если вы настаиваете на том, чтобы бороться с американцами - то так и делайте! И я пойду с вами. И я не буду идти как охотник на медведя, который натравливает своих собак на животного, чтобы оно рвало их своими лапами, в то время как он сам держится на безопасном расстоянии. Нет! Я поведу вас! Я займу место во фронте - и я паду вместе с первым из вас! Вы можете поступить так, как хотите, но что касается меня, то я не хочу пережить свою нацию. Я не буду жить и сожалеть о жалкому уничтожении храбрых людей, которые заслужили, как вы, лучшей судьбы."

Много подобных речей были сказаны командующими их войскам в те революционные дни, с которыми эти слова не могут успешно сравниться?

Это соглашение, в соответствии с которым наш преданный союзник, Викокэлинд, был восстановлен в праве своего племени, было сделано в форте M'Intosh в 1785 году. Виандоты, чиппевы и оттавы, так же как и делаверы участвовали в этом. Они признали себя и все их племена находящимися "под защитой Соединенных Штатов, и никакого другого суверена." Правительство Соединенных Штатов зарезервировало "пост Детройт" и отдаленный район вокруг нее; также - пост Michilimackinac с окрестностями площадью 12 миль, и некоторые другие посты для торговли.

Земли индейцев находились в пределах линий, частично обозначенных реками Куйяхога, Большая Майами и Огайо и их притоками; они выходили на озеро Эри; и если "любой гражданин Соединенных Штатов," или "любой другой человек, не являющийся индейцем" вдруг попытается "обосноваться на какой-либо из земель, выделенных нациям Делавэр и Виандота в этом соглашении, то" - согласно статье пятой указанного соглашения, - " индейцы могут наказать его так, как посчитают нужным."

Мичиган, Огайо, Индиана, Пенсильвания - все в значительной степени составлены из земель, которые были, в соответствии с этим первым соглашением, даны индейцам.

Пять лет спустя, в соответствии с другим соглашением, заключенным в форте Гармар, положения прошлого соглашения были повторены, границы несколько изменились и были определены более точно. Индейцам была обещана привилегия охоты на всех землях, сохраненных для Соединенных Штатов "без помех или запретов, если они будут себя мирно вести". Также упоминалось, что "ничто не может нарушить мир и гармонию, установленные теперь между Соединенными Штатами и вышеупомянутыми нациями." В одной из статей было обещано, что белые люди, совершающие преступления, или убивающие индейцев, должны быть наказаны таким же образом как и индейцы, совершающие такие преступления.

Годом прежде - это соглашение Конгресса постановило, что "сумма в 20 000$, в дополнение к уже выделенным 14 000$, будет направлена на то, чтобы оплатить расходы соглашений, которые были или будут сделаны в текущем году с несколькими индейскими племенами на Севере; и для того, чтобы аннулировать индейские права, будут потрачены указанные 20 000$ и 6000$ из упомянутых 14 000$ - деньги будут применены исключительно для цели аннулировать (выкупить) права индейцев на те земли, которые они уже уступили Соединенным Штатам. Также допускается покупка земель на суммы большие, чем установлено настоящим соглашением."

Вот один из самых ранних отчетов о принципах и методах, которыми правительство Соединенных Штатов сначала начало свои деловые отношения с индейцами. "Аннулирование требований" - это наиболее строгий юридический термин, не допускающий двойной интерпретации.

Индейцы были очень недовольны с тех пор, как были сделаны первые соглашения. Они утверждали, что эти соглашения были сделаны только некоторыми их людьми, представляющими лишь часть племени. В 1786 году они держали большой совет на берегу реки Детройт, и послали в Конгресс сообщение, выдержки из которого хорошо передадут настроение.

Они написали:" Уже прошло более трех лет, с тех пор как между Королем Великобритании и Вами был заключен мир; но мы, индейцы, были разочарованы, не найдя себя включенными в условия этого мира согласно нашим ожиданиям, поскольку мы думали, что его заключение будет способствовать дружбе между Соединенными Штатами и индейцами, и что мы могли бы наслаждаться тем счастьем, которое прежде существовало между нами и нашими Старшими Братьями. Мы получили два очень приятных сообщения из тринадцати Соединенных Штатов. Мы также получили сообщение от короля, войной которого мы были заняты. В нем он желал, чтобы мы оставались спокойными, и мы это условие выполнили. В это время спокойствия мы обдумывали лучший метод, которым можно было бы заключить длительное соглашение с Тринадцатью Соединенными Штатами. * * * Мы все еще имеем то же мнение относительно средств, которые могут способствовать нашему примирению; и мы с сожалением вынуждены признать (хотя у нас во время вышеупомянутого периода были лучшие мысли), что между нами и вами таки произошли неурядицы. Мы все еще хотим осуществить и выполнить наши запланированные договоренности, и мы кратко сообщим вам о средствах, которые кажутся наиболее вероятными для установления устойчивого и прочного мира. Первый шаг к миру, по нашему мнению - чтобы все соглашения, заключенные с Соединенными Штатами на нашей земле, были приняты общим желанием всей конфедерации, и продолжали выполняться в наиболее открытой форме обеими сторонами; и тем более, что часто предмет наших обсуждений с Вами - это земельные вопросы - вопросы наибольшей важности и касающиеся всех - то мы считаем бесспорно необходимым, чтобы любая уступка наших земель проводилась наиболее публично, с объединенным голосом конфедерации. Все частичные соглашения чтобы считались недействительными. * * * Давайте встретимся на нейтральной земле и решим все как честные люди. Мы просим вас воспрепятствовать тому, чтобы ваши инспекторы и другие люди заходили на нашу сторону реки Огайо."

Это трогательные слова, если мы вспомним, что всего только год перед этим Соединенные Штаты явно сказали этим индейцам, что если какие-либо белые граждане попытаются обосноваться на их землях, то они могут "наказывать их так, как сочтут нужным."

"Мы говорили вам и прежде - мы хотим решать все честно и справедливо, и мы уверены, что эти шаги покажутся справедливыми и разумными в глазах мира. Это - убеждение всех руководителей нашей конфедерации, собравшихся здесь, несмотря на несчастные случаи, которые произошли в наших деревнях во время советов, когда несколько невинных вождей были убиты, содействуя миру с вами, Тринадцатью Соединенными Штатами."

В следующем году президент проинструктировал губернатора территории к северо-западу от Огайо "исследовать тщательно реальный характер индейских племен" в его местности и сказал: "Соглашения, которые были сделаны, могут быть исследованы, и от них не следует отступать, если только не может быть получено изменение границ, выгодное для Соединенных Штатов." Он

говорит также: "Не пренебрегайте никакой возможностью, которая может предложить аннулирование индейских прав в местностях на запад - до Миссисипи."

На местности, находящиеся за этой рекой тогда не рассчитывала даже самая дикая жадная мечта.

Президент кроме того добавляет: "Вы можете предусмотреть, что с любым белым человеком, пересекающим упомянутые границы без лицензии от надлежащих чиновников Соединенных Штатов, можно обходиться так, как индейцы могут счесть целесообразным."

Ни разу за этот период ни в одной военной стычке индейцев на Северо-западной границе я еще не видел каких-либо ссылок на эти уже дважды предоставленные разрешения, данные Соединенными Штатами индейцам - защищать их земли так, как они считают целесообразным. Вероятно, большинство пионеров-поселенцев было столь же не осведомлено об этих условиях в индейских соглашениях, как и большинство американских граждан сегодня, которые не сознают и не ведают о том, что у индейцев есть право убивать злоумышленников на их землях.

В это же время отдельные соглашения были сделаны с шестью нациями, и губернатор говорит, что эти соглашения были сделаны ими отдельно из-за зависти и вражды, существующей между ними и Делаверами, Виандотами и т.д., которую он "не хочет уменьшать,", потому что это ослабляет их силу. "Действительно", - добавляет он откровенно, - "если бы обстоятельства этого потребовали, это было бы не очень трудно - установить между ними смертельную вражду."

Таким образом на ранних этапах нашей истории существовал изобретательный план - сперва подстрекать индейцев на войну, а затем карать их в наказание за сопротивление. Джентльменом, который впервые предложил и порекомендовал этот метод в официальных документах своей страны, является "Артур Ст Клер, губернатор территории Соединенных Штатов на северо-запад от реки Огайо, и полномочный представитель специального уполномоченного Соединенных Штатов Америки по устранению противоречий, регулированию торговли, и установки границы с индейскими нациями в Северном Отделе."

При всех этих условиях уже не вызывает удивления, что граница была сценой бесконечного разрушения и кровопролития; и что год за годом там в умах белых людей все более крепли страх и ненависть к индейцам; а в умах индейцев - все более и более сильное недоверие и ненависть к белым.

Делаверы были в начале этих смутных времен дружественными. В 1791 мы находим, что военный секретарь рекомендует специальным уполномоченным, посланным урегулировать отношения с враждебными индейскими племенами Миами и Уобаш, остановиться между у дружественных Делаверов, и взять с собой некоторых их ведущих вождей в качестве союзников. Он говорит: "Эти племена - наши друзья," - и, насколько известно, - "соглашения соблюдались ими очень хорошо."

Но в 1792 мы находим их упомянутыми уже среди враждебных племен, которым было послано сообщение от правительства Соединенных Штатов, содержащее следующие необычные параграфы:

"Братья: президент Соединенных Штатов имеет мнение, что существующая война является ошибкой, и ошибкой с вашей стороны - что вы полагаете, что Соединенные Штаты хотят лишить вас ваших земель, и переселить вас за границу. Мы уверяем вас, что это не так; напротив, мы должны быть очень удовлетворены возможностью передать вам все блага цивилизованной

жизни; научить вас как обрабатывать землю, и выращивать кукурузу; разводить волов, овец, и других домашних животных; строить удобные здания; учить ваших детей, чтобы жить на земле.

"Подумайте, по этому, о мире; призовите свои стороны, и предпишите прекращение всех дальнейших разграблений; пусть многие из основных руководителей отправятся в Филадельфию, место расположения Великого правительства, и там заключат мир, основанный на принципах справедливости и человечности. Помните, что никакие дополнительные земли не будут требоваться от Вас, или от какого-либо другого племени, кроме тех, которые уже уступлены бывшими соглашениями.

И именно в этом же году генерал Путнэм сказал им в речи на посту Винсенн: "Соединенные Штаты не хотят выселить вас с ваших земель. Они не хотят забрать ваши земли силой. Они хотят воздать вам должное." И почтенный миссионер, Хекьюелдер, приехавший из Вифлеема, Пенсильвания, чтобы попытаться помочь сотворить мир, сказал им: "Великий вождь, который говорил с вами, является хорошим человеком. Он любит вас, и будет всегда говорить вам правду. Я хочу, чтобы вы слушали его слова и делали то, что он от вас желает."

В 1793 состоялся большой совет, на который прибыли вожди и руководители делаверов и двенадцати других племен, чтобы встретить специальных уполномоченных Соединенных Штатов и одним последним усилием уладить наболевший вопрос границ. Отчеты с этого совета очень трогательны. Индейцы много раз повторяли положения старых соглашений, которые установили реку Огайо как одну из их границ. Их слова не были словами неосведомленных варваров, неуклюже и упорно придерживающийся одного пункта; это были слова здравомыслящих правителей, похожих на зрелых государственных деятелей, настаивающих на правах своих наций. С течением дней становилось все более ясно, что специальные уполномоченные Соединенных Штатов не согласятся на установление границы, за которую боролись индейцы, и речи вождей становились все более и более печальными. Наконец, в отчаянии, в качестве последней надежды, они предлагают специальным уполномоченным, чтобы все деньги, которые Соединенные Штаты предлагают заплатить им за их земли, были отданы белым поселенцам, чтобы побудить тех переехать. Они говорят:

"Деньги для нас не представляют ценности, и большинству из нас неизвестны; и поскольку вообще никакое соображение не может побудить нас продавать земли, на которых мы получаем хлеб насущный для наших женщин и детей, мы надеемся, что нам укажут на способ, которым ваши поселенцы могут быть легко убраны с наших земель, что восстановит мир.

"Мы знаем, что эти поселенцы бедны, иначе они никогда бы не рискнули жить в стране, где идет непрерывная война с тех пор, как они пересекли Огайо. Разделите, поэтому, эту крупную денежную сумму, которую вы предложили нам, среди этих людей; дайте каждому также свыше этой очень крупной денежной суммы, части той суммы, которую вы хотите нам ежегодно выплачивать, и мы убеждены, что они с большей готовностью приняли бы ее вместо земель, которые вы им продали. Если вы также добавите громадные суммы, которые вы вынуждены расходовать на создание и поддержание армий, вынуждающих нас отдать вам нашу страну, то у вас будет более чем достаточным средств для выплаты компенсаций этим поселенцам за весь их труд и улучшения.

"Вы говорили с нами о концессиях. Кажется странным, что вы ожидаете их от любого от нас, который только защищает наши справедливые права против ваших вторжений. Мы хотим мир. Верните нам нашу страну и мы больше не будем врагами.

"* * * Мы желаем, чтобы вы приняли к сведению, братья, что наше единственное требование - мирное владение небольшой частью нашей когда-то большой страны. Взгляните назад и посмотрите на земли, откуда нас выгнали к этому клочку, который мы занимаем сейчас. Мы не можем дальше отступать, потому что местность позади едва предоставит пропитание для текущего количества граждан, и мы поэтому решили оставить свои кости на этом небольшом пространстве, которым мы теперь ограничены."

Специальные уполномоченные ответили, что сделать реку Огайо границей уже невозможно; что они искренне сожалеют, что мир не может быть заключен; но, "зная прогрессивные и либеральные взгляды Соединенных Штатов," они полагают, что "беспристрастные судьи не будут приписывать продолжение войны как их вину."

Губернатору послали уведомление, что индейцы "отказались заключить мир"; и генерал Энтони Уэйн, несколько недель спустя написал военному секретарю: "безопасность западных границ, репутация легиона, достоинство и интересы страны - все запрещают отступление. Мы не откажемся ни от одного дюйма земли, которой мы теперь обладаем, пока враг не будет вынужден заключить мир."

Историю последующих кампаний можно найти во многих томах, касающихся жизни пионеров в Огайо и других северо-западных штатах. Одно письмо от генерала Уэйна военному секретарю, написанное в августе 1794, содержит параграф, который интересен в качестве иллюстрации привычек и уклада жизни людей, которых мы в это время силой оружия выгоняли из их домов - из домов, которые мы всего только несколько лет до того так торжественно им гарантировали, даже давая им разрешение наказать любых белых злоумышленников так, как они считали целесообразным. Маневром приближения к пункту Грейт Гейз через деревни Майами, генерал Уэйн застал селение индейцев врасплох, и них индейцев, предупрежденных одним бежавшим дезертиром, едва хватило времени убежать и спасти собственные жизни. То, что генерал Уэйн намеревался сделать, может быть понято по этому предложению в его письме: "У меня есть хорошие основание предполагать, что предательство этого злодея (это он о дезертире, предупредившем индейцев; прим.пер.) воспрепятствовало тому, чтобы враг получил фатальный удар в этом месте тогда, когда он наименее этого ожидал."

Однако, он утешает себя фактом, что он "завладел крупным торговым центром враждебных индейцев на Западе без потери крови. Очень обширные и чрезвычайно хорошо обработанные поля и сады показывают работу многих рук. Края тех красивых рек - Маями, Лейк, О'Глейза - кажутся одной большой деревней, простирающейся на многие мили и выше, и ниже этого места; и при этом я прежде никогда не созерцал такие огромные посевы кукурузы в любой части Америки - от Канады до Флориды."

Все эти деревни были сожжены, и все поля - разрушены; индейцев преследовали и победили в жесткой битве. Британские агенты приложили все усилия, чтобы сохранять их враждебными, и Канада не предоставила им никакой помощи. Но после зимы страданий, голода и неопределенности их целей, они наконец решили уступить неизбежности, и летом 1795 они должны были еще раз собраться на совет, с целью заключения соглашения. Представители

правительства Соединенных Штатов сказали им еще раз, что "сердце генерала Вашингтона, великого вождя Америки, ничего не желает так, как мира и братской любви;" что "таковым является правосудие и либеральность Соединенных Штатов," и что они теперь, уже в третий раз заплатят индейцам за земли; и это они "играют роль нежного отца им и их детям, обеспечивая их таким образом не только в настоящее время, но - навсегда."

Одна тысяча сто тридцать индейцев (они представляли одиннадцать племен, помимо делаверов) были сторонами были сторонами этого соглашения. В соответствии с этим соглашением почти две трети текущего штата Огайо уступили Соединенным Штатам; и, с учетом этих "уступок и отказов, и чтобы проявить либеральность Соединенных Штатов на благо мира - сильного и бесконечного," - Соединенные Штаты оставили свои притязания "на все другие индейские земли на северу от реки Огайо, на восток от Миссисипи, и на запад и на юг до Великих озер и вод их объединяющих - согласно границе, согласованной Соединенными Штатами и Королем Великобритании, в мирном договоре, заключенном между ними в 1783 году," за исключением четырех полос земли. Но индейцам было заявлено, что эти резервации были сделаны не для того, чтобы "раздражить или хотя бы в наименьшей степени ограничить их беспрепятственное использование и полное владение их землями," но чтобы просто "объединить поселения людей в Соединенных Штатах" и "чтобы это было удобным и выгодным для различных племен индейцев, проживающих и охотящихся на этих территориях."

Пятая Статья соглашения: "Чтобы предотвратить любые недоразумения по поводу того, что земли индейцев теперь перешли к Соединенными Штатами, отдельно объявляется, что значение этого перехода следующее: индейские племена, которые имеют право на те земли, могут спокойно ими наслаждаться - охотиться, сажать растения, строить и жилье и жить на этих землях без каких-либо посягательств со стороны Соединенных Штатов; но когда те племена, или любое из них, будут расположены продать свои земли, или любую их часть, то они должны быть проданы только Соединенным Штатам; и до момента такой продажи Соединенные Штаты будут защищать все упомянутые индейские племена в их праве беспрепятственного использования их земель, защищать от всех граждан Соединенных Штатов, и от всех других белых людей, которые их нарушают."

Шестая Статья повторяет старое заверение, которое, как показывают прошлые три года, было абсолютно бесполезным. "Если какой-либо гражданин Соединенных Штатов, или какой-либо другой белый человек или люди, захотят обосноваться на землях, теперь переданных Соединенным Штатам, то такой гражданин или другой человек будет вне защиты Соединенных Штатов; и индейское племя, на земле которого это происходит, может прогнать поселенца, или наказать его в такой манере, как оно считает целесообразным."

Седьмая Статья дает индейцам свободу "охотиться в пределах территории и на землях, которые они теперь уступили Соединенным Штатам без помех или посягательств, пока они ведут себя мирно."

Соединенные Штаты согласились заплатить индейцам двадцать тысячу долларов сразу и "впредь каждый год, навсегда - полезными товарами покупательной силой в девять тысяч пятьсот долларов." Был объявлен мир - "нерушимый" и "бесконечный".

Генерал Уэйн сказал индейцам, что они могут ему верить, поскольку он "публично никогда не говорил неправду;" на что один из индейцев сказал, с намного большим достоинством: "Большой Дух выше слышит нас, и я верю, что мы не будем пытаться обмануть друг друга."

В 1813, в соответствии с соглашением в Винсенне, были определены границы резервации поста Св. Винсеннеса и индейцы "как знак их расположения и присоединения к Соединенным Штатам передали Соединенным Штатам большой соляной источник на Сэлин Крик."

Меньше чем через год мы сделали с ними еще одно соглашение по аннулированию их прав на полосу земли между реками Огайо и Уобаш (которые они продали нам за десятилетнюю ренту в триста долларов, которая должна была быть "исключительно приспособлена к улучшению их состояния и введению цивилизации"); и через один год еще одно соглашение, в котором дальнейшая уступка земли была сделана за постоянную ренту в одну тысячу долларов.

В августе этого года генерал Харрисона пишет военному секретарю, что существуют большие разногласия между делаверами и майями в отношении некоторых из уступленных земель. Майями утверждают, что они никогда не соглашались их покинуть. Генерал Харрисон соблюдает жесткий нейтралитет в этом вопросе, но говорит: "Осознание ценности земли быстро распространяется среди индейцев," и переговоры впоследствии становятся намного более трудными. В ходе этого противостояния, "один из вождей сказал, что он знает, что большая часть земли стоила шести долларов за акр."

И это всего только через десять лет с тех пор, как один из вождей этих же племен сказал: "Деньги для нас не представляют ценности." Однако, они все равно очень далеко от реальной оценки ценности земли, как добавляет генерал Харрисон: "По моим лучшим подсчетам, объем уже уступленных земель составляет по крайней мере два миллиона акров, и охватывает одни из самых прекрасных земель западной части страны."

Четыре года спустя (1809) генерал Харрисон инструктируется президентом "использовать в своих интересах наиболее благоприятный момент для того, чтобы аннулировать индейское право на земли, лежащие к востоку от Уобаша, и примыкающие к югу;" и эти права были аннулированы соглашением в Форт Уэйне - было заплачено немного больше денег, и было брошено много земли.

В 1814 мы заключили соглашение простого мира и дружбы с делаверами и несколькими другими племенами: они соглашающийся искренне бороться на нашей стороне против англичан, а мы соглашаемся "подтвердить и установить все границы", как они существовали перед войной.

В 1817 считалось желательным приложить все усилия, чтобы "аннулировать право индейцев на все земли, требуемые ими в пределах штата Огайо. Были назначены два специальных уполномоченных с большими контролируемыми полномочиями; в начале осени был заключен договор, согласно которому Соединенным Штатам были уступлены почти все земли, которые индейцы требовали в штате Огайо, части Индианы и части Мичигана. Это соглашение, как говорил военный секретарь, было "самым важным из всех, сделанных до настоящего времени с индейцами." Степень уступки далеко превысила "его самые положительные ожидания", - и у него хватило честности, чтобы признать, что - "нельзя что-либо обоснованно возразить против суммы компенсаций за землю, за исключением того, что она совершенно неадекватная."

Специальные уполномоченные, которые договаривались об этом соглашении, опасались, что их обвинят в заключении слишком либеральных условий с индейцами, и в их отчете они извиняющимся тоном перечисляют причины, которые лишили их возможности получить землю более дешево. Г-н Кэсс говорит относительно условий: "При любых обстоятельствах, они никогда не достигнут денежной и политической ценности полученных земель."

Индейцы, стороны этого соглашения, отдали почти последние свои охотничьи угодья, и их скоро довели бы до полной зависимости от культивирования почвы.

В 1818 делаверы снова уступили землю Соединенным Штатам - отдали все, на что они предъявляли права в пределах Индианы - и Соединенные Штаты обещали предоставить им "места для проживания на западной стороне Миссисипи" и "гарантировать им мирное владение" этими землями. Им полагалось четыре тысячи долларов в год в дополнение ко всем суммам, обещанным предыдущими соглашениями, и им было позволено остаться на три года дольше в их текущих домах. Правительство также согласилось заплатить им за культивацию земель, дать им сто двадцать лошадей, и "достаточное число лодок, способное помочь в их транспортировке на западную сторону Миссисипи;" а также - провизию для поездки.

В 1829 к этому соглашению была добавлена дополнительная Статья. Правительство Соединенных Штатов начало показывать следы раскаяния и жалости. В статье говорится: "Принимая во внимание то, что нация делаверов теперь готова переселиться, мы заявляем, что местность на пересечении рек Канзас и Миссури, выбранная для их проживания, должна быть передана и навсегда обеспечена Соединенными Штатами упомянутой Делавэрской нации как их постоянное место жительства; и Соединенные Штаты тем самым дают обещание правительства, что будут гарантировать упомянутой нации делаверов вечное, тихое, миролюбивое и безмятежные владение этой землей - и защиту против требований и нападений любых людей вообще."

Им обещается дополнительная постоянная рента в одну тысячу долларов; сорок лошадей "и использование шести фургонов и воловьих повозок, чтобы помочь в перемещении тяжелых предметов"; провизия для поездки, и пропитание сроком на один года после того, как они достигнут своего нового дома; также построение мукомольни и лесопилки течение двух лет.

В 1833 военный секретарь поздравил страну с фактом, что "местность к северу от Огайо, к востоку от Миссисипи, включающая штаты Огайо, Индиану, Иллинойс, и территорию Мичигана до рек Фокс и Висконсин," была фактически u очищена от затруднений в отношениях с индейцами," поскольку в этом всем регионе осталось не более пяти тысяч индейцев.

Специальный уполномоченный по делам индейцев в том же году сказал, что "приятно заметить насколько состояние индейцев улучшается под политикой их переселения." Он говорит, что они, "защищены сильной рукой правительства, и расселяются на землях четко и надолго установленных как их собственные. Они наслаждаются восхитительным климатом и плодородной почвой, перешли к культивированию земли, и бросили охоту в пользу разведения домашних животных."

Этот специальный уполномоченный очевидно не помнит, и возможно никогда не читал отчеты о громадных кукурузных полях, которое были у делаверов имел на реке Майами в 1795, и как они дважды тем летом возвращались и повторно их засаживали, и как генерал Уэйн срезал и сжигал молодые побеги. Они "перешли к культивированию почвы" еще сорок лет назад и добились

немалого. Мы еще увидим, насколько лучше и разумнее для них сажать кукурузу в их новом "постоянном доме," чем в их предыдущем.

Записанные отчеты индейских дел в течение первых сорока лет этого столетия плохие и неудовлетворительные. Если бы тогда была практика, как и в настоящее время, записывать полный годовой отчет для различных племен, то было бы возможно узнать то, что теперь навсегда заперто в традициях и воспоминаниях самих индейцев. В течение десяти лет после создания этого последнего цитируемого соглашения, существует лишь немного официальных упоминаний о делаверах, кроме записи в финансовых отчетах о суммах, заплаченных им в виде ренты и для нужд образования. В 1833 специальный уполномоченный говорит: "Агент по штатам Делавэр и Шони заявляет, что ему показали пряжу и плетенную ткань, рубашки и другую одежду, сделанную индейскими девочками."

В 1838 о делаверах сообщают, что они культивируют 1500 акров земли - садят кукурузу и овощи, выращивают множество свиней, коров и лошадей. "Они - храбрые, инициативные люди, живущие в мире со всеми соседними индейцами."

Их партии часто проводят экскурсии в Скалистые горы и возвращаются богатыми - иногда с целой тысячей долларов на человека; но их деньги скоро тратятся, в основном - на крепкие спиртные напитки. Агент говорит: "Единственная слабость теперь в жизни делаверов, шонов, и кикапусов - крепкие спиртные напитки. * * * Торговцы виски, которые кажется напрочь лишены совести, грабят и убивают многих индейцев; я говорю, грабят - спаивают их, а затем забирают их лошадей, оружие и одеяла с их спин - без разницы, что они могут замерзнуть до смерти; я говорю, что они убивают - если не непосредственно, то - косвенно, они подают им оружие самоубийства - они делают их пьяными, и, когда пьяные, индейцы убивают своих собратьев. Некоторые пьяные замерзают насмерть; несколько пьяных индейцев утонули в реке Миссури в этот сезон, стремясь пересечь ее выпившими."

В 1844 руководители делаверов встретились и подготовили замечательный документ, который был отправлен военному секретарю. В этой бумаге они запрашивали право распоряжаться всеми школьными фондами, правом на которые они были наделены условиями соглашения - чтобы деньги этих фондов можно было бы заплатить индейской Школе ручного труда около агентства форта Левенворт. Чтобы построение этой школы было обещано в ближайшие 10 лет, и чтобы их детям было гарантировано образование и пропитание. На этих переговорах выяснилось, что им нужно две тысячи долларов на их школьный фонд.

Секретарь принял этот запрос, но предоставил пять условий его осуществления. Четвертое условие стоит указать для иллюстрации беспомощности делаверов в вопросах распоряжения их собственными деньгами: "Проценты должны платиться ежегодно - тогда, когда это будет удобно Казначейству; и эта ратификация может иметь обратный ход, соглашение может быть расторгнуто и аннулировано по желанию департамента."

В 1845 делаверы уже производят достаточно, чтобы покрыть собственные нужды. Женщины делают значительную часть работы на фермах. Во многих семьях, однако, женщины не работают на фермах - они выращивают кукурузу, тыкву, бобы, горох, капусты, картофель, и множество видов овощей в садах. Некоторые выращивают пшеницу и овес. За последнее время они сами на свои средства построили хорошую лесопилку и мукомольню с двумя жерновами. Один - для кукурузы, другой - для пшеницы. В их местности есть постоянно бьющий источник, названный

Незнакомцем, который предоставляет превосходные запасы воды. На этом источнике и строятся их заводы."

В текущее время они с большим беспокойством ожидают увидеть, накажет ли их "Великий Отец" племя сиу, которые уже два раза нападали на них, и убили приблизительно тридцать человек. "Они говорят, что не хотят оскорблять и противиться их Великому Отцу, и прежде, чем они попытаются отомстить сами, они будут ждать и смотреть, заставит ли их Великий Отец племя сиу предоставить компенсацию."

В 1848 "почти каждая семья хорошо снабжена инструментами для сельского хозяйства; и они выращивают в изобилии кукурузу, пшеницу, картофель, овес, и садовые овощи; делают масло и сыр; растят фрукты и т.д., и т.д. Они живут в хороших бревенчатых хижинах, и у некоторых чрезвычайно опрятные и хорошо обставленные дома. У них есть свои надворные постройки, конюшни, хорошо огражденные загоны, и у некоторых есть сараи." В одной единственной школе учатся семьдесят учеников, обучаемых Друзьями. Слова учителя: "Действительно удивительно наблюдать скорость, с которой они приобретают знания. Мальчики часть времени работают на ферме, и скоро быстро изучают, что и как нужно делать. Девочки тратят часть своего времени на выполнение работы по дому, на шитье и т.д. Многие из шьют для себя, некоторые - для других детей."

В 1853 делаверы отмечены как "одни из наиболее замечательных из наших колонизированных племен. Они с отвагой берутся за различные предприятия и осваивают их в высокой степени. Помимо того, что они трудолюбивые фермеры и пастухи, они охотятся и торгуют по всему континенту, передвигаясь за пределами Большого Соленого озера, и подвергаясь тысяче опасностей."

Их агент описывает в своем отчете за текущий год инцидент, который слишком часто происходил на нашей границе. "Маленькая группа делаверов, состоящая из мужчины, его скво (жены), и парня приблизительно восемнадцати лет, недавно возвращались с гор, перевозя пожитки и прибыль после успешной охоты и торговли. После того, как они начали свою поездку домой на второй день муж заболел и умер. Прежде, чем он умер, он направил свою скво и сына поспешить домой с их тринадцатью лошадями и мулами, с их деньгами (445 $) и прочими пожитками. После нескольких дней дороги, около одного из фортов в Арканзасе, их настигли четыре белых человека - дезертиры армии Соединенных Штатов - трое были пешком, один ехал на муле. Женщина и молодой человек одолжили каждому из мужчин, идущих пешком, лошадь или мула - чтобы они ехали, и дали им пищу.

Они все дружно ехали вместе в течение приблизительно шести или семи дней, пока не достигли Коттонвуд Крик, в тридцати пяти или сорока милях на западу от Каунсил Гроу. Вечером, пока он спал, молодой человек был убит этими мужчинами; они думали, что убили и женщину, перерезав ей горло и проломив голову. Два тела оттянули в траву, думая, что это трупы. Мужчины собрали затем мулов, лошадей, деньги, оружие, одеяла - все, что по их представлениям имело ценность - и отправились в округ Джексон, Миссури, где избавились от всего имущества, продав его за столько, сколько смогли выторговать. Трое из них сели на пароход в Сент-Луис. Женщина на следующий день ожила; и скоро обнаружив, что ее компаньон убит, а все, чем они обладали - исчезло, она в ее слабом и опасном состоянии отправилась в Каунсил Гроу. На пятый день, по ее словам, ее подобрал индеец племени ко, и привез в Каунсил Гроу, где торговцы оказали ей помощь и послали новость своим коллегам в Делавэр и мне. Нам вскоре удалось поймать одного

из мужчин в Либерти, округе Клэй, Миссури, где он признался во всей трагедии - в убийстве, ограблении, и т.д. Трое других убийц уехали в Сент-Луис. Телеграфное сообщение в Сент-Луис, однако, возымело желаемый эффект, и эти трое были схвачены и экстрадированы обратно в Либерти, где в предварительном слушании перед двумя мировыми судьями, они были переданы в окружной суд штата Миссури. Несмотря на слабость женщины, я отвез ее в Либерти как свидетельницу. Она без труда узнала и указала в многочисленной толпе людей на трех из заключенных. Я поспособствовал тому, чтобы четырех мулов и лошадей вернули несчастной скво. Я думаю, что верну еще два или три. Но думаю, что все вернуть мне точно не удастся."

В сообщении специального уполномоченного по индейцам за этот год есть также параграф, который нельзя упустить: "Текущая ситуация, кажется - соответствующий случай для того, чтобы привлечь внимание Конгресса к определенным соглашения с различными индейскими племенами, которые правительство в течение многих лет не было в состоянии выполнить. С учетом уступки земель в пользу Соединенным Штатам" - приблизительно девятью племенами из областей Миссисипи и Миссури, среди которых были и делаверы-, "со стороны правительства была предусмотрена выплата вышеуказанным племенам, составляющая в совокупности 2 396 600$. Ту же сумму нужно инвестировать в безопасные и выгодные акции, дающие прибыли не менее пяти процентов в год.

"Ссылаясь, однако, на плачевное состояние Казначейства, Конгресс посчитал нужным вместо создания инвестиций приспособить из года в год сумму, равную годовой прибыли в пять процентов на несколько инвестированных сумм. На сегодняшний день правительство уже выплатило из казначейства сумму в 1 742 240$, которая теперь равна 2/3 положенной, и через несколько лет будет быть равной целому, если продолжиться практика приспосабливания прибыли. Поскольку нет никакого ограничения на период этих платежей, то такая политика, продолжаемая неопределенно долго, была бы для правительства наиболее дорогостоящая. В конце каждых двадцати лет оно будет выплачивать из общественного казначейства посредством прибыли полный объем предусмотренных инвестиций. * * * Общественные финансы находятся в преуспевающем состоянии. Вместо финансовых затруднений, у нас теперь есть избыток денег, и один из злободневных вопросов: "Что должно быть сделано с излишком в Казначействе?" Рассматривая текущее положение, кажется довольно ясно, что нужно быстро применять столько средств, сколько может быть необходимым для выполнения наших обязательств по договору."

В 1854 приток белых поселенцев в Канзас был настолько большим, что стало очевидным, что тамошние Индейские резервации не могут быть сохранены в целости; и делаверы снова сделали большую уступку собственных земель в пользу Соединенных Штатов, чтобы они были переданы в общественную собственность. За это они должны были получить десять тысяч долларов. Шестая Статья этого соглашения предусмотрела предоставление выплату рент их вождям. "Делаверы чувствуют себя теперь, как и прежде, благодарными своим старым вождям за их услуги. В бывших соглашениях, когда их средства были скудны, они обеспечивали маленькими пожизненными рентами потребности их вождей, и некоторые из них получают их и теперь.' Эти вожди бедны, и делаверы верят в свою обязанность оберегать их от нужды в старости." Поэтому их пяти вождям нужно выплатить сумму в десять тысяч долларов - по двести пятьдесят долларов в год на каждого.

Вторая статья предусматривала, что президент должен в любое время рассматривать землю, теперь переданную им во владение для их постоянного жилья, как уступленную землю для белых поселенцев - если индейцы сами этого пожелают.

В следующем году их агент так описывает результаты, последовавшие за открытием этого большого трактата белым поселенцам: "Индейцы испытали достаточно, чтобы поколебать свою уверенность в законах, которые управляют белой расой. Нашествия злоумышленников на их гарантированные земли, их кровавые разногласия между собой, вспышки насилия и т.д., непременно представляют этим бесхитростным людям нашу систему правительства в неблагоприятном свете.

"Многочисленные беды происходили во многих частях резерваций; белые часто щедрой рукой впустую рубили самый ценный лес; вверенные в управление земли были очень часто испорчены из-за неправильного управления ими поселенцами. Индейцы жаловались на это, но все было бестолку. Бесполезно было угрожать юридическими слушаниями * * * Правительство обязывается добросовестно защищать людей. * * *

По части сельского хозяйства это племя в этот сезон преуспело; богатый урожай кукурузы обещают обеспечить достаточно еды на следующий год."

Бесхитростная доверчивость этих людей удивительна. Даже теперь они соглашаются со статьей в этом соглашении, которая говорит, что поскольку средств, появившихся в результате продажи всей той земли, которую они передали США, больше чем они могли бы использовать, то остаток должен быть "время от времени инвестирован президентом Соединенных Штатов в безопасные и выгодные акции; основная сумма чтобы была нетронута, а прибыль с начисляемого каждый год процента применялся на нужды цивилизации, образования и религиозной культуры Делавэрской нации, и на другие цели выгодного характера, которые он посчитает надлежащими и необходимыми." Другая статья предусматривает, что если какой-либо из делаверов живет бесполезно или праздно, то президент может отказать ему в части суммы этих денег.

В пятнадцатой статье говорится: "Основная задача этого инструмента - защитить интересы и улучшить благосостояние Делавэрских людей. Если этого окажется недостаточным по причинам, которые не могут теперь быть предсказаны, то Конгресс может действовать согласно закону так, как это необходимо для соблюдения интересов, мира и счастья нации делаверов."

В 1860 Соединенные Штаты сделали свое следующее соглашение с делаверами, в котором те согласились передать Ливенуорту, Поуни и Western Railroad Company право проезда и определенные земли во владение. В 1861 было другое соглашение, в котором, поскольку железнодорожная компания не заплатила, и не смогла заплатить 286 742$, которые она обещала заплатить делаверами, президент уполномочил специальных уполномоченных по делам индейцев выпустить достаточное количество бондов на указанную железную дорогу и заложить их в ипотеку за сто тысячах акров земли, которую индейцы продали железнодорожной компании.

В этом году были и другие очень любопытные законодательные отношения с делаверами, то есть, закон Конгресса, уполномочивающий министра финансов записать в его книги кредит делаверам в размере 423 990$. Эта сумма была в бондах, которые Соединенные Штаты инвестировали для делаверов в государственные бонды Миссури, Теннесси и Северной Каролины, и которые были украдены в то время, как они находились под опекой Джейкоба Томпсона, покойного министра внутренних дел, в отделе которого они были депонированы для сохранности. (В то же самое время там были украдены 66 735$, принадлежащие индейцам иова, и 169 686$, принадлежащие конфедерированным группам иескаски, пеори, пьенкешоу и ки.)

В этом году специальный уполномоченный по делам индейцев посетил делаверов и сообщил, что они хорошо освоились с цивилизации, владели удобным жильем и фермами, движимым имуществом, составляющим в среднем одну тысячу долларов на человека. Многие из них были торговцами и ездили даже на границы Калифорнии.

В 1862 два полка делаверов и осагов завербовались как солдаты на экспедицию в индейскую территорию под началом полковника Вира, который сказал относительно них: "Индейские солдаты далеко превысили большинство ожиданий. Они взяли на себя главный удар всех битв, сделанных в экспедиции, и если бы их должным образом поддержали, они бы эффективно подавили влияние мятежников на индейской территории."

В течение этого года между Канзасом и индейской территорией состояние дел было ужасным. Индейцы были в значительной степени на стороне мятежников; и все же, как указывает в своем отчете специальный уполномоченный по делам индейцев: "В то время как мятеж значительной части большинства племен аннулирует обязательства договора, и передает решение их участи под наше милосердие, нельзя забыть об очень важном факте, что правительство сначала было полностью не в состоянии сдержать свое соглашение с ними и защитить их." "Выводя все войска из фортов на индейской территории," оно оставило их "во власти мятежников." Таким образом, мы сначала нарушили соглашение; и затем их последующий отказ соблюдать его пункты "поместил их под милосердие!"

"Это," - говорит он, - "известный факт, что во многих случаях самосохранение заставило их заключать с мятежниками самые лучшие договоренности, которые они только могли; и что это доказывалось большим количеством присоединявшихся к нам людей, как только в их местность проникала достаточная сила, чтобы им было безопасно это сделать."

В 1862 в армию Союза по собственному желанию завербовались сто семьдесят мужчин, и это при том, что в населении было всего только двести мужчин возрастом от восемнадцати до сорока пятя. По всей стране, вероятно, не было такого соотношения добровольцев, как здесь. В армии о них отзывались как о "послушных, трезвых, осторожных и послушных командам их начальников." Они выбирали офицеров из собственных компаний, и использование спиртных напитков было среди них строго запрещено - факт более замечательный, потому как опьянение было одним из своих их главных пороков дома.

Однако, уже сейчас "интересы" белых поселенцев в Канзасе начинали быть ясно противоположными интересам индейцев. "Для них, ограниченных и близко окруженных белыми поселениями, я ничего не могу увидеть в будущем, кроме разрушения," - говорит специальный уполномоченный. "Я думаю, что это в интересах самих индейцев, чтобы они переселились в некоторое изолированное местоположение как можно скорее."

"Несколько из них имеют от пятидесяти до ста акров обрабатываемой земли, с удобным жильем, сараями, и надворными постройками. * * * Все семьи живут в зданиях. * * * Их посевы кукурузы дадут хороший урожай. Почти у каждой семьи достаточно средств для их собственного потребления, а многие из более крупных фермеров имеют даже излишек. * * * Осталось очень немного делавэрских детей в возрасте 12 или 14 лет, которые не могут читать."

Вот сообщество из тысячи человек, более крупное, чем многие из фермерских деревень в Новой Англии. "Среднее число движимого имущества составляет одну тысячу долларов", все живут в их собственных домах, выращивают урожай на пятидесяти-ста акрах земли, почти все дети ходят в

школу, и все же, это в "их интересах - быть переселенными!" Последнее предложение следующего параграфа рассказывает историю:

"Когда в нашей стране будет восстановлен мир, удаление всех индейцев в Канзасе, конечно, будет выгодно и для, так же как и для государства."

В 1863 их агент пишет: "Так как был поднят вопрос удаления индейцев из Канзаса, среди делаверов и других индейцев в Канзасе были очень задержаны усовершенствования инфраструктуры."

"Я думаю, что они уже достаточно подготовлены, чтобы сделать новые соглашения с правительством * * * Мы наблюдаем за теми поселениями в южной части, люди которых хотят эмигрировать - чтоб им были выплачены компенсации за дома, которые они оставляют, и чтобы было выдано разрешение остаться в существующих домах для всех, кто настроен против отъезда из Канзаса."

В это время, "половина взрослого населения находится добровольцами на службе в армии Соединенных Штатов. Они - лучшие солдаты, которые чрезвычайно ценятся их офицерами. * * * Никакой штат в нашем Союзе не дал для наших армий столько много мужчин при таком же соотношении населения, как племя делаверов. * * * У племени есть 3900 акров земли, которые люди засадили кукурузой, пшеницей, овсом и картофелем." (И это при том, что половина взрослых мужчин находятся не дома, отсутствуют!)

В этом году Delawares, будучи " достаточно подготовленными" сделать новые соглашения, чтобы уйти с дороги белых поселенцев в Канзасе, подали прошение, чтобы правительство Соединенных Штатов разрешило им взять восемьсот долларов из их рентного фонда, чтобы оплатить расходы на посылку делегации их вождей в Скалистые горы. Они хотели увидеть, могли ли бы они найти там местность, которая стала бы их новым домом. Специальный уполномоченный советует, что им нельзя позволить пойти туда, но нужно направить их на индейскую территорию, относительно которой он говорит, "географическая ситуация такова, что ее занятие беззаконными белыми может быть более легко предотвращено, чем в любой другой части страны." "Общим согласием это, кажется, признается индейской территорией, и у меня есть сильные надежды, что это, в конечном счете, станет для них процветающим домом.

В 1864 их агент пишет, что большая часть движимого имущества, принадлежавшего делаверам - это их скот и лошади, "на которые белые постоянно посягают, пока его объем не уменьшается настолько, что в округе вообще становится трудно достать хорошее животное." Он говорит, что он из-за отсутствия надлежащей информации неспособен определить сколько они имели в начале года, но по наблюдениям - "имуществу индейцев в прошлом году был нанесен ущерб до двадцати тысяч долларов."

Какая иллюстрация несчастного общества! Мужчины далеко - на войне; старики, женщины и дети работают на фермах, и скот стоимостью в двадцать тысяч долларов крадется у них за один год!

В 1865 значительная часть тех, кто завербовался в армию Соединенных Штатов возвратилась домой. Агент говорит: "Мне доставляет большое удовольствие вести хронику длительной лояльности этого племени за последние четыре года; и со смещением событий на запад, индейцы помогают правительству, передавая офицерам свои знания местности, и вообще оказывая все возможное содействие."

Они "отличились во многих случаях конфликтов на границах"; однако, в этом же году, этим уволенным в запас солдатам правительство запретило носить револьверы. Когда специальный уполномоченный проинструктировал агента разоружить индейцев, ответ агента четко указал на трудности: "Во-первых, что мы будем делать с оружием, насильственно отобранным у этих индейцев? Во-вторых, многие из этих индейцев умны и используют оружие только тогда, когда его применил бы и любой разумный белый человек; и если разоружать один класс, то нужно разоружать и все остальные." После этих слов специальный уполномоченный так изменил свой указ: "мирно настроенные индейцы" могли сохранить при себе обычное оружие, используемое ими в охоте; но всякий раз, когда они посещают агентства или города, они должны сдать все оружие агенту, который взамен даст им расписку и возвратит его им "в нужное время." Этот указ нужно проводить в жизнь, если возможно, "взывая к их здравому рассудку."

Отчетов о практическом применении этого приказа нет. Очень возможно, что он сразу же обрушился под собственным весом и попал в уже итак большую категорию неработающих законов в отношении индейцев. Невозможно вообразить себе индейца, который четыре года служил в армии в качестве офицера (у делаверов офицеры были из их собственного племени), и чтобы он подчинился и сдал оружие агенту в любой день, когда он захочет пойти в городок Ачисон по делам. Вероятно, даже это "обращение к его здравому смыслу", которое рекомендует специальный уполномоченный, только вызвало бы резкий комментарий, что любой человек, который ходил в то время в Канзасе безоружным - просто дурак.

В 1866 специальный уполномоченный по делам индейцев сообщает, что "штат Канзас быстро заполнился энергичным населением, которое ценит хорошую землю; и его индейские резервации названы лучшими в стране. Из этого можно ожидать, что последует один результат."

"Большинство индейцев стремится переехать в индейскую местность к югу от Канзаса, где белые поселенцы не вмешаться в их дела.

"Канзасская резервация соседствует с общественными землями и в большинстве случаев окружена белыми поселенцами, которые слишком часто действуют по принципу, что индеец не имеет никаких прав, которые белый обязан уважать. Поэтому они подвергаются разнообразному физическому и психологическому насилию. Их скот - крадут, их заборы - ломают, их дома - разрушают, их парней - спаивают виски, женщин - развращают; так что, в то время как нецивилизованные люди находятся в еще худшем состоянии, чем состояние дикости, им навязывают преступления цивилизации. Более же развитых индейцев, склонных к честному труду, всячески обескураживают и гнобят."

Несмотря на все это, делаверы в 1866 собрали 72 000 бушелей зерна, 13 000 бушелей картофеля, и имели 5000 голов рогатого скота.

В июле этого года с ними было сделано соглашение, предусматривающее продажу земли и переселение на индейскую территорию всех, кто не хочет становиться гражданами Канзаса. Руководитель Агентства форта Левенворт пишет в это время: "Прокладывание железной дороги Union Pacific Railroad через уменьшенные резервации делаверов стало источником смуты и вреда для индейцев, как и организация Delaware Lumber Company. На эти две компании поступило множество жалоб. Чтобы продать железной дороге столько древесины, сколько требовалось для строительства дороги, было проведено исследование и назначен специальный агент. Но компания Delaware Lumber Company, ограничиваемая таким образом" (то есть ей

воспрепятствовали свободный неограниченный доступ к древесине индейцев), немедленно "свернула свой бизнес и остановила заводы," но не прежде, чем они повредили собственности индейцев на сумму в 28 тысяч долларов.

У этой небольшой деревни фермеров украли скота на 20 тысяч долларов и леса на 28 тысяч долларов. Неудивительно, что они были "достаточно готовы переселиться." Также и другие тайные козни поспособствовали их быстрому переселению. Бесконечное ожидание обязательного переселению расстроило все их сообщество и сделало их безразличными к каким-либо усилиям по улучшению хозяйства. Возвращение их молодых людей с войны также имело эффект деморализации. Были весьма распространены пьяные драки, в которых использовалось смертельное оружие, не смотря на инструкции государства по разоружению всех индейцев"

В июле этого года вожди делавэров, обеспокоенные положением дел в этом штате, составили для своей нации кодекс законов, которые можно отлично сравнить с законами так называемых "цивилизованных" государств.

В 1867 делаверы были "очень нетерпеливы уйти из своей резервации, чтобы построить этой осенью дома для зимы, и засеять поля на следующий год." Рента, которую им были должны заплатить в апреле этого года, не была заплачена до самой осени, и это задержало их передвижение. Многих молодых людей все еще нет - они служат разведчиками и гидами в армии. За этот и следующий года все племя частями переселилось в их новый дом." Те, кто переселился зимой, хорошо поработали, сделали многие усовершенствования, построили удобные здания и вырастили в первый же сезон прекрасный урожай". Они сейчас, говорят, лучше обеспечены, чем когда-либо прежде. Они "отказались от своей племенной организации и стали гражданами чероки. Они сообщают, что очень довольны своими новыми домами; и так как они вдали от многих искушений, которые окружали их в старой резервации, то они научились ценить множество выгод, которые можно получить от веления умеренной, трудолюбивой и следовательно - преуспевающей и счастливой жизни."

В 1869 говорится, что "как только будет сделана заключительная договоренность относительно их средств, они потеряют свою национальность и будут идентифицировать себя с чероки."

В 1870 мы находим уже почти всех делаверов на индейской территории; но кажется, что из-за небрежно установленных границ, около 300 человек поселились на землях, которые были вне резервации чероки, и были назначены правительством во владение индейцев осага. Этих неудачливых три сотни человек, поэтому, снова переселили. На сей раз - на земли пеори, где они сами попросили разрешения поселиться. Но тем временем, поскольку они заключали соглашения с чероки, и все их средства были переданы нации чероки, "было очень печально, что они вынуждены искать новый дом;" и было "довольно желательно, чтобы заинтересованные стороны урегулировали свои нерешенные ко взаимному интересу."

Мы склонны читать эти отчеты небрежно, не пытаясь представить себе состояние дел, которые они представляют. В истории и судьбе индейца это стало такой принятой вещью, что его всегда гонят и переселяют перед маршем цивилизации, что среднестатистического человека эти повторные переселения уже не потрясают, и не предлагают яркой картины деталей, а только своего рода переутверждение абстрактного общего принципа. Но сделаем паузу, чтобы на мгновение рассмотреть что фактически означают такие заявления и что в себя вовлекают; вообразите себе такие процессы относительно какого-то конкретного города или деревни, с

которыми мы хорошо знакомы. Мы тогда быстро поймем всю их силу и вес; такое искоренение, такое недоумение, такая потеря, такие беспорядок и неуверенность, если бы их хоть раз причинили любому сообществу белых людей где угодно на нашей земле - этого было бы достаточно, чтобы разрушить энергию этого сообщества и загубить его перспективы на многие годы. Можно вообще подвергнуть сомнению, восстановилось бы хоть какое-то из наших малочисленных сообществ от таких последовательных ударов, изменений, и насильственных переселений, как это было со многими из этих индейских племен. Однако бесспорно, что белые люди не подчинились бы подобным действиям так терпеливо.

После этого мы в официальных сообщениях не находим никаких заметных упоминаний о делаверах, кроме некоторых от людей, которые в течение некоторого времени жил на индейской территории и не были включен в условия соглашения во время переселения из Канзаса. Эта небольшая горстка людей, численностью в восемьдесят одного человека - это все, что осталось от сильных и дружелюбных людей, которым немного более ста лет назад мы пообещали, что они будут нашими братьями навсегда, и им будет дано право на представительство в нашем Конгрессе.

Эта группа делаверов ассоциируется с шестью другими истощенными остатками племен - каддо, иони, вичита, товакони, вако, кичи и команчи - на индейской территории агентства Вичита.

О них всех сообщают как о "миролюбивых, хорошо расположенных," и "активно участвующих в сельском хозяйстве."

О делаверах в 1878 говорилось, что они в этом году не смогли культивировать столь много земли, как хотели - из-за потери рабочего скота от конокрадов."

Даже здесь, на индейской территории к югу от Канзаса, где (как им сказали) "белые поселенцы не будут вмешиваться в их дела", враги все равно подстерегают их, как в прежние времена - чтобы грабить и разрушать. Даже здесь правительство, как прежде, неспособно их защитить; и по всей вероятности, трагедии 1866 и 1867 повторятся в ближайшее время с еще более печальными последствиями.

ГЛАВА III

Шайенны

Наше первое соглашение с шайеннами было сделано в 1825 на реке Тетон. Это было простое соглашение мира и дружбы, и признания со стороны шайеннов "превосходства" Соединенных Штатов. За два года до этого, президент Монро сообщил, что "шайенны" - это "племя из 3250 душ, живущее и охотящееся на одноименной реке, на западном притоке Миссури, немного выше Грейт-Бенда." Десять лет спустя Кэтлин, известный живописец индейцев, встретила руководителя вождя "Shienne" и его жену среди индейцев сию, и нарисовала их портреты. Он говорит, "шайенны - малочисленное племя численностью приблизительно в 3000, живущее по соседству с сиу, на западе от их, между Блэк-Хилс и Скалистыми горами. В Северной Америке нет более прекрасной расы людей, и ни одной более высокой, кроме осагов: в племени едва можно найти зрелого мужчину, который был бы меньше 180 см роста". У них "наибольшее количество лошадей, чем у любого племени на континенте; они живут там, где в прериях пасутся самые большие стада диких лошадей, которых они ловят в большом количестве, и продают сиу, манданам и другим племенам, а также - торговцам мехом.

"Эти люди - самые отчаянные воины и всадники, продолжающие почти непрерывные войны с индейцами пони и блэкфит. Их вождь был одет в хороший наряд из замши, очень аккуратно отделанный с широкими вышивками вниз по рукавам его рубашки и по ногам. Женщина была миловидна и красиво одета. Ее платье из овчины было со вкусом украшено иглами и бусинками, а волосы заплетены в большие косы, ниспадающие на грудь."

В 1837 агент по индейцам "сию, шайенн и понк" сообщает, что "все эти индейцы живут исключительно охотой", и это, кажется, все, что он о них может сказать. Агент также добавляет, что эти отдельные кочующие очень боятся граничащих с ними племен, и стараются их избегать. В 1838 сообщают, что шайенны начинают вести торговлю на посту реки Арканзас около дороги в Санта Фе, но все еще очень зависимы от охоты.

В 1842 о них говорят как о "кочующем племени"; а в том же году, г-н Д. Д. Митчелл, уполномоченный по индейским делам в своем штабе в Сент Луисе пишет: "Сменятся многие поколения, прежде, чем эта территория" [территория, по которой тогда кочевали дикие племена Верхнего Миссисипи] "станет более ограниченной; потому что, если мы начертим линию с севера на юг, чтобы она пересекала Миссури примерно в устье Вермиллион Ривер, то мы определим границы, за которыми, вероятно, цивилизованные люди никогда селиться не будут. На этом этапе сам Создатель, кажется, сказал потокам эмигрантов, которые ежегодно идут на Западу: 'Сюда вы дойдете, но не дальше.' Во всяком случае, если они и пересекут эту границу, то никогда не остановятся на восточной части Скалистых гор. Местность чрезвычайно бедна на лес, имеет бесплодную песчаную почву, неприветливый и сухой климат - это все препятствия, которые, вероятно, не преодолеют даже предприимчивые янки. Мудрый Создатель, кажется, и предназначил эту безжизненную область как убежище для индейцев, когда в силу обстоятельств она уйдут с последнего акра плодородной почвы, которой они когда-то обладали. Здесь беспокойной саксонской породе не дать никаких стимулов, чтобы они строили себе хижины. * * * Может наступить время, когда все западные индейцы будут вынужденный искать себе убежище в этой Большой американской пустыне. И это, по всей вероятности, начнет новую эру в истории этой исключительной и злополучной расы. Они так и останутся блуждающими, наполовину цивилизованными, но счастливыми людьми. 'Их поля и стада покроют тысячу

холмов,' и снабдят говядиной и бараниной часть многочисленного населения белых, которые будут селиться в более плодородных районах большой долины Миссисипи."

Эта линия, рекомендуемая г-ном Митчеллом, простирается к востоку от Дакоты, через крайнюю восточную часть Небраски, немного на восток от середины Канзаса, по середине Индейской территории и Техаса - в Мексиканский залив. Монтана, Айдахо, Колорадо, и Нью-Мексико - все лежат западнее ее.

Отчеты военного департамента за 1846 содержат интересный случай визита, нанесенного Агентством Верхнего Миссури во все дикие племена - янктон, сиу, аррикаре, манданов, ассинабойнов, арапахо, шайеннов и других. В ответ на споры агента с одним из руководителей сиу в отношении их бесконечной вражды друг с другом, руководитель "был очень лаконичным и решительно заметил, что, если их прадеды желали, чтобы они прекратили войну с их врагами, то почему, они не послали каждому из них юбку, что сразу сделало бы их них женщин". Этот же вождь отказался позволить мальчикам его племени ходить в школу в город Чокта, аргументируя это следующим: " Они возвратятся, как те немногие, которые пошли в Сент-Луис, или алкоголиками, или вообще умрут по пути."

Шайенны и другие индейцы, живущие на Платте, горько жаловались на проход эмигрантов через их страну. Они сказали, что им нужно дать компенсацию за право проезда, и что эмигрантов нужно ограничить законом и присутствием группы войск от сжигания пастбищ и ненужного убийства дичи. Индейцы систематически разграблялись и деморализовались торговцами. Виски можно было достать без труда; сахар и кофе продавали по одному доллару за фунт; набивной ситец стоил один доллар за ярд; зерно - 75 центов за галлон и выше.

В 1847 Конгрессом был принят закон, запрещающим продажу виски в индейской местности, и даже частичное воплощение этого закона в жизнь имело наиболее благоприятный эффект. Первыми среди тех, кто признал выгоды такого решения были сами же торговцы, которые говорили, что спрос у индейцев на другие товары, полезные товары увеличился на двести процентов: "Они наслаждаются намного более лучшим здоровьем, выглядят намного лучше, и стали лучшими людьми. Вы теперь редко когда услышите о совершенном убийстве, тогда как во времена продажи виски, убийство здесь было делом повседневным." Индейцы сами были настроены против ввоза крепких спиртных напитков в их страну, но, как и почти все другие индейцы, они потребляли их, если им эти напитки предлагали; и под их влиянием были опасны и непредсказуемы. "Тогда в это время в верховье Миссури было почти 46 000 индейцев. Их пять групп - сиу, шайенны, грос вентры, манданы и понки - были превосходными людьми, привязанными к белому человеку, жили в мире и дружбе с нашим правительством. Им предоставлялись правительством особые за хорошее поведение и мирный настрой."

В 1848 по налогам, заплаченным торговцами, было сделано заключение, что торговый оборот этого агентства составлял 400 000$. Среди ассортимента товаров было 25 000 языков буйвола. Из-за этого процветания, со стороны индейцев имело место частичное прекращение военных действий по отношению к белым; но все равно тогда пересечь равнины считалось рискованным предприятием - поэтому в 1849 внимание правительства Соединенных Штатов захватывает потребность создания своего рода соглашений со всеми этими дикими племенами. Должно быть открыто безопасное шоссе через весь континент. Однако, стоит заметить, что даже настолько поздно в истории наших дипломатических отношений с индейцами, мы инстинктивно признавали его право на определенный контроль и занимание ним территорий. В своем отчете

за 1849 год, министр внутренних дел говорит: "Дикие племена индейцев, через чьи охотничьи угодья в большой прерии проходят наши эмигранты в Калифорнию, в течение этого года были тихими и мирными более обычного. Они вытерпели проход наших людей сквозь их страну, и конфликтов почти не было, хотя наши люди путешествовали в большом количестве и использовали по пути много травы и дичи. За это индейцы ожидают компенсацию, и их требование справедливо."

Поэтому секретарь соглашается с рекомендациями специального уполномоченного по делам индейцев, что нужно заключить с этими племенами соглашения, предусматривающие право проезда через их страну, и использование пастбищ и дичи, но платя им за это небольшую ренту полезными товарами, сельскохозяйственными орудиями и инструкциями. "Право проезда" - "через их страну." Подобные фразы говорят о многом и многое передают. И если они хоть что-нибудь означают, то в их смысл заключено все, чего когда-либо требовали индейцы.

На миролюбивость и доброжелательность индейцев, как предполагалось, больше повлияет эта надежда на награды и подарки, чем страх перед мощью правительства; было предложено свозить делегацию вождей в Вашингтон, "чтобы они узнали о нашем величии и силе, которая произведет на них благотворное впечатление, и, через них - на их собратьев. И это повлияет на них и дальше продолжать мирные отношения."

До правительства начинает доходить, что мир более дешевый и более добрый, чем война. Мы никогда не сможем хлыстом заставить их дружить с нами," - говорит один из руководителей Агентства верхнего Миссури. Соглашение "не может причинить вреда, а расходы будут меньше, чем от полугода ведения войны. * * * Правосудие и политика требуют, чтобы мы возместили некоторый ущерб, который эти индейцы несут из-за уничтожения их дичи, лесов и т.д., белыми, проходящими через их страну."

Снова - "их дичь, их лес", "их страна". Бесконечное повторение этого притяжательного местоимения и подобных фраз при всем том, что правительство говорили об индейцах, и всем том, что оно говорило самим индейцам - является очень существенным.

В 1850 индейская комиссия пишет: "Очень печально, что на последней сессии Конгресса не было выделено никаких средств на договоры и соглашения с дикими племенами на равнинах. Эти индейцы долго бесспорно владели этой обширной областью; и так как они считают эти земли своими, то считают себя наделенными правом на компенсацию не только за право проезда через их территорию, но и за значительный вред и уничтожение дичи, пастбищ, и леса нашими войсками и эмигрантами."

Законопроект, предусматривающий переговоры и заключение этих соглашений, был единодушно принят Сенатом, но "трудности, существующие касательно предмета рабства", задержали его введение, пока уже не стало слишком поздно приводить его в исполнение.

Всем племенам сообщили об этом надвигающемся законопроекте, и они его ждали с большим интересом и беспокойством. В 1849 они все "очень хотели, чтобы их научили сельскому хозяйству и цивилизованным искусствам." На стада буйволов уже редели и исчезали. С незапамятных времен буйвол являлся для них источником еды, одежды и убежища; с его исчезновением они явно стояли на краю голодной пропасти, и они это знали. Не может быть и тени сомнения, что в это время все дикие племена верхней области Миссури - сиу, шайенны, арапахо - были готовы и стремились установить дружественные отношения с правительством Соединенных Штатов,

вступить в некоторую договоренность, в соответствии с которой им обеспечивались хоть какие-то средства пропитания в будущем, и некоторая уверенность в достаточности земель, на которых они бы жили в будущем. Пока же, они охотились с большим усердием чем когда-либо; и только в этом одном году продали торговцам мехом в рамках одного агентства одежды и мехов буйвола на 330 000$, - "и разных товаров на сумму в 60 000$. Того, что они таким образом получали за их меха, одежду и т.д., было бы вполне достаточны для поддержания жизни," говорит Хэттон, - "если бы не такие непомерные цены на то, что они должны были покупать у белых."

Зимой и весной 1850 все эти племена посетил агент правительства. Он сообщил, что они "расположены дружественно," но очень нетерпеливо хотят разобраться в выборе правильного пути. "Это - то, чего хотят индейцы, и о чем они беспокоятся. Уже давно и так часто путешественниками, проходящими через индейские земли, повторялось (причем эти "проходящие" вовсе не заботились о последствиях и выполнении обещаний, которые они давали индейцам. Поэтому они сами проходили через их земли благополучно и в целости), что индейцы ждут, что их 'Великий Отец' скоро хорошо их вознаградит за право проезда сквозь их страну, и компенсирует разрушенные леса, убитых зверей и т.д., а также отблагодарит за те добрые дела, которые индейцы оказывали проходящим через их страну американцам."

Летом 1851 было заключено это очень желанное соглашение. Семь племен из прерий и гор собрались большой силой в форте Ларами. Доклад об этом совете содержит некоторые интересные и значимые пункты.

"Мы были с ними в одном лагере бок о бок 18 дней, во время которых индейцы вели себя так, что вызвали восхищение и удивление у всех. Различные племена, хотя и наследственные враги, обменивались ежедневными посещениями - как общины, так и отдельные люди; курили и пировали вместе; обменивались подарками; усыновляли детей друг друга, согласно их собственной традиции; и делали все, что считалось священным или торжественным в глазах тех индейцев, чтобы доказать искренность своих мирных и дружественных намерений - как между собой, так и с гражданами Соединенных Штатов, законно проживающих среди них или проходящих через их страну."

В соответствии с этим соглашением, "индейцы формально признали за Соединенными Штатами право проложить дороги - с помощью вооруженных сил - по всей индейской стране, если индейцы смогут заявлять права собственности на эти дороги."

Они согласились "поддерживать мирные отношения между своими фракциями, и воздержаться от каких бы то ни было грабежей белых, проходящих через их страну, компенсировать любые убытки или потери, которые белые понесут от действий индейцев."

За весь ущерб, который они понесли до того времени 'из-за прохождения белых через их страну', они приняли тогда полную оплату.

Им была обещана выплата ренты в размере 50 000$ в год в течение пятидесяти последующих лет. Это было ценой за "право проезда."

"Пятьдесят тысяч долларов в течение ограниченного периода лет - это небольшая сумма, которая еще распределится среди по крайней мере пятидесяти тысяч индейцев, особенно если мы вспомним, что уже отобрали, или быстро отбираем у них все их средства к существованию, " - говорит один из тех, кто делал это соглашение. В этом нет никаких сомнений. Один доллар в год,

даже гарантированный человеку в течение пятидесяти лет, кажется едва соответствующей компенсацией за сдачу всех "средств к существованию."

Отчет продолжается: "Рассматривая соглашение во всех его условиях, я полагаю, что это - лучшее, что возможно было сделать для обеих сторон. Кроме того, я уверен, что оно будет соблюдаться и добросовестно выполняться как со стороны индейцев, так и со стороны Соединенных Штатов и белых людей. Судя по поведению индейцев на совете, потребность принятия таких мер была очевидна. Когда они разъезжались по домам и прощались друг с другом, они яро стремились показать свои дружественные намерения, взаимное доверие и добросовестность, которую видели друг в друге. Каждое племя свободно раздавало и принимало приглашения обменяться визитами, поговорить и покурить вместе как братья - на земле, где они никогда прежде не встречались для какой-либо другой цели, чем снять скальп друг с друга. Это, по моему мнению, было неопровержимым доказательством искренности индейцев, и ничто, кроме плохой политики или какого-то досадного несчастья, не смогут нарушить этот мир."

Министр внутренних дел в своем отчете за этот год радостно говорит о соглашениях, которые удалось заключить с индейцами в течение года:" Нельзя отрицать, что большинство ограблений, совершенных индейцами на наших границах, являются следствием страшной нужды и бедности. Наступление нашего населения заставляет их оставлять свои плодородные земли и искать убежище в бесплодных регионах, которые не дают ни посевов, ни дичи: побуждаемые голодом, они захватывают лошадей, мулов и рогатый скот пионеров, чтобы удовлетворить естественные потребности. Их немедленно преследуют, и если настигают - строго наказывают. Это создает с их стороны чувство мести, которая ищет удовлетворение в актах произвола с людьми и собственностью мирного населения. Вся страна тогда становится взволнованной, и за этим следует опустошающая война со многими жертвами и кровью. Это, наверное, и является истинной историей причиной возникновения большинства наших военных столкновений с индейцами.

"Опыт истории предостерегает нас о трудностях воспитания кочующей расы, которая главным образом привыкла жить охотой. Чтобы приручить дикаря, нужно привязать его к почве. Она должна заставить его понять ценность собственности, и выгоды отдельного владения. Она должна затронуть те эгоистичные принципы, внедренные Божественным провидением в характер человека в самых мудрых целях, и сделать их податливыми к наступлению цивилизации и окультуриванию. Она должна поощрить приобретение людьми земель; присоединить их к их домам с помощью связей выгоды; преподать им методы использования сельского хозяйства и прочие искусства мирной жизни; и им нужно внедрить это все так, чтобы они с нетерпением ждали того дня, когда им окажут честь дорасти до достоинства принятия американского гражданства.

Подобными средствами мы скоро пожнем награду, подавив индейские грабежи; уменьшив расходы военного департамента; получив ценное пополнение к нашему производительному классу населения; увеличив наше сельское хозяйство и торговлю. Мы сможем с гордостью осознавать, что удалили с нашего национального гербового щита пятно, оставленное на нем нашим признанным несправедливым отношением к индейской расе."

Поэтому шайенны в 1851 году взывали к миру и доброжелательности к их индейским соседям и белым эмигрантам, проходящим через их страну. За это предоставленное право проезд им

каждому платили по доллару в год за "ресурсы и животных;" и предполагалось, что они были в состоянии восполнить эту "поддержку" охотой на буйволов, которые тогда еще не вымерли.

В 1852 специальный уполномоченный по делам индейцев пишет: "Несмотря на то, что индейцы в горах и прериях продолжают страдать от обширного числа эмигрантов, которые проходят через их страну, разрушая их средства к существованию, и неся с собой болезни и смерть, все равно те, кто осенью 1851 заключал договор в форте Ларами, верны своим обязательствам, и остаются в мире между собой и с белыми."

Руководитель пишет: "Конгресс выделил довольно свободные средства (100 000$), чтобы заключить соглашения с племенами в прериях и горах. В Форте Ларами прошлой осенью с ними было заключено очень выгодное соглашение, которое с их стороны соблюдается искренне - за весь прошлый сезон никаких ограблений со стороны племен, участвовавших в соглашении в Форте Ларами. Сенат затем исправил соглашение, сделав пятнадцать лет вместо пятидесяти как период, в течение которого они должны были ежегодную поставлять товары, животных и т.д. Правка сделана с подачи президента. Эта модификация соглашения, я думаю, очень правильная, поскольку состояние этих блуждающих орд полностью изменится за последующие пятнадцать лет годы. Соглашение это, однако, нужно было бы послать назад индейцам с целью получения их санкции на модификацию, как это было сделано в случае соглашения с сиу, при котором договаривались специальные уполномоченные Рэмси и Ли. Надеются, что эта оплошность будет исправлена уже следующей весной, иначе большое количество уже израсходованных денег, будет бесполезно потрачено впустую, и индейцы, будут намного более недовольны, чем когда-либо."

Комментировать недобросовестность этого действия со стороны Конгресса - это пустая трата слов. Но его нецелесообразность столь очевидна, что просто невозможно хранить молчание - оно нецелесообразное и невероятное скупое. Доллар на человека, в год, "за товары, животных" и т.д. - индейцам пообещали, что у них будет хоть это в течение пятидесяти лет. Даже человеку со самым скудным интеллектом должно быть понятно, что это вообще ничто даже если столько платить каждый год любому одному человеку, у которого мы отобрали, как сказал специальный уполномоченный: "его средства к существованию." Но, к несчастью для индейцев, их было пятьдесят тысяч. В голову кого-то из бережливых конгрессменов пришла мысль умножить пятьдесят на пятьдесят, и результат испугал всех. Вероятно это и стало причиной внесения руководителем правки - "вероятное изменение условий существования всех "блуждающих орд" в последующие пятнадцать лет". Без сомнения, было бы крайне проблематично распределить пятьдесят тысяч долларов "в виде товаров, животных" и т.д., между пятидесятью тысячами индейцев, блуждающих по всей Верхней области Миссури; но более неприятно, конечно, на шестнадцатый год, чем на пятнадцатый. Сложность такого действия слишком очевидна; но это действительно нисколько не заминает тот факт, что в течение первого же года после заключения соглашения, все эти племена, до единого человека из всех пятидесяти тысяч, сдержали свое слово и веру в соглашения с нами - а мы их жестоко и скупо обманули, ограбив их больше чем на 2/3 тех денег, которые обещали заплатить.

Однако, все племена "быстро" согласились на эту поправку; так говорится в годовом отчете специального уполномоченного по индейцам за 1853. Он добавляет, что, с единственным исключением, они поддержали между собой дружественные отношения, и "проявили все увеличивающуюся уверенность и доброту к белым."

Некоторые из них начали выращивать кукурузу, бобы, тыкву и т.д., но все равно пропитание зависит в основном от охоты. Агент, посланный, чтобы распределить между ними ренту и получить согласие на внесение правки в соглашение, пишет: "шайенны, арапахо и многие из племени сиу фактически - голодают. Они полгода сидят на ограниченном пайке, и источник их пропитания быстро исчезает вместе с резким уменьшением количества буйволов. Кочевники, идущие по дорогам через их страну, прогоняют индейцев все дальше, или как-то иначе ограничивают их во время периода эмиграции, и различные племена вынуждены воевать с враждебными им племенами в поиске средств к существованию для их деревень. Их женщины - худые и изможденные, а их дети постоянно кричат от голода. Их руки, кроме того, не приспособлены для охоты на более мелкую дичь, так что последующие несколько лет дают перспективу только постепенной голодной смерти." И, несмотря на такое страдание, эти индейцы не опускаются до ограблений, выказывают все увеличивающуюся уверенность и доброту к белым.

Этот агент, который провел среди индейцев много лет, говорит с большой печалью, глядя на их перспективы: "Остается только одно направление, которое может принести долгосрочную выгоду им и местности, на которой они живут - это сделать такие модификации в законах их "взаимодействия" с белыми, чтобы среди них могли жить белые торговцы, и для поселения была открыта вся индейская территория. Торговля - это единственный "цивилизатор" индейца. Торговля - это предшественник всех прежних цивилизаций, и она будет основой для всех последующих. Она научит индейца ценить другие вещи, помимо останков от охоты, и предложит ему другие источники эмоций, чем война. Поэтому можно сказать, что все преграды для его свободы действуют только во вред. * * * Индейцы скоро бы потеряли свой кочевой характер, и забыли бы об отношениях между племенами. * * * И это позволило бы уйти от текущей жестокой политики "остроумного" геноцида и сделало бы их частью в населения, и участниками процесса в процветании страны." Он говорит о "системе изоляции и концентрирования племен на маленьких территориях," - говорит, что она - "принесла тем, кто был подвергнут ее действию, только вред. Это - легализованное убийство целой нации. Это дорого, порочно, жестоко и ведет только к таким последствиям - к вымиранию. Такую систему, если судить по ее результатам, не стоит сохранять."

Именно перед лицом таких заявлений и подобных протестов правительство Соединенных Штатов устойчиво продолжало вести такую, так называемую, политику в отношениях с индейцами.

В 1854 году в отчетах из верхней области Миссури все еще сообщалось о мире и преданности со стороны всех племен индейцев, участвовавших в соглашении в форте Ларами. "Ни одного убийства, грабежа, или другого злодеяния не было совершено ими по отношению к белым, или к тем племенам, которые участвовали в соглашении. Это более замечательно потому, что перед соглашением эти индейцы совершали наибольшее количество ограблений, они всегда были в состоянии войны, грабили всех, кого бы ни встретили, даже их собственных торговцев в их собственных фортах."

Летом этого года шайенны начали проявлять неудовлетворенность и дерзость. На совете в форте Ларами один из руководителей потребовал, чтобы проезд по Плэйтт-Роуд был остановлен. Он также сказал, если можно положиться на слова переводчика, что в следующем году правительство должно послать им одну тысячу белых женщин в качестве жен. Южные шайенны

передали их агенту некоторых мексиканских заключенных, которых они захватили весной, и этот акт рассматривался группой северных шайеннов как бесполезное вмешательство со стороны Соединенных Штатов. Кроме того, всеми дружелюбными индейцами поднимался вопрос, что агрессивные индейцы, которые все время разграбляли и нападали на поезда с эмигрантами, в целом получали от войны больше прибыли и выгод, чем они - от мирных договоров. На Норт Плэйтт-Роуд в течение одного только этого года индейцы поуни украли товаров на несколько тысяч долларов; и, в дополнение к этому, еще присутствовало давление общественности, которое было столь же сильно среди индейцев, как и среди белых. Было популярно быть агрессивным и воинственным: белые были захватчиками, и убивать их было храбро и похвально. Принимая во внимание все эти вещи, можно было только удивляться, что шайенны, арапахо и сиу вообще придерживались положений соглашения. Однако, шайенны, арапахо и некоторые группы сиу продолжали быть мирными и дружественными. В 1855 году они просили прислать им фермера, чтобы он научил их сельскому хозяйству; а также - кузнеца. Их агент настоятельно рекомендует, чтобы это было сделано. Он утверждает, что "во всей индейской стране нет более благоприятного места для фермы по разводу скота, и большего запаса дичи, чем в Саут-Платт. За очень короткий период времени арапахо и шайенны осели и обустроили селения, и часть каждого племени - старухи и мужчины - стали агрономами; примитивными, конечно, но все же - достаточно квалифицированными, чтобы жить в домах и выращивать кукурузу, картофель и бобы."

Летом 1856 шайеннов по воле досадного случая, вынудили выступить агрессорами. Малочисленная военная группа выдвинулась, чтобы напасть на индейцев поуни; они разбили лагерь около Норт Плэйтт-Роуд и когда мимо проходил почтовый фургон, двое шайеннов подбежали к нему, чтобы попросить табака. Испуганный почтальон начал в них стрелять, индейцы открыли ответный огонь, ранив его; вожди выбежали, остановили стрельбу, выяснили ситуацию и затем строго выпороли индейцев, которые ответили на огонь почтальона. Но вред уже был сделан.

Почтальон сообщил о том, что был обстрелян шайеннами, и на следующий день из форта Керни вышли войска, напали на индейцев и убили шестерых из того лагеря. Остальные отказались сражаться и убежали, бросив лагерь и все, что в нем было. Военная партия индейцев, крайне раздраженная, напала на поезд с эмигрантами, убила двух мужчин и ребенка, и взяла в плен одну женщину. На следующий день они убили ее, потому что она не могла ехать верхом и не отставать от них. В пределах короткого промежутка времени еще две небольших военных партии оставили группу, напали на поезда и убили двух мужчин, две женщины и ребенка. Руководители сначала не могли их никак остановить, но в сентябре они послали в местное агентство делегацию, чтобы попросить помощь и совета у их агента. Они сказали, что военная партия теперь полностью находилась под их контролем, и они хотели знать, что же они могли сделать, чтобы решить проблему. Они просили Большого Отца, чтобы он на них не сердился, "поскольку они не могли управлять воинами, когда они увидели своих друзей убитых солдатами после того, как те побросали на землю луки и стрелы, моля о пощаде."

В октябре агент сообщил, что шайенны были "совершенно мирные, полностью под контролем и послушны власти." Руководители организовали своего рода "полицию", обязанность которой состояла в том, чтобы убивать любые военные партии, которые пытались покинуть лагерь.

Зимой шайенны оставались в южных и юго-восточных частях агентства, и строго соблюдали условия, которые им поставил их агент. В августе следующего года, однако, была послана группа войск под началом генерала Самнера - "чтобы потребовать у племени преступников, совершивших последние злодеяния в адрес белых, и охрану, которая бы обеспечила хорошее поведение преступников." Но шайенны, со слов генерала Самнера, не выполнили требования; поэтому он напал на них, сжег их деревню дотла, и разрушил их запас пищи на зиму - 15 или 20 тысяч фунтов мяса буйвола.

О том, как они жили, и где в течение зимы после этой бойни, почти нет информации. В сообщениях следующего года, шайенны, как говорят, сильно надеялись на новое соглашение, которое даст им землю, где они смогут благополучно жить. "Они сказали, что прошлым летом извлекли урок из борьбы с генералом Самнером - что с белыми спорить бесполезно, что они скоро оккупируют своими деревнями всю прерию. Они хотели мира; и так как буйвол - их основной источник пищи и одежды (на которого даже теперь они были вынуждены охотиться за много миль от дома, где обитали их кровные враги - поуни и осаги), скоро полностью исчезнет, то они надеялись, что их Великий Отец, вождь белых в Вашингтоне, послушает их и даст им дом, где им дадут средства к существованию и защитят от вторжений их белых братьев - пока, по крайней мере, их не научат обрабатывать почву и другим искусствам цивилизованной жизни. Они часто просили плуги и мотыги, и чтобы их научили как их использовать."

Отчеты за следующий год показывают, что правительство знало, что нужно принять некоторые меры и решить неурядицы с этими буйными дикими племенами в прериях: почти более трудной в мирное время, чем во время войны, перед правительством стояла проблема места, куда можно было их поселить. Агенты и руководители неустанно обращали внимание правительства на факты быстрого заселения индейских земель белыми; на непрочность мирных отношений; на опасности индейских войн. Сами индейцы были очень обеспокоены и расстроены.

"Они услышали, что все индейские племена на восток от них уступили свои земли, кроме небольших резерваций, Соединенным Штатам; и следовательно, по рассуждениям индейцев, через несколько лет эти племена эмигрируют дальше на запад, и, исходя из их потребностей, захватят охотничьи угодья диких племен."

Когда агент Аппер Плейт попробовал поговорить об этом предмете с одним из вождей сию, то тот сказал: "Когда я был молодым (а мне нет еще и пятидесяти), я путешествовал со своими людьми через земли племен сак и фокс к большой воде Минни Тука (Миссисипи), где я видел растущие посевы кукурузы, но вокруг не было белых людей; продолжая идти в восточном направлении, мы пришли в долину Рок Ривер, и увидели племя виннебаго, но, опять же - никаких белых. Тогда мы пошли в долину Фокс Ривер, и оттуда - на Большое Озеро (Озеро Мичиган), где мы нашли несколько белых людей на земле племени Поттаваттоми. Потом мы вернулись на земли сиу в Грейт-Фолс Ирара (Св. Энтони), и пировали с нашими братьями, жившими там. Позже мы посетили "День Трубки" в стране Янктона, где живут сиу, сделали банкет в честь 'Великого Лекарства,' и танцевали 'танец солнца,' а затем - возвратились в наши охотничьи угодья на прерии. И теперь наш Отец говорит нам, что белый человек никогда не поселится на наших землях, и не будет убивать нашу дичь. Но посмотри - белые люди уже населяют все те земли, которые я только что описал, а также земли племен понка, омаха и поуни. На Саут-Платте белые люди нашли золото, и у шайеннов и арапахо теперь нет охотничьих угодий. Наши земли стали очень маленькими, и еще до того как вырастут наши дети, у нас уже не будет дичи".

Осенью этого года (1859) агента послали на совещание с шайеннами и арапахо, чтобы он рассказал им о желании правительства. Они должны "осесть на одном месте и заняться сельским хозяйством." Они это сразу восприняли очень хорошо, и единодушно объявили, что эти условия их устраивают. Они ожидали и просили у государства, чтобы оно снабдило их всем необходимым для поселения * * * Оба этих племени неуклонно поддерживали мирные отношения как с белыми, так и с другими индейскими племенами, несмотря на многие неурядицы, участившиеся из-за заселения золотоносных земель и эмиграции через их охотничьи угодья, которые уже перестали для них быть надежным источником пищи."

Считалось, что в течение лета 1859 более шестидесяти тысяч эмигрантов пересекли эти равнины, как и колонны транспортных средств, рогатый скот. Постоянно проходили частные экспрессы и люди, прокладывающие почтовые линии.

В 1860 специального уполномоченного послали держать совет с шайеннами и арапахо в Форте Бент в Верхнем Арканзасе, и заключить с ними соглашение. Арапахо были представлены полностью, но от шайеннов присутствовали только два видных вождя - Черный Котел и Белая Антилопа. (Белая Антилопа - один из вождей, жестоко убитых пять лет спустя в резне при Чивингтоне в Колорадо.) Причиной этому было то, что остальная часть шайеннов не могла достигнуть форта раньше, чем через двадцать дней, а специальный уполномоченный не мог ждать столь долго. Черный Котел и Белая Антилопа хотели, чтобы было отчетливо понято, что они представляли только свои группы.

Специальный уполномоченный говорит: "Я сообщил им цель моего визита и дал им понять, что их Великий Отец с восхищением услышал об их мирном расположении, хотя они были почти среди враждебных племен. Они выразили большое удовольствие узнав, что их Великий Отец слышал об их хорошем настрое, и просил меня взамен сказать, что они намеревались во всех отношениях соответствовать пожеланиям правительства. Тогда я показал им план местности, которая переходила в их владение, в соответствии с их соглашением 1851 года, как их охотничьи угодья. Они, казалось, поняли это отлично, и без труда прошлись по всем начальным пунктам. Фактически, они показали высокую степень интеллекта, которую редко можно было найти среди племен, хотя для их окультуривания не было приложено никаких усилий. Я заявил им, что их Великий Отец намеревается уменьшить площадь их текущей резервации, и что они должны остепениться, заняться сельским хозяйством, и, в конечном счете, перестать рассматривать охоту как единственный источник средств к существованию. Они сообщили мне, что тоже этого желают, что они задолго до этого дня знали, что будут вынуждены так поступить: каждый год дичи все меньше, и что они также заметили быстрый приход белых, и почувствовали, что скоро должны будут в значительной мере соответствовать их привычкам. * * * На моей памяти нет индейцев, которые кажутся более склонными соответствовать пожеланиям правительства, чем шайенны и арапахо. Несмотря на то, что они полностью осведомлены о богатых шахтах, обнаруженных на их земле, они зазрения готовы отдать эти шахты и не предъявлять на них права. Они, конечно, заслуживают поддержки правительства, и должны быть хорошо поощрены в их новой сфере жизни."

Этот договор был заключен в феврале следующего года в форте Уайс. Вожди шайеннов и арапахо "уступили и оставили" все земли, на которые у них было хоть какое-то право, "где бы они не находились," кроме определенной резервации с определенными границами. Переданная земля

включала земли в Канзасе и Небраске, и всю ту часть Колорадо, которая расположена на север от Арканзаса и на восток от Роки Маунтанс.

Шайенны и арапахо, "принимая во внимание хорошее расположение к ним граждан Денвера и смежных городов," в одиннадцатой статье этого соглашения "с уважением требовали", чтобы Соединенные Штаты разрешили бы владельцам этих городов покупать земли по минимальной цене в 1,25$ за акр. Эта статья была вычеркнута Сенатом, и индейцы согласились на правку; но доказательство их доброжелательности и благодарности, однако, было отмечено.

Желание правительства сделать из этих индейцев фермеров было повторено в этом соглашении, и свидетельствовалось заявлениями о покупках запасов, сельскохозяйственных орудий, мукомольных предприятий и т.д. Им обязывались построить механические мастерские и платить ренту в размере 30 000$ в год в течение пятнадцати лет. Однако, в статье соглашения присутствовал следующий пункт: "Выплата им ренты может, на усмотрение президента Соединенных Штатов, полностью прекратиться, если индейцы не приложат разумные и удовлетворительные усилия, чтобы улучшить и развить свое состояние; в данном случае для них будут назначены другие условия, согласно подходящим или надлежащим суждениям президента и Конгресса." Может ли быть более полная передача всех выгод, предусмотренных соглашением, чем эта!

Земли назначались им "частями," свидетельства о владении выпускались специальным уполномоченным по делам индейцев, который записывал имена отдельных людей. "Земли распределялись отдельно для исключительного использования и выгод собственников и их наследников." У каждого индейца должно было быть сорок акров земли, "и каждому желательно, исходя из условий реальности, включить в его земли достаточную часть леса и воды."

В десятой статье соглашения речь идет о ренте, которая теперь будет выплачиваться арапахо и шайеннам до тех пор, пока выполнялись прошлые взаимные соглашения. Седьмая статья гласила, что президент, по согласию Конгресса, уполномочен вносить изменения в любое "ранее заключенное соглашение" в такой манере и в такой степени, как он посчитает нужным и целесообразным интересам индейцев.

Может ли сообщество людей быть более связанным и находиться во власти правительства? Некоторые из групп шайеннов, которые не были представлены на этом совете, были очень неудовлетворены соглашением, и вполне очевидно почему. И с течением времени, все группы стали неудовлетворенными. Два года спустя мы находим, что вместо того, что они "по отдельности" обосновались на тех фермах, обзор их земель был едва только закончен, и что "скоро будет заключен контракт на строительство канала с целью орошения их пахотной земли." "Нужно надеяться," - пишет руководитель Агентства Колорадо, - " что когда будут сделаны все необходимые приготовления для их пропитания посредством сельского хозяйства, эти племена постепенно прекратят брожение, и остепенятся." Весьма вероятно, что на таких условиях, полуголодные существа будут очень даже рады остепениться. Уже прошло десять лет с тех пор, как они ужасно голодали каждую зиму, пытаясь то тут, то там вырастить немного кукурузы, и прося выслать им фермера и кузнеца. Теперь они разделяются на малочисленные группы и охотятся на буйвола везде, где только могут его найти. Они разбиваются на маленькие группы потому, что уже больше не существует достаточно многочисленных стад. Губернатор Колорадо в своем отчете за 1863 год говорит, что "эти многочисленные подразделения племен создают

значительные трудности в поиске действительно виновных в совершении преступлений." Часто совершаются нападения и ограбления, но считать целое племя ответственным за действия некоторых - явно несправедливо.

Ситуация в Колорадо быстро ухудшалась. Это "создание условий для пропитания индейцев сельским хозяйством и выпасом скота" - которое заняло так много места в соглашении - не было сделано; ни фермер, ни кузнец не приехали, мукомольный завод не был построен; контракт на строительство оросительного канала, без которого никто не сможет выращивать зерновые культуры в Колорадо, даже на пашне, не был воплощен в жизнь. Многие шайенны и арапахо придерживались системы репрессий и обворовывания поездов с эмигрантами. Пытаясь совершить эти грабежи, они совершили много ужасных убийств. Все равнинные племена были более или менее заняты этим произволом. И еще перед разгаром лета 1864 было очевидно, что правительство должно вмешаться сильной рукой, чтобы защитить эмигрантов и западных поселенцев - чтобы защитить их от последствий собственной недобросовестности по отношению к индейцам. Губернатор Колорадо призывал к военной помощи и полномочий провести против индейцев военную кампанию, которые ему дали. Но из-за того, что без сомнения многие из индейцев были все еще миролюбивы и лояльны, и он желал избежать понесения ими наказания вместе с виновными, он выпустил в июне уведомление, прося всех, кто был дружелюбен, прибыть в те места, которые он определил, и что там они должны быть уверены в безопасности и защите. Это уведомление разослали всем индейцам на равнинах. После этого в форт Лайон прибыли несколько групп дружественных арапахо и шайеннов, были приняты руководителем, обеспечены рационом и уверены в своей безопасности. Здесь же 29-ого ноября произошла резня - одна из самых жутких, которую видел мир. На этот лагерь дружелюбных индейцев на рассвете внезапно напали, и хладнокровно убили мужчин, женщин и детей. Большинство из тех, кто убежал, сбежали на север, присоединились к другим группам племени, и сразу же пошли обратно, чтобы совершить справедливую месть. Последовала ужасная война. Некоторые из них объединились с сиу и вели неустанную войну на всех маршрутах эмигрантов через равнины. Эти военные действия были горькими, по сравнению с горечью негодования, которое чувствовали беженцы этой резни. "Теперь очень нескоро в умах этих варваров может быть восстановлена вера в честь и человечность белых," - говорится в официальном сообщении, - "И прежде, чем эффект этой резни пройдет, вероятно, умрет последний индеец, который избежал зверской смерти в Сенд Крик. "

В октябре следующего года некоторые из групп, заручившись сначала обещаниями их безопасности, которую гарантировал старый и верный друг, И. Х. Ливенуорт, агент по делам индейцев в Верхнем Арканзасе, собрались вместе в Литл Арканзасе, чтобы держать совет со специальными уполномоченными Соединенных Штатов. Агенты правительства были уполномочены президентом полностью компенсировать потерянную собственность оставшимся в живых после резни в Сенд Крик; "загладить вину" настолько, насколько это возможно. Каждой женщине, которая там потеряла мужа, они дали сто шестьдесят акров земли; каждому ребенку, который потерял родителя - то же самое. Вероятно, даже индейская женщина считала бы сто шестьдесят акров земли плохим эквивалентом за убитого мужа; но часть предложений были приняты племенем хорошо, и нет ничего более вызывающего жалость во всей истории этой терпеливой расы, чем спокойные и разумные речи, сказанные некоторыми вождями шайеннов и арапахо на этом совете. Черный Котел, вождь, на доме которого развевался американский флаг, а ниже был привязан белый флаг, сказал во время резни: "Я когда-то думал, что остался

единственным человеком, который упорно продолжал быть другом белых; но с того момента, как они пришли и разрушили наши дома, забрали лошадей и все остальное, мне трудно и дальше верить белым. * * * Все мои друзья индейцы, сдерживают себя, они боятся, что будут преданы так же, как и я. Я не боюсь белых, но хожу и беру вас за руку." В другом месте, Черный Котел говорил о воинах полковника Чивингтона как “о группе глупых солдат, которые ограбили наши дома и убили наших женщин и детей. Это для нас тяжело." С великодушием и мудростью, которым белые подражали в своих суждениях об индейцах, он признал, что это будет абсурдно и также - несправедливо, сомневаться во всех белых из-за действий той "группы глупых солдат".

* (Когда епископом Уиппл спросил генерала Харни является ли Черный Котел враждебным индейцем, тот ответил, положа руку на сердце: "Я ношу эту униформу 55 лет. И он был столь же истинным другом белых, как и я.")

По условиям этого соглашения, отдельно для шайеннов и арапахо должна была быть создана новая резервация; враждебные действия с обеих сторон решались в арбитражном порядке; на территорию резервации поселение белых не допускалось; большая часть земли должна была "остаться" индейцами, но им "разрешили проживать и свободно охотиться всюду по незаселенным частям той части страны, которая, по их заявлениям, первоначально и была их." Соединенные Штаты оставили себе право построить дороги и устанавливать форты в резервации, и обещали "ежегодно, в течение сорока лет" платить определенные денежные суммы каждому человеку в племени по двадцать долларов, пока они не были обоснуются на их резервации; после этого - сорок долларов каждому. С этой целью весной, во время выплаты ренты, было обещано проведение точной ежегодной переписи населения индейцев.

Индейцы ушли с этого совета полные надежды и удовлетворения. Их самые старые друзья, полковник Бент и Кит Карсон, были среди специальных уполномоченных, и они чувствовали, что наконец у них было соглашение, которому они могли доверять. Их старая резервация в Колорадо (в которую они никогда возможно уже и не должны были возвращаться) вернулась в общественную собственность, и они в своем новом доме надеялись на большую безопасность и мир. Апачи, к которым прежде присоединились айова и команчи, теперь присоединились к шайеннам и арапахо, и также получали все преимущества нового соглашения. Небольшая часть племени, в основном - молодые люди с горячей кровью, все еще держались в стороне от других и отказывалась принять условия соглашения. Одна буйная группа, названная Dog Soldiers, была особенно упрямой; но перед концом следующего года они также решили пойти на юг и присоединиться к остальной части племени в новой резервации. Зимой происходили случайные военные стычки, одну из которых имеет смысл упомянуть, поскольку подобные инциденты были типичны.

28 февраля сын некоего г-на Боггса был убит и скальпирован группой из четырех шайеннских индейцев приблизительно в шести милях на восток от Форт-Доджа на реке Арканзас. При расследовании выяснилось, что г-н Боггс пошел в индейский лагерь без каких-либо полномочий и там начал обменивать 11 купюр по 1$ (вероятно - фальшивых; прим.пер.) на 1 купюру в 10$. Один индеец, которого так уже обманывали, узнал г-на Боггса, пошел к нему и потребовал компенсацию; и, в результате препирательств и последовавшей борьбы, был убит сын г-на Боггса. Эта история дается в официальном сообщении подполковника Гордона, США. Подполковник Гордон добавляет: "Я думаю, что этот случай не нуждается в дальнейших комментариях."

Шейенны не долго были мирными. Летом Сенат добавил к этому последнему соглашению поправку, требующую, чтобы их новая резервация было полностью "за пределами Канзаса, и за пределами любой существующей индейской территории, за исключением, если живущие там племена согласятся." Поскольку резервация была частично в Канзасе, а частично - на землях чероки, эта поправка оставила их буквально вообще без дома. В этих обстоятельствах, молодые люди племени скоро снова начали присоединяться к другим враждебным индейцам и совершать ограбления и нападения вдоль крупных равнинных почтовых маршрутов. Их снова, очевидно - заслуженно, разбили войска Соединенных Штатов, и летом 1867 шайеннская деревня в триста домов была сожжена солдатами Соединенных Штатов под командованием генерала Хэнкока. К счастью, все женщины и дети сбежали при первых новостях о подходе армии. Вскоре после этого, с шайеннами был проведен очередной совет, и еще раз сомнительный мир был подтвержден соглашением; но он был почти немедленно нарушен - снова из-за отказа правительства выполнить условия соглашения. То, что некоторые члены этих племен также не придерживались условий соглашения - несомненно верно, но, безусловно, большая часть индейцев была лояльна и миролюбива. "Существенной причиной этой войны," как признало само Бюро по делам индейцев, - "был тот факт, что правительство из-за отсутствия ассигнований было вынуждено прекратить им поставки запасов, и разрешило им снова вернуться к охоте в качестве основного источника пропитания."

В 1868 земля, "ограниченная с востока Арканзасом, с юга - Техасом, с севера - Канзасом, и с запада - сотым меридианом долготы, была отделена для исключительного использования шайеннами, арапахо, кайоуосами, команчами, и другими группами, которые могли быть туда переселены надлежащим органом власти;" все это вместе было объявлена "военным районом" под командой генерал-майора Хэйзена, США. В октябре того же года, майора Винкупа, который был преданным другом шейеннов и арапахо начиная с трагедии в Сэнд Крик, 'опубликовал в письме специальному уполномоченному по делам индейцев свой последний протест от их имени'. Он говорит, что отказ правительства выполнить условия соглашения касательно поставок припасов, вынудил индейцев снова обратиться к охоте; и затем, отказ правительства дать им оружие и боеприпасы, обещанные в соглашении, оставил их без любых средств надежного обеспечения успешной охоты; следовательно - последовали ограбления. Вожди обещали выдать майору Винкупу виновных, "но прежде, чем прошло достаточное количество времени, чтобы вожди выполнили свои обещания, на их земли вошли войска и индейцы убежали. * * * Даже после того, как большинство шайеннов было вынуждено стать на тропу войны из-за плохих действий части их сограждан, несколько групп шайеннов и все племя арапахо возможно было сохранить в мире, если бы в то время были предприняты надлежащие действия; но теперь - все индейцы Верхнего Арканзаса заняты борьбой. "*

В 1869 много арапахо и шайеннов переселились в Монтану, и жили в местности Грос Вентрес; большинство из тех, кто остался на юге, были мирными, и, казалось, были склонны соблюдать положения соглашения, но искренне умоляли позволить им переселиться дальше на север, где они могли бы охотиться на буйволов.

* 27-ого октября этого года Черный Котел и вся его группа были убиты войсками генерала Кастера в Антелопа Хиллз на Реке Уичито.

В 1870 под руководством агента Общества Друзей, улучшение южных шайеннов было замечательно. Построили здания, вспахали и засеяли земли, и агент сообщает, что " с

надлежащей заботой со стороны правительства," с этим племенем не будет никаких "серьезных проблем", хотя кровь и них все еще немного играет.

В 1872 о шайеннах и арапахо сообщают как "о лояльных правительству в поддержании мира на границе. В критические времена за прошлые два года группами киова, совершавшими набеги, применялись различные очень сильные аргументы, чтобы убедить арапахо и шайеннов присоединиться к ним и нападать на белых; но все эти призывы были отклонены, и, как племя, они остались лояльными и мирными."

Тридцать семей северных шайеннов возвратились в этом году и присоединились к своему племени, но многие из них все еще бродили среди северных сиу. В 1874 в агентстве Ред Клауд, как говорили, жили более трех тысяч северных шайеннов и арапахо. Правительство не разрешило им больше там оставаться; и, после многочисленных протестов, и выражений нежелания переселяться, они наконец согласились пойти на индейскую территорию. Но их переселение было отсрочено из-за буйного состояния южных шайеннов. В начале весны среди них вспыхнули проблемы из-за набега конокрадов на их резервации. Вождь Литл Роуб потерял сорок три ценных пони. Эти пони потом появились в продаже в Додж-Сити, Канзас, где сын Литл Роуба, с малочисленной группой молодых людей, прилагал неудачные усилия, чтобы вернуть их в свою собственность. Потерпев в этом неудачу, их группа, возвращаясь назад, украла первый попавшийся скот; но их преследовали канзасские фермеры, отбили скот и тяжело ранили сына Литл Роуба. Это было достаточно, чтобы начать всеобщую войну против белых во всем регионе; и история последующих нескольких месяцев была историей убийств и произвола шайеннов, киова, осагов и команчей. Шестьдесят семей шайеннов нашли убежище под защитой войск Соединенных Штатов в агентстве, и опять возникла старая проблема - как наказать виновных, не причинив вреда невинным. Под руководством генерала Майлза началась энергичная военная кампания против враждебных индейцев, весной 1875 основная часть врагов не сдалась - несчастные, полуголодные, полуголые, без крова, без пони - не было более жалкого зрелища, чем эта группа индейцев. Было непостижимо, как они так долго протянули - возможно, их поддерживали только почти упрямая гордость, неустранимая ненависть к белым и горечь от причиненного ими зла. Было решено, чтобы тридцать три из них, самых отчаянных, послали в качестве заключенных Св. Августину, Флорида; но прежде чем этих людей выбрали, произошла всеобщая суматоха приблизительно четыреста человек сбежали. Они укрепились и держались от двух часов пополудни до темноты против трех компаний конницы и двух пулеметов Гаттлинга, но, "под покрытием чрезвычайно темной и штормовой ночи, они сбежали, оставив на поле только троих мертвых." Невозможно не восхититься подобной храбростью. В Сообщении Бюро по делам индейцев за 1875 говорится о состоянии дел в этом агентстве в то время: "Дружественные шайенны поместили их лояльность под жесточайшее сомнение, сравнивая их собственное состояние с состоянием 'полностью питаемых и тепло размещенных пленников вооруженных сил США'. Несмотря на все лишения, они были непоколебимы в своей дружбе, и всегда были готовы помочь агенту поддержании порядка, и принуждали северных шайеннов, которые посещали агентство, пройти пересчет." Из-за военных действий они были вынуждены располагаться поблизости агентства в закрытом лагере - положение, которое могло едва можно было вынести. И оно привело к серьезным страданиям. Выделяемых им порций было недостаточно, чтобы пропитать их всех, и все же, будучи заключенными и не имея возможности охотиться, они полностью зависели от выдаваемых рационов. *И даже эти неадекватные рационы не приходили вовремя. Их агент в 1875 пишет: "По поводу прошлогоднего контракта по

поставкам муки - мы не получили ни одного фунта раньше четырнадцатого дня первого месяца 1875, после шести месяцев холодов и многих лишений. И это несмотря на многие заявления и срочные обращения от агента."

Теперь полностью порабощенные шайенны начали работать с желанием. Всего за один короткий год о них уже сообщают, что они настолько стремятся обрабатывать землю, что когда они не могли достать плуг или мотыгу, они использовали "топоры, палки и собственные руки, подготавливая почву, сажая и выращивая собственные продукты."

Северные шайенны все еще находятся на попечении агентства Ред Клауд, и о них сообщают как о беспокойных и проблемных.

В 1877 их всех переселили в агентство шайеннов и арапахо на индейскую территорию. В сообщениях правительства говорится, что они об этом сами попросили. Зима 1866 и лето1867 были очень активными сезонами в этом агентстве. Осенью они ушли на "большую охоту на буйвола", сопровождаемые небольшим отрядом войск из форта Рено. В начале зимы конокрады начали делать набеги на их пони, и украли их столько, что многие из индейцев были вынуждены подсесть на пони друзей, чтобы иметь возможность возвратиться домой. Всего украли 260 пони, и, как обычно, переправили в Додж-Сити и продали. Некоторых вернули; но потери индейцев оценили 2900 $. "Такие потери очень расстраивают индейцев," - пишет их агент, -"и это все является повторением старой истории, которая навлекала войну 1874."

В разгаре лета этого года сформировалась "Транспортная компания шайеннов и арапахо": правительство послало сорок оснащенных фургонов; индейцы снабдили лошадей; и 19-ого июля индейцы отправились своей новой роли "службы доставки" их собственного имущества. Они на их пони добрались до Уичито, Канзас, за сто шестьдесят пять миль - через шесть дней; нагрузили 65 000 фунтов груза в фургоны, и совершили обратную поездку, вернувшись через две недели. И все вещи были в хорошем состоянии.

Этот эксперимент был полностью проверен; и его результаты известны среди многих "незамеченных" опровержений постоянно повторяемого утверждения, что "индейцы не будут работать". Агент шайеннов и арапахо, свидетельствуя перед Комитетом Сената в 1879 году, говорит: "Мы управляли обозом, который ведут индейцы в Уичито, в течение трех лет и мы еще никогда не видели за работой пьяного индейца."

"Они тратят свои деньги впустую, или привозят их домой?"

"Они почти всегда тратят их на седла или одежду, или чего-то другое полезное для использования, чего им не дает правительство* * * Они никогда не украли и унции сахара, кофе, или чего-либо еще: они боялись хоть что-то повредить или испортить, и добросовестно все доставили."

Агент сообщает, что не видел ни одного случая пьянства в течение года. В школе и интернате ручного труда учатся 113 детей - "все, кого мы можем принять." Дети различной работой заработали в этом году 400$, и "израсходовали деньги эти деньги так же рассудительно, как сделали бы это белые дети их возраста." Они купили набивной ситец, хлопчатобумажную ткань, обувь, шляпы, несколько голов рогатого скота, и одну лошадь. Они также "приобрели множество деликатесов для своих друзей в лагере, которые были больны и нуждались."

"Одна шайеннская женщина красила одежды, обменяла их на двадцать пять двухлетних телок и отдала их своей дочери в школу. * * * Мальчики обрабатывают 120 акров кукурузы, 10 акров картофеля, сорго, сахарного тростника, арахиса, дынь и разнообразных овощей. Они имеют право забрать половину урожая за то, что выращивают его."

Это - изумительное сообщение об изменениях, вызванных в людях всего только за два года. Оказывается, что преступления и война 1874 и 1875 годов, были в значительной степени навязаны им обстоятельствами.

Зима 1877 и лето 1878 были ужасными сезонами для шайеннов. Их осенняя охота оказалась неудачной. Индейцы с других резерваций уже охотились на этой земле перед ними, и прогнали буйволов; шайенны порознь снова вернулись домой, голодные и в лишениях. Их агент сообщает, что результат этой охоты ясно доказал, что "в будущем индеец должен полагаться на обработку земли как на основное средство поддержки; и если это суждение сможет быть твердо установлено, то будет преодолено самое большое препятствие к продвижению в сельском хозяйстве. С исчезновением буйволом, и постоянным угоном их пони нашествиями конокрадов, они должны скоро принять способ жизни белого, во всех его вариантах. * * * Обычно, конокрадство преобладало всегда, и немного случаев успешного преследования воров только увеличили их дерзость и число случаев воровства. Пока не будет введена некая другая система закона, мы не можем надеяться на прекращение этого беззакония."

Пищевые рационы, позволенные этим индейцам были " скудны и недостаточны," а маленькие суммы, которые они были в состоянии заработать, продавая шкуры буйволов, как говорят, были "материальной помощью" им, чтобы они смогли добавить себе к этой порции. Но в этом году шайенны и арапахо вместе продали кожи лишь только на 657$. Тогда как в 1876 они продавали в сумме на 17 600$. Вот достаточное уменьшение, вызвавшее значительные страдания в небольшом сообществе в 5000 человек. Но это было только началом их проблем. Летом была необычайная жара и засуха. Экстремальная жара, холод, лихорадка и "скудный и недостаточный рацион" - это все в сумме привело ужасающему количеству заболеваний. Сердце разрывается об этом читать.

Северные шайенны становились все более беспокойным и недовольным. "На советах и в других местах они выражают интенсивное желание, чтобы их направили на север, где, по их словам, они осядут и успокоятся, как до этого сделали многие другие," - говорится в сообщении. Затем добавляется с необъяснимой тупостью, что "в отношениях с индейцами на происходило никаких перемен", но что "покладистость и взаимодействие" этих северных шайеннов было "совершенно другой природы, чем у других индейцев," и что может быть "в будущем будет необходимо навязать то, чего мы до сих пор были неспособны добиться добротой и обращением к их лучшим чувствам."

Если это - "обращение лучшим чувствам людей" - силой выгнать их из здорового северного климата, который им нравится и в котором они процветают, в малярийный южный, где их косит лихорадка, отказываться дать им лекарство от лихорадки, и, наконец, заморить их голодом - то это действительно жестокое и насильственное обращение к лучшей половине этих северных шайеннов. То, что из этого последовало, можно было предугадать.

Ранней осенью, после этого ужасного лета, группа из приблизительно трехсот северных шайеннов сделала отчаянный шаг и попыталась сбежать обратно в Дакоту. Их преследовали, они

отчаянно боролись, но были наконец подавлены и сдались. Но сдались они, однако, только при условии, что из отведут в Дакоту. Они были единодушны и заявили, что скорее умрут, чем вернутся назад на индейскую территорию. Это фактически показывало, что они охотнее умрут под пулями, чем от холодов, лихорадки и голода.

"Это - не преувеличенная оценка," - говорит агент, - "считать, что число больных людей в резервации составляет 2000. Было много смертельных случаев, которых, возможно, удалось бы избежать, если бы под рукой было достаточно противомалярийных средств. * * * Сотням тех, кто обращался за помощью, в лечении отказали."

Этих индейцев привели в форт Робинзон, Небраска. Здесь они были взяты под стражу как военнопленные и перешли под управление Министерства внутренних дел. Государству сообщили о категоричном заявлении индейцев, что они никогда живыми не вернутся на индейскую территорию. Ответственные офицеры повторили эти заявления, и попросили государство разрешить им остаться на севере; но это не возымело эффекта. Прибыли повторные приказы, строго настаивающие на возвращении этих индейцев в их агентство. Командир форта Робинсон строго порицался за тот курс, который он преследовал, стараясь выполнить те приказы. Трудно представить, что еще он, возможно, мог сделать, кроме как пойти в отставку. Он не мог взять триста индейцев и чистой грубой силой перенести их на сотни миль, особенно когда они были настолько отчаянны, что разбили железные печи в своих жилищах и превратили их детали в оружие, которым можно было сопротивляться. Он думал, возможно, что сможет заморить их голодом и так добиться подчинения. Он перестал выдавать еду; он также перестал выделять им топливо для обогрева. Это была середина зимы; в том месяце в форте Робинсон замерзилась даже ртуть. Через два дня он попросил, чтобы индейцы позволили своим женщинам и дети выйти, чтобы он смог их накормить. Ни одна женщина не вышла. Ночью четвертого дня, или, согласно некоторым свидетелям - шестого, эти голодные, замерзшие индейцы побороли охранников и сбежали из тюрьмы, забрав с собой женщин и детей. Они подавляли преследующие их войска в течение нескольких дней. Наконец, они устроили последний рубеж в глубоком ущелье и были там расстреляны - мужчины, женщины, и дети, все вместе. Из всего поселения остались в живых приблизительно пятьдесят женщин и детей, и семь мужчин, которым повезло, что они были заключенными в другой части форта, иначе они бы приняли участие в этом восстании и встретили смерть в ущелье. Их, с женами и детьми, послали в форт Левенворт и поместили в тюрьму; мужчин судили за убийства, совершенные ими в перестрелках в Канзасе по пути на север. Красное Облако, вождь племени сиу, немедленно после этой резни прибыл в форт Робинсон и упросил, чтобы ему позволили взять шайеннских вдов и сирот в его племя, где бы о них позаботились. Поэтому правительство любезно разрешило двадцати двум шайеннским вдовам и тридцати двум шайеннским детям - многие из них были сироты - чтобы их приняли в племя огаллалла сиу.

Специальный уполномоченный по делам индейцев предпринял попытку с помощью таблиц и цифр показать в своем отчете за 1879, что эти индейцы не голодали во время их бегства с индейской территории. Эта попытка только способствовала его собственному позору. Комитетом Сената, когда он исследовал случай северных шайеннов, было доказано с помощью показаний, данных бывшим клерком Бюро по делам индейцев, что специальный уполномоченный был виновен в абсолютной непорядочности его оценок, и что количество говядины, которую фактически выдавали Шайеннскому агентству, было на сотни фунтов меньше, чем он сообщал об этом, и что индейцы действительно, как они утверждали, голодали.

Показания, данные перед этим комитетом некоторыми шайеннскими заключенными, просто душераздирающие. Нужно иметь черствое сердце, чтобы читать их спокойно.

Когда его спросил сенатор Морган: "Вы когда-нибудь страдали от голода по-настоящему?", один из вождей ответил: "Мы всегда были голодны; у нас никогда не было достаточно. Когда те, кто заболевал, просили чего-нибудь поесть, мы ничего не могли им дать."

"А разве вы иногда не выходили на равнины и не охотились на буйвола, с согласия агента?"

"Мы пошли на охоту на буйволов, и почти умерли от голода в процессе охоты; мы едва смогли найти буйволов; мы едва смогли возвратиться с нашими пони; мы должны были убить очень много наших пони, чтобы съесть их и спастись от голодной смерти."

"Сколько детей заболело и умерло?"

"Между осенью 1877 и 1878 мы потеряли пятьдесят детей. Очень многие из наших лучших молодых людей - умерли, также как и многие женщины."

"Старая Ворона," вождь, который многие годы был союзником и искренне служил бойскаутом под началом генерала Крука, сказал: "У меня некоторое время не было желания что-либо делать, потому что у меня не было сердца. Я не хотел быть в этой стране. Я все время желал возвратиться в лучшую страну, где я родился, и где похоронены мои дети, и где все же живут моя мать и сестра. Поэтому я лежал в своем домике большую часть времени, не думая ни о чем, кроме как о той ужасной трагедии в форте Робинсон, и о моих родственниках и друзьях, которые были там убиты. Но теперь я чувствую, что если бы у меня были фургон, одна-две лошади и немного земли, я попытался бы работать. Если бы у меня было хоть что-то, чем я бы мог себя занять, то я бы не думал об этих других вещах. Теперь же, я чувствую себя так, как если бы я также скоро уснул, вместе с остальными."

Жена одного из вождей, заключенных в форте Левенворт, свидетельствовала перед комитетом следующим образом: "Главное, на что я жаловалась - это то, что мы недоедали; мои дети почти погибли голодной смертью; потом начались болезни, и у нас не было для них никакой хорошей пищи; в течение долгого времени лучшее, что они могли есть, было фуражное зерно и соль. Некоторое время каждый день умирало три или четыре ребенка, и это нас пугало."

(Это свидетельство было взято в форте Рено на индейской территории.)

Когда ее спросили, хочет ли она что-нибудь сказать комитету, бедная женщина ответила: "Я желаю, чтобы вы сделали все, что можете, чтобы освободить моего мужа. Мне здесь очень плохо, и я не знаю, что со мной будет. Если бы его освободили, он бы сюда приехал, и мы жили бы вместе спокойно, не причиняя никому вреда и проблем. Но я никогда не смогу побороть свое желание возвратиться на север; я всегда буду хотеть возвратиться туда, где родились, умерли и были похоронены мои дети. Та местность лучше чем эта во всех отношениях. Там много хорошей, прохладной и чистой воды, в то время как здесь вода - не хорошая. Это там не такая горячая, не создает болезни. Вы идете туда, где заключен мой муж? Вы можете сказать, когда он будет свободен?"

Сенаторы были обязаны ответить ей, что они не идут туда, где находится ее муж, и они не могли сказать, когда он будет освобожден.

Из-за болезней и страданий этих индейцев в 1877 и 1878 годах, отчеты, сделанные в 1879 по поводу промышленности и прогресса в агентстве шайеннов и арапахо - почти невероятны. Школьники на свой доход купили сто голов рогатого скота; индейцы транспортировали в течение года 451 000 фунтов фрахта; они также создавали кирпичи, кололи дрова, делали сено, перевозили древесину, разделяли и перевозили рельсы; они заработали таким образом 7121,25$. Двух девочек в школе повысили в должность учителей; почтовый подрядчик Соединенных Штатов между этим агентством и фортом Эллиот на расстоянии 165 миль от Техаса работал почти исключительно с энергичными индейцами: "не было никаких сообщений о злоупотреблении доверием со стороны индейцев, связанных с этим делом, и подрядчик выражает свое все одобрение их поведению."

Также заявлено, что было недостаточно одежды, чтобы снабдить каждого индейца теплым набором одежды, "как это было обещано соглашением," и что "согласно официальной корреспонденции, устанавливается тот факт, что шайенны и арапахо рассматриваются как не имеющие законных прав на любые земли. Они утратили свои резервации по соглашению из-за неспособности создать нормальное поселение," и их "существующая резервация пока еще не подтверждена Конгрессом. Поскольку индейцы полностью поняли, и были уверены, что эта резервация дана им по соглашению как их земля, и они начали обрабатывать эту землю, полагая, что нет никакой неуверенности по поводу этого вопроса, то вполне справедливо, что нужно срочно предпринять определенное действие, обеспечив им то, что является их по праву."

Кажется, что нигде больше нельзя найти отчета о злоключениях наших индейцев с более явными случаями несправедливости, чем этот. Шайеннов преследовали и убивали за то, что они рискнули покинуть эту резервацию, которое, как оказывается и не является их резервацией, и у них нет на нее никакого законного права. Есть ли слова, могущие адекватно охарактеризовать подобное обращение большой, сильной, богатой страны с горсткой беспомощных людей?

ГЛАВА IV.

Персе.

Ограниченный на севере, юге, и востоке снежными горами, на западе - сияющими водами; держащий в своих скалистых проходах источники шести больших рек; несущий на своих склонах и равнинах неизмеримые сосновые, кедровые и еловые леса; в садах и лугах летних цветов и фруктов, лежит сокровищница изобилия - Орегон: широкий, здоровый, красивый, богатый, и зовущий. Неудивительно, что он был желанной обителью и за него боролось.

Когда восемьдесят лет назад его посетили Льюис и Кларк, они нашли, что здесь живет много племен индейцев, численностью, по самым низким оценкам, между 20 и 30 тысяч; из всех этих племен нэз-персе были самым богатым, самым благородным, и самым добродушным.

Племени кайюсов, одному из самых воинственных в этой местности, миссионеры Льюис и Кларк представили американский флаг, говоря им, что это - эмблема мира. Яркие цвета и красота этого флага, к которым присоединилось подобное значение, произвели глубокое впечатление на поэтические умы этих дикарей. Они установили флаг в красивой долине, названной Гранде Ронде - в плодородном бассейне приблизительно в двадцать пять миль в диаметре, окруженном высокими стенами базальтовой скалы, и орошаемом отделением реки Снейк Ривер: под этим флагом они встретили своих старых врагов - шошонов, и поклялись сохранять с ними бесконечный мир; и это место стало посвященным ежегодному собранию племен - своего рода ярмарка, куда индейцы кайюзы, нез персе, и уолла-уолла приезжали каждое лето и обменивались с шошонами корнями, кожей, мясом лося и буйвола, лошадьми. Это было красивое место, почти круглое, обильно покрытое травой, вокруг этого холма стеной стояли толстые вечнозеленые деревья, в основном - лиственница. Индейцы назвали ее Karpkarp, что было переведено как - "Balm of Gilead"(тополь крупнолистный (Populus candicans); прим.пер.).

Жизнь этих индейцев была специфической. У большинства из них было несколько домов, и поскольку они жили в каждом доме только часть года, о них путешественники часто говорили, как о кочевых племенах, в то время как фактически они были столь же преданы своим домам как любые цивилизованные жители мира; и их блуждание было столь же систематическим как и переезды богатых городских людей из городских домов в окрестности города. Если бы человек был достаточно богат, и достаточно любил перемены, чтобы иметь зимний дом в Нью-Йорке, летний дом в Ньюпорте, и осенний дом в Уайт-Маунтине, то никто и не подумал бы называть его кочевником; и еще меньше вероятность этого, если он производил эти последовательные переезды ежегодно, с четкой регулярностью, вследствие возможностей, которые периодически открывались ему в этих местах, и позволяли зарабатывать себе на жизнь. Это как раз была ситуация орегонских индейцев.

Как только весной исчезает снег, в определенных окрестностях появляется готовый к сбору "pohpoh"- овощ, похожий на лук. За этим следуют "spatlam", за "spatlam" - "cammass" или "ithwa" - корнеплоды вроде пастернака, из которых индейцы делают прекрасную еду. В разгар лета в бесчисленные мелководья реки приплывает лосось. Август - месяц для ягод, которые они в больших количествах сушат на зиму. В сентябре, но теперь - по течению, приплывает лосось - истощенный брачным сезоном и готовый умереть, но все равно - в достаточно хорошем состоянии, чтобы его можно было засушить на зиму. В октябре поспевает "me sani" - еще один важный корнеплод в кладовой индейца. После этого они зависят от охоты на оленя, медведя,

мелкую и крупную дичь. Если все эти ресурсы пропадают, то есть своего рода лишайник, растущий на деревьях, который можно вполне себе есть и не позволять телу голодать, хотя его пищевые качества очень низки. Таким образом, у каждого сезона есть свои задачи и свое назначенное местожительство, и год за годом в один и тот же месяц они жили на одном и том же месте.

В 1833 делегация от этих орегонских индейцев поехала в Сент-Луис. Г-н Кэтлин, художник, узнал ее задачи: “спросить правда ли то, что некоторые белые утверждали, что их религия - лучше, чем наша религия, и что они были бы полностью потеряны, если бы не приняли ее." Два члена этой делегации были индейцами нез-персе " Хи-ох'кс-те-кин "и "Х'ко-а-х'ко-а-х'еоте-мин ", или "Узкие брюки из кролика," и "Без рогов на голове." Их портреты можно найти в "Catlin's American Indians." Один из них умер на пути домой; но другой благополучно проехал тысячи миль обратно домой, и сообщил назад своему племени новости, "что ответ на их вопросу, который они услышали, был хорошо сформулирован, и что добрые духовники скоро приедут к ним, чтобы преподать им эту религию так, чтобы они могли все понять и получить от этого пользу".

Два года спустя Общество епископальных методистов и Американский совет послали в Орегон миссионера. До этого момента индейцы могли наблюдать лишь религию "торговцев мехом". Помимо залива Гудзона и Северо-западных Компаний в этой стране были проведены одиннадцать различных компаний и экспедиций, и индейцы слишком хорошо узнали их стандарты и методы. Спустя несколько лет после прибытия миссионеров в Орегон, тамошний путешественник сделал следующий отчет о своем опыте с гидом нез-персе:

"Криики (так его звали) был очень любезным человеком; он разгрузил моих уставших лошадей и переложил мой багаж на своих; он дал мне роскошную лошадь и жестами сообщил, что этим днем мы пройдем небольшое расстояние. Я дал свое согласие, и скоро мы уже были в пути.

Проехав приблизительно десять миль, мы разбили лагерь на ночь. Во время поездки я отметил степень воздержанности друг к другу, которую я прежде никогда не наблюдал у этой расы. Когда мы остановились на ночь, два мальчика из компании были позади; они резвились со своими лошадями, и, с наступлением темноты, потеряли нас из виду. Прошло полчаса прежде, чем они нашли нас, и в это время родители проявляли за них самую тревожную заботу. Одному из них было всего лишь три года, и он был пристегнут к лошади, на которой ехал; другому - всего только семь лет - два молодых пилота в дикой ночной пустыне. Но старший брат, верный проницательный сын своей нации, взял курс вдоль ручья, у которого мы расположились лагерем в трехстах ярдах. Гордость родителей за этом подвиг, и их горячая любовь к детям были заметны в том удовольствии, с которым они приняли их детей у вечернего костра и слушали рассказ об их ребяческих приключениях. Погода была настолько мягкая, что мы даже не разбивали палатки. Мы согнули ивы и набросили на них шкуры буйвола. На пол положили еще шкуры, на которых на одной стороне сел мой индейский хозяин с женой и детьми, а на другой - я. Перед жилищем разожгли костер, принесли воды, и после вечерних гигиенических процедур, его жена представила мясное блюдо своему мужу, и одно - мне. Наступила пауза. Женщина села между своими детьми. Индеец тогда склонил свою голову и помолился Богу. Блуждающий дикарь в Орегоне обращался к Иегове от имени Иисуса Христа! После молитвы он дал мясо своим детям и передал блюдо своей жене. Во время приема пищи, частое повторение слов "Иегова" и "Иисус Христос" в самой почтительной манере, позволили мне предполагать, что они разговаривали на

религиозные темы, и таким образом провели час. Тем временем, чрезмерная усталость от путешествий в этот длинный день, убедила меня искать отдых. Я задремал не знаю на сколько времени, когда внезапно был разбужен музыкой.

Индейская семья была занята вечерними делами. Они пели гимн на языке нез-персе. Закончив, они все стали на колени, склонили лица на покрывало из шкуры буйвола, и Криики долго и пылко молился. Позже они спели еще один гимн и удалились ко сну. Этими действиями к гостеприимству, семейной привязанности, и преданности Крики добавил еще и честность и чистоту. И это, вопреки природе и привычкам его расы, явилось причиной положительного влияния духовной работы на сердце."

Самое раннее упоминание о нез-персе в официальных документах индейского Бюро датируется 1843 годом. В том году был послан агент, чтобы расследовать состояние Орегонских племен, и он сообщает следующее: "Единственные племена, от которых можно многое ожидать или которых можно хоть сколько-нибудь бояться в этой части Орегона - это валла-валла, кайюзы, и нез-персе, населяющие район на Колумбии и ее притоки, начинаясь в 240 милях от ее устья, и протягиваясь на 480 миль внутрь."

Нез-персе, живущие дальше внутри страны, "населяют живописный регион, не превзойденные ничем, что я видел до сих пор - зелень, вода, климат, здоровье людей. Это племя составляет благородное исключение из общего индейского характера - они более благородные, трудолюбивые, разумные и более расположенные к белым и их новациям в искусствах и науках; и хотя они храбрые как Цезарь, белым нечего бояться в случае контакта с ними, что они что-то задумывают, поскольку эти люди справедливы и равноправны."

Когда этот агент достиг миссионерской станции среди нез-персе, он был встречен там большим количеством индейцев с двадцатью двумя вождями. Миссионеры приняли его "с радостью и сердечностью;" индейцы - "с любезностью, представительностью, и уважительной отдаленностью."

Он подробно к ним обратился, объяснив им добрые намерения правительства. Они слушали "важностью, четким вниманием и культурой." Наконец, старый девяностолетний вождь встал и сказал: "Сегодня - я говорю; завтра, возможно, я умру. Я - самый старый вождь племени. Я был верховным вождем когда ваши великие братья, Льюис и Кларк, посетили эту страну. Они посетили меня, и удостоили меня их дружбой и советом. Я показал им свои многочисленные раны, полученные в кровавом сражении со Змеями. Они сказали мне, что это не хорошо; что лучше - находиться в состоянии мира; дали мне белый флаг; я высоко поднял этот флаг. Мы встречались и говорили, но никогда больше не воевали. Кларк указал на сегодняшний день и на этот случай. Мы долго ждали; мы послали трех наших сыновей в школу Ред-Ривер, чтобы подготовиться к этому; двое из них уже спят с праотцами; третий - здесь, и может быть для нас ушами, ртом и ручкой. Я не могу больше говорить; я быстро устаю; мой голос и конечности дрожат. Я рад, что живу и вижу вас в этот день; но скоро я обрету покой смерти."

На этом совете нец-персе выбрали главного вождя по имени Эллис, и приняли следующий Кодекс Законов:

Статья 1. Кто бы преднамеренно заберет жизнь, будет повешен.

Статья 2. Кто намеренно сожжет жилой дом, будет повешен.

Статья 3. Кто сожжет надворную постройку, будет заключен в тюрьму на шесть месяцев, получит пятьдесят розг и возместит все убытки.

Статья 4. Кто по неосторожности сожжет дом или любую собственность - должен возместить убытки.

Статья 5. Если кто-либо войдет в жилье без разрешения жителя, то вожди должны наказать его так, как найдут подходящим. Исключение составляют общественные комнаты.

Статья 6. Если кто-то совершит кражу, он должен заплатить двойную стоимость украденного; если украденное имеет невысокую ценность, равную коже бобра или меньше, то виновный должен получить двадцать пять розг; а если ценность украденного будет больше оной у кожи бобра, то он должен заплатить вдвойне и получить пятьдесят розг.

Статья 7. Если кто-либо возьмет лошадь и будет ехать на ней без разрешения, или возьмет какой-либо предмет и будет использовать его без разрешения, то он должен заплатить за его использование и получить от двадцати до пятидесяти розг - на усмотрение вождя.

Статья 8. Если кто-либо войдет на поле и повредит урожай, или повалит забор так, чтобы на поле вошел рогатый скот или лошади и этим нанесет ущерб, то он должен возместить все убытки и получить двадцать пять розг за каждое преступление.

Статья 9. Только те люди могут держать собак, которые путешествуют, или живут среди дичи. Если собака убьет ягненка, теленка, или какое-либо домашнее животное, то владелец должен возместить убытки и убить собаку.

Статья 10. Если индеец поднимет пистолет или другое оружие против белого, то об этом нужно сообщить вождям, и они должны наказать его. Если белый сделает то же самое по отношению к индейцу, то о нем нужно сообщить доктору Вайту, и он должен наказать его или возместить ущерб.

Статья 11. Если индеец нарушит эти законы, то он должен быть наказан его вождями; если белый нарушит их, то о нем нужно сообщить агенту, и он будет наказан уже агентом.

Эти законы, говорит агент, он "предлагал один за другим, оставляя индейцам право свободно их отклонить или признать. Они были очень довольны всеми предложенными, но пожелали в некоторых случаях более тяжелые штрафы, и предложили закон о собаках, который добавили в свод законов."

В истории Орегона, написанного одним В. Х. Грэем из Астории мы находим одного агента по делам индейцев, которого автор называет "печально известный дебил." Г-н Грэй обо всех людях, к которым у него присутствует антагонизм или неприязнь, выражается крепко и непристойно, что не способствуют доверию ему как автору, и не придает веса его словам в качестве свидетеля. Но невозможно избежать впечатления, что в этом случае он был недалеко от правды. Конечно, нельзя читать, без смешанного ужаса и скептицизма о программе столба для телесных наказаний, предлагаемой как одно из первых введений "добрых намерений правительства Соединенных Штатов" по отношению к этим индейцам; это один из первых практических примеров той цивилизации, которая рекомендуется и насаждается правительством Соединенных Штатов.

Мы не удивляемся, читая немного позже в другом рассказе о делах в Орегоне, что "индейцы хотят плату за то, что их будут хлестать - так же, как они хотели плату за то, что они будут молиться, чтобы понравиться миссионерам - во время большого возрождения 1839. * * * Некоторые из влиятельных мужчин племени желали знать - какую выгоду им принесет система наказаний кнутом. Они сказали, что готовы, чтобы это продолжалось, если они будут получать рубашки, штаны и одеяла в качестве награды за то, что их будут пороть. Их хлестали очень много раз, ничего за это не дали, и ничего хорошего после этого не наступило. Если такое положение дел должно было продолжиться, то это был бы не взаимовыгодный обмен, и от этого бы отказались."

Министр обороны, кажется, не увидел в этих оригинальных усилиях своего агента юридической линии. Он говорит об отчете, в котором включен этот поразительный кодекс - просто, что "есть некоторые очень интересные и любопытные детали, касающиеся отдельных индейских племен в той отдаленной части наших территорий," и что поведение нез-персе по случаю этой важной встречи "производит наиболее приятное впечатление."

В то же самое время, доклад, предоставленный преподобным г-н Сполдингом, который шесть лет прожил как миссионер среди нез-персе, читать намного приятнее. Он говорит, что "почти все толковые мужчины и руководители - ученики школы; и что они столь же трудолюбивы в своих школах, как и на своих фермах. Они культивируют свои земли с большим умением и хорошей выгодой, и еще многие делали бы так, если бы у них были средства. Приблизительно сто человек печатают собственные книги с помощью ручки. Это поддерживает сильный интерес, поскольку у них каждый день есть уроки, которые нужно напечатать; и то, что они печатают, должно быть запомнено как можно скорее. Многие из этих людей так хорошо продвинулись в чтении и печати, что оказывают большую помощь в обучении. Ночью они забирают книги домой, и каждый домик становится классной комнатой. Их уроки - уроки Священного писания; никакие другие книги (кроме сборов законов), их, кажется, не интересуют."

Даже этот миссионер, кажется, подпадал под некоторое странное очарование закона о телесных наказаниях кнутом, поскольку он добавляет: "Законы, которые вы так счастливо подготовили, и которые были единодушно приняты людьми, я напечатал в форме маленького учебника. И большая часть учеников школы теперь свободно их читает."

В отчете министра обороны за следующий год, мы читаем, что "племя нез-персе приняли несколько простых законов как свой кодекс, который преподаст им сдержанность, что является началом построения ими государства." Министр также думает, что "замечательно, что в Орегоне скоро должны появиться хорошо оборудованные, посещаемые и хорошо поддерживаемые школы." (Это нисколько не замечательно, учитывая, что миссионеры конгрегационалисты, методисты епископальной церкви и римокатолики работали в этом регионе в течение восьми лет.)

В 1846 нез-персе вместе с остальной частью орегонских племен исчезают из официальных документов Бюро по делам индейцев. В них говорится: "Будет необходимы некоторые издержки для того, чтобы улучшить наши отношения с индейскими племенами к западу от Скалистых гор...", но, - "когда вся проблема была объяснена и представлена Конгрессу, он не посчитал желательным продолжать действия, которые первоначально были задуманы как временные." Изобретатель столба для наказания плетью в Орегоне был поэтому освобожден от его обязанностей, и нужно надеяться, что его законы быстро вышли из употребления. В следующем году все протестантские миссии в Орегоне были оставлены из-за ужасной резни кайюзами

миссионерских семей, живущих среди них. Но нез-персе, хотя их и лишили обучения, не бросили веру и практику, которым их научили. Шесть лет спустя генерал Бенджамин Альворд предоставил следующее доказательство их религиозному характеру:

"Весной 1853 года белый человек, который прошел предыдущей зимой в страну нез-персе, прибыл на военный пост Даллас, и когда его расспросили об обычаях этого племени, он сказал, что провел зиму с группой их нескольких сотен людей, и что вся компания собиралась каждым вечером и утром для молитвы, которую проводил один из них на их собственном языке. Он заявил, что в воскресенье они собрались для увещевания и поклонения."

В 1851 руководитель и три агента были назначены для в Орегон для обслуживания тамошних индейцев. С некоторыми племенами заключили соглашения, но они не были ратифицированы, и поэтому в 1853 году в регионе было широко распространена неудовлетворенность среди индейцев. "Они стали подозрительно относиться ко всем обещаниям, делаемых им Соединенными Штатами," - говорит руководитель в Орегоне, - "Они полагают, что замысел правительства - это откладывать выполнение каких-угодно дел, пока они не зачахнут. Поселение белых на землях, которые сами индейцы расценивают как свои собственные, согласно соглашений, провоцирует частые недоразумения между ними и поселенцами, что увеличивает горькую враждебность и негодование. Меня каждый день с обеих сторон по шею засыпают жалобами и ходатайствами к восстановлению справедливости."

Губернатор Стивенс с Вашингтонской территории, отвечающий за "исследование и обзор северной тихоокеанской железной дороги", написал в этом году: "Эти племена, которыми до настоящего времени пренебрегали, и переход которых от диких странников к добрым и гостеприимным соседям известен вам лично, с точки зрения справедливости и человечности, должны быть наделены отеческой заботой правительства."

В отчете губернатора Стивенса можно найти всесторонний и понятный отчет о всех индейских племенах на территории Орегона и Вашингтона. Большая часть местности нез-персе находилась теперь в рамках территории Вашингтона, и только несколько групп оставались в Орегоне. Их, согласно оценкам, было по крайней мере 1800. О них отзывались как о "богатом и влиятельном племени, имеющем много лошадей." Каждый год они пересекали горы, чтобы охотиться на буйвола на равнинах Миссури.

В 1855 была значительная вспышка военных действий со стороны Орегонских индейцев. Племя за племенем, даже среди тех, кого считали дружелюбным, попадало в разряды враждебных. И были совершены некоторые низкие поступки предательства. Орегонские поселенцы, под угрозой опасности со всех сторон, естественно стали настолько взволнованными и испуганными, что их действия были поспешными и опрометчивыми. "Они не дисциплинированы, действуют без приказа и подобны сумасшедшим," - говорится в одном официальном сообщении. "Каждый день они угоняют лошадей и рогатый скот у дружелюбных индейцев. Я скоро больше не буду в состоянии сдерживать дружелюбных индейцев. Они возмущены столь недостойным поведением белых, которые сделали очень много обещаний их уважать и защищать, если они останутся преданными друзьями. Я уверен, что если 'добровольцев' не арестуют за бандитизм, то наши индейцы спасутся бегством и примкнут к индейцам нез-персе, обещавшим им помощь; и затем все эти индейцы в Орегоне объединятся в общей защите, пока не будут полностью истреблены."

Трудно отдать должное морали и храбрости, которые выказывают индейцы, оставаясь дружелюбными по отношению к белым при подобных обстоятельствах. Традиции их гонки, сильное влияние общественного мнения среди их родственников и друзей, и, кроме того, страх за их собственные жизни - во времена подобных вспышек это все объединяется и приводит даже самые дружелюбные племена к сочувствию и сотрудничеству с теми, кто ведет войну с белыми.

В это время враждебные индейцы в Орегоне послали слово индейцам нез-персе: "Присоединитесь к нам в войне против белых, или мы истребим Вас." Они сказали:" Мы заставили белых бежать из страны, и теперь мы заставим дружелюбных индейцев сделать то же самое."

"Что могут сделать дружелюбные индейцы?" - написал полковник отряда добровольцев на Вашингтонской территории, - "у них нет боеприпасов, и белые их им не дадут; в то время как враждебные индейцы говорят им: 'У нас много патронов; приезжайте, присоединяйтесь к нам, и спасите собственные жизни.' Нез-персе очень встревожены. Они говорят: 'У нас нет боеприпасов, чтобы защититься, если мы подвергнемся нападению.' "

Орегонский руководитель пишет генералу Вулу (в то время - командующему Тихоокеанского департамента), прося его послать войска в Орегон, чтобы защитить и дружелюбных индейцев, и белых поселенцев - чтобы этот отдел поддержал гарантии, данные этим индейцам в соглашениях. Он говорит, что дружелюбные индейцы "готовы пойти на почти любую жертву, чтобы получить мир, но можно дойти до такой точки, после которой уже не уйдут без борьбы."

Эта вспышка закончилась после жарких боев и примерно равных потерь с обеих сторон тем, что руководитель Орегона называет "своего рода перемирием," которое сделало индейцев "очень ободренными," произвело на их умы впечатление, что у них есть "способность успешно бороться против всей белой расы."

Кроме того, "не ратификация соглашений, сделанных прежде с целью аннулировать их право на земли, необходимые для занятия и использования нашими гражданами, кажется, произвело немаленькое разочарование; и длительное расширение наших поселений на их территорию, без любой компенсации им, является постоянным источником неудовлетворенности и враждебности.

"Нельзя ожидать, что индейцы, живущие на территориях Орегона и Вашингтона, занимающие обширные части местности, где они посредством охоты и других источников блага живут вполне хорошо, вдруг спокойно и мирно подчинятся, когда их без какой-либо компенсации будут лишать их домов и имущества, и когда их прогонят в какое-то другое место, где они не смогут найти свои обычные средства пропитания. Такой переход не только противоречит нашей текущей политике, но и противен принципам человечности и естественного права.

"Принципу признания и уважения прав индейцев на занимаемые ими земли, в случаях племен, проживающих в Орегоне и Вашингтоне, придерживались не так строго. Когда территориальное правительство сначала позаботилось об Орегоне, который тогда включал территорию сегодняшнего Вашингтона, у наших людей появился стимул эмигрировать и обосноваться в тех землях без обычных приготовлений, делаемых заранее приготовлений по аннулированию прав индейцев, которые занимали эти земли и владели ими. Когда на их землю вторглись, выгнали их из домов и имущества без любой компенсации, лишили в большинстве случаев привычных средств к проживанию, причем безо всяких соглашений и переговоров, позволивших бы им

обжиться на другой земле, неудивительно, что они часто грабили наших граждан, и были спровоцированы на враждебные акты."

Как и следовало ожидать, перемирие не принесло никакой пользы; и в 1858 на этих несчастных территориях бушевала еще одна индейская война. Во время этой войны мы находим, что племя нез-персе боролось на стороне Соединенных Штатов против враждебных индейцев. Одно из подразделений войск Соединенных Штатов было спасено от смерти разрушения только благодаря предоставленному индейцами убежищу. Почти лишенные боеприпасов, и окруженные сотнями враждебных индейцев, небольшое подразделение убежало ночью; и "после того, как они галопом и без отдыха проскакали 90 миль, они достигли Снейк Ривер," где их встретило это дружелюбное племя, которое "приняло их с распростертыми объятьями, помогло раненным мужчинам, безопасно перевело всю команду через трудную и опасную реку."

Офицер, командующий группой нез-персе пишет в своем отчете специальному уполномоченному по делам индейцев следующее:

"Позвольте мне, уважаемый, в то время как продолжается эта общая война, указать Вам на по крайней мере несколько зеленых пятен, куда разрушительные действия войны пока еще не дошли, и которые к настоящему времени не заражены и не затронуты - так что мы можем назвать их оазисами в этой пустыне войны. Эти зеленые пятна - нез-персе, флатхеды, и пенд-д'Орайлли. В этой связи я благодарен и горд за действия полковника Райта, который воплощает представления и побуждения, которые, если они одобряться и будут выполняться правительством, должны способствовать доверию и похвале, должны быть средствами скорого создания смелых, храбрых, воинственных и многочисленных людей.

"Прежде, чем уехать из Уолла-Уоллы, полковник Райт собрал народ нез-персе и сказал им, что его задача - война и наказание наших врагов; но поскольку нез-персе, великие люди, наши давнейшие друзья, то он хотел, чтобы дружба была столь же устойчива как горы, вокруг которых они жили; и чтобы не возникало никаких трудностей и различия во взглядах, нужно записать их взаимные обещания."

С подобными взглядами, он заключил там соглашение относительно дружбы с ними, и тридцать из самых храбрых воинов и вождей сразу же вызвались на помощь, чтобы сопровождать его против врага.

Когда полковник Райт спросил этих индейцев, что они хотят, "их ответ был достоин благородной расы-' Мира, плугов и школ.' " В это время к ним не было прикреплено ни одного агента, назначенного помогать их благосостоянию; они выращивали пшеницу, зерно и овощи, имея в распоряжении лишь грубые средства, но они все еще сохранили веру, и многие из методов, которые преподавали им миссионеры тринадцать лет назад.

В 1859 в Орегоне был снова установлен мир, и индейцев рассматривали как "побежденных." Соглашения 1855 года были ратифицированы Сенатом, и этот факт восстановил спокойствие на территориях. Руководители просили конгресс "понять важность выделения средств на выполнение тех соглашений в наиболее короткие сроки;" что это может "предотвратить повторение очередной дикой войны, обязательно кровавой и разрушительной для наших поселению. С изумительной сдержанностью, руководители не пытаются провести свои обращения в жизнь, ссылаясь на тот факт, что если соглашения были бы выполнены в начале, то всех военных действий прошлых четырех лет возможно было бы избежать.

Резервация, обеспеченная нез-персе, было прекрасной частью страны, длиной в 100 миль и шириной в 60 миль - на ней было много воды, дерева и природных ресурсов. Индейцы уже начали практиковать ирригацию на своих полях, имел многочисленные стада лошадей, и начинали обращать внимание на улучшение породы. Некоторые из них могли читать и писать на собственном языке, и многих из них исповедовали христианство, и были образцовыми в их поведении - наиболее замечательный факт, доказывающий глубину впечатления, которое, должно быть, произвело миссионерское учение. Большинство из их носило американский костюм, и выказывало свой "прогресс к цивилизации путем придания малой ценности всяким безделицам и пустякам, которые обычно очаровывают дикаря."

Менее чем через два года в мир этого благородного племени снова вторглись; на сей раз смертельным противником была жадность до золота. В 1861 по слухам на земле нез-персе работало не менее десяти тысяч золотоискателей. Теперь возник вопрос: "А что сделает правительство?" Защитит ли оно права индейцев или нет?

"Попытаться ограничить золотоискателей - это все равно, что пытаться ограничить вихрь," - пишет руководитель вашингтонской территории; и он признается, что "видя невозможность созданию препятствий шахтерам идти в золотые шахты," он воздержался от любых шагов, которые, точно не имели бы успеха и ослабили бы силу закона.

В течение последующих нескольких лет нез-персе с тревогой наблюдали непрекращающийся поток поселенцев, льющийся в их страну. То, что они не сопротивлялись этому силой - изумительно, и может только быть объяснено только силой действительно христианского духа.

"Их резервацию наводнили инициативные шахтеры; соглашения игнорировались и растаптывались ногами; вслед за этим, были построены города, и были приняты все средства, которые алчность или нелояльность могли изобрести, чтобы поколебать их уверенность в правительстве. Их потревожили и отобрали у них владение тем, что они расценивали как неотъемлемые права, обеспеченные свято соглашением. Им сообщили, что правительство было разрушено, и что независимо от того, какие соглашения были сделаны, они никогда не будут выполняться. Любое сопротивление с их стороны оказалось бесполезным, и среди них преобладали беспокойство и недовольство," - говорит губернатор Айдахо в 1865. Вскоре после, организацией той новой Территории, резервация нез-персе была удалена из юрисдикции Вашингтонской территории и из Айдахо.

В племени была организована влиятельная партия, предлагающая формирование из лиги с воронами и индейцами племени "черноногих" против белых. Неприбытие обещанных поставок; неуплата обещанных сумм денег; необузданный приток шахтеров в резервации - все это давало сильное оружие в руки этих недовольных. Но вожди "остались непреклонными и не дрогнули в своей преданности правительству и законам. Они умны - особенно их главный вождь Сойер - они говорят людям все еще терпеливо ждать." И все же, в это же время, правительство Соединенных Штатов было должно этому вождю Сойеру 625 $! Он в течение шести месяцев, страдал, отказывая себе в самых базовых жизненных потребностях, был вынужден продать свои ваучеры на 50 центов на доллар, чтобы купить себе самое необходимое. Также воинам, которые воевали за нас в 1856, все еще не заплатили; хотя в седьмой статье соглашения за 1863 год было согласовано, что "требования определенных членов племени нез-персе к правительству - за оказанные услуги и за лошадей, предоставленных орегонским добровольцам (как показано свидетельствами командования добровольцев и В. Х. Фонттероя, действующего полкового квартирмейстера) 6-ого

марта 1856, в лагере Корнелиус, составляют сумму 4665$, и должны быть заплачены им полностью золотыми монетами."

Сколько сообществ белых осталось бы при таких же напряженных условиях миролюбивыми, лояльными, и дружелюбными?

В отчете Бюро по делам индейцев за 1866 год о состоянии наших дипломатических отношений с нез персе говорилось, что договор, заключенный с ними в 1863, был ратифицирован Сенатом "с поправкой, которая ожидала действий индейцев. Ратификация этого соглашения переносилась в течение нескольких лет по различным причинам, частично - из-за постоянных изменений руководителя Бюро по делам индейцев в Айдахо, чьи меняющиеся мнения на предмет соглашений вызывали сомнения в умах сенаторов. Позже было заключено соглашение, но при внимательном рассмотрении предмета, его отменили и использовали старое, за 1863 год. Нез персе заявляли права на очень большой район страны, состоявший из того, что теперь является Орегоном, Вашингтоном и Айдахо (большая часть спорных земель была в Вашингтоне). Причем, в это время многочисленное белое население уже оказывало на индейцев давление, проводя поиск золота. Это миролюбивое, трудолюбивое и дружелюбное племя, и, в целом - одно из самых многообещающих племен к западу от Скалистых гор, оно значительно изменилось благодаря усилиям миссионеров."

В соответствии с ратифицированным в этом году соглашением, они "бросают все свои земли, кроме определенных естественными границами резерваций, и соглашаются удалиться на территорию этих резерваций в течение одного года. Если у них есть обработанные земли за пределами резерваций, они должны быть оценены и оплачены. Пахотные земли должны быть разделены на участки по 20 акров каждый, и выделены индейцам, желающим отдельно владеть землями. Правительство должно продолжать платить ренту, в соответствии с бывшими соглашениями, и, кроме того, заплатить племени, или израсходовать на него на определенные нужды сумму в 262 500$; плюс умеренную сумму на дома и зарплаты вождей. Через резервацию обеспечивается право проезда, и правительство обязуется проложить все водные коммуникации и пробить источники для общественного пользования."

В том же году губернатор Айдахо в своем ежегодном отчете Министерству внутренних дел пишет: "Нез персе ощутимо выделяются среди племен Северного Айдахо; большинство индейцев этого племени хвастаются, что они никогда не были преданными друзьями белого. Но более чем половина всего племени нез персе действуют в соответствии с соглашением - точно, и по желанию правительства. Неуплата ренты, естественно, повлияла на умы некоторых из тех, кто придерживается соглашения; но их главный вождь, Сойер, остается непоколебим и во всех случаях преданно защищает любые неудачи правительства. Если бы это племя можно было бы оградить от "загрязнения" белыми, и если бы у правительства были возможности, чтобы выполнить соглашения 1855 года, то не стоит сомневаться, что их состояние в это время было бы самым преуспевающим, и что к этому времени вся нация нез персе была бы готова принять условия соглашения, и обосноваться на территории текущей резервации."

В 1867 терпение нез персе начинает сдавать. Губернатор Айдахо пишет: "Недовольство - значительное и неизбежны серьезные проблемы. Все могло бы быть улажено быстрой оплатой правительством своих долгов перед племенем; но если отсрочить слишком долго, то я очень боюсь открытых военных действий. Они были терпеливы, но теперь наши обещания и объяснения им уже теряют силу. * * * Их обиды столь наболевшие и серьезные, что даже Сойер,

который всегда был нашим защитником, в какой-то мере оставил свою мирную политику, и открыто требует, чтобы мы поступали с ними справедливо. * * * Даже теперь еще, возможно, не слишком поздно; но если пренебречь, то следует ожидать войны. Если нез персе нанесут удар, то на всех наших территориях и вокруг наших границ запылают сигнальные костры и поднимутся томагавки дикарей - кутенеев, калиспелов, курдаленов, блекфутов, флатхедов, споканов, пелузов, банноков и шошонов."

Агент говорит: "Это недовольство начало проявляться начиная с прошлого декабря - вскоре после посещения Джорджа К. Хэйга, эсквайра, специального агента. Его послали, чтобы получить их согласие на поправки к соглашению от 9-ого июня 1863 года. Не ратификация этого соглашения продолжалась так долго, что губернатор Лайон уверил их, что оно так и не будет ратифицировано, и что он уполномочен заключить с ними новое соглашение, по которому они сохранят все свои земли, данные им в соответствии с соглашением 1851 года, кроме территории города Льюистона. Им также в марте 1866 сообщили, что губернатор Лайон будет здесь в июне следующего года, чтобы заплатить им задолженность по ренте, в соответствии с соглашением 1855 года. Невыполнение этих обещаний, и их уверенность, что соглашения 1863 года ждет та же участь - это одна из причин их волнений. Эти волнения явно проявились на последнем совете, и они все возрастают. Если по выполнению соглашений 1863 года будет такая же задержка, какая была с соглашением 1855, то некоторые вожди вместе со своими племенами присоединятся к враждебным индейцам. Есть много вещей, которые им невозможно объяснить. Они не могут понять, почему 1185$, которые были обещаны губернатором Лайоном индейским рабочим, возводившим церковь, не выплачиваются. Он им сказал, что когда поставят стены, они должны получить свою плату. Эти чернорабочие были бедными людьми, и им дали такой стимул, что они добросовестно начали работу с полным ожиданием получения платы после завершения работ."

Плата главному вождю Сойеру все еще не произведена. За последний квартал 1863, и 1, 2 кварталы 1864 он не получил платы. Неудивительно, что он перестал быть "защитником" правительства, которое четыре года назад обещало ему ренту 500$ в год.

Но несмотря на это все увеличивающееся недовольство нез персе трудолюбивы и богаты. В этом году они вырастили 15 000 бушелей пшеницы. "Многие из них несли свою пшеницу на перемолку в мукомольни, в то время как многие продали зерно упаковщикам в качестве готовой пищи, потому что чаще всего зерно просто варят и едят. Некоторые люди, побогаче, перемололи зерно и продали муку старателям по более низким ценам, чем у упаковщиков. У некоторых есть маленькие вьючные обозы, которые они водят летом; один такой извозчик - Cru-cru-lu-ye - управляет приблизительно пятнадцатью животными; он иногда упаковывает вещи и для белых, и сам о себе заботится. Торговец на станции Клеаруотер недавно сообщил мне, что он прошлой осенью купил у Cru-cru-lu-ye небольшое количество овса. После того, как зерно было взвешено, и высыпано из мешков, индеец принес пустые мешки к весам, чтобы взвесить их и вычесть тару, так как он хотел плату только за овес. Продажи дынь, помидоров, зерна, картофеля, тыквы, зеленого гороха и т.д. в течение лета в различных городах и лагерях приносят индейцам приблизительно 2000-3000$. Количество лошадей и рогатого скота у них быстро увеличивается, и учитывая дополнительную выгоду, которая будет получена в виде хороших американских жеребцов, быков и коров, согласно соглашения 1863 года, их богатство быстро увеличится."

В 1869 их резервация все еще не разведана, и когда индейцы заявляют, что белые поселенцы селятся на их землях, этого нельзя доказать. Агент говорит, что все, что он может сделать - это

обещать, что "сердце белого человека со временем станет мягче;" и таким образом вопрос будет отложен пока не возникнет новое волнение, будут подаваться те же жалобы, и на них будут даны те же ответы, как и прежде, что "сердце белого человека будет лучше, и границы будут соблюдаться."

Другие пункты соглашения все еще не выполнены; и сторона не заключающая соглашений, в то время как пока полностью миролюбивая, является очень сильной и твердо настроена против каких-либо соглашений с белыми.

В 1870, спустя семь лет после того, как это было обещано, было произведено давно обещанное исследование резервации. И руководитель региона, и агент - оба выражали протест относительно способа, каким оно было сделано, но напрасно; и три года спустя Совет специальных уполномоченных, назначенный расследовать состояние индейцев в Айдахо, исследовал построенный в то время забор, и сообщил, что это было "самое скандальное мошенничество". Забор был из кольев и бруса. Колья были установлены как попало, а большая часть древесины брусьев была недостаточной ширины и длинны. Колья были необработанные. Брусья везде пересекаются - и на кольях, и между ними, и доски на стыках не соединяются; они прислонены друг к другу и обычно закреплены одним гвоздем - поэтому они быстро падают. Древесина для забора была срублена в резервации. Договорная цена за забор была очень высока; само ограждение сделано в местах не представляющих какой-либо ценности, потому что там нет воды для орошения. Правительство не может участвовать в таких мошенничествах с людьми, которые доверяют ему свою собственность."

В этом году в Орегон послали комиссию, чтобы держать там совет с группой нез персе, занимающих долину Валлова в Орегоне. "Целью совета было убедить из переселиться, если возможно, в резервацию нез персе в Айдахо. Они сообщили, что это переселение невозможно, и долину Валлова сняли с продажи, и дали им эти земли Правительственным распоряжением отдельно в пользование и заселение. "

Эта комиссия доложила, что один из самых неприятных вопросов в способе контроля правительством индейцев Айдахо - это противостояние между церквями католиков и протестантов. Эта борьба принесла индейцам большой вред. Чтобы это проиллюстрировать, они цитируют слова вождя Джозефа по поводу того, почему он не желает строить на территории его резервации школы. Он был вождем группы нез персе, которая жила в долине Валлова в Орегоне и не хотела заключать соглашения:

"Вы хотите школы на территории резервации Валлова?" - спросили специальные уполномоченные.

Джозеф: "Нет."

Чиновник: "Почему вы не хотите школы?"

Джозеф. "В них нас будут учить, что нужно строить церкви."

Чиновник: "Разве вы не хотите церкви?"

Джозеф: "Нет, мы не хотим церквей."

Чиновник: “Почему Вы не хотите церкви?"

Джозеф. "Они будут учить нас ссориться по поводу вопросов о Боге, как это делают католики и протестанты в резервации нез персе и в других местах. Мы не хотим этому учиться. Мы можем иногда ссориться с людьми и спорить о вещах на этой земле, но мы никогда не ссоримся в вопросах Бога. Мы не хотим этому учиться."

При уступке долины Валлова индейцам было большое волнение преобладало среди поселенцев в Орегоне. Присутствие солдат Соединенных Штатов предотвратило бунт; но негодование белых было очень сильно, и были сделаны открытые угрозы, что этим индейцам нельзя разрешить занять земли. В 1875 специальный уполномоченный по делам индейцев пишет:

"Мы заключили соглашения в долине Валлова, которая в течение многих лет была пастбищем для многочисленных стад лошадей, принадлежавших племени Джозефа. Это иногда будет вызывать проблему между этой группой и белыми, но лишь пока Джозеф не согласится или не будет вынужден переселиться в резервацию."

Прошло только два года, с тех пор как эта долина была помещена отдельным правительственным распоряжением для использования и заселения этими индейцами; а правительство собирается "заставить" их покинуть эти земли и идти в резервацию в Айдахо. В этом году там уже были бурные сцены. Неким Лангфордом были поданы иски против всех служащих Агентства Лапвай, и были заявлены требования на все земли агентства, и на многие индейские фермы. Он представлял давние требования миссионеров, которым до этого приблизительно тридцать лет назад выделили большой участок земли. Он попытался завладеть землями силой, и наконец был изгнан группой войск, после того как по решению генерального прокурора было установлено, что его требование было недействительно.

Бюро по делам индейцев рекомендовало аннулирование правительственного распоряжения, передающего долину Валлова Джозефу и его племени. В июне этого года президент Грант отменил указ, и осенью послали комиссию, "чтобы посетить этих индейцев и обеспечить их постоянное переселение на территорию резервации, быстрый вход в цивилизованную жизнь, и разрешить существующие проблемы между ними и поселенцами."

Имеет смысл подробно изучить причины, которые эта комиссия привела вождю Джозефу, почему долина Валлова, которая была дана ему правительственным распоряжением в 1873 году, должна быть отобрана у него правительственным распоряжением в 1875 году:

"Вследствие неприветливости климата, это - неподходящее местоположение для индейской резервации. * * * Оно сейчас частично заселено белыми поселенцами под пастбища. * * * Президент утверждал, что он аннулировал право индейцев на эти земли в соответствии с соглашением 1863 года. * * * Эти земли входят в границы штата Орегон. * * * А штат Орегон не может уступить Соединенным Штатам юрисдикцию долины для индейской резервации. * * * Президент не смог бы оправдать или защитить индейцев в конфликтах, которые были в прошлом и могли бы возникнуть в будущем между ним и белыми. * * * Часть долины уже была расследована и открыта к заселению. * * * Даже если с белыми поселенцами долины договорятся, и они будут вынуждены уйти, то на их место придут другие."

На все эти заявления Джозеф ответил, что он "президента ни о чем не просил" Он сам мог о себе позаботиться. Он не желал долину Валлова в качеств резервации, поскольку это подвергнет его и его группу влиянию чужой воли и поставит в зависимость от законов, которые создали не они.

Он был расположен жить мирно. Он и его группа - были жертвы, а не агрессоры. Одного их соплеменника прошлым лета белые зверски убили, но он не будет мстить за его смерть."

"Серьезная и чувственная манера, с которой он произнес эти слова - впечатляла," - говорили специальные уполномоченные, но они продолжали отвечать ему, "что президент не был расположен лишить его какого-либо права, или управлять им по собственной воле. Он просто подвергал его действию тех же самых, равных для всех законов, согласно которым жили он сам и его люди."

Что это означает, когда специальные уполномоченные, посланные президентом, чтобы побудить группу индейцев перейти в резервацию на постоянное проживание, говорят им, что они должны быть подвергнуты в этой резервации "просто таким же справедливым и равным законам", согласно которым "живут президент и все его люди?" Даже больше, каково объяснение того, что они настолько очевидно не осознавали чудовищность этой лжи, что оставили эти слова задокументированными в официальном документе, подписанном их именами? Это объясняется только тем, как и тысячи других договоров в истории наших деловых отношений с индейцами, вопросы относительно индейских дел и соответствующего законодательства обрабатываются и отбрасываются в сторону любым способом, который кажется самым легким и самым коротким в текущее время - с обычным безразличием, небрежностью и невниманием. Члены этой комиссии отлично знали, что в тот самый момент, когда Джозеф и его группа переселятся в резервацию, они подпадут под действие законов, полностью отличающихся от тех, которые управляют президентом и "всеми его людьми," и что они ни "справедливые", ни "равные:" это законы, запрещающие им пересекать определенные границы без согласования с их агентом; законы, делающие их в действительности похожими на заключенных преступников в тюрьме, с той лишь разницей, что резервация - это не окруженная стеной тюрьма на свежем воздухе; законы, дающие агенту полномочия в любой момент вызывать армию , чтобы навязать и провести в жизнь любую команду, которую он захотел бы им дать, и дающие право стрелять в них, если они откажутся повиноваться. "Те же справедливые и равные законы, согласно которым живет непосредственно президент и все его люди". Действительно, это - психологический феномен, что четверо мужчин говорили подобные вещи и были готовы оставить это в отчете, под их собственными подписями.

Дальше в этом же отчете присутствует перечисление некоторых событий, которые происходили у нез персе, живших в резервации Айдахо, и способа, с которым правительство выполнило свои обещания, которыми оно побудило их туда переселиться; несомненно, это все также было известно, как вождю Джозефу, так и специальным уполномоченным. Он имел возможность изучать работу политики резерваций в течение двадцати двух лет. Они говорят:

"Во время проведения интервью с агентом и индейцами, с целью установления того, есть ли достаточно незанятых пахотных земель для племени Джозефа на резервации; и с целью обеспечить дальнейшее сотрудничество и помочь нам убедить Джозефа переселиться в резервацию, мы обратили наше внимание на факты невыполнения соглашения с этими индейцами со стороны правительства. Комиссия, поэтому, считает своей обязанностью обратить внимание правительства к этому предмету.

"1) Статья вторая из соглашения 9-ого июня 1863 года предписывает, что никакой белый человек, кроме нанятого Департаментом по делам индейцев, не может проживать на территории

резервации без разрешения племени, руководителя и агента. Однако, четверо белых занимают или заявляют свои права на большие участки земли в резервации.

"Это несомненно обязанность правительства - разрешить и успокоить эти проблемы, и удалить нарушителей с резервации. Каждый день промедления, и невыполнения условий этого соглашения добавляет к недоверию индейцев в добросовестность правительства.

2) Третья статья того же самого соглашения 1863 года предусматривает разбивку земли, подходящей для культивирования, на участки размером в 20 акров каждый; в то время разделение, как сообщают, был сделано рано, не было произведено никаких замеров ни тогда, ни с тех пор, чтобы приспособить границы фермы к линиям на плане.

3) Правила и нормы для того, чтобы продолжить владение этими землями и построенными на них коммуникациями в случае наследования имущества умерших индейцев, не были предписаны, как это требуется соглашением.

4) Это также при условии, что свидетельства на такие земли должны быть выпущены отдельным индейцам.

"Отказ правительства выполнить это важное положение соглашения вызывает большое беспокойство среди индейцев, которые не склонны тратить свою рабочую силу и средства на улучшение земли, даваемой на неопределенный срок, зависящий от каприза агента.

5) Статья седьмая соглашения предусматривает оплату индейцам 4665$ в золотых монетах за их услуги и лошадей, которые они в 1856 году предоставили Орегонским добровольцам. Индейцами утверждается, что и это положение соглашения было до настоящего времени проигнорировано правительством."

Специальные уполномоченные говорят, что "правосудие и равенство, а также - целесообразность, требуют от правительства четкого и буквального выполнения всех своих обязанностей по соглашению с индейцами. Отказ сделать это рассматривается как недобросовестность, и может дать только плохой результат."

Наконец, вождь Джозеф согласился выселиться со своим племенем из долины Валлова и уйти в резервацию Лапвай. Причины по которым его удалось принудить к согласию оставлены в виде записи его собственных слов, в статье, написанной им (через переводчика) и изданной в North American Review в 1874. Это - замечательный вклад в индейскую историю.

Эта статья вызвала ответ генерала О. О. Говарда, который назвал свою статью "истинной историей кампании Валлова"; она была издана в North American Review спустя два месяца после статьи вождя Джозефа.

Между отчетами, сделанными генералом Говардом и вождем Джозефом о событиях, предшествующих войне нез персе, есть значимые несоответствия.

Генерал Говард говорит, что он слушал "часто повторяемую ерунду мечтателя-вождя, Too-hool-hool-suit без нетерпения, но наконец сказал ему: 'Я уже двадцать слышал, что земля - ваша мать, и о покровительстве земли. Я больше не хочу этого слышать.'"

Вождь Джозеф говорит: "Генерал Говард вышел из себя, и сказал 'Заткнись! Я больше не хочу слышать подобную болтовню.'

"Too-hool-hool-suit ответил: "Кто Вы такой, что просите нас говорить, и затем закрываете нам рот? Вы что - Большой Дух? Вы сотворили этот мир?"

Генерал Говард, цитируя из своего тогдашнего отчета, говорит: "Грубый старик наиболее провокативным тоном быстро что-то говорит и отчаянно на меня смотрит. Переводчик быстро говорит: 'Он требует узнать, что за человек пытается разделить эту землю, и поместить меня в ее часть?' Самым решительным голосом я сказал: 'Я - этот человек. Я поддерживаю здесь президента, и нет такого духа, плохого или хорошего, который препятствует мне. Мои приказы просты, и они будут выполнены. '"

Вождь Джозеф говорит: "Генерал Говард ответил: 'Вы - нахал, и я помещу Вас под стражу' ". И затем он приказал, чтобы солдат арестовал его.

Генерал Говард говорит: "После сообщения индейцам, что этот плохой совет будет им не на пользу, я попросил, чтобы вожди пошли со мной, чтобы мы осмотрели их землю. 'Старик (Too-hool-hool-suit) не пойдет с нами. Я оставлю его с полковником Перри.' Он говорит 'Вы хотите испугать меня?' Я сказал: 'Я оставлю Вас с полковником Перри.' После я встал, проводил его из совета, и передал полковнику Перри."

Вождь Джозеф говорит: "Too-hool-hool-suit не сопротивлялся. Он спросил генерала Говарда: 'Это - Ваш приказ? Мне это безразлично. Я выразил Вам свои эмоции и я ничего не утаил. Я говорил за свою страну. Вы можете арестовать меня, но Вы не можете изменить меня, или заставить меня забрать слова, которые я сказал.' Солдаты выступили вперед, схватили моего друга и взяли его под стражу. Мои мужчины шептались между собой, должны ли они позволить происходить подобному. Я порекомендовал им подчиниться * * * Too-hool-hool-suit был заключенным в течение пяти дней."

Можно заметить, что генерал Говард не использует слово "арест", но как он сам позже говорит: "Too-hool-hool-suit был выпущен на поруки Looking-glass и White Bird, и после его собственного обещания вести себя лучше". Понятно, что вождь Джозеф не перекручивал факты. Этот индейский вождь, поэтому, был подвергнут военному аресту, и заключен на пять дней за то, что произнес то, что генерал Говард называет "тирадой" на совете, на который индейцев попросили приехать с целью консультации и выражения своих чувств.

Не говорит ли в вожде Джозефе здравый смысл и естественное чувство справедливости, когда он говорит: "Я повернулся к своим людям и сказал:

'Арест Too-hool-hool-suit был неправильным, но мы не будем негодовать на это оскорбление. Мы были приглашены на этот совет, чтобы выразить свои чувства, и мы это сделали. '"

Если подобный, и такой быстрый штраф как этот всего лишь за "тираду" на совете - закон на нашей земле, особенно - в Округе Колумбия, то, конечно, когда индейцев из-за этого заключают под стражу, никого нет причин "жаловаться". Но рассматривая частоту, длину и безопасность подобных "тирад" во всех частях Америки, кажется несправедливым не разрешать индейцам их высказывать.

Вождь Джозеф и его племя согласились переселиться. Джозеф говорит: "Я сказал в своем сердце, что вместо того, чтобы иметь войну, я лучше покину свою страну. Я лучше брошу могилу своего отца. Я бросил бы все, лишь бы не иметь кровь белых людей на своих руках."

Для Джозефа было нелегко убедить своих людей согласиться переселиться. Молодые люди хотели бороться. Говорили, что в это время вождь Джозеф как-то ехал по своей деревне с револьвером в каждой руке и говорил, что он будет стрелять в первого из своих воинов, которые будут сопротивляться правительству. Наконец, они собрали все запасы, которые смогли найти, и начали движение. Случилась буря и вода в реке поднялась настолько высоко, что часть рогатого скота невозможно было переправить через нее. Несколько индейцев были назначены охранять оставленный позади скот. Белые напали на этих охранников и отобрали скот. После этого Джозеф больше не мог сдерживать своих людей и началась война, которая длилась больше двух месяцев. Это была мастерская кампания со стороны индейцев. Их преследовал генерал Говард; генерал Крук теснил их справа, а генерал Майлз - спереди, но их никогда так и не смогла окружить. Но они, наконец, сдались в Бэр Поу на Холмах Монтаны и не потому, что они были разбиты, но потому что, как сказал Джозеф: "Я не мог больше переносить вида своих раненых мужчин и женщин; мы уже достаточно потеряли. * * * Мы, возможно, сбежали бы с горы Бэр Поу, если бы оставили позади наших раненных, старух и детей. Но мы не хотели этого делать. Мы никогда не слышали, чтобы раненый индеец выздоровел в то время, когда он был в плену в руках белых. * * * Я верил генералу Майлзу, иначе я бы никогда не сдался. Я слышал, что его ругали за то, что он пообещал возвратить нас в Лапвай. Он не мог тогда предоставить мне других условий соглашения. Я мог бы задержать его до того момента, пока мои друзья не приехали бы на помощь - и тогда ни один из генералов и их солдат не покинул бы гору Беар Поу живым. На пятый день я пошел к генералу Майлзу, сдал свое оружие: "Я не буду больше бороться. Моим людям нужно отдохнуть; мы хотим мира."

Условия этой сдачи были позорно нарушены. Джозефа и его племя перевезли сначала в форт Ливенуорт, а затем - на индейскую территорию. В Ливенуорте их поселили в русло бывшей реки и не давали пить никакой другой воды, кроме остатков речной воды.

"Многие из моих людей заболели и умерли, и мы похоронили их в этой чужой стране," - говорит Джозеф. "Я не могу сказать, насколько мое сердце страдало за моих людей пока мы жили в Ливенуорте. Великий Дух, управляющий на небе, казалось, смотрел в другую сторону и не видел то, что делалось с моими людьми."

И все же, с изумительным великодушием и здравым чувством справедливости, на которые в этих обстоятельствах были бы способны лишь немногие мужчины, Джозеф говорит: "Я полагаю, что генерал Майлз сдержал бы свое слово, если бы это было возможно. Я не обвиняю его в том, что мы перенесли начиная со дня сдачи. Я не знаю кто виноват. Мы бросили всех наших лошадей (более 1100), и все наши седла (более 100), и мы о них больше не слышали. Кто-то забрал наших лошадей."

Этот рассказ вождя Джозефа затрагивает глубоко; это просто Илиада трагедии, достойного и безнадежного горя; и все это подтверждено официальными документами Бюро по делам индейцев.

"После прибытия Джозефа и его группы на индейскую территорию, плохой эффект от их расположения в форте Ливенуорт проявился изнеможением и болезнью, которые охватили 260 человек из 410; и в течение нескольких месяцев умерло больше четверти людей от общего количества."

"Пусть будет принято во внимание, что Джозеф никогда не заключал соглашение с Соединенными Штатами, и что он никогда не передавал правительству земли, на которые он заявлял права владения в Айдахо. * * * Джозеф и его последователи показали себя как храбрые мужчины и хорошие солдаты, которые, лишь с одним исключением, соблюдали все правила цивилизованной войны. * * * К этим индейцам вторглись белые поселенцы - на землю которую они считали своей, и когда эти вторжения стали невыносимыми, то индейцы были вынуждены, по их собственной оценке, поднять оружие. "

Вождь Джозеф и остаток его племени все еще находятся на индейской территории, с тревогой ожидая результата действий, сделанных вождем индейцев понка, Standing Bear, и его друзей и юрисконсультов, которые хотят получить у Верховного Суда решение, которое расширит защиту гражданского прав каждого индейца в стране.

Об остатках нез персе (которые находятся на территории резервации Лапвай) Бюро по делам индейцев в 1879 сообщает, что они "полностью сами себя обеспечивают, без поддержки правительства; они обеспечили сами, за свой собственный счет, фургоны, сбрую и другие орудия сельского хозяйства гораздо больше количества, которое правительство выделило им согласно соглашению," и что "многим людям снова отказали в принятии в школу, так как там уже попросту не было мест."

Пресвитерианская Комиссия по иностранным миссиям выделила в течение этого года 1750$ для миссионерской работы среди них, и сами индейцы собрали 125$.

Их резервацию описывают следующим образом: "Большинство земель резервации - это обширные прерии, предоставляющие обильное пастбище для тысяч голов их рогатого скота и лошадей. Река Клеаруотер протекает прямо сквозь резервацию, расширяется в Северном-, Срединном- и Саут-Форке, что очень идет на пользу их местоположению. Здесь есть одно из самых живописных мест на всем Северо-Западе. Оно расположено в долине переменной ширины (от 0,5 до 2 миль), по форме - как обширный амфитеатр, окруженной со всех сторон почти перпендикулярными стенами до двух тысяч футов высотой, по форме - одна из самых симпатичных долин, которые только можно себе вообразить. Вид с обрывов очень живописный, поскольку видно обширные области засеянные зерном, окружающие хорошо сложенные и уютные дома, украшенные подъездами и многими удобствами, которые можно найти среди трудолюбивых белых. Этот вид принудил бы незнакомца, не знающего, что это - индейская резервация, поинтересоваться а что за преуспевающее белое поселение здесь расположено. Оно безусловно является самым продвинутым в способах цивилизации и развития на всей индейской территории, если не на всем побережье."

Сколько времени белые в Айдахо разрешат индейцам занимать столь живописную область? Маленькое облачко уже вырисовывается на их горизонте. Заключительный параграф этого (последнего) отчета о нез персе:

"Некоторое беспокойство вызывают заявления некоторых буянов белых относительно истечения соглашения в следующем июле, но я обсудил этот вопрос и выяснил, что они будут терпеливо ждать действий со стороны правительства. Они являются хорошо цивилизованы, но всего лишь одна ошибка со стороны правительства в это время может разрушить воспитательный эффект прошлых тридцати лет. Дайте им время и внимание и они удивят своих самых рьяных друзей темпами продвижения к цивилизации."

ГЛАВА V.

Сиу

Слово сиу является сокращением от старого французского слова "Nadouessioux", или "Враги". Это название было дано французскими торговцами этому самому сильному и воинственному из всех северо-западных племен. Они называли себя "Dakota", или "многие в одном,", потому что здесь были объединены очень много групп под различными именами. Во время путешествий капитана Карвера, среди североамериканских индейцев было известно 12 групп этих "Nadouessioux". Они наиболее гостеприимно развлекали капитана в течение семи месяцев зимы 1766-7; приняли его как одного из своих вождей; и когда для него настало время уходить, 300 их воинов сопровождали его во время всей поездки, и расставались с ним с выражениями дружбы и доброжелательности к Великому Отцу, английскому королю, о котором он сказал им. Вожди хотели, чтобы он передал королю: "насколько мы желаем, чтобы к нам послали торговцев, чтобы мы смогли приобрести вещи, в которых мы нуждаемся - чтобы обрадовать сердца нашей молодежи, жен и детей. И пусть между нами существует мир, пока существуют солнце, луна, земля, и вода;" и "ознакомьте Великого Короля с тем, насколько Nadouessioux хотят быть среди его хороших детей."

Ничто во всей истории раннего общения между дружелюбными племенами североамериканских индейцев и приезжающих к ним европейцев не вызывает большей жалости, чем их простое гостеприимство, их бесконечные приглашения, и их бесхитростные выражения желания поближе узнать образ жизни белых.

Когда старый святой фанатик, отец Хеннепин, плыл вверх по реке Иллинойс в 1680, перевозя с собой "портативную часовню," чашу, ризу и несколько святых вафель "в закрытой стальной коробке," собираясь преподать дикарям "знание о Вожде Небес и Земли, как использовать огнестрельное оружие и несколько других вещей, которые пойдут им на пользу," индейцы иллинойс были столь испуганы, что хотя они были сильными и их было несколько тысяч, они "с криками" убежали. Когда их заверили знаками и добрыми словами, они медленно вернулись. Некоторые, однако, только через 3-4 дня. После этого они слушали разговор хорошего человека с "большим вниманием" и позже "от радости издали сильный крик," и "выражали большую благодарность". У миссионеров ноги были в ранах от долгого путешествия и доброжелательные индейцы натерли им ноги и ступни "медвежьим маслом и жиром буйвола, которые после длительного путешествия являются просто ни с чем несравнимым благом. Они дали нам поесть немного мяса, помещая три первых кусочка в наши рты с большими церемониями."

Жалко, что отец Хеннепин не обладал большими материальными ценностями, чем доктрина "эффективности Причастия", чтобы отблагодарить гостеприимных иллинойс взамен на их целебные мази. Естественно, они этого не оценили и он продолжил свой путь, приведенный в уныние их "жестокой глупостью," но теша себя мыслью о младенцах, которых он окрестил. Услышав о смерти одного из них, он говорит, что он "рад, что Бог захотел забрать этого маленького христианина из мира," и он приписывал свое собственное "сохранение среди больших опасностей заботе, которую он проявлял во время крещения." И эти опасности были значительны, поскольку его и его партию взяла в плен банда бродячих индейцев, названных в одной старой книге "Nadouwessians". Он был вынужден сопровождать

Их в их экспедициях, и подвергался ежедневной опасности быть убитым более буйными и враждебными членами группы. Он нашел этих дикарей в целом "добродушными людьми - приветливыми, воспитанными и любезными," и он был обязан своей жизнью доброжелательности одного из вождей, который снова и снова защищал его со значительной опасностью для себя. Единственным доказательством религии среди Nadouwessies, которое он упоминает, было то, что они никогда не начинали курить, не подняв сперва трубку к солнцу со словами: "Дым, солнце!" Они также предлагали солнцу лучшую часть каждого животного, которое они убивали, принося ее позже в вигвам их вождя. Благодаря этому отец Хеннепин пришел к заключению, что у них было "религиозное почитание солнца."

Дипломатические отношения между правительством Соединенных Штатов и сиу начались в 1815 году. В том и следующем году мы заключили шестнадцать "соглашений" относительно мира и дружбы с различными индейскими племенами - соглашений, не требующих уступок земли кроме оригинальных грантов, которые были сделаны этими племенами правительствам англичан, французов и испанцев. Только теперь они передавали все это Соединенным Штатам; обещался "бесконечный мир" и объявлялось, что "каждая обида или враждебный акт, совершенный одной из договаривающихся сторон, должны быть взаимно прощены и забыты." Три этих соглашения были сделаны с группами сиу. Одно из них с "сиу-листа, второе - с сиу-широкого-листа, и третье - с сиу-сосновых-вершин."

В 1825 еще четыре соглашения были сделаны с отдельными группами сиу. В соответствии с одним из тех соглашений - в Prairie du Chien- между индейцами оджибве и сиу были определены границы. Были выражены надежды, что их непрерывная вражда могла закончится. Эта враждебность постоянно продолжалась со времени самых ранних путешественников по стране, и сиу медленно, но устойчиво были гонимы на юг и запад победоносными чиппевами. Соглашение не очень-то могло помочь сохранению мира между такими древними врагами, как эти. Война продолжалась, как и прежде; и белые торговцы, на которых нападала и одна, и другая стороны, страдали почти больше, чем сами индейцы. Правительство утешало себя этим зрелищем кровавой войны, которую оно было бессильно предотвратить, с мыслью, что индейцы, вероятно, "будут бороться до тех пор, пока одно или другое из племен не станет слишком малочисленным и слабыми, чтобы продолжать войну. И оно перестанет быть силой" - сомнительная философия, которая была недвусмысленно заявлена словами, процитированными выше, в одном из годовых отчетов военного министерства.

Статья третья следующего соглашения, также заключенного в Прери дю Гиане в 1830, начала проблему, которая была с того дня и по сегодняшний источником нескончаемых недоразумений и многих жестоких вспышек со стороны сиу. В соответствии с этой статьей, четыре племени уступили и "навсегда" оставили Соединенным Штатам определенный участок земли - между реками Миссисипи и Де-Мойн. К этой и дальнейшим уступкам должны присоединиться два других племени сиу, которые не были полностью представлены на совете; также - четыре или пять других племен. Занятые и "неразделенные" земли, принадлежавшие коммунами из десятков семей, и сегодня было бы очень трудно распределить и передать белым - даже со справедливыми намерениями и в полном соответствии с законом; насколько же это было труднее в те дни неразведанных лесов и неизведанных рек, принадлежавших и занимаемых вместе десятками групп диких и неосведомленных индейцев, с которыми общались только через переводчика. Неверные истолкования и споры о границах были бы неизбежны, даже если бы с обеих сторон была вся возможная справедливость и доброжелательность; но в данном случае

была только несправедливость на одной стороне, и нежелание - на другой. Все те, кто в прежние времена рано заключал соглашения с индейцами, поздравляли себя и Соединенные Штаты за получение гектаров ценной земли, стоимостью миллионы, за сущие копейки,

и, с течением лет, они только открыто жаловались, что "индейцы начинают понимать истинную ценность земель;" в то время индейцы - беспокойные, встревоженные, в глубине души - враждебные, видя, что их все крепче и крепче сжимают со всех сторон "чтобы обеспечить им другие источники питания, кроме охоты, которая их все равно скоро подведет," отдавали землю милю за милей со все увеличивающимся чувством потери, которую они были бессильны предотвратить, и негодования, которое им было нецелесообразно показывать.

Первые ренты, обещанные сиу этим соглашением - 3000$ ежегодно в течение десяти лет племенам группам санти и янктон; другим четырем племенам - 2000$. Племена янктон и санти должны были ежегодно выплачивать из их ренты 100$ племени ото, потому небольшой участок земли, который был сохранен для смешанного племени, первоначально принадлежал ото. Им обещали "кузнеца, за счет Соединенных Штатов; а также - инструменты в сельскохозяйственных целях; железо и сталь на сумму 700$ ежегодно в течение десяти лет некоторым племенам, и на сумму 400$ - другим; также - 3000$ в год 'в образовательных целях,' и 3000$ - в виде подарков".

Вскоре после этих соглашений художник Кэтлин совершил свое известное путешествие по племенам североамериканских индейцев и дал миру неоценимый вклад в их историю, увековечив на своих картинах отличительные черты их лиц и их платья, и оставил задокументированными много свидетельств в их естественном состоянии. Он провел среди сиу несколько недель, и так о них отзывается: "На континенте нет племени людей, которые бы выглядели более прекрасно, и лишь немного племен, которые были бы лучше и более удобно одеты, и обеспечены всем необходимым для жизни. * * * Уже несколько лет путешествовал среди этих людей, и с меня не сняли скальп, ни разу не ударили, не предоставили случая поднять руку против индейца; и при этом из моей собственности ни копейки не украли, и это - в стране, где никто согласно закону не наказуем за преступление кражи. * * *То, что индейцы в их естественном состоянии, пьяны - это ложно, поскольку они - единственные умеренные люди, буквально выражаясь, которых я когда-либо видел в своих путешествиях, или ожидаю увидеть. Если цивилизованный мир поражается этому факту, то пусть с фактами и борются, а не со мной. Эти люди сами не производят спиртные напитки, и ничего о них не знают, пока христиане не доставят спиртное в их страну и не предложат выпить.

"То, что эти люди - голые - также неверно, и так же легко опровергается картинами, которые я сделал, и их красивыми костюмами, которые я привезу домой. Я могу даже утверждать, что многие из этих людей одеваются не только, чтобы было удобно при любых задачах, но что они одеваются также с некоторым хорошим вкусом и элегантностью. Также я совершенно не уверен, что их можно назвать бедными - они живут в стране безграничных зеленых полей и ездят на хороших лошадях; они все владеют землей вместе и Великий Дух снабдил их едой в изобилии."

Однажды Кэтлин обнаружил шестьсот семей сиу, расположенных лагерем вокруг Форт-Пьера, в устье реки Тетон, на западном берегу Миссури. Их было приблизительно двадцать племен, каждое - с собственным вождем, над которыми был один вышестоящий вождь по имени Ha-won-je-tah (Один Рожок), чей портрет - один из самых прекрасных в книге Кэтлин. Этот вождь взял себе имя "Один Рожок" благодаря небольшой раковине, которую он всегда носил на шее. Эта раковина досталась ему от отца, и он сказал, что "ценил ее больше чем все, чем он обладал: это

было поразительной иллюстрацией того, как эти люди часто почитают мертвых, поскольку он отдал выбрал это

Это имя, чтобы идти с ним по жизни, предпочтя его многим другим и более благородным, которые он имел право взять благодаря различным сражениям и делам в своей экстраординарной жизни. Он был самым быстрым человеком в племени; мог обогнать буйвола, на собственных ногах, и мог попасть стрелой точно в сердце."

Этот вождь несколько лет спустя трагически погиб. Все случилось из-а случайной смерти его единственного сына - очень хорошего молодого человека - и столь велика была его мука, что он временами становился безумным. В одном из таких настроений он вскочил на свою любимую боевую лошадь с луком и стрелами в руке, и на полной скорости помчался в прерии, повторяя торжественную клятву, что он убьет первое живое существо, которое попадется на его пути - будь то человек, или животное, друг или враг. Никто не посмел следовать за ним, и после того, как его пару часов не было, его лошадь возвратилась в деревню с двумя стрелками в теле, покрытыми кровью. С наиболее серьезными опасениями за судьбу вождя, группа воинов немедленно вскочила на лошадей и, проследив обратно следы животного, они добрались к месту трагедии, где нашли тело своего руководителя ужасно изуродованное буйволом, туша которого лежала около тела вождя.

Индейцы тщательно исследовали землю и установили, что их неудачливый вождь встретил буйвола в сезон, когда они очень упрямы, не захотел отступать и рассердил животное, пустив в него много стрел, что и вызвало этот ожесточенный бой. Вождь после этого спешился и отпустил свою лошадь, стрельнув в нее несколько раз из лука, от чего она помчалась домой на максимальной скорости. Вождь же после этого выбросил лук и колчан, пошел на приведенное в бешенство животное с одним только ножом, и отчаянное сражение привело к смерти обоих.

Многие из костей вождя были сломаны, а его огромный противник лежал рядом в крови от ста ран, нанесенных вождем длинным и обоюдоострым ножом.

Если бы условия этих первых соглашений были справедливо и быстро выполнены, то среди граждан Миннесоты и сегодня жили бы тысячи семей сиу -хороших и преуспевающих фермеров и механиков.

Просматривая записи Бюро по делам индейцев о расходах за период 6 лет после заключения этого соглашения, мы не находим упоминания о любых конкретных грантах для сиу на образование. Ежегодные 3000$, которые по соглашению обещалось, что будут потрачены "на детей упомянутых племен и групп," были израсходованные на "Академию индейцев племени чокто", находящуюся в Кентукки. Это должно было быть очень хорошо обеспеченное учреждение, если мы можем доверять финансовым сообщениям Бюро по делам индейцев. В 1836 году на эту академию были списаны суммы: майями - 2000$; поттаваттоми - 5000$; саки, фоксы и другие - 3000$; индейцы племени чокто - 10 000$; восточные криксы - 3000$; западные чероки - 2000$; флоридские индейцы - 1000$; куапавы - 1000$; чикасавы - 3000$; криксы - 1000$. В общей сложности - 31 000$.

В Академии чокто в этом году было 156 учеников, 16 из них - саки, фоксы и другие, представленные в Соглашении при Прейри-дю-Чен в 1830 году. Получается, что за образование этих шестнадцати детей, все эти племена платили по 3000$ в год. Маями в пропорции платили

больше, но от них в школе было четверо молодых людей, и на это им выделяли 2000$ в год. Поттаваттоми выделялось по соглашению 5000$ за обучение двадцати человек.

В 1836 Конгресс выделил 2000$ "с целью аннулирования прав индейцев на землю между штатом Миссури и рекой Миссури. Земля, принадлежавшая здесь индейцам, была длинным, узким участком, отделенным от остальной части индейской страны рекой Миссури. Ее важность в Миссури была очевидна. Граждане Миссури поэтому заявляли о своих правах, хотя президент, как говорят, "не хотел с ними соглашаться, поскольку это перечило бы гарантиям, данным индейцам в Соглашении при Прейри-дю-Чен, и могло бы быть рассмотрено ими как первый шаг по захвату их новой страны." Он, однако, согласился, что вопрос такой уступки должен быть им представлен. Соответственно, были открыты переговоры, и почти все индейцы, которые имели права на эти земли, "видя, что исходя из их местных условий, эти земли никогда не смогли бы эффективно использоваться индейцами в своих целях," оставили их.

В 1837 правительство пригласило в Вашингтон представителей вождей от многих основных племен. Это, как полагали, было важно, чтобы "показать им силу страны, с которой они будут иметь дело, если рискнут напасть на наши границы," и, в то же самое время, "внушить им преимущества цивилизации." Среди этих руководителей прибыл тридцать вождей и глав сиу. Они, конечно, были очень "впечатлены" и заключили договора, по которым они уступили Соединенным Штатам "всю свою землю к востоку от Реки Миссисипи, и все свои острова на той же территории." Все эти вожди принадлежали группе Medawakanton - "сообществу Таинственных Озер."*

*За этот отказ правительство дало нижним сиу подарки на сумму 400$, а верхним племенам - на 580$ в товарах.

Цена этой уступки составляла 300 000$. В них инвестировали эти деньги и прибыль с них в размере 5%. Эту сумму должны были платить им "ежегодно и всегда;" 110 000$ следовало распределить среди людей смешанной крови в племени; 90 000$ выделялись на "погашение текущих долгов" племени; 8230$ должны были ежегодно расходоваться в течение двадцати лет на запасы, орудиях труда, на врачей, фермеров, кузнецов и т.д.; индейцам полагалось немедленно выдать ценности на сумму 10 000$ в виде инструментов, тележек и т.д., чтобы позволить им улучшить свои земли; 5300$ в течение двадцати ежегодно расходовались на питание для них, "за счет США"; товары на 6000$ должны были быть им выданы по их прибытию в Сент-Луис.

В 1838 году Бюро по делам индейцев сообщает, что все пункты этого соглашения были выполнены, "кроме ежегодных 8230$ на покупку лекарств, сельскохозяйственных орудий и запасов; и для поддержки врачей, фермеров и кузнецов" и пункта, где США обязываются "в кратчайший срок снабдить сиу сельскохозяйственными орудиями, инструментами, рогатым скотом и прочими полезными для них вещами на сумму, не превышающую 10 000$, чтобы позволить им улучшить свои земли." Выполнение или невыполнение этих соглашений оставили на усмотрение агента; и агент пишет, что для любого "должно быть очевидно, что личный контакт со всеми с его стороны невыполним," и что "его интервью со многими племенами должны проходить по мере наступления спорных и несчастных случаев." Это было несомненно верно; но индейцам, по всей вероятности, не приходило в голову, что это была хорошая и достаточная причина, чтобы они не получили обещанных товаров на сумму 18 000$.

На это положение соглашения в следующем году были израсходованы 5789$, и нескольких индейцах, которые "работали с мотыгой" без помощи вырастили их собственные культуры. Всего на зиму было заготовлено 6000 бушелей зерна; но эксперимент по превращению охотников в фермеров за один год, как полагали, в целом, не принес положительных результатов. "Укоренившиеся привычки к лености и общее незнание и игнорирование инструкций по использования ценностей, времени и собственности," - говорит агент, - "почти не дают надежды." Но при более разумном представлении ситуации можно было бы увидеть в этом очень большую надежду. То, что из пятиста воинов некоторые были готовы работать, уже можно было бы считать многообещающим и работающим на будущее племени.

В течение последующих десяти лет дела с сиу продолжались ужасно; они все время подверглись нападению чиппевов, оттавов и других, и все время принимали ответные меры. Власти занимали нейтральную позицию и рассматривали это положение дел самый легкий способ обеспечить безопасность белых. "Пока они (индейцы) в состоянии войны друг с другом, они не захотят нарушать мир и безопасность наших пограничных поселений," - написал губернатор Доддж в 1840 году.

Торговцы виски скапливались по соседству все быстрее и быстрее; торговцы мехом также нашли, что им намного более выгодно торговать с пьяными индейцами, чем с трезвыми, и сиу быстро становились деморализованными. Их рента была в долгах; и все же, это почти казалось меньше неудачей, и даже - благословением, поскольку деньги, товары и провизия очень скоро обменивались на виски.

В 1842 несколько племен довели до полуголодного состояния неурожай зерна, а также - отказом Сената ратифицировать соглашение, которое они заключили с губернатором Доти в 1841 году (его так никогда и не ратифицировали). Надеясь на ренты, обещанные в этом соглашении, индейцы не сделали свои обычные запасы на зиму. Июньские заморозки и июльская засуха вместе разрушили их культуры. В течение нескольких лет уровень воды быстро падал во всех озерах и ручьях к северо-западу от Трав де Сю: водоемы с ондатрами, от которых индейцы обычно получали значительный доход, высохли, и ондатры ушли, и никто не знал куда; бобра, выдру и других пушистых существ истребили до такой степени, что их уже было трудно найти; буйволов уже давно выгнали на новые далеко отдаленные поля. Многие индейцы были слишком бедны, чтобы иметь лошадей, с помощью которых можно было бы охотиться. Они были на расстоянии в 200 миль от ближайшего места, где можно было бы купить зерно, даже если бы у них были деньги, чтобы за него заплатить. Если бы не некоторая помощь со стороны правительства, они бы сотнями умерли зимой этого года.

В 1849 "потребности" белых поселенцев восточной стороны Миссисипи снова стали причиной того, что сиу должны были переселяться со своих земель. "Хорошие части миннесотского востока Миссисипи были уже столь сильно заняты белым населением, что уже было абсолютно необходимо получить от индейцев без задержки уступку прав на западную сторону реки - чтобы наши граждане эмигрировали на эти земли. Значительная часть поселенцев, вероятно, будет вынуждена быстро поселиться на той стороне Миссисипи."

Соответственно, послали специальных уполномоченных, чтобы переговорить с индейцами, владеющими этими желаемыми землями. В инструкциях, данных этим специальным уполномоченным есть предложения, которые стоит упомянуть: "Хотя предложенная покупка по оценкам содержит приблизительно 20 миллионов акров, и часть этих земель, без сомнения -

превосходного качества, то есть веские причины, почему за эту сравнительно бесполезную для индейцев землю не стоит платить большую цену." Осознавая очевидную нелепость заявления, что эти "абсолютно необходимые" для белых фермеров земли, "сравнительно бесполезны" для индейцев, для которых правительство теоретически прилагает все усилия, чтобы обучить их в фермеров (и они за последние 10 лет сделали заметные успехи в этом направлении), специальный уполномоченный добавляет: "Эти земли ценны для Соединенных Штатов с целью создания места для наших эмигрирующих граждан, а не любых других людей; и для этой задачи фактически необходима только небольшая часть этой земли. Объем предложенных к уступке земель не должен влиять на цену, которая должна быть заплачена. Тщательно рассмотрев этот вопрос, наш департамент рекомендует 2 - 2,5 цента за акр как вполне достаточный эквивалент." Специальным уполномоченным предоставлен некий запас цены в сторону повышения, на их усмотрение - если индейцев цена "не будет удовлетворять;" но любая такая наценка должна быть "основана на таких доказательствах и информации, которые полностью удовлетворят президента и Сенат. "

Принимая во внимание эти инструкции, мы раскрываем наконец реальную тайну этой очевидной скупости со стороны правительства. Это ведь нисколько не эгоизм; все это - проявления наиболее чистой филантропии. Правительство все время страдало от двух противоречивых желаний -" желание дать этим индейцам ценности, эквивалентные по стоимости их имуществу," и, с другой стороны, - "хорошо установленный факт, что никакое большее проклятие не может быть причинено столь малоцивилизованному племени, как сиу, чем давать им крупные денежные суммы в виде ренты." В целом, специальный уполномоченный говорит, что "человечность и обязанность помочь этой беспомощной расе вынуждают нас делать все в нашей власти, чтобы не дать много денег в их руки." Надо сказать, что правительство очень хорошо придерживается этого направления, когда предлагает заплатить за земли долины Миссисипи в Миннесоте только 2,5 цента за акр." Объединенные человечность и долг едва могут сделать что-то большее одним махом.

"Златоуст имел мнение, и не без причины, что в тех контрактах, когда мы искренне стремимся купить что-либо за меньшую стоимость, чем оно реально стоит, или хотим получить больше чем полагающуюся нам справедливую меру или вес, то это, на самом деле - своего рода воровство" - слова Гротиуса о контрактах.

Однако, мы не можем приписать этой же филантропии отказ с 1837 по 1850 года выплачивать по 3000$ в год, которые по соглашению 1837 года должны были "ежегодно" расходоваться на любые нужды, которые президент посчитал бы нужным покрыть. Но средства не выделялись вообще, потому что президент за президентом указывали, чтобы эти средства направлялись на нужды образования.

И поскольку не было очевидного и легкого способа расходования этих средств на данные нужды, то им позволили накапливаться, пока в 1850 году сумма не составляла, согласно отчета губернатора Рэмси из Миннесоты - 50 000$. Губернатор также высказывает предположение, что правительство Соединенных Штатов выдаст эту сумму в этом году сиу. Он говорит, что этот вопрос "уладят с большой скоростью, поскольку это предположительно даст значительные коммерческие и сельскохозяйственные преимущества." Но это все равно очень дешево, учитывая цену в 2,5 цента за акр.

В этих же инструкциях Бюро по делам индейцев есть отчет о другом случае игнорирования правительством пунктов соглашения. Во время соглашения при Прейри-дю-Чен в 1850 году, вожди сиу просили, чтобы определенный участок земли был помещен отдельно и выделен полукровкам их нации. Это было предусмотрено в статье девятой соглашения; но правительство отказалось дать полукровкам любое право на эту землю, кроме как "в том же самом объеме, как и другим индейцам." Однако, было согласовано, что президент мог "назначить любому из вышеуказанных племен полукровок в право владения, или аренду за плату, любую части оговоренных земель, в объеме не превышающем 640 акров на человека." Эта полоса земли была известна как "Резервация полукровок на озере Тепин."

Полукровки прилагали почти непрерывные усилия, чтобы заключить эти соглашения, но правительство постоянно отказывалось это сделать. Бюро по делам индейцев называет теперь две причины, почему это соглашение никогда не выполнялось: 1) "большинство полукровок было бы обмануто теми, кто проектировал участки, и их выгнали бы из резервации;" 2) "из-за качества земель, у некоторых обязательно были бы намного лучшие резервации, чем у других, что породило бы неудовлетворенность, зависть и межусобные распри, а также неприязнь против Соединенных Штатов." Бюро

Поздравляет себя с тем, что "единственное право, которое они теперь имеют на эту землю - это право, как и у других индейцев, и оно предоставляется по разрешению Соединенных Штатов." Поскольку правительство, вероятно, никогда не посчитало бы целесообразным и желательным, сделать все вышеуказанное, то эти земли, независимо от их характера, были бы и дальше для них бесполезными.

Однако, кажется, что в 1841 году одно из этих трех соглашений, заключенных с сиу, но не ратифицированных, было с этими-таки полукровками и касалось той же самой "бесполезной" земли, площадью в 384 000 акров; что им нужно было выплатить за землю 200 000$, а также - за все усовершенствования, которые они на ней произвели; и что специальные уполномоченные все еще инструктировались "позволить выплачивать любые адекватные и справедливые суммы"; но, однако, "ни в коем случае не превышать сумму, предусмотренную в 1841 году." Если все это перевести на простой язык, то это означает, что в 1830 году правительство обещало позволить группе людей занимать участки земли за простую плату, и селиться на них, как это делали другие люди на их фермах; и это при том, что в течение десяти лет люди просили именно так и сделать, но им отказывали; а через 10 лет, полагая, что нет никакой надежды на что-либо лучше, они согласились продать всю землю правительству обратно за 200 000$; эту сделка правительство также не выполнило (соглашения так и не ратифицировали), и девять лет спустя оно поздравляло себя с тем фактом, что из-за всех этих невыполненных соглашений, индейцы все еще "владели землей на таких же основаниях, как и другие индейские племена" - то есть вообще не владели, использовали только с разрешения правительства и могли в любое время подвергнуться выселению. (Этот вопрос должен был быть наконец улажен в 1854 году законом Конгресса, но в 1856 году он все еще не был решен. Послали комиссию, чтобы расследовать ситуацию, и ее отчет состоял в том, что "предмет спора был трудным и запутанным, но спор решается с участием всех сторон. ")

Немного дальше, в этом том же известном документе есть упоминание о другом участке земли, который теперь "желательно отчудить." Это было оговорено отдельно статьей 10 того же самого старого соглашения для полукровок омаха, ото, иова, янктона и санти сиу. Участок содержал

приблизительно 143 000 акров, но "был намного менее ценен, чем участок на озере Тепин", "почти бесполезный;" но сумма, которая должна быть за него заплачена, "оставлялась на усмотрение" специальных уполномоченных.

В это время племена медевакантонских сиу занимали земли площадью более двухсот миль вдоль западного берега Миссисипи, покрывая также приблизительно 25 миль выше по реке Св. Петра. Янктоны, санти и другие племена вдоль по течению Св. Петра, вытягиваясь на земли к западу от Миссури, вне досягаемости от обычных средств связи. Эти племена часто голодали из-за малого количества буйволов для охоты. Они никогда не теряли возможности послать умоляющие сообщения Великому Отцу, убеждая его помочь им. Они особенно просили мотыги, чтобы иметь возможность посадить кукурузу. В своем отчете за 1850 год руководитель территории, включающей этих индейцев говорит:" Представления большинства из тех, кто долго жил среди индейцев, имеют одно общее убеждение - что никакое значительное или выгодное изменение не может иметь место в их состоянии, пока Государственное управление не заставит их следовать местным законам, которые будут наказывать преступников и обеспечат трудолюбивых людей гарантированными правами на собственность и частными правами."

Руководители, агенты, специальные уполномоченные, секретари - все постоянно рекомендовали этот простой и необходимый шага к цивилизации - индейцы непосредственно сотнями умоляли права на их фермы, или по крайней мере - выдать им "мотыги".

Но почему правительство Соединенных Штатов упрямо продолжает одной рукой держать индейца и делать множество пустых обещаний, второй рукой - разграблять его и удерживать на том же низком варварском уровне? Нет - опускать его еще ниже, добавляя пороки азартных игр и пьянства, и при этом все время хвастаясь своим желанием просветить, инструктировать и воспитать его. Это столь же необъяснимо, как и позорно: феноменальная вещь в истории мира.

Летом 1851 желаемые соглашения были сделаны: с племенами верхних и нижних сиу отдельно велись переговоры - в Трав де Сю и в Мендоте. От верхних племен скоро избавились, поскольку "некоторые из них научились читать", заразились идеей, что их земля имела огромную ценность, и сразу потребовали 6 миллионов долларов за уступаемые земли. Переговоры с нижними сиу - медавакантонами и ваппакутами - были "чрезвычайно трудными" из-за, во-первых, "их близости к процветающим поселениям на восточной части Миссисипи, от чего у них постоянные и частые контакты с белыми, идеи которых о большой ценности этой земли передались индейцам; во-вторых - из-за их значительного опыта в индейской дипломатии, так как им уже выплачивали хорошие ренты по бывшим соглашениям". Из-за всего этого, индейцы были безразличны к заключению в настоящее время другого соглашения, тогда как белые на их границах беспокоились побыстрее приобрести эти земли." Из-за этого упрямого здравого смысла со стороны индейцев сессии специальных уполномоченных были утомительными и долгими; только через месяц им удалось убедить этих индейцев передать желанные земли" - сады долины Миссисипи -" и они были обязаны выплатить в три раза больше центов за акр, чем их проинструктировали заплатить. За 35 миллионов акров земли они согласились заплатить номинально 3 075 000$, что составляет 8-9 центов за акр. Но поскольку

2 500 000$ должны были быть сохранены в фонде, и с них индейцам должны выплачивать только интерес в 5%, и только во время последующих пятидесяти лет, после которых указанная сумма должна была вернуться к правительству, то легко посчитать, что индейцы получили бы только приблизительно 6,25 центов за акр. И принимая во внимание значительную ценность

переданных земель, и цену, которую правительство несомненно получило бы за них, можно с готовностью признать, что губернатор Рэмси с радостью заявил в своем отчете Министерству внутренних дел, что "реальная стоимость этой великолепной покупки для правительства - всего только сумма, заплаченная на руки" (575 000$).

Губернатор говорит, что "ни в коем случае целью комиссии не было, действовать по отношению к индейцам как-либо иначе, чем справедливо и великодушно;" что "продолжение ежегодной выплаты крупных сумм дохода не принесло бы им никакой дальнейшей пользы" после того, как истекли бы 50 лет, и это бы вошло в конфликт "с хорошей правительственной политикой." Он говорит, что нация дакотов хотя и воинственно, но "дружелюбна по отношению к белым," и что следует ожидать, что "благодаря разумным расходам на фонды по цивилизации и усовершенствованию, предусмотренные в этих соглашениях," они скоро возьмут на себя инициативу "в сельском хозяйстве и других видах производства."

Одно из положений этого соглашения запретило ввоз крепких спиртных напитков в новую резервацию. Это было сделано в соответствии с "серьезным желанием" вождей, которые просили, чтобы "правительством были приняты некие строгие меры по исключению всех видов спиртных напитков из их нового дома."

В соответствии с этим соглашением четыре больших племени сиу в Миннесоте "объединили вместе на одной резервации в верхней части долины Миссисипи." Эта область, как полагали, была "достаточно отдаленной, чтобы гарантировать им защиту" от любого давления со стороны белого населения на много лет вперед. Для них должны были быть построены фермы, заводы и школы, возведены жилые дома. У них теперь был шанс "иметь дом, со всем сочувствием и всеми будущими надеждами и проектами." С этого времени "в истории дакотов должна была начаться новая, многообещающая эра." Оставленная ими земля была "больше, чем штат Нью-Йорк - плодородная и неописуемо красивая", без преувеличения - лучшая часть Миннесоты. "Она имеет настолько разносторонние природные преимущества, что ее производственные возможности можно считать почти неистощимыми. Вероятно, нет на планете территории, которая была бы лучше снабжена запасами воды. Значительная часть земли - богатая пахотная земля; есть участки непревзойденной плодородности, которые чрезвычайно приспособлены к производству зерновых культур в бесчисленных количествах. Безграничные равнины представляют неистощимые пастбища, а речное дно более богато чем, берега Нила. Есть знаки, что в недрах земли присутствуют обширные области минералов."

А всего за несколько строк до этого пылкого параграфа делалось ложное заявление, что "для самих индейцев этот обширный уступленный регион имеет незначительную ценность". Казалось бы, что для восьми тысяч человек, которые, согласно этому же автору, "в значительной степени пережили этап поиска средств к пропитанию исключительно охотой," и очень скоро должны были "перейти к занятию сельским хозяйством," ничто не было более удачным, чем владеть и занимать 35 миллионов акров только такой хорошей земли, как эта.

Они уже кажется показывают расположение использовать эту землю для собственной пользы. Отчеты от различных ферм и школ показывают их продвижение в сельскохозяйственной промышленности и учебе. Сельским хозяйством заниматься трудно, потому что у них в наличии имеется лишь несколько телег и плугов, которые должны использоваться, в свою очередь, различными фермерами, и поэтому к некоторым они могут попасть слишком поздно, чтобы принести пользу. Из-за этого в племени происходит много ссор.

Однако, эти племена вырастили в этом году более 4000 бушелей кукурузы. По отношению к школам также существует большое сопротивление, потому что индейцам сказали, что накопленные 50 000$ выплатили бы им наличными, если бы не школы. Однако, образование медленно прогрессирует; в этом году на одной станции в миссии Lac qui Parle были подписаны пятьдесят копий небольшой миссионерской публикации под названием "Друг Дакоты" и в школе были зарегистрированы 60 учеников. Кузнец в городе Санкт-Петербург говорит, что он за год сделал для индейцев 2506 изделий разного вида, и восстановил 1430 изделий. Очевидно, что сообщество, в котором кузнец столь занят работой, ни в коем случае не может быть праздным.

Имеет смысл остановиться на этих тривиальных на вид деталях в истории миннесотских сиу, потому что все это - доказательства степени цивилизации, которой они уже достигли, и расположения, которое они уже показали к промышленности прежде, чем их первый раз подвергли переселению. Их состояние через два года после ратификации этих соглашений кратко описано в официальных сообщениях Бюро по делам индейцев:

"Текущая ситуация для индейских племен сиу, принимающих участие в соглашениях от 23 июля и 5 августа 1851 года, является специфической, неудачной, и может быть для них чрезвычайно вредной. В соответствии с этими соглашениями они неохотно отдали очень большую часть ценной земли, имевшей самое большое значение для правительства. Небольшая часть этой земли около ее западной границы, которую белое население уже много лет не желало заселять, была отведена и назначена для них как их будущее место жительства. Сенат исправил это соглашение и вычеркнул эти земли, заменив компенсацию вместо резервации на увеличение суммы за акр до 10 центов, и требуя от президента, с согласия индейцев, что если бы они согласились на поправки, то им полагаются под будущее заселение участки земли за пределами тех земель, которые они отдали. К поправкам было приложено условие, 'что президент может с согласия индейцев изменять вышеупомянутые условия, если сочтет целесообразным.' Индейцы были вынуждены согласиться на поправки; 'доверяя правосудию, либеральности и человечности президента и Конгресса Соединенных Штатов, что им в будущем выделят такие участки земли для заселения, какие будут для них приемлемы и удовлетворительны. ' Таким образом, согласие индейцев было не только на получение назначенных земель, на отчуждение существующих без указания их размеров и границ, но президенту была дана власть изменять и вносить правки в соглашения, и он был уполномочен, с согласия индейцев, помещать их на определенную резервацию или в любую другую часть уступленной территории, если посчитает это целесообразным.'

"Чтобы избежать столкновений и трудностей между индейцами и белым населением, которое быстро начало заселять уступленные земли, стало необходимо чтобы индейцы освободили по крайней мере значительную часть этой земли, и без задержки. Хотя не было ни временем, ни средств провести необходимые расследования, чтобы найти подходящее местоположение для них за пределами уступленных земель.

"При этих давящих и смущающих обстоятельствах бывший президент решил разрешить им остаться пять лет на выделенных резервациях, если они были готовы принять эту альтернативу. Они согласились и многие из них уже переселились. Насколько неизбежной эта договоренность не являлась, она также - наиболее неудачная. Индейцы полностью осведомлены о ее временном характере, и о неуверенности относительно их будущего положения, и поэтому у них не будет ни желания, ни сил создавать вокруг себя комфорт и улучшать благосостояние. В конце концов

неизбежным результатом будет то, что в конце этого ограниченного промежутка времени они будут в намного худшем состоянии, чем теперь, и все усилия и расходы многих лет, направленные на прививания им благодушия и жажды усовершенствования - все будет напрасно.

"Большие инвестиции в заводы, фермы, мастерские и других усовершенствования, требуемые соглашениями, которые будут сделаны для их выгоды, будут полностью потрачены впустую если индейцы останутся на их резервации только в течение предписанных пяти лет. В тот самый момент, когда они начнут в полной мере пожинать плоды своих трудов и окружения, они должны будут уйти. Другая неудачная особенность этой договоренности, хотя и временная - то, что индейцы израсходуют значительные суммы, указанные в соглашениях. Эти суммы должны выделяться с целью их переселения на постоянное место проживания, и для пропитания, пока они смогут обеспечить себя им самостоятельно. И в случае очередной эмиграции уже не останется ничего на важные и необходимые цели. Ввиду этих фактов и соображений, нельзя терять времени и определить в отношении них некоторую заключительную и постоянную договоренность."

В это же время губернатор Миннесоты: "Сомнительный характер срока, который это племя владеет их воображаемой резервацией, хорошо понятен их вождям и руководителям. Это начинает создавать глубокую неудовлетворенность, и ежедневно возводит все больше препятствий переселению. Это резервация не будет нужна белым много лет.

"Нет ни леса, ни древесины, ни угля, достаточных для целей цивилизации, кроме региона реки Св. Петра и ее притоков. От расположения нового агентства начинается обширная прерия, протяжностью больше ста миль, полностью лишенная древесины, и я уверен, что мы никогда не будем в состоянии удержать любое значительное количество индейцев новом агентстве, или рядом с той территорией.

"Фонд, созданный отдельно для переселения и пропитания в первый год для сиссетонов и вапатонов, уже израсходован, и вся провизия съедена. Губернатором Рэмси были истрачены 17 000$, даже больше. И это за год до срока, установленного соглашением как срок их переселения. Эти расходы были сделаны в то время, когда он понукал их подписать поправки Сената к соглашению 1851 года, что они отказывались сделать, и которое подписало не больше половины вождей. Индейцы хотят, чтобы правительство подтвердило их право на эту резервацию. Я бы рекомендовал, чтобы это было сделано, так как это единственное средство их удовлетворить, да и человечность требует этого."

Вот иллюстрация беспомощных людей! Они вынуждены бросить "цветущий сад всего государства," и принять вместо этого "небольшой участок, на большей части которого нет ни леса, ни угля достаточных для нужд цивилизации." И даже тогда, еще до того как высохнут чем чернила этого соглашения, им говорят зал, что даже из этого жалкого участка они должны обещать переселиться по прошествии пяти лет. Какими словами можно охарактеризовать такую сделку между человеком и человеком? Нет страны, людей и общества, в которых это даже попытались бы сделать! А между сильным правительством и слабой расой?

От позора выполнения этой цели Соединенные Штаты были спасены. Происходили протесты и все нарастающее сопротивление индейцев, и в 1854 году мы находим, что эти бедные существа

выражают "большое удовлетворение", что президент постановил, чтобы они могли остаться на их "скудном участке" на постоянной основе.

Сиу в верхней Миссури все еще переживали страдания и лишения; некоторые из них выращивали продукты на небольших участках земли, завися в основном от дичи, корешков и диких ягод; когда эти ресурсы не представлялось возможным получить, для них ничего не оставалось, кроме как голодать, или же - грабить белых поселенцев. Однако некоторые племена тщательно соблюдали соглашения, сделанные в форте Ларами в 1851, выказывали "сильную тягу к прогрессу," и находились в самых дружественных отношениях с белыми. Эти миролюбивые и дружелюбные группы сильно расстроены опрометчивым курсом, преследуемым другими из их племени. Они приветствуют присутствие солдат, присланных наказать преступников, и с удовольствием оказывают им любые услуги, которые они могут, даже - против собственных родственников и друзей.

В 1855 заявляется, что "по различным причинам миннесотские сиу не получили значительной и существенной выгоды от очень либеральных положений соглашений 1851 года. До того момента, пока резервацию не гарантировали индейцам на постоянной основе (в 1854), было бы крайне неразумно что-либо расходовать на постоянные усовершенствования. И с тех пор дела агентства не были лишены беспорядка."

"На этих сиу были израсходованы крупные денежные суммы, но они были ленивы, экстравагантны, несдержаны и потратили свои средства впустую, без модернизации и без желания улучшить свое состояние."

Оба этих заявления делаются с настроением серьезной добросовестности. Однако, здесь не заявляется что конкретно сиу могли предпринять, чтобы "улучшить свое состояние," если бы он "пожелали" так сделать.

Граждане Миннесоты будут долго помнить лето 1857 года. Оно началось со многих случаев ужасной резни, которую совершали бродячие группы сиу, количеством не больше 15 человек. Их изгнали из племени приблизительно 16 лет назад, и с тех пор они вели блуждающий и мародерский образ жизни. Проблемы начались с тривиальных неурядиц между одним из белых поселенцев и индейцем на реке Рок Ривер. Собака поселенца укусила индейца, а индеец застрелил собаку. За это белые поселенцы жестоко избили индейца, затем пошли в лагерь и силой отобрали у племени все оружие. Это было в то время года, когда быть без оружия означало просто быть без еды, и индейцы начали страдать сразу. Каким-то образом они повторно завладели или их оружием, или достали новое, напали на поселение и убили всех жителей, кроме четырех женщин, которых они унесли с собой и с которыми обошлись по-варварски. Последовали неизбежные результаты подобных ужасов. Тысячи миролюбивых индейцев Миннесоты, которые даже не знали об этом произволе, попали под общий террор и ненависть широкой публики; только значительная твердость и осторожность офицеров, посланных разрешить конфликт, спасли Миннесоту от общего восстания и нападения всех племен сиу, которые уже находились в состоянии тлеющего недовольства из-за неуплаты их рент. Однако, они повиновались требованиям правительства, что они сами должны выследить это незаконное формирование, и или захватить, или истребить его. Они убили четверых и взяли трех в плен, затем возвратились "очень уставшими" и сказали, что не смогут добиться большего без помощи солдат Соединенных Штатов. Они думали, что того, что они сделали уже итак было достаточно, чтобы показать их лояльность, и снова заслужить выплату им рент. Один из вождей сказал:

"Люди, убившие белых не принадлежал нам, и мы не можем отвечать за поступки людей другого племени. Мы всегда пытались делать так, как говорил нам наш Великий Отец." Другой вождь сказал: "Я хочу поговорить о соглашении. В течение пятидесяти лет нам должны были платить 50 000$ в год. Нам также обещали 300 000$, которые мы не видели. Я желаю сказать моему Великому Отцу, что нам обещали все эти вещи, но мы еще не видели их. Почему Великий Отец не делает того, что он обещал?"

Эти военные действия были быстро окончены, и все же ситуация ни в коем случае не внушала индейцам доверия. Но одно чувство, казалось, вдохновило все белое население, и это было желание истребить всю индейскую расу.

"Пока что," - пишет руководитель, - "одинаково важно защитить индейцев от белых, как белых от индейцев;" и это несмотря на то, что из всех основных племен, заключавших соглашения, сиу единственные выделили воинов, чтобы преследовать убийц, казнить, или арестовать всех виновных, которых они могли найти. И они были готовы снова отправиться на поиски оставшихся восьми, если бы им помогли также войска Соединенных Штатов. Несмотря на злость один из вождей нижних сиу, "Малый Ворон", который, со слов руководителя "трудился с ним день и ночь", он организовал группу, которая день и ночь курсировала между агентствами верхних и нижних сиу, пока они не вышли на след убийц; несмотря на факт, что вся группа сиу без исключения "получила сведения с таким же негодованием и осуждением, как и белые непосредственно, и приложила все усилия, чтобы находиться вне подозрений по поводу всех этих черных дел, эти индейцы находились в постоянной опасности быть застреленными на месте испуганными и неблагоразумными поселенцами. Одна группа под началом вождя Сонные Глаза возвращалась домой с охоты, и пока они "задавались вопросом, что же вызвало панику среди белых, и что она означала" (они ничего не слышали о резне), их обстреляли местные белые ополченцы.

На следующий день около этого места был найден убитым один белый поселенец, по-видимому - кем-то из группы Сонного Глаза. Это волнение постепенно спало и в течение последующих четырех лет миннесотские сиу проделали устойчивый успех. Сотни из них отбросили в сторону одеяло - отличительный знак их дикого состояния - они хорошо учились в школах, успешно обрабатывали фермы. Нельзя отрицать и то, что со стороны большинства представителей племени существовала значительная враждебность к этой цивилизации; но это было естественно, это был неизбежный протест мужественной и гордой расы против отказа от собственных культурных ценностей. Когда мы видим людей Лотарингии или Черногории, готовых умереть за само право называться так, или иначе, то мы находим это героическим, и сочувствуем им. Но когда североамериканский индеец готов скорее умереть, а не носить одежду и следовать обычаям белого, мы чувствуем к нему только презрение, и видим в его инстинкте не что иное, как неспособность варвара оценить цивилизацию. Справедливо ли это?

В 1861 специальный уполномоченный по делам индейцев, посещая этих сиу, написал: "Я был очень удивлен, когда увидел многих индейцев сиу в одежде цивилизованных людей; когда увидел, что многие из них живут в каркасных или кирпичных домах, некоторые из них - с конюшнями или надворными постройками, а их поля обработаны со значительным знанием сельского хозяйства." Их состояние предоставляет сильные доказательства того, что может быть достигнуто среди индейцев сиу, которые устойчиво придерживаются политики однородности и отсутствия сопротивления.

"Число людей, которые живут сельским хозяйством, все еще незначительно, по сравнению со всеми; но их состояние настолько лучше чем у диких индейцев, что те также убеждаются, что такой способ жизни - лучший. Поэтому многие приходят, просят их подстричь, дать костюм, дать возможность поселиться на участке земли, где они смогут построить дом и укрепиться на своей земле."

Намного большее их количество начало бы сельскохозяйственную жизнь, если бы правительство обеспечило их средствами и возможностями так сделать. В этом же отчете упоминается об одном поселении в две тысячи индейцев на озере Биг Стоун Лейк, которым "до настоящего времени почти полностью пренебрегли. Эти люди жалуются, что их кормили обещаниями в течение прошлых десяти лет, у них сложилось мнение, что белые никогда не выполняют то, что они обещают. Многие из них пошли бы работать, если бы у них была разумная поддержка."

Им все еще задолжают ренты. Каждая отрасль промышленности и предпринятых усовершенствований страдает из-за отсутствия обещанных фондов и задержек ожидаемых платежей. Однако, худшим результатом этих задержек и невыполнения соглашений оказался эффект, произведенный на индейцев. У них в уме укрепилось чувство несправедливости за прошлое и недоверия - за будущее. Это готовило их к внезапной агрессии, антагонизму и враждебности от любой небольшой провокации, которая совсем непропорциональна причине. Так было с миннесотскими сиу летом 1862 года.

В истории индейских войн едва ли есть большие случаи резни по количеству погибших. В начале августа некоторые группы верхних сиу, которые ждали от их агентства своих платежей по ренте почти два месяца и настолько сильно страдали в течение этого времени от нехватки еды, что "они копали корни, чтобы успокоить их голод, и когда им дали кукурузу, они пожирали ее сырой - как дикие животные", внезапно отчаялись, ворвались в правительственный склад и взяли часть хранившейся там провизии. Это было реальным началом бунта, хотя первая резня не начиналась до 18-го числа. Когда она началась, дружелюбные индейцы были фактически бессильны и не могли сопротивляться - их жизни угрожала опасность, если они не присоединялись к бунту. Однако, некоторые из них спаслись и целыми семьями перебирались в безопасные места; другие защищали и кормили женщин и детей в их собственных хижинах; многие сбежали, оставив все имущество - такие же жертвы вспышки как и сами люди Миннесоты. В течение трех дней враждебные группы, все время укрепляемые, двигались от поселения к поселению, убивая и разграбляя. Область страны длинной почти в двести миль и шириной приблизительно в пятьдесят миль была полностью заброшена и оставлена населением, которое в панике скапливалось в города и форты. Погибла почти одна тысяча человек - мужчины, женщины, дети - и бесчисленное множество подверглось страшному насилию. Было уничтожено собственности на миллионы долларов. Бунт был быстро подавлен группой войск, и большое количество индейцев было захвачено. Многие сдались добровольно, приведя с собой более 200 белых людей, которых они взяли в качестве заключенных. Военная комиссия судила этих индейцев и приговорила более трехсот из них к повешению. Всем кроме 39 человек отложили исполнение приговора и поместили в тюрьму. Остальных привезли в Дакоту, в бесплодную пустыню, где в течение трех лет они выносили страдания, намного худшие, чем смерть. Остальная часть сбежала в верхнюю область Миссури, или в Канаду.

Миннесота, за ужасную для себя и правительства Соединенных Штатов цену, избавилась от присутствия индейцев, которые были ее врагами только потому, что с ними поступили несправедливо и недобросовестно.

Тогда же из Миннесоты были удалены все индейцы виннебаги.

В это время племена сиу в верхнем регионе Миссури были еще более или менее враждебны, и группы войск постоянно намеревались их подчинить. Укрепленные беженцами **из** Миннесоты, они стали еще более враждебными, и летом 1863 находились в почти непрерывных конфликтах. В 1864 году губернатор территории Дакоты пишет правительству, что война распространяется на Небраску и Канзас, и что с лояльными индейцами в том регионе не будет заключено в ближайшее время соглашение, то они также присоединятся к враждебным индейцам. Одно племя сиу - янктоны - постоянно было лояльным и, несмотря на все проблемы, оказало множество услуг. Пятьдесят этих янктонских сиу были организованы генералом Сибли в отряд разведчиков, и оказались "более эффективными, чем два подобных отряда белых солдат." Единственная стоимость для правительства в обслуживании этого отряда янктонов - это пятьдесят комплектов поношенной артиллерийской униформы, оружие и рацион самим бойцам."

В 1865 году правительство, потратив приблизительно 40 000 000$ на эти кампании, начало искать более дешевые, если не более гуманные методы. И, частично по просьбе губернатора Дакоты, который очень хорошо знал, что индейцы желали мира, послали комиссию на переговоры с ними. Теперь, по рассказам, в этом регионе находились приблизительно 14 000 сиу, почти 2000 - беженцы из Миннесоты.

Отчет этой комиссии полон основательных заявлений. Нет никаких сомнений, что большинство индейцев мечтает о мире; но они боятся встречаться с агентами правительства, чтобы их каким-нибудь образом не предали. Такие группы, однако, с удовольствием идут на договор мира и доброжелательности. Специальные уполномоченные с большим чувством говорят о состоянии лояльных янктонов. "На их землях не были сделаны никакие усовершенствования - не засеяны культуры, не было ни одной школы, и специальные уполномоченные были обязаны выделить им провизию, чтобы эти индейцы не голодали."

И все же, в соответствии с 4 статьей соглашения с янктонскими сиу, правительство Соединенных Штатов согласилось израсходовать 10 000$ на установке подходящего здания или зданий, и постройку и обслуживание одной или больше школ труда; и можно прочитать в Уставах Соединенных Штатов, что в 1860, 1861, 1862 и 1863 годах Конгресс выделил 65 000$, согласно соглашению, в пользу янктонских сиу.

"За исключением нескольких несчастных хижин, лесопилки и небольшого количества земли, есть лишь немного усовершенствований. Эти люди находятся на уровне зависимости от охоты как средства добычи пропитания, и если их в скорости не уверить и не поощрить, то они отчаются, и значительное недовольство, существующее среди них, достигнет пика и приведет к очередной огромной индейской войне."

Этой комиссией были заключены девять договоров с различными группами сиу. Индейцы сами обещали воздержаться от любых военных действий как друг с другом, так и с белыми. Правительство согласилось платить индейцам по 15$ долларов на человека в год, а тем, кто будет заниматься сельским хозяйством - по 25$ на человека.

Зимой после этих соглашений все эти индейцы искренне сдержали свои обещания, несмотря на ужасные страдания от холода и от нехватки еды. Некоторые из них были в старой резервации Кроу Крик в Дакоте, где им "не дали умереть голодной смертью путем выделения скудных рационов, которые можно было бы найти и сэкономить из запасов форта Салли и агентства." К чести этих индейцев - несмотря на их разнообразные страдания едва ли происходили случаи кражи. Они хотели сохранить доверие правительства.

"Они будут бежать как цыплята, чтобы собрать потроха из ведер помоев, которые вынесут из гарнизонных кухонь; и в это же время - они пройдут мимо груды зерна и сотен голов свободно передвигающегося рогатого скота, ни к чему не прикоснувшись, кроме тех случаев, когда им сказали, что они могут собрать зерна с земли там, где крысы проели мешки и зерно просыпалось," - говорится в сообщении одного из специальных уполномоченных.

Летом 1865 с индейцами из равнин были заключены очередные договоры, и все сиу, кроме тех, которые находились под покровительством Британии, теперь согласились на мир. Этим же летом было также первое признание со стороны правительства его скандальной несправедливости к дружественным миннесотским сиу, которых во время резни переместили в Кроу Крик, Дакота. Была почти одна тысяча людей, главным образом - стариков, женщин и детей. Многие были вдовами и детьми тех, кто был повешен или находился в тюрьме в Давенпорте. В течение трех лет, они были "тихи и терпеливы в своих страданиях."

Эти двести заключенных в Давенпорте также показали "превосходное расположение духа и полное подчинение, "хотя многие из них доказано были не только абсолютно невиновны в любых враждебных актах, но и получали награды за спасение белых пленников." Свидетельства, ходатайства и письма, показывающие эти факты были отправлены из Айовы правительству, но специальный уполномоченный говорит в своем отчете за 1866 год, что" они были утеряны, когда проходили через различные отделы, и уже не могут быть найдены!"

Был еще один класс этих индейцев, заслуживающий помощи правительства - приблизительно 250 дружелюбных индейцев-фермеров, которые в 1862 спокойно жили на их фермах, "действовали в качестве разведчиков правительства; никогда не выказывали агрессии, и не помогали тем, кто подобные акты совершал," не смотря ни на что оставались дружелюбными в течение этих четырех лет, "вынуждено ведя бродячий образ жизни из-за неразборчивой конфискации всех их земель и собственности."

"Поля с урожаями, принадлежащие этим индейцам-фермерам, были оценены в 125 000$, у них были многочисленные запасы всех видов, прекрасные фермы и масса усовершенствований. Войска Соединенных Штатов, участвовавшие в подавлении резни, а также взятые ими в плен заключенные - всего приблизительно 3500 людей - жили на этой собственности в течение пятидесяти дней."

Епископом Уипплом и другими людьми были предприняты решительные попытки на получение от правительства некоторой помощи для этих дружелюбных индейцев. На эти цели Конгресс выделил 7500$. Письмо от Епископа Уиппла, от которого требовали отчета относительно разделения этой суммы, является столь красноречивым подведением итогов случая этих индейцев, что его нужно поместить в отчет истории нашей страны. Он пишет:

"Есть положительная несправедливость в ассигновании столь несчастных грошей. Даже намного большая сумма не покроет то, что мы по-честному должны этим людям. Правительство было

опекуном верхних и нижних сиу. Оно держало несколько миллионов долларов для их выгоды - объединенную собственность племен. Эти дружественные сиу оставили свою дикую жизнь и переняли одежду, привычки и традиции цивилизации. Это перевело их в открытое противостояние традициям их собственных племен, и они попросили защиты у правительства. Благодаря ошибочной политике, полному пренебрежению правительства, извращенному использованию средств, задолжаемых индейцам за продажу половины их резервации, за задержку ренты на два месяца после должного срока (потому что часть этих средств была выделена на заселение земли белыми), благодаря другим причинам, позволявшим неудовлетворенности продолжаться незамеченной, мы вызвали враждебность диких индейцев, и все это продолжалось до тех пор, пока не вызрело в резню. Этим индейцам фермерам обещали патент на их фермы: если бы мы не нарушили наши торжественные обязательства, эти земли были бы их по праву - столь же действительному, как и любое другое право. Их поля были настолько обширными, что этого было достаточно, чтобы поддержать армию генерала Сибли в течение многих недель. Они потеряли все, что имели - поля, запасы, одежду, мебель. В дополнение к этому они были лишены доли в рентах, и в течение четырех лет жили в очень больших страданиях. Вы можете рассудить, нужно ли считать 5000$ справедливой наградой за храбрость и стойкость для людей которые, рискуя собственными жизнями, способствовали спасению белых пленников, и поддерживали с белыми дружбу.

2500 из 7500 $ были отдельно отложены правительством (несправедливым как в наградах, так и в наказаниях) для вождя Other Day, который действительно заслужил этого меньше, чем многие другие.

"Я обращаюсь к Вам, сэр, и через Вас надеюсь достигнуть всех, кто боится Бога и любит справедливость: наименьшее, что мы можем сделать всех дружественных сиу - это выполнить заявления, которые мы сделали несколько лет назад, и дать каждому из них патент на 80 акров земли, построить им дом, обеспечить их рогатым скотом, семенами, и орудиями земледелия."

В 1866 году все эти сиу, несмотря на протесты граждан Небраски, были переселены в резервации на реке Ниобрара, в Северной Небраске. Скоро стало очевидно, что это место было нежелательным для резервации, так как его до этого занимали белые и там почти не было древесины.

Осенью их снова переселили в Базил Крик, возвели временные здания и здесь они провели зимы 1866 и 1867 годов. В феврале их обрадовали приглашением их вождей и глав посетить Вашингтон. Они приняли приглашение, чувствуя уверенность, что получат дом для себя и своих людей. "Но все, что они получили - это обещание, что в следующем году к ним пришлют комиссию." 'Им, однако, сказали переехать в Брекенридж, на западном берегу Миссури и посадить там зерновые культуры. Им пообещали, что если это место им понравится, то им его отдадут как постоянный дом." Соответственно, здания, построенные агентством, были еще раз перенесены, и 200 акров земли были таки засеяны. Но еще прежде, чем эти зерновые культуры были собраны, прибыла комиссия и сказала индейцам передвигаться дальше вверх по течению Миссури. Индейцы отказались и им позволили остаться, и сказали, что если они обработают почву как белые люди и разделят ее на паи, то правительство им поможет. Индейцы на это с удовольствием согласились, и подписали по этому поводу соглашение. Но в 1868 их агент пишет:" Это соглашение до сих пор не ратифицировано и, вместо помощи им открыть фермы, финансирование их нужд было сокращено на половину. После платежей за запасы, купленные в

кредит в прошлом году, оставшихся денег совсем недостаточно для одежды и пропитания, и совсем ничего не остается для возведения ферм, корм рогатому скоту" и т.д. А ведь эти индейцы всего только пять лет назад жили на хороших фермах и имели собственности на 125 000$ - в виде запасов, орудий и т.д. Неудивительно, что их агент пишет: "Оставьте их без дома еще на несколько лет больше, и вы дадите им полное моральное право потерять веру, стать праздными и ничего не стоящими."

Пытаться теперь следовать истории различных групп племени сиу сквозь все их переселения - запутанная и сложная задача. Некоторые из них были Дакоте, некоторые - в Небраске, некоторые - в Верхнем Арканзасе с враждебными шайеннами и арапахо - одним летом они подписывали соглашения, следующей весной - воевали и затем им обещали возможность иметь свой дом, и затем все время выселяли непосредственно перед сбором урожая. Белые поселенцы их все больше и больше гнобили, в любое время эмигранты прогоняли все больше людей с пастбищ буйволов, военные подразделения солдат Соединенных Штатов нападали на них и наказывали целые племена за ограбления, совершенные несколькими людьми, возможно даже из другого племени. Здесь самое удивительное не в том, что некоторые из этих индейцев были враждебными и мстительными, но что вообще хоть кто-то из них оставался миролюбивым и дружелюбным. Гражданские власти через военное министерство рекомендовали вооруженным силам "рассматривать всех индейцев, находящихся вне очерченных территорий резерваций как врагов в состоянии войны", и обращаться с ними соответственно. При этом Министерство внутренних дел не утруждало себя предоставлять им "фиксированные резервации," или очертить им границы даже временных поселений; их обманывали со всех сторон, они постоянно голодали - среди всех преследуемых племен индейцев нет племени с более жалобной историей, чем сиу. Однако, мы находим многие племена в 1870 году продвигающимися к цивилизации. В племени янктонов почти сто детей ходили в школу и обрабатывалось 800 акров земли. Ниже янктоны - мирные и тихие, хотя они и живут рядом с брулами, которые всегда ведут бродячий образ жизни и враждебны. Сиссетоны и вапетоны, которых в соответствии с соглашением 1867 года переселили в резервацию в Дакоте были "трудолюбивы и очень быстро продвигались в сельском хозяйстве." На их территории действовало четыре школы. Янктоны "с нетерпением хотят обрабатывать землю, и заявляют, что правительство обещало им помочь и научить их заниматься сельским хозяйством; что они уже давно готовы, но что их агент пока еще не полечил никаких инструкций и средств, чтобы позволить им выполнить свои желания."

В 1869 и 1870 годах произошли два важные в истории племени сиу события. Первое - визит делегации вождей и глав нескольких других племен в Вашингтон, Филадельфию, и Нью-Йорк под лидерством вождя Красного Облака. У них таким образом была возможность передать всех обиды и получить заявления правительства о благих намерениях к ним. Красное Облако после его возвращения домой стал горячим и решительным борцом за мир и лояльность. Второе событие - отделение части санти сиу от их племени, с целью постройки ферм согласно "Закона о фермерстве" - они стали независимыми гражданами. История этого эксперимента, и манера с которой он был встречен правительством Соединенных Штатов, лучше всего передана в словах доктора Улльямсона - миссионера, который прожил среди них 35 лет, и который по этому с таким жаром умолял за них в письме правительству летом 1870 года:" Несколько фактов повлияли на индейцев дакота, когда они передвигались к реке Биг Сиу: 1) почва и климат более похожи на те, к которым они привыкли в Миннесоте, в их бывшем доме, чем на оные из их резервации в Миссури; 2) Они чувствуют, что сами способны себя поддерживать, если им будет предоставлена

хорошая возможность; по этому они считают свою текущую жизнь в роли нахлебников и пенсионеров, зависящих от правительства в вопросах питания и одежды - деградацией; 3) Основное. У них есть желание сделать для их семей дома, где они будут жить по законам и под защитой Соединенных Штатов - так же, как все другие люди. Они полагают, что это все не может произойти на территории их текущей резервации.

"Эти сиу были сторонами соглашений, сделанных в 1851 году, по которым они и другие племена уступили Соединенным Штатам все лучшие заселенные земли миннесотского запада Миссисипи за менее чем 1\100 часть их текущей стоимости, и намного меньше, чем если бы эти земли стоили как охотничьи угодья. Будучи охотниками, они не нуждались ни в какой защите закона, но они знали, что если они станут агрономами, то не смогут жить без этой защиты; и они положительно отказались продать свои охотничьи угодья, пока специальный уполномоченный Соединенных Штатов не пообещает, что они будут защищены в личных и собственнических правах так же, как и белые. Правительство никогда не предоставляло им эту защиту, которая, в представлении индейцев, была очень важным пунктом при продаже земель. Это пренебрежение со стороны правительства приводило к ежегодным жалобам, и, в итоге - к резне 1862 года. Большинство эти сиу до войны жили поселениями в удобных домах, с окультуренными фермами," получали ежегодно согласно условий ренту, или в деньгах или в эквиваленте приблизительно 50$ на человека, от процента на их деньги, инвестированные в правительственные бонды. Эти индейцы обустраивались на их новых фермах, и в это время правительство потребовало на присяге отказаться от всех требований к Соединенным Штатам по поводу рент. Без сомнения, гражданство Соединенных Штатов и защита наших законов стоит больших денег; но мудро ли и правильно ли поступило наше правительство, требуя, чтобы эти коренные жители страны купили по цене нескольких тысяч долларов, то, что бесплатно дается любому иммигранту из Азии, Европы, или Африки, который этого попросит?

"Помимо рент им от правительства полагались доходы от продажи их старой резервации на реке Миннесота, которая была длиной более сорока миль и шириной - десять. Эти деньги после оплаты расходов на разведку и продажу, согласно закону Соединенных Штатов, должны были расходоваться на помощь индейцам в построении дома в другом месте; и поскольку эти земли были оценены в 125$ за акр и выше, и быстро проданы, то часть, которая полагалась каждому индейцу, не могла быть меньше 200$ или $300 - или 1000$ для каждой семьи. Ту присягу, которую от них требовали сейчас, также лишала их права претендовать на эти деньги.

Я не могу понять, как это решение Департамента по делам индейцев соотносится с правосудием, с хорошей политикой. И это, конечно, непоследовательно и противоречит как духовно, так и юридически статьям шестой и десятой соглашения между Соединенными Штатами Америки и различными группами индейцев сиу, заключенными в 1868 году, ратифицированными и объявленными в феврале 1869 года. Что я прошу их - чтобы наше правительство вернуло им часть того, что мы у них отняли, и дало им точно такой же шанс жить и процветать, который мы даем всем другим жителям нашей страны - как белым, так и черным. Для вас которые знают, насколько это трудно даже для белых, обученных работать - открыть новую ферму в этой дикой западной местности с несколькими сотнями долларов собственности, должно быть очевидно, что этим индейцам очень необходима некоторая помощь. Их число, вероятно, больше, чем вы предполагаете. Когда я руководил там обрядом Тайной вечери в первую субботу этого месяца, там было 77 представителей нашей церкви, помимо множества других людей. Благодаря санти сиу на реке Биг Сиу Ривер, в основном тех, которые живут около форта Вадсворт за прошлые пять

лет ни один белый житель Миннесоты или Айовы не был убит дикими индейцами, в то время, как многие были убиты в приграничных от территории штатах, на юго-запад от Миссури. Пока на границе находятся христианские сиу, белые поселения в безопасности. В заключение, я снова хочу обратить ваше внимание к тому факту, что эти индейцы на территории Биг Сиу купили гражданство за очень большие деньги, и просят вас сделать все в вашей власти, чтобы обеспечить для них защиту человека, его собственности и его дохода. Без этих прав наше правительство не может сделать их ни богатыми, ни счастливыми."

На это обращение никто не обратил внимание; и в следующем году неутомимый миссионер послал еще одно, более сильное. В нем он указывал, что эта колония теперь насчитывала пятьдесят семей; что она много лет действовала в соответствии с инструкцией Американского совета специальных уполномоченных для иностранных миссий; имел церковь из ста прихожан; что в церкви имелся проповедник, по рождению - индеец, и он частично поддерживался народом; что они построили бревенчатые хижины и засадили участки ферм, что многие из них обрабатывают землю мотыгами и лопатами."

Доктор Уллиамсон повторяет условия соглашения, на основании которых он утверждает, что эти индейцы имеют право ожидать помощи. Статья шестая соглашения 1868 года завершается следующим образом: любой индеец или индейцы, получившие патент на землю при предшествующих условиях, должны таким образом и впредь стать и быть гражданами Соединенных Штатов, и быть наделены правом на все привилегии и неприкосновенность такого гражданства, и должны, в то же время, сохранить все свои права и выгоды, полагающиеся индейцам в соответствии с этим соглашением."

Это соглашение обеспечивает наиболее выгодные условия для всех индейцев, принимающих цивилизованный способ жизни. Статья, восьмая особенно, предусматривает им поставку семян и сельскохозяйственных орудий, и это - то, в чем они больше всего нуждаются.

Поддержка, показанная в этом соглашении, была одним из сильнейших доводов в том, чтобы принудить этих людей отбросить племенной уклад жизни, столь противный усовершенствованию, и принять нашу демократическую цивилизацию. Не является ли это просто тиранией - разочаровать их? Они - первые сиу, если не первые индейцы в Соединенных Штатах, которые примут дух и жизнь нашей американской цивилизации. Они сами собой сделали то, что правительство в течение нескольких поколений пыталось заставить индейцев делать. И теперь правительство откажется протянуть руку помощи? К нашему позору, оно отказывалось это делать в течение двух лет. И почему? Потому что индейцы сказали: "Если мы становимся цивилизованными, то для нас необходимо порвать с племенными отношениями и поселиться на земле как белые."

В 1873 правительство наконец уступило этому запросу и послало волов, фургоны, плуги и т.д. - в количестве достаточном, чтобы снабдить тридцать ферм. В 1874 доктор Уилльямсон, будучи назначенным для них специальным агентом, сообщает об их прогрессе: "Они все живут в срубах и носят одежду белых граждан. * * * 119 из них могут свободно читать на собственном языке.

Они все регулярно ходят в церковь. Они разбили новые поля на 170 акрах прерии, построили двадцать новых зданий. * * * Они срезали и переправили двести связок древесины, доставив ее на рынок, находящийся в сорока милях. * * * Они делали со своими командами доставки на значительное расстояние, иногда - в сто миль. Они заработали 3500$ на мехах мелких зверей. *

* * У одного индейца есть контракт на доставку почты через Фландрию, по которому он получает 1000$ в год. * * * От Фландрии до известного каменного карьера лишь несколько миль, и эти индейцы хорошо зарабатывают, продавая трубки, кольца, очки, чернила и т.д., сделанные из этого красивого красного камня. * * * Они с нетерпением ждут, когда их научат как делать корзины, циновки, ткань; молодые люди просят обучить их ремеслу кузнеца и плотника."

Это - сообщество, которое только за пять лет до этого попало в необработанную дикую местность без доллара денег, без плуга, чтобы обработать ферму. "Без плугов они должны были вырыть дерн своими мотыгами, и в то же самое время добывать себе пропитание охотой. Они перенесли серьезные затруднения, и много их лучших людей погибло в метелях. Они верили, что они выполняли пожелания Великого Отца, как это выражено в соглашении 1868 года, в котором они были одной из сторон. И они были разочарованы, когда в течение трех лет их не замечали." Есть что-то жалостное в той благодарности, которую они, по их совам, ощущают теперь, получив скупой подарок из нескольких волов, фургонов и плугов. Они очевидно оставили всякую надежду когда-либо получить хоть что-то из тех денег, которые полагались им за их земли, проданные в Миннесоте. Доктор Уллиамсон об этом в дальнейшем вообще не упоминает.

От янктонских сиу в этом году прибывает замечательный отчет: "У нас нет тюрем и никаких законов, кроме соглашения и слова агента. И, тем не менее -у нас нет никаких ссор, никакой борьбы, и, с одним или двумя исключениями - ни одного случая пьянства за этот год. Я считаю это замечательным, если принять в расчет тот факт, что резервация окружена ранчо, на которых можно купить спиртные напитки всех видов." Есть ли в Соединенных Штатах еще хоть одна деревня из двух тысяч жителей, относительно которой это может быть сказано?

В этом году послали комиссию, чтобы переговорить с некоторыми из более диких племен сиу по поводу передачи их права охотиться и бродить по значительной части ненужной им территории в Канзасе и Небраске. Некоторые вожди согласились. Сначала племя Красного Облака отказалось; "но когда им сказали, что это право у них вскоре итак отберут," подумав два дня они "согласились принять условия," предусмотрев, чтобы полагающаяся им часть от 25 000$ была выплачена им в виде лошадей и оружия. Однако, они настояли на следующем условии: "Мы не передаем никому права на заселение местности, расположенной на в Небраске, на север от разделительной линии, на югу около реки Ниобрара и на запад от сотого меридиана."

Существенный факт, что когда эти сиу отдали свои права на охоту, то "они попросили, чтобы почти все 25 000$ компенсации за этот отказ они получили в виде коров, лошадей, сбруи и фургонов," говорит специальный уполномоченный по делам индейцев в 1875 году.

Все еще есть тысяча или больше враждебных сиу, бродящих в окрестностях под предводительством известного вождя Сидящего Быка - они жили охотой, если это получалось, и ограблениями - когда в этом была необходимость; иногда они также появлялись в агентствах, и спокойно получали порции рациона среди других честных индейцев. Остальные племена четко прокладывают себе дорогу к цивилизации. Санти - христианское сообщество; у них есть свои ремесленные школы, воскресные и вечерние школы; они издают ежемесячную газету в языке индейцев дакота, тираж которой 1200 копий. Янктоны научились плетению, и сделали достаточно ткани, чтобы дать каждой индейской женщине племени одно хорошее платье. Во Фландрии граждане сиу имеют пресвитерианскую церковь в 130 прихожан, и платят половину зарплаты проповеднику их крови. По случаю ежегодной встречи миссионеров дакоты в этой

области, эти люди собрали 100$, чтобы заплатить за развлечение. Эти три племени продвинулись наиболее далеко, но все остальные также делают устойчивые успехи.

В 1876 новости от агентств о сиу следующие - вследствие отказа в ассигнованиях, бюро по делам индейцев было неспособно посылать регулярные поставки запасов, и индейцы, находящиеся в "полуголодном состоянии," поняв, что "очевидной целью правительства было заморить их голодом" были вынуждены в больших количествах уйти на север и присоединиться к враждебному лагерю Сидящего Быка. Это было весной; а в разгар лета произошло то же самое, и многие из индейцев, становясь все более беспокойными и подозрительным, покинули свои агентства, чтобы участвовать в войне.

Конгресс, вероятно, обратил бы в это время совсем небольшое внимание прочтению этой цитаты из "Комментариев Кента": "Мирные договора, если они заключены компетентной силой, обязательны для всей нации. Если соглашение требует, чтобы оплата денег привела его в исполнение, и деньги нельзя изыскать действиями законодательного органа, то законодательный органа есть нравственное обязательство - принять закон; и аннулировать такие законы означает нарушить общественную веру."

Беспокойное и шаткое положение вещей преобладало во всех агентствах сиу, что было вполне ожидаемо, исходя из состояния дел. Во всех агентствах располагались военные подразделения, чтобы принять меры против вспышек сопротивления. Вследствие нехватки средств танктоны бросили заниматься плетением и созданием корзин. В агентстве Стендинг Рок после того, как индейцы посадили семян на сумму 872$ - семян зерна, картофеля и других овощей - прилетела саранча и пожрала все. "Многие из этих индейцев целыми семьями стояли весь день на полях, борясь с этим врагом, и в нескольких местах сумели спасти значительную часть их посевов." Санти стали очень беспокойными и недовольными, услышав новые слухи об их вероятном переселении. Общественное мнение востока, где не знали разницу между разными племенами сиу, расценило это как плаксивый сентиментализм - требовать для санти больше прав, чем для врагов, убивших генерала Кастера. Один из агентов в Дакоте пишет:

"Недавние проблемы в индейской стране, и существующая неуверенность относительно будущих намерений правительства по поводу индейцев создает среди них значительное беспокойство. * * * Ходят слухи, что правительство уже не будет предоставлять никакой дальнейшей помощи не будет, поскольку Большой Совет в Вашингтоне отказывается выделять деньги, если индейцев не передадут военному отделу. Используется каждый стимул, чтобы поощрить раскол агентств и усилить силы враждебного лагеря. Не удивительно, что из-за неприбытия поставок запасов, и недавнего приказа военного отдела арестовывать всех въезжающих и выезжающих людей, даже менее доверчивые чем индейцы люди чувствовали бы себя неуверенно и некомфортно. * * * Нужно помнить, что вся нация сиу взаимосвязана, и что во враждебном лагере едва ли есть мужчина, женщина, или ребенок, у которых не было бы близких родственников в одном или другом агентстве."

Сравните то состояние, в которое все эти дружелюбные индейцы были внезапно погружены сейчас, с их состоянием всего только два года назад: военное положение действует на территории всех их резерваций; они сами под угрозой голода, и постоянно подвержены влиянию друзей, убеждающих их участвовать в борьбе с этим предательским правительством, которое никому не осталось верно - ни друзьям, ни врагам; которое в войне не делало различий между друзьями и противниками; сгоревшие деревни, занятые только женщинами и детьми; убийство

целых племен индейцев, мирно живущих под защитой флага, как в Сенд Крик в Колорадо - неудивительно, что в одном из официальных сообщений военного начальника говорится: "Враг значительно укрепился поддержкой от различных агентств, где были недовольные, и они, несомненно, во многих случаях доведены до крайности голоданием и бессердечным мошенничеством, совершенным в их адрес;" и что Министерство внутренних дел вынуждено признать, что: "Такое дезертирство в значительной степени происходило из-за беспокойства, которое индейцы долго чувствовали из-за нарушения условий соглашений вторжением белых в Блэк-Хилс. И отношения, вдобавок, серьезно ухудшились в самый критический момент нерегулярными и недостаточными поставками запасов из-за недостаточного и несвоевременного финансирования."

Это было в это время, когда Сидящий Бык сделал свое известное заявление: "Скажите им в Вашингтоне, что если у них есть хоть один человек, который говорит правду, то чтобы они послали его ко мне, и я выслушаю то, что он должен сказать."

История военной кампании против этих враждебных Sioux в 1876 и 1877 годах может быть прочитана в официальных документах военного отдела, насколько это касается статистики. Другая история, которую никто и никогда не прочтет, записана в сердцах овдовевших женщин сиу и Соединенных Штатов.

Перед разгаром лета война с сиу была закончена. Упрямый Сидящий Бык убежал в Канаду - убежище для индейцев и для черных рабов. Здесь его осенью посетила комиссия из Соединенных Штатов, уполномоченная президентом пригласить его с его людьми вернуться, чтобы им "назначили агентство," и относились к нам "столь же дружественно, как и к другим индейцам, которые сдались." Ему объяснили, что к каждому из индейцев, кто сдался "относились также, как и к тем из Вашей нации, которые во время всех прошлых проблем оставались мирными в их агентствах." Так как большая часть тех, кто сбежал из этих тех же самых агентств, чтобы присоединиться к Сидящему Быку, так поступила потому, что они голодали, и Правительство это знало (этот факт отмечен в отчетах двух его департаментов), это были, конечно, странные слова для передачи Сидящему Быку. Его ответы и ответы его вождей были полны уничтожающего сарказма. Будучи в безопасности на британской почве, у них на этот раз была безопасная свобода слова, а также - свобода действия, и они привели специальным уполномоченным Соединенных Штатов очень веские причины, почему они хотели остаться в Канаде, где они могли "чем-то торговать и зарабатывать на жизнь," и где у их женщин было "время, чтобы воспитывать детей."

Специальные уполномоченные возвратились со своей странной миссии, и Министерство внутренних дел просто записало в свои отчеты заявление, что "Сидящий Бык и его сторонники больше не находятся под опекой правительства." В том же отчете встречается заявление, что "в сентябре и октябре 1876, различные агентства сиу посетила комиссия, назначенная в соответствии с законом конгресса от 15-ого августа этого года - чтобы провести переговоры с сиу относительно соглашения отказаться от той части их резервации, которая включала Блэк-Хилс, и от определенных охотничьих привилегий вне резервации, гарантируемых соглашением 1868 года; предоставить право проезда через их резервацию; переселить племена Red Cloud и Spotted Tail в новые агентства на Реке Миссури. Комиссия была также уполномочена предпринять шаги, чтобы получить согласие сиу на их переселение на индейскую территорию. * * * Комиссия успешно провела переговоры по всем положенным пунктам и индейцы пошли на все уступки,

которые были желаемы правительством, хотя мы в это же самое время боролись с их родственниками и друзьями." "От имени Соединенных Штатов соглашение таким образом вступило в силу и США будут поддерживать существование сиу на установленном рационе, пока они не станут самостоятельными; им предоставят школы, всю необходимую помощь и инструкции по сельскому хозяйству, механизации и для распределения земель на паи".

В соответствии с этим актом была послана комиссия, чтобы выбрать на реке Миссури местоположение для двух новых агентств сиу (Red Cloud и Spotted Tail).

"Для первых выбранное место - соединение рек Йелоу Медицин и Миссури, и в этом агентстве уже только что построили здания," говорится в сообщении Бюро по делам индейцев за 1877 год. "Для вторых были предложены специальные условия, и им отдали старую резервацию индейцев понка, где понка оставили здания агентства, склады, сто пятьдесят жилых построек, и пятьсот акров окультуренной земли."

Специальный уполномоченный говорит: "Переселение 14000 индейцев сиу в эту пору года на расстояние 300 миль от их старых агентств в Небраске на новые места около реки Миссури, не очень-то и приятно. Ни нынешний министр внутренних дел, ни нынешний специальный уполномоченный по делам индейцев не ответственны за переселение, но они искренне выполнили закон, хотя и неохотно. Переселение проводится в соответствии с законом от 15-ого августа 1876 года. Здесь следует сказать, что я считаю потребность, наложенную таким законом на исполнительную власть правительством как неудачную. Последствия должны быть исправлены настолько быстро, насколько это возможно.

"Давайте на мгновение предположим, что агентство Spotted Tail находилось в 1871 году на западном берегу Реки Миссури, где белые начали причинять индейцам чрезвычайно много проблем, и река предоставляла богатые возможности для создания и покупки крепких алкогольных напитков. В 1874 году агентства Red Cloud и Spotted Tail были переселены туда, что впоследствии стало

Небраской - на территорию прежнего агентства в 165 милях от шайеннов, а шайенны находились в 185 милях от Сиднея, - ближайшего железнодорожного узла на Union Pacific Railroad. Здесь привычные неудачи, сопровождающие переселение этих индейцев снова были проиллюстрированы размещением агентств на абсолютно бесплодной земле, где не было никакой возможности культивирования почвы, никакой надежды на то, что индейцы смогут стать независимыми, и где они будут вынуждены быть в безнадежном состоянии нищих."

В надежде разместить этих индейцев на пахотных землях, где они могли бы стать цивилизованными и независимыми, торопливо было принято решение переселить их обратно к реке Миссури. Этот шаг был сделан без надлежащей экспертизы других участков на их резервации, где по заявлениям есть "на обеих берегах Уайт-Ривер можно найти достаточное количество превосходных для пшеницы земель, и где также есть лес в количестве и качестве достаточном для любых практических целей. * * * Индейские вожди в интервью с президентом в прошлом сентябре просили его не посылать их на реку Миссури, поскольку там начнутся питье виски и прочие деморализующие виды событий. Так думали лучшие люди племени, но потребность (переселить их именно в это место) была такой, что президент не мог ею управлять. Согласно закону, в Миссури создали условия и запасы на следующую зиму, и из-за столь сильного

опоздания, было невозможно переселить их на старые агентства. Соответственно, спешка и крайняя нужда заставили этих индейцев переселяться посреди снегов и штормов начала зимы."

Если бы не существовало другого отчета, написанного Министерством внутренних дел об управлении индейскими делами, чем эта страница истории двух групп племени сиу, то одного этого было бы достаточно, чтобы показать насущную необходимость в полностью новой системе. Столь многочисленные и такие поспешные, плохо обдуманные, неинформированные, капризные и коварные решения власти едва ли можно найти в отчете за семь лет правления любого известного тирана; и нет такого тирана, чей трон не покачнули бы, если бы вообще не свергли революции, которые следуют за такими притеснениями.

Есть продолжение к этой истории по переселению групп Красного Облака и Определенное продолжение групп Red Cloud и Spotted Tail, не зарегистрированные в официальных сообщениях правительства, но знакомые многим людям западной части страны. Отчеты о нем - некоторые юмористические, некоторые - серьезные, в течение некоторого времени курсировали в западных газетах.

Группы сиу Red Cloud и Spotted Tail согласились пойти в старую резервацию понка, только когда им сказали, что все их запасы послали в определенный пункт на реке Миссури в целях этого передвижения; и уже было слишком поздно, чтобы перенести весь этот груз обратно на север. Индейцы начали бы голодать, если бы остались там, где они были сейчас. Будучи уверенным, что им позволят возвратиться весной, и имея на руках письменное уверение от генерала Крука (в чье слово у них была слепая вера), что правительство выполнит это обещание, они наконец очень неохотно согласились пойти в резервацию понка на период зимы. Весной же не пришло никаких указов о переселении. Прошел, прошел апрель - тишина. Вожди послали весть своему другу, генералу Круку, который быстро ответил им, прося их не переселяться самостоятельно, но подождать немного дольше. Наконец, в мае, к вождям на переговоры лично прибыл специальный уполномоченный по делам индейцев. Когда он поднялся, чтобы говорить, вождь племени Spotted Tail вскочил и пошел к нему, размахивая в руке бумагой, содержащей обещание правительства возвратить их в Уайт Клэй Крик, и воскликнул: "Все мужчины, которые приезжают из Вашингтона, являются лгунами, а лысые - хуже из всех! Я не хочу слышать от Вас ни слова. Вы - старый лысый лгун! Вы сейчас можете сделать только одну вещь, а именно - отдать приказ, чтобы мы снова возвратились в Уайт Клэй Крик. Вот Ваши же собственные слова на бумаге; и если Вы не отдадите этот приказ и все здесь "не встанет на колеса" в течение десяти дней, то я прикажу моим молодым воинам сровнять с землей и сжечь в этой части страны всё! Я не хочу от Вас что-либо слышать, и мне больше нечего Вам сказать," - и он повернулся к специальному уполномоченному спиной и ушел. Такую речь, как эта не потерпели бы от невооруженных и беспомощных индейцев; но когда эти слова были произнесены вождем с четырьмя тысячами вооруженных воинов за спиной, это было совсем другое дело. Приказ был отдан. Меньше чем через десять дней "все встало на колеса," и все племя этих сиу передвинулось в ту часть страны, на которую они указали; Министр внутренних дел наивно пишет в своем отчете за 1868 год: "Индейцы были вполне настроены передвинуться на запад, и обещание правительства в этом отношении было искренне сдержано."

Отчеты от всех групп сиу в течение прошлых двух лет были полны признаков их быстрого и бодрого усовершенствования. "Самый решительный прогресс к цивилизации был сделан

племенами сиу Ogallalla и Brule," - говорится в сообщении Бюро по делам индейцев за 1879 год. "Их продвижение в течение прошлых полутора лет было просто изумительно."

И все же, эта группа Ogallalla сиу насильно переселялась с 1863 года восемь раз! Разве не удивительно, что у них вообще есть хоть какое-то желание работать, хоть какая-то надежда на что-нибудь в будущем?

В этом том же самом сообщении говорится: "Это больше не вопрос, будут ли индейцы работать. Они постоянно просят возможностей к работе, и те индейцы, которые желают и стремятся участвовать в цивилизованной рабочей силе, находятся в большинстве; * * * У них присутствует почти универсальная тяга к индивидуальному владению паями земли; * * * Есть все растущее желание жить в зданиях; спрос на сельскохозяйственные орудия и приборы, на фургоны и сбрую для сельского хозяйства и перемещения грузов постоянно увеличивается."

То, что все это - факты из жизни этих диких, воинственных сиу, после очень многих лет затруднений, насильного блуждания и переселений, все это - неопровержимое доказательство, что в них есть природная сила характера, выносливость, мощь и упрямая храбрость, которая сделает из них в конечном счете благородную и превосходную расу людей, если цивилизация только даст им время, чтобы стать цивилизованными, и если христиане дадут им время и мир, чтобы изучить христианство.

ГЛАВА VI.

ПОНКА.

В 1803 капитан Льюис и лейтенант Кларк из Первого подразделения пехоты Соединенных Штатов были уполномочены Конгрессом исследовать реку Миссури от устья до источника, чтобы "найти лучшую водную коммуникацию отсюда и до Тихого океана," и вступить в переговоры со всеми индейскими племенами на маршруте, в целях учреждения с ними торговых отношений. Они сообщают о "понка" следующим образом: "это - остатки некогда многочисленной расы; они прежде проживали на ответвлении Ред-Ривер, на озере Виннипег; угнетаемые сиу, они переселились на западную сторону Миссури, на реку Poncar, где они построили, укрепили деревню и оставались несколько лет; но, преследуемые их давними врагами, сиу, и уменьшенные в количестве от непрерывных войн, они присоединились и теперь живут с махами (омахами), на языке которых и говорят." Их численность оценивается Льюисом и Кларком в приблизительно 200 человек; но эта маленькая цифра вероятно объясняется тем фактом, что в это время племя разъехалось на ежегодную охоту на буйвола, и их деревня была настолько пустая и спокойная, что там находили пасущихся буйволов. Несколько лет спустя в племени насчитывали уже четыреста человек: в переписи индейских племен, предпринятой генералом Портером в 1829 году, их количество уже записано как 600. Художник Кэтлин, который посетил их несколько лет спустя, оценил их численность немного меньшей цифрой. Он дает интересный отчет "о вожде племени по имени Shoo-de-ga-cha (Дым), и его молодой и симпатичной жене, Хи-лэ'х-ди (Чистый Фонтан), чьи портреты он нарисовал.

Он говорит: "Вождь, обернутый в шкуру буйвола - благородный экземпляр врожденного достоинства и философии. Я с ним много разговаривал, и исходя из его достойных манер, из разумности его суждений, я стал полностью убежденным, что он имеет право быть символом более многочисленного и преуспевающего племени. Он поведал мне с большой прохладой и откровенностью бедность и бедствия его страны - и с методичностью философа предсказал определенное и быстрое исчезновение его племени, которое у него не было силы предотвратить. Бедный, благородный вождь, который был равен и достоин большой империи! Он сидел на палубе парохода, окидывая взглядом небольшую группу его вигвамов, смешанных среди деревьев, и как Кайус Мариус, плачущий на руинах Карфагена, проливал слезы, рассказывая о бедности его злополучного небольшого общества, которое, с его слов, некогда было сильным и счастливым; что буйволы, которых Большой Дух дал им для еды, и которые прежде жили на всем протяжении их зеленых прерий, было все убиты или вытеснены с приходом белых, которые хотели их шкуру; то, что их страна была теперь полностью лишена дичи, и даже - корений, поскольку это была теперь одна непрерывная прерия; и что его молодые люди, вынужденно проникая во владения их врагов, охотясь на буйвола, были разнесены в пух и прах и убиты в больших количествах. То, что его люди по-дурацки пристрастились к "огненной воде", и отдали за нее все; что она уничтожила многих его воинов, и скоро уничтожит и остальных; что его племя было слишком малочисленным и в нем было слишком мало воинов, чтобы воевать с окружающими их племенами; что их перехватывают и убивают сиу на севере, поуни на западе, осаги и канзасы на юге. И что они еще более встревожены постоянным продвижением бледных лиц - их врагов - с востока, несущих с собой виски и оспу, которая уже убила 80% его племени, и скоро белые наконец убьют и остальных.' Таким образом этот проницательный философ жаловался на неудачливую судьбе его племени, и я пожалел его всем сердцем."

За день до того, как Кэтлин достиг этой деревни, сын старого вождя - молодой Hongs-kay-de создал большую сенсацию в сообществе, став невероятным многоженцем за один день. Будучи сыном вождя, и только что получив от отца солидный вигвам и девятью лошадей, он вообще не имел никаких трудностей в завоевании расположения отцов девушек, достигших брачного возраста. Он, с изобретательным лукавством, предложил себя и был принят четырьмя тестями подряд. Он пообещал каждому из них по две лошади, призывая их хранить глубокую тайну до определенного часа, когда он объявит целому племени, что женится. В назначенное время он явился, сопровождаемый несколькими молодыми друзьями, ведя под уздцы восемь лошадей. Обращаясь к возможному тестю, который стоял с дочерью ближе всех, он сказал: "Вы обещали мне свою дочь: вот две лошади." Немедленно возник большой гвалт; трое других выпрыгнули вперед, сердитые и озадаченные, требуя от сына вождя выполнения данных им обещаний. Торжествующий молодой Турк воскликнул: "Вы все теперь признали свои обязательства ко мне, и должны их выполнить. Вот ваши лошади." Больше сказать было нечего. Лошадей увели и Hongs-kay-de, ведя в каждой руке по две невесты, ушел с большим достоинством к своему вигваму.

В летописи племени подобный поступок был полностью беспрецедентным, и он произвел впечатление столь же глубокое, как это, возможно, было бы в цивилизованном сообществе, хотя и отличного характера - молодой принц прославился, а не опозорился, поскольку прослыл смелым и достаточно оригинальный, чтобы стать "Большим Лекарством." Г-н Кэтлин говорит, что он вскорости посетил свадебный вигвам, и увидел "четырех скромных крохотных жен, сидевших вокруг огня и в полной гармонии." Он написал портрет самой симпатичной -" Mong-shong-shaw "(Гнущейся Ивы). У молодой женщины было очень красивое лицо, и она также была одета в красиво украшенную мехом одежду, намного более красивую и более изящную, чем меха, которые носят цивилизованные женщины.

В 1817 было сделано первое соглашение Соединенных Штатов с этой горсткой нежных и миролюбивых индейцев. Это был просто договор мира и дружбы.

В 1825 году заключили второй договор, в котором понка признают, что они "проживают в территориальных пределах Соединенных Штатов, признают их превосходство и требуют своей защиты." Они также допускают "право Соединенных Штатов регулировать с ними всю торговлю и общение." Соединенные Штаты, со своей стороны, "соглашаются принять племя индейцев понка как друзей, защищать их, делать им иногда такие хорошие и полезные дела, как это может быть удобным, справедливым и надлежащим для воли президента Соединенных Штатов."

После этого в официальных документах правительства о понка в течение приблизительно тридцати лет упоминается лишь вскользь. Другие племена в верхнем регионе Миссури были настолько неприятны и агрессивны, что миролюбивых понка бросили на произвол судьбы, чтобы они сами по возможности лучше всего разобрались среди всех окружающих их враждебных сторон. В 1856 году агент Аппер Платта случайно упоминает, что их земли быстро были захвачены поселенцами; в 1857 другой агент сообщает, как он встретил на берегу Миссури многочисленную группу понка, которые пожаловались, что все индейцы на реке получали подарки, а о них забыли; что белые мужчины с пароходов срезают их деревья, и что белые поселенцы забрали всю их землю. В 1858 специальный уполномоченный по делам индейцев пишет: "Соглашения с понками и янктонскими сиу, проживающими на запад от Айовы, вступили в силу марте и апреле прошлого года, с целью аннулирования их права на все земли, занятые ими, кроме небольшой части, на которой их можно колонизировать и одомашнить. Этот переход посчитали необходимым, чтобы

получить такой контроль над этими индейцами, который предотвратил бы их вмешательство в дела наших поселенцев, быстро расселяющихся в том направлении. Эти соглашения были должным образом представлены Сенату на его последней регулярной сессии, но не возымели действия.

"Полагаясь на ратификацию соглашений и принятие своевременных мер, чтобы выполнить их условия в свою пользу, понка продолжили с легким сердцем выполнять свои соглашения, покидая свои земли и охотничьи угодья, и уходя на маленький участок, сохраненный для их будущего дома. Не имея урожая и испытав неудачу в их обычной летней охоте, они скатились до состояния отчаяния и нищеты. Поскольку для них ничего не делалось в соответствии с соглашениями, индейцы пришли к заключению, что они - недействительны, и угрожали снова занять их бывшие поселения, хотя некоторые самые важные из которых, тем временем, уже были заселены многочисленными белыми людьми."

Понка никогда не слышали о Гротиусе или Ваттеле; но, в принятии решения, что соглашение было недействительно, потому что оно не было выполнено, они просто действовали на основании естественных принципов международного права и соглашений.

Из-за этой задержки в выполнении условий соглашения, правительство было вынуждено вступить в последний момент и "подвергаются громадным расходам" поставляя понкам достаточно еды, чтобы уберечь их от голода; и в 1859 под этим давлением Сенат ратифицировал соглашение, согласно которому индейцы понка уступили и оставили Соединенным Штатам все земли, которые они когда-либо имели или на которые заявляли права, кроме маленького участка земли между реками Понка и Ниобрара. Принимая в расчет эту уступку, правительство Соединенных Штатов согласилось "защитить право понка на владение этой полосой земли, защитить их личные и собственнические права в случае хорошего поведения с их стороны; платить им ежегодно ренту в течение тридцати лет - 12 000$ в течение первых пяти лет, затем 10 000$ в течение десяти лет, после - 8000$ в течение пятнадцати лет; израсходовать 20 000$ на их пропитания в течение первого года на построение зданий и т.д.; установить школы, построить заводы, мастерские и т.д.; выделить 20 000$ для оплаты существующих обязательств племени".

Два года спустя агент, назначенный недавно, чтобы взять на себя ответственность за отчеты понка правительству по количеству усовершенствований, сделанных в резервации: "Одна лесопилка; два здания агентства в полтора этажа - без внутренней отделки и оштукатуривания, размером 16 на 26, и 18 на 82 фута; шесть маленьких круглых срубов (три - с небольшим сараем для конюшни), легкий бревенчатый загон для рогатого скота, один сарай для хранения; приблизительно шестьдесят акров обработанной земли -вот все усовершенствования."

Очевидно, что пока еще была потрачена лишь очень небольшая часть от 20 000$, поскольку агент не обнаружил индейцев на территории их резервации. Из страха перед сиу (которые в 1860 году украли у понка более половины лошадей, которых те имели) они спустились по реке Ниобрара приблизительно на 20 миль ближе к Миссури. Со значительными трудностями агент побудил их вернуться; и после возвращения они расставили свои палатки близко около здания агентства, и их нельзя было заставить отойти и на полмили, если их е сопровождал белый служащий.

Поскольку у агента не было никакой еды, чтобы накормить их, и не было денег, чтобы купить еды (несмотря на ассигнования 20 000$ для пропитания и строительства домов), он побудил их пойти на охоту; но уже меньше через чем месяц они притащились назад, "прося о пропитании для их

женщин и детей, которых они бросили полуголодными на равнинах, будучи неспособным найти хоть какую-то дичь, и вообще любую еду, кроме дикой репы. Некоторые из них дошли до крайности и одни посетили омаха, другие - поуни, где они оставались пока не появились небольшие всходы зерна. Тем временем те, кто остался здесь, существовали главным образом на диких вишнях, сливах и дикой репе, и обменяли большинство своих одеял и прочих товаров на провизию."

В 1863 году отчеты еще более безнадежные. "Они начали летнюю охоту в конце мая, немедленно после первой обработки мотыгой их зерна. Сначала они были успешны - нашли буйволов; но позже из-за того, что они находились на землях, занимаемых янктонами, которых стимулировало поселиться к югу от Ниобрары руководства этим районом, и из-за того, что янктонов было в два раза больше и у них было в четыре раза больше лошадей, понка скоро съели то мясо, которое они успели добыть, и были вынуждены покинуть эти земли. Они начали возвращаться в последней части июля. Они ушли с очень большими и оправданными надеждами на большой урожай, но возвратились, чтобы увидеть, что все это увяло и высохло, равнины были выжжены, так что теперь они не могли обнаружить корни, которые они раньше выкапывали. Даже дикие ягоды, которые растут на кустарниках внизу в ущельях и оврагах, висели на ветвях засушенные. Здание, которое я занимаю, было постоянно окружено голодной толпой, просящей еды. * * * Военные предупреждают меня, чтобы я удерживал понка в пределах резервации; но это - невозможно. На этой земле нет ничего, как и нельзя ничего получить в достаточном количестве, или доставить сюда достаточно скоро, чтобы предупредить голод. Понка также вели себя вполне хорошо, даже лучше, чем в подобных обстоятельствах вело бы себя то же самое число белых. Я знал, что целые семьи живут в течение многих дней только полу высушенных стеблях кукурузы, наблюдая при этом как неподалеку пасется рогатый скот и овцы."

В это время на многих индейских резервациях было в силе военное положение - из-за присутствия бродячих групп враждебных сиу, покинувших Миннесоту после их бунта там.

Понка, несмотря на все эти проблемы, остались лояльными и миролюбивыми, и "не дрогнули в своей преданности действовать согласно соглашения," - говорит специальный уполномоченный по делам индейцев.

В декабре этого года в Небраске имело место событие, которое правительственные отчеты называют "несчастный случай". Группа индейцев понка, состоящая из четырех мужчин, шести женщин, трех мальчиков и двух девочек, возвращаясь с визита к омахам, на ночь расположилась лагерем приблизительно в двенадцати милях от их собственной резервации. Ночью отряд солдат военной почты на реке Ниобрара приехал в их лагерь и они начали оскорблять женщин, "предлагая одной рукой деньги, а другой угрожая револьвером." Встревоженные индейцы собрали какие смогли вещи и убежали в ближайшую рощу. Солдаты стреляли в них, когда те убегали, а затем начали уничтожать все их имущество. Они в пух и прах разнесли покрытие временного строения, сожгли седла и одеяла, порезали мешки с бобами, зернами и сушеной тыквой, и разбросали их содержимое по земле, затем - ушли, забрав с собой пожитки индейцев - шкуры бобра, буйвола, одеяла, оружие, и все маленькие предметы. Пони индейцев были спрятаны в ивах. Рано утром индейцы возвратились, подняли все зерно, которое не было уничтожено, а такие некоторые другие вещи, которые они смогли найти, как могли упаковали своих пони и босиком отправились домой. После того, как они пошли несколько миль, они остановились, разбили костер, чтобы поджарить немного зерна в качестве обеда. Некоторые

женщины и дети пошли искать дикие бобы, оставив трех женщин и ребенка в лагере. Тут солдаты приехали снова. Как только индейцы их увидели, они убежали. Солдаты стреляли в них, ранив одну женщину пулей бедро; другую, с ребенком на спине, ранили двумя пулями, которые прошли в бок матери через бедра ребенка. В этих женщин стреляли когда они пересекали реку по льду. Солдаты тогда завладели этими шестью пони и всем имуществом в лагере, и уехали. Женщины и дети, которые искали бобы, находились на полмили ниже по течению; небольшая собака, принадлежащая им, вдруг залаяла и выявила их убежище в ивах. Солдаты немедленно пошли к ним, спешились и методично одного за другим убили беспомощно жавшихся вместе трех женщин и маленькую девочку.

Один из молодых мальчиков побежал к реке, преследуемый солдатами. Когда он добежал до реки, он нырнул в воду через отверстие во льду; и как только он выныривал чтобы глотнуть воздуха, солдаты стреляли в него. После того, как они ушли, он выполз и убежал в агентство. У одной из убитых женщин, у матери этого мальчика, было три пули в голове и щеке, перерезано горло и ее голова была почти отрублена ударом сабли; с другой убитой, самой молодой женщины, сорвали с тела юбку и всю другую одежду, оставив ее голой! Мужчины, которые это сделали, служили в расположении Седьмой Конницы Айовы.

Об этом произволе быстро сообщили правительству, и общее командование районом Небраски послало офицера, чтобы он расследовал дело. Была некоторая переписка между военными властями относительно этого, но без результата; и в сообщении следующего года специальный уполномоченный по делам индейцев говорит: "В прошлом году обратили внимание к тому факту, что убийцы нескольких представителей этого лояльного и дружелюбного племени не были обнаружены и наказаны. Я полагаю, что так как кажется, что нет никакой вероятности, что это будет сделано, можно хотя бы изыскать специальные средства на подарки родственникам покойных."

В 1865 году с понка было сделано дополнительное соглашение, расширявшее их резервацию от Ниобрара к реке Миссури; и правительство согласилось заплатить им 15 000$, с целью возмещения той потери, которую они понесли в этом произволе, и в других случаях. Ратификации этого соглашение ждали два года; и в 1867 руководитель территории Дакоты говорит: "В агентстве понка уже давно бы действовали школы, если бы не длительная задержка ратификации дополнительного соглашения 1865 года; и теперь, когда эта мера была, к счастью, достигнута, уже не может быть никакой задержки, и можно с уверенностью полагать, что в следующем году мы заложим основу процветания школы английского языка в этом агентстве."

Этот руководитель, будучи при исполнении служебных обязанностей только один годом, был, вероятно, не знаком с положениями соглашения с понка за 1859 год, в котором, в соответствии со статьей третьей, правительство Соединенных Штатов обещало "установить и поддерживать в течение десяти лет, в объеме ежегодной суммы, не превышающей 5 000$, одну или больше школу ручного труда для образования и обучения молодежи понка письму, сельскому хозяйству, механике и домашнему хозяйству."

Эта образовательная рента будет выделяться еще только один год; как бы она до этого времени не функционировала, теперь средства действительно тратятся на школы, и очень жалко, что это должно скоро прекратиться. Губернатор Дакоты в 1868 году очевидно думает схожим образом, поскольку он пишет правительству осенью 1868 года: "В этом агентстве (Ponca) школа действовала очень успешно, поскольку в течение прошлых девяти месяцев в ней в среднем

обучались приблизительно 50 учеников, и каждый делал уверенные успехи в базовых разделах английского образования. Но сейчас, в интересный периоде существования школы, агент уведомляет нас, что в этом фискальном году все средства на школы, так же, как и на сельскохозяйственные цели, прекращают выделяться, согласно положениям и условиям оригинального соглашения. Это будет серьезным и непоправимым бедствием, если не будет исправлено щедрыми действиями правительства. Если средства на эту цель не могут быть обеспечены иначе, понка желают и стремятся передать свою старую резервацию правительству за умеренное продление этой важной и обязательной выгоды."

Губернатор также говорит, что в прошлом году понка заплатили из их собственных рентных денег за все усовершенствования, которые были сделаны на землях, занятых до этого определенными белыми поселенцами, которые были изгнаны из новой резервации по условиям последнего соглашения.

В отчете за 1869 год мы читаем, что деятельность школы понка была "прекращена из-за отсутствия средств." Правительство рекомендует выделить ассигнования в размере 25 000$, чтобы школа вновь заработала. Новый губернатор Дакоты поддерживает рекомендацию, и с сожалением признает, что "с целью просвещения этих 35 000 индейцев на территории Дакоты не действует ни одной школы."

В 1870 году правительство выделили 5 000$ из общего образовательного фонда с целью возобновления деятельности этой школы. Состояние понка теперь, в целом, положительное; они "не только жаждут, но и чрезвычайно стремятся изучить искусства, с помощью которых они смогут стать независимыми и соответствовать уровню белых. Если сравнивать с теми небольшими преимуществами, которые им были предоставлены, их продвижение - очень большое."

Летом 1869 они построили для себя 16 очень удобных срубов; летом 1870 они построили еще 44; с помощью своих рентных деньг они купили кухонные плиты, коров и полезные орудия труда. Они наиболее усердно работали для поднятия зерновых культур, но потеряли их все из-за засухи, и попали в реальную опасность голода, если правительство им не поможет. И все это в то время, как они видят стада рогатого скота, которые гонят через их резервацию, чтобы накормить воинствующих в последнее время сиу - им фургонами поставляли муку, кофе, сахар, табак - в то время как их собственное, всегда миролюбивое, всегда лояльное многострадальное племя роет дикие корешки, чтобы их съесть, и находится в реальной опасности голода. Однако они не опускают руки, зная, что, если бы не засуха, у них было бы вполне достаточная еды от их ферм, и они не предпринимали никаких попыток отомстить сиу, совершить набег на их лошадей и запасы, потому что понка надеются, "что правительство поддержит свою веру в них," и что им вручат подходящее вознаграждение за все эти потери, согласно условиям соглашения.

В течение следующих двух лет они усердно и хорошо работали; были построены три школы; епископальной миссией была возведена часовня; деревня начала принимать вид постоянства и развития; но неудача все еще не попрощалась с понка. Летом 1873 река Миссури внезапно переполнилась, вышла из берегов на многие ярды и полностью разрушила деревню понка. Работая день и ночь в течение двух недель, индейцы сохранили большинство зданий, перенеся их на полмили внутрь страны, чтобы убедиться в безопасности. Территория их деревни стала руслом главного канала реки; их поля были разрушены, и земли на многие мили в каждом направлении были вымыты и изрыты наводнениями.

Агент пишет: "В течение почти двух недель работа по спасению от неминуемого разрушения занимала все доступные руки день и ночь. Нам удалось перенести с речного берега на приблизительно половину мили внутрь страны все здания агентства, мастерские, конюшни и сараи - более 20 зданий и почти весь забор. Понка работали хорошо и долго, часто - ночью; и тот факт, что бедствие не стоило нам и десяти долларов фактических потерь, должен быть приписан их труду, непрерывной работе и упорству. Они иногда работали в стремительных водах, ужасных и мутных, на краю только недавно сформированного потока, проходящего на нескольких дюймов ниже их. Упасть в этот поток было бы верной смертью, даже для индейца."

Через один год после этого бедствия они удивительно восстановились; построили 20 новых зданий; имели более 100 голов рогатого скота, 50 фургонов; прокультивировали 300 акров земли (приблизительно по три акра на каждого мужчину в племени). Но этот год не должен был остаться без бедствия. Сначала случилась засуха; затем трижды налетала саранча - один рой за другим - которые настолько сильно выели поля, что "не оставили ничего, кроме нескольких сухих стеблей и соломы." Сто молодых саженцев деревьев - бузины, клена и других - засохли и умерли.

В 1875 саранча прибыла снова, уничтожила зерно и овес, но оставила пшеницу. Однако большая часть урожая была потеряна, поскольку тогда в агентстве была только одна машина для жатвы, и она не могла сделать всей работы. Многие из индейцев спасли часть своего урожая, срезая его большими мясницкими ножами; но это было медленно, и большая часть пшеницы высохла и погибла прежде, чем ее можно было бы собрать с помощью этого утомительного процесса.

Этот год также отметился скандальными случаями беспомощности индейцев в судах. На двоих понка из засады напал отряд синти, один из понка был убит, другой - серьезно ранен. Это произошло в Янктонском агентстве, которую посещали обе стороны. Когда этот случай передали в суд, то защита санти подала прошение аннулировать обвинительный акт из-за неподсудности, и судья был обязан удовлетворить это прошение, потому что на той территории в соответствии с существующими законами не было юрисдикции относительно "преступлений, совершенных одним индейцем в адрес человека или собственности другого индейца в индейской стране."

В 1876 в Соединенных Штатах начал обсуждаться и быстро воплощаться в жизнь проект объединения всех индейцев в нескольких резервациях. Если бы этот план был выполнен, то судьба понка была бы - переселяться на индейскую территорию. Очень смело предполагалось, что поскольку они просили, чтобы им позволили удалиться в Небраску и присоединиться к омахам, то они будут одинаково готовы переселиться к другим индейцам на индейскую территорию - рассуждение, нелепость которого была бы явно замечена, если бы это предприняли в случае белых людей.

После серии переговоров, заявлений, задержек и удивлений, племя наконец дало то, что правительство Соединенных Штатов хочет называть "согласием на переселение". История влияния, обмана, принуждения, которые претерпели эти несчастные существа, прежде чем это было сделано, является одной из самых мучительных среди жутких отчетов наших деловых отношений с индейцами. Сторона вождей была вынуждена, во-первых - пойти на индейскую Территорию в компании с инспектором Соединенных Штатов по имени Кембл - чтобы посмотреть, удовлетворит ли их местность. Им было отчетливо обещано, что если местность их не удовлетворит, им тогда разрешат пойти в Вашингтон и проконсультироваться с президентом относительно некоторого дальнейшего плана их размещения.

История этой поездки и ее результатов лучше всего может быть передана словами одного из вождей понка, Стоящего Медведя. Никакой официальный документ, никакой рассказ другого человека - даже если появится второй Гомер, чтобы спеть ее - не расскажет историю так же хорошо, как он передает ее:

"Мы жили на нашей земле столько из покон веков. Никто не знает, когда мы пришли на нее. Земля принадлежала нашему племени еще в незапамятные времена.

"Мы спокойно жили на наших фермах. Внезапно приехал один белый человек. Мы понятия не имели для чего. Это был инспектор. Он приехал в наше племя с преподобным г-н Хинменом. Эти два человека - священник и агент, Джеймс Лоуренс, они создали нам проблемы.

"Они сказали, что президент говорит нам собираться - что мы должны переехать на Индейскую территорию.

Инспектор сказал нам: 'Президент говорит, что вы должны продать эту землю. Он купит ее и заплатит вам деньги, и даст вам новую землю на индейской территории.'

Мы сказали ему: 'Мы не признаем вашей власти. Вы не имеете никакого права переселять нас, пока у нас не было совета с президентом.'

Мы сказали ему: 'Когда два человека заключают сделку, они могут поговорить друг с другом, узнать то, что хочет каждый, и затем - заключить соглашение.'

Мы сказали ему: 'Мы не хотим уходить. Когда чем-то владеешь, то не отпускаешь это, пока не получишь за это оплату.'

Мы сказали ему: 'Мы сперва хотим увидеть президента.'

Он сказал нам: 'Я поведу вас, чтобы вы увидели новую землю. Если вам она понравится, то вы сможете увидеть президента и сказать ему об это лично. Если же не понравится - вы также сможете с ним увидеться и передать все впечатления личною.' Агент повел с собой всех десятерых вождей. Нас повели трое людей. Я пошел, и вождь Острые Глаза пошел. Он повел нас, чтобы мы осмотрели три различных участка земли. Он сказал, что мы должны взять одну из этих трех частей - так сказал президент. После того, как он привел нас туда, он сказал: 'Платы за ту землю, которую вы покинули - не будет.'

Мы сказали ему: 'Вы забыли то, что говорили до того, как мы начали. Вы сказали, что мы должны получить плату за нашу землю. Теперь вы говорите, что мы ее не получим. Вы сказали нам тогда, что Вы говорили правду. Этот человек стал очень сердитым. Он попытался заставить нас выбрать один из трех участков земли. Он сказал нам быть храбрыми. Он сказал нам: 'Если вы не примете эти земли, я оставлю вас здесь в одиночку. Вы в тысяче миль от дома, у вас нет наличных денег, у вас нет переводчика, и вы не можете говорить на нашем языке.' И он вышел и хлопнул дверью. Другой человек долго с нами говорил - еще до заката и до девяти вечера.

Мы сказали ему: 'Нам не нравится эта земля. Мы не сможем на ней поддерживать себя, вода плохая. Теперь пошлите нас в Вашингтон, чтобы сказать это президенту, как вы и обещали.'

Он сказал нам: 'Президент не говорил мне брать вас в Вашингтон; и он также не говорил мне после осмотра отводить вас домой.'

Мы сказали ему: 'У вас есть индейские деньги, которые вы взяли, чтобы привести нас сюда. Эти деньги принадлежат нам. Мы хотели бы получить часть их. Люди не отдают еду за просто так. У нас должны быть деньги, чтобы купить еду по дороге.'

Он сказал нам: 'Я не дам вам ни цента.'

Мы сказали ему: 'Мы находимся в странной стране. Мы не можем найти наш путь домой. Дайте нам свободный проход, чтобы люди могли показать нам наш путь.'

Он сказал: 'Я не дам вам этого.'

Мы сказали ему: 'Этот переводчик - наш. Мы платим ему. Позвольте ему пойти с нами.'

Он сказал: 'У вас не должно быть переводчика. Он - мой, не ваш.'

Мы сказали ему: 'Отведите нас, по крайней мере, к железной дороге; покажите нам путь к ней.'

Но он не показал. Он тут же нас оставил. Это была зима. Мы начали идти домой пешком. Ночью мы спали в стогах сена. Мы едва доживали до утра, настолько было холодно. У нас были с собой только наши одеяла. Мы брали початки кукурузы, которые засохшие лежали на полях, и ели их сырыми. Подошвы наших мокасинов стерлись. Мы пошли босиком по снегу. Мы были полумертвые, когда достигли резервации ото. Мы шли туда пятьдесят дней. Мы остались там на десять дней, чтобы набраться сил, и ото дали каждому из нас пони. Агент ото сказал нам, что получил телеграмму от инспектора, в которой говорилось, что индейские вожди убежали, чтобы он не давал нам ни еды, ни убежища и никак не помогал. Агент сказал: 'Я хотел бы все понять. Расскажите мне все, что произошло, расскажите мне правду.'

(Этот агент индейцев ото позже сказал, что когда вожди вошли в его комнату, они оставили кровавые отпечатки ног на полу.)

Тогда мы рассказывали нашу историю агенту и вождям ото - как нас бросили на произвол, и мы вынуждены были сами искать путь.

Агент сказал: 'Я едва могу поверить, что это возможно, что хоть какой-то человек мог так с вами поступить. Тот инспектор - жалкий человек, если он так сделал. Если бы я взял вождей на такое дело, я бы привел их домой; я просто не смог бы оставить их там.'

Через семь дней мы достигли резервации омаха. Тогда мы послали телеграмму президенту: спросили его, с его ли разрешения все это произошло. Мы ждали ответа три дня, ответа не пришло.

Через четыре дня мы достигли собственного дома. Мы нашли там инспектора. Пока нас не было, он приехал к нашим людям и сказал им выдвигаться.

Наши люди сказали: 'Где наши вожди? Что вы с ними сделали? Почему вы не вернули их обратно? Мы не сдвинемся с места, пока наши вожди не возвратятся.'

Тогда инспектор сказал им: 'Завтра вы должны быть готовы выдвигаться. Если вы не будете готовы, то вас застрелят.' После этого прибыли солдаты приехали с ружьями и штыками, и десять семей были напуганы. Солдаты привезли с собой фургоны; эти семьи погрузили на них свои вещи и их увезли. Остальная часть племени не сдвинулась с места.

"Когда мы туда добрались, мы спросили инспектора, почему он все это сделал, и он стал очень сердитым.

"Тогда мы сказали ему: 'Мы не думали, что после того, что прошло, мы снова увидим Ваше лицо. Мы думали, что никогда больше Вас не увидим. Но вот Вы здесь.'

"Мы сказали ему: 'Эта земля является нашей. Она принадлежит нам. Вы не имеете никакого права отнимать ее у нас. Эта земля заселена людьми, и только она у нас и осталась.'

"Мы сказали ему: 'Оставьте нас в покое, уходите. Если Вы хотите денег - заберете деньги, которые президент должен нам заплатить в течение последующих двенадцати лет. Вы можете все их забрать, если Вы уйдете и оставите нас наши земли.'

"Тогда, когда он понял, что мы не уйдем, он написал начальству, что ему требуется большее количество солдат.

"Солдаты приехали, мы закрыли двери, а женщины и дети спрятались в лесах. Тогда солдаты отвели всех людей на другую сторону реки - всех, кроме моего брата Большого Змея и меня. Мы не пошли; и солдаты нас схватили, отвели в форт и поместили в тюрьму.

"В форту с нами разговаривало восемь офицеров. Командир сказал: 'Я получил четыре сообщения с, в которых говорилось послать моих солдат за вами. Что же вы натворили?' "

"Тогда мы рассказали ему всю историю целиком. После этого офицер сказал: 'Вы не совершили ничего плохого. Земля - ваша; они не имели никакого права отнимать ее у вас. Ваше право - сильное. Я должен здесь защитить слабого, и я не имею никакого права задерживать вас; но я - солдат, и я должен повиноваться приказам.' "

"Он сказал: 'Я телеграфирую президенту, и спрошу его что мне делать. Мы не думаем, что у этих трех людей были права и полномочия так с вами поступать, как они поступили. Если нам принадлежит участок земли, то он принадлежит нам, пока мы не продаем его и не кладем деньги в карман.'

"Тогда он принес телеграмму, и сказал, что получил ответ от президента. Президент сказал, что ничего не знал об этом.

"Они держали нас в тюрьме 10 дней. После этого они привели нас обратно домой. Солдаты собрали всех женщин и детей вместе; затем они собрали всех вождей на совет; и затем они сели в фургоны, проехались по округе и взломали все дома. Когда мы возвратились с совета, мы нашли наших женщин и детей окруженными, под охраной солдат.

"Они забрали наши инструменты для жатвы, покоса, грабли сена, забрали лопаты, плуги, остовы кроватей, печи, шкафы - все, что у нас было на наших фермах, и поместили все это в одно большое здание. Затем они поместили в фургоны такие вещи, которые они могли унести. Мы сказали им, что скорее умрем, чем покинем наши земли; но это нам не помогло. Они победили нас. Многие умерли по дороге. Два моих ребенка умерли. После того, как мы достигли Новой Земли, все мои лошади издохли. Вода была очень плохая. Весь наш рогатый скот умер, до последней коровы. Я оставался до момента, пока не умерли 158 моих людей. После этого я сбежал с тридцатью моими людьми - мужчинами, женщинами и детьми. Некоторые из детей были сиротами. Мы три месяца провели в дороге. Мы были слабыми, больными, голодными. Когда мы достигли резервации Омаха, индейцы омаха дали нам участок земли, и мы поспешили его перепахать и посадить

пшеницу. В то время как мы работали, приехали солдаты и арестовали нас. Половина наших людей были больны. Мы бы скорее умерли, чем позволили вернуть себя обратно; но ничего нельзя было сделать."

Однако, им помогли. Новости об аресте индейцев и о намерении правительства силой переселить их на Индейскую территорию вызвали волнения в Омахе. Редактор местной газеты в Омахе и двое местных адвокатов решили проверить, было ли у правительства законное право так поступать. Предпринимать подобные действия было смелой, почти безнадежной вещью. Утверждение, что провидение находится на стороне самых тяжелых батальонов, стали пословицей: это почувствовали угнетаемые и порабощенные всех возрастов. Но есть времена, когда простое предписание судебного приказа является более сильным, чем орудия или собаки; и это было одним из подобных времен. Приведенные в окружной суд Соединенных Штатов Америки для района Небраски, эти понка были освобождены судьей этого суда. Не стоит ли поставить имя судьи Данди бок о бок с именем Авраама Линкольна, по поводу того, что касается "Законов об эмансипации"?

Правительственный поверенный, почтенный Г. М. Лэмбертсон, пять часов длинных часов приводил аргументы, был "изобретательным и красноречивым, “доказывая, что индеец не был наделен правом на защиту судебного права, так как "он не являлся человеком и гражданином в соответствии с законом."

Судье Данди потребовалось несколько дней, чтобы рассмотреть случай, и он выдал решение, которое ударило прямо в корень всей проблемы - решение, которое, если его провести в жизнь всюду в нашей стране, выбьет почву из-под ног у орды недобросовестных воров, которые так долго грабили, угнетали и озлобляли индейцев, что попытаться разоблачить, выставить их делишки на общее обозрение, или сделать их методы чистыми - это задача, перед которой сдались сотни хороших людей. Нет - сдались даже целые нации приведенных в уныние, расстроенных и измученных людей.

Когда Стоящий Медведь понял, что по решению судьи Данди он был действительно свободным человеком и мог идти туда, куда ему заблагорассудится, он произнес речь, которую нельзя забывать и нельзя не учитывать в истории деловых отношений правительства Соединенных Штатов Америки с индейцами.

После трогательного выражения благодарности адвокатам, которые защищали его сторону, он сказал: "До настоящего времени, когда нас обижали, мы шли на войну, чтобы отстоять наши права и отомстить за причиненное нам зло. Мы брали в руку томагавк. У нас не было никаких законов, чтобы наказать тех, кто сделал что-то плохое. Так что мы брали томагавки и шли убивать. Если у них было огнестрельное оружие и они могли убить нас первыми - что ж, такова была судьба войны. Но вы нашли лучший путь. Вы дали нам суд, и я нахожу, что наши неурядицы могут быть в нем исправлены. Теперь у меня больше нет повода для использования томагавка. Я хочу отложить его навсегда."

Произнося эти слова с красноречивой внушительностью, старый вождь наклонился и положил томагавк на пол у своих ног; затем, стоя вертикально, он с достоинством сложил руки на груди и продолжил: "Я отложил его. У меня больше нет причин его применять. Я нашел лучший путь."

Снова наклонившись и подняв оружие, он поместил его в руки г-на Вебстера и сказал: "Я представляю его Вам как символ моей благодарности. Я хочу, чтобы Вы оставили его себе на

память об этой большой победе, которую одержали Вы. Мне он теперь незачем, теперь я могу искать мирные способы."

Первое, что Стоящий Медведь сделал со своей свободой - он попытался обеспечить свободу своему племени, и установить их законное право на их старое место жительства в Дакоте. Сопровождаемый молодой, образованной девочкой из племени омаха и ее братом в качестве переводчиков, и г-ном Тиббисом, чемпионом и другом, которому он был обязан свободой, он направился в Восточные Штаты, и рассказал историю страданий и несчастий своего племени широкой аудитории во многих крупных городах. Везде великодушно находили деньги с целью обеспечения исков, которые подняли бы в суде вопрос законного права владения индейцами понка землями, которые правительство Соединенных Штатов уступило им в соответствии с соглашением, предоставив им таким образом те же права, что и любой корпорации, или отдельному человеку.

Очень скоро это движение Стоящего Медведя и его компаньонов начало оказывать на общество сильное влияние. И это было видно благодаря интересу к их общественным встречам, и по сильным выражениям репортеров в газетах. Это привлекло внимание властей в Вашингтоне. Были изданы письма, противоречащие многим положениям в утверждениях Медведя; были распущены заявление, имеющие целью подмочить репутацию всех членов группы. Осторожный наблюдатель всего курса Министерства внутренних дел по этому вопросу не мог не прийти к выводу, что по некоторым таинственным и необъяснимым причинам правительство фактически не желало, чтобы племя понка было восстановлено в правах на его землях. Обсуждения этого вопроса становились жаркими. Инспектор, который был заинтересован в их переселении, издавал длинные письма с размышлениями о правдивости требований как Стоящего Медведя, так и министра внутренних дел. Стоящий Медведь ответил несколькими содержательными словами, которые заключительно доказали ошибочность некоторых заявлений инспектора. Министр даже не подумал, что это ниже своего достоинства - отвечать в нескольких газетных статьях подряд на размышления инспектора о нем; но единственная вещь, которая этим фактом была ясно проиллюстрирована - что и министр, и инспектор - оба они говорили неправду.

В Бостоне интерес к случаю понка достиг такой высоты, что был назначен специальный комитет, чтобы представлять сторону Вашингтона, и обеспечить ему законодательную поддержку. Стоящий Медведь с его группой направились в Вашингтон, и, несмотря на скрытую враждебность Министерства внутренних дел, произвели сильное впечатление на Конгресс. Сенатор Доес из Массачусетса, и Сенатор Морган из Алабамы - оба стали верными защитниками их дела. После начала дела, исследования различных случаев проводились одно за другим; и Комитеты Конгресса призывали к доказательствам в отношении нескольких более поразительных случаев несправедливого отношения к индейцам.

Белый Орел, один из вождей Ponca, потерявший жену и четырех детей, и который сам умирал от болезни - малярии - которую он подхватил на Индейской территории, прилетел в Вашингтон и дал красноречивые показания от имени его племени. Врачи предсказали, что ему осталось жить не более трех месяцев. В Конгрессе прошел билль за то, чтобы вернуть понка на их старую резервацию в Дакоте, и отстроить их здания, фермы и т.д. в то же хорошее состояние, в котором они были во время переселения.

История этого переселения тем временем была полностью написана за это время агентом, который управлял этим. То, что он должен были отправить этот отчет Министерству внутренних

дел, было естественно; но то, что Министерство внутренних дел было готово издать его в стране и позволить ему быть официально задокументированным в 1877 году Управлением по делам индейцев - странно. Из него получается подходящее заключение этому эскизу истории племени понка. Имя этого агента было Э. А. Говард (E. A. Howard). Он называет свой отчет "Мартовским журналом" (Journal of the March).

"21 мая. В семь часов свернули лагерь и прошли в Крайтон, на расстояние тринадцати миль. Очень тяжелая ноша. Ребенок, который умер вчера, был здесь похоронен индейцами. Они предпочли похоронить его так сами, чем позволить, чтобы его хоронили белые люди."

"22 мая. В семь часов свернули лагерь и прошли в Нэлих, на расстояние приблизительно двадцати пяти миль. День был прохладный, и из-за того, что дорога была высокой и сравнительно хорошей, путешествие прошло без каких-либо значительных неудобств."

"23 мая. Утро началось небольшим дождем; но с 8 часов два часа шла сильная гроза. Вслед за этим последовал устойчивый дождь, который шел весь день, и из-за которого мы остались в лагере. В течение дня умер ребенок, нескольких женщин и детей диагностировали больными, им были обеспечены медицинское обслуживание и лекарства."

"24 мая. Похоронили ребенка, который умер вчера, на кладбище в Нэли, проведя похороны по христианскому обряду. Свернули лагерь в десять часов и прошли приблизительно восемь миль, пересекли реку Элкхорна в приблизительно двух милях ниже деревни Оукдейл. Не смогли пересечь в Нэли, так как дорога была затоплена водой приблизительно на 2 фута, а мосты - смыло. Дорога была жутко плохой, и мы израсходовали много времени и сил на создание дорог и мостов на всех проходимых равнинах Элкхорна, где стихия повлияла на возможность пересечения.

"25 мая. Свернули лагерь в шесть часов и прошли двадцать миль до пункта на ручье Шелл. В этом месте вообще нет древесины, и негде достать, кроме того небольшого количества, которое подвезли поезда. Погода холодная, влажная и тоскливая. Индейцы в течение дня вели себя хорошо, и шли замечательно.

"26 мая. Утро началось с тяжелого непрерывного дождя, который шел до десяти часов. Свернули лагерь в 11 часов и прошли восемь миль дальше вниз по ручью Шелл. Когда снова начал лить дождь - мы разбили лагерь. Вечер был холодный и дождливый, вокруг никакой древесины, кроме той, что была куплена у поселенцев.

"27 мая. Утро началось с холодного, туманного дождя. Дождь прекратился 7:30, мы свернули лагерь в 8 и прошли на восемь миль дальше вниз по ручью Шелл, когда внезапно надвинулась тяжелая гроза, и мы снова разбили лагерь. Несколько индейцев были довольно больны, и так среди нас не было врача, как и не было возможности добраться до врача, эти люди создали нам много беспокойства и проблем. Дочь Стоящего Медведя, одного из вождей, была очень истощена и комфортное ее перемещение было почти невозможно. Та же проблема существовала при транспортировке всех больных.

"28 мая. Прошлым вечером я дал приказ свернуть лагерь в пять часов утра, предполагая, если это возможно, достигнуть Колумбуса до наступления ночи; но в то время была сильная гроза. Свернули лагерь в семь часов. Прошли семь миль и подошли к топкому притоку ручья Шелл. Мы сделали его проходимым только после двух часов активной работы - мы срезали ивовые ветви,

принесли со всех окрестностей солому, навязали ее тридцати связок, которыми плотно покрыли дорогу. После пересечения топи мы прошли к пункту на ручье Шелл и расположились там лагерем, одолев приблизительно четырнадцать миль в течение этого дня.

"29 мая. Свернули лагерь в семь часов и пересекли ручей Шелл. Приблизительно пять миль дорога вела была довольно хороша; но когда мы вышли на равнину, которая простиралась на 5 миль между Блаффсом и Колумбусом, мы обнаружили, что дороги на всем ее протяжении были почти непроходимыми из-за многих глубоких, болотистых топей, которые пересекают дорогу, и общего затопленного и плохого состояния почвы. Часто приходилось удваивать команды, чтобы смогли пройти фургоны. Трудности были наконец преодолены, и колонна прошла в Колумбус в два часа дня. Мы разбили лагерь в Соап Форк, сделав в этот день марш-бросок в приблизительно десять миль по дороге и пять миль через затопленную равнину, что заняло приблизительно семь часов. Майор Уокер, который согласно распоряжениям военного департамента сопровождал нас от реки Ниобрара до этого места с двадцатью пятью солдатами, попрощался с нами, и возвратился в Дакоту."

Снова и снова министр внутренних дел и инспектор Э. К. Кембл утверждали, что эти индейцы не были переселены силой - что они сами согласились уйти.

В другой части этого же отчета этот агент говорит:

"15-го числа (за шесть дней до того, как начался "марш") я держал очередной совет, который посетили многие вожди, руководители и солдаты племени, и который продолжался более четырех часов. На этом совете индейцы утверждали, что правительство не имело никакого права переселять их с этой резервации, и требовали для себя от правительства во-первых: сумму в 3 000 000$ в качестве стимула или эквивалента за то, что они покидают резервацию и переезжают на Индейскую территорию; во-вторых: чтобы перед началом переселения я показал им сумму в 40 000$, которую, как им сказали, правительство уже выделило для их переселения. На все это я ответил одновременно положительно и отрицательно, говоря им, что я не буду ни принимать, ни рассматривать какие-либо их требования; но что я приму к сведению разумные запросы, касающиеся их переселения, которые они могли бы предоставить; что как их агент, я сделаю все, что смогу для достижения их благосостояния; я потребовал, чтобы они всегда слушали мои слова; что они должны пойти со мной в их новый дом; и что они должны без задержки дать мне свой окончательный ответ - пойдут ли они мирно, или их вынудят это сделать силой. Индейцы отказались в это время дать ответ; совет закончился без определенных результатов; индейцы разошлись с угрюмыми взглядами и с выражениями намерения на лицах."

Это точно не было тем "согласием", о котором мы слышали.

"Однако, следующим утром, 16-ого мая, они послали мне в ранний час сообщение, что они рассмотрели мои слова, и пришли к заключению пойти со мной, и что они хотели помочь им переправить старых и слабых людей, вместе с их собственностью, по реке Ниобрара, которая разошлась от дождей и вода в ней была очень холодной."

Какую ночь должно быть пережили эти беспомощные существа прежде, чем было дано это "согласие"! Семьсот человек, больше половины из них - женщины и дети; эти занимающиеся сельским хозяйством люди, не вооруженные винтовками, как племя огаллалских сиу, когда год спустя на этой же самой земле вождь Spotted Tail сказал специальному уполномоченному Хейту, что если тот не отдаст приказ переселить его племя обратно в Уайт Клей Крик через десять дней,

то все его молодые воины сразу же станут на тропу войны; и очень испуганный специальный уполномоченный тут же написал приказ, и индейцам сиу разрешили уйти туда, куда они хотели уйти. Посмотрите на различия между способами, которыми наше правительство обращается с сильными и обращается со слабыми! Что могли сделать эти фермеры понка? Они должны "немедленно дать окончательный ответ, переселятся ли они мирно сами, или силой". Что означало это "силой"? Это "силой" - это когда правительство обязалось заставить шайеннов переселиться на Индейскую территорию; и там, в той Шайеннской резне, мужчин, женщин, детей и младенцев расстреляли всех вместе!

Что могли сделать эти фермеры понка? Что в этих обстоятельствах сделал бы любой отец, брат, муж? Он "согласился" бы уйти.

Хитрый агент быстро призвал их к исполнению данного слова и быстро, в тот самый день "в пять часов пополудни, переселил все племя с их вещами через реку из их резервации в лагерь в Небраске."

Агент должен был сказать, "с частью их вещей," поскольку это была только часть, и очень небольшая часть, которую этой беспомощной подчинившейся группе разрешили взять с собой. Все их сельскохозяйственные орудия и большая часть их мебели были оставлены позади.

"Это была трудная работа," - говорит агент, - "перемещение племени и их "имущества" через реку; "река была шириной около сорок широких прутов, и поток был настолько быстрым, что было невозможно переместить товары любым другим способом, кроме как закрепив их на плечах мужчин. Из-за зыбучего песка дна реки было опасно - полагаться, что получится закрепить его на спинах животных; даже фургоны нужно было тянуть на другую сторону вручную."

Давайте присмотримся ближе на мгновение к этой картине. Семьсот беспомощных, убитых горем людей, начинают их печальное путешествие с необходимости перейти вброд этот ледяной поток с зыбучими песками на дне. Слабых, больных, стариков, младенцев - всех переносили на другой берег "закрепив их на плечах мужчин!" Какая сцена! Благородный министр внутренних дел сказал в одном из писем, когда он в газетах схлестнулся с инспектором по поводу этого переселения, что "чрезвычайно яркие истории, которые рассказывают о том, что была применена грубая военная сила для принуждения их [понка] к переселению из Дакоты на Индейскую территорию - это сенсационные фальсификации; по крайней мере, в официальном документе, который записан очень точно, вплоть до мелких подробностей, нет фактов, подтверждающих подобные утверждения."

Никогда не было обвинений, выдвинутых против "военной силы" и "жестокости" при этом переселении. Жестокость была со стороны правительства. Простое присутствие "группы войск" было зверским. Это означало только одно, и индейцы это поняли, и правительство так и задумывало, чтобы они это поняли; так что когда агент правительства сказал этим индейцам, что они должны дать ему свой "окончательный ответ, уйдут ли они мирно, или силой," он сказал это так, чтобы они поняли это. Есть ли у кого-то сомнения, каковы были приказы, согласно которым эта "группа войск" вообще там находилось, и можно ли сомневаться какую военную обязанность должен был сделать майор Уокер в случае, если бы понка отказались бы "соглашаться" уходить?

А теперь давайте возвратимся к "Официальному документу," который действительно, как говорит благородный министр внутренних дел, "очень подробный," "до мельчайших подробностей." Давайте увидим насколько этот документ нам "подтвердит правду." И когда мы

закончим с этим официальным документом, то мы должны спросить себя, могло ли воображение изобрести такую "чрезвычайно яркую" историю.

2 июня. Свернули лагерь в семь часов и прошли семнадцать миль, войдя в лагерь около Улисса. Дороги в плохом состоянии.

3 июня. Испытывали некоторые затруднения с началом. Свернули лагерь в одиннадцать часов и прошли восемь миль. Пришли в лагерь на Блу Ривер. Много больных людей, об одном из которых сообщили, что он умирает. Плохие дороги, в течение дня шел дождь.

4 июня. Свернули лагерь в шесть часов. Прошли пятнадцать миль и вошли в лагерь около Линкольн Крик рядом со Сьюардом.

5 июня. Свернули лагерь в семь часов. Прошли четырнадцать миль, и вошли в лагерь около Милфорда. Дочь Стоящего Медведя, вождя понка, умерла в два часа от туберкулеза.

6 июня. Оставались в лагере весь день с целью получения запасов. Цветок Прерий, жену Белого Сияния и дочь Стоящего Медведя, которая вчера умерла, похоронили здесь по христианскому обряду. Ее останки покоятся на кладбище в Милфорде, Небраска, в небольшой деревне на Блу Ривер.

"В этой связи я хочу, чтобы общественность узнала и признала благородное действие, выполненное женщинами города Милфорд при подготовке церемонии - тело покойной индейской женщины украсили для похорон в стиле, присущем наиболее высоко цивилизованным людям. В этом акте христианской доброты они сделали больше, чтобы уменьшить горе мужа и отца, чем если бы они подарили каждому дюжину пони. Именно здесь, наблюдая фигуру его мертвой дочери, приготовленную подобным образом для погребения, Стоящий Медведь забыл о традициях панихиды своего племени, и сказал окружающим, что он был настроен на то, чтобы бросить способ жизни индейца и принять способ белых.

7-ого июня. В течение дня шел довольно сильный проливной дождь. Вечером этого дня внезапно случился шторм - самый сильный из всех происходивших во время переселения понка под моим началом. Это был шторм, который я никогда прежде не видел, и которому я неспособен дать соответствующее описание. Ветер дул страшными торнадо, уничтожая каждую палатку в лагере и разрывая многие из них в клочки, опрокидывая фургоны и швыряя с фургонов коробки, оборудование и т.д. - все это летало в воздухе во всех направлениях как солома. Некоторых людей подхватило ветром и отбросило на целых триста ярдов. Несколько индейцев были вполне серьезно травмированы, и на следующий день умер один ребенок от полученных увечий. Его похоронили по христианскому обряду. Шторм вызвал задержку до 8 числа - нужно было все починить, и предоставить медицинскую помощь травмированным.

"8 июня. Свернули лагерь в Милфорде и прошли семь миль. Дороги очень плохие. В течение дня умер ребенок.

"9 июня. Поместили умершего вчера ребенка в гроб и отослали его назад в Милфорд, чтобы его похоронили в одной могиле с его тетей, Цветком Прерии. Свернули лагерь в семь часов и подошли к Криту на расстояние трех миль.

"10 июня. Свернули лагерь в семь часов и прошли одну милю до Де Вита, где я нанял врача, чтобы он посетил лагерь и занялся больными. Одной женщине случайно отрезали большой палец, что вызвало дальнейшее волнение в лагере.

"12 июня. Свернули лагерь в семь часов и дошли на расстояние двух миль до агентства Ото. Пересекли Вулф Крик с частью колонны. Переход был очень трудным, но индейцы работали блестяще."

"Индейцы работали блестяще!" - это почти невероятный отчет о терпении и многих страданиях! Эти бедные существа, марширующие от десяти до двадцати пяти миль в день, в течение двадцати двух дней - через грязные топи, вышедшие из берегов реки, в бури, наводнения и ужасный холод, хороня по пути их жен и детей, умерших от страданий перехода - они все же послушны и "работают блестяще!"

"13 июня. После продолжительного времени нам удалось построить мост через Вулф Крик из сплавленной древесины, как и удалось переправить колонну. Свернули лагерь, прошли три мили, и снова разбили лагерь около агентства ото.

"14 июня. Окруженные водой, мы должны были остаться в лагере, ожидая весь день, что уровень воды в ручье спадет. Индейцы ото вышли, чтобы посмотреть на понка и дали им десять пони.

"15 июня. Все еще заперты водой. Оставались весь день в лагере.

"16 июня. Свернули лагерь в семь часов и достигли Мэрисвилля, Канзас, где вновь разбили лагерь. Во время марша перевернулся один фургон, принеся одной женщине довольно сильные увечья. У индейцев кончилась пища и они ведут себя враждебно."

Стоит ли удивляться, что индейцы чувствовали себя не в духе? Голод добавил ко всем остальным их ужасным страданиям!

"18-ого июня. Свернули лагерь в семь часов. Прошли девять миль и вошли в лагерь на Элм Крик. Умер Небольшой Тополь. Четыре семьи решили возвращаться в Дакоту. Я был вынужден проехать верхом девять миль, чтобы настигнуть их, восстановить гармонию и уладить беспокойство в лагере. Сделали гроб для мертвого индейца и принесли его в лагерь в 12 часов ночи из Блу Рапидз. Ночью случилась страшная гроза, затопившая экипаж лагеря."

Вот действительно “чрезвычайно яркая" история! Темнота; лагерь затоплен проливным дождем; гром и молния; посыльный, прибывший в полночь с гробом; четыре семьи отчаянных беглецов, намеревающихся сбежать назад в их дома! Какая "сенсационная фальсификация" могла с этим конкурировать?

"19 июня. Шторм прошлой ночи оставил дороги в непроходимом состоянии, и, в последствии, мы были вынуждены остаться в лагере на весь день. Похоронили Небольшого Тополя на кладбище приблизительно в пяти милях от лагеря.

25 июня. Свернули лагерь в шесть часов. Прошли до пункта в Дип Крик в приблизительно пятнадцати милях. В течение дня умерли две старухи.

27 июня. Свернули лагерь в шесть часов. Прошли через Хартфорд и расположились лагерем приблизительно на шесть миль выше Берлингтона. В течение дня умер ребенок вождя Буффало.

2 июля. Свернули лагерь в шесть часов. Сделали длинный марш в пятнадцати миль в Нун Кэмп по причине того, что кроме этого пункта поблизости больше не было никаких источников воды. Один индеец стал враждебным, и сделал отчаянную попытку убить Белого Орла - главного вождя племени. Какое-то время каждый мужчина в лагере был на тропе войны, и в течение приблизительно двух часов в лагере происходило очень интенсивное волнение, усиленное длительным и громким криком всех женщин и детей."

Этот индеец, о котором сообщают здесь, что он "стал враждебным," без сомнения попробовал убить Белого Орла за то, что тот допустил, чтобы на племя свалились все эти проблемы. Это - общее настроение среди менее образованных членов племени - полагать, что их вожди обязаны при любых обстоятельствах следить, чтобы все было хорошо.

"4 июля. Свернули лагерь в шесть часов, прошли через Бэкстер Спрингс приблизительно в час дня. Сразу после прохождения Бэкстер Спрингс нас настигла ужасная гроза. Ветер принес тяжелую бурю, и дождь превратился в ливень - так что было невозможно ничего увидеть дальше, чем на 4-5 ярдов. Каждый человек и каждый предмет в лагере вымок до нитки. В конце этого марша, ко всему прочему, после неисчислимых штормов, река вышла из берегов.

"В течение прошлых нескольких дней поездки погода была чрезвычайно жаркой, зеленоголовые мухи ужасно досаждали, жалили и нападали в больших количествах. Многие члены команды были почти изможденны, и если бы нужно было пройти хоть немного дальше, они, вероятно, не дошли бы. Марш вымотал почти всех людей, и они были сердечно рады, что долгая и утомительная поездка наконец окончилась, и что они могли теперь отдохнуть и физически восстановиться." Теперь давайте посмотрим как правительство подготовилось обеспечить им условия для того "отдыха" и "выздоровления," которые им, конечно, "очень требовались", и которые они справедливо заработали. На то, чтобы они расположились в их новом доме не был выделен ни один доллар; не было построено ни одно здание. Это люди было брошены в дикой местности без предоставления им хоть какого-либо убежища.

"Мне удивительно," - говорит Агент Говард, - "что правительство приказало переселение индейцев понка из Дакоты на Индейскую территорию, не сделав сначала каких-либо приготовлений, чтобы обеспечить их комфорт. Прежде, чем их удаление было приведено в исполнение, Конгрессом должны были быть выделены достаточные средства, чтобы поселить их в их новом доме, чтобы построить удобные помещения для заселения каждой семьи в племени. Поскольку сейчас Конгрессом не было сделано никаких ассигнований, кроме суммы немного более достаточной, чтобы их переселить; и в результате этих людей разместили на необработанной и неподготовленной резервации, чтобы они жили в их палатках так, как могут, и ждали дальнейших законодательных действий."

Этот дневник г-на Говарда - наиболее сильный письменный документ о страданиях понка во время их переселения. Он "чрезвычайно красочный;" но никто, как бы он этого не хотел, не может назвать его "сенсационной фальсификацией", как не может дискредитировать его даже в мельчайших деталях, поскольку это - "официальный документ," разрешенный, подтвержденный и изданный в "Годовом отчете" министра внутренних дел.

То, что осталось от племени понка - эти люди все еще живут на Индейской территории, с тревогой ожидая результата попыток вернуть себе прежний дом, и установить свое право бесспорного законного им владения. *

* См. "Дополнение" для более поздних фактов истории понка.

ГЛАВА VII

Виннебаго.

Виннебаго принадлежали семейству дакота, но, насколько известно, они от природы были миролюбивыми люди, и не имели никакой симпатии у более воинственных племен их расы. Алгонкины дали им название "Winnebagoes", или - "люди соленой воды;" и поскольку в языке алгонкинов морская и испортившаяся зловонная вода означали одно и то же, французы назвали их "Les Puants" - "Вонючки". Сиу дали им более мелодичное и приятное имя - "O-ton-kah" - "Большие, сильные люди."

Бэнкрофт в своем отчете о североамериканских племенах говорит: "Одно небольшое сообщество дакотского семейства (сиу) проникло на территорию алгонкинов: виннебаго, живущие между Грин Бэй и озером, которое носит их имя, предпочли быть окруженными алгонкинами, чем остаться в опасной близости с их собственной родней."

Одно из наиболее ранних упоминаний об этом племени в дипломатической истории нашей страны имеется в отчетах о совете, проведенном в июле 1815 в "Portage des Sioux" в Миссури - после переговоров около Гента. На этот совет виннебаго отказались послать своих делегатов; и их отказ очевидно посчитали моментным делом. Специальные уполномоченные, "назначенные в это время для переговоров с северо-западными индейцами", сообщили, что они нашли, что "индейцы очень разрознены между собой в вопросе мира с Соединенными Штатами." Некоторые из них "не скрываясь прямо говорили об их оппозиции военным учреждениям Миссисипи," и поэтому многие из них, "среди который были и виннебаго - отказались послать представителей на совет." Это недовольство, как думали специальные уполномоченные, происходило в значительной степени из-за влияния британских торговцев, которые завалили индейцев подарками, и уверили их, что скоро между Соединенными Штатами и Великобританией снова вспыхнет война. Однако, вероятно и то, что виннебаго держались в стороне от этих переговоров больше из-за общего недоверия к белым, чем от любой пристрастной или эгоистичной склонности к стороне Великобритании; поскольку, когда доктор Джедедиа Морс посетил их всего лишь семь лет спустя, он написал: "Нет никакого другого племени, которое так же ревностно относится к белым, и настолько же не желает иметь с ними какое-либо общение, как это племя."

Несмотря на это нежелание, они в 1816 году заключили соглашение "относительно мира и дружбы с Соединенными Штатами," соглашаясь "оставаться отличными и отдельными от остальной части их нации или племени, не оказывая им никакой помощи до того момента, пока между Соединенными Штатами и их племенем не будет мира." Они согласились также подтвердить и соблюдать все границы уступок земли, которые британцы, французы и испанцы сделали Соединенным Штатам.

В 1825 правительство Соединенных Штатов, неспособное вынести зрелище индейцев, враждующих между собой и уничтожающих друг друга, вдруг выступает в северо-западной части страны как бескорыстный миротворец, и заставляет саков, фоксов, чиппевов и сиу, включая виннебаго, заключить друг с другом и с Соединенными Штатами договор мира и дружбы. Переговоры относительно этого соглашения заняли один месяц; что отнюдь не кажется долгим временем, если принять во внимание, что границы всех земель, занимаемых соответствующими племенами, еще только предстояло определить, и что в те дни для определения расстояния

использовались фразы вроде "полуденный марш," "длинный марш целый день," "приблизительно день плыть в каноэ," "до того момента, пока лес не начнет выходить на луга," или "до той точки на реке Буффало, которая находится на полпути между ее истоком и ее руслом." Это, конечно, были сомнительные условия для соблюдения мира, тем более, что всеми сторонами подразумевалось, что "никакое племя не должно охотиться на землях другого племени без его согласия".

В конце этих переговоров произошел любопытный инцидент - "эксперимент о нравственных чувствах индейцев относительно опьяняющих спиртных напитков." "Среди племен бытовало мнение, что истинной причиной почему специальные уполномоченные Соединенных Штатов выступали против использования крепких спиртных напитков индейцами и отказывались им их давать - было нежелание тратиться, а не забота о его плохом влиянии на них. Чтобы показать им, что правительство было выше такого мелкого повода, специальные уполномоченные выстроили на траве длинный ряд оловянных лагерных чайников в несколько галлонов каждый; и затем, после некоторых подходящих замечаний, содержимое каждого чайника было вылито на землю в их присутствии. Это было плохо воспринято индейцами, которые любили виски больше, чем шутки."

В это время земли виннебаго лежали между реками Рок и Висконсин, вдоль берега озера Виннебаго, и индейцы утверждали, что все озеро принадлежало им. Именно здесь президент Морс нашел их живущими в 1822 году. Он дает следующее живописное описание их приятного дома: "У них пять деревень на озере, и четырнадцать - на Рок Ривер. Эта местность изобилует источниками, небольшими озерами, водоемами и реками; богатая почва производит зерно и все прочие виды культур. Озера изобилуют прекрасной и вкусной рыбой." О самих индейцах он говорит: "Они - трудолюбивые, скромные и умеренные. Они выращивают зерно, картофель, тыкву, сквош и бобы, и - удивительно предусмотрительны. Их количество составляет 580 душ."

В 1827 году третье соглашение было подписано виннебаго, чиппева и меномонами между Соединенными Штатами и друг другом. Это соглашение установило систему границ на их землях, которые до этого было только частично разбиты двумя предыдущими соглашениями. Об этих трех соглашениях Скулкрэфт говорит: "Эти три конференции воплощают новый курс и политику удержания племен в состоянии мира. Они основываются на исконном праве простой платы за землю. Все это было проведено исключительно на средства и за счет Соединенных Штатов Америки, и при этом никакие территории не были уступлены."

Это были последние подобные соглашения. В 1828 люди в Северном Иллинойсе начинали жаждать и злоупотреблять проникновениями на индейские земли, и поэтому были посланы специальные уполномоченные, чтобы переговорить с индейцами по поводу передачи этих земель. Индейцы возражали, и соглашение было отсрочено; Соединенные Штаты тем временем согласились заплатить этим четырем племенам 20 000$ "в качестве полной компенсации за все заботы и ущерб, понесенные ими из-за занятия их земель ресурсодобывающими разработками."

В 1829 г-ном Дж. Х. Стивенсом, миссионером в Макинаве, была предложена доброжелательная схема спасения этих племен северо-западной территории, подвергнутых сильному нажиму. Он предложил сформировать из них колонии в регионе озера Супериор Лейк. Он говорит - и его слова столь же верны сегодня, в 1879, как и пятьдесят лет назад: "Индейцы без сомнения имеют право на сочувствие. Неудача этой расы состоит в том, что находясь на границе владений правительства, у них нет права голоса. Они, с политической точки зрения - не существуют. * * *

Вся индейская раса не стоит голоса одного белого. Если бы индеец был воспитан с чувством предоставления ему избирательного права, то многие политические деятели на границах разработали бы планы, чтобы помочь ему; тогда как сейчас этот вопрос как демон стоит на рассмотрении Конгресса."

Действительно, так и было. Ассигнования были печально запаздывающими. Обещания, сделанные индейцам, не могли быть выполнены просто потому, что не было денег, чтобы их выполнить. В 1829 году вашингтонский корреспондент пишет г-ну Скулкрэфту: "Там в механизме общественных взаимоотношений где-то есть ослабленный болт. В 1827 нам обещали 48 000$ на обслуживание индейцев, и мы получили 30 000$; в 1828 году - 40 000$, и мы получили 25 000$." Немного позже сам министр обороны пишет: "Наше ежегодное ассигнование еще не прошло; и когда это будет я точно не могу сказать."

В 1830 году все разрастающейся темой в Конгрессе, как говорят, было "переселение индейцев. Это занимает общественное мнение на всей территории страны, и по этому вопросу проходят бесчисленные прошения, протесты и демонстрации."

Тем временем индейцы враждовали между собой, и также принимали ответные меры против белых поселенцев, которые вторгались на их земли. Всерьез начался неизбежный конфликт, и в сентябре 1832 виннебаго были вынуждены сделать свою первую большую уступку территории Соединенным Штатам. В обмен на это они приняли участок земли к западу от Миссисипи, и до 1-ого июня 1833 большинство из тех, кто жил на уступленных землях, пересекли реку и расположились в их новом доме. Их право на эту новую страну не было столь крепким, как они, вероятно, предполагали, поскольку в соглашении явно заявлялось, что эти земли предоставлены им "на таких же правах, как владеют землями другие индейцы."

Статья третья этого соглашения гласила: "Поскольку та местность, которую уступают виннебаго - более обширная и ценная, чем та, что была взамен предоставлена Соединенными Штатами," то США будут платить виннебаго ежегодно 10 000$ металлическими деньгами в течение двадцати семи лет. Правительство также обещало построить для них здания, прислать учителей, сделать различные пособия на запасы, орудия труда, табак и т.д., и предоставить им доктора.

Виннебаго согласились выдать тех своих соплеменников, которые убивали белых поселенцев. Четырем людям из племени виннебаго - двум мужчинам и двум женщинам - были выданы именные патенты на владение землей; по какой причине так поступили, в соглашении не указано.

Пять лет спустя виннебаго уступили Соединенным Штатам все их земли к востоку от Миссисипи, и также оставил право занять, "за исключением охоты," часть тех земель, которые они имели на западной стороне. За эту уступку и отказ они должны были получить 200 000$; часть этой суммы, должна была быть израсходована на погашение их долгов, на расходы, связанные с их переселением и учреждением в их новых домах. Остальная часть должна была быть инвестирована правительством Соединенных Штатов для их выгоды.

В 1846 виннебаго были вынуждены сделать другое соглашение, в соответствии с которым они наконец уступили и продали Соединенным Штатам "все права, титулы, прибыль, требования и привилегии на все прежде ими занимаемые земли;" и приняли в качестве их дома, "на тех же правах, на которых другие племена владеют землями," участок земли площадью 800 000 акров к северу от г. Св. Петра, и к западу от Миссисипи. За это третье переселение им должны были

выплатить $190 000: 150 000 - за земли, которые они передали, и 40 000 - за передачу охотничьих привилегий на землях, смежных с их собственными. Часть этих средств должна была быть израсходована на их переселение, остальной баланс должен был быть "инвестирован в трастовый фонд" правительством под 5% прибыли.

Эта резервация оказалась для них неподходящей. Племя было беспокойно и недовольно; большие их количества все время перебегали назад в их старые дома в Айове и Висконсине, и в 1855 они с удовольствием сделали с правительством другое соглашение, по которому они уступали Соединенным Штатам обратно всю землю, которую им дало соглашение 1846 года, и брали в обмен на участок в 18 квадратных миль на реке Блу Еарс Ривер. Окультуренные земли, на которые они жили, их мастерские и другие здания, должны были быть оценены и проданы лицу, предлагающему самую высокую цену, и эта сумма должна была быть израсходован на их переселение, размещение и благоустройство в их новом доме. Эта резервация, гласило соглашение, должна была стать их "постоянным домом;" и поскольку эта фраза прежде никогда не использовалась ни в одном из их соглашений, то нужно предположить, что виннебаго искренне в нее поверили, слушая подобные заверения. Они, как говорят, "успокоились, стали спокойными и довольными," и немедленно начали работать - "пахать, сеять и строить."

Граждане Миннесоты не отнеслись их новым соседям любезно. "Поднялась волна негодования; было подписано ходатайство президенту; подавались иски - делалось все возможное, чтобы выгнать этих индейцев из их новоприобретенного дома," - говорится в сообщении специального уполномоченного по делам индейцев за 1855 год.

Такие выпады, и такое общественное отторжение со стороны населения, окружающего их, конечно не поспособствовали выработке у виннебаго тяги к производству, и не дали им жизнерадостные надежды на то, чтобы им надолго разрешат остаться в их "постоянном доме." Однако они продолжали работать, добиваясь большего успеха и живя все лучше каждый год, поддерживая добросовестные отношения с белыми людьми и их правительством, и доверяя цели правительства и его силе остаться верным их соглашениям. Единственные серьезные ошибки, в которых они могли быть обвинены - это пьянство и азартные игры, и оба эти пристрастия они переняли у белых поселенцев. В последнем они, оказалось, были способными учениками, часто побеждая профессиональных игроков в их собственной игре.

Они показали плохие эффекты от своих постоянных переселений также в том, что они были расположены постоянно убегать назад в их старые дома. Иногда несколько сотен их соплеменников перебегали в Висконсин. Но племя, в целом, было очень трудолюбивое, тихое, всегда миролюбивое и лояльное, и постоянно улучшающее свое состояние. Они всерьез взялись за тяжелую сельскохозяйственную работу; некоторые из них, которые не могли получить или лошадей, или плуги, фактически пахали землю мотыгами, и при этом еще и получали значительный урожай. Очень скоро они начали упрашивать, чтобы их фермы завещали им индивидуально, и гарантировали им право на их собственность; и правительство, частично используя это желание в своих интересах, сделало с ними соглашение в 1859 году, по которому часть их земель должны были быть "выделены" людям в "паевое владение", как они и просили, а остальные земли должны были быть проданы.

Доходы от этой сделки должны быть частично израсходованы на усовершенствования их ферм, и частично должны были быть "оставлены в доверительном управлении" правительства. Эта мера сделала сотни тысяч акров земли доступными белым поселенцам, и затянула пояс жадной

цивилизации намного более туже вокруг индейцев. Подобные соглашения уже заключались с некоторыми племенами сиу, и с другими. И было очевидно, что "избыточная земля, занимаемая индейцами - требовалась для использования все увеличивающегося белого населения," и что "было необходимо уменьшить территорию резервации."

Есть в этом соглашении за 1859 год одно экстраординарное условие: "Чтобы сделать ненужным дальнейшие соглашения и договоры с Соединенными Штатами, согласовывается и предусматривается, что у президента, по согласию Конгресса, должна быть полная власть изменять любое из положений бывших соглашений с виннебаго в такой манере и до такой степени, как он найдет необходимым и целесообразным для их благосостояния и интересов."

Невозможно избежать сомнения по поводу того, слышали ли вожди и главы племени виннебаго, которое подписывали это соглашение, что в нем есть подобное условие. Невероятно, что они могли быть настолько простодушны и доверчивы, чтобы согласиться на это.

Перспективы теперь прояснялись для виннебаго. Имея во владении их фермы, данные им как их собственные, и достаточное количество денежных средств, полученное от продажи избыточных земель, чтобы позволить им полностью улучшить оставшиеся земли - все это, кажется, сделало их путь открытым к процветанию и комфорту. Они "бросились в сельское хозяйство с рвением и энергией, которые обещали преуспевание и хорошее будущее."

"У каждой семьи в племени есть большее или меньшее количество земли в обработке," - говорит их агент. Он сообщает также о советах, проводимых вождями, которые рассказывают их собственную историю:

"Когда мы были прошлой зимой в Вашингтоне, мы попросили, чтобы наш Великий Отец выдал нам 300 000$ из 1 100 000$ - чтобы мы могли начать работу нашей следующей весной. Нам не нужны все 1 100 000$, но только - достаточное количество денег, чтобы продолжить наши усовершенствования. Эти деньги мы просим в виде ссуды; и когда наше соглашение ратифицируется, мы хотим обменять их. Мы хотим купить рогатый скот, лошадей, плуги и фургоны; и эти деньги могут быть погашены, когда продадутся наши земли. Мы надеемся, что вы получите эти деньги: мы хотим хорошие фермы и хорошие здания. Многие уже надели одежду белого, и еще больше людей оденет, когда наше соглашение будет ратифицировано.

"Господи, мы не хотим, чтобы ты устал от разговоров, но надеемся, что ты создашь сильную бумагу и реализуешь настоятельную просьбу нашего Великого Отца относительно наших пожеланий."

В 1860 году специальный уполномоченный по делам индейцев пишет: "Виннебаго продолжают устойчивый курс к усовершенствованию.

Прогресс виннебаго в сельском хозяйстве особенно заметен. На некоторых отдельных фермах одним человеком было обработано более шестидесяти акров пшеницы.

Усилия агента были направлены на предоставление каждому индейцу его собственного участка земли. "Вигвамов теперь столь же мало, сколько два года назад было зданий. Все индейцы, у которых есть лошади, сами пашут и обрабатывают их земли.

Индейцам пообещали, им построят новые и удобные здания. Соглашение, еще не ратифицировано, и у меня нет средств на руках, которые можно было бы применить для этой

цели. Но школа - процветает. Большая часть индейцев упросила меня выполнять роль специального уполномоченного, посещая здесь поселения, и причины почему я не могу этого сделать, кажутся им непостижимыми."

В 1861 году специальный уполномоченный пишет, что распределение земель на паевой основе среди виннебаго было "существенно достигнуто"; но что продажа остающихся земель еще не была совершена, вследствие неустойчивого состояния этой местности, и поэтому средства, от которых индейцы зависели для усовершенствований их ферм, не были им заплачены. Они горько жалуются, что положения соглашения 1850 года не были выполнены. "Уже прошло 2,5 года с тех пор, как этот договор был заключен," - говорит агент, - "и индейцам от сезона к сезону говорят, что что-то будет сделано для их выгоды, и они так часто разочаровываются, пока лучшие из них не начинают сомневаться, а будет ли вообще что-нибудь сделано. Индейцы, которые попали в распределение, требуют свидетельства на землю."

Пьянство становится одним из серьезных недостатков племени. Они со всех сторон окружены белыми, которые торгуют виски, и которые, кроме того, целенаправленно стремятся ухудшить индейцев до такого деградированного состояния, насколько это возможно. "Есть некоторые обстоятельства, связанные с местоположением этого племени, которые делают более трудной задачу их защиты от разрушительных действий продажи спиртных напитков, чем с любым другим племенем. Они близко окружены многочисленным белым населением, и эти люди чувствуют себя очень возмущенными, потому что индейцы селятся в их среде, и пытаются сделать проживание здесь столь же неудобным для индейцев, живущих здесь, как они только могут, надеясь, что в некотором будущем они смогут вызвать их переселение."

Это время было не столь отдаленно. В 1862 году мы находим виннебаго действительно с проблемами. Свирепая резня белых поселенцев индейцами сиу так возмутила граждан Миннесоты, что они потребовали удаление всех индейцев из штата. Люди были столь взволнованы, что индеец не мог ступить вне пределов своей резервации без риска сразу же быть застреленным. Виннебаго абсолютно отказались присоединиться к сиу и нападать на белых, и им угрожало истребление из-за этой лояльности. Таким образом они одинаково были в опасности и от белых и от индейцев: их положение было действительно жалким.

В Годовом отчете министерства внутренних дел за 1862 состояние вещей описывается таким образом: В то время как это может быть верно, что несколько человек из племени виннебаго были заняты злодеяниями сиу, племя как таковое, ответственно за их действия не больше, чем наше правительство было бы ответственно за действия пирата, который родился на нашей территории. Несмотря на это, раздражение людей Миннесоты, кажется почти столь же большим по отношению к виннебаго, как к сиу. Они требуют, чтобы виннебаго так же, как и сиу, удалили за пределы штата. Виннебаго не желают перемещаться. И все же, люди в Миннесоте столь взволнованы, что ни один человек виннебаго не может покинуть территорию резервации без риска быть застреленным; и поскольку они никогда не получили свои обещанные орудия сельского хозяйства, а количество дичи на территории их резервации исчерпывается, и у них еще и отбирают рабочие руки, то они - голодают."

Их агент пишет:" Эти индейцы оставались здесь в непрерывном подвешенном состоянии, ожидая, что правительство начнет выполнять условия соглашения 1859 года: таково было их состояние в течение трех с половиной лет, и они не понимают, почему так происходит. Тот факт, что лишь очень немногие из виннебаго присутствовали и наблюдали, если не сами принимали

участие в резня в Агентстве Нижних Сиу, бросил на этих индейцев тень подозрения в нелояльности. Враждебные чувства белых людей настолько интенсивны, что мне приходится прилагать дополнительные усилия, чтобы удержать индейцев на их собственных землях. Я был уведомлен белыми, что индейцы будут уничтожены, если они выйдут за пределы своей собственной земли; и прошло лишь всего несколько дней с тех пор, как был убит индеец, пересекающий реку Миссисипи. Убит лишь за то, что он был индейцем. И сейчас такое состояние общественного мнения, что убийца остается безнаказанным."

Относительно лояльности племени агент говорит: "Нет более лояльных индейцев, в лояльности их всего племени нет никаких сомнений. Из-за угрозы, сделанной сиу непосредственно после их бунта, что они (сиу) истребят виннебаго, если те не присоединятся к ним в набегах против белых людей, виннебаго жили в страхе перед нападением сиу, и почти ежедневно просили меня о защите. Чтобы уверить их, я попросил губернатора штата, чтобы два полка пехоты Соединенных Штатов были размещены здесь, среди них, что смягчило их страхи. Несмотря на близость воинственных сиу, недружелюбные чувства белых людей и другие неудачные обстоятельства, я уверен, что мои индейцы останутся лояльными до последнего. Им сообщили, что несмотря на их преданность правительству и людям, люди этого штата постоянно шлют запросы в Конгресс, чтобы удалить их из штата - что индейцы считают в этих обстоятельствах очень несправедливым, поскольку они привыкли к этому месту и по своей воле отсюда не уедут. Они думают, что их преданность должна обеспечить им право на уважение и доброе обращение."

"Популярное требование" людей Миннесоты одержало победу. В феврале 1863 года Конгресс принял закон, разрешающий "мирное и тихое удаление индейцев виннебаго из Миннесоты, и поселение их на новой резервации." Было решено поселить их "на реке Миссури, где-нибудь в пределах ста миль от форта Рандалл, где они без сомнения будут в безопасности от любых вторжений белых." Все их оружие, винтовки, и пистолеты должны были быть у них отняты, "надежно упакованы и маркированы именами их соответствующих владельцев." Правительство приказало агенту, отвечающему за удаление, что было абсолютно необходимо не потерять ни секунды времени при переселении этих индейцев." В то же самое время должны были быть переселены и враждебные сиу, причем в резервацию, примыкающую к резервации виннебаго. Сообщения Бюро по делам индейцев за 1863 год рассказывают историю этого переселения (См. Дополнение 6).

Специальный уполномоченный говорит:" Случай с виннебаго имеет одно особое затруднение. Я все еще имею мнение, что это племя не было ни в какой манере вовлечено или ответственно за вспышку жестокости со стороны сиу; но его последствия для племени были столь же пагубными, как и незаслуженными. По закону конгресса и требованию людей Миннесоты, они были переселены на новое местоположение на реке Миссури, примыкающее к резервации сиу. Противопоставляя счастливые дома и богатство, которые они оставили позади, с чрезвычайным опустошением происходившим по всей стране и в их новом доме, принимая в расчет их почти беззащитное состояние по сравнению с враждебными дикарями поблизости - их текущее состояние было действительно жалким; и не удивительно, что у них до некоторой степени опустились руки, и их не удовлетворяли их новые дома. Невозможно скрыть тот факт, что их переселение, хоть номинально - мирное и с их согласием, было результатом сокрушительного натиска мнения общества, в котором они проживали; и вероятно пройдут многие годы до того момента, как их будет восстановлено их доверие в добросовестность нашего правительства, в его

явное желание повысить качество жизни и улучшить их состояние. Их неудачи и хорошее поведение заслуживают нашего сочувствия."

Вышеупомянутый закон конгресса обеспечивает миролюбивое удаление индейцев. При его выполнении некоторые из членов племени не желали покидать свои дома; и как не было ни расположения, ни силы заставить их сопровождать своих братьев, они остались на их старой резервации. Большинство из них полностью оставили индейские привычки и обычаи, и полностью перешли к хорошему поведению и цивилизованной жизни. Многие из них завербовались на военную службу, и все настроены на владение собственным домом, выделенным им положениями соглашения.

Трастовые земли, принадлежащие племени, были помещены на рынок. Также была проведена оценка земель уменьшенной резервации, и они тоже скоро будут выставлены на рынок."

В сообщении руководителя северо-западной территории за тот же года, есть следующее подведение итогов их случая: "Случай этих индейцев виннебаго - случай специфического затруднения. Выдворенные в 1863 из их удобных домов в Миннесоте почти без предварительного уведомления, упакованные все вместе на плохо обустроенные пароходы, перевезенные в агентству Кроу Крик на территории Дакоты за свой же счет (с взяли за это переселение 50 000$), после очень поверхностной и поспешной подготовки их нового агентства к их приему - их оставили на песчаном пляже на западном берегу реки Миссури, в стране замечательной только суровости зимнего климата и бесплодием почвы - чтобы существовать там, где самый трудолюбивый и скромный белый человек будет 5 лет из 6 терпеть неудачу, им нужно было вырастить достаточно зерна, на которое может существовать семья. Этим неудачливым людям была представлена жесткая альтернатива, их лишили удобных домов (без какого-либо преступления или собственного проступка с их стороны) и поставили перед выбором - отказаться от этого агентства, или умереть от голода и холода. Они мудро выбрали первое; и после столкновения с затруднениями и страданиями, слишком ужасными, чтобы их пересказывать, потеряв несколько сотен человек из их племени от голода и холода, они достигли своего текущего места жительства [агентства Омаха] в таком состоянии, которое вызвало активное сочувствие всех, кто познакомился с историей их несчастий. Они остались там, полагая, что правительство сдержит свое торжественное обещание и разместит их к западу от Миссури, на земле, которая должна быть столь же удобная, как и та, которую они занимали в Миннесоте.

"Это племя характеризуется бережливостью, экономией и развитой промышленностью в степени, несравнимой с любым другим племенем индейцев на северо-западе. Они лояльны к правительству, миролюбивы к соседям и имеют полное право на заботу со стороны правительства. Усовершенствование домов, которые они добровольно выбрали для их будущего места жительства, в очень скором времени поставят их в положение, в котором нищета невозможна, и снимут с правительства бремя удовлетворения их потребностей на сумму 100 000$."

В мае 1863 виннебаго собрались в форте Снелинг, готовые к путешествию. Вожди, как говорят, "согласились на передвижение, так как это было нужно для защиты их людей," но некоторые из них "фактически проливали слезы, что нужно уходить." Полковник Микс, который отвечал за это удаление, написал в Вашингтон, срочно запрашивая, чтобы индейцам предоставили по крайней мере палатки, по их прибытию в их новые дома в дикой местности. Он также предполагает, что это - хороший вопрос, должны ли они вообще быть поселены около враждебных сиу. Тем более,

что прежде, чем уехать из Миннесоты, некоторые члены племени "сняли скальп с трех индейцев сиу, полагая, что это успокоит и приведет в наилучшее состояние духа их Великого Отца в Вашингтоне. И, как следствие, им возможно разрешат остаться в Миннесоте."

Переселение имело место в мае и июне. По подсчетам в племени виннебаго было 1945 человек. Они прибыли на место и нашли почти бесплодную дикую местность, с сухой, твердой почвой, "слишком твердой для плугов." Земля была настолько твердой, что было трудно работать плугом целый день без поломки." Засуха выжгла траву так, чтобы во многих местах, где в предыдущем году вырастили несколько тонн на акр хорошего сена, теперь не было даже "пастбища для лошади." Древесина тополя - все, что можно было найти - была "изогнута, трудна в обращении, полная сучков, гнили и т.д." Канал реки Миссури здесь был так "изменчив," и берега были настолько низкими, что было "опасно подходить слишком близко." Поэтому они были обязаны поселиться на расстоянии полумили от реки. Неудивительно, что 1-ого июля виннебаго были "недовольны их местоположением, и хотели возвратиться в Миннесоту или в любое другое селение, даже среди белых." Они собирались на совет, и попросили руководителя Томпсона написать их Великому Отцу, чтобы тот разрешил им, "снова поселиться среди белых". Они так долго жили среди белых, что боятся диких индейцев еще больше, чем белые." Томпсон, однако, надеется, что они будут более удовлетворены, как только он сможет построить для них удобные здания. Но 16-ого июля бригадный генерал Суллей, командующий северо-западной экспедицией против индейцев, пишет правительству от имени этих неудачных существ. Когда генерал Суллей задержался в лагере около Кроу Крик из-за низкой воды, руководители пришли к нему с рассказом об их страданиях. "Они заявили, что в этой местности ничего не вырастет. Они не осмеливаются выходить на охоту из страха перед другими племенами, и они боятся голодной смерти. Я полагаю это опасение верным, если правительство не будет поддерживать их рационами все время. Земля, на которой они расположены - песчаная, сухая и выжженная - земля бедная; низкокачественная, песчаная почва. Я не думаю, что здесь можно вырастить урожай зерна даже раз в пять лет, поскольку летом дождь идет здесь редко. Индейцы поглощены работой, создают каноэ с намерением оставить агентство и присоединиться к омахам, или любому другому племени вниз по течению. Они сказали, что им пообещали поселить их на Большой реке сиу. * * * Я сказал им, что они должны оставаться здесь, пока не получат разрешение на перемещение от Вашингтона; что если они попытаются сделать это без разрешения, мои войска, размещенные вниз по течению, будут в них стрелять."

Эта ужасная картина состояния группы людей в две тысячи человек, для "выгоды" которых правительством были только что выручены 82 537$ от продажи их земель, не говоря уже о собственности, которую они имели на землях еще непроданной, и о ренте от предыдущих соглашений на сумму более 1 000 000$! Разве их длительное страдание, их терпение не является почти невероятным?

Несмотря на страха быть расстрелянными войсками Соединенных Штатов, они продолжали делать каноэ, чтобы сбежать в них из этого "нового дома" в пустыне. В октябре министерство внутренних дел начало получать письма, содержащие подобные параграфы: "Я должен также сообщить, что небольшие группы виннебаго постоянно прибывают в каноэ на нашу резервацию и просят еду, чтобы препятствовать голодной смерти. "- заведующий Агентства Омаха.

И это - люди, которые всего только за год до этого жили в удобных домах, с несколькими сотнями акров хорошей, обработанной земли, и требовали "свидетельств" на свои "выделенные" фермы.

Теперь они были беззащитные, хуже, чем бездомные, убегали на каноэ под огнем солдат Соединенных Штатов из бесплодной пустыни, вымаливая еду в индейских агентствах!

Министерство внутренних дел быстро сообщает Руководителю по делам индейцев в Миннесоте об этой "информации", и называет этот факт "поразительным". Министерство "предполагает, что агент Болкомб примет такие меры, которые побудят виннебаго остаться на их резервации, так как для их пропитания сделаны вполне достаточные приготовления." Оно, однако, приказало, чтобы агент омаха кормил голодающих беженцев до весны, и послало весть тем, которые все еще остаются в резервации, что они не должны "пытаться переселяться без согласия их Великого Отца, поскольку он приказал, чтобы им выделили дом, который должен быть здоровым, приятным, и плодородным. И что это будет наиболее скоро."

Это было осенью 1863. Через один год не меньше, чем 1222 беженцев виннебаго сумели сбежать и пробиться в резервацию Омаха в Небраске. Здесь руководитель Северного Управления держал с ними совет.

"Они выражали," - говорит он, - "сильное желание иметь некоторую договоренность, которая позволила бы им занять часть этой резервации. Это было представлено так, что омаха тоже этого хотят. * * * Я обнаружил, что не могу убедить их вернуться на их резервацию, и у меня не было никаких средств рядом, чтобы заставить их уйти силой, даже если бы я посчитал надлежащим так сделать." Поэтому руководитель рекомендовал, чтобы они оставались там, где были "до тех пор, пока для них не будет сделана некая договоренность, согласованная с военным отделом и министерством внутренних дел, по которой они могли бы быть переселены обратно в свою резервацию и удержаны там."

В сентябре этого же года агент резервации виннебаго написал, что отсутствие защитной силы было одной из причин, почему индейцы бежали в таких количествах. И виннебаго, и сиу, которые здесь остались, жили в страхе и трепете близко к частоколу, и отказывались отделяться и переселяться жить на отдельные полосы земли.

Он дает некоторую более подробную информацию относительно почвы и климата. "Область, как правило, подвержена засухе и разрушительным нашествиям саранчи и других насекомых. Почвы содержит большое количество щелочи; климат - чрезмерно сухой; очень редко идет дождь, и росы здесь почти неизвестны; почти нет древесины. Можно предположить, что здесь много дичи. Но это - ошибочное впечатление. Здесь есть лишь немного небольших источников, нет озер и почти нет древесины - вся местность является одной дикой сухой прерией на сотни миль вокруг; следовательно, здесь очень мало дичи, рыбы, диких фруктов. В старину по этой местности ходили буйволы, но они отступили, и сейчас заходят сюда очень редко. * * * У индейцев должны быть лошади, чтобы охотиться на них, а лошадей у них нет. У было несколько, когда они прибыли сюда, но они скоро были украдены враждебными сиу."

Агент Болкомб должно быть вел тяжелую жизнь на этой резервации. На дальней границе, в трехстах милях от ближайшей плодородной почвы, он получал от министерства внутренних дел письма, выражающие "изумление", что "он не был в состоянии убедить индейцев остаться на их резервации"; и также письма от граждан и ходатайства из городов в Висконсине, Миннесоте, Айове и Небраске, просящие его "собрать" всех блуждающих виннебаго, которые были оставлены позади; без надлежащей военной защиты, и окруженные враждебными индейцами -

неудивительно, что он рекомендует правительству "переселить и объединить" различные племена индейцев на "одной территории" как можно скорее.

Эффект этого пребывания в дикой местности был для виннебаго ужасен. Мало того, что они были предоставлены безжизненным и отчаянным страданиям, они были деморализованы от конфликтов с дикими сиу. Они имели с ними больше чем одну перестрелку, и, как говорят, снова настолько скатились до старых методов их варварской жизни, что на одном из их танцев они фактически сжарили и съели сердце заключенного сиу! И все же меньше чем через год после того, как их собрали еще раз на резервации Омаха, и они снова начали иметь надежды на "постоянный дом," мы находим, что их руководители и главы шлют следующее ходатайства в Вашингтон:

"Наш Великий Отец в Вашингтоне, мы приветствуем тебя - вожди, воины и главы твоих сознательных детей виннебаго.

"Отец, мы не можем тебя увидеть. Ты от нас далеко. Мы не можем поговорить с тобой. Но мы напишем тебе; и, Отец, мы надеемся, что ты прочтешь наше письмо и ответишь нам.

"Отец, несколько лет назад, когда у нас были собственные дома на реке Турки, у нас была школа для наших детей, где многие из них научились читать, писать и работать как белые люди - и мы были счастливы.

"Отец, много лет прошло с тех пор, как наша школа была разрушена; и у нет теперь школ, и наши дети растут в невежестве и незнании тех вещей, которые должны сделать их трудолюбивыми, богатыми и счастливыми, и нам жаль, Отец. Это - наше серьезное желание, не быть больше в таком положении. Мы искренне хотим снова построить школу, подобную той, которую мы видим работающей среди твоих детей в Омахе. Отец, как только ты найдешь постоянный дом для нас, разве ты не сделаешь для нас этого? И, Отец, поскольку мы хотели бы, чтобы нашим детям преподавали христианскую религию, как и прежде, мы хотели бы, чтобы наша школа была на попечении Пресвитерианской комиссии по иностранным миссиям. И последнее, Отец, чтобы показать тебе нашу искренность, мы хотим, чтобы на ее учреждение, постройку и поддержку были выделены все наши школьные фонды, и даже больше, если это необходимо.

"Отец, это - наша молитва. Разве ты не откроешь нам свои уши и сердце и не напишешь нам?

Это письмо было подписано 38 вождями и руководителями виннебаго.

В марте 1865 между Соединенными Штатами и этим многострадальным племенем индейцев было сделано новое соглашение, по которому, с учетом их "уступки, продажи, и передачи" Соединенным Штатам всех прав на дакотскую резервацию, Соединенные Штаты согласились "поместить отдельно для заселения и будущего вечного дома индейцев виннебаго" участок Небраски площадью 128 000 акров - часть резервации омаха, которую Omaha были готовы продать. Соединенные Штаты также согласились построить мукомольни, вспахать землю, поставить определенные количества семян, инструментов, оружия, лошадей, волов и фургонов, и компенсировать племени один год ужасных потерь и страданий, которые они испытали. Это слово "навсегда" возможно вселило в виннебаго храбрость.

Во время их переселения из Миннесоты, среди беглецов, которые сбежали обратно в Висконсин, был и руководитель вождь Де Карри. Два года спустя он умер там в большой бедности. Он был очень стар, но удивительно умен; он был внуком Ho-po-ko-e-kaw, или "Славы утра," которая был

королевой виннебаго в 1776, когда племя посетил капитан Карвер. В странной и захватывающей истории Карвера нет ничего более интересного, чем его отчет о стране виннебаго. Он оставался с ними четыре дня и они его "замечательно позабавили". Действительно, если мы можем положиться на историю капитана Карвера, все северо-западные племена были на их собственной территории - добрые и гостеприимные люди. Он говорит:" Я получил от каждого племени самое гостеприимное и учтивое обращение, и я убежден, что пока они не развращены примером плохой морали и пристрастию к спиртному от их более рафинированных соседей, они сохранят это дружественное и безобидное поведение к незнакомцам."

Он говорит с большим удовольствием о хлебе, который женщины виннебаго делали из дикой кукурузы. Мягкие молодые ядра, пока они полные сока, месят в пасту, лепят пироги, оборачивают их в листья липы и пекут в пепле. "Лучше приготовленный хлеб я никогда и нигде не ел," - говорит капитан.

Он нашел дом виннебаго действительно восхитительным. Берега озера были лесистыми, там в изобилии росли гикори, дуб, орехи, виноград, сливы и другие фруктовые растения. Озеро изобиловало рыбой; осенью прилетали гуси, утки, и чирок. Последний имел намного более насыщенный вкус, чем тот, что жил ближе к морю, поскольку он "приобретал свою чрезмерную жирность, питаясь диким рисом, который в таком изобилии растет в этих краях."

Как можем мы найти силы, чтобы противопоставить картину этого мира, изобилия и доброго гостеприимства древних виннебаго с картиной этого же племени всего только через два поколения, где люди загнанные и голодные? И как мы можем перенести сравнение пьяных, азартных виннебаго из Миннесоты с той картиной, которую капитан Карвер дает о молодом вожде виннебаго, с которым он путешествовал в течение нескольких дней?

Капитан Карвер, после четырех дней в гостях у виннебаго, "сделав подарки старой доброй королеве, и получив ее благословение," продолжил свой путь. Два месяца спустя, когда он ехал в Сейнт Энтони Фоллс, он столкнулся с молодым вождем виннебаго, который направлялся на переговоры с племенем "Nadouwessies" (сиу). Этот молодой вождь, когда узнал, что капитан Карвер собирается посетить Фоллс, согласился сопровождать его. "Его любопытство часто подстегивали рассказы некоторых его друзей-вождей. Он оставил свою семью (поскольку индейцы никогда не путешествуют без домашнего хозяйства) в этом месте под надзором моего слуги, индейца-могавка, и мы продолжили двигаться вместе к этому знаменитому месту по земле, посещенной только французами. Мы могли отчетливо слышать шум воды за 50 миль до того, как достигли водопада в Фоллз; я был очень рад и удивлен, когда я приблизился к этому удивительному шедевру природы; но я не долго наслаждался этими эмоциями, поскольку мое внимание было захвачено поведением моего компаньона. Едва принц вышел на место, с которого открывался вид на этот замечательный пейзаж, как он начал своим зычным голосом обращаться к Великому Духу, так как предполагал, что это было одно из мест его обитания. Он сказал ему, что проделал длинный путь, чтобы выказать ему его обожание, и теперь сделает ему лучшие подношения, которые может. Он бросил свою трубку в поток воды; после этого - кисет с табаком; после - браслеты, которые он носил на руках и запястьях; затем - украшение из бусинок и проводов, которое окружало его шею; и, наконец - сережки с ушей. Короче говоря, он подарил своему богу каждую часть своего платья, которая была ценна. Во время этого ритуала он часто вздымал грудь с большим усердием, раскидывал в стороны руки и, казалось, был очень взволнован. Он завершил ритуал пылкими просьбами, что Великий Дух будет постоянно

предоставлять нам свою защиту в наших путешествиях, давая нам яркое солнце, синее небо, и ясные, спокойные воды; он не покидал это место, пока мы вместе не выкурили мою трубку в честь Великого Духа.

"Я был очень удивлен созерцанием случая такой возвышенной преданности в столь молодом индейце. Действительно, поведение этого молодого принца сразу очаровало и поразило меня. В течение нескольких дней, которые мы были вместе, его вниманием, кажется, было полностью поглощено оказыванием мне помощи во всем, что было в его силах. И даже за столь короткое время, он дал мне неисчислимые доказательства самой щедрой и незаинтересованной дружбы, так что по нашему возвращению я расстался с ним с большой неохотой."

В 1866 году о виннебаго говорят, что их состояние "улучшается;" что у них "хорошую развивается промышленность;" что хотя уровень здоровья в племени в общем низкий, но "он все же хороший, если вспомнить чему они подверглись, если вспомнить все их страдания в течение прошлых трех лет." Племя "уменьшилось на приблизительно 400 или 500 человек с того момента, как они покинули Миннесоту." Вернулись домой сто солдат-индейцев, "которые служили во славу себя и их племени, защищая их страну." В агентстве еще не построили школу, и это было, как говорят, "их самое большое желание."

Вождь пишет: "Средства в соответствии с последним соглашением были выделены полностью, и работа по благоустройству резервации прогрессирует. Мне доставляет наибольшее удовольствие заверять правительство, что это очень обиженное и оскорбленное племя скоро будет во всех отношениях процветающим и способным само о себе заботиться. Они пришли на новую резервацию в конце прошлого мая, и в течение существующего года они вырастили по крайней мере 20 000 бушелей зерна."

В 1867 году специальный уполномоченный по делам индейцев говорит: "У виннебаго есть справедливое право требовать у правительства компенсацию за переселение из Миннесоты, расходы на которое были погашены из их собственных племенных фондов. Правительство обязуется возместить им все таким образом израсходованные деньги."

Казалось, что в начале вообще не возникало вопроса относительно того, кто должен оплатить затраты подобного переселения. Это вообще должны были быть не затраты всего государства, но - штата Миннесота, который этого требовал - тем более, что не было и тени сомнения, что этого требовали - не потому что у граждан Миннесоты был какой-либо реальный страх перед миролюбивым и доброжелательным виннебаго (которые сами страшно боялись сиу), но потому что они "жаждали заполучить роскошную местность, которую занимали виннебаго, и трудности с сиу дали повод избавиться от них при помощи законодательного давления Конгресса."

Некоторые члены племени, которое оставались в Миннесоте, все еще требовали своих "выделенные" земли; требовали "их часть от всей суммы денег, подлежащих оплате виннебаго по условиям соглашения, и чтобы доля фондов их племени была капитализирована и выплачена им одной суммой; их специфические отношения и права индейцев были расторгнуты, и они уехали, чтобы влиться в сообщество; они - бросили жребий". Специальный уполномоченный убеждает правительство удовлетворить эти запросы.

В 1868 году в агентстве виннебаго была открыта школа, которую ежедневно посещали 150 учеников. Племя приняло кодекс законов их правительства, и этот год был годом мира и тишины, за исключением некоторой неудовлетворенности со стороны индейцев в отношении трехсот

коров, которых послали в агентство, выполняя одно из положений соглашения, но которых, однако, по приказу Бюро по делам индейцев перенаправили в "загоны правительства на содержание." Индейцы очень естественно считали, что они имели право на этих коров; однако, они продолжали быть миролюбивыми и довольными чувством, что они "наконец-то нашли дом,", где они могли бы "надеяться остаться и обрабатывать землю с чувством, что это - их земля, и что их дети не будут через несколько дней выгнаны с хорошо обработанной и производительной земли." Они, однако, "чрезвычайно беспокоились и жаждали распределения их земель на паи."

В 1869 году делались приготовления для распределения паев главам семей.

В 1870 - "распределение земли на паи и передача их индейцам были почти закончены, каждый глава семьи получил восемьдесят акров. Индейцы с тревогой ждали актов на владение землей, так как многие из них уже начали усовершенствование земли. По крайней мере тридцать из них разбили по четыре акра на пай, и на некоторых даже построили здания. Сейчас действуют 3 школы, обрабатывается 400 акров земли."

В этом году также прибывает интересный отчет о "беспризорных виннебаго", оставленных позади в Висконсине. Они и такие же беспризорные фоттавоттоми, которые находятся по соседству, "удивительно тихие и безобидные, и не дают никаких причин для жалоб; напротив - города и деревни, где они обменивают свои ягоды, кленовый сироп и т.д., получают от них значительную выгоду: значительное количество индейцев используется в рубке леса, сборе урожая и выборе хмеля. Много владельцев мукомолен и лесопилок сообщили мне, что индейцы, которых они наняли, были хорошими и надежными работниками. Уже есть почти тысяча этих виннебаго. Некоторые из них купили землю; другие - арендуют ее; и все выражают беспокойство, что “Великий Отец" должен дать им резервацию в этом регионе, и позволить им остаться."

В 1871 году виннебаго в Небраске разжаловали одного вождя и выбрали себе новых 12 вождей на срок в один год; это были, главным образом, молодые члены племени, которые выступали за цивилизацию и прогресс. Это был важный шаг к разрушению старых племенных отношений.

В 1872 снова появляются заметки о "бродягах" в Висконсине. Белые пожаловались на них, Конгресс выделил средства, чтобы переместить их в их соответствующие племена "на западу от Миссисипи;" но, "по различным причинам," переселение не было предпринято, и специальный уполномоченный сомневается, "может ли оно быть достигнуто без дополнительного и серьезного законодательного урегулирования со стороны Конгресса, поскольку индейцы привязаны к стране, и выражают большое негодование по поводу переселения."

Эти бедные существа везде не нужны. Несмотря на то, что они - "надежные и хорошие" наемные работники, полезные для поставки в города деревни фруктов и рыбы, люди в Висконсине не хотят их в своем штате. И агент резервации виннебаго пишет, искренне выступая против того, чтобы их туда переселили. Он полагает, что эти индейцы по моральному уровню намного ниже индейцев, которыми он руководит. Кроме того, он говорит, что "предубеждение людей в окружающей местности такое", что, по его мнению, переселять туда еще больше индейцев было бы плохой политикой. В Небраске любят индейцев ненамного больше, чем в Висконсине или Миннесоте. Он также добавляет, что его индейцы "могли бы очень сильно улучшить вероятность выполнения их требований, если они могли бы получить акты владения землей". Они ждали три года с тех пор, как были сделаны первые распределения. Трудно заставить их полагать, что требуется столь

долгое время, чтобы подготовить патенты, и они начинают бояться, эти акты им вообще не дадут."

В 1873 виннебаго цитируют в качестве "поразительного примера того, что может быть достигнуто воспитанием и христианизацией индейцев в сравнительно небольшой промежуток времени. Их прекрасный участок земли усеян хорошо построенными домами; фермерам принадлежат их собственные фургоны, лошади, сбруя, мебель; они одеты в цивилизованную одежду, выращивают зерновые культуры - и несколько сотен мужчин виннебаго помогли фермерам в смежных землях во время последнего урожая. Они - эффективные и надежные рабочие."

Зимой 1874 года бродячие индейцы из Висконсина были переселены в резервацию Небраски. Они были недовольны, разжигали неудовлетворенность в племени, и меньше чем через год большая их половина сбежала обратно в Висконсин; поразительный случай различий методов правительства, применяемых к разным группами индейцев. Тридцать понка, сбежавших из индейской, преследовали и арестовали - как будто они были ворами, убегающими с награбленным; но более пятиста виннебаго меньше, чем за один год уходят с их резервации обратно в Висконсин, и на это никак не реагируют.

В 1875 году в резервации в Небраске оставалось только 204 "бродячих индейцев" из Висконсина. Все другие "вернулись в их старые прибежища, и некоторые прилагают искренние усилия, чтобы заботиться о себе, беря землю во владение согласно закона о фермерстве".

О виннебаго в Небраске говорят, что они являются "почти цивилизованными" - мужчины работают собственными руками, и добывают из земли 3\4 своего рациона." Они вырастили в этом году 20 000 бушелей зерна, 5800 бушелей пшеницы, и 6000 бушелей овса и овощей. Они обработали 800 акров новой земли, и построили 3000 оградительных столбов. Почти 1\6 всего племени посещает школы. Система ежегодного избирания руководителей работает хорошо; руководители, в свою очередь, выбирают двенадцать индейцев, которые служат в течение года полицейскими, и они эффективно поддерживают порядок.

Какой прогресс за шесть лет! Шесть лет назад во всей резервации было всего лишь 23 дома и только 300 акров обрабатываемой земли во всей резервации; люди были сбиты в ущельях и долинах, и умирали от болезней и жестких условий.

В 1876 о виннебаго снова сообщают, что они "быстро выходят из состояния зависимости от ежегодных ассигнований. У каждого главы семейства есть патент на 80 акров земли. Многие имеют прекрасные фермы, и полностью поддерживают себя и семьи их собственным трудом. Раздача рационов была прекращена везде, кроме отделению племени в Висконсине и больным и немощным по списку."

Чем этот отчет отличается от отчета о делах любой небольшой сельскохозяйственной деревни в Соединенных Штатах? Большинство людей "полностью поддерживает их семьи собственным трудом;" малочисленное меньшинство ничего не стоящих людей или инвалидов, питаемых милосердием - т.е. питаемых на деньги, инвестированные от продажи земли, на которую у них было право собственности. Везде в Соединенных Штатах, почти каждом штате есть богадельня, в которой можно найти такой класс ничего не стоящих людей и калек; и эти богадельни настолько переполнены и являются столь заметным бременем - ведь поддерживают их на деньги налогоплательщиков государства и штата - что между властями соседних районов происходят бесконечные споры относительно того, кому принадлежат некоторые нищие: поскольку нищие в

цивилизованных богадельнях никогда не являются людьми, для которых "инвестировали" доходы от продажи земли для их выгоды, и проценты будут выплачиваться им "ежегодно и бесконечно." Никому не выгодно сохранять их нищими, или заботиться о них.

Теперь мы находим, как виннебаго еще раз спокойно поселились в удобных домах - как они уже делали раньше собственным примитивным способом в 1822, когда доктор Морс посетил их на берегу их красивого озера; и как они были, после нашей цивилизованной моды, в 1862 году - на здоровых и плодородных нагорьях Миннесоты. В их текущем доме у них, кажется, имеется наконец причина, чувствовать себя в безопасности, ожидать стабильности и постоянства, уверенности и успеха. Их земли были выделены им паями: у каждого главы семьи есть свой акт на восьмидесяти акров. Они, в основном, независимы и поддерживают себя сами.

Как правительство Соединенных Штатов приветствует этот успех, этот героический триумф терпеливых людей, преодолевших приводящие в уныние препятствия и страдания?

В Годовом отчете Министра внутренних дел за 1876 год секретарь говорит: "Для экономики, самая большая экономия могла бы быть сделана, если бы всех индейцев объединили на нескольких резервациях; на чем меньшем количестве резерваций, тем лучше." Он говорит, что на Индейской Территории есть достаточно земли, чтобы дать каждому индейскому мужчине, женщине и ребенку в стране семьдесят пять акров на человека. Он говорит: "Аргументы - все в пользу консолидации." После этого он продолжает перечислять эти аргументы:" Были бы отменены дорогие агентства; за самими индейцами можно было бы более легко следить и ими управлять; злонамеренных людей может было бы легче держать от них на расстоянии, можно было бы предотвратить незаконную торговлю оружием, боеприпасами и виски. Товары можно было бы поставлять с большей экономией; военным было бы легче; индейцев лучше получалось бы образовывать, можно было бы установить среди них дружественную конкуренцию - наиболее цивилизованные ускорили бы продвижения тех, кто ниже их; и большая часть земли, изолированной как запасная, возвратилась бы Государственному управлению и была бы открыта для входа и продажи."

Вот девять причин, приведенных для того, чтобы переселить всех индейцев на Индейскую Территорию. Пять из этих причин якобы указывают на выгоду, получаемую от переселения, для самих индейцев. Другие четыре указывают на выгоду, получаемую правительством; первые три из них - это просто "экономия;" а четвертая является существенной "выгодой "-" большая часть земли, возвратившейся Государственному управлению, была бы открыта для заселения и продажи."

Это перед этой потребностью открытия индейских земель "ко входу и продаже", виннебаго и бегали с 1815 по 1863 год. Кажется, что теперь они не находятся в более безопасном положении. Есть, очевидно, такая же большая причина к выселению их из Небраски, какая и была при перемещении их из Висконсина и Миннесоты.

Секретарь продолжает: "Как только индейцу преподадут труд для его хлеба насущного, и как только он поймет смысл права собственности и результатов его рабочей силы, это будет исключительно в его интересах - оценить, что его рабочая сила расходуется на собственное имущество и для его личной выгоды. * * * Индейцу нужно помочь увидеть практическое преимущество для себя от его работы, и почувствовать, что он пожинает от этого полную выгоду.

Все должно учить его, что у него теперь есть дом - собственный очаг, вокруг которого он сможет собрать свою семью, и в своих владениях быть полностью независимым и в безопасности."

Логическое соотношение этих параграфов к предыдущему - поразительно, а соотношение двух вместе в случае виннебаго - все еще более поразительно.

В том же отчете специальный уполномоченный по делам индейцев говорит: "Если законодательством были бы обеспечены полномочия для президента переселять любое племя или группу, или какую-либо часть племени или группы, всякий раз, когда ему это показалось бы разумным и в любую резервацию, которую он назовет, и если бы Конгресс приспособил для этого из года в год сумму, достаточную, чтобы позволить ему использовать в своих интересах каждую благоприятную возможность к таким переселениям, я уверен, что в следующие несколько лет проб и ошибок окончательно продемонстрировали бы всю выполнимость плана. Я полагаю, что все индейцы в Канзасе, Небраске, и Дакоте, и по крайней мере часть живущих в Вайоминге и Монтане, можно было бы вынудить переселиться на Индейскую территорию."

Он добавляет, "что чувства индейцев, настроенных против такого переселения - верны и справедливы," но он думает, что "с определенной степенью устойчивого давления, можно обеспечить переселение." Конечно можно.

Позже в этом же отчете под параграфом "Распределение по паям," он говорит: "Вопрос возможна ли высокая степень цивилизации без личной собственности на землю - сомнителен. Записи прошлого и опыт настоящего свидетельствуют о том, что земля должна быть безопасно передана человеку со всеми гарантиями, которые закон может разработать, и что ничто меньшее не побудит людей прилагать свои лучшие усилия. Важно то, что каждый человек должен чувствовать, что его дом - его собственность; что у него есть прямой личный интерес в земле, на которой он живет, и что этот интерес будет искренне защищаться правительством для него и для его детей."

Специальный уполномоченный и секретарь, который записал эти ясные заявления столь очевидных истин, и эти красноречивые речи о правах индейцев - оба отлично знали, что сотни индейцев имели земли, "выделенные им" как раз этим способом, и как они работали на этих землях, веря, "что их интерес будет искренне защищен правительством;" и что эти "паи", и "свидетельства" на них оказались ни на что не годными, как только граждане штата объединились в едином "требовании", что индейцы должны быть переселены. Специальный уполномоченный и секретарь знали отлично, что в то время, когда они писали эти параграфы, что в этом племени виннебаго в Небраске, например, "каждый глава семейства владел восьмидесятью акрами земли, находящейся в собственности его семьи," и был поглощен работой на этой земле - трудолюбивый, независимый, пытающийся построить тот "очаг", вокруг которого, как секретарь и говорит, он должен собрать свою семью, и в своем владении быть полностью безопасным и независимым." И все же, секретарь и специальный уполномоченный советуют переместить этого виннебаго на индейскую территорию вместе с остальными: "все индейцы Канзаса, Небраски и Дакоты могут быть сподвигнуты к переселению," - говорят они.

Цитаты из этого сообщения Министерства внутренних дел - это просто очередной экземпляр бархатной и звучной, филантропической и гуманной заботы об индейце, которыми наиболее эффективно скрывались от глаз американского народа железная рука несправедливости и жестокости, которая мертвой хваткой держала его беспомощным в течение ста лет.

В этом же году агент одного из агентств Небраски чувственно пишет:

"Ничто так не задерживало прогресс и благоустройство этого племени как недовольство, причиняемое постоянными продажами их резервации и переселением их племени. * * * Усовершенствование, которое было сделано в этом агентстве за прошлые три года в направлении развития среди индейцев средств к само поддержанию, кажется, вызвало беспокойство и раздражение, вызванные слухами и тревогами вокруг нас от страха, что этот же прогресс в конечном счете привяжет индейцев на их существующей плодородной земле настолько твердо, что их нельзя будет удалить, и таким образом их нужно лишить выгоды от управления продажей их резервации."

Однако, виннебаго продолжают работать - строить здания, школы, и многие из них - из кирпича, сделанного тут же на месте.

В этом году (1876) они перенесли большую несправедливость от прохождения в Конгрессе закона, устанавливающего общую сумму, которая может быть израсходована для оплаты труда служащих в любом агентстве на уровне не больше, чем 10 000$. Это требовало закрытия прекрасного здания, которое они построили за 20 000$ с целью индустриальной школы-интерната.

В отчете за этот год их агент дает резюме о финансовом состоянии племени: "В соответствии с соглашением, объявленным 16-ого июня 1838 года, виннебаго уступили Соединенным Штатам всю их землю к востоку от Миссисипи, с учетом чего они должны были получить 1100000$. Баланс этой суммы, после определенных платежей, нужно было инвестировать для их выгоды, на которую государство Соединенных Штатов гарантированно обязывалось платить им годовой процент не меньше 5%.

"Виннебаго не получают поддержки со стороны правительства, кроме ежегодного процента с того, что осталось от их средств. В 1870 году эта сумма составляла более 50 000$. С тех пор полукровкам, сто шестьдесят человек - членов племени, оставшимся в Миннесоте во время переселения индейцев из этого штата в 1863, в соответствии с положениями акта, выделяются средства на обслуживание индейцев, что одобрено 3 марта 1871 года. Им заплатили часть всех фондов виннебаго, как показано в тогдашних книгах Казначейства, включая сумму в 85 000$, на которые, согласно пункту четвертому соглашение от 13-ого октября 1846, требовалось выплатить еще пять взносов с прибыли. В вычислении этой пропорции общее число людей в племени, которых рассматривали как наделенных правом участвовать в разделе племенных фондов, составляло 1531 человека. Это число включало только виннебаго, расположенных тогда на резервации в Небраске, в дополнение к 160, о которых мы уже упоминали. Этим законом конгресса виннебаго в Небраске, которые включают только та часть племени, которая выполняла условия соглашения и спокойно согласилось с требованиями правительства, была лишена почти 1/8 части полагаемой им поддержки.

"Другие сокращения были позже сделаны для покупки резервации, примыкающей к старой в этом штате, и для переселения на нее блуждающих групп виннебаго в Висконсине. Этих, как предполагалось, было почти одна тысяча человек. Они не привыкли получать какое-либо внимание или признание от правительства, с того времени, как они как племенная организация, отказались с ним сотрудничать. Почти все они возражали против переселения из Висконсина в их новую резервацию в Небраске, и, как естественное следствие, скоро возвратились, будучи

вынужденным так сделать. В настоящее время здесь осталось, вероятно, менее ста человек из всего числа. В течение прошлых трех лет сумма, которая предназначалась виннебаго в Висконсине, если бы они остались на их резервации, составляя всего 48 521$. И эта сумма была заморожена и ожидала закона Конгресса, который ее разблокирует для использования на месте. Уменьшенная таким образом общая сумма, полученная в тот год частью племени, живущей на резервации, была лишь немного больше, чем половина от того, что выплачивалось семь лет назад. Само собой разумеется, что они были очень недовольны этим фактом, и что когда они заговаривают об этом предмете, у меня появляются некоторые трудности в удовлетворении их требований из-за правительственной политики в урегулировании обособленных фондов (которые должны быть израсходованы в некоторое будущее время) в пользу определенных людей, которые не уходят с территории их резервации. В то время как другие, которые отсутствуют на территории всего несколько месяцев, лишаются всех преимуществ - поставок товаров и платежей - которые, возможно, были сделаны вовремя их отсутствия."

Этот случай - хорошая иллюстрация того как работают отношения опеки между правительством Соединенных Штатов и опекаемыми им людьми.

В 1877 мы находим, что министр внутренних дел, все еще рекомендует, чтобы индейцев "постепенно собрали вместе на одной небольшой резервации". Он аргументирует это тем, что "для их цивилизации таким образом будут предоставлены большие средства." Он повторяет, что "удовольствие и гордость от личного владения собственностью - это один из самых эффективных инструментов воспитания," и он рекомендует, чтобы "на всей территории резервации были произведены распределения маленьких участков земли всем главам семей - отдельно по паям, при условии надлежащих ограничений - так, чтобы они смогли построить на них постоянные дома."

Специальный уполномоченный также рекомендует "устойчивую концентрацию меньших групп индейцев на большой резервации." Он снова привлекает внимание к тому факту, что на Индейской территории есть 58 000 квадратных миль, "отдельно выделенных для использования индейцами"; и что там их можно кормить и одевать за гораздо меньший счет; и, что даже лучше, их можно сохранить в повиновении и преподать им как стать цивилизованными и независимыми."

В 1878 специальный уполномоченный по делам индейцев сообщает, что был составлен законопроект, "предусматривающий переселение и консолидацию определенных племен индейцев в штатах Орегон, Колорадо, Айова, Канзас, Небраска, Висконсин, Миннесота, и территорий Вашингтона и Дакоты. * * * Таким образом будет достигнуто сокращение двадцати пяти резерваций и одиннадцати агентств. * * * В общественное владение вернется 17 642 455 акров земли." Он говорит, что "дальнейшие консолидации подобного характера не только возможны, но - целесообразны и желательны, так как на Индейской Территории не занята еще обширная область земли."

С той же самой смехотворной, самонадеянной логикой, как и прежде, он продолжает давать причины искоренения всех этих индейцев из домов, где они только начинают процветать и пускать корни, и перемещать их снова - в третий, четвертый, пятый, шестой, или седьмой раз. Факт, что "одним из самых радикальных дефектов политики, прежде применяемой к индейцам, были частые насильственные изменения в их местоположении. * * * Постоянные дома, достаточная помощь, чтобы позволить им построить здания, обрабатывать почву и поддержание

их до того момента, пока они не соберут свой первый урожай, полностью отучит их от старых методов жизни, и за несколько лет позволит им стать полностью независимыми. * * * Среди более насильственных аргументов, которые могут быть представлены в связи с этим предметом, присутствует тот факт, что расходы, потраченные на удаление и консолидацию индейцев, как здесь предложено, будут более чем покрыты продажей освобожденных земель. * * * Большая часть земли, которая теперь принадлежит этим индейцам, ценна только благодаря ее древесине, и может быть продана в оцениваемой ценности за сумму далеко сверх цены, установленной законом, и всё равно оставить большую возможность для получения прибыли тому покупателю, в руки которого попадут эти земли. * * * Я не вижу причин, почему правительство не должно воспользоваться этими фактами, и в осуществлении консолидации индейцев, и открытии земель для поселения, не продать их за сумму, достаточную для поддержания индейцев на их новом местоположениях, без каких-либо трат от Казначейства в будущем. * * * Земли принадлежат индейцам, и они ясно наделяются правом получить полную их стоимость, когда эти земли продадут."

В этом предложении мы достигаем высшей точки софистики и непорядочности позиции правительства. "Земли принадлежат индейцам," но мы заставим их "вернуть их в общественное владение" (т. е. - отдать белым поселенцам) 17 642 455 акров. Индейцы "наделяются правом получить полную стоимость этих земель, когда их продадут," но мы заставим их израсходовать эту "полную стоимость" на переселение их к месту, куда они не хотят идти, открывая новые земли, строя новые здания, покупая новую утварь, орудия туда, мебель и запасы, и вообще - обживаясь на новом месте "без каких-либо трат со стороны казначейства Соединенных Штатов", и Министерство внутренних дел "не может увидеть причину, почему правительство должно отворачиваться от этих фактов."

Все это предлагается в целях выгоды индейцев. В отчете продолжается повторение той же старой истории, что у индейцев должно быть "абсолютное право на их земли;" что они начали чувствовать, что их в любое время могут переселить - "всякий раз, когда давление белых поселенцев на них может создать спрос на их земли," и что они "отказываются делать любые усовершенствования на своих землях, даже после того, как земли были распределены по паям - пока они не получат акты на владение этой землей," и что даже "после выдачи им актов на владение землей, окружающие их трудности не прекращаются." Конечно! Потому что, как мы видели, прошло всего несколько лет с тех пор, как каждый глава семейства среди этих виннебаго, получил патент на свои восемьдесят акров земли, и чье "переселение" теперь рекомендует специальный уполномоченный.

Наконец, специальный уполномоченный говорит: "Каждое средство, законное или незаконное, которое может разработать человеческая изобретательность, направлено на цель завладения индейскими землями." По поводу этого, кажется, после чтения вышеупомянутых цитат, у любого умного человека не возникнет сомнений.

Не удивительно, что когда новости о подобных схемах достигают индейцев в их резервации, в результате появляются большая тревога и недовольство. Мы находим в отчетах агентств Небраски за этот год безошибочные признаки уныния и беспокойства. Виннебаго очень стремятся получить статус граждан. Большинство выступает "за" это, если правительство примет определенные меры, которые они считают необходимыми - для защиты их собственности."

Они имели перед глазами поразительный пример неудобства того, чтобы они не были гражданами в случае безнаказанного убийства белым одного из их людей. Это история передана агентом кратко и хорошо, и является одним из известных инцидентов в истории отношений между правительством Соединенных Штатов и опекаемыми им людьми.

"Генри Харрис, индеец виннебаго, в хорошем положении, трудолюбивый человек и успешный фермер, был нанят Джозефом Смитом, белым, чтобы рубить лес на земле Смита в округе Дакота, на небольшом расстоянии к северу от резервации. Когда Харрис 29 января прошлого года работал один в лесу, ему прострелили сердце винтовочной пулей. Я доставил его труп на исследование патологоанатомом, и он, и следствие, проведенное перед тем одним из следователей графства, показали к удовлетворению жюри, которое сразу и вынесло вердикт, что индеец умер от руки некого Д. Бэлински, который много лет вел жизнь отшельника на участке земли, примыкающем к резервации. Бэлински угрожал жизни Харриса за несколько месяцев до этого, когда они ссорились об убытках за зерно, потоптанное лошадью Бэлински. В то время на земле во время убийства выпал снег, и по следам, Бэлински проследили от дома до места, где он под прикрытием сделал выстрел; и его мешочек с пулями, в котором лежал отлитый шарик такого же веса, как и изъятый из тела индейца, был найден неподалеку и идентифицирован. Несмотря на это прямое доказательство, которое было представлено жюри округа Дакота, оно не пожелало утвердить обвинительный акт; по причине того, как я понимаю, что был убит всего лишь индеец, и что непопулярно создавать прецедент, тратиться и доводить дело до суда. Это - еще одна, очередная иллюстрация трудности наказания белого за преступление, совершенное против индейца. Едва ли следует говорить, что индейцы, сравнивая это убийство с убийством белого, совершенным восемь лет назад пятью их молодыми людьми - которых при менее прямых доказательствах приговорили к пожизненному заключению в тюрьме строгого режима - поражаются столь заметными различиями в применении того же самого закона к белым, и - к индейцам.

Отчет от агентства виннебаго за 1879 рассказывает историю продолжения этого безнаказанного убийства Генри Харриса. Агент говорит:" В моем последнем отчете я упомянул убийство одного из наших лучших индейских фермеров белым, который был позже арестован и освобожден без суда, хотя не было никаких сомнений относительно его вины. Как продолжение к этому, один белый, как известно, был убит в прошлом мае племянником убитого индейца - Холли Скотт; и другой белый, как предполагается, был убит Эдди Пристом и Томасом Уокером - двумя молодыми индейцами, которые уехали в Висконсин. Убитые белые временно остановились на привал с индейцами. Холли Скотт был арестован индейской полицией, и передан властям округа Дакота для суда. Законодательное собрания штата на его последней сессии расширило юрисдикцию этого графства на территорию этой резервации - на основании чего, правда, я не знаю.

"Эффект этих убийств расстроил индейцев настолько, что почти вся промышленность, приостановилась на несколько недель. Они боялись, что белые люди поступят, как они сделали в Миннесоте в 1862 году после резни сиу, когда виннебаго выселили из их домов в Миннесоте. * * * Много наших самых тихих и трудолюбивых мужчин встревожились и переместили свои семьи в Висконсин, поощренные при этом надеждой на получение от правительства части средств, которые были отделены от ежегодных ассигнований в течение прошлых четырех лет в пользу виннебаго в Висконсине, и которые, по их мнению, уже накопились в большую сумму и их скоро начнут выплачивать наличными."

Это приводит историю виннебаго к настоящему времени. Что поведает следующая глава их жизни - об этом думать печально. Те, кто знакомы с индейцами Небраски, говорят, что, хотя они и цивилизованные, они все начнут вести войну на ножах, если правительством будет предпринята попытка отнять у них их существующие земли опять под предлогом предоставления им "постоянного дома." Эта отговорка уже сделала хорошо послужила Соединенным Штатам. Теперь ни один индеец не будет настолько ненормальным, чтобы поверить ей еще раз.

Оказались ли бы "акты на землю" виннебаго в Небраске, в таком случае, немного более сильными, чем их "свидетельства" в Миннесоте, и примкнули бы виннебаго - хотя и миролюбивые и цивилизованные - к правительству Соединенных Штатов, или к их обиженным и отчаянным братьям, с случае такого восстания, нам трудно сказать.

ГЛАВА VIII

ЧЕРОКИ.

Чероки - это восточные горцы Америки. Их страна простиралась вдоль реки Теннесси, в горной местности Джорджии, Каролины и Алабамы - самая прекрасная область к востоку от реки Миссисипи. Красивая и великая, с высокими горами и богатыми долинами, ароматными цветами, лесами с магнолиями и соснами, заполненная пением птиц и мелодией ручьев, богатая фруктами, орехами и дикими зернами, это была страна, достойная любви, достойная борьбы, достойная смерти на нее, как это и делали тысячи влюбленных в нее - боролись и умирали - белые и красные, в течение последней сотни лет.

Когда Оглеторп пришел с его грузом вина мадеры и почтенными нищими из Англии в 1733 году, и жил посреди зимы в палатках на берегах реки Саванна, одно из первых условий безопасности для его колоссальной богадельни в форме новой колонии, было то, что все индейцы в регионе должны стать ее друзьями и союзниками.

Репутация его добра и благосклонности скоро проникла сквозь стены их домов, и, племя за племенем, индейцы посылали вождей и глав племен, чтобы приветствовать его подарками и добрым словом. Когда появился вождь чероки, Оглеторп сказал ему: "Ничего не бойся. Говори свободно." - "Я всегда говорю свободно," ответил горец. "И почему я должен бояться? Я теперь среди друзей, я никогда не поддавался страху даже среди моих врагов."

Основное намерение английских опекунов, которые создали колонию в Джорджии, состояло в том, чтобы предоставить дом достойным людям в Англии, которые попали "в трудные обстоятельства."

Среди других великих целей, которые они также признали, было "окультуривание дикарей." В одном из первых отчетов Оглеторпа своим опекунам, он говорит: "Небольшая индейская нация - единственная в пределах пятидесяти миль - не только дружелюбна, но и жаждет перейти под опеку его Величества Короля Джорджа; иметь земли, данные им среди нас, воспитывать их детей в наших школах. Их вождь и его близкий человек, который является вторым человеком в стране, желают познать христианскую религию."

В следующем году он возвратился в Англию, взяв с собой восемь индейских вождей, чтобы показать им "так много страны Великобритании и ее учреждений, что позволило бы им судье о ее власти и достоинстве". "Ничем не будем пренебрегать," - говорят нам, - "и это, вероятно, пробудит в них любопытство или произведет на них впечатление мощи и великолепия страны." Они были приняты Архиепископом Кентерберийским, и Братством Итона, и в течение четырех месяцев были гостеприимно развлекаемы; им показали все крупные достопримечательности Лондона и его окрестностей.

Их племена дома были очень удовлетворены этим вниманием, обращенными на их представителей, и послали опекунам очень любопытное официальное письмо, выражая благодарность и их привязанность генералу Оглеторпу. Это письмо было написано молодым вождем чероки. Оно было написано черными и красными иероглифами на украшенной коже буйвола. Прежде, чем это послали в Англию, оно было показано в Саванне, и значение иероглифов было переведено переводчиком на великом собрании пятидесяти индейских вождей и всех важных людей Саванны. Позже этот любопытный документ был обрамлен и повешен в офисе Джорджии в Вестминстере.

Когда миссионеры Уэсли прибыли в Джорджию два года спустя некоторые из вождей, которые совершали этот визит в Англию, пошли встречать их, неся большие фляги меда и молока в качестве подарков, и чтобы "проявить благосклонные намерения;" и один из руководителей сказал г-ну Уэсли: "Я рад, что Вы прибыли. Когда я был в Англии, то желал, чтобы кто-то преподал мне Божье слово. Я встану поговорю с мудрецами нашей страны, и я надеюсь, что они услышат меня. Но мы не перейдем в христианство так, как испанцы переводят в христианство; мы хотим, чтобы нас сперва обучили прежде, чем окрестят."

В те ранние годы Уэсли был нетерпимым и неразумным энтузиастом. Его миссионерская работа в колонии Джорджия была совсем не успешной в начале - как среди белых, так и среди индейцев - и было вполне достаточное оправдание ответа, который этот же индейский вождь дал позже, когда его убеждали принять доктрины христианства.

"Дак ведь христиане в Саванне есть, и во Фредерике. Христиане напиваются пьяными! Христиане бьют людей! Христиане говорят неправду! Я - не христианин!" В другом случае Уэсли спросил его, для чего, по его мнению, он был произведен на свет. "Тот, кто находится выше," - отвечал вождь, - "знает для чего он нас сделал. Мы ничего не знаем; мы в темноте; но белые люди знают очень много. И все же, белые строят большие здания, как будто они собираются жить вечно. Но белые не могут жить вечно. Через совсем небольшое количество времени белые будут таким же прахом, как и я."

В течение двадцати лет колония Оглеторпа продолжала бороться, испытывая большие трудности и уныния: войны с Францией и с Испанией; утомительные ссоры среди методистских миссионеров - все это объединилось, чтобы сделать положение Оглеторпа трудным. Снова и снова Англия теряла бы колонию за колонией, если бы не непоколебимая верность индейских союзников; они собирались сотнями, чтобы бороться за Оглеторпа. В одной экспедиции до границы, четыреста криков и шестьсот чероки собрались в один день на срочный призыв о помощи, который индейские лазутчики доставили в их города. Его индейские друзья были единственными друзьями, которые были у Оглеторпа, которые поддерживали его несмотря ни на что: ничто не могло поколебать их преданность.

"Он беден; он ничего не может Вам дать," - говорили испанцы Св. Августина вождю криков в это время, - "для вас - глупо - за него бороться." И они показали индейцу прекрасный шелковый костюм и саблю, которые они собирались подарить вождю индейцев теннесси, который стал их союзником.

Но крик ответил:" Мы любим его. Это верно, он не дает нам серебра; но он дает нам все, что мы попросим из того, что он имеет. Он снял с себя плащ и дал мне, и дал свое собственное одеяло."

Наконец опекуны колонии Джорджии потеряли терпение: на очень горьком опыте они узнали, что нищие, хоть и достойные, не являются хорошим материалом, чтобы создавать новые предприятия. За восемнадцать лет колония ни разу не была самоокупаема и не добыла средства для полностью собственного пропитания: обработанные фермы приходили в упадок; эта местность быстро ухудшалась во всех отношениях. Нечестные торговцы вмешивались и раздражали индейцев, так что в их дружелюбие нельзя больше было слепо верить. За все то, что пошло не так как надо, считалась ответственной Английская Компания, и, вероятно, не было более счастливых людей во всей Англии 20-ого июня 1752 года, чем опекуны Джорджии, которые в тот день формально прекратили финансирование и умыли руки в делах колонии навсегда.

Эта область была теперь сформирована в королевское правительство, и очень скоро стала местом ужасных индейских войн. Новые власти, не старались понять, и не оставались верны индейцам: их старый друг Оглеторп оставил их навсегда, и те же самые сцены предательства и резни, которые происходили на севере, начали повторяться с отвратительной схожестью на юге. Индейцы воевали с индейцами - сегодня союзники с французами, завтра - с англичанами; заключались соглашения, и нарушались сразу же после заключения; нигде не было мира и безопасности.

Наконец, в 1763 году, был заключен договор с вождями и главами пяти племен. Этот договор обещал возможность лучшего. Чероки и крики предоставляли королю Англии большую полосу земли, их долги погашались за счет суммы, заплаченной за эти земли. И это соглашение соблюдалось неукоснительно и искренне в течение нескольких лет, пока мир снова не был разрушен, на сей раз - без вины индейцев, из-за восстания американских колоний против Великобритании. Английские лоялисты в Джорджии теперь пользовались старой привычкой индейцев к преданности Короне. Один из их ведущих агентов взял женщину чероки в качестве любовницы, посадил ее во главе стола, дал ей самое богатое платье и экипаж, которые только были возможны в этой местности, и распределял через ее щедрые подарки всем индейцам, до которых он мог дотянуться. Когда фактически вспыхнула война, сбежал с нею под защиту страны чероки, где он манипулировал их сознанием как хотел. Попытки схватить его были отбиты чероки с чрезвычайной свирепостью. Пленники, взятые ими в это время, были замучены с большой жестокостью; один случай описан в дневнике, сохраненном другим заключенным, который сумел сбежать живым - мальчика приблизительно двенадцать лет привязали к двум шестам и подняли на метр над землей. "Способ причинения пытки был следующий: легкие деревянные щепки приблизительно 50 см длиной заостряли с одной стороны, ломали с другой так, чтобы если щепку поджечь, она не тухла он броска. После того, как это оружие смерти было подготовлено, и был принесен огонь, чтобы поджигать щепки, началась сцена ужаса. Считалось проявлением ловкости и сопровождалось криками аплодисментов, когда индеец бросал один из этих факелов так, чтобы острый конец вонзился в тело страдающего юнца, и факел при этом не погас. Пытка продолжалась в течение двух часов, прежде чем невинная жертва была освобождена смертью."

Это отвратительные детали, и они без сомнения будут инстинктивно отмечены большинством читателей как доказательство врожденной жестокости, специфической для индейской расы. Позвольте же нам сопоставить бок о бок с ними отчеты действий белых людей (британских чиновников) и заключенных белых ("мятежников") во время этой же войны.

В тюрьмах индейцев морили голодом, пока те не умирали по 5-6 человек в день, затем их трупы бросали в ближайшее болото в грязь, откуда они были скоро вымывались потоками и другие заключенные могли видеть на мелководье останки своих погибших товарищей, поклеванные воронами!" Кроме того, как было известно, белые британские офицеры тогда делали тиски из замков мушкетов, и мучили женщин Джорджии - жен "мятежников", чтобы вынудить их показать места, где скрывались их мужья. Врожденная жестокость - это не исключительно индейская черта.

Чероки перенесли самые худшие моменты, борясь на британской стороне во время Революции. Снова и снова их города сжигали, зимние запасы разрушали и целые группы обрекали на голод. Однажды, когда они были сильно зажаты американскими войсками, чероки послали крикам сообщение о помощи; но проницательные крики ответили:" Вы вынули колючки из наших ног; боритесь с ними сами." Крики, оказывавшие только ограниченную помощь британцам, пострадали менее сильно. То, что хоть кто-то из индейцев присоединился к "повстанцам" кажется замечательным, поскольку у них не было очевидной пользы от такого присоединения ко в течение долгого времени проигрывающей стороне. В течение трех с половиной лет Саванна была во владении британцев, и снова и снова они имели контроль над всем штатом. И чтобы показать, что у них не было никакого раскаяния о подстрекательстве индейцев к резне, они оставили много письменных отчетов - такой, например, как этот, который находится в письме, написанном генералом Гагом из Бостона в июне 1775: "Мы не должны стесняться обращаться с просьбой к дикарям нападать на американцев."

Первые дипломатические отношения правительства Соединенных Штатов с чероки были в процессе создания соглашения в Хоупвелле в 1785. На совете в Хоупвелле специальные уполномоченные Соединенных Штатов сказали: "Конгресс - это теперь управляющий орган всей нашей страны, на которую мы сейчас указываем Вам на карте. Ему не нужна ни пядь вашей земли, ни что-либо еще, что принадлежит вам; и чтобы выказать всю серьезность его отношения к вам, мы предлагаем вступить с нами в соглашение на абсолютно равных правах, полностью соответствующих тому, о чем мы сейчас вам говорим. * * * Этот гуманный и щедрый акт Соединенных Штатов будет без сомнения принят вами с радостью, и запомнится на долго; и это несмотря на то, что многие из ваших молодых людей, и значительное количество ваших воинов во время последней войны были нашими врагами, и помогали королю Великобритании в его усилиях завоевывать нашу страну."

Руководители горько жаловались на вторжения белых поселенцев на земли, которые, в соответствии со старыми соглашениями, были отчетливо сохранены для чероки. Они требовали, чтобы некоторых из этих поселенцев переселили; и когда специальные уполномоченные сказали, что поселенцев слишком много, чтобы правительство могло их переселить, один из руководителей спросил насмешливо: "Конгресс, который победил короля Великобритании, неспособен переселить этих людей?"

Наконец, вожди согласились принять оплату за отнятые земли. Были установлены новые границы и было создано общее настроение доброжелательности и уверенности. Одной достойной

внимания особенностью на этом совете была речь индейской женщины, названной "воительницей из Чота."

- "Chota был городом-убежищем чероки. Все убийцы были в безопасности, пока они жили в Чота. Даже англичане не сочли ниже своего достоинства воспользоваться этим убежищем; один английский торговец, убивший индейца, сбежал и жил там в течение многих месяцев, хотя его собственный дом был совсем недалеко. Через некоторое время он решил вернуться домой, но главы племени уверили его, что хотя он и был в полной безопасности, его, конечно, убьют, если он покинет город."

Вождь, который привел эту "воительницу" на совет, представил ее как "одну из наших любимых женщин, которая родила и воспитала воинов." Она продолжила свою речь: "Я рада слышать, что сейчас господствует мир, и я надеюсь, что теперь вы искренне протянули нам руку дружбы. У меня есть трубка и немного табака, чтобы раскурить вместе со специальными уполномоченными во имя дружбы. Я считаю и белых, и красных людей своими детьми. То, что мы заключили, мне - очень приятно, поскольку я видела много проблем и страданий во время последней войны. Я - старая, но надеюсь все же родить детей, которые вырастут, как и вся наша нация, под защитой Конгресса, и не будет никаких волнений."

Краткое резюме событий, которые последовали за переговорами по поводу этого соглашения, может быть лучше всего передано в словах отчета, сделанного секретарем войны для президента четыре года спустя. В июле 1789 генерал Нокс пишет о чероки следующим образом: "Эта нация индейцев, состоящая из отдельных городов или деревень, живет преимущественно на истоках Теннесси, которые вливаются в Огайо. Их охотничьи угодья простираются от реки Камберленд вдоль границ Вирджинии, Северной и Южной Каролины, и части Джорджии.

"Частые войны, которые они имели с пограничными людьми упомянутых штатов, сейчас значительно уменьшились. Специальные уполномоченные насчитали у них в ноябре 1785 года 2000 воинов, но они в 1787 насчитали уже 2650; и все же, вероятно, что их количество уменьшилось с тех пор от военных конфликтов.

"Соединенные Штаты заключили договор с чероки в Хоупвелле, на реке Кеови 28-ого ноября 1785, который вошел в печатные журналы Конгресса 17-ого апреля 1786 года. Переговоры специальных уполномоченных со стороны Соединенных Штатов оттуда изъяты и помечены как "A". По бумагам, отмеченным как "B" их агентом, можно отметить что штат Северная Каролина выступил против упомянутого соглашения, как нарушающего законодательные права этого штата.

"Множеством доказательств, которые были представлены последнему Конгрессу было доказано, что упомянутое соглашение было полностью игнорировано белыми людьми, населяющими границы. Слушания Конгресса 1-го сентября 1788 года и указ, который они тогда выпустили по поводу этого вопроса, показывают их отношение ко многим неспровоцированных произволам, сделанным против чероки.

"Информация, содержащаяся в бумагах, отмеченных как "C", от полковника Джозефа Мартина, покойного агента чероки, и Ричарда Винна, эсквайра, еще более проявляет прискорбную ситуацию чероки обязательства Соединенных Штатов доказать их веру, правосудие, и национальное достоинство.

"Письмо от 1-ого марта г-на Винна, покойного руководителя региона, сообщает, что соглашение с чероки будет проводиться в третий понедельник мая в Аппер Варфорд на Френч Боард Ривер. Но нужно заметить, что время, в течение которого и он, и Полковник Джозеф Мартин, были избраны как агенты чероки и чикасава - истекло, и поэтому они не уполномочены действовать со стороны Союза. Если специальные уполномоченные, назначенные Северной Каролиной, Южной Каролиной и Джорджией на основании решения Конгресса от 26-ого октября 1787, посетят упомянутое соглашение, вслед за этим можно скоро ожидать их слушания. Но так, как часть чероки нашли убежище на землях криков, то очень вероятно, что они будут находиться под тем же руководством; но поскольку факт нарушения соглашения нельзя оспорить, и поскольку у специальных уполномоченных нет права переселить чероки внутри границ, установленных в 1785, то даже если это соглашение будет проведено, как заявлено г-ном Винном, результат вряд ли будет удовлетворительным.

Это - подведение итогов ситуации. Детали можно найти в обширных томах ранней истории Теннесси, Северной и Южной Каролины и Джорджии - все под заглавием "Индейские злодеяния." Очень немногим, кто прочитал эти отчеты, приходит в голову, что индейцы, которые совершали эти "злодеяния" - просто изгоняли силой, и из-за конфликтов, случающихся в результате этого насильственного выселения, убивали людей, которые узурпировали и украли их земли - земли, которые правительство Соединенных Штатов уступило им в торжественном соглашении. Статья пятая этого соглашения была следующая:

"Если какой-либо гражданин Соединенных Штатов или другой человек, не будучи индейцем, попытается обосноваться на какой-либо из земель на запад или на юг от упомянутых границ, которые тем самым выделяются индейцам для их охотничьих угодий, или если уже обосновывавшийся человек не переселится с указанных территорий в течение шести месяцев после ратификации этого соглашения, такой человек должен утратить защиту Соединенных Штатов, и индейцы могут наказать его или не наказывать так, как им захочется."

Очевидно, что необходимо вернуться ко дням самый первых соглашений с нашими, чтобы быть способными необходимым справедливым суждением об их поведении к белым. Что сделало бы сообщество белых людей, расположенное точно также, как эти чероки? Что сделали бы сами южные колонисты с испанцами, которые вторгались на их земли? Боролись бы с ними; убивали бы их; жгли бы их дома и гнали бы их в море.

В более позднем отчете президенту за тот же год секретарь говорит: "Позорное нарушение соглашения относительно Хоупвелла с чероки требует серьезного внимания Конгресса. Если столь прямое и явное презрение к власти Соединенных Штатов позволить переносить безнаказанно, то можно даже и не пытаться расширять зону влияния правительства к границам нашего государства. У индейских племен не может быть никакой веры в такие ненормальные обещания, и беззаконные белые просто высмеют правительство, которое только на бумаге заключает делать индейские соглашения и регулирует индейские границы."

Президент после этих слов обратился к Сенату и спросил его совета. Он резюмировал факты, как установлено дальше генералом Ноксом, "что более 500 семей обосновались на землях чероки," и спросил:

"1) Можно ли провести решение Сената и договориться с чероки установить новую границу, чтобы охватить поселения, построенные белыми людьми со времени соглашения в Хоупвелле в ноябре 1785?

"2) Если да, можно ли выделить чероки ежегодную сумму компенсации, или валовую компенсацию за земли, от которых они должны отказаться, и можно ли сделать незаконных оккупантов этой земли ответственными перед Соединенными Штатами на стоимость этой земли?

"3) Должны ли Соединенные Штаты торжественно предусмотреть гарантии нерушимости новой границы, которая может быть установлена?"

Сенат вслед за этим решил, что президент, по его усмотрению, должен заставить соглашение Хоупвелла быть выполненным, или сделать новое; но в случае, если будет сделано новое, "Сенат советует соглашаться и торжественно гарантировать то же самое."

Соответственно, в июле 1791 года было заключено новое соглашение - соглашение при Холстоне. С чероки договорились о новых границах, пообещали племени сумму компенсации 1000$ в год за оставленные земли.

В соответствии со статьей седьмой этого соглашения Соединенные Штаты "торжественно гарантируют нации чероки право на все их земли, которые они не уступают белым; восьмая статья повторяет старое разрешение, что, если какой-либо гражданин Соединенных Штатов или другой человек (не индеец) поселится на землях чероки, то чероки могут наказать его, как им нравится. Девятая статья говорит, что никакой гражданин или житель Соединенных Штатов не должны охотиться или убивать дичь на землях чероки, не должны входить на земли чероки без паспорта от губернатора или другого доверенного лица.

В следующем году чероки послали группу в Филадельфию, чтобы попросить увеличения их ренты на 500$. Один из вождей сказал, что он и прежде говорил губернатору Бланту год назад, что он не соглашается на продажу земель за 1000$ в год. "На эту сумму не купить даже ткани, чтобы прикрыть зад каждому члену нашей нации," - что буквально было правдой.

Сенат согласился на эту дополнительную ренту, и вожди сказали, что они этим "отлично удовлетворены." Но они молили о плугах, мотыгах, рогатом скоте и т.д., которые также обещались в соглашении. Они сказали: "Дичи все меньше. Мы должны посадить зерно и разводить рогатый скот, и мы хотим, чтобы вы помогли нам."

В 1794 было необходимо было сделать другое соглашение, в основном, чтобы объявить, что соглашение при Холстоне "действует в полную силу." "Его не полностью выполняли только лишь по причине недоразумений," - было сказано. Это было очень верно; белые поселенцы шли туда, куда хотели, как будто границ не существовало; чероки убивали их на месте - в соответствии с соглашением им это явно позволялось. Белые приняли ответные меры и спровоцировали нападения на дружелюбных индейцев, и индейцы снова приняли ответные меры. Раздраженные индейцы просили Конгресс защитить их, и еще более раздраженные белые тоже требовали Конгресс защищать их. Секретарь войны в отчаянии пишет, что "желание слишком многих белых людей, живущих у границ, захватить силой или обманом соседние индейские земли, продолжает быть причиной непрерывной ревности и ненависти со стороны индейцев; и кажется, что пока индейцы не будут успокоены и не смогут с уверенностью положиться на защиту их земель

Соединенными Штатами, нельзя даже и думать о какой-либо обоснованной надежде на спокойствие."

Таким вот постыдным способом - несправедливым одинаково и к белым, и к индейцам, дела продолжались в течение нескольких лет, пока в 1801 не стало абсолютно необходимо иметь точное понимание границ и авторитетное соблюдение прав с обеих сторон; соответственно, президент послал специальных уполномоченных, "чтобы получить согласие чероки" - на новые гранты на земли и учреждение границ. Инструкции, данные этим специальным уполномоченным, замечательны тем, что в них постоянно повторяются утверждения по поводу несомненного права индейцев поступать так, как им нравится, уступая эти земли. Следующие фразы: "Если индейцы откажутся уступить Соединенным Штатам любой из вышеупомянутых участков земли," и "убедите их уступить земли," и "попытайтесь обеспечить согласие индейцев" доказывают полноту признания, которую правительство Соединенных Штатов давало тогда "праву индейцев на занятие территорий;" а также - понимания со стороны правительства, что эти индейские нации были силой, чью доброжелательность важно снискать. В инструкциях говорилось: "Важно убедить индейские нации в общем, чтобы у них появилась уверенность, что они всегда могут положиться на дружбу Соединенных Штатов, и что президент никогда не оставит их или их детей."; и "На вас возлагается ответственность - донести желания правительства таким образом, который позволит вам отказаться от них, если вы найдете, что индейцы воспринимают их плохо, не давая при этом индейцам возможности ответить с решительным отрицанием, или вызвать в них недружелюбное расположение. Вы не будете заявлять ни одно утверждение в тоне требований, но, прежде всего, просто упомянете их как суждения, которые вы уполномочены донести, и согласие с которыми правительство рассмотрело бы как новые свидетельства их дружбы."

Однако, чероки действительно отвечали с "решительным отрицанием." Они абсолютно отказались уступить еще больше земли, отказались дать их согласие на открытие большего количества дорог через их территорию. Но потребовалось только четыре года, чтобы довести их до такого состояния, что они были готовы согласиться с пожеланиями правительства, и еще раз приложить усилия, чтобы обеспечить себе не проблемную территорию, отдав несколько больших полос земли и право проезда на нескольких дорогах. В 1805 они заключили другой договор, уступая территорию, за которую Соединенные Штаты посчитали разумным заплатить немедленно 15 000$, и назначить ренту в 3000$.

Десять лет спустя (в 1816) они отдали все свои земли в Южной Каролине, и Соединенные Штаты стали гарантом того, что Южная Каролина должна заплатить им 5000$. Осенью того же года они сделали еще другую уступку земель правительству Соединенных Штатов, за которые им должна была быть назначена рента 6000$ в год в течение десяти лет, и 5000$ в качестве компенсации за проделанные ими усовершенствования на земле.

В 1817 был заключен важный договор, по которому делались дальнейшие уступки земель, и определялось положение части страны чероки, которая переехала с разрешения президента к реке Арканзас в 1809 году. Восьмая статья этого соглашения обещает, что Соединенные Штаты дадут каждому главе индейской семьи, проживающей на восточной части Миссисипи и желающей стать гражданами, "резервацию в 640 акров земли, на которой у них будет имущество в пожизненном пользовании с возвращением платы их детям."

Разве можно было представить, что меньше чем через двадцать лет руководители этой нации чероки будут жалобно умолять, чтобы им позволили без проблем остаться на этих самых землях? Во всей истории деловых отношений нашего правительства с индейскими племенами нет столь черного отчета, как этот отчет вероломства по отношению к чероки. В отдаленном будущем настанет время, когда студенту американской истории это будет казаться почти невероятным. С начала столетия они устойчиво продвигались в направлении цивилизации. Еще в 1800 они начали производство хлопчатобумажной ткани, а в 1820 в той части страны едва можно было найти семью, живущую к востоку от Миссисипи, которая не была бы знакома с прялкой. У каждой семьи была своя ферма. Территория была разделена на районы, с муниципальным домом, судьей и маршалом в каждом районе. Национальный комитет и совет были высшей властью в стране. Школы процветали во всех деревнях. Работали печатные прессы.

Их территория была более крупной, чем три штата - Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут вместе взятые. Она охватывала северо-западную часть Джорджии, северо-восток Алабамы, угол Теннесси и Северной Каролины. Они были восторженны в своих усилиях установить и усовершенствовать собственную систему юриспруденции. Миссии нескольких сект были установлены в их стране, и большое количество индейцев приняло христианство, и жило образцовой жизнью.

Во всей истории нет подобного случая расы людей, проходящих за столь короткий промежуток времени от варварской стадии до сельскохозяйственной и цивилизованной. И именно подобное сообщество штат Джорджия по своевольному произволу сделал преступниками! - проведя закон от 19 декабря 1829 года, "чтобы аннулировать все законы и постановления, сделанные нацией индейцев чероки;" объявляя "все законы, постановления, приказы и инструкции любого вида - сделанные, прошедшие, или предписуемые индейцами чероки как в генеральном совете, или вообще любым другим способом, выпущенные любой властью, как не имеющие законной силы, и недействительные, как будто их никогда не существовало; также то, что никакого индейца, или потомка любого индейца, проживающего в нации криков и чероки, нельзя считать компетентным свидетелем в любом суде этого штата, где одной из сторон может быть белый человек."

Что же так изменило отношение Джорджии к индейцам в пределах ее границ? Тот простой факт, что индейцы, находя себя со всех сторон окруженными все разрастающимся белым населением, приняли жесткую позицию, что они не будут больше отдавать свои земли. Пока они уступали и уступали, отдавали землю участок за участком, и у них оставались еще миллионы акров, которые можно было бы уступить и передать, эгоизм белых не поднимал тревоги; но в случае объединения в империю, с нерушимыми и неотделимыми границами, сильную, признанную и целеустремленную, нация чероки была бы занозой в теле белых соседей. Гибель чероки была запечатана в тот день, когда они раз и навсегда официально как нация объявили, что они больше не продадут ни пяди земли. Это они сделали в интересном и патетичном сообщении к Сенату Соединенных Штатов в 1822 году.

Джорджия через ее губернатора и делегатов в Конгрессе постоянно требовала заставить чероки отдать свои земли. Она настаивала, чтобы правительство Соединенных Штатов выполнило постановление, сделанное в 1802 году - аннулировать индейские права на землю в пределах штата, наиболее мирным способом. Но сейчас штат Джорджия потребовал, чтобы это было сделано немедленно - мирно или как-либо иначе.

"Мы не можем рассматривать те письма," - говорится в этом сообщении, - "кроме как попытку, граничащую с враждебным расположением к нации чероки, вырвать у них методом произвола их справедливые права и привилегии, безопасность которых торжественно гарантируется им Соединенными Штатами. * * * Мы утверждаем со всей ответственностью, что все чувства, выраженные относительно расположения нации не уступать больше ни фута земли, являются положительно голосом нации. * * * На территории Штатов или вне их пределов нет земли, на которую они бы когда-либо согласились переселиться; потому что они единогласно приняли позицию никогда снова не быть гонимыми, как прежде, и не участвовать в войнах, если только это не будет общей необходимостью и правительство не призовет защищать общинные права Соединенных Штатов. * * * Чероки перевели свое внимание на занятие делами цивилизованного человека: сельским хозяйством, производством, механикой, гуманитарными науками и образованием - все это успешно работает в этой нации сейчас; и в то время как чероки мирно пытаются наслаждаться благословениями цивилизации и христианства на их законного унаследованной земле, и в то время как труды различных религиозных обществ Соединенных Штатов успешно доносят им слова правды и жизни из тома Священного Писания, и когда они находятся под патронажем Государственного управления, им угрожают переселением или уничтожением. * * * Мы обращаемся к великодушию американского Конгресса и требуем правосудия и защиту прав, привилегий и жизни людей чероки. Мы требуем этого от Соединенных Штатов в соответствии с самым сильным обязательством, которое на них наложено - обязательством выполнения заключенных соглашений; и мы ожидаем от них выполнение незабвенной декларации, что все люди создаются равными; что они наделены Создателем определенными неотъемлемыми правами; и среди этих прав - жизнь, свобода и преследование счастья. '"

Величавые и жалостные протесты руководителей чероки, их неустанные повторения решения не расставаться с их землями, были названы сердитым губернатором Джорджии "уловками вульгарной хитрости," и "оскорблениями из грязных губ изгоев и бродяг;" и он, в официальном письме секретарю войны, не боится открыто угрожать президенту, что если тот поддержит индейцев в их нежелании переселения, то "последствия - неизбежны," и что если чероки будут сопротивляться и препятствовать занятию земли гражданами Джорджии, то он будет обязан "вести войну и проливать кровь братьев и друзей."

Этим чероки г-н Джефферсон как-то во время занятия им управляющей должности написал: "Я искренне желаю, чтобы вы преуспели в своих похвальных усилиях спасти остатки вашей страны, предпринимая труд и закон. В этом вы можете всегда полагаться на поддержку и помощь Соединенных Штатов."

В 1791 он написал генералу Ноксу, определяя позицию Соединенных Штатов касаемо индейских земель: "Правительство должно твердо поддержать эту землю, подтвердить, что у индейцев есть право на занятие ими земли, независимо от штатов, в пределах чей территории они оказались; чтобы пока они сами не уступят землю в соответствии с соглашением, или другой сделкой, эквивалентной соглашению, чтобы государство не выдавало никакой акт, подтверждающий право на такие земли. * * * Правительство намерено проявить всю свою энергию для поддержки и защиты прав индейцев."

И за год до этого, генерал Вашингтон сказал шести нациям: "В будущем никто не сможет незаконным путем выманить у вас ваши земли. Никакое государство или человек, не смогут

купить ваши земли, если только не по некоторому общественному соглашению, проводимому под руководством Соединенных Штатов. Государственное управление никогда не будет соглашаться с тем, чтобы вы были обманутыми; оно защитит вас во всех ваших справедливых правах. * * * Вы обладаете правом продать, и правом отказаться от продажи ваших земель, * * *, Соединенные Штаты будут верны и преданны своим обязательствам."

Что же, возможно, думали мужчины и женщины чероки, когда всего только тридцать лет спустя они нашли это же правительство Соединенных Штатов поддерживающим Джорджию в ее чудовищных претензиях на право владения всей их страной, и в ее позорной жестокости и притеснениям по отношению к ним? Когда они нашли, что это же правительство Соединенных Штатов посылает агентов, чтобы обольстить и подкупить их вождей, чтобы те пожертвовали их страной? Которое даже в публичных актах официальных инструкций специальному уполномоченному не постеснялось оставить подобные фразы: "Обратитесь к руководителям и влиятельным людям - не ко всем вместе, но лично к каждому в его доме;" "делайте им предложения обширных резерваций с оплатой сверху, и другие наградах, лишь только чтобы получить от них уступку;" "чем более осторожны вы будете, чтобы утаить даже от вождей официальный характер ваших действий, тем лучше;" "настаивайте на преимуществах их состояния на Западе: что там правительство бы их защитило." Это секретарь войны называл "стимулированием их сменить убеждения."

В докладе, предоставленном военному отделу в 1825 году Томасом Л. Маккенни есть яркое описание страны и нации чероки в то время.

"Страна очень хорошо оснащена водой; богатые источники чистой воды можно найти в каждой ее части; величественные и высокие горы тянутся сквозь всю ее территорию, а северная часть - холмистая и гористая; в южных и западных частях есть обширные и плодородные равнины, частично покрытые высокими деревьями, сквозь которые скользят красивые потоки воды. Эти равнины создают огромное пастбище, и по ним рассеиваются бесчисленные стада рогатого скота; много лошадей; многочисленные стада овец, коз и свиней покрывают долины и холмы. По рекам Теннесси, Истанула и Канасаги чероки сплавляют плоты. Климат восхитительный и здоровый; зимы умеренные; весна одевает землю красивейшим пейзажем; цветы изящной красоты и разнообразнейших оттенков радуют глаз в каждом направлении. На равнинах и в долинах почва, как правило, богатая. Индейцы выращивают маис, хлопок, табак, пшеницу, овес, индиго, сладкий и ирландский картофель. Уроженцы этих земель ведут значительную торговлю со смежными штатами; некоторые из них экспортируют хлопок в лодках вниз по Теннесси до Миссисипи, и вниз по Миссисипи в Новый Орлеан. Яблочные, персиковые и другие сады довольно распространены, и им оказывается значительное внимание. На столах у чероки можно заметить масло и сыр. У этой нации есть много общественных дорог, местные также содержат увеселительные заведения. Многочисленные и процветающие деревни можно найти в каждой части страны. Производятся хлопок и шерстяные ткани: очень распространены одеяла самых разных размеров, произведенные руками чероки. Почти каждая семья в стране выращивает хлопок для своего собственного потребления. Промышленность и коммерческое предприятие расширяются по всей территории страны. Почти все торговцы в стране - чероки по рождению. Сельское хозяйство занимает основное внимание людей, а также - механика. Население быстро увеличивается. * * * Белые в этой местности наслаждаются всей неприкосновенностью и привилегиями людей чероки, за исключением того, что они не имеют право занимать общественные посты. * * * Христианская религия - религия этой страны. Пресвитериане, методисты, баптисты и моравийцы

- самые многочисленные секты. Некоторые из самых влиятельных людей - члены церкви, и живут их профессиями. Вся страна пронизана благодарностью за помощь, которую она получила от правительства Соединенных Штатов, и от различных религиозных обществ. Каждый год школы разрастаются; изучение поощряется и вознаграждается; младшие классы учат английский, а зрелые - систему обучения чероки. * * * Наши отношения со всеми нациями имеют самый дружественный характер. У нас нет имеющими долгов и благосостояние нашей общественности - процветает. Помимо денег, полученных от импорта, за земли, уступленные в прошлые периоды, нам полагается еще и бесконечная рента от Соединенных Штатов. Наша система правительства, основанная на республиканских принципах, по которым правосудие распределяется одинаково, обеспечивает уважение людей. Нью Таун, приятно расположенный в центре страны, на соединении рек Канасаги и Гугусвати - двух красивых потоков - является местом заседания правительства Законодательная власть выражается тем, что на родном диалекте называется Tsalagi Tinilawige и состоит из национального комитета и совета. Члены обеих отделений выбираются из людей на ограниченный срок. В Нью Тауне должна скоро должна быть установлена печатная машина, а также основана национальная библиотека и музей. Огромное количество людей часто посещают заседания правительства, когда Tsalagi Tinilawige находится на сессии, которая имеет место один раз в год.

"Успех, который принесли нации филологические исследования одного из людей их страны, чья система образования встретилась с универсальным одобрением среди чероки, конечно дает ему право на большое почитание и право занимать место среди благотворителей человечества. Его зовут Гесс, и он - и неграмотный чероки по рождению; но, как Кадмус, он дал своим людям алфавит их языка. Он составлен из 86 букв, с помощью которых два индейца старшего возраста, которые не могут получить образование посредством школ, и которые не включены в существующую школьную систему, могут читать и переписываться. "

Никогда горцы более отчаянно не стояли за их дома, как чероки. Штат Джорджия пытался принудить всю нацию, но, тем не менее, они захотели остаться. Год за годом своевольные притеснения все увеличивались и умножались; всюду правил военный закон; земли чероки были исследованы и распределены посредством лотереи; миссионеры были арестованы и посажены в тюрьму за то, что они проповедовали среди чероки; чероки были приговорены к смерти жюри Джорджии, и повешены палачами Джорджии. Обращение за обращением к президенту и к Конгрессу для защиты только укрепило убеждение в неспособности правительства их защитить - им постоянно предлагали принять цену за их страну и переехать. Однако они цеплялись за нее. Несколько сотен таки ушли, но большинство нации все еще возражало и стояло на своем. Нет ничего в истории более трогательного, чем взывания этих людей к правительству Соединенных Штатов, чтобы выполнить его обещания, данные им. И их дело было отнюдь не без красноречивых защитников. Когда законопроект об их удалении лежал перед Конгрессом, Frelinghuysen, Sprague, Bobbins, Storrs, Ellsworth, Evans, Huntington, Johns, Bates, Crockett, Everett, Test - все с жаром высказывались против него; и, отдадим должное Конгрессу, законопроект был утвержден Сенатом только одним большинством.

Преподобный Иеремия Эвартс издал серию статей в National Intelligencer под подписью Уильям Пенн, в котором он дал мастерский анализ и подведение итогов этого случая, где он резюмировал 16 соглашений, которые правительство сделало с чероки, и все гарантировали им их земли, и объявляли, что правительство "достигло Рубикона," когда оно должно решить - будет ли или не будет оно спасать нацию от обвинения недобросовестности. Многие из его

красноречивых предложений читаются в свете настоящего времени как пророчества. Он говорит: "Через четверть века давление на индейцев будет намного больше с безграничных прерий, которые должны в конечном счете быть подчинены и заселены, чем это давление идет от границ существующей страны чероки." Он задает уместный вопрос: "Какая уверенность будет в подобных обязательствах, сделанных в тот самый момент, когда соглашения с индейцами объявляются недействительными, и почему тогда по этой же причине существующие соглашения не достаточно сильны, чтобы обязать Соединенные Штаты их выполнять." Со всей страны на Конгресс посыпались протесты, ходатайства и мемориалы от религиозных обществ - отовсюду из небольших деревень страны все просили правительство поддержать веру в этих людей.

Собственная газета чероки, The Phoenix, была заполнена в это время отчетами о страдании и отчаянии нации.

"Джорджия оказывает нам сильное противостояние, и Соединенные Штаты должны или защитить нас и наши права, или оставить нас нашему противнику. В последнем случае они нарушат свое обещание защиты, и мы не сможем в будущем полагаться на любую гарантию от них, как здесь, так и вне Миссисипи.

"Если Соединенные Штаты отзовут их торжественные заявления о защите, потеряют веру, лишат нас права на самоуправление и выгонят нас с нашей земли, то, перенося тяжкие муки от наших неудач, мы сможем справедливо сказать, что для нес нет никакого безопасного места, и у нас не осталось уверенности, что Соединенные Штаты будут более справедливыми и преданными по отношению к нам в бесплодных прериях Запада, чем тогда, когда мы занимали землю, унаследованную нами от Великого Творца."

Как последнее средство чероки разбирали свой случай в Верховном Суде, и просили этот орган власти ограничить Джорджию в ее несправедливом вмешательстве в их права.

Отчеты о деле нации чероки против Джорджии сами по себе заполняют много томом, и несут огромную важность для истории индейских дел. Большинство судей решило, что индейское племя нельзя было рассматривать как иностранное государство, и поэтому оно не может подавать иск. Судья Томпсон и судья Стори возражали этому мнению, и считали, что племя чероки действительно составляло иностранную нацию, и то, что Джорджия должна быть вынуждена прекратить выполнять ее несправедливые законы. Мнение канцлера Кента совпало с мнением судей Томпсона и Стори. Канцлер высказал свое мнение, что случаи, в которых Верховный Суд обладал юрисдикцией, "должны разобрать и охватить каждое противоречие, которое может возникнуть между чероки и Джорджией или ее чиновниками, действующими по указу Джорджии."

Но это все не помогало чероки; как не помогал и факт явного сочувствия всего суда к перенесенными ими несправедливостям. Техническое юридическое решение было предоставлено против них, и отдавало их на милость Джорджии: никакая сила в этой стране не могла им помочь. Жестокие фракции начинали теперь формироваться в стране, одна - за, и одна - против сдачи их земель. Многие все еще были готовы остаться и стоять насмерть, но не бросить их; но более мудрые преобладали, и в последние дни 1835 года был заключен договор между Соединенными Штатами и двадцатью вождями и главами чероки, которые, таким образом, от имени их нации, оставляли все земли, находившиеся в их собственности к востоку от реки Миссисипи.

Преамбула этого соглашения полна пафоса: "Принимая во внимание, что чероки стремятся договориться с правительством Соединенных Штатов, а также - трудности, которые они испытали, проживая в пределах заселенных областей Соединенных Штатов под юрисдикцией и законами правительств штатов, и в целях воссоединения их людей в одном месте, и обеспечения им постоянного дома для себя и их потомства в стране, выбранной их предками вне территориальных пределов государственного суверенитета, они могут выбрать себе правительство и установить такой общественный строй, который удовлетворит большинство с их взглядами, привычками и состоянием, и который может способствовать их индивидуальному комфорту и продвижению их цивилизации."

В соответствии с этим соглашением, чероки отдали страну "более крупную чем, три штата Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут вместе взятые, и получили за нее пять миллионов долларов и семь миллионов акров земли к западу от Миссисипи." Соединенные Штаты "гарантируют и обеспечивают их право владения этой землей, выдают акт на владение" и определяют эту землю точными границами; и "в дополнение к семи миллионам акров земли, таким образом предусмотренной и ограниченной," Соединенные Штаты "в дальнейшем гарантируют нации чероки бесконечный выход на запад, и свободное беспрепятственное использование всей земли к западу от западной границы указанных семи миллионов акров - так далеко на запад, как позволяет суверенитет Соединенных Штатов и их права на землю."

Пятая статья этого соглашения гласит: "Соединенные Штаты тем самым обещают и соглашаются, что земли, которые уступаются стране чероки в предшествующей статье, не должны быть ни в какое будущее время, без их согласия, быть включенными в территориальные пределы или юрисдикцию никакого штата или территории."

В шестой статье есть следующее обещание: "Соединенные Штаты соглашаются защитить нацию чероки от внутренней борьбы и иностранных врагов, и против внутренних войн между несколькими племенами."

Даже после того, как это соглашение было сделано, большая часть нации отказалась его санкционировать, говоря, что оно не выражает их желания; что они никогда его не будут выполнять; сотни людей отказывались больше получать как деньги, так и товары от агентов Соединенных Штатов, чтобы те не посчитали, что они согласны с условиями соглашения.

В 1837 году генерал Вул написал из страны чероки, что люди "единогласно объявляют, что они никогда не заключали рассматриваемое соглашение. * * * Они столь стойки в их сопротивлении, что ни один из тех, кто присутствовал и голосовал на проводимом совете, не смотря на то какие беды и лишения он испытывал, не получал рацион или одежду от Соединенных Штатов, чтобы не скомпрометировать себя в отношении соглашения. Эти те же люди, а также - люди в горах Северной Каролины, во время прошлого лета предпочли выживать на корешках и соке деревьев, но не согласиться на условия Соединенных Штатов. Мне сообщили, что у тысяч людей не было никакой другой еды в течение многих недель."

В течение двух лет - до самого последнего момента, позволенного им в соответствии с соглашением - они цеплялись за свои земли, и наконец были удалены только военной силой. В мае 1838 года генералу Скотту приказали прийти с достаточной группой войск, чтобы вынудить переселение. Его провозглашение "людям чероки, остающимся в Северной Каролине, Джорджии, Теннесси и Алабаме", открывается следующим образом:

"Чероки, Президент Соединенных Штатов послал меня с сильной армией, чтобы вы, повинуясь соглашению 1835 года, присоединились к той части ваших людей, которая уже поселена с другой стороны Миссисипи. К несчастью за два года, которые вам были предоставлены на подготовку к переселению, уже прошли, но вы не сделали никаких заблаговременных приготовлений; и сейчас, или к тому времени, когда это торжественное обращение должно достигнуть ваших отдаленных поселений, эмиграция должна быть начата поспешно, но, я надеюсь - без беспорядка. У меня нет никакой полномочий, предоставляя вам дальнейшую задержку, исправить ошибку, которую вы совершили. Полная луна в мае уже находится на убывании, и прежде, чем пройдет следующий лунный цикл, каждый мужчина, женщина и ребенок чероки в этих штатах должен находиться в движении, чтобы присоединиться к их братьям на западе."

Тон этого провозглашения, сразу и жесткий, и любезный, не мог не произвести на неудачных людей глубокого впечатления.

"Мои войска," - сказал гуманный и симпатизирующий генерал, - "уже занимают много объектов в стране, которую вы должны оставить, и тысячи и тысячи приближаются с каждой пяди, чтобы сделать сопротивление и побег бесполезным. Все эти войска - регулярная армия и ополчение, являются вашими друзьями. Примите им и доверьтесь им как друзьям; повинуйтесь им, когда они говорят вам, что вы больше не можете остаться в этой стране. Солдаты столь же мягкосердечны, как и храбры, и желание каждого из нас состоит в том, чтобы выполнить нашу болезненную обязанность в милосердии." * * *

"Вожди, главы, и воины, заставите ли вы нас своим сопротивлением обращаться к оружию? Упаси Бог. Или же вы сбежав будете стремиться скрыться в горах и лесах, и таким образом обяжете нас вас выслеживать? Помните, что в преследовании может быть невозможно избежать конфликтов. Могут пролиться кровь белого и кровь краснокожего; и если она прольется, как бы случайно это не произошло, тогда осторожным и гуманным людям среди вас и среди нас может быть невозможно предотвратить общую войну и резню. Подумайте об этом, мои братья чероки. Я - старый воин, и я присутствовал при многих сценах резни; но избавьте меня, я умоляю вас, от ужаса наблюдения за уничтожением чероки. Даже не ждите близкого подхода войск, но делайте такие приготовления к эмиграции, какие вы только можете, и спешите к месту в Росс Лэндинг, или Гуинтерс Лэндинг, где вы будете добродушно приняты чиновниками, отобранными для этой цели. * * * Это - сообщение воина к воинам. Пусть его просьбы будут мягко и любезно восприняты, и до поможет Бог процветанию американцев и чероки, и сохранит их долго в мире и дружбе друг с другом."

Ответ совета чероки на это провозглашение достоин быть опубликован в отчете. Они уже не протестуют против переселения; они просто просят привилегию управлять всем переселением самостоятельно. Они говорят: "Текущее состояние людей чероки - такое, что все споры относительно времени эмиграции успокаиваются. У людей уже отобрали дом и их собственность, они сами находятся под неограниченным контролем командующего генерала и, в целом, зависят от благосклонности и человечности высшего чиновника, который может отложить их транспортировку на Запад на один сезон в это время года, они находятся в обстоятельствах, при которых болезнь и смерть всегда рядом - так что все стимулы, могущие продлить их пребывание в этой стране, исчезли. Несмотря на то, насколько сильно они привязаны к отчему дому, их интересы и их пожелания сейчас состоят в том, чтобы отбыть настолько рано, насколько это может быть совместимо с безопасностью."

Совет поэтому представил генералу Скотту несколько предложений: 1) "Нация чероки сама организует переселение их людей на запад от реки Миссисипи." Их оценки стоимости, договоренности относительно времени, интервалов и т.д., были мудры и разумны. На их оценку затрат в 65 880$ на каждую тысячу транспортированных людей, генерала Скотт возразил, полагая эту цифру завышенной. Он сказал, что "уверен", что из каждой найдется "по крайней мере 500 сильных мужчин, женщины, мальчиков и девочек, которые не только способны на марш-бросок в 12 или 15 миль в день, но для кого подобные упражнения будут даже полезны; и что еще сотня человек будет способна ежедневно пройти пешком половину этого расстояния." Он также возразил против оценки порций рациона в 16 центов на человека как слишком высокой.

Совет ответил, что они полагают, что их оценки разумные, и что "подобное переселение наших людей должно быть удобным, чтобы они были исключительно в поле зрения, и ими можно было управлять настолько, насколько это позволительно, и с такими расходами, которые установлены чиновниками правительства. После того, как необходимые постельные, кухонные и другие обязательные принадлежности, рассчитанные на 20 человек - четыре или пять семей - помещаются в фургон с пропитанием на, по крайней мере, два дня, то этого веса уже будет достаточно, чтобы несколько человек вообще можно было бы везти.

Большое расстояние, которое придется преодолеть, склонность к болезни у старых людей, и желание совершить переезд в столь короткий срок, насколько это возможно, приводят нас к мысли, что подобные траты не являются чрезмерными. * * * Независимо от того, что еще может быть необходимым для переселения наших людей, для их комфорта в пути, и что будет способствовать их здоровью - мы хотим, чтобы все это было им предоставлено; в то же самое время, разрешая эту ситуацию, мы очень хотим избежать обвинения в расточительности." Они добавили, что совсем забыли про мыло в своей первой оценке, и что теперь его следует добавить в расчете три фунта на каждую сотню фунтов рациона.

Генерал Скотт ответил, "поскольку люди чероки исключительно заинтересованы как стоимостью, так и комфортом переселения," он не чувствует себя в праве отказать себе в применении санкций к этим оценкам. В сообщении специального уполномоченного по делам индейцев, также заявляется, что "стоимость переселения, согласно оценкам индейцев - высока;" но специальный уполномоченный добавляет, - "поскольку они платят за это из их собственных фондов, и на этом настояли их собственные конфиденциальные агенты, считалось, мы не можем это отклонить."

Какая благородная либеральность! Эта нация в восемнадцать тысяч трудолюбивых, независимых людей, вынужденных силой оружия покинуть их страну и искать новый дом в дикой местности, нужно разрешить, в качестве одолжения, тратить на это путешествие в дикую местность столь много их собственных денег, сколько они сочтут необходимым, и дать им столько мыла, сколько они захотят.

Отчет, который правительство Соединенных Штатов оставило в официальных документах, поздравляя само себя с успешным переселением этих чероки, содержит элементы смехотворного, злой трагедии и позора.

Секретарь войны говорит: "Щедрая и мудрая политика, проявленная в мерах, предпринятых Конгрессом к этим людям во время последней сессии, была успешно и рассудительно приведена в исполнение генералом, назначенным за проведение их переселения. Нежелание индейцев оставить землю на Востоке, где они родились, и переселить их в новые дома на Западе, было

полностью преодолено разумным поведением этого чиновника, и они с готовностью отбыли под руководством их собственных вождей. Приготовления, сделанные с этой целью генералом Скоттом, в соответствии с его предыдущими инструкциями, хотя и несколько дорогостоящие для самих индейцев, встретили полное одобрение со стороны правительства, поскольку считалось задачей высочайшей важности, чтобы чероки удалились на Запад добровольно, и чтобы по их прибытию на место их окончательного предназначения, они прибыли с добрыми и благодарными чувствами. Человечность и хорошая политика продиктовали этот курс применимо к этим детям леса; и правительство немедленно выполнило все эти меры недрогнувшей рукой в надежде на сохранение индейцев и на поддержание мира и спокойствия белых. Всегда будет приятно вспоминать, что все это было произведено не только без насилия, но и с полным и надлежащим отношением к чувствам и интересам этих людей."

Специальный уполномоченный по делам индейцев говорит в своем отчете: "Случай чероки - поразительный пример либеральности правительства на всех его уровнях. * * * Взгляд на прошлые восемь месяцев жизни этого многочисленного и более, чем обычно, просвещенного племени, не может быть не заставить людей задуматься."

Вожди чероки попросили дальнейшие ассигнования, чтобы покрыть расходы на их переселение (они не думали, что 5 000 000$ - это очень щедрая оплата за страну столь же большую как весь Массачусетс, Род-Айленд и Коннектикут вместе взятые), и Конгресс принял закон, по которому им причиталось еще 114 767 $. Специальный уполномоченный комментирует это: "Если принять в расчет, что в соответствии с соглашением, заключенным в декабре 1835 года, была предусмотрена сумма 5 000 000$ для оплаты полной стоимости их земель, то после того, как эта сумма, объявленная Сенатом Соединенных Штатов, была для них вполне достаточной, нельзя восхититься этим требованием. Некоторыми мера может быть расценена как справедливая, другим - щедрая. Но в ней, возможно, есть оба этих признака. Оно зашло несколько дальше голого правосудия, но и не дошло до того, что одобрила бы либеральность. * * * Если наши действия были щедры, то они от этого не были менее мудрыми и благоразумными. Была примирена большая масса людей; опасность пролития человеческой крови была погашена; хорошие чувства были сохранены, и мы спокойно и мягко транспортировали восемнадцать тысяч друзей на западный берег Миссисипи."

Останавливаться на картине этого удаления бесполезно. Сам факт является более красноречивым, чем страницы детального его описания. Нет воображения столь унылого и сердца столь жесткого, чтобы не быть способными увидеть и почувствовать, при одном лишь упоминании о такой эмиграции, какие ужасы и какое мучение это должно было вызвать. "Восемнадцать тысяч друзей"! Только большое великодушие природы, усиленное истинным христианским принципом, возможно, препятствовали тому, чтобы они не превратились в восемнадцать тысяч заклятых врагов.

В течение нескольких лет после этого удаления, нацию чероки преследуют жестокие разногласия. Сторона, которая считала, что соглашение 1835 года было несправедливым, и что нация все еще имела не аннулированное право на свои старые земли на Востоке, чувствовала, что было вполне естественным, горькую ненависть к той стороне, которая, по их заявлениям, противоправно передала народные земли. Несколько из подписавших соглашения лиц, влиятельных людей нации, были убиты. Партийный дух поднялся на такую высоту, что правительство Соединенных Штатов было вынуждено вмешаться; и в 1846, после долгих

переговоров и разногласий, новое соглашение было сделано на условиях концессий, по которому сторона, не принимающая соглашения, была успокоена, предусматривалась общая амнистия и в стране вновь воцарилась сравнительная гармония.

Прогресс этих людей за десять лет после этого удаления почти невозможно себе вообразить. В 1851 они имели двадцать две начальных школы, и только что построили два больших здания для мужской и женской семинарии, в которой собирались преподавать высшее образование. У них было общество умеренности с тремя тысячами участников, и вспомогательное общество в каждом из восьми районов, на которые была разделена страна. У них были Общество Библии и двенадцать церквей; еженедельная газета, частично на английском языке, частично - на языке чероки; восемь местных судов, два окружных суда, и Верховный Суд. Законодательный процесс проводился, как и прежде, национальным советом и комитетом, избираемым на четыре года. Почти одна тысяча мальчиков и девочек ходили в государственные школы.

В 1860 году в стране возникли волнения на предмет рабства и началась организовываться сильная антирабовладельческая сторона. Бурные сцены были также в наиболее близкой к Канзасу части страны. В течение нескольких лет белые поселенцы упорно создавали там фермы, и чероки напрасно просили правительство их выгнать. Чиновник, посланный наконец, чтобы защитить права чероки и выселить захватчиков, был обязан сжечь их дома прямо над их головой, прежде, чем они пошевелились - столь сильно они были убеждены в превосходстве права белого над правом индейца. "Единственное объяснение, которое поселенцы привели на вопрос почему они не слушали уведомления правительства состояла в том, что раньше им "тоже часто говорили покинуть резервацию"; и так как никакие шаги, чтобы вынудить повиновение не предпринимались, они предположили, что им позволят остаться в подобной безопасности и в этом случае."

"Удивительно," - говорит специальный уполномоченный по индейским делам, - "видеть все растущее расположение со стороны наших граждан, полностью игнорировать наши обязательства по договору с индейскими племенами в пределах наших границ; и нужно надеяться, что в будущем их права будут считаться более священными, или что правительство будет в каждом случае быстро гарантировать, что они соблюдаются и уважаются."

В первый год гражданской войны большое количество чероки подняли оружие на стороне повстанцев. То, что это было не от любви к повстанцам, или близости им политики южан, кажется, должно быть очевидным для любого, кто полагал, что ими движет память. Возможность борьбы против граждан Джорджии не могла не задевать радостные струны в душе чероки, даже если он расплачивался за это борьбой на стороне правительства, которое было настолько вероломным к его нации. Их отступничество происходило без сомнения, в значительной степени, из-за террора. Форты в их близости были отданы мятежникам; все войска Соединенных Штатов были отозваны из той части страны. У них не было никакой перспективы защиты от правительства, и, как будто чтобы оставить их без единого стимула к лояльности, правительство еще и приостановило выплату их рент.

Тут вступило федеральное правительство, искусно обещая выплатить то, от чего отказалось северное правительство. Требовалась бы редкая лояльность, действительно, чтобы непоколебимо выстоять в подобных обстоятельствах; и все же, тысячи индейцев на Индейской территории действительно оставались лояльными, и убегали, чтобы избежать принуждения выступать за дело повстанцев; почти половина нации криков, многие семинолы, чикасавы,

куапавы, чероки, и полудюжины других наций - более шести тысяч человек -сбежали в Канзас, где их страдания зимой 1862 были просто душераздирающими.

То, что чероки не оставляли свою преданность, находится в официальном историческом отчете министерства внутренних дел. В Сообщении Бюро по делам индейцев за 1863 говорится: "Чероки, до восстания, были самым многочисленным, умным, богатым, и влиятельным племенем этого региона (юга). В течение многих месяцев они устойчиво сопротивлялись усилиям, приложенным мятежниками, чтобы побудить их оставлять свою верность Федеральному правительству; но, будучи совершенно незащищенным и без средств сопротивления, они были наконец вынуждены вступить в переговоры с властями повстанцев. Эта связь была, однако, кратковременна, поскольку с первым появлением сил Соединенных Штатов в их стране, весь полк индейских войск, воспитанных якобы для службы в армии повстанцев, дезертировал и перешел к нам, и с тех пор находился под нашим командованием. И во всех случаях это были преданные и эффективные солдаты." В ходе следующего года, однако, многие присоединились к мятежникам: считалось, что 6-7 тысяч из более богатой части нации так или иначе сотрудничали с мятежниками. Результат состоял в том, что в конце войны страна чероки была разрушена.

"В стране чероки," - говорится в отчете Бюро по делам индейцев за 1865, - "через которую туда и обратно сновали воюющие армии; где их загоны, добывающие продовольствие, отбирали пищу у всех - у друзей и у врагов; где нелояльные чероки на службе у правительства повстанцев были настроены, чтобы не осталось ни следа от ферм их лояльных братьев по их возвращении; и где воры рогатого скота делали свое черное дело в течение двух последних лет - сцена чрезвычайного опустошения."

Отношения между лояльными и нелояльными чероки были столь же плохими, как между лояльными и нелояльными белыми, и некоторое время казалось, как будто заставить согласиться жить мирно друг с другом бок о бок эти две враждующих стороны в нации чероки будет столь же невозможно, как и сделать так, чтобы освобожденные от службы солдаты из Джорджии, и солдаты из Мэна могли спокойно жить вместе в одной деревне. Но, после долгих и неприятных переговоров, в 1866 году был заключен договор, по которому все необходимые вопросы, казалось, были разрешены под общим знаменателем амнистии и мира.

Стоит ли говорить, что индейцы находились в очень невыгодном положении в процессе создания этих новых соглашений. Особенность взгляда правительства на их ситуацию и права, наиболее наивно заявляется в одном из отчетов за 1862. Ссылаясь на потребность создания в очень скором времени новые соглашения со всеми этими южными племенами, один из руководителей по делам индейцев говорит:

"В то время как мятеж значительной части большинства этих племен аннулирует обязательства по договору, и помещает их под наше милосердие, нельзя забыть об одном очень важном факте, что правительство сначала было полностью не в состоянии соблюдать свои соглашения с этими людьми - и в защите их, отозвав все войска из фортов на Индейской Территории, и оставив их во власти мятежников. Это - известный факт, что самосохранение во многих случаях заставило их делать такие соглашения с мятежниками, какие они только могли."

Однако все равно, их участь зависит "от нашего милосердия,", потому что эти их попытки выжить, заключая с мятежниками "самые благоприятные условия, которые они могли", аннулируют

обязательства по договору." Банальная старая пословица о слабости тех правил, которые не работают в обе стороны, кажется, здесь весьма уместной.

Показав восстановительную силу, далеко превышающую оную у любого из малочисленных сообществ белых на Юге, чероки сразу же обратились к восстановлению их домов и жизни нации. Через один год они построили пятнадцать новых школ, запустили все старое производство, и в 1869 провели большую сельскохозяйственную ярмарку, которая похвально показала достижения производства сельского хозяйства и животноводческих ферм. Таким образом, они во второй раз восстановились после того, что казалось должно почти уничтожить этих людей. Но судьба индейца, с бесконечной ненадежностью, тревогой и волнением, не оставила их. В 1870 они, как говорят, "чрезвычайно беспокоились по поводу безопасности их владения теми землями, которые они занимают." Когда их спросили, почему они не восстанавливают средние школы, не проводят реформы правосудия, и не предпринимают желательные усовершенствования, они неизбежно давали ответ: "Мы ожидаем, что нас выгонят с нашей земли: какой тогда смысл все это делать, если погибель нашей нации уже предначертана?"

"Недоверие твердо засело в их умах. Апатия подавляет всю нацию, и пока они не почувствуют гарантии, их права на их земли будут уважаться, и что соглашения - это незыблемый закон для всех сторон, чероки не будут прилагать усилия для стремительного прогресса нации, на который они способны."

Когда их делегаты поехали в 1866 в Вашингтон, чтобы сделать новое соглашение, они были встревожены позицией, которую заняло правительство, что их нация утратила свои права. Им дали понять, что "общественное мнение считает их ответственными за соучастие в восстании; и, хотя они и могут указать на тот факт, что помощь мятежникам оказывала меньше, чем одна треть населения, и знают о заслугах двух полков чероки в армии Союза, их убедили отправиться домой с напутствием, что прежде, чем их реабилитируют в их прежних правах в соответствии с новым соглашением, они не имеют возможность отказываться от любых предложенных им соглашений. Такой язык от людей, которые по их мнению могли обладать силой, чтобы принести вред их нации, напугал делегатов чероки. Они продали ассоциации спекулянтов большой участок в юго-восточном Канзасе по цене в 1$ за акр, и перешел во владение железнодорожной компании. Они также согласились, против воли людей чероки, к предоставить в соглашении пункт, дающий право прохождения через их страну двух железных дорог. Это вызвало большое беспокойство среди индейцев."

И оправданно - события следующих нескольких лет достаточно оправдали эту повисшую в воздухе тяжесть. Жадность корпораций железной дороги является столь же ненасытной, как и их методы являются недобросовестными. Фраза "аннулирование прав индейцев на землю" стала, на самом деле, простым техническим термином в передаче земель. Выражение настолько распространено, что вероятно, в умах людей стало распространено впечатление, что аннулирование и исчезновение - окончательная и неизбежная судьба индейца; и если это так, то времена и методы не имеют, в конце концов, такого большого значения; это просто - предопределенные состояния в большой предопределенной прогрессии событий. Это - единственное объяснение бессознательной жестокости способов мышления и выражения у многих хороших людей по отношению к тому факту, что индейцев выгоняли из одного дома, выгоняли из другого, выгоняли из следующего, отнимая их земли пядь за пядью.

В отчете Бюро по делам индейцев за 1875 год есть упоминание об остатках племени чероки в Северной Каролине: "Их около 1700 человек, и есть, вероятно, еще около 300-400 человек, рассеянных в других частях Северной Каролины, Джорджии и Теннесси. История этих чероки была богатая событиями. Когда основная часть племени была вынуждена переселиться к западу от Миссисипи, эти люди сбежали в горы, и наотрез отказались уехать из своих домов. Доходы с их земель, которые были проданы в соответствии с соглашением с основной частью чероки, были, главным образом, израсходованы на покупку земель и обеспечение средств для западных чероки. Неоднократно до 1861 года агент для восточных чероки, по их запросу, купил земли на их средства, на которых они могли построить себе дома. В этих покупках, хотя, вероятно, сделанных с добрыми намерениями, небрежно указывался правомочным владельцем лично агент, а не общий трастовый фонд. Когда из-за этой ошибки впоследствии агент стал неплатежеспособным, все их земли были арестованы и проданы за его долги. В соответствии со специальным законом Конгресса, их случай был представлен перед судами Северной Каролины, и их права, до некоторой степени, отстояли, и им позволили сохранить владение их землями; и, при помощи их собственных фондов для в погашения залогового удержания, они теперь владеют вышеупомянутыми семьюдесятью тысячами акров хорошей пашни, леса и пастбищ. Они показали себя способными на само поддержку, и, я верю, продемонстрировали глупость переселения индейцев из страны, которая предлагает им дом, и где белый мог бы зарабатывать на жизнь. Это показано тем фактом, что они сейчас, хотя и едва получали хоть какую-то правительственную помощь, находятся в более обнадеживающем состоянии - как относительно нравов, так и касаемо промышленности и движимого имущества, чем чероки, которые удалились на запад."

Сообщение Бюро по делам индейцев за 1876 полностью поддерживает это заявление. У чероки Северной Каролины действительно есть причина быть в более обнадеживающем состоянии, поскольку им их земли обеспечил патент на владение, подтвержденный решением Государственных судов; но вот что Министерство внутренних говорило относительно земель Западных чероки, и земель всех других цивилизованных племен на Индейской территории: "В соответствии с соглашением, правительство уступило так называемым цивилизованным племенам - чероки, крикам, чоктавам, чикасавам, и семинолам- часть страны, в целом, в непропорциональной количестве к их потребностям. * * * Количество обрабатываемой земли должно быть во много раз больше, чем оно когда-либо сможет обрабатываться за счет рабочей силы индейцев. Но индейцы заявляют, и это понятно, что они владеют своими землями на основании настолько торжественных обещаний, что это было бы грубое нарушение доверительных отношений со стороны правительства - забрать любую часть этих земель без их согласия; и это согласие они, очевидно, давать не собираются."

Давайте сопоставим с этим последним параграфом цитату из соглашения, на основании которого "индейцы заявляют, что это понятно, что они владеют" этими землями, от которых они теперь "очевидно предлагают отказаться." Мы не будем копировать его из оригинального соглашения; мы скопируем это, и несколько других предложений, из предыдущего доклада того же Министерства внутренних дел. Только недавно, в 1870 году, мы находим Правительство в хорошем расположении к чероки. "Значительная часть индейских племен владеет землями, на которых они поселены по законам, которые определяют границы резервации, которыми они должны быть ограничены. Нельзя отрицать, что они в значительной мере зависят от человечности американского народа. * * * Но чероки, и другие цивилизованные индейские

нации, владеют землями на основании законов высшего права страны. Соединенные Штаты согласились на владения чероки, и гарантируют им их навсегда, и эта гарантия торжественно обещает им 7 миллионов акров земли.

Для этой территории в расчет бралась такое же количество акров, как для территорий, расположенных в другом месте. Стимулом к этой сделке служило сильное желание правительства Соединенных Штатов обеспечить нации индейцев чероки постоянный дом, который под самой торжественной гарантией Соединенных Штатов, будет оставаться их домом навсегда, который никогда не должен быть в будущем позорно окружен или передан под юрисдикцию территории или штата, или сжат в следствие расширения пределов любого существующего штата. Чтобы уверить их в их праве, был выпущен патент для этой Территории.

Таковы были представления министерства внутренних дел в 1870. В 1876 правительство говорит, что дела на индейской Территории являются "сложными и постыдными, и нужно непосредственно поднять вопрос, нужно ли обширной части страны позволить остаться в течение неопределенного срока фактически неразвитой пустыней, или же правительство должно решить уменьшить размер резервации."

Фраза, "должно ли правительство решить уменьшить размер резервации", кажется намного лучше чем "должно ли правительство решить украсть у индейцев несколько миллионов акров земли;" но последняя фраза - правда, а первая - с налетом лжи.

Специальный уполномоченный говорит, что этот вопрос - трудный, и должен быть "рассмотрен со спокойствием, и с целью не причинения никакой несправедливости индейцам." Он выказывает свое собственное личное мнение по этому поводу "с неуверенностью," но, однако, говорит, что "государственная политика скоро потребует передачу значительной части этих земель правительству для занятия их или другими племенами индейцев, или белыми людьми. Есть очень общее и распространенное мнение, что строгое соблюдение буквы закона с этими соглашениями с индейцами во многих случаях противоречит с их собственными интересами, и со здравой государственной политикой." Он добавляет, однако, что эту рекомендацию не следует понимать, как "цель этого офиса в любом случае поощрить дух жадности, которая требует открыть Индейскую территорию для заселения белым населением. “Он говорит: "Истинный способ обеспечить бесконечное занятие этой территории индейцами состоит в том, чтобы заселить ее другими индейцами, раздать им земли по паям, и дать им достаточно сильное и разумное самоуправление, чтобы эффективно защитить их от любых вторжений со стороны белых."

Комментарии к этим нелепо противоречащим самим себе предложениям - излишни. Лучшие всего их комментируют в официальных сообщениях Бюро по делам индейцев. В них дается наиболее близкое описание страны чероки.

Об этих людях, у которых Министерство внутренних дел предлагает, "в целях здравой государственной политики," отобрать "значительную часть" их страны, в течение прошлых трех лет изданы эти отчеты:

"Прошло лишь за несколько с тех пор, как чероки собирались на совет под деревьями, или в грубом срубе с вырубленными местами для сидения. Теперь законодательный орган собирается в просторном кирпичном муниципальном доме, в котором есть подходящие комнаты для

комитетов, палаты сената, представительный зал, библиотека и исполнительные офисы, которые стоят 22 000$.

"Их граждане занимают опрятные дома из бревен, досок, кирпича или камня - согласно средств и вкусу человека. Земля украшена декоративными деревьями, кустарником, цветами и почти всеми видами усовершенствований, включая сады отборнейших фруктов. Некоторые из этих садов существовали в течение почти двадцати лет, и находятся теперь в хорошем, плодотворном состоянии. Их женщины, обычно - хорошие домоправительницы, и уделяют большое внимание плетению пряжи, джинсовой и льняной ткани, и делают большинство штанов и охотничьих жакетов для мужчин и мальчиков. Фермеры выращивают большую часть своей собственной шерсти и хлопка, и совсем обычное явление - увидеть в доме зажиточного фермера чероки швейную машину и фортепьяно.

"У них есть вполне достаточные средства для образования всех их детей до степени, равной обычному колледжу в Штатах. У них есть семьдесят дневных средних школ, которые открыты десять месяцев в году в различных поселениях. Для высшего образования их молодых мужчин и женщин у них есть две просторных и хорошо меблированных семинарии - одна для каждого пола; и, в дополнение к уже упомянутым, у них есть школа ручного труда и сиротское убежище. Стоимость удержания этих школ за прошлый год (1877) была, по сообщениям руководителя общественных дел, 73 441$, из которых 41 475$ были выплачены в качестве зарплаты учителям.

"У них есть двадцать четыре магазина, двадцать два завода, и шестьдесят пять кузнечных мастерских, принадлежащие и управляемые их собственными гражданами.

"Их конституция и законы издаются в форме книг; у них есть типография, выпускающая на их собственном языке, а также - на английском, "Cherokee Advocate" - еженедельную газету, которая редактируется со вкусом и умением.

"Они имеют (и это верно также с охоктавами, криками, чикасавами и семинолами) конституционное правительство, с законодательными, судебными, и исполнительными отделами, и работающее согласно такому же плану, как и наши правительства штатов, все расходы которых платятся из их собственных фондов, которые получаются из процента по различным запасам и облигациям - инвестированных доходов с продажи их земель, и удерживаются в трасте правительством Соединенных Штатов. Процент выплачивается казначействам различных наций каждые полгода, и ими распределяется по национальным ордерам, выпущенным основным руководителем и секретарем, и зарегистрированным аудиторами.

"Они - умные, спокойные и трудолюбивые люди, которые живут плодами собственного честного труда, и кажутся довольно честолюбивыми, чтобы продвинуться и в развитии их земель, и в обустройстве их домов. В их совете можно найти способных и обучаемых людей; и вряд ли есть в истории мира аналог столь быстрого продвижения из состояния дикого варварства к цивилизации и просвещению. То, для чего британцам потребовалось пятьсот лет для достижений в этом направлении, они достигли за сто лет."

Решит ли правительство Соединенных Штатов "уменьшать размер резервации?"

ГЛАВА IX.

Случаи резни индейцев белыми.

1. Резня индейцев конестога.

Когда англичане только вошли на территорию Пенсильвании, их встретили посыльные от индейцев конестога, приветствуя их и принося подарки - кукурузу, оленину и кожи. Целое племя вступило в соглашение про дружбу с Уильямом Пенном, которая должна была длиться, "пока должно светить солнце и воды - течь в реках."

Отчеты об истории Пенсильвании в начале восемнадцатого столетия содержат частые упоминания об этом племени. В 1705 губернатор послал секретаря своего совета, с делегацией из десяти мужчин, чтобы провести с ними интервью у индейцев конестога - в целях взаимопонимания и уверенности. И этом же году Томас Чалкли, известный проповедник квакеров, пока он был среди квакеров Мэриленда, внезапно столь "обеспокоился" желанием посетить этих индейцев, что поднял этот вопрос перед старейшинами на Ноттингемской встрече; старейшины одобрили идею и он отправился с переводчиком четырнадцатью сопровождающими в поездку. Он говорит:" Мы путешествовали через леса приблизительно пятьдесят миль, неся с собой провизию; во время путешествия мы сели у реки, разложили свою еду на траве, отдохнули сами и дали отдохнуть лошадям, и затем продолжили с бодростью, доброжелательностью и большой любовью к бедным индейцам. И когда мы приехали, они нас любезно приняли и обращались по-своему вежливо. Мы договорились встретиться с ними и поговорить о религии; они собрали совет, на котором они были очень серьезными и говорили, один за другим, без какого-либо темперамента или резкости. Некоторые из их наиболее уважаемых женщин имеют слово на их советах."

Когда спросили, почему они позволяли женщинам говорить, они ответили, что" некоторые женщины более мудрые, чем некоторые мужчины." Они сказали, что уже много лет ничего не совершали без совета старой, серьезной женщины, которая всегда присутствовала на их советах. Переводчик сказал, что она была императрицей, и что они придавали много значения тому, что она говорила. Эта мудрая королева индейцев высоко оценивала квакеров, по словам переводчика, потому что они "пришли не для того, чтобы купить или продать, или получить выгоду;" но прибыли к ним "с миссией любви и уважения, и желал им наилучшего как здесь, так и впредь." В то время в этой группе индейцев конестога были представлены две нации - сенека и шаванесе.

В следующем году сам губернатор, беспокоясь о сохранении их непоколебимой доброжелательности, чтобы предотвратить их обольщение французскими эмиссарами, посетил их лично. На этом мероприятии один из вождей произнес речь, сохранившуюся в старых отчетах, которая содержит следующую строчку: "Отец, мы любим тишину; мы страдаем, когда мыши резвятся; когда леса колышутся ветром - мы не боимся; когда листья колышутся в засаде - нам не по себе; когда облако затеняет Твое блестящее солнце, наш взор - меркнет; но когда появляются лучи, они дают много тепла телу и радости - сердцу. Предательство затемняет цепь дружбы; но правда делает ее более яркой, чем когда-либо. Это - мир, которого мы желаем."

Несколько лет спустя шведский миссионер посетил их и произнес им проповедь по первородному греху и потребности посредника. Когда он закончил, индейский вождь поднялся и ответил ему; обе беседы передавались через переводчика. Швед, как говорят, был столь

впечатлен рассуждениями индейца, что после возвращения в Швецию он выписал свою собственную проповедь и ответ индейца на латыни, так хорошо, как он знал, и послал документы в университет Uppsala, прося их с уважением снабдить его аргументами, достаточно сильными, чтобы опровергнуть сильные рассуждения этого дикаря.

"Наши предки," - сказал вождь, - "находились под сильным убеждением (как мы сами), что те, кто действует хорошо в этой жизни, будут вознаграждены в следующей согласно степени их достоинств; и, с другой стороны, те, кто ведет себя здесь злобно, подвергнутся после этого таким наказаниям, которые пропорциональны преступлениям, в которых они были виновны. Это постоянно и неизменно передавалось и признавалось как правда из поколения в поколение нашими предками. Тогда это, возможно, пошло не от выдумки; поскольку человеческая выдумка, не смотря насколько искусно и правдоподобно изобретенная, никогда не сможет долго иметь доверие людей, где разрешается свободно оспаривать любые темы, что никогда не отрицалось нашими предками. * * * Теперь мы хотим предложить некоторые вопросы. Полагает ли он, что наши предки - люди, выдающиеся за их благочестие, постоянные и жизнерадостные в их преследовании достоинства, надеявшиеся таким образом заслужить себе вечное счастье, были все прокляты? Думает ли он, что мы, рьяно имитирующие их хорошие дела, и находящиеся под влиянием тех же самых побуждений, и искренне, и с большой осмотрительностью шагающие на пути к целостности - тоже прокляты? Если это - его чувство, то оно, конечно, столь же нечестиво, как и смело и грубо. * * * Давайте предположим, что наши предки совершили некоторые отвратительные преступления, как те, которые нам рассказывают о другой расе людей. В таком случае Бог, конечно, наказал бы виновного, но никогда не покарал бы нас, невинных. Те, кто думает иначе, должно быть считают Всевышнего очень причудливым и злым существом. * * * Еще раз: действительно ли христиане более добродетельны, или, скорее, разве они не более порочны, чем мы? Если это так, то как получилось, что они наделены благодеяниями Бога, в то время как нами - пренебрегают? Он что, ежедневно без причины раздает свои блага с таким предубеждением? Одним словом, мы находим христиан намного более развращенными в их нравах, чем мы; и мы судим о их доктрине, исходя из вредности их жизней."

Ясно, что эта речь индейского вождя была очень латинизирована руками доброго шведа; но если эти слова хоть немного приближенны к истинному представлению того, что он сказал, то это действительно замечательно.

В 1721 году Его Превосходительство сэр Уильям Кит, Барт, губернатор провинции Пенсильвания, поехал с эскортом в 80 всадников к индейцам конестога, и провел несколько дней в создании соглашения с представителями пяти наций - "индейцев конестога и их друзей." Его развлекли в салоне "Captain Civility's cabin." Когда он оставил их, то он желал, чтобы они передали его "бесконечную любовь и любовь наших людей всем вашим королям и всем их людям." Он пригласил их посетить его в Филадельфии, говоря:" Мы можем вам больше дать и принять вас больше радушно. Люди всегда принимают друзей лучше всего в их собственных домах." После этого он вынул медаль коронации короля, и представил ее индейцу со словами: "Чтобы наши дети, когда мы умрем, не забывали эти вещи, но держали в памяти это соглашение между нами бесконечно, я здесь оставляю Вам картину в золоте, несущую изображение моего великого господина, короля всех англичан. Я наделяю Вас миссией - когда Вы возвратитесь домой, передайте ее в руки первого человека, самого великого вождя всех этих пяти наций, которого вы называете Eannygoodk, чтобы он хранил ее, чтобы она была символом детям наших детей, что

полнокровная и длительная дружба теперь устанавливается навсегда между англичанами в этой стране и великими пятью нациями."

В это время деревня Конестога была описана как "лежащая приблизительно в семидесяти милях к западу от Филадельфии. Земли поблизости чрезвычайно богаты, они окружены различными прекрасными плантациями и фермами, где индейцы выращивают значительное количество пшеницы, ячменя, льна и конопли без помощи каких-либо удобрений."

В следующем году был отмечен советом как имеющий большое значение для индейцев конестога. Весной этого года индеец по имени Саантини был убит двумя белыми, братьями Картледж. В это время это было не только благоразумно, но и необходимо для англичан - сохранять хорошие отношения со столь многими индейцами, насколько это возможно. Поэтому, в старом отчете говорится: "Политика и правосудие требовали твердого вмешательства в это дело, и вынесение "образцового наказания."

Соответственно, Картледжи были арестованы, заключены под стражу в Филадельфии, и шериф округа Честер пошел с двумя влиятельными людьми области к индейцам конестога, чтобы спросить индейцев относительно того, что следует с ними сделать. Индейцы не пожелали решить этот вопрос без совета пяти наций. Поэтому на север послали быстрого бегуна (Satcheecho) с новостями о событии; и губернатор с двумя советчиками, поехал в Олбани, чтобы услышать то, что эти пять наций должны были сказать о происшествии. Какое невообразимое зрелище для нас сегодня: правительства Пенсильвании и Нью-Йорка настолько полностью признали, что индеец - это тоже "человек", и что его убийство - нечто, что нужно стремительно и искусно рассудить, для возможно!

Всего немного больше, чем 150 лет находятся между этим убийством Саантенее в Конестога и убийством Большого Змея в резервации понка в 1880. Поистине, у политики было много "спектаклей правосудия" за удивительно короткий промежуток времени.

От решения короля и вождей этих пяти наций зависела судьба убийц. Несомненно, братья Картледж настроились умирать. Известные принципы индейцев - мстить за смерть и увечья, конечно, не оставляли много места для надежды. Но нет! Эти пять наций придерживались другого мнения. Они "не желали, чтобы Картледжи приняли смерть, и чтобы дело было улажено наиболее дружески," - говорится в старом отчете. "Одна жизнь," - сказал индейский король по поводу этого случая, - "уже безвозвратно утеряна. Те двое не должны умереть."

Это было в 1722. А в 1763 осталось только двадцать этих индейцев: семь мужчин, пять женщин и восемь детей. Они все еще жили в своей деревне в Шоуни Крик, их земли гарантировал им манориальный дар; но они были очень бедными - зарабатывали, делая метлы, веники, корзины и деревянные миски, чтобы выжить, и просили подаяний остальную часть времени. Они были совершенно миролюбивыми, безобидными и дружественными по отношению к их белым соседям, очень впечатлительными и нежными, они называли своих детей в честь белых, которые были добры к ним, и каждым способом старались показать их благодарность и доброжелательность.

На это небольшое сообщество на рассвете 14-ого декабря напала группа белых, которые, согласно некоторым старым отчетам, были "пресвитерианами" из Пакстона. Они нашли только шестеро индейцев дома - трех мужчин, двух женщин и мальчика. Остальные отсутствовали, или работали у белых фермеров, или продавали свои мелкие товары. "Этих бедных беззащитных

существ немедленно расстреляли, зарезали и зарубили топорами до смерти; индейца Shebaes, среди остальных, просто порезали на куски в его собственной кровати. Со всех их сняли скальпы и ужасно изуродовали тела, после чего их хижины были подожжены, и большинство из них сгорели дотла."

"Shebaes был очень старым человеком, он помогал еще во время второго соглашения с г-ном Пенном в 1701, и с тех пор был преданным другом англичанам. Он, как говорят, был очень хорошим человеком, принимая в расчет его образование; имел наиболее доброжелательный характер."

Из рукописного журнала, сохраненного в это время, принадлежащего правнучке Роберта Барбера, первого поселенца в округе Ланкастер, можно выбрать несколько деталей, известных об этой резне. "Некоторые из убийц пришли прямо с места преступления в дом г-на Барбера. Они были ему незнакомы; но, по законам гостеприимства тех дней, он развел для них огонь в камине и приготовил им завтрак.

"Пока они грелись, они спрашивали, почему индейцам позволяли здесь жить мирно. Г-н Барбер сказал, что они были полностью безобидны, жили на их собственных землях и никого не трогали. Те спросили, каковы были бы последствия, если бы всех этих индейцев убили. Г-н Барбер сказал, что, по его мнению, за это будет такое же наказание, как если бы они убили столько же белых. Они сказали, что у них на этот счет другое мнение, и, через несколько минут - вышли. Тем временем два сына г-на Барбера, приблизительно десяти или двенадцати лет, пошли посмотреть на лошадей незнакомцев, которые были оставлены на небольшом расстоянии от дома.

"После того, как мужчины ушли, мальчики вбежали и сказали, что у тех к седлам были привязаны томагавки, которые были все в крови, и что у них был пистолет Кристи...Кристи был маленьким индейским мальчиком их же возраста. Они с ним были очень близки, поскольку он был их приятелем, и делал для них луки и стрелы."

В то время как семья обсуждала это событие, и задавалась вопросом, что все это могло означать, к ним прибежал задыхающийся посыльный и сообщил им о том, что произошло. Г-н Барбер сразу же пошел на место преступления, и там он нашел убитых индейцев, лежащих в тлеющих руинах их домов - "как полу сгоревшие дрова." Он "с некоторыми проблемами, достал их тела, чтобы подготовить их к погребению."

"Говорили, что в начале резни индейская мать поместила своего маленького ребенка под бочкой, приказывая ему не делать ни звука, и в бочку попала пуля, которая сломала руку ребенка, но он, тем не менее, молчал."

Судьи из Ланкастера, также глубоко потрясенные этим ужасным варварством, немедленно разослали посыльных, нашли оставшихся индейцев везде, где только можно, привели их в город для защиты, и поселили их в недавно построенном исправительно-трудовом лагере (в тюрьме), который был самым укрепленным и защищенным зданием в тех местах. Губернатор Пенсильвании выпустил провозглашение, приказывая всем судьям, шерифам и "подданным Его Величества, находящимся в регионе," приложить все усилия, чтобы арестовать преступников - авторов этого преступления, а также - их соучастников и сообщников. Но "ребята из Пакстона" высмеяли судей и губернатора. Две недели спустя они снова собрались в количестве пятьдесят человек, поехали в Ланкастер, спешились, выбили двери тюрьмы и убили там каждого индейца.

"Когда бедные люди увидели, что у них нет никакой защиты, что они не могут убежать, и что у них нет оружия, чтобы защитить себя, они разделились на свои небольшие семьи, дети цеплялись за их родителей. Они все пали ниц, говорили, что ни в чем не виноваты, что любят англичан и за всю свою жизнь никогда не делали им ничего плохого. И в этой позе они все приняли смерть, мужчины, женщины и дети - все были жестоко и хладнокровно убиты. * * * Варвары, которые совершили этот зверский акт, вопреки правительству, всем законам - людским и божественным, к вечному позору их страны и нации, сели затем верхом на своих лошадей, и поехали с триумфом, как будто они одержали победу. Они уехали беспрепятственно. * * * Тела убитых, после этого, вынесли на улицу и похоронили. Но зло нельзя покрыть, и вина ляжет на всю эту землю, пока правосудие не найдет убийц. Кровь невинных будет кричать к Небесам, жаждая мести."

Эти последние фразы извлечены из брошюры, напечатанной в Филадельфии во время резни; напечатанные анонимно, потому что "страх настолько охватил умы людей", что ни автор, ни печатник не посмели дать "имя или местожительство."

Есть также личные письма, все еще сохраненные, которые дают отчет об этом деле. Часть одного письма - от Уильяма Генри, из Ланкастера, к другу в Филадельфии.

Он говорит: "Тогда в городе находился полк солдат, разделенный на четыре части в бараках. И все же, этим убийцам разрешили раскрыть двери городской тюрьмы и сотворить весь этот ужас. Первое упоминание об этом деле было в то время, когда я был в магазине своего отца около здания суда. Я видел, как много людей бежали по улице к зданию тюрьмы, что подвигло меня и других парней следовать за ними. Приблизительно в шести или восьми ярдах от тюрьмы мы встретились с 25-30 мужчинами на лошадях, с винтовками, томагавками и ножами для снятия скальпов - полностью экипированные для убийства. Я побежал в тюремный двором, и там, о Боже, какое ужасное зрелище предстало моему взору! Около черного хода тюрьмы лежали старый индеец с его супругой, особенно известные и уважаемые людьми города за спокойное и дружественное поведение. Его звали Уилл Сок. Вокруг него и его скво лежали двое детей, возрастом около трех лет, головы которых были расколоты томагавком и со снятыми скальпами. На середине тюремного двора, вдоль западной стороны стены, лежал сильный индеец, которому, как я заметил, выстрелили в грудь. Его ноги были порублены томагавками, руки отрезаны, и винтовочная пуля, попав в рот, разнесла его голову на атомы так, что мозги были разбрызганы и висели на стенах в трех или четырех футах вокруг. Руки и ноги этого человека были отрублены томагавком. Подобным же образом лежали они все - мужчины, женщины и дети - распростертые в тюремном дворе, застреленные, без скальпов, порезанные и порубленные на куски."

После этого губернатор Пенсильвании выпустил второе провозглашение, еще более строгое чем первое, и предложил награду в 600$ за поимку одного из трех главарей.

Но "пакстоновские ребята" теперь походили на диких животных, которые попробовали вкус крови. Они угрожали надавить на квакеров и на всех людей, которые сочувствовали или защищали индейцев. Они открыто дразнили и высмеивали губернатора и его провозглашения, и отправились однажды в Филадельфию, заявления о своем намерении убить всех моравских индейцев, которые там были помещены под защиту военных.

Их продвижение через страну походило на марш группы маньяков. В личном письме, написанном Дэвидом Риттенхаусом в это время, он говорит: "Приблизительно пятьдесят этих негодяев прошли рядом с моей мастерской. Я видел сотни индейцев, путешествующих через страну, и могу искренне утверждать, что поведение этих белых ребят было в десять раз более диким и зверским. Они пугали женщин, направляли на людей оружие через окна, громко кричали и ругались; нападали на мужчин без наименьшей провокации, тащили их за волосы по земле, и притворство снимали с них скальп; стреляли в собак и домашнюю птицу. И это - лишь некоторые из их деяний."

Почти невероятно поверить в тот факт, что в это время много людей оправдывали эти действия. Епископальный священнослужитель в Ланкастере написал в их поддержку, "ссылаясь на Священное писание, чтобы доказать, что это правильно - уничтожать язычников;" и "пресвитериане думают, что у них есть еще лучшее оправдание - не что иное, как Слово Божье," - говорит один из авторов по поводу резни.

"Используя извращенную трактовку Священного писания, они могут не останавливаться ни перед чем, игнорируя заповедь 'Не убий', оправдывать их зло командой, данной Джошуа, чтобы он уничтожал язычников. Дикое извращение Священного писания и религии порождает худшие преступления против Бога, Любви и Мира" Банально говорить, что история повторяется; но невозможно сейчас читать эти отчеты о резне беззащитных и миролюбивых индейцев в середине восемнадцатого столетия, не вспомнив, что в истории 19 столетия есть точно такие же пятна. То, что пионеры Пенсильвании сделали в 1763 с беспомощными и миролюбивыми индейцами конестога, пионеры Колорадо сделали в 1864 с беззащитными и миролюбивыми шайеннами в Сэнд Крик, и угрожали сделать снова с миролюбивым ютами в 1880. Слово "истребление" сегодня точно также вертится на языке у жителя пограничной полосы, как это было сто лет назад; и угроза теперь более знаменательна, поскольку мы после целого столетия процветания - более сильные и более многочисленные, и индейцы, после столетия страданий и притеснений - в меньшинстве и слабы. Но наше преступление - хуже, и наш позор - глубже, в той же самой пропорции.

Сразу после этой резни индейцев конестога последовало "переселение" дружелюбных индейцев - самое раннее в истории, и чья жестокость и цена для индейцев дает ему право быть упомянутым при рассказе о резне.

Всюду в провинциях фанатики начали возобновлять старый клич, что индейцы был Канааниты, которых Бог приказал Джошуа уничтожить; и что эти войны были символом неудовольствия Бога европейцами за то, что те позволили "язычникам" жить. Скоро моравскому индейцу стало опасно даже просто появляться на людях. Напрасно он носил один из паспортов губернатора Пенсильвании в кармане. Его обычно стреляли на месте, не дожидаясь, пока он вытащит паспорт. Даже в деревнях не было гарантии безопасности. Преданные индейские прихожане были на чеку день и ночь, "не зная в какой час они могли услышать фатальный боевой клич враждебных членов их собственной расы, которые пришли их убить; или внезапно быть застреленными белыми поселенцами, которые пришли отомстить за произвол, совершенный какими-то дикарями за сотни миль до этой местности".

С каждым прибывающим отчетом о индейской резне на Севере, ярость белых людей по всей стране достигла высшей отметки, и даже охристианизированные индейцы испытывали неблагоразумную ненависть. Но, как написал один из моравских миссионеров: "Бог смягчил

сердца главных судей и они встали на нашу защиту. 6 ноября из Филадельфии прибыл экспресс со всеми крещенными индейцами от Нэйн до Вейчуэтан, которых привезли в Филадельфию и защитили в городе, но они прежде сначала сдали свое оружие."

Два дня спустя обе этих конгрегации отправились в свое печальное путешествие, плача, когда они уезжали из своих домов. Они соединили силы в Вифлееме, на берегу Лекбы."

С ними были четыре моравских миссионера, и некоторые из братьев из Вифлеема сопровождали их всю дорогу. "Шериф, г-н Дженнингс, заботился о них как отец."

Людей в возрасте, больных и маленьких детей везли в фургонах. Все другие, и женщины, и мужчины, шли пешком. Ноябрьские дожди сделали дороги очень тяжелыми. В то время, как утомленные и убитые горем люди медленно тащились вперед через грязь, их приветствовали проклятиями со всех сторон. Когда они проходили через улицы Джермантауна, собралась толпа и следовала за ними, жестоко насмехаясь над ними и угрожая их сжечь, повесить и причинить другие пытки. Говорили, что некоторые организовались в группу, чтобы серьезно на них напасть, но им помешала темнота и гроза. Четыре дня длился этом утомительный марш, и 11 ноября они достигли Филадельфии. Здесь, несмотря на положительный приказ губернатора, офицеры, командующие бараками, отказались их впускать. С десяти утра до трех часов дня беспомощные существа стояли перед закрытыми воротами - посыльные, бегали туда-сюда между неповинующимся гарнизоном и изумленным и бессильным губернатором; толпа сгущалась и становилась все более буйной час за часом, прижимая индейцев с каждой стороны, высмеивая их, оскорбляя их, обвиняя их во всей смертных грехах и угрожая убить на месте. Миссионеры храбро стояли около их паствы и напрасно пробовали прекратить или разрядить поток оскорблений. Но все, чего они достигли - это навлекли те же оскорбления и насмешки на свою собственную голову.

Только изумительное терпение индейцев и то, что они не отвечали, спасли их от смерти от этой раздраженной толпы. На худшие оскорбления они не отвечали, не пытаясь отомстить или защититься. Они позже сказали, что успокаивали себя, "размышляя какие оскорбления и насмешки перенес за них наш Спаситель."

Наконец, после пяти часов, губернатор, неспособный заставить гарнизон открыть бараки, послал приказ, что индейцы должны быть доставлены в Провинс Айленд, острову на реке Делавэр, соединенному с сушей с помощью дамбы. Еще шесть миль, рискуя жизнью каждую милю, шли эти бедные существа. Когда они снова проходили через город, их преследовали тысячи людей, как это записано в старом отчете - "с таким ужасным шумом, что их можно было бы действительно рассматривать как овец среди волков."

Намного позже наступления ночи, они достигли острова и были поселены в некоторых неиспользованных зданиях, больших и неудобных. Там они провели вечернюю службу, и набрались храбрости от того факта, что сегодняшней молитвой тот красивый тридцатисекундный псалом, который успокоил очень много озадаченных душ: "Я покажу вам путь, которым вы должны пойти."

Здесь они поселились так удобно, как могли. Миссионеры имели с ними свои обычные встречи, и гуманные люди из Филадельфии, "особенно некоторые, называющие себя квакерами," посылали им провизию и топливо, и пробовали различными способами "уменьшить неудобство их печальной ситуации."

Еще до того, как они провели здесь месяц, некоторые из деревень, которые они покинули, были сожжены, и буйная толпа из Пакстона, которая убила всех мирных индейцев индейца конестога, заявила о своем намерении пойти на Провинс Айленд и убить там каждого индейца.

Губернатор Пенсильвании выдавал указ за указом, запрещая любому, под угрозой самых серьезных наказаний, досаждать индейцам под его защитой, и предлагал награду 200 фунтов за поимку главарей повстанцев. Но общество распалилось до такой степени, что правительство было фактически бессильно. Известные главари и их сочувствующие высокомерно шествовали перед домом губернатора, насмешливо дразня его, и даже двести фунтов не вынуждали никого на них нападать. Во многих частях округа Ланкастер были организованы партии с общепризнанным намерением пойти в Филадельфию и убить всех индейцев под защитой правительства. 29-го декабря слухи достигли Филадельфии, что большая группа этих мятежников была в дороге; и губернатор на рассвете следующего дня послал в Провинс Айленд большие лодки, приказывая миссионерам поместить их людей на борт как можно быстрее, направляться к острову Лик и ждать дальнейших указаний. В беспорядке и ужасе конгрегация повиновалась, и бежала на остров Лик. Позже в этот же день прибыло второе письмо от губернатора, говоря им, что тревога оказалась ложной. Они могли снова возвратиться на остров Провинс, где они будут под охраной; и что лучше бы они держали лодки наготове, в случае подобной чрезвычайной ситуации.

"Они немедленно с радостью возвратились в их прежнее жилье," - говорится в старом отчете, "успокоенные молитвой того дня 'Бог - моя сила и мой щит; мое сердце доверено Ему' (Ps. XXVIII, 1). Они завершили этот замечательный год молитвой и благодарением за всех доказательства помощи Бога во многих тяжелых испытаниях."

Четыре дня спустя миссионеры получили второй приказ на мгновенный отъезд. Сообщения об убийственных намерениях мятежников подтвердились, и губернатор, ясно видящий собственную беспомощность им противостоять, решил послать индейцев на север под защиту английской армии, и особенно - сэра Уильяма Джонсона, агента Короны среди северных индейцев. При выполнения этого плана не теряли времени, поскольку в любой момент толпа могла напасть на остров Провинс. Соответственно, в полночь 4-ого января, беглецы снова вышли, прошли через Филадельфию необнаруженные, и встретили моравских братьев, которые обеспечили им завтрак. Здесь они были встречены комиссаром, г-ном Фоксом, который был назначен взять на себя ответственность за их поездку. Г-н Фокс потрясенный до глубины души их страдальческим внешним видом, немедленно послали людей купить одеяла, и раздать среди них, чтобы хоть как-то защитить людей от холода. Для людей в возрасте, больных, слепых, маленьких детей, и тяжелого багажа, были привезены фургоны; и снова жалкая процессия поднялась на марш. И снова сердитая толпа собралась на ее пути, проклиная и ужасно оскорбляя, сдерживаемая от насилия только страхом. Если бы не защита военного эскорта, они едва бы избежали убийственного нападения.

В Амбое располагались два шлюпа готовые транспортировать их в Нью-Йорк; но как только они достигли пункта назначения и уже готовились высаживаться, от губернатора Нью-Йорка прибыл посыльный с сердитыми приказами, чтобы ни один индеец не ступил на эту территорию. Даже перевозчикам запретили, под угрозой тяжелейших штрафов, переправлять индейцев через реку.

Специальный уполномоченный, отвечающий за них, был в большом недоумении, и послал губернатору Пенсильвании вопросы по дальнейшим действиям, разместив тем временем

индейцев в бараках Амбоя. Здесь они проводили свои ежедневные встречи, пели и усердно молились, пока наконец сердца многих их врагов не смягчились, и не прониклись уважением и сочувствием к ним; даже солдаты говорили: "Ей Богу, были бы все белые люди такими же хорошими христианами как эти индейцы."

Губернатору Пенсильвании ничего не оставалось, кроме как приказать транспортировать индейцев обратно. В отчете указано: "Индейская конгрегация отправлялась в путь с жизнерадостностью по поводу их возвращения, в полной уверенности, что Бог с хорошей предусмотрительностью и в мудрых целях, известных только Ему, предопределил их путешествие и туда, и обратно. Эта вера поддерживала их сквозь все "трудности, с которыми они столкнулись в их поездках, совершенных в самые суровые части зимы."

Они совершили поездку обратно с многочисленным военным эскортом - один взвод впереди, один - сзади. Этот эскорт состоял из солдат, которые, только приехав из Ниагары, где они участвовали в боях с северо-западными дикарями, были сначала расположены относиться к этим беззащитным индейцам со зверской жестокостью; но они были скоро разоружены нежным терпением индейцев, и стали сердечными и дружелюбными.

Обратное путешествие было тяжелым. Старые и слабые люди ослабли еще больше от многочисленных затруднений, сильно страдали маленькие дети. При пересечении некоторых замороженных рек, слабые были вынуждены ползать на руках и ногах по льду.

24-ого января они достигли Филадельфии, и были сразу распределены по баракам, где почти немедленно толпы людей снова начали им досаждать и угрожать. У губернатора, теперь полностью серьезного и намеренного отстоять собственную честь и честь штата, перед бараками был установлен крепостной вал с восемью тяжелыми орудиями. Граждане были призваны к оружию, и волнение было столь значительным, что говорят даже квакеры взяли оружие и торопились к баракам защищать индейцев; и сам губернатор пришел к ним в полночь, чтобы заверить их обещаниями защиты.

4-ого февраля были получены новости, что мятежники в большой силе приближались к городу. Но услышав о приготовлениям к их встрече, они не рискнули войти. Но ночью 5-го числа, однако, они приблизились снова. Проснулся целый город, церковные колокола звонили, костры горели, орудие стреляло, жители проснулись и побежали к ратуше, где всем раздавали оружие. Еще четыре орудия были установлены на бараках, и весь тот день был проведен в почасовом ожидании мятежников. Но их дерзкие вызовы не подтвердились действием. Видя, что город был против них во всеоружии, они остановились. Губернатор тогда послал делегацию граждан, чтобы спросить их, чего они хотели.

Они нагло утверждали, что среди индейцев были некоторые, совершившие убийства, и что они должны быть выданы. Некоторых из главарей тогда взяли в бараки и попросили указать на убийц. Смутившись, они были вынуждены признать, что не могли обвинить там ни одного индейца. Тогда они обвинили квакеров в том, что те спрятали от них шестерых индейцев. Это также было опровергнуто, и наконец волнение спало.

На всем протяжении весны и лета индейцы оставались заключенными в бараках. Их ситуация стала почти невыносимой от заключения, вредной диеты, и депрессии, неизбежной в их состоянии. В придачу к их страданиям среди них вспыхнула оспа, и пятьдесят шесть человек умерло в ходе лета от этой отвратительной болезни.

"Мы не можем описать," - сказали миссионеры, - " ту радость и пылкое желание, которое большинство из них выказало при перспективе встретиться со Спасителем лицом к лицу. Мы с изумлением видели силу крови Иисуса в сердцах бедных грешников." Это было, без сомнения, верно; но также, возможно, мысли бедных умирающих существ привела в экстаз простая перспектива свободы, после года подобного заключения и страданий.

Наконец, 4-ого декабря, новости о мире достигли Филадельфии. 6 числа было издано провозглашение во всех газетах, что война была закончена и военные действия должны прекратиться. Радость, с которой заключенные индейцы получили эти новости, едва можно прочувствовать. "Это неописуемо," - говорится в отчете, и, - "это было проявлено в благодарениях и похвалах Богу."

Однако, для них все еще было опасно возвращаться в их старые дома, плотно окруженные белыми поселенцами, которые в глубине души вряд ли были менее враждебными сейчас, чем они были перед провозглашением мира. Было решено, поэтому, чтобы они сделали новое поселение в индейской стране на реке Саскуэханна. После трогательного прощания с их старыми друзьями из Вифлеемской конгрегации, и благодарного прощания с губернатором, который защищал и поддерживал их в течение шестнадцати месяцев, они отправились Запреля в их новый дом в дикой местности. В третий раз их старики, больные и маленькие дети были размещены в перегруженных фургонах для долгой и трудной поездки - намного тяжелой, чем любая, которую они до этого предпринимали. Негостеприимность одинокой дикой местности была хуже, чем проклятия буйных толп. Их настигли серьезные метели. Они располагались лагерем на ледяных болотах, всю ночь дрожа вокруг тлеющих костров из влажной древесины. Чтобы избежать все еще враждебных белых, они должны были делать большие крюки через нехоженные леса, где им нужно было прорубывать себе дорогу метр за метром. Мужчины находили ручьи и делали плоты для женщин и детей. Иногда, когда потоки были достаточно глубокими, они разбивали лагерь, и ждали пока не построятся каноэ. Они несли тяжелые грузы товаров, для которых совсем не было места в фургонах. Переходя высокие, крутые холмы, они часто должны были делить свои грузы на маленькие пакеты, удваиваясь и утраивая таким образом маршрут. Их провизия закончилась. Они ели горький дикий картофель. Когда дети плакали от голода, они очищали ветки каштановых деревьев, и давали им сосать сладкую и сочную внутреннюю кору. Часто у них не было никакой воды, за исключением мелких, грязных луж. Однажды они были окружены пылающим лесом, огни которого отчаянно горели часами вокруг их лагерной стоянки. Некоторые люди умирали и их хоронили прямо по пути.

"Но обо всех этих испытаниях они забывали на ежедневных встречах, на которых они наиболее заметно и удобно чувствовали присутствие Бога. Они всегда проводились вечером, вокруг большого огня, под открытым небом."

Они праздновали "радостное ознаменование" Пасхи, и провели Страстную неделю "в счастливом принятии" страданий Иисуса, чье "присутствие поддерживало их во всех несчастьях настолько, что они никогда не теряли свою жизнерадостность и веру в лучшее" в течение пяти долгих недель этой ужасной поездки.

8 мая они достигли Machwihilusing и "забыли все боли и проблемы от радости, что достигли своего будущего места жительства. * * * С радостью и благодарением, они снова посвятили себя Ему, кто теперь дал отдых для их ног."

"С возобновленной храбростью "они выбрали себе дом на берегу Саскуэханны, и начали возводить здания. Они дали поселению имя Friedenshutten - имя, полное смысла и идущее из сердец этих преследуемых странников: Friedenshutten - "Палатки мира."

Если бы все это преследование упало на этих индейцев только потому, что они были христианами, то отчет об этом, хотя и жалобный, но был бы только одним из тысяч отчетов о страданиях христианских мучеников, и вызывал бы наше сочувствие меньше, чем многие другие. Но это было не так. Просто потому, что они были индейцами, люди требовали лишить их жизни, убивали бы их снова и снова, если бы вся мощь правительства не встала на их защиту. Тот факт, что они были христианами не значил больше того факта, что они были миролюбивыми. Они были индейцами, и жители пограничной полосы Пенсильвании хотели либо изгнать всех индейцев из их штата, либо убить их - так же, как жители пограничной полосы Небраски и Колорадо теперь намереваются сделать, если смогут. Мы увидим, настолько ли же сильно правительство Соединенных Штатов сегодня, как правительство округа Пенсильвании было в 1763 году; или же оно попробует сначала (и потерпит неудачу), как это сделал Джон Пенн, переселить беспомощных, преследуемых существ куда-нибудь под временное убежище, для отсрочки проблемы их защиты.

Спустя шестнадцать лет после резни индейцев конестога, произошла резня в Gnadenhutten - самое черное преступление в длинном списке - резня, равной которой по подлости и жестокости не найти в истории истребления белых индейцами.

II. Резня в Gnadenhutten.

В 1779 году конгрегации моравских индейцев, живущих в Гнаденхутене, Салем, и Шонбруне на реке Маскингум, были вынуждены из-за враждебных индейцев оставить свои деревни и пойти на север к реке Сэндаски. Это движение было спровоцировано англичанами, которые стали подозревать, что влияние моравских миссионеров увеличилось в колониях, и что их деревни были безопасными центрами информации и запасов. Эти индейцы вообще не принимали участия в войне, не были никакого предлога для открытого вмешательства в их дела; но английские агенты не сочли трудным стравить между собой враждебные племена, чтобы достичь своих планов. И когда обеспокоенные конгрегации наконец согласились передвинуться, дикарями, которые сопровождали их, командовали английские офицеры.

"Дикари вели их вперед как скот," - говорится в старом рассказе; "Белые братья и сестры, окруженные верующими индейцами." "Однажды утром, когда индейцы не могли отправиться так быстро, как хотелось дикарям, те напали на белых братьев, и вынудили их выдвигаться в одиночку, хлеща их лошадей и гоня их вперед, пока те не стали дикими, и даже не разрешили выделить время, чтобы матери покормили грудью своих детей. Дорога была очень плохой и постоянно вела через болота. Сестра Цайсбергер дважды упала с лошади, и один раз повисла в стремени, и лошадь тащила ее в течение некоторого времени; но помощь пришла очень быстро, и Бог сохранил ее от вреда. Некоторые из верующих индейцев следовали за ними с такой скоростью, которая только была возможна, но несмотря на все их усилия, так и не догнали их до наступления ночи."

В течение одного месяца эти неудачливые люди путешествовали таким образом через дебри. Когда они достигли ручья Сэндаски, дикари оставили их, чтобы те позаботились о себе сами. Они были более чем за сто миль от своих домов, "в дикой местности, где не было ни дичи, ни

провизии." Здесь они построили хижины из бревен и коры. У них не было ни кроватей, ни одеял. Фактически, единственными вещами, которые дикари им оставили, была посуда для того, чтобы делать кленовый сироп. Это была середина октября, когда они достигли Сэндаски. Уже было холодно, и приближалась зима. В ноябре губернатор Де Пеисте, английский командующий в форте Детройт, вызвал миссионеров на переговоры, чтобы те опровергли обвинения, выдвинутые против их конгрегаций в том, что они оказывают пособничество и ведут подстрекательство в колонии.

"Миссионеры ответили, что они нисколько не сомневались в подобных обвинениях, так как очень злые слухи, должно быть, достигли его ушей, поскольку то обращение, с которым они столкнулись, достаточно доказывало, что их рассматривали как виновных людей, но что эти слухи были ложными. * * * В Конгрессе действительно знали, что эти люди действительно были наняты как миссионеры среди индейцев, а не тревожил их; но они никогда не давали указаний, куда нужно двигаться дальше."

Губернатор, убежденный в невиновности и прямоте этих благородных мужчин, публично объявил, что "он очень удовлетворен их усилиями по воспитанию и обращению индейцев в христианство, и разрешит им возвратиться в их конгрегации." После этого он дал им паспорта для поездки обратно в Сэндаски, и приложил разрешение, что они должны выполнять свои функции среди христианских индейцев без назойливости.

Это оставило их в покое от нападений враждебных индейцев; но все равно еще оставались ужасные предчувствия смерти от голода и холода. На земле лежали глубокие снега. Их торопливо построенные хижины были настолько маленькими, что в них было невозможно развести большой огонь. Так как полом в них служила только голая земля, всякий раз, когда снег таял, поднималась вода и затем снова замерзала. Рогатый скот умер из-за отсутствия еды, и трупы были жадно сожраны; грудные дети умирали из-за отсутствия молока в груди их матерей от голода; суточные порции зерна каждому взрослому человеку составляли одну пинту, и даже этих крох, как выяснилось, хватит до весны.

Однако, "они встречали рождественские праздники с жизнерадостностью и благословением, и завершили этот замечательный год благодарностью и похвалой Ему, Спасителю людей. Но, имея ни хлеба, ни вина, они не могли провести обряды."

Тем временем зерно все еще стояло несобранным в их старых домах на реке Маскингам. Осыпавшееся от непогоды, замерзшее - оно все равно казалось бесценным кладезем этим голодным людям. Начал обсуждаться проект по возвращению за этим зерном. Требовалось пройти 125 миль; но в конце путешествия у них должно было быть еды в изобилии. Наконец было решено, что нужно предпринять попытку. Их первый план состоял в том, чтобы спрятать их семьи в лесу, на некотором расстоянии от поселений, чтобы избежать опасности от враждебных белых. На их пути, однако, они были встречены некоторыми из их братьев из Шонбруна, которые посоветовали им открыто возвращаться в их покинутые города, уверяя их, что американцы уже были дружелюбны по отношению к ним. Они соответственно так и сделали, оставаясь в течение нескольких недель в Салеме и Гнаденхуттене, работая день и ночь, собирая и обрабатывая поврежденное непогодой зерно, пряча его на будущее в ямах в лесу. В тот самый день, который они должны были выдвигаться с грузом зерна, чтобы возвратиться к их голодающим друзьям и родственникам в Сэндаски, в Гнаденхуттене появился отряд из 100-200 белых. Увидев индейцев, рассеянных по на всем полям, они подъехали к ним, выражая радость от встречи с ними, и говоря,

что они доставят их в Пенсильванию к месту, где они были бы вне преследований враждебными дикарями или англичанами. Они представились "друзьями и братьями, которые преднамеренно вышли, чтобы уменьшить бедствия, навлекаемые на них из-за того, что они были друзьями американского народа. * * * Христианские индейцы, нисколько не сомневаясь относительно их искренности, подходили к ним и благодарили за то, что те были так добры; в это время белые снова давали гарантии, что они хорошо поступят с индейцами хорошо. После этого они советовали им прекратить работу и проследовать в город, чтобы сделать необходимые приготовления к поездке, где эти люди будут вне досягаемости их врагов, и где им в изобилии дадут все, в чем они нуждаются."

Они предложили отвезти их в Питсбург, где те будут вне возможности любого нападения со стороны англичан или дикарей. Все это индейцы восприняли, как пишет один из их миссионеров, "с облегчением, придя к заключению, что Бог, возможно, выбрал этот метод, чтобы положить конец их страданиям. Охваченные этой идеей, они бодро отдали свои ружья, топоры и другое оружие убийцам, которые обещали проявить о них хорошую заботу, и в Питсбурге все вернуть законным владельцам. Наши индейцы даже показали им все те вещи, которые они спрятали в лесу, помогли все это собрать и все отдали этим притворным друзьям."

Тем временем один из помощников, по имени Джон Мартин, пошел в Салем, находившийся в десяти милях, и принес хорошие новости, что отряд белых вышел из поселений, чтобы отвести их в безопасное место и дать им защиту. "Салемские индейцы," - говорится в этом же рассказе, - "без смущения приняли это предложение, единодушно полагая, что Бог послал американцев, чтобы освободить их от их страданий в Сэндаски, и предполагая, что когда они достигнут Питсбурга, они скоро смогут безопасное место для постройки поселения, и легко найдут совет и помощь со стороны Вифлеема."

Некоторые из белых выразили желание увидеть деревню Салем, индейцы их туда провели и приняли с большой дружбой. По пути белые вступили в духовную беседу со своими ничего не подозревающими компаньонами, симулируя большое благочестие и рассуждая о многих религиозных и библейских предметах. Они предложили также помочь Салемским индейцам перевезти их вещи.

Тем временем, беззащитные индейцы в Гнаденхуттене внезапно подверглись нападению, их сбили к кучу, связали веревками и взяли под стражу. Как только прибыли Салемские индейцы, их постигла та же судьба.

Убийцы тогда провели совет, чтобы решить, что делать с индейцами. Большинством голосов было решено убить их всех на следующий день. Следует сказать, что в этой группе были некоторые, кто выражал протест, объявляя, что эти индейцы были невиновны и безопасны, и их следует освободить, или, по крайней мере, передать правительству как заключенных. Их протесты были бесполезны, и видя, что они не могут убедить этих монстров и спасти жизни индейцев, "они воздели руки, призывая Бога, чтобы он засвидетельствовал, что они были невинны и на их руках нет крови христианских индейцев. После этого они ушли на некоторое расстояние, чтобы избежать сцены резни."

Большинство же было непоколебимо, и только никак не могло согласиться относительно метода как казнить их жертв. Некоторые хотели сжечь их заживо; другие хотели забить их томагавками и снять с них скальп. Было выбрано последнее, и индейцам послали сообщение, что "поскольку

они были христианскими индейцами, они могли бы самостоятельно подготовиться по христианским обычаям, поскольку завтра они все должны умереть."

Остальную часть рассказа лучше всего передать словами моравских миссионеров: "Легко можно понять, насколько велик был их ужас, столь неожиданного услышать смертный приговор. Однако, они скоро взяли себя в руки, и терпеливо подчинились убийцам, когда те разделили их и повели в два здания - в одном были заключены мужчины, в другом - женщины и дети. * * * Выяснив, что все мольбы о спасении не привели ни к какой цели, и что некоторые, более кровожадные чем другие, стремились разобраться с индейцами сей же час, они все вместе попросили короткую отсрочку, чтобы они могли бы самостоятельно подготовиться к смерти, и эту просьбу удовлетворили. Тогда прося прощения за любое оскорбление или горе, которое они причинили друг другу, они стали на колени, вознося пылкие молитвы за Богу, их Спасителю, и целуя друг друга. Под потоком слез, полностью оставленные на его милость, они пели ему похвалы, в радостной надежде быть скоро избавленными от всех болей и присоединиться к своему Избавителю в постоянном счастье. * * * Убийцы, которым не терпелось начать, пришли к ним снова в то время, когда они пели, и спросили готовы ли они теперь к смерти. Им ответили утвердительно, добавив, что они передали свои бессмертные души Богу, который дал им гарантию в их сердцах, что он примет их души. Один из палачей, подняв молоток бондаря, который лежал в доме, со словами: ‘Посмотрим насколько он хорош для этой цели,' - начал с Абрама и продолжил забивать одного за другим, пока не убил своими руками четырнадцать человек. После он вручил инструмент одному из его товарищей-убийц, говоря: 'Моя рука подводит меня. Продолжай в том же духе. Я думаю, что у меня получилось вполне прилично.' В другом доме, где были заключены главным образом женщины и дети, Джудит, удивительно набожная вдова в возрасте, пала первой жертвой. После того, как они закончили свое ужасное действо, они отошли на некоторое расстояние от побоища; но через некоторое время вернулись снова, чтобы рассмотреть трупы, и нашли одного из них (Авеля), хотя он был скальпирован и изломан, пытающегося встать с пола. Поэтому они начали бить его с новой силой, чтобы он никогда больше не поднялся. * * * Таким образом девяносто шесть человек прославили имя Бога, терпеливо встретив жестокую смерть. Шестьдесят два взрослых и тридцать четыре ребенка. Многие из них родились от христианских родителей в цивилизованном обществе, и были среди тех, кто в 1763 году был взят под защиту правительства Пенсильвании во время беспорядков мятежников из Пакстона. * * * Два мальчика, приблизительно четырнадцати лет чудом избежали из этой резни. С одного из них сняли скальп и бросили умирать. Придя в себя, он осмотрелся; но с большим здравым смыслом снова быстро упал, имитируя мертвого. Через несколько мгновений он увидел, что убийцы возвратились, и снова погрузили свои топоры в череп Абеля, который пытался подняться, хотя с него сняли скальп и ужасно изуродовали. Как только стало темно, Томас пополз по трупам и убежал в лес, где скрывался до ночи. Другой парень, который был заключен в доме с женщинами сумел незамеченным проскользнуть через лазейку в подвал, где он весь день пролежал прячась. Кровь все время потоками лилась на него через пол. В темноте он убежал через маленькое окно и дополз в лес, где он столкнулся с Томасом, и они двое сумели вместе, после невероятных трудностей, пробраться в Сэндаски. Описать горе и ужас индейской конгрегации, услышавшей, что такое большое количество их братьев было безжалостно уничтожено - невозможно. Родители плакали и убивались потере их детей, мужья оплакивали жен, а жены - мужей, дети оплакивали родителей, сестры - братьев, а братья - сестер. Но они злословили и при этом не призывали к мести убийцам - но молились за них. И их самым

большим утешением была полная уверенность, что все их любимые родственники были теперь дома, в присутствии Бога, в радости и благодати."

Отчет об этой резне был опубликован в Pennsylvania Gazette от 17-ого апреля 1782. Там было следующее:

"Люди очень встревожились, получив вести о том, что индейские города около Маскингам не переместились. Как сообщается, много вооруженных мужчин собрались и направились в Огайо, напротив Минго Боттом, с желанием застать вышеупомянутые города врасплох.

"Сто мужчин переправились через реку и продолжили двигаться к городам около Маскингам, где индейцы собрали большое количество условий, чтобы обеспечить пищу взводам своих воинов. Они достигли города ночью, необнаруженные, напали на индейцев в их домах. Атака была настолько внезапной, что они убили и сняли скальп с около девяноста человек, но некоторые сбежали. Их было приблизительно сорок воинов и остальные - старухи и дети. Приблизительно восемьдесят лошадей попали в руки белых, которые они нагрузили трофеями, в основном - мехами и кожей, и возвратились в Огайо не потеряв ни одного человека."

III. Резня апачей.

Меньше чем через сто лет после этой резни в Гнаденхуттен, офицер армии Соединенных Штатов, размещенной в лагере Грант на территории Аризоны, пишет своему командиру следующее письмо:

Лагерь Грант, Аризонская Территория, 17-ого мая 1871.

"Дорогой Полковник, - Спасибо за Ваше доброе письмо на прошлой неделе. Если бы я мог Вас увидеть, основательно поговорить и ответить на все Ваши вопросы, я мог бы дать Вам более ясное представление об истории индейцев на этом посту, чем с помощью любого письменного отчета. Имея возможность постоянно за ними наблюдать в течение почти трех месяцев, и постоянно думая о них, я настолько уверился в определенных вещах, что склонен забыть то количество доказательств, которое необходимо, чтобы убедить даже самый беспристрастный ум человека, который не был с ними в прямом контакте. Я, однако, попытаюсь дать Вам связный отчет, и если он окажется недостаточно подробным, Вы сможете убедиться, что все его положительные заявления подтвердят свидетельства всех компетентных судей, которые были на этом посту и осведомлены о фактах.

"Однажды в феврале пять старух пришли под белым флагом с письмом от Полковника Грина, говоря, что они были в поисках мальчика - сына одного из числа взятых под стражу около Солт Ривер за несколько месяцев до этого. Об этом мальчике хорошо заботились, он привык к новому способу жизни и не хотел возвращаться. Женщин любезно приняли, кормили пока они были здесь, и через два дня они ушли, спросив разрешения возвратиться. Они вернулись приблизительно через восемь дней, я думаю, в еще большем количестве, принеся с собой вещи на продажу и хотели купить одежду, так как были полуголыми. Перед уходом они сказали, что молодой вождь хотел бы прийти с сопровождающими и поговорить. Я это только поощрил, и через несколько дней он пришел с приблизительно двадцатью пятью членами группы. Он вкратце заявил, что был вождем племени в примерно 150 человек, и что они происходили от апачей Аравапа; что он хотел мира; что он и его люди не имели дома, и не могли себе ничего построить, поскольку всегда опасались прихода конной армии. Я сказал ему, что он должен пойти

в Уайт Маунтинс. Он сказал: 'Это не наша страна, и они - не наши люди. Мы находимся с ними в состоянии мира, но мы никогда не смешивались с ними. Наши отцы и их отцы и предки жили в этих горах, и выращивали зерно в этой долине. Мы обучены выращивать мескал - наш основной источник пищи, поэтому и летом и зимой у нас есть бесперебойные запасы. В Уайт Маунтинс нет мескала, и без него мы теперь заболеем. Некоторые из наших людей были в Гудвине, и в течение короткого промежутка времени - в Уайт Маунтинс; но они не удовлетворены этой местностью, и как один твердят: "Давайте пойдем в Аравапа, заключим с ними финальный мир, и никогда не будем его нарушать."

"Я сказал ему, что у меня нет полномочий заключать с ним любые соглашения, или же обещать ему, что ему разрешат иметь постоянный дом здесь. Но он может привести свое племя, и я накормлю их и сообщу о его пожеланиях командующему правительства. В то же время прибыли гонцы от двух других малочисленных групп - они просили те же привилегии и приводили те же причины. Я всем ответил то же самое, и приблизительно 11-ого марта у меня здесь собралось более трехсот человек. Я написал об этом подробный отчет, и послал его экспрессом в штаб департамента, прося инструкций, и имея только общую политику правительства в таких случаях как руководство к действию. После того, как я прождал более шести недель, мое письмо было возвращено мне без комментария, кроме того, что они обратили мое внимание к тому факту, что запрос не был сформулирован должным образом. Сначала я поместил индейцев в один лагерь, приблизительно в полумиле от нашего поста, сосчитал их, и выдавал им рацион через день. Их количество устойчиво увеличилось, пока не достигло пятиста десяти человек.

"Зная, что вся ответственность лежала на мне, и что в случае любой потери для правительства, получившейся из этой ситуации, я должен понести наказание, я держал их все время под моим наблюдением, пока уже знал не только лица мужчин, но также - женщин и детей. Они были почти голые, и нуждались во всех видах одежды. Я поощрял индейцев, чтобы они не приносили сено, чтобы я мог бы его купить. Я устроил систему билетов, которыми можно было с ними расплачиваться и поощрять их; и чтобы убедиться, что с ними обращаются должным образом, я лично проверял взвешивание. Я также наводил справки относительно вида товаров, продаваемых им, и их цен. Это все оказалось прекрасным успехом; не только женщины и дети участвовали в работе, но и мужчины. Количество, поставленное ими приблизительно за два месяца, составляло почти 300 000 фунтов.

"В это время множество маленьких групп отсутствовали в лагере и занимались заготовкой мескала. Эти группы состояли всегда главным образом из женщин, и я уверился, отмечая размер групп и количество принесенного мескала, что здесь нет обмана. Сначала я был настроен знать не только все, что они делали, но также и их надежды и намерения. С этой целью я проводил с ними каждый день многие часы, в объяснении им отношения, которые они должны поддерживать с правительством, и перспективы их будущего в случае повиновения, и в случае неповиновения. Я получил от них взамен взгляд на большинство их привычек, мыслей и образа действия. Я хотел рассказать им все, что они хотели знать, и самым простым и самым положительным способом. Они были очень послушны, и удивительно быстро все понимали. Они были счастливы и довольны, и пользовались каждой возможностью, чтобы это показать. Они послали гонцов двум другим группам, которые были связаны с ними смешанными браками, и получили обещания от них, что те также придут и присоединятся к ним. На основании всего, что я успел узнать, я уверен, что если бы не эта непредвиденная бойня, к этому времени у нас была бы в общем одна тысяча человек, и, по крайней мере, двести пятьдесят здоровых мужчин.

Поскольку их число увеличивалось, а погода становилась более теплой, они спросили и получили разрешение переместиться дальше в Аравапа - где повыше и больше воды, и напротив были земли, которые они предлагали окультурить. Им выдавали рационы каждый третий день. Капитан Стэнвуд прибыл первого апреля, и принял управление постом, в то время как он был в пути, он получил словесные инструкции от генерала Стонемена - признать и накормить любых индейцев, которые находились около нашего поста, как военнопленных. После того, как он тщательно осмотрел все, имеющее отношение к поведению и обращению индейцев, он заключил, что не будет ничего менять и был настолько удовлетворен здравости их намерений, что 24-го числа уехал вместе со всем отрядом на длинную разведку нижней части территории. Владельцы ранчо в этой близости были дружелюбны и добры к ним, и чувствовали себя в совершенной безопасности. Они согласились со мной нанимать их за справедливую плату, чтобы те собирали их ячмень. Индейцы, казалось, потеряли свою характерную тягу покупать оружие и боеприпасы, и, во многих случаях, продавали свои лучшие луки и стрелы. Я наносил частые визиты в их лагерь, и если кто-либо отсутствовал в время пересчета, я всегда должен был знать почему.

"Таково было состояние вещей до утра 30-ого апреля. Я к ним настолько привязался, что после моей первой идеи относиться к ним справедливо и честно, как офицер армии, я начал чувствовать сильный личный интерес и желание помочь им и показать им путь к высшей цивилизации. Я приехал начал чувствовать уважение к мужчинам, которые, хотя и были необразованные и голые, но все равно стыдились лгать или красть; и к женщинам, которые бодро работали до упаду, чтобы одеть себя и детей, но хотя их этому никто не учил, очень ценили собственное достоинство. Зная о лжи, усердно распространяемой желтой прессой этой местности, я был доволен узнать, что у меня было положительные доказательства их достоинств.

"Я перестал испытывать какой-либо страх по поводу того, что эти люди покинут это место, и только боялся за них, что им могли в любое время приказать так и сделать. Они часто выражали беспокойство получить добро от генерала, чтобы они могли начать с уверенностью строить для себя лучшие дома; они всегда говорили: 'Вы знаете чего мы хотим, и если Вы не можете с ним увидеться - напишите ему и сделайте для нас то, что можете.' Возможно, что в это время здешние люди посещали другие племена; но то, что хоть какое-то их количество когда-либо отсутствовало, чтобы совершать любые грабительские экспедиции - я точно знаю, что это ложь.

Утром 30-ого апреля я завтракал в 7.30, когда мне сержант принес сообщение от капитана Пенна из компании P, 21-го пехотного полка, который командовал лагерем Лоуэлл, где он сообщал мне, что большая группа людей выехала из Тусона 28 числа с общепризнанной целью убить всех индейцев на этом посту. Я немедленно послал двух конных переводчиков в индейский лагерь, с просьбой рассказать вождям точное положение дел, и чтобы они переместили всех людей внутрь укрепленного поста. Поскольку у меня не было конницы, и только лишь примерно пятьдесят пехотинцев (все новички), и никаких других офицеров, я не мог покинуть пост, чтобы защитить их. Мои посыльные возвратились приблизительно через час с докладом, что они не могли найти ни одного живого индейца.

Их лагерь горел, и земля была усыпана их мертвыми и искалеченными женщинами и детьми. Я немедленно создал отряд из приблизительно двадцати солдат и цивильных граждан, и послал их с военным врачом на фургоне, чтобы они привезли раненых, если кого-либо еще можно было найти. Отряд возвратилась поздно днем, не обнаружив ни одного раненного, и будучи не

состоянии пообщаться не с одним человеком из оставшихся в живых. На следующий день рано утром я послал другой отряд с лопатами и кирками, и немедленно похоронил всех мертвых внутри и вокруг лагеря. За день до этого я предлагал 100$ переводчикам, или всем согласным пойти в горы и пообщаться с ними, и убедить их, что ни один офицер или солдат правительства Соединенных Штатов не участвовал в этой мерзкой резне; и, потерпев в этом неудачу, я подумал, что сам акт по крайней мере заботы об их мертвых, будет доказательством им нашего сочувствия, и эта догадка оказалась правильной; поскольку, пока мы были заняты погребением, многие из них приходили на место и выражали горе слишком дикое и ужасное, чтобы его описать.

"Тем вечером они начали приходить со всех сторон, по отдельности и маленькими отрядами, настолько измененные за эти сорок восемь часов, в течение которых они ни не ели и не спали, что их едва можно было узнать. Многие из мужчин, чьи семьи были полностью вырезаны, когда я говорил с ними и выражал сочувствие к ним, отворачивались, неспособные говорить, и слишком гордые, чтобы показать их горе. Женщины, чьи дети были убиты или украдены, были потрясены горем, и смотрели на меня умоляюще, как будто я был их последней надеждой на земле. Дети, которые за два дня до этого были полны радости, держались на расстоянии, выражая немой вопрос и ужас.

"Я делал то, что я мог: я кормил их, я говорил с ними, и терпеливо выслушивал их рассказы. Я послал в горы лошадей, чтобы привезти двух тяжело раненных женщин, одну - с простреленной левой ногой, другую - с раздробленной рукой. За ними ухаживали, их состояние улучшается и они оправятся.

"Их лагерь был окружен и атакован на рассвете. Это было столь внезапно и неожиданно, что я нашел множество женщин застреленными, пока они спали около их связок сена, которые они собрали и хотели принести в лагерь тем утром. Раненым, которые были неспособны убежать, выбивали мозги дубинами и камнями, и некоторые были просто утыкана стрелами, будучи до этого смертельно раненными огнестрельным оружием. Все тела были раздеты. Из множества похороненных, был один старик, и один здоровый подросток; все остальные - женщины и дети. Из всех убитых или пропавших без вести, приблизительно 125ти человек - только восемь были взрослыми мужчинами. Говорят, что мужчин там вообще не было, но они были. 28-го числа мы насчитали сто двадцать восемь мужчин, небольшое число отсутствовали, собирая мескал. Я провел с ними много времени после происшествия, и был удивлен их продолжающейся непоколебимой верой в меня, и их совершенно четким и ясным пониманием случившейся беды. Они говорят: 'Мы знаем, что есть очень много белых и мексиканцев, которые не хотят, чтобы мы жили в этом мире. Мы знаем, что индейцы папаго никогда не выступили бы против нас в это время, если бы их кто-то не убедил так сделать.' Чего они не понимали совсем, так это того, почему в то время, когда они находятся в состоянии мира и не имеют по отношению к кому-либо плохих намерений - их убивают.

"Один из вождей сказал: 'Я больше не хочу жить; мои женщины и дети были убиты перед моим взором, и я был неспособен защитить их. Большинство индейцев на моем месте взяли бы нож и перерезали бы обидчикам горло; но я буду жить, чтобы показать этим людям, что все, что они сделали, и все, что они еще могут сделать, не заставит меня обмануть вас, пока вы поддерживаете нас, защищаете нас, говорите на языке, о котором мы ничего не знаем, великому губернатору, которого мы никогда не видели и никогда не увидим.'

"Об их пленниках они говорят: 'Верните их нам. Иначе наши маленькие мальчики вырастут рабами, а наши девочки, как только достаточно вырастут, будут больными проститутками, и будут приносить деньги тому, кому они принадлежат. Наши женщины упорно трудятся, и они - хорошие; у них и у наших детей нет болезней. Наши мертвых вы не можете оживить; но тех живых, которых у нас отобрали...и мы обращаемся за помощью к вам - к тем, кто может писать и говорить, и имеет солдат, чтобы их вернуть.'

"Я уверяю вас, что это - нелегкая задача - убедить их в моем рвении, когда они видят, что так мало сделано. Я дал им слово, что мне не будет покоя ни день, ни ночь, пока не будет правосудия, и я сейчас же бы отправил армию. Но вы хорошо знаете все трудности пути. Вы знаете, что люди, которые участвовали в подобных убийствах, могли и делали различные заявления, и умножали под присягой показания, без конца оправдываясь. Я знаю, что вы используете свое влияние для поддержания правой стороны. Я верю в них, верю, что можно сделать добропорядочных граждан из них и их детей, или же нужно будет вытеснять их и вести безнадежную и истребляющую войну. Они просят, чтобы им позволили жить здесь, в их старых домах, где природа поставляет почти все, чего они требуют. Они просят справедливое и беспристрастное рассмотрение дела их веры, и они просят вернуть им всех их пленных детей. Является ли их требование неблагоразумным?"

Это письмо было написано полковнику T. G. C. Lee, США, лейтенантом Royal E. Whitman, 3-я американская конница. Оно издано в отчете Совета специальных уполномоченных по делам индейцев за 1871 год. К нему прилагается показание под присягой почтового хирурга в лагере Грант:

"В тот день 16 сентября 1871, лично явился Конэнт Б. Брирли, которого, должным образом поклялся согласно закону, и под присягой сказал: 'Я - исполняющий обязанности помощника хирурга армии США в лагере Гранте, Аризона, куда я прибыл 25 апреля 1871, и сообщил командиру о взятии на себя обязанностей медицинского работника. Приблизительно четыреста индейцев апачи удерживались тогда как военнопленные вооруженными силами. Они размещались в лагере Грант, и во время периода между 25-м и 30-м апреля, я видел индейцев каждый день. Они казались очень удовлетворенными, и были наняты на работы по покосу сена, которое они продавали за манту и всякие мелкие товары, покупаемые ими вне правительственного рациона. 29 апреля Чикита и некоторые другие вожди были на посту, и просили семена и немного мотыг, заявляя, что у них есть очищенная земля, которую можно готовить к посадке. Им сказали, что за садовыми семенами уже послали, и они придут из Тусона уже через несколько дней. Тогда они уехали, и я больше их не видел уже до момента после трагического убийства.

"Воскресным утром меня достиг слух, что индейцы подверглись нападению, и я узнал от лейтенанта Уитмана, что он послал в индейский лагерь двух переводчиков, чтобы те предупредили индейцев и привели их сюда, где они могли быть защищены, если возможно. Переводчики возвратились и заявили, что нападение было уже сделано, что выжившие индейцы рассеяны, и что нападающая сторона возвращалась.

"'Лейтенант Уитман тогда приказал, чтобы я пошел в индейский лагерь, чтобы оказать медицинскую помощь, и привезти всех найденных раненых. Я взял двенадцать мужчин, фургон, и мы без промедления проследовали к сцене убийства. По прибытию я нашел, что от фургона и от лекарств было мало толку. Убийцы поработали слишком тщательно. Лагерь был выжжен, и трупы двадцати одного человека - женщин и детей - лежали рассеянные по земле; тем, кто был

ранен первыми, выбили мозги камнями. Двух женщин сначала изнасиловали, затем - застрелили. Одного младенца приблизительно двух месяцев от роду прострелили дважды, и одна нога была почти оторвана. * * * Я знаю по собственным личным наблюдениям, что в течение всего времени, по крайней мере - после моего прибытия в лагерь - индейцам выдавали рационы каждые три дня, и можно было сосчитать отсутствующих; их лица скоро стали мне знакомыми, и я уже мог сразу сказать, когда входил какой-то странный индеец.

"'И я кроме того заявляю, что был среди почти всех племен на Тихоокеанском побережье, и что я никогда не видел индейцев, которые показывали интеллект, честность и желание учиться, проявленные этими индейцами. Я прибыл к ним очень предубежденный; но, побыв с ними, я был вынужден признать, что они были честны в своих намерениях, и действительно желали мира.

Лейтенант Б. Брирли, Ассистент хирурга армии США"

Это не единственный случай жестокого произвола, который белые люди совершили с апачами. В отчете Совета специальных уполномоченных по делам индейцев за 1871 год можно найти следующее письмо от одного из Аризонских пионеров, г-на Дж. Х. Лаймана из Нортхемптона, Массачусетс. Г-н Лайман провел 1840-41 годы среди апачей, поэтому кратко рассказывает о случае, который имело место в то время, когда они были дружественными и сердечными со всеми американцам:

"Индейцы были тогда, как и теперь, враждебны к мексиканцам Сонора, и постоянно совершали набеги на территории штата и угоняли рогатый скот. Мексиканцы боялись их, и были неспособны встречаться с ними лицом к лицу. В то время американские трапперы нашли, что в истоках реки Хила водится очень много бобров в тех богатых горных долинах, что апачи тогда, как и сейчас имели возможность безопасного отступления. В то время, о котором я говорю, в том регионе было две компании трапперов. Одна из них, состоящая приблизительно из семнадцати мужчин, находилась под контролем капитана по имени Джонсон. Другая компания, кажется, состояла из тридцати мужчин. Я расставлял ловушки на зверя на другой части реки Хилы, в нескольких милях к северу. Долины были полны апачей, но все они были мирными к белым, и индейцы и белые постоянно и без страха посещали лагеря друг друга, без помыслов о предательстве или зле. Помимо мексиканцев, единственными врагами апачей были пиуты и навахо на северо-западе. Но здесь они чувствовали себя сильными и в безопасности от всех противников.

"Однажды Джонсон решил войти вниз в Сонору на охоту, как это иногда делали горные мужчины. Там он увидел губернатора Соноры, который, зная, что у него были уверенные отношения с индейцами, предложил ему унцию золота за каждый скальпа апача, который тот принесет ему. Сделка была заключена. Джонсон достал маленькую горную гаубицу, и затем, с припасами для его людей, возвратился в его лагерь. Перед тем как войти, он зарядил в свою гаубицу множество пуль. Приближаясь к долине, он был встречен индейцами, которые радостно приветствовали его, и сразу же начали готовить обычный банкет. В то время как они варили и жарили оленину и мясо медведя, и небольшой группой собрались вокруг костра, смеясь и болтая между собой в ожидании удовольствия, которое они хотели доставить, развлекая их гостей, Джонсон рассказал своим людям о предложении губернатора - тем, которые еще о нем не знали, и он добавил при этом такие искушающие детали, что легко преодолел любые сомнения, которые могли появиться у людей.

"Поскольку они все были вооружены винтовками, которые всегда были при них день и ночь, и на поясе висели пистолеты, то люди не нуждались ни в какой подготовке. Гаубица, которую индейцы, возможно, приняли за маленький бочонок виски, была помещена на землю и нацелена на группу воинов, женщин и маленьких детей вокруг костра, наблюдающих за приготовлением еды.

"В то время как они были таким образом заняты, с сердцами, полными доброжелательных чувств к их белым друзьям, Джонсон дал сигнал. Гаубица дала залп, посылая массу пуль, которые просто разорвали группу несчастных людей. И почти все, кто не был поражен залпом, были застрелены из винтовок. Очень немногим удалось убежать в ущелье, и спастись по горному хребту в северные долины, где они встретили других людей своего племени и рассказали эту ужасную историю.

"Апачи сразу показали, что они могут подражать своим более цивилизованным братьям. Немедленно их группа отправилась на поиски второй компании трапперов, которые, конечно, совершенно не подозревали об адском поступке Джонсона. Они подверглись нападению неподготовленные, и почти все были убиты; и затем история о том, что апачи были предательскими и жестокими, разошлась по всей Америке, но в ней не было ни слова о том зле, от которого они пострадали."

Стоит ли тогда удивляться, что апачи стали одним из самых враждебных и опасных племен на Тихоокеанском побережье?

Но мы описали всего лишь четыре случая резни, из множества других. И история каждого, если была бы написана, доказала бы так же ясно, как и эти, что в длительном противостоянии между белыми и индейцами, индейцы не всегда были агрессором, и то предательство и жестокость ни в коем случае не исключительно индейские черты.

ГЛАВА X.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

На территории Соединенных Штатов проживает 250 - 300 тысяч индейцев, не считая Аляску. Различных племен и групп, как это отражено в статистических таблицах отчетов Бюро по делам индейцев, насчитывается почти 300. Одна из самых тщательных оценок, которые были сделаны по поводу их численности и местоположения, дает следующие данные: "В Миннесоте и штатах к востоку от Миссисипи живет приблизительно 32 500 человек; в Небраске, Канзасе и на Индейской территории - 70 650; на территориях Дакоты, Монтаны, Вайоминга и Айдахо - 65 000; в Неваде, на территориях Колорадо, Нью-Мексико, Юты и Аризоны - 84 000; на Тихоокеанском склоне - 48 000."

Из них 130 000 независимы и сами себя обеспечивают на их собственных резервациях, не получая от правительства ничего, кроме процента на их собственные деньги, или ренту, предоставленную им с учетом уступки их земель Соединенным Штатам."

Одного только этого факта кажется уже достаточно, чтобы навсегда рассеять обвинения, постоянно выдвигаемые против индейца, что он не будет работать.

Оставшиеся 84 000 частично поддерживаю. Правительство платит деньги на процент, полагающийся им с их ренты, если, в соответствии с соглашением, ренты не хватает им на пропитание на территории резервации, где они заключены. Во многих случаях, однако, эти индейцы зарабатывают значительную часть своих средств сами - например, 66% ютов из Уайт-Ривера, по данным Бюро по делам индейцев, добывают себе пропитание "копанием корнеплодов, охотой и ловом рыбы;" в племени скуаксин на территории Вашингтона число зарабатывающих подобным образом составляет 75%, а в племени чиппева на озере Лейк Супериор - 50%. Эти факты также, казалось бы, точно опровергают обвинения, что индеец не будет работать.

Есть приблизительно 55 000 человек, которые никогда не посещали агентство, и которых правительство не контролирует и о них не заботится. Эти 55 000 человек "живут охотой, ловлей рыбы, собирательством корней, орехов, ягод и т.д., попрошайничеством и воровством;" и это также, кажется, нивелирует обвинение, что индеец не будет "работать, добывая себе пищу." Остается лишь небольшая часть, приблизительно - 31 000 человек, которые полностью на попечении правительства.

Нет ни одного племени из этих трехсот индейских племен, которое бы ужасно не пострадало от рук правительства или белых поселенцев. Более бедным, незначительным и беспомощным было племя, тем более жестоким был произвол, которому оно было подвергнуто. Это особенно верно для племен на Тихоокеанском склоне. Этих беспомощных индейцев внезапного окружили белые поселенцы и их просто накрыло волной золотоискателей. У правительства не было времени заключать соглашения; даже для сообществ не было времени выпускать законы. Рассказы о мошенничестве, притеснениях и убийствах индейцев на тихоокеанском склоне за прошлые тридцать лет можно было бы оформить в отдельный том, и они слишком чудовищны, чтобы в них поверить.

Однако, это имеет небольшое значение, если открыть отчет истории индейцев; на каждой странице и в каждом году есть свое темное пятно. История одного племени - это история всех племен. Различаются только время и место; но ни время, ни место не имеют значения в главных фактах. Колорадо было столь же жадным и несправедливым в 1880 году, как и Джорджия в 1830, и Огайо в 1795; и правительство Соединенных Штатов нарушает обещания сейчас так же ловко, как и прежде, но только с дополнительной изобретательностью от длинной практики.

Один из его самых сильных поддерживающих факторов при этом - широко распространенное среди белых людей чувство неприязни к индейцу, нетерпения его присутствия, восприятие его как "барьера для цивилизации" и недоверие к нему как к возможной опасности. Старые рассказы о пограничной жизни, с ее ужасами индейских войн, постепенно за два-три поколения в уме среднестатистического гражданина произвели уже наследственный инстинкт несомненного и неблагоразумного отвращения, которое почти невозможно убрать или смягчить.

Есть сотни страниц безупречных доказательств со стороны индейцев; но все они впустую, их считают сентиментализмом или попустительством - отбрасывают и забывают.

Президент за президентом назначали комиссию за комиссией, чтобы расследовать индейские дела, и сделать предложения относительно лучших методов их решения. Отчеты заполнены красноречивыми заявлениями зла, сделанного по отношению к индейцам, вероломства со стороны правительства; они выражают настолько искренне, насколько это могут передать слова,

искреннее желание правды, сдерживания обещаний, заключения справедливых сделок, и поддержания справедливости везде и со всем. Эти отчеты прикрепляются к ежегодным отчетам правительства, и - все - о них забывают. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что вряд ли даже один американский гражданин из десяти тысяч когда-либо видит их, или знает, что они существуют. И все же, любой из этих отчетов, распространенный по всей стране, прочитанный благонамеренными, чувствительными и праведными мужчинами и женщинами этой страны, перевернул бы мир, начал бы революцию, которая бы не окончилась, пока неправды, причиненные индейцам, не были бы насколько возможно исправлены.

В 1869 президент Грант назначил комиссию из девяти мужчин, представляющую власть и филантропию шести главных штатов, чтобы они посетили различные индейские резервации, и "исследовали все вопросы, связанные с индейскими делами."

В сообщении этой комиссии есть следующие параграфы: "Утверждать, что 'индеец не будет работать', столь же неверно, как и утверждать, что белый человек не будет работать.

"Почему мы ожидаем от индейца, что он посадит зерно, оградит землю забором, построит здания, и будет заниматься чем-либо еще, кроме работы для добычи пропитания изо дня в день, когда опыт научил его, что завтра продукт его рабочей силы будет захвачен белыми. Самый трудолюбивый белый человек опустил бы руки в подобных обстоятельствах. Однако, многие из индейцев (тут специальные уполномоченные, возможно, лучше бы дали точную цифру - 130 000 индейцев) уже работают, и уже вполне достаточно опровергают это ложное утверждение, что 'индеец не будет работать.' Нельзя избежать непреклонной логики фактов.

"История связей правительства с индейцами - это позорный отчет нарушенных соглашений и невыполненных обещаний. История связи белых людей, живущих на границе с индейцами - отвратительный отчет убийства, произвола, грабежа, и мошенничества, совершенных, как правило, белыми; и случайные дикие вспышки и невыразимо варварская месть от индейцев, в качестве исключения"

"Правительство их научило, что у них есть права, которые нужно уважать, на когда на эти права нападала жадность белого, то рука, которая должна была быть поднята для их защиты, никогда не была способна сдержать агрессора.

"Свидетельские показания некоторых высших офицеров армии Соединенных Штатов показывают, что во время индейских войн, почти без исключения, первые акты агрессии были совершены белыми; и это утверждение поддерживается каждым гражданским лицом с достаточной репутацией, которое изучило предмет. В дополнение к классу грабителей и преступников, которые безнаказанно бесчинствуют на границах, есть большой класс явно уважаемых мужчин, которые используют каждое средство в их власти, чтобы спровоцировать индейские войны и получить прибыль, которая будет реализована от присутствия войск и расходов правительственных фондов. Они всегда объявляют смерть всем индейцам на словах и в публикациях, не делая различия между невинным и виновным. Они побуждают самый низкий класс людей к агрессии, и те идут на преступления и наиболее черные дела против их жертв, а судьи и присяжные защищают их от справедливого и законного возмездия за их преступления. Каждое преступление, совершенное белым против индейца, скрывается или смягчается. Каждое преступление, совершенное индейцем против белого, на крыльях почты или телеграфа разносится в самые отдаленные уголки страны, приукрашенное всеми ужасами, которые

действительность или воображение могут нарисовать. Против подобных влияний людей Соединенных Штатов должны быть предупреждены."

Предположить, что это было бы легко осуществить любым возможным внезапным ударом законодательной политики, чтобы нивелировать вред темного прошлого, установить хорошую и полезную индейцам политику страны на будущее, и сразу сделать индейцев безопасными и счастливыми - это грубая ошибка поспешного и неинформированного суждения. Также и мнение, становящееся все более распространенным, что нужно просто сразу сделать всех индейцев гражданами Соединенных Штатов, и это будет лучшей и мгновенной панацеей от всех бед и ущемлений правительства, является не очень взвешенным. Передать полное гражданское право внезапного и повсюду всем индейцам, как варварам, так и цивилизованным, было бы столь же гротескной и грубой ошибкой, как лечить их всех одним лекарством, независимо от симптомов и потребностей их болезни. Это их скорее бы убило, чем вылечило. Однако, хорошее заявление, сделанное одним из руководителей индейских дел в 1857 - верно: "Пока они не граждане Соединенных Штатов, их права на собственность не защищены от вторжения. Двери федеральных трибуналов закрыты для них. Пока над ними есть опека и они - иждивенцы, они могут только частично пользоваться правами свободного государства, или передавать эти права тем, кто создает, выполняет и рассматривает немного законы, достойные к исполнению. В то время как они продолжают по одной собирать крошки, упавшие со стола Соединенных Штатов - безделье, непредусмотрительность и долги будет правилом, а действенность, экономия и свобода от долгов - исключением. Отсутствие отдельного права на владение землей лишает каждого из них главного стимула усердно трудиться, лишает самой главной движущей силы, от которой зависит процветание людей."

Все разумные планы и меры для их безопасности и спасения должны создать условия, чтобы они стали гражданами так быстро, как только они будут к этому готовы, и мы должны защищать их до этого времени каждым правом и законом, которые защищают других людей, не являющихся гражданами.

У определенного класса людей есть расположение - быть нетерпеливыми относительно любого заявления против несправедливости, которое не сопровождается быстрой и точной схемой решения проблемы. Это нелогично. Когда пионеры в новой стране находят участок ядовитой и болотистой дикой местности и хотят его исправить, они не выпускают из рук факел и топор, пока ясно не увидят, где должны быть проложены дороги, где пробьются источники свежей воды, где на обработанной земле какие зерновые культуры лучше всего выращивать. Они сначала очищают болото. Так же нужно поступить и с этой ядовитой и пораженной частью наших государственных дел - сначала нужно "очистить болото."

Однако большое недоумение и трудности могут возникнуть в деталях возможного плана, и попытках в этот поздний день выполнить правосудие для индейца. Но несмотря на то, насколько трудно это не казалось бы для наших хороших государственных деятелей и людей - мы должны четко выяснить что нужно делать, и чего делать не нужно - прежде, чем будут сделаны первые шаги для исправления зла и стирания позора с текущего состояния наших отношений с индейцами.

Обман, грабеж и нарушение обещаний - это точно вещи, которые мы должны прекратить делать. Еще одна вещь - мы не должны отказываться защищать законные права индейца на собственность, на жизнь, свободу и преследования счастья."

Когда мы прекратим делать эти четыре вещи, то время, государственная деятельность, филантропия и христианство медленно, но уверенно справятся с остальным. Но пока эти четыре вещи будут в силе, государственная деятельность и филантропия будут работать напрасно, и даже христианство сможет приносить только малую пользу.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.

РЕЗНЯ В СЭНД КРИК.

Следующие письма были напечатаны в New York Tribune зимой 1879. Они представляют интерес, не только как текущий отчет об одном из самых зверских случаев когда-либо совершенной резни, но также и как показание чувства справедливости, которое должно зародиться в уме сегодняшнего жителя пограничной полосы. То, что люди, раздраженные злодеяниями и произволом, должны были мстить за себя с горячей поспешностью и жестокостью, можно, пожалуй, объяснить природой человека; но то, что люди пятнадцать лет спустя, принося извинения, или, скорее - оправдывают жестокое дело, является действительно чудом.

ПИСЬМО I.

В июне 1864 губернатор Эванс из Колорадо отослал проспект индейцам из Плейнс, приглашая всех дружелюбных индейцев прийти в ближайшие форты под защиту войск Соединенных Штатов. Военные действия и ограбления, совершенные некоторыми группами индейцев, побудили правительство начать против них войну. В этом проспекте говорится:

"В некоторых случаях они (индейцы) нападали на солдат и убивали их, убивали мирных граждан. За это Великий Отец сердит на виновников, и конечно - найдет их и накажет; но он не хочет ранить тех, кто остается дружелюбным по отношению к белым. Он желает защитить их и позаботиться о них. С этой целью я предписываю, чтобы все дружелюбные индейцы держались подальше от тех, кто находится в состоянии войны, и чтобы они ушли в безопасные места. Дружественные арапахо и шайенны около реки Арканзас, пойдут к майору Колби, агенту Соединенных Штатов в форте Лайон, который создаст им условия безопасности."

После этого провозглашения губернатора, группа шайеннов численностью в несколько сотен, пришла и поселилась около форта Лайон. Через некоторое время от их потребовали передвинуться в Сэнд Крик, приблизительно за сорок миль от форта Лайон, где им все еще гарантировали "абсолютную безопасность" и защиту правительства. Им время от времени выдавали порции еды. 27 ноября полковник Дж. М. Чивингтон, член методистской епископальной церкви в Денвере, и полковник Первой конницы штата Колорадо, совершил со своим полком марш в форт Лайон, где побудил некоторых из солдат войск Соединенных Штатов присоединиться к нему. Он напал на этот лагерь дружелюбных индейцев на рассвете. Вождь Белая Антилопа, всегда известный за свою дружелюбность по отношению к белым, побежал к солдатам, размахивая руками и крича "Остановитесь! Остановитесь!" на английском языке. Когда же он видел, что это не была ошибочная атака, но - преднамеренное нападение, то он сложил руки на груди и стоя ждал, пока его не подстрелили. Флаг Соединенных Штатов развивался над домом Черного Котелка, главного вождя племени; ниже него был привязан также маленький белый флаг в качестве дополнительной предосторожности, которую ему посоветовали делать офицеры Соединенных Штатов, в случае если он встречал на равнинах войска. В показаниях майора Винкупа, даваемых перед комитетом, назначенным Конгрессом чтобы расследовать эту резню, есть следующее:

"Женщины и дети были убиты и с них сняли скальп, в детей стреляли, когда они лежали на груди матери, и все тела были искалечены самым ужасным образом. • • • Над трупами женщин так

надругались, что описывать подобное - отвратительно. Полковник Дж. М. Чивингтон все время подстрекал свои войска совершать дьявольский произвол."

Другой человек свидетельствовал относительно того, что он видел 30 ноября, спустя три дня после сражения:

"Я видел, как мужчин слез с лошади и отрезал ухо от тела индейца, и скальпировал голову другого. Я видел много убитых детей; в них были пулевые отверстия; один ребенок был убит ударом острого предмета в бок. Я видел другого, у которого были отрезаны оба уха. * * * Я видел, что несколько солдат из Третьего полка отрезали мертвым пальцы, чтобы снять с них кольца. Я видел, как майор Сэйри снял скальп с мертвого индейца. К скальпу был привязан длинный серебряный хвост."

Роберт Бент свидетельствовал:

"Я видел, как на берегу лежала женщина с поломанной ногой. К ней подошел солдат с оголенной саблей. Она подняла руку, чтобы защитить себя; он ударил, сломав ей руку. Она перевернулась, и подняла другую руку; он ударил, ломая и эту, и затем оставил ее умирать, не убив ее. Я видел, одной женщине вспороли живот, и возле нее лежал не рождённый ребенок."

Майор Энтони свидетельствовал:

"Был один маленький ребенок, вероятно трех лет от роду, только-только достаточно большой, чтобы ходить по песку. Индейцы побежали вперед, и этот маленький ребенок отстал от них. Он был совершенно голый, шел по песку. Я видел, как один человек спешился со своей лошади на расстоянии приблизительно семидесяти пяти ярдов, достал винтовку и выстрелил. Он промазал по ребенку. К нему подошел другой мужчина и сказал: "А ну дай-ка я попробую попасть в этого сукиного сына. Я сейчас его завалю." Он спустился от своей лошади, стал на колено и выстрелил в ребенка, но тоже промазал. Подошел третий, сделал подобное замечание, и выстрелил. И малыш упал."

Индейцы не были способны оказать большое сопротивление, поскольку только часть их была вооружена, так как чиновники Соединенных Штатов потребовали, чтобы они сдали оружие. К счастью, они спрятали несколько.

Когда этот Колорадский полк демонов возвратился в Денвер, их приветствовали с аплодисментами. В газете Denver News говорилось: "Все вышло хорошо. Солдаты Колорадо снова покрыли себя славой; и в качестве театрализованного развлечения эти скальпы, снятые с индейцев, были показаны аудитории, которая их восторженно приветствовала.

После выслушивания день за днем таких доказательств, которые я упомянул выше, и других, настолько худших, что я не хочу о них писать, и которые The Tribune не смогла напечатать, так как не нашла необходимых слов, комитет сообщил: "Трудно полагать, что существа в обличии людей, и дискредитирующие униформу солдат и офицеров Соединенных Штатов, могли одобрить и совершить подобные акты жестокости и варварства;" и по повод полковника Чивингтона: "Он сознательно спланировал и совершил трусливую и подлую резню, которая опозорила бы самого извращенного дикаря среди тех, кто был жертвами его жестокости."

Это было всего лишь пятнадцать лет назад, не больше. Можем ли мы применить то же самое правило суждения к белым людям Колорадо, которое правительство теперь применяет к Ютам?

В Колорадо 130 000 жителей; сотни из них принимали прямое участие в этой резне, и тысячи хладнокровно аплодировали ему, когда оно было совершено. В Колорадо есть 4000 ютов. Двенадцать из них - отчаянные, виновные люди, совершили убийство и насилие, и триста, или четыреста из них, как удобно и дипломатично выражается, "пошли войной против правительства." То есть - они попытались силой оружия, ограничить вход на свое собственные земли - купленные, заселенные и принадлежавшие им по праву - поскольку к ним правительство прислало солдат, чтобы вести с ними войну, в случае, если агент подумает, что это - лучшее решение! Вот простые слова для понимания, вот - голая правда.

И теперь министр внутренних дел остановил выдачу рационов тысяче этих беспомощных существ. Причем это рационы никогда и ни в коей мере не были милостыней - но являлись законной платой ютам за проданные ими земли; взносы, которые правительство обещало платить ежегодно и бесконечно." Американский народ оправдает это? Есть такая вещь как "совесть нации", национальное чувство справедливости. Разве оно не может быть пробуждено, чтобы сейчас сказать свое слово? Или мы будем сидеть сложа руки, в тепле и сытости, в собственных домах, в то время как пятьсот женщин и маленьких детей медленно оголодали в холодных, бесплодных диких местностях Колорадо? Голодают не потому что шторм, или засуха, или саранча посетили их страну и уничтожили их урожай; не потому что на них напал мор и убил охотников, которые приносили им мясо, но потому что это находится во власти и зависит от обещания одного человека, одного слова которого достаточно, чтобы лишить их половины необходимой им еды на столь длинный неопределённый срок, как ему заблагорассудится; и "Министр внутренних дел не может постоянно кормить племя, которое пошло войной против правительства."

Мы можем прочесть в уставах Соединенных Штатов, что определенные вещи могут быть сделаны исполнительным указом президента. Разве не пора президенту вмешаться, когда сотни женщин и детей в его республике голодают по приказу одного человека? Безусловно, метод полковника Дж. М. Чивингтона был менее жестоким. Быть застреленным - милосердие, если сравнивать его с альтернативой оголодать до смерти.

New York, Jan 31st, 1880. Н. Н.

Это письмо подвигло прежнего редактора денверской газеты Rocky Mountain News на следующий ответ:

Редактору газеты "The Tribune":

Сэр, в вашем вчерашнем выпуске есть статья под вышеупомянутым заголовком, которая осуждает людей Колорадо как сообщество варварских убийц, и, наконец, поднимает их над нынешним министром внутренних дел, выставляя таким образом указанного джентльмена в наиболее неприглядном свете, если озвученные обвинения - верные. Резня в Сенд Крик в 1864 - основная тема статьи, также проводятся сравнения с текущим состоянием племени ютов в Уайт-Ривер, Колорадо. Приводятся цитаты о собранных доказательствах и о указывается о комитете Конгресса, собранном для проведения так называемого "расследования" дела Сенд Крик. Это исследование было проведено для определенной эгоистичной цели. Это должно было сломать и разрушить репутацию определенных мужчин. Доказательства собирались только с одной стороны. Они были в значительной степени ложны, и позорно заангажированы. Не было никакого ответа в качестве защиты.

Собравшиеся в Сенд Крик индейцы племен шайенна и арапахо, не являлись объектом защиты форта Соединенных Штатов. Несколько из них были расположены лагерем около форта Лайон, и получали оттуда припасы, но они постепенно исчезли и присоединились к главному племени в Драй Сенди, в сорока милях от форта, отделенные от него безводной пустыней, и полностью за пределами его контроля и наблюдения. В то время как некоторые из жителей все еще, без сомнения, были случайными посетителями форта, и претендовали на рацион и боеприпасы, большинство воинов было занято совершением набега на Плэйтт Ривер-Роуд, в 75 милях на север - грабили и сжигали поезда, крали рогатый скот и лошадей, грабили и разрушали почту Соединенных Штатов, убивали белых людей. В течение лета и осени они убили более чем пятьдесят граждан Колорадо. Они украли и разрушили провизии и товаров на сумму в сотни тысяч долларов. Они прервали деятельность почты, и в течение тридцати двух дней подряд ни одному не позволяли заходить на их территорию. Когда они насытились убийством и поджогами, и нагрузились награбленным, они удалились в свое священное убежище на Сенд Крик, чтобы отдохнуть, освежиться, и пополнить потраченные боеприпасы из форта Лайон, под маской нежных и мирных дикарей - и затем возвратиться на дорогу, чтобы заменить их усталых товарищей, и снова совершать произвол, грабя и убивая. Вот это - факты. И когда гнездо этих грабителей было вычищено в тот печальный, но великий день 27 ноября 1864, их вина была достаточно доказана. Скальпы белых еще даже не высохли; были найдены письма и фотографии, украденные из почтовых посылок, накладные и счета товаров; сами полу использованные товары, адресованные торговцам в Денвере. Одежда белых женщин и детей, и много других вещей подобного характера, были найдены в этом "поэтическом" индейском лагере солдатами Колорадо. Они были привезены в Денвер, и именно эти скальпы показывали в театре в этом городе. Была показана также накидка на седло, принадлежащая одному индейцу, полностью окаймленная скальпами белых женщин, с длинными светлыми волосами. Было найдено индейское седло, кожаные лямки которого были сделаны из кожи с тела белой женщины. Вызывает ли в свете вышеперечисленного удивление то, что солдаты, разгоряченные от победы после одной из самых трудных кампаний, когда-либо перенесенных людьми, после обнаружения таких доказательств варварства, и в то время, как более сорока их товарищей лежали в лужах крови вокруг них, не смогли себя контролировать в определенных вещах, хотя и это не доказано?

Если бы только "Н.Н." (обращение к автору статьи в пользу индейцев; прим.пер.) был в Денвере в начале того лета, когда вздутые, гноящиеся тела семьи Hungate - отца, матери и двух малышей - были протащены по улицам голыми в фургоне для скота, искалеченные и без скальпа - это работа все тех же краснокожих злодеев, которые были так справедливо наказаны в Сенд Крик; если бы позже "Н.Н." видел, как успешный и почитаемый бизнесмен сошел с ума от новостей о том, что его сын был до смерти замучен за сто миль от Платта, как я видео; если бы "Н.Н." видел половину как половина домов в Колорадо опустела в тот роковой сезон, и видел бы хотя бы десятую часть пролившихся слез, я думаю, что можно было бы сказать меньше слов в оправдание людей Колорадо. Примите во внимание, что у Колорадо тогда не было никаких железных дорог. Поставки товаров в город осуществлялись только по одной дороге - вдоль Платта - в фургонах, запряженных волами, мулами или лошадьми. Эта дорого находилась в полном владении врага. Нам угрожала перспектива голода. Едва ли не каждая группа людей, въезжавших или выезжавших из города, имела убитых в стычках. В некоторых случаях целые караваны были отрезаны и разрушены. Сенд Крик спас Колорадо, и преподал индейцам наиболее благотворный урок, который они когда-либо получали. И теперь, через пятнадцать лет, находясь здесь в тени Национального Капитолия, и с призраком "Н.Н.", бросающим осуждение мне в лицо, я не боюсь,

и не стыжусь повторить слова, использованные тогда газетой "The Denver News": "Все получилось прекрасно. Солдаты Колорадо снова покрыли себя славой."

Таким образом "Н.Н." пробегается через большую часть истории, чтобы представить в истинно драматической форме прискорбное состояние ютов в Уайт-Ривере, числом в 1000 человек, которые теперь переносят муки голода и холода в дебрях Западного Колорадо, без доброго агента, который дал бы им пищу, одеяла и развел для них костер. Это действительно плохо. Болезненное решение провидения лишило их лучшего друга, и они понесли тяжелую утрату. Он положил свою жизнь и проявил лучшие усилия, и его неограниченный энтузиазм для их пользы, его большое христианское сердце было полностью в их услужении. Но с ним случался несчастный случай, и его больше нет. Консилиум патологоанатомов стоявших над его телом, нашел, что ему в рот вставили дуло и выстрелили, вокруг его шеи была цепь, за которую его тянули подобном мертвому борову, и много пулевых отверстий было во всем теле. Предположили, что он умер от одного из этих увечий; и, увы, он больше не может раздавать еженедельные порции своему племени нежных Ютов. Нет никакого горя по поводу его смерти или по поводу опустошения, которое она вызвала, но есть жалость, океаны жалости, к индейцам, которые сейчас в голоде и холоде. Правда, в то время, когда он умер, они взяли муку, свинину и соль, и кофе, и сахар, и табак, и одеяла, и все другие товары, которые он дал бы им на всю эту долгую зиму, если бы он жил. С его заботой им хватило бы запасов продержаться до весны, и были бы достаточно для всех потребностей; но без этого человека, "Н.Н." подозревает, что они все пропадут, хотя сейчас прошла только середина зимы. Может ли "Х. Х." сказать почему так? Также верно, что они угнали многочисленное стадо рогатого скота, с помощью которого тот же неудачливый агент и его предшественники снабжали их говядиной в течение последних одиннадцати лет, и все же, рацион не шел в ногу с естественным увеличением населения. Они увели все стадо и теперь, предположительно, им владеют. Правда и то, что в начале зимы, и в периоде печальной утраты их лучшего друга, у них было приблизительно 4000 лошадей и 300 собак - неплохая еда в случае чрезвычайной ситуации, или индейского "банкета благодарения". Некоторые из этих животных должны же сейчас остаться.

ВСЕ ПЛЕМЯ УАЙТ-РИВЕРА - ВИНОВНО

Но "Х. Х." сообщает, что есть предполагаемое оправдание отказа выдавать рацион этим бедным, преследуемым краснокожим ангелам. "Двенадцать их сородичей вели себя плохо, и тиран во главе министерства внутренних дел систематически морит голодом всю тысячу человек племени, и их 4000 лошадей, и 1800 голов рогатого скота, и 300 собак, и рационы за шесть месяцев, потому что те двенадцать плохих индейцев не могут добросовестно выдать себя в качестве жертвы на сожжение, чтобы успокоить гнев оскорбленной и полуцивилизованной нации. Это - существующий обвинительный акт, и секретарь и президент должны встать и умоляюще заявить "Виновен!", или "Не виновен!", но Вы знаете, что Вы виновны – Вы!" Теперь я бросаю вызов "Н.Н." или любому другому живому человеку, живущий, чтобы он выбрал или назвал двенадцать мужчины ютов Уайт-Ривера, возрастом более шестнадцати лет, кто не был виновен, прямо или косвенно, как исполнитель или сообщник, в нападении на Торнбург или в резне в агентстве. Я знаю этих индейцев достаточно хорошо, чтобы утверждать, что эти нападения были отлично поняты и сознательно запланированы. Я не могу поверить, хоть один из них в здравом уме был не осведомлен о том, что должно было произойти, и это знание простиралось далеко вне племени Уайт-Ривера. Было много новичков и из племен лос пинос и иуйта. Отказываясь кормить ютов Уайт-Ривера, министр внутренних дел просто повинуется закону. Он не может, кроме как

под личную ответственность, давать запасы враждебному индейскому племени, и страна будет считать его ответственным за отклонение от его служебных обязанностей. Но индейцы оправдываются "Н.Н." в их нападении на команду Торнберга. Их задача состояла в том, чтобы защитить их собственные земли - земель, купленные, принадлежавшие им, и оплаченные." Купленный у кого? Оплаченные кем? Кому была сделана оплата? Солдаты не нападали; они не планировали атаки. У агента не было полномочий приказать нападение. Он не мог объявить войну. Он не мог вообще иметь какой-либо контроль над войсками. Но его жизнь была в опасности. Честь его семьи была под угрозой. Он попросил защиты. "Н.Н." говорит, что он не имел никакого права на это. Его жизнь, честь его жены в возрасте и его девственной дочери - все пропало, а "Н.Н." защищает злодеев, все это совершивших.

Wm. N. Bykrs.

Вашингтон, 6 февраля 1880.

Наиболее подходящий ответ на утверждения, сделанные в этом необычном документе, можно дать, снова приведя цитаты из показаний, данных перед комитетами Конгресса, которыми можно заполнить целые тома.

ПИСЬМО редактору "The Tribune":

Сэр, в ответ на статью в Sunday's Tribune под заголовком "Голодающие юты," я хотел бы показать читателям The Tribune некоторые извлечения из свидетельств, взятых в Колорадо по поводу резни в Сенд Крик. Автор этого письма говорит:

Шайенны и арапахо, собранные в Сенд Крик, не были под защитой форта Соединенных Штатов."

Следующее свидетельство от лейтенанта Кравена, Senate Document, издание 2., 1866-67, стр. 46:

"У меня был разговор с майором Даунингом, лейтенантом Мэйнардом, и полковником Чивингтоном. Я высказал им свои чувства по поводу этого вопроса - что я полагал, что это было убийство, и заявил об обязательствах, которые мы, под командованием майора Винкупа, несем перед теми индейцами.

Полковнику Чивингтону я знаю, что заявил, что майор Винкуп дал тем индейцам свое слово офицера и человека, и что все офицеры под его командой были также связаны этим обещанием, что и он, и что я чувствовал, что это ставит нас в очень неудобное положение - бороться с теми же самыми индейцами, которые спасли наши жизни, поскольку все мы чувствовали, что они их действительно спасли.

Ответ полковника Чивингтона состоял в том, что он полагал, что это было справедливо и благородно - чтобы использовать любые средства, чтобы убить индейцев, которые иначе убьют женщин и детей; и что к черту любого, кто проявлял симпатию к индейцам; и что такие мужчины, как майор Винкуп и я, должны уволиться со службы в армии Соединенных Штатов.'"

Эту беседу засвидетельствовали и другие люди. Майор Винкуп, это будут помнить, был командующим офицером в форте Лайон, когда эта группа Шайеннов и Арапахо пришла туда, прося защиты в соответствии с провозглашением губернатора, в котором говорилось, что все дружественные арапахо и шайенны на территориях реки Арканзас, должны прийти к майору Колби, Агенту Соединенных Штатов по делам индейцев в форте Лайон, который создаст им условия безопасности."

За майором Винкупом в командовании форта Лайон следовал майор Энтони, который продолжал какое-то время выдавать рацион этим индейцам, как это делал майор Винкуп; но через некоторое время он собрал их и сказал им, что не сможет их больше накормить; что они лучше бы пошли туда, где они смогут охотиться. Он выбрал место, в которое они должны были перейти - Сенд Крик. Они повиновались, и он отдал им часть оружия, которое у них отобрали. Они были перемещены в Сенд Крик, приблизительно в сорока милях от форта Лайон, частично из страха некоторых конфликтов между ними и солдатами, или эмигрантами, так как форт Лайон был оживленным транзитным пунктом. Один из вождей - Одноглазый - был нанят Майором Энтони за 125$ в месяц, чтобы тот предоставлял информацию о военных партиях индейцев. Несколько раз он приносил в форт новости о предполагаемых действиях враждебных индейцев." Этот вождь был убит в резне.

Это - свидетельства капитана Соула, из Первой кавалерии Колорадо: "Действительно ли вы выступали против нападения на тех индейцев?" "Да."

"Кто был Вашим командиром?" "Майор Энтони."

"Вы сообщали Майору Энтони об отношениях, существующих с Черным Котелком (имя вождя; прим.пер)?"

"Да, он знал о них. Я часто говорил с ним об этом."

"Какой ответ Майор Энтони дал на Ваши протесты?"

"Он сказал, что мы будем бороться с враждебными индейцами в Смоки-Хилле. Он также сказал, что хотел убить всех индейцев до одного, и что он действовал дружелюбно по отношению к ним только до той поры, пока он не мог собрать достаточно сил, чтобы пойти и убить их всех."

Это свидетельство С. Э. Брауна:

"Полковник Чивингтон в общественной речи сказал, его политика состояла в том, чтобы убить и снять скальп со всех - с больших, и с малых."

Губернатор Хант был одним из самых ранних поселенцев в Колорадо. Он был маршалом Соединенных Штатов, делегатом в Конгрессе, а позже - губернатором этой территории. Его свидетельства:

"Мы всегда расценивали Черного Котелка и Белую Антилопу как верных друзей белых с тех пор, как я был в этой стране."

"Вы знаете о каких-либо враждебных актах, совершенных ими, или по их согласию?" "Нет, сэр, не знаю."

"Вы когда-либо слышали о каких-либо враждебных актах, приписываемых им кем-либо?" "Нет, Сэр." Следующая цитата:

"В полку, когда они пришли в Денвер, показывали индейские скальпы."

Это из официального сообщения Майора Винкупа, главнокомандующего форта Лайон:

"В заключение, позвольте мне сказать, что с того времени, как я консультировался с индейскими вождями на истоках Смоки-Хилла и до даты этой резни, учиненной полковником Чивингтоном, шайеннами и арапахо не было совершено ни одного ограбления. Поселенцы Арканзасской

долины возвратились в их ранчо, с которых они сбежали, посадили зерновые культуры, и находились в абсолютной безопасности, получив уверение от меня лично, что пока нет какой опасности. Начиная с этого последнего ужасного убийства полковником Чивингтоном, местность представляет сцену опустошения. Все связи с другими штатами отрезаны, по земле нельзя передвигаться, кроме как многочисленными военными подразделениями, и уже более ста белых пали жертвами страшной мести этих обманутых индейцев." 15-ого января 1866.

Автор этого письма говорит, в отношении исследования резни в Сенд Крик комитетом Конгресса, что "доказательства были взяты только односторонние, и не было никакого ответа в защиту."

Значительная часть доказательств - свидетельские показания, данные под присягой губернатором Колорадо, полковником Дж. М. Чивингтоном непосредственно, который запланировал и выполнил резню, и майором Энтони, который сопровождал его с войсками из форта Лайон. Автор этой статьи говорит, что расследование было сделано с определенной эгоистичной целью - уничтожить и обесчестить определенных мужчин."

Имена сенатора Фостера, сенатора Дулиттла, Бена Уэйда являются лучшим опровержением этого заявления. Будет трудно привлечь к ответственности подлинность свидетельств, подписанных этими именами, и в одном из этих сообщений говорится:

"Трудно поверить, что существа в форме людей, дискредитирующие униформу солдат и офицеров Соединенных Штатов, могли сотворить или одобрить подобный акт жестокости и варварства."

О полковнике Чивингтоне говорится:

"Он сознательно запланировал и выполнил грязную и трусливую резню, которая опозорила бы самого извращенного дикаря среди тех, кто пал жертвами его жестокости."

И о майоре Энтони:

"Свидетельство майора Энтони, который следовал приказу офицера, назначенного взаимодействовать с этими индейцами справедливо и человечно, уже достаточно, чтобы показать, насколько неспровоцированной и неоправданной была эта резня. Он свидетельствует, что нашел, что эти индейцы располагались лагерем около форта Лайон, когда он принимал команду над этим фортом; что они выражали свое дружелюбие к белым, и свою готовность делать все, что он от них потребует; что они сдали ему свое оружие; что они переселились в место, указанное им; что они время от времени передавали ему информацию о планируемых актах агрессии, замышляемых другими враждебными племенами, и во всех случаях вели себя должным образом, и мирно;

И все же, он говорит, что страх, а не убеждение сдерживали его от убийства их всех, в то время как они были полностью в его власти; и когда полковник Чивингтон появился в форте Лайон с его миссией убийства и варварства, майор Энтони поторопился сопровождать его с людьми и артиллерией. ''

Автор этого письма говорит, что свидетельские показания, данные в этом "так называемом расследовании", были "в значительной степени ложны и позорно неравнодушны." Если это так, то почему тогда все эти таким образом "позорно оклеветанные люди не выпустили до конца года их собственную версию, чтобы она достигла если не широкой публики, то, по крайней мере -

Министерства внутренних дел? Почему они позволили министру внутренних дел внести в его годовой отчет за 1865 год все эти параграфы, чтобы их прочел весь американский народ?

"Никакое официальное сообщение из своих собственных надлежащих источников никогда не достигало этого учреждения - сообщение о самом пагубном и позорном случае резни большого количества мужчин, женщин и детей среди индейцев этого агентства (Верхний Арканзас) войсками под командой полковника Чивингтона из Конницы добровольцев Колорадо армии Соединенных Штатов Америки. * * *

"Когда несколько сотен из них пришли на место, определенное губернатором Эвансом как место встречи для тех, кто отделит себя от враждебных сторон, эти индейцы были окружены и хладнокровно забиты войсками на службе Соединенных Штатов. Немногие сумевшие вырваться и убежать на север, рассказывали всем что случилось, и это делало невозможным заключение мира даже с племенами, которые до этого были хорошо расположены к белым."

И почему правительство Соединенных Штатов уполномочило генерала Сэнборна на совете, проведенном 12 октября 1865 с арапахо и шайеннами, включая остатки племен, которые сбежали с резни в Сенд Крик, формально и официально извиниться за действия солдат Соединенных Штатов в той резне? Генерал Сэнборн сказал на этом совете:

"Мы все чувствуем себя опозоренными и нам стыдно, когда мы видим наших офицеров и солдат, угнетающих слабых, или ведущих войну с теми, кто находится с нами в состоянии мира. * * * Мы, как представители президента, готовы, восстановить всю собственность, потерянную в Сенд Крик, или компенсировать ее стоимость. * * * Он послал своих специальных уполномоченных, чтобы сделать уладить ситуацию и компенсировать ущерб настолько, насколько мы можем. * * * Мы так сердечно извиняемся за действия наших солдат, что готовы дать вождям в их собственное вечное владение 320 акров земли каждому, а также - каждому из детей женщин, которые потеряли мужей или родителей мы готовы дать по 160 акров земли в пожизненную собственность."

Автор этого письма, цитируя заявление из предыдущей статьи в The Tribune, что юты Уайт-Ривера, нападая на команду майора Торнберга, боролись, "чтобы защитить их собственные земли - купленные, принадлежавшие им, и оплаченные ими," спрашивает:

"Купленные у кого? Оплаченные кем? Кому была сделана оплата?"

Купленных у правительства Соединенных Штатов, которое таким образом признавало право правительства Соединенных Штатов "на суверенитет почвы" выше права индейцев "на проживание."

Оплаченные индейцами юта тем, что они многократно "отказывались" от прав на владение "большими участками ценных земель"; а особенно - "отказом" по Соглашению в Бруно от 1873 года от 4 000 000 акров ценных земель, бесспорно богатых залежами полезных ископаемых. - Годовой отчет министра внутренних дел за 1873 год, стр. 464.

"Кому была сделана оплата?"

Правительству Соединенных Штатов, которое приняло и ратифицировало такой обмен "права на владение" на "право суверенитета," и продажу "права на владение" за крупные денежные суммы в соответствии с повторными соглашениями.

Министр внутренних дел включил в свой годовой отчет за 1879 год (стр. 36) следующие параграфы:

"Пуст будет полностью понято, что у индейцев юта есть хорошее и достаточное право на владение 12 000 000 акров земли в Колорадо, и что эти индейцы не становились поперек пути белых людей, но были первоначально законными обладателями земель, и что земля, которую они занимают, как признали - это их земля, в соответствии с торжественными соглашениями, сделанными с ними Соединенными Штатами."

В отчете не говорится, что соглашение с индейцами ничего не значат. Оно означает даже больше, чем залог правительства заплатить по бондовым обязательствам. Это - самое торжественное заявление, которое делает любое правительство. Также нигде не говорится, что не нужно никогда заключать соглашения с индейцами. Этот вопрос уже задавать не стоит, поскольку соглашения были сделаны, и с ними следует считаться удобные ли они или нет.

"Начиная с полного признания абсолютного и неоспоримого права этих индейцев на 12 000 000 акров в Колорадо, мы можем должным образом обнаружить лучший метод аннулирования индейского права без проявления несправедливости к индейцам, и не нарушая веру в правительство Соединенных Штатов." Автор этого письма говорит:

"В отказе поставлять ютам Уайт-Ривера провиант министр внутренних дел просто повинуется закону. Он не может, кроме как под личную ответственность, выдавать запасы враждебному индейскому племени."

Секретарь Шерз издал, в годовом отчете министерства внутренних дел за 1879 год, следующий параграф относительно этого случая с ютами Уайт-Ривера:

"Злодеяния совершенных преступлений не должны предотвратить, чтобы невинные люди таковыми не рассматривались. Согласно Статье 17 соглашения: 'При условии, что, если какой-либо вождь любой из объединенных групп ведет войну против Соединенных Штатов, или каким-либо образом нарушает это соглашение в любой основной его части, такой вождь должен утратить свою позицию вождя, и все права на любые выгоды от этого соглашения; но также любой индеец любого племени, который остается мирным и соблюдает условия этого соглашения во всех его основах, должен быть наделен правом на выгоды, и рацион, несмотря на то, что вождь его племени лично, и его племя как субъект утратили свои права на вышеперечисленные блага."

Автор этого письма говорит, в намеке на убийства и произвол, совершенный некоторыми из ютов Уайт-Ривера, что "Н.Н. защищает злодеев, которые сами спровоцировали разрушение." Разве так читатели "The Tribune" поняли мои протесты против несправедливости наказания невинных за преступления виновных?

Н. Н.

Нью-Йорк, 23 февраля, 1880.

За этой публикацией последовало письмо г-на Байерса, повторяющее некоторые из его утверждений; и второе короткое письмо, которое закрыло обсуждение.

Редактору Трибуны:

Сэр, я прошу у только немного места для коммуникации с "Н. Н." в сегодняшнем выпуске "The Tribune". Спрашивается: "Если расследование дела Сенд Крик было настолько несправедливо, то почему тогда люди Колорадо не корректировали ложь, представив их собственную версию случая?" Ответ следующий - случай был предрешен, и нам отказали в слушании в нашу защиту.

В сегодняшней статье передается вывод, что индейские военные действия на равнинах были вызваны и последовали после резни в Сенд Крик. Мы, кто были столь неудачны быть гражданами Колорадо в то время, знаем, что значительное большинство диких злодеяний того периода произошло перед сражением в Сенд Крик. Мы знаем, что индейский лагерь в Сенд Крик был общим местом сбора враждебных племен, которые совершали те злодеяния. Мы знаем, что сравнительно немного событий произошло после. Никакое количество апелляций, никакое частичное повторение свидетельств, и отказ от более важных истин, не изменит факты, столь известные ранним поселенцам Колорадо.

Я отрицаю, что юты как купили, так и оплатили какую бы то ни было землю. Они оставили для рассмотрения определенную часть земли, которой они прежде владели, и они все еще сохранили другую часть. Я отрицаю также, что только двенадцать ютов виновны, и что большая их часть - невинны. Факты говорят об обратном."

Wm. N. Byebs.

Нью-Йорк, 24 февраля 1880.

Редактору 'The Tributie':

Сэр, в ответ на утверждение, что преступникам резни в Сенд Крик "отказали в слушании в их защиту," я хочу заявить читателям 'The Tribune', что, в дополнение к Комитетам Конгресса, чьи отчеты я уже цитировал, была назначена военная комиссия, чтобы расследовать эту резню. Эта комиссия заседали семьдесят три дня в Денвере, и в форте Лайон. Полковник Дж. М. Чивингтон вызывал перед этой комиссией, в свою "защиту" всех свидетелей, которых выбирал сам, и на семьдесят третий день уведомил комиссию, что он "не желает больше представлять свидетелей защиты." У него также была (и он ее активно использовал) привилегия перекрестного допроса каждого свидетеля, вызванного комиссией. Свидетельские показания, данные перед этой комиссией, занимают более чем двести страниц тома Н. "Документов Сената" за 1866-67 года.

В ответ на утверждение, что "значительное большинство диких злодеяний того периода произошло перед резней в Сенд Крик, и что сравнительно немного произошли после," я дам читателям The Tribune одно извлечение из сообщения индейской Комиссии по миру с индейцами за 1868 год. Ссылаясь на резню в Сенд Крик, в сообщении говорится:

"Такому вряд ли найдется аналог в отчетах индейского варварства. Бегущие женщины, держащие руки над головой и молящие о пощаде, были застрелены; младенцы были убиты и с них "для смеха" сняли скальп; мужчины были замучены и искалечены таким образом, который опозорил бы дикарей Африки. Никого не удивило, что далее последовала война, которая стоила правительству 30 000 000$, и несла огонь и смерть приграничным поселениям. В течение весны и лета 1865 года не менее 8000 солдат были отозваны из эффективных сил, занятых Восстанием, чтобы вести эту индейскую войну."

Специальными уполномоченными, которые сделали этот отчет, был Н. Дж. Тэйлор, президент; Дж. Б. Хендерсон, Джон Б. Сэнборн, Уильям Т. Шерман, генерал-лейтенант; Уильям С. Харви,

генерал-майор внеочередного чина; Альфред Х Терри, генерал-майор внеочередного чина; К.К. Аугур, генерал-майор внеочередного чина; С. Ф. Тэппэн.

В ответ на утверждение, что Юты "не покупали и не платили за какую-либо землю," я попрошу читателей The Tribune, которым интересен сей предмет, по читать "Соглашение Брунота," заключенное 13 сентября 1873, между Феликсом Р. Брунотом, специальным уполномоченным Соединенных Штатов, и вождями, главами и людьми "семи объединенных племен ютов". Это можно найти в отчете министерства внутренних дел за 1873 год, стр. 454.

В заключении обсуждения резни в Сенд Крик, я приведу еще один инцидент того ужасного дня. Он не был зарегистрирован ни в одном из отчетов. О нем рассказали в Колорадо одному из членов комитета Сената во время их расследования: одна из женщин сбежала из деревни, и ползла в кустах полыни. К ее убежищу подбежала напуганная лошадь, ее владелец бежал за ней следом. Видя, что лошадь бежит непосредственно в ее убежище, и что она будет неизбежно замечена, и думая, что возможно, если она поймает лошадь и вернет ее владельцу, она может таким образом спасти себе жизнь, она побежала за лошадью, поймала ее и держала, пока не подбежал солдат. Вспомнив, что она была обернута в одеяло и что ее возможно могли принять за мужчину, когда она помещала в руку солдата уздечку лошади одной рукой, другой она слегка отбросила одеяло, чтобы показать грудь, чтобы он мог бы увидеть, что она была женщиной. Но вложил дуло своего пистолета между ее грудей и убил ее наповал выстрелом; и позже ему "не было стыдно" хвастаться этим действием. Именно такими делами, как это "солдаты Колорадо проявили себя и покрыли себя славой."

Н. Н.

Нью-Йорк, 28 февраля 1880.

II.

СЛУЧАЙ ПОНКА.

Извлечение из "Соглашения с индейцами понка", передающее им земли Дакоты.

"С-учетом уступки племенем индейцев понка правительству Соединенных Штатов вышеупомянутой части резервации, правительство Соединенных Штатов, посредством вознаграждения их за их постоянную преданность правительству этого, и с целью возвращения упомянутому племени индейцев понка их старых мест погребений и сельскохозяйственных полей, тем самым уступает и оставляет племени индейцев понка следующие частичные поселения: поселение тридцать один (31), северный регион; семь (7) - западный регион; также частичное поселение тридцать два (32), северный регион, поселения шесть (6), семь (7) восемь (8), девять (9) и десять (10) западного региона; также частичное поселение тридцать три (33), северный регион, семь (7) и восемь (8) - западный; а также все части поселения тридцать три (33), северный регион, девять (9) и десять (10) - западный регион, лежащий на юг от Понка Крик; а также - все острова в реке Ниобрара, лежащие перед землями или поселениями уступленными выше Соединенными Штатами племени индейцев понка."

Переписка, которая велась министром внутренних дел зимой 1879 в отношении понка, является столь превосходной иллюстрацией методов и политики министерства внутренних дел, что имеет смысл описать ее здесь подробно.

Первое письмо

Г-жа Джексон секретарю Шурцу.

Нью-Йорк, пятница, 9 января 1880 года.

Министру внутренних дел:

Уважаемый господин,-я получила от одной бостонской леди письмо, которое имеет столь важное отношение к интересам понка, что я беру на себя смелость попросить, чтобы Вы прочитали и ответили на следующие извлечения. Я посылаю их Вам с разрешения автора:

"В Бостоне большинство из тех, кто, вероятно, больше всего даст индейцам и будут им наиболее сильно сопереживать, уверены в секретаре Шерзе. Они думают, что до сих пор он показывал себя как их друг, и они чувствуют себя неподготовленными помочь любому плану относительно индейцев, против которого он выступает. Самая большая услуга может быть предоставлена индейцам тем, кто напишет секретарю Шерзу, и попросит его со стороны индейцев или помочь им публично и сердечно поддержать усилия понка обеспечить себе законные права в судах, или же как-либо изложить свое мнение против, в столь ясной форме, чтобы можно было его понять. Если есть достаточно серьезные основания, то незачем держать это все в секрете - общественность имеет право знать все. В противном случае, никакой человек не может называть себя другом индейцев, из тех, которые стремятся потушить существующий интерес общественности к этому вопросу.

"Секретарь Шерз уже заявил, что не имело смысл предъявлять иск на земли пока, поскольку индейцам понка сейчас намного лучше там, где они находятся теперь; но секретарь Шерз не может отрицать, что доказать то, что если правительство захватывает землю, данную индейцам навсегда торжественными соглашениями, то последние могут с помощью суда ее возвратить - стоит в десять раз больше 10 000$. Секретарь Шерз также сказал, что законопроект, дающий индийскую землю в паевое владение, уже на рассмотрении Конгресса. Если он хочет, чтобы законопроект прошел, то он должен знать, что невежество, апатия и жадность, которые являются ответственными за позорные дела в прошлом, могут быть преодолены только с помощью людей; и что, безотносительно его чувств к этим конкретным понка, он не может позволить себе отбросить в сторону интерес, который они вызвали.

"В течение ста лет индейцы были жертвами мошенничества и притеснения со стороны правительства. Положит ли хоть что-нибудь этому конец, кроме как возможность дать индейцам законное право защищать себя? Обещания и планы не сделают этого, поскольку кто может гарантировать их осуществление? Положение секретаря Шерза - странное, и общественность ждет и смотрит, чтобы увидеть, что это все означает. Действительно ли это возможно, чтобы он удовлетворился тем, что 250 000 человек, обладающих ценным имуществом (однако - нецивилизованных), держали за абсолютных бесправных рабов, и во власти такого правительства, как наше, постоянные изменения которого делают по меньшей мере невероятным мудрое, равноправное, и гуманное обращение, которое он рекомендует в своем отчете - и когда отстранение индейца от личных интересов всех штатов, кроме тех, у которых есть личный интерес в обладании его землями, делает помощь Конгресса при таком обращении еще более маловероятной? Мне ничего не остается, кроме как полагать, что он позволил втянуть себя в оппозицию, которую он в действительности не чувствует; и это у него все же хватит

великодушия забыть любую критику его собственных действий, и взять шефство над теми, кто пытаются дать индейцам постоянную защиту против превратностей судьбы и жадности людей.

"Не следует забывать, что если три тысячи и несчетные сотни долларов, необходимых для того, чтобы получилась эта сумма в 10 000 $, которые нужно заплатить за траты по искам понка, не смогут собрать в большом городе Нью-Йорке, то я лично гарантирую, что соберу эту сумму в Бостоне за 24 часа, если секретарь Шерз открыто поддержит этот план."

Вопроса, поэтому, стоит следующим образом: Если вы можете сказать, что одобряете то, что понка подают иски на восстановление своих земель, то все деньги, которые они просят, могут быть немедленно помещены им в руки. Автор вышеупомянутого письма уверила меня, что она самостоятельно дала бы всю сумму, если бы была какая-либо трудность в ее сборе. Если вы не одобряете то, что понка подают все эти иски, или хотя бы прилагают громадные усилия, чтобы их подать, действительно ли вы готовы привести причины своего неодобрения? Это вызвало бы большое удовлетворение у тех Ваших бостонских друзей, действия которых в этом вопросе зависят исключительно от Вашего решения, если бы эти причины могли бы быть заявлены в ясной и явной форме.

С уважением, Хелен Джексон.

Секретарь Шерз г-же Джексон

Министерство внутренних дел,

Офис Секретаря, 17января 1880.

Сударыня, мне следовало бы, конечно, ответить на Ваше письмо от 9 числа более быстро, если бы я не был на прошлой неделе несколько перегружен официальными делами. Я надеюсь, что Вы любезно простите непреднамеренную задержку.

Насколько я понимаю проблему, деньги собираются с целью привлечения адвоката, чтобы он появлялся от имени понка в судах Соединенных Штатов, частично представлял их в случае подачи судьей Данди апелляции, и частично обеспечил решение для восстановления их старой резервации на реке Миссури. Я полагаю, что сбор денег на эти цели - бесполезен. Апелляция от судьи Данди может поступить только со стороны правительства, а не от понка, по той простой причине, что решение выступает "в пользу" последних. Действительно, апелляция была немедленно подана районным прокурором Соединенных Штатов в штате Омаха после того, как объявили о решении. Некоторое время назад его резюме этого дела было мне представлено. Исследовав его, я сразу же пришел к мнению, что нужно передать генеральному прокурору мое мнение, что дело должно быть отозвано, поскольку я не могу одобрить принципы, на которых базировался аргумент. Генеральный прокурор согласился соответственно проинструктировать районного прокурора. Решение судьи Данди со стороны правительства - бесспорно. Если бы обращение было передано в суд, и если бы решение судьи Данди было поддержано вышестоящим судом, то общие принципы, вовлеченные в дело, были бы просто подтверждены без какого-либо другого практического эффекта, чем тот, что уже получен. И решение этого вопроса, поэтому, закончилось бы.

Насчет же прав понка на их старую резервацию в Миссури, Верховный Суд неоднократно решал, что индейское племя не может предъявить иск Соединенным Штатам или отдельному штату в федеральном суде. Решения по этому вопросу ясны и однородны. Среди адвокатов, с которыми

я обсуждал этот вопрос, я не нашел ни одного, кто имел бы отличное мнение; но я действительно нашел среди них серьезные сомнения относительно того, было ли бы решение в их пользу, даже если бы понка смогли бы довести иски до суда, принимая в расчет факты этого случая. Но, поскольку такой иск вообще нельзя подать, то и вопрос поднимать не стоит. Поэтому очевидно, что собирать деньги и платить адвокатам с целью выполнения вещи, которая не может быть сделана в принципе - пустое дело. Если бы незаинтересованные друзья индейцев, которые заняты этой работой, сначала бы проконсультировались с адвокатами по вопросу о возможности такого дела, они бы без сомнения пришли к такому же заключению.

Исследование, которое я провел по индейскому вопросу в его различных аспектах, прошлом и настоящем, произвело в моем уме устойчивое убеждение, что единственный верный способ обеспечить индейцев их собственным имуществом, и препятствовать тому, чтобы они навсегда остались расой гонкой бездомных нищих и бродяг, состоит в том, чтобы преобразовать их племенные права в личные права, неотделимые в течение определенного периода; другими словами - расселить их по отдельности, и дать им с помощью акта на владение землей простую плату за их земли. Тогда они будут владеть своими землями с такими же правами, как и белые, и у них, как само собой разумеющееся, будут то же самое положение в судах, и та же правовая защита их собственности. Пока они держат большие участки земли в форме резервации, то только мелкие ее участки они могут сделать полезными для себя и для других. Но целое, удерживаемое всем племенем вместе, всегда будет не уверено. И дальше так будет все больше и больше, поскольку наше население увеличивается, а количество доступной земли - уменьшается. Мы можем назвать это ужасным и прискорбным фактом, но это - все равно факт. Значительный опыт показывает, что протесты хороших людей во имя справедливости и человечности помогли борьбе с этой проблемой лишь очень немного, и бесполезно - маскировать, и неблагоразумно - "не видеть" ее, если мы хотим принести реальную пользу индейцам.

По этой причине я придаю намного больше значения прохождению законопроекта, предусматривающего индивидуальное расселение индейцев, и дающего им отдельное право на землю с простой платой. Остаток их земель, не занятых ими должен быть реализован для их выгоды, а не потрачен на усилия обеспечить судебные решения, хоть и благие по замыслу, но которые, как я показал, не могут осуществиться. Я рад сказать, что беседы, которые я имел с сенаторами и представителями в Конгрессе по поводу политики индивидуального расселения индейцев очень поощрили мою надежду на успех прохождения "законопроекта о расселении" во время текущей сессии.

Мне здесь не следует повторять то, что я сказал в письме г-ну Эдварду Аткинсону, которое Вы, возможно, видели некоторое время назад напечатанным в Бостонских газетах - там речь шла о потребности обучения индейских детей. Вы несомненно понимаете это так же хорошо, как и я, и я надеюсь, что Вы согласитесь с моей рекомендацией, что деньги, собранные для того, чтобы довести случай понка до суда, что невозможно выполнить, и еще много денег, которые могут поступить, должны быть посвящены поддержке и расширению наших индейских школ, таких как существующие в Хамптоне и Карлайле. Таким образом порыв, который несомненно несет сердечное сочувствие многих хороших мужчин и женщин, но который в настоящее время кажется в опасности быть потраченным впустую на недостижимые цели, может быть направлено в практическое русло, и может принести реальную и долгосрочную выгоду индейской расе.

С уважением,

К. Шерз.

Г-жа Хелен Джексон, Нью-Йорк.

Второе письмо г-жи Джексон.

Бревоорт Хоум, Нью-Йорк,

Четверг, 22 января 1880.

Почтенный Карл Шерз:

Уважаемый господин, отвечаю на Ваше письмо от 17 числа. Если я понимаю это письмо правильно, то позиция, которую Вы занимаете, следующая: что по Вашему мнению, и по мнению адвокатов, с которыми Вы консультировались по поводу предмета, невозможно довести до суда иски для судебного разбирательства, деньги на которое были собраны друзьями понка; что причина, по которой Вы не одобряете этого движения, состоит в том, что "очевидно праздно - собирать деньги и платить адвокатам с целью выполнения вещи, которая не может быть выполнена." Это единственная причина, которую, как я понимаю, Вы приводите для того, чтобы прекратить сбор денег для этих исков. Я правильно поняла? И мы должны принять, что именно на этом основании и на никаком другом, Вы выступаете против сбора денег на эти цели? Следует ли нам понимать, что Вы выступили бы "за" возвращение понкам их земли с помощью правовой процедуры, если бы это было осуществимо?

Вы также говорите, что надеетесь, что я "соглашусь" с Вашими рекомендациями, что деньги, собранные на приведения случая понка в суды, должны быть посвящены поддержанию и расширению наших индейских школ. Могу ли я спросить, как по Вашему, возможно взять деньги, отданные тысячами людей для одной определенной цели и использовать их для абсолютно другой цели? Вы говорите: "Если бы друзья индейцев, которые заняты этой работой, сначала проконсультировались с адвокатами по вопросу о возможности, то они, без сомнения, пришли бы к тому же самому заключению." Если бы друзья индейцев, занятые этой работой, и начали все это движение, не проконсультировавшись сперва с адвокатами, то это было бы действительно глупо. Но все было совсем не так. Достойные и грамотные адвокаты нашлись, и они были готовы взяться за случай; и вопрос поэтому сегодня стоит точно так же, как он стоял тогда, когда я писал Вам 17-го числа. Все деньги, которые, предположительно, необходимы для того, привести случай понка в суд, могут быть собраны в Бостоне за 24 часа, если Вы сможете сказать, что одобряете иски. Если Ваше единственное возражение по поводу движения - это то, которое Вы заявили, а именно - что это дело - бесполезно, разве Вы не можете сказать, что если уже адвокаты готовы взяться за случай, то Вы не были бы рады увидеть попытку, предпринятую в судах, и чтобы вопросе уладился? Если это, как Вы думаете - бесполезное усилие, то оно таким и окажется. Но если будет так, как думают друзья и адвокаты понка - вполне реальные вещи, то будет исправлена большая несправедливость.

Вы говорите, что "индивидуальное расселение (индейцев), и раздача им актов на землю с простой платой за их земли", позволит им "владеть их землями на тех же самых основаниях, на которых белые владеют своими землями”, и что "тогда, у них, как само собой разумеющееся, будут то же самое положение в судах и та же самая правовая защита их собственности." Я могу спросить Вас - если ли хоть один законопроект, вынесенный на рассмотрение Конгресса, который

сформулирован так, чтобы обеспечить эти права? Моим единственным извинением за повторное беспокойство Вас, является мой глубокий интерес к индейцам, и особенно в случае понка.

Искренне Ваша,

Хелен Джексон.

Ответ секретаря Шерза на второе письмо.

Вашингтон, округ Колумбия,

26 января 1880

Дорогая госпожа, в ответ на ваше письмо от 22-го числа, прошу понять, что если индейское племя могло бы осуществить обращение в суды Соединенных Штатов, чтобы отстаивать свои права, то я не возражал бы против этого также, как не возражал бы против пользования той же самой привилегией со стороны белых. Но против чего я действительно возражаю, так это против сбора денег с филантропически и патриотически настроенных людей, якобы в пользу индейцев, но фактически - в пользу адвокатов и других, которым заплатят за то, что уже не раз было проверено и решено Верховным Судом настолько ясно и всесторонне, что дальнейшие обращения кажутся совершенно бесполезными. Вы говорите, что есть умелые и достойные адвокаты, готовые взяться за случай. Конечно, такие люди есть. Вы можете найти умелых и достойных адвокатов, которые за хорошую плату возьмутся за любой случай, какой бы то ни было безнадежный: это - их бизнес. Но я ни в коем случае не разделяю Вашего мнения, что, бесполезно ли это или нет, но нам стоит попробовать эксперимент еще раз, и что сбор денег на эту цель должен и далее поощряться. В этом случае нельзя сказать, что если попытка не получится, то не будет никакого вреда. Сейчас, кажется, возникает неподдельный и активный интерес к индейскому вопросу. Много искренних друзей индейцев готовы тратить время и деньги на улучшение их благосостояния. Такое движение может сделать много хорошего, если им мудро управлять в направлении достижимых объектов; но если все уладится так, что это приведет только к помещению денег в карманы частных лиц без какой-либо пользы для индейцев, то крах будет столь же вредным, как и неизбежным. Это не только покончит с движением, которое, если было бы направлено в хорошее русло, возможно, стало бы очень полезным, но это также удержит искренних друзей индейцев, которые внесли их средства в надежде на выполнение чего-то подобного, и для нас будет очень трудно, по крайней мере - в течение долгого времени, снова вызвать это активное сочувствие. Уверенность, злоупотребленная однажды, быстро не возрождается. Это - мое видение случая. Вы спрашиваете меня "как вообще возможно взять деньги, отданные тысячами людей для одной определенной цели, и использовать их на другую, совершенно различную цель," имея в виду поддержку индейских школ. По моему мнению, было бы намного лучше откровенно обсудить этот вопрос со спонсорами, и попросить у них их согласия на изменение цели, чем выбросить деньги на цель, которая не может быть достигнута.

В ответ на Ваш запрос, был ли проведен в Конгресс какой-либо законопроект, предусматривающий индивидуальное расселение индейцев и раздачу им актов о владении землей с простой платой, я рад сказать, что несколько законопроектов этого вида были внесены на рассмотрение и в Сенат, и в Палату, и теперь находятся на рассмотрении соответствующих комитетов по делам индейцев. Если такой законопроект будет утвержден, но что есть большая надежда, то индеец, имея патент на участок земли за плату, который он индивидуально, а не как член племени, держит как свой собственный, то он с позиции закона будет выглядеть точно так

же, как и любой другой владелец собственности в его частном праве, и, как само собой разумеющееся, будет иметь такое же положение в суде. Это сделает больше для обеспечения практическим правом собственности, чем что-либо еще, о чем я только могу подумать, и мои усилия были уже долго направлены на только этот результат. Я полагаю, что мы получим желаемый законопроект во время существующей сессии Конгресса.

С уважением, К. Шерз.

Г-жа Хелен Джексон, Нью-Йорк.

Уклончивый и неоднозначный характер этих ответов секретаря вызвал много комментариев, и дал начало широко распространенному и естественному впечатлению, что он был по какой-либо причине несклонен к восстановлению понка в их прежних домах. Письма были рассмотрены одним из редакторов New York Times в настолько замечательной статье, что они не должны быть напечатаны без ссылки на эту статью.

ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В АКРАХ. (Вырезка из New York Times, 21 февраля 1880 года.)

"Как большинство читателей "Таймс" уже знает, друзья индейцев понка пытаются вернуть племени его старую резервацию в Дакоте. Или, говоря более строго, предлагается, чтобы их права на резервацию им вернулись. Земли, занятые племенем понка, были уступлены им Соединенными Штаты в соответствии с торжественным соглашением. По жестокой, злой и грубой ошибке, которую никакой человек не попытался объяснить, эти земли были уступлены племени сиу. Но сиу не хотели земель, и они никогда не занимали их до этого дню. К этому грабежу племени было добавлено разрушение их зданий, движимого имущества и ферм. Гражданина Соединенных Штатов получил бы в суде компенсацию за подобный произвол.

У индейца же нет никакого правового статуса. Он в глазах закона - просто живое и особенно неприятное животное. Но, в то время как понка пытались возвратиться на их земли, они были арестованы по приказу министра внутренних дел и обвинены в побеге из агентства, в которое их послало правительство, когда их земли были у них отобраны. Нет необходимости тратить дополнительные слова, чтобы усилить скопление преступного безумия и неправды. Определенные граждане Небраски, услышав о несправедливости, которая совершалась с индейцами понка, собрали средства и стимулировали вождей подать иск перед окружным судьей Соединенных Штатов Данди по передаче в суд дела, призванного выяснить, почему они были таким образом ограничены в их свободе. Судья Данди решил, что индеец был 'человеком' в пределах значения закона "О передаче дела в суд", и что эти люди незаконно удерживались в принуждении.

"Считалось, что Соединенные Штаты подадут апелляцию на это обращение, но апелляция не была подана - к большому разочарованию друзей индейцев, поскольку последние надеялись, что могло быть достигнуто решение, чтобы показать, был ли или не был ли индеец настолько наделен привилегиями гражданина, что мог иметь положение в судах, действующих по нормам общего права. Соответственно, патриотически настроенные и филантропические люди, которые поддержали дело понка, решили составить обращение, которое следовало передать на рассмотрение Верховного суда США, и он должен был раз и навсегда разрешить этот спорный вопрос. С этой целью были собраны деньги - по подписке и вкладам, собранным на общественных встречах в различных частях страны. Одна леди, проживающая в Бостоне, растроганная жалким состоянием индейцев, которые попытались бороться на своем пути к

цивилизации, предложила дать все недостающие деньги на расходы по иску, если секретарь Шерз даст некоторые общественные гарантии, что он одобряет манеру ведения этого дела, или же приведет свои причины против этой попытки. Предложение этой леди послали г-же Хелен Хант Джексон, незаангажированные и эффективные труды которой от имени угнетенных понка уже привлекли общественное внимание. Г-жа Джексон отправила секретарю Шерзу целое заявление. Вслед за этим последовала интересная корреспонденция. Эта корреспонденция была напечатана в Бостонских газетах, по-видимому, по распоряжению секретаря Шерза.

"В ответ на просьбу рассказать, одобряет ли он передачу дела понка в Верховный Суд, чтобы племя могло возвратить их старую резервацию, секретарь говорит, что это было бы бесполезно, поскольку суды неоднократно решали, что индейское племя не может предъявить иск Соединенным Штатам. К сожалению, г-н Шерз не ссылается на эти прецеденты, но мы должны принять как очевидное, что он знает о чем говорит. Он добавляет, что обращался за советом к адвокатам, чье мнение совпадает с его мнением. Поскольку иск вообще не может быть подан согласно секретарю и его юрисконсультам, то было бы праздно и собирать деньги на эту цель; и секретарь предполагает, что если бы незаинтересованные друзья индейцев проконсультировались с адвокатами прежде, чем начали свою работу, они бы убедились в тщетности попытки. Это заявление, конечно, оставляет впечатление, что секретарь не одобряя движение отказывается обеспечить законные права понка, хотя он так и не говорит в оговоренных условиях. Его обоснование того, что он не одобряет попытку, состоит в том, что она даст отрицательный результат. Его решение индейской проблемы, как это неопределенно называется, состоит в том, чтобы расселить индейцев индивидуально, разбивая их племенную организацию, и давая каждому человеку землю за простую плату. Это, по мнению секретаря, позволит им владеть своими землями на основании тех же прав, по которым белые владеют своими, и, как само собой разумеющееся, у них будет такое же положение в судах, как и у белых. Нужно сожалеть, что секретарь не сделал здесь достаточно долгую паузу, чтобы показать, как предоставление индейцу 160 акров земли может наделить его гражданскими правами, которыми он сейчас не обладает, и которые по мнению секретарь суды не могут ему дать. Поэтому однако г-н Шерз выступает очень благосклонно "за" законопроекты, предусматривающие отдельное индивидуальное расселение индейцев, которые, по его словам, уже находятся в подготовительной стадии. Что касается уже собранных денег, секретарь предполагает, что так как, по его мнению, они будут растрачены впустую на получение судебного решения, они могли бы лучше использоваться на цели образования индейских детей.

Отвечая на это, г-жа Джексон спрашивает, выступил ли бы Секретарь "за" возвращение понкам их земель с помощью правовой процедуры, при условии, что ее осуществление было бы реально достижимо. На этот прямой и очень важный вопросу мы сожалеем заметить, что секретарь нашел себя неспособным ответить, хотя в письме, которое немедленно последовало за письмом г-жи Джексон, он действительно говорит, что если бы индейское племя могло бы поддержать судебный иск в судах, чтобы отстаивать свои права, он бы возражал против этого не больше, если бы белый человек делал той же самое. Относительно же предположения, что деньги, собранные на расходы процессуальных действий, должны использоваться в образовательных целях, г-жа Джексон спрашивает секретаря, как это возможно - взять деньги, собранные для одной определенной цели, и использовать их для совершенно другой, г-н Шерз возражает, что можно сначала получить согласие дарителей; но он забывает, что было бы невозможно собрать пожелания тысяч неизвестных людей по всей стране, предоставивших средства этому фонду. Что

касается намека, что друзья индейцев не воспользовались в этом деле советом юрисконсульта, но что секретарь - воспользовался им, г-жа Джексон замечает, что они действительно обращались за советом к адвокату, и не сделать подобное было бы действительно глупым упущением.

"Будет замечено, что возражение секретаря попытке обеспечить гражданские права имеет причиной якобы неосуществимость задачи; и, в ответ на заявление г-жи Джексон, что друзья индейцев обращались к адвокатам в этом случае, он отвечает, что "можно найти умелых и достойных адвокатов, которые за хорошую плату возьмутся за любой случай, какой бы то ни было безнадежный." Тем, кто мог бы думать, что это заявление несправедливо и жестоко к профессии юриста, следует сказать, что г-н Шерз сам адвокат по профессии, и должен знать то, о чем он говорит. И мы должны предположить, что глубокое знание г-ном Шерзом закона, которое подкрепляется мнениями выдающихся светил юриспруденции, побуждает его считать весь случай отклоненным и закрытым еще до передачи его в суд. Однако, было бы интересно узнать, попадают ли умелые и достойные адвокаты секретаря менее легко под влияние перспективы "хорошей платы", чем умелые и достойные адвокаты, консультирующие друзей понка. Мы находим мнение секретаря Шерза "чрезвычайно здравым" о том, что бесполезно давать индейцу положение в суде через судебные решения, поскольку он может с готовностью обеспечить свои права, приняв от правительства Соединенных Штатов 160 акров земли."

ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ ЛЕТОМ 1880

Стоящий Медведь и его племя, после того, как их выпустили по решению судьи Данди, обосновались на острове на реке Ниобрара, который был частью их старой резервации, и о котором, к счастью, забыли, когда правительство Соединенных Штатов силой завладело остальной частью их земли и передало ее сиу. Здесь к ним присоединились другие беглецы их племени, пока общее число не достигло приблизительно ста тридцати человек. Комитет, который был организован в Омахе для облегчения их жизни, снабжал их сельскохозяйственными орудиями, и они усердно начали работать. Этот комитет издал в июле 1880 отчет, содержащий следующие параграфы:

"Мы рассматриваем обращение с индейцами понка как одну из самых жестоких и отвратительных глав в отчете об угнетении нашей нацией индейцев, и мы настроены не жалея сил возвратить им их украденные дома и отобранные права, и освободить американский народ от клейма этой ужасной несправедливости.

Сенат Соединенных Штатов в течение прошлой зимы назначил специальный комитет, чтобы установить и сообщить об обстоятельствах удаления индейцев понка с их резервации, и определить не наделяются ли упомянутые индейцы правом быть восстановленными в своем владении этой землей. Этот комитет Сената посвятил много времени полному и терпеливому исследованию всего дела понка, и сообщил, что понка были "выдворены без законных на то оснований из своих домов на Индейскую территорию", и он также установил размер счета для их восстановления на их бывшей резервации, и рекомендовал, чтобы с целью переселения понка и восстановления их теперь обветшалых домов, были выделены 50 000$."

"В этом отчете Сената Соединенных Штатов говорится, что имея дело с одним из самых миролюбивых, аккуратных и лучше всего расположенных из всех племен индейцев,

правительство нарушило в самой скандальной манере их права собственности, и игнорировало их обращения к чести и правосудию Соединенных Штатов, и к основам человечности."

В сообщении также говорится, что "комитет не может найти достаточно сильных слов, чтобы осудить все дело и проследить все проблемы, на которые натолкнулись понка, и тяготы и страдания, которые следовали за ними, когда они были выселены из их старой резервации и поставлены в их нынешнее положение на Индейской территории."

Комитет восстановления индейцев понка в Омахе не нуждается ни в какой лучшей защите их действий от имени обеспокоенных и оскорбленных людей, чем эти сильные и тяжелые слова комитета сенаторов Соединенных Штатов, составленного из представительных мужчин обеих политических партий.

Комитет в Омахе состоял из епископа Кларксона из Небраски, председателя; преподобного А. Ф. Шеррилла, преподобный В. А. Хэрша, Ливитта Бернэма, В. М. Йейтса, и П. Л. Перайна.

По требованию этого комитета г-н Т. Х. Тиббис в июне пошел на Индейскую территорию, чтобы посетить понка (из которых в живых осталось только приблизительно 400 человек). Он был уполномочен уверить их в интересе и стараниях гуманных людей по всей стране, направленных на их благо, и уверить их, что комитет в Омахе был готов помочь им любым практическим способом вернуться в их старые дома, из которых они были несправедливо и жестоко изгнаны."

Г-н Тиббис посетил понка, хотя правительственный агент всячески ему мешал, и наконец арестовал его по приказу из Вашингтона, предусматривавшему арест любого члена комитета Омахи, который ступит на территорию резервации. Он был оскорблен агентом, выдворен силой из резервации, и ему пригрозили обойтись с ним намного более серьезно, если он когда-либо вернется.

Этот своевольный произвол по отношению к свободному гражданину Соединенных Штатов пробудил негодование по всей стране. Комментарии прессы по поводу этого случая показали, что люди наконец осознают смысл тиранической несправедливости Департамента по делам индейцев. "The New York Tribune" опубликовала в качестве передовой статьи:

"Департамента по делам индейцев может уже понять, что дело понка вышло из-под их контроля. И это - вопрос обыкновенного правосудия, которое люди хотят видеть исправленным. * * * Ни у какого мелкого индейского агента нет законных прав заключать в тюрьму, плохо обращаться, и угрожать жизни любого гражданина, не виновного ни в каких преступлениях и желающего дать этим "рабам правительства" положение людей. * * * Именно правительство этой большой республики, где все люди свободны и равны, держит этих понка в качестве заключенных на участке земли, оставаться на котором означает неминуемую смерть. Они не виновны ни в каком преступлении, за исключением того, что у них отняли их землю, и что они просят подать иск в суд, как это могут делать темнокожие люди, или осужденные преступники, для восстановления своих прав."

Г-н Тиббис сообщил о состоянии понка на Индейской территории как о чрезвычайно прискорбном. Они живут в постоянном страхе и являются такими же заключенными, как будто бы они сидели в тюрьме. Они кажется потеряли любую надежду, убиты горем и печальны. За редким исключением (1-2 человека), они уже даже не прилагают никаких усилий, чтобы помочь самим себе. Их так называемые фермы - несчастные небольшие участки, на которые они

обращают очень немного внимания. Один из них сказал мне: "Если правительство вынуждает меня остаться здесь, значит оно может накормить меня. У меня была хорошая ферма в нашем старом доме, и если бы я вернулся туда, я бы снова занялся сельским хозяйством; у меня нет никакого желания здесь работать." Сто пятнадцать человек из тех, кто вернулся на старую резервацию, обрабатывают намного большее количество земли, чем четыреста, которые находятся на Индейской территории. Те поддерживают свой урожай в хорошем состоянии, они полны энергии и надежды."

Правительственное агентство для индейцев понка, которых перевели на Индейскую территорию, заплатили ренту, которую они были должны племени, но та часть племени, которая сбежала обратно в Дакоту, не получила ничего. Кроме того, Бюро по делам индейцев выпустило указ, запрещающий любому из понка, покидающему Индейскую территорию, брать с собой какую бы то ни было собственность под штрафом того, чтобы его арестуют за кражу. Поскольку они могли взять с собой их семьи в долгое, трудное путешествие в Дакоту без какой-либо еды и транспортных средств, этот указ сохранял их заключенными на Индейской территории как в тюрьме, причем так же эффективно, как если бы вокруг была вооруженная охрана.

Правительство, ответственное за них, сообщало, тем временем, что они имели право решать жить и умирать там, где они сами желают. В племени существует чувство удовлетворения, которое сделает очень трудным для любого переезд из существующего дома," - говорится в сообщениях прессы, по-видимому - продиктованных Бюро по делам индейцев, и разосланных по всей стране 15-ого июля.

Кажется оскорблением здравого смысла людей предполагать, что этому заявлению поверили бы настолько, что преследовали бегущих понка, которые посмели взять с собой с Индейской территории хоть 1$ собственности. Конечно - чрезвычайно и излишне суровый закон для сообщества "настолько удовлетворенного, что для любого человека было бы трудно убедить этих индейцев покинуть свои дома."

ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЛУЧАЯ

Незаинтересованные адвокаты, которые вели случай понка с самого начала, не были ни запуганы угрозами, ни обмануты выходками Бюро по делам индейцев. Изобретательные схемы, осуществленные министерством внутренних дел, чтобы препятствовать возможности вызова всех ответчиков в исках, необходимых, чтобы возвратить земли понка, стали позорной главой истории, которая однажды будет написана. Но 13-ого июля адвокаты смогли сообщить комитету Омахи следующее:

СООБЩЕНИЕ АДВОКАТОВ.

Омаха, 13-ого июля 1880.

Комитету индейцев понка в Омахе:

В ответ на запрос одного из Ваших участников относительно состояния исков, установленных нами, чтобы освободить Стоящего Медведя и его помощника из-под стражи военных, и восстановить права понка на владение их резервацией, мы делаем следующее заявление: v

8-ого апреля 1879 года нами было подано ходатайство в случае солдата Соединенных Штатов в отставке Ма-чу-на-жа (Стоящего Медведя) против Джорджа Крука, бригадного генерала армии

Соединенных Штатов и командующего отдела Платта в американском Окружном суде района Небраски - с целью предписания судебного приказа выпустить Стоящего Медведя и его компаньонов. Это дело разбиралось 1 мая 1879 года и Стоящий Медведь, и его компаньоны вернулись на свободу. Вслед за этим, американский районный прокурор передал дело в окружной суд Соединенных Штатов этого района с апелляцией, и 19 мая, на слушании перед судьей г-ном Джастисом Миллером, членом Верховного суда США, было отложено, и 5-ого января 1880 года апелляция была отклонена на основании действий американского районного прокурора.

3 апреля 1880 года в американском окружном суде района Небраска нами было начато разбирательство племени индейцев понка против Makh-pi-ah-lu-ta, или Красного Облака, от его собственного имени, и от имени нации индейцев сиу, и 18 мая 1880 года мы начали в том же суде разбирательство племени индейцев понка против нации индейцев сиу. Эти случаи были начаты и разрабатываются нами в суде, чтобы вернуть владение и установить права племени индейцев понка на такую большую часть их старой резервации, которая находится в рамках Небраски. В начале этих разбирательств была значительная задержка, а также - в тех делах, которые впоследствии были начаты в Дакоте, и которые мы упоминаем ниже. Задержка была вследствие трудностей в вызове ответчиков. 22 мая 1880 года вызов ответчиков был сделан в обоих случаях, и постановили "предпринять некоторые меры на следующем заседании суда".

20 мая 1880 года в Дакоте были начаты другие иски от имени племени индейцев понка, и против нации индейцев сиу, и против определенных из их руководителей, чтобы уладить и установить права племени понка на большую часть их старой резервации, которая находится в пределах территории Дакоты. В этих случаях имело место слушание, и несколько упомянутых исков будут вестись нами в суде со удобной скоростью.

Мы могли бы добавить, что также ведем случай Джона Элка против Чарльза Вилкинса в американском окружном суде для этого района, который разбирается нами, чтобы определить права индейцев в соответствии с 14 поправкой Конституции Соединенных Штатов.

С уважением,

А. Дж. Попплетон,

Дж. Л. Вебстик.

III.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПО ПОВОДУ ХАРАКТЕРА ИНДЕЙЦЕВ

"В начале 1800 года губернатор Северо-западной территории, в своем сообщении собранию, обратил их внимание на состояние индейцев. Он заметил, что независимо от принципов религии и правосудия, политикой Соединенных Штатов должно быть нахождение с ними в состоянии мира; но так не могло продолжаться, если соглашения, существующие между ними и правительством, были безнаказанно нарушены жителями Территории. Он упомянул известный факт, что в то время как белые громко жаловались на каждую обиду, совершенную индейцами, хоть сколько пустяковой она бы ни была, и требовали немедленной компенсации, они сами ежедневно совершали против индейцев преступления и провокации наиболее провокационной и зверской природы, за которые преступники не были наказаны* * * Он заявил, что число тех несчастных людей, которые были убиты начиная с мира Гринвилла, было достаточно, чтобы

вызвать серьезную тревогу о последствиях. Далее он добавил, что последняя попытка наказать белого, который, как это было четко доказано, убил двух взрослых индейцев и ранил двух их детей, была отклонена." - Заметки гн-а Бруне по северо-западной Территории.

Характер северо-западных индейцев.

"Среди другой лжи, как-то уверенно утверждалось, но без тени аргументов или фактов, чтобы поддержать утверждение, что индейцев нельзя привести в состояние цивилизации, или стимулировать формировать сообщества и участвовать в построении сельского хозяйства и прочих искусств - из-за некоторых физических различий между ними и англосаксонской расой. Этой гипотезе противоречит опыт, который явно показал, что две расы, если их поставить в ту же самую ситуацию и они действуют на основании тех же самых причин, неизменно обращаются к тем одинаковым средствам и преследуют одинаковую же политику.

"Это утверждение поддерживается ссылкой на белых людей, которые были взяты в плен в детстве и выросли среди индейцев. В каждом таком случае ребенок цивилизации ставал свирепым взрослым обитателем леса, проявляя все особенности, вкусы и предпочтения индейца по рождению. Его манеры, привычки, наклонности и предпочтения были идентичны, так что даже самый философски проницательный наблюдатель не был в состоянии обнаружить какое-либо различие между ними, кроме как в цвете кожи, и в некоторых случаях даже это было нивелировано долгим нахождением под открытым небом и свободным использованием масел и красок."

Есть много задокументированных случаев, в которых люди, взятые в плен индейцами пока они были молодыми, наотрез отказывались в будущем возвращаться к их родственникам домой - вот подтверждение заявления судьи Бернета.

С другой стороны, он говорит: "Попытки, которые были предприняты в разное время, чтобы улучшить умы и взрастить нравы этих людей, всегда сопровождались успехом."

При беспристрастном сравнении между цивилизованным и образованным белым, и цивилизованным и образованным индейцем, вся эта теория органического конституционного различия между европейцем и индейцем по рождению исчезает.

«Как понка, будиноты, хики, риджи и другие отличаются от образованных мужчин нашей собственной расы? Так как образованный индеец ассимилируется в общество белых, и европеец, воспитываемый с младенчества среди индейцев, становится идентифицированным с ними, то это предполагаемое различие не может быть реальным, но - воображаемым.

Трудности воспитания уроженцев этого континента - не больше и не меньше, чем те, которые задерживали развитие варварских стран Европы две тысячи лет назад. * * * Нецивилизованные люди всегда получали удовольствие от охоты и имели склонность к бродяжничеству; и история и опыт доказывают, что только потребность вызванная в результате увеличения населения и уничтожения дичи, когда-либо побуждала людей селиться в сообществах и полагаться на культивирование земли для добычи пропитания. В продвижении цивилизации охота уступила место пасторальному состоянию, а оно, в свою очередь уступило место сельскому хозяйству, поскольку увеличение численности населения сделало это просто необходимым.

Как только чероки и ваяндоты были окружены белым населением, и их территория была настолько ограничено, что исключала их зависимость от охоты и лова рыбы, они стали

фермерами, и проявили сильное желание развивать эти искусства; и это было бы выбором всей индейской расы, если бы политика правительства это разрешила.

Не стоит рассматривать уроженцев этой нации как совершенно отличную и низшую расу, потому что они нам вообще не подражают, если мы делаем это фактически невозможным. Какой повод и стремления должны были стимулировать их к усилиям, когда их заставили чувствовать, они лишь временные арендаторы на собственной земле, которых по желанию и для удовольствии их угнетателей всегда могут прогнать?

"Как только их привели к ситуации, в которой потребность побудила их к промышленности, и стимулировала их начинать принимать наши манеры и привычки жизни, жадный взор белого постоянно был закреплен на их прогрессе, и они получили пугающее уведомление, что они должны в другом месте искать себе постоянный дом.

В то время, когда наши поселения начинались к северо-западу от Огайо, индейцы были его признанными владельцами и суверенами; правительство не требовало себе никакого права на землю и заселение, за исключением земель, полученных покупкой."

31 июля 1793 специальные уполномоченные Соединенных Штатов сказали собранным вождям северо-западных племен на совете, проводимом в доме капитана Эллиота на реке Детройт: "Специальной властью президента Соединенных Штатов мы признаем право собственности индейских наций на большой участок описанной выше земли, пока они желают занимать ее; мы требуем себе только те участки, которые были особенно упомянуты прежде, и права на отчуждение которых предоставил Король."

Вся местность от Пенсильвании до Миссисипи была их собственностью, и более восхитительной и плодородной долины нельзя найти на всей земле. * * *

Не зная о губительных последствиях, которые должны были последовать за их близостью к белым, они уступили американскому правительству большие и ценные части страны по номинальным ценам. Эти земли были быстро заселены американцами, в чистоте и дружбе которых у ничего не подозревающих индейцев была большая уверенность; и при этом они не просыпались от того заблуждения, пока их привычки трезвости и этики не были разрушены, и пока недостатки, порожденные несдержанностью и бездельем, не загрязнили каждое племя. * * *

Их пропитание стало сомнительным; их здоровье уменьшилось; их чувство собственного достоинства, достоинства их характера и героизм, унаследованные от их предков - были потеряны. Они стали по их собственной оценке - худшей, зависимой гонкой. Правительство потакало их слабостям и растрате энергии, за которыми следовали взятки и угрозы получения лучших частей их страны, и, в конечном счете - их выгнали с земли, на которой они родились, и послали в отдаленный дом в неизвестном регионе.

Эта грустная глава истории исконных жителей Америки началась при заключении соглашения в Гринвилла в 1795 году, и закончились через пятьдесят лет. Автор этих строк засвидетельствовал ее начало, развитие и окончание. "- Заметки Бурне о северо-западной Территории.

Нез-пересе и флатхеды в их собственной стране.

"Они были дружественными, и честными до крайней степени в общении с белыми людьми. * * * Просто назвать этих людей верующими передало бы только слабую идею того глубокого оттенка благочестия и преданности, которая пронизывает все их поведение. Их честность - безупречна; чистота их целей и соблюдение ими религиозных обрядов - замечательны. Они, конечно, больше походят на нацию святых, чем на орду дикарей." - Рассказ капитана Бонневилла, переданный У. Ирвингом.

"Я могу без страха заявить всему миру, бросив вызов лжи, что североамериканский индеец повсюду в его естественном состоянии - высокоморальное и религиозное существо, наделенное Творцом интуитивным знанием о великой Сути вселенной.

Я никогда не видел других людей, которые тратили бы большую часть жизни на поклонение Великому Духу, как делают эти племена, и также никого, кого у меня совершенно не было бы причин подозревать в неискренности и лицемерии.

Самоотречения и самоистязание, и почти - самопожертвование, являются способами обращения к Большому Духу для его восхваления и получения прощения.

Я нашел, что эти люди относятся друг к другу с добром и благородством, и они наделены чувством родительской, сыновней и супружеской привязанности, которая встречается в намного более просвещенных сообществах. "- "Североамериканские индейцы", Кэтлин.

Г-н Кэтлин почти сорок лет назад провел среди индейцев восемь лет. Он путешествовал среди самых диких племен, жил с ними в наибольшей близости, и у него сложилось вот такое мнение относительно их национальных черт, до того, как они были запятнаны белыми и питьем виски.

Уже в 1724 иезуитский отец Лэфито написал об индейцах, и заявил, что к его собственному опыту он может добавить опыт отца Гамиера, который прожил среди них шестьдесят лет:" Они одержимы," - говорит он, - "одержимы здравым рассудком, живым воображением, быстрой и замечательной памятью. Все племена сохранили, по крайней мере, некоторый след древней религии, переданной им от их предков, так же, как и формы правления. Они справедливо размышляют над своими делами, и в массе своей лучше, чем мы. Они преследуют свои целы честными средствами; они проявляют степень хладнокровия и самообладания, которая превысила бы наше терпение; они никогда не позволяют себе удариться в страсти, но всегда действуют с чувством собственного достоинства и величия души, и кажется обладают хорошим самообладанием. Они благородные и гордые; обладают храбростью, способной перенести любое испытание; доблестью, героической стойкостью под муками, и хладнокровием, которое не могут нарушить ни неудачи, ни перемены. Друг с другом они ведут себя с естественной вежливостью и вниманием, проявляя высокое уважение к возрасту, и внимание к равным, который кажется едва совместимым с той свободой и независимостью, которые им настолько ценны. Они делают немного поступков исключительно по доброте, но они приветливы и щедры. К незнакомцам и неудачливым людям они относятся с таким гостеприимством и милосердием, которое могло бы вогнать в краску жителей Европы."

Отец Лэфито не маскирует тот факт, что у индейцев есть значительные недостатки. Он говорит, что они "подозрительны и мстительны, и жестоки их врагам."

Пьер Лальемант, миссионер среди племени гуронов, говорит: "Что касается интеллекта, то они нисколько не уступают уроженцам Европы; я и не предполагал, что без обучения, природа могла

произвести такое здравое и энергичное красноречие, такие разумные суждения в делах, как то, чем я так восхищался среди гуронов. Я признаю, что их привычки и обычаи являются варварскими в тысяче способов; но, в конце концов, в делах, которые они рассматривают как неправильные, и которые их общественность осуждает, мы наблюдаем среди них меньший уровень преступности, чем во Франции, хотя здесь единственное наказание за преступление - позор того, что человек его совершил."

В истории Новой Франции, изданной в 1618 году, об индейцах написано, что "они являются доблестными, преданными, щедрыми, и гуманными; их гостеприимство является настолько большим, что они проявляют его ко всем, кто не является их врагом. Они говорят с большим умом и смыслом, и когда им нужно осуществить какое-либо важное предприятие, вождя внимательно слушают в течение двух или трех часов подряд, и ему отвечают настолько подробно и по-делу, насколько это необходимо для решения вопроса."

В 1656 иезуитские миссионеры среди ирокезов сообщили: "Среди многих бед, вызванных их слепотой и варварским образованием, мы встречаемся с такими достоинствами, сравнение которых с оными у большинства христиан было бы к позору последних. Больницы для бедных были бы среди них бесполезны, потому что у них нет нищих; те, кто что-то имеет, настолько либеральны к тем, кто находится в нужде, что всеми предметами они обладают сообща. Вся деревня должна быть в бедствии, прежде, чем какой-то один человек попадет в нужду."

Капитан Карвер, который путешествовал в 1766 среди самых диких племен, описывает их как "жестоких, варварских и мстительных во время войны, упорно продолжающих неуклонно преследовать врага, жестоко обращающихся с заключенными, не жалеющими никого, не смотря на возраст и пол." С другой стороны, он нашел их умеренными в способе жизни, терпеливыми в голоде и усталости, общительными и гуманными со всеми, которых они считают друзьями, и готовыми разделить с ними последний кусочек еды, который у них есть, или подвергнуть свою жизнь опасности в их защиту. Их общественный устрой он описывает так: 'Люди привязаны к их нации в такой степени, которая неведома жителям любой другой страны, объединены так, как будто приводятся в действие одной душой против общего врага, никогда не проявляют на их советах эгоистичные или клановые черты, но приносят в жертву все ради чести и блага их племени, ради поддержки которого они не боятся никакой опасности, и не впечатляются никакими страданиями. Они не только нежно привязаны к их собственному потомству, но и чрезвычайно любят детей вообще. Они тщательно обучают их собственным принципам, и с вниманием учат принципам и привычкам их нации. Их система состоит в основном во влиянии примера, и внушении им традиционной истории их предков. Когда дети поступают неправильно, их родители выражают протест и отчитывают их, но никогда не бьют. " - Halkett's Historical Notes.

Самая идея телесного наказания маленьких детей кажется аборигенам Северной Америки ужасно неприятной. В "Relation de Nouvelle France," изданном в 1633 году, есть любопытная история об инциденте, который имел место в Квебеке. Компания индейцев, наблюдающая за французским мальчиком, барабанящим в барабан, собралась вокруг него кольцом более тесно, чем ему бы того хотелось, и он ударил одного из индейцев по лицу барабанной палочкой настолько сильно, что пошла кровь. Индейцы, очень оскорбленные, пошли к переводчику и потребовали извинения и подарка, согласно их обычаю. "Нет", - сказал переводчик, - "по нашему обычаю следует наказать преступника. Мы накажем мальчика в вашем присутствии." Когда индейцы увидели, что ребенка раздевают для того, чтобы совершить телесное наказание, они

начали немедленно просить о его прощении; но поскольку солдаты продолжали свои приготовления и собирались отхлестать парня, один из индейцев внезапно снял с себя одежду и бросил ее мальчику, выкрикивая "Бичуйте меня, если хотите, но не бейте мальчика!" "Отец Лежен, который рассказывает эту историю, добавляет, что это нежелание индейцев видеть любого ребенка избиваемым, вероятно, создаст нам большие проблемы в способах, которыми мы должны воспитывать молодежь."

Еще в 1587 году мы находим доказательства того, что у индейцев была религия. Томас Хэрайот, служащий сэра Уолтера Рэли, пишет из колонии Вирджинии относительно индейцев Вирджинии: "Они верят, что есть много богов, которых они называют Mantaoc, но только различных видов и степеней; один - главный и Великий Бог, которому принадлежит все; кто, по их убеждениям, когда предложил создать мир, сделанный сначала других богов основного порядка, чтобы они были средствам и инструментами, используемыми в создании будущего управления; и после этого были созданы солнце, луна и звезды - как малые боги и инструменты другого порядка, более главного."

"Вообще," - говорит Хантер, - "редко когда проходит день, чтобы пожилой индеец, или другой, почитаемый как мудрый и хороший человек, не спрашивал благословения, или не благодарил Его, дающего жизнь - иногда вслух, но, чаще всего - на религиозном языке сердца."

Весь служащие Северо-западной пушной компании приводят те же доказательства преданности и честности индейцев.

Генерал Х. Сибли однажды сказал епископу Уипплу, что в течение тридцати лет сиу на каждом совете хвастались, что они никогда не отобрали жизнь у белого человека.

IV.

ПРОИЗВОЛЫ, СОВЕРШЕННЫЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНДЕЙЦАМ БЕЛЫМИ.

В рассказе капитана Бонневилла, как он пять лет провел в Роки Маунтинс, упоминается много случаев жестоких произволов, совершенных белыми против индейцев.

"Однажды утром один из его ловцов, обнаружив, что его ловушки ночью кто-то снял и унес, дал ужасную клятву, что он убьет первого попавшегося ему индейца, которого встретит - невинного или виновного. Когда он возвращался в лагерь со своими товарищами, он увидел двоих неудачливых индейцев племени рут диггер - они сидели на берегу и ловили рыбу; подойдя к ним, он вскинул винтовку, застрелил одного на месте, и бросил его истекающее кровью тело в реку.

Позже, через короткий промежуток времени, когда группа трапперов собирались пересечь реку Огден, большое число шошоков или рут диггеров сидело на противоположном берегу. Трапперы предположили, что те индейцы имеют против них враждебные намерения - они надвинулись на них, достали винтовки и убили 25 человек из них на месте. Остальные отбежали на короткое расстояние, затем остановились и обернулись, воя и скуля как волки, и произнося жалобы. Ловцы преследовали их в каждом направлении. Бедные индейцы даже не защищались, но бежали в ужасе; и при этом, исходя из свидетельств хвастливых убийц, у индейцев не было оружия."

Кажется, у этих трапперов проснулась дикая жажда крови и они учинили ужасный произвол. Они преследовали индейцев на максимальной скорости, ловили арканом их как рогатый скот и тащили за собой, пока те не умирали.

Когда-то, когда несколько лошадей были украдены индейцами рикари, эта же группа трапперов взяла двух индейцев рикари заключенными, и объявила, что если племя не отдаст всех украденных лошадей, то этих двух индейцев, которые случайно забрели в лагерь трапперов, не зная о совершенном преступлении, сожгут заживо.

Чтобы продемонстрировать серьезность угрозы, трапперы накидали дрова и вязанки хвороста, и разожгли в пламя. Рикари выпустили одну лошадь, затем - другую; но понял, что только отказ всех украденных лошадей подарит жизнь пленникам, они оставили тех на произвол судьбы, отъезжая с криками и воем, когда на их глазах пленников притащили в пылающий костер и сожгли заживо, дав увидеть, как убегают их товарищи.

"Подобные действия приводят к ужасной мести со стороны индейцев. Обида сидит в памяти целого племени, и это - дело чести и совести - отомстить за них.

"Отчет о войнах между ранними поселенцами Вирджинии и Новой Англии и местными аборигенами показывают жестокость с обеих сторон, от которого любого бросит в дрожь. * * * Когда индеец срывал скальп с головы едва только мертвой жертвы, и калечил тело, то как можно ожидать, что он отбросит эту жестокость, когда он видит, как белые в свою очередь отрезают головы своим людям, калечат и четвертуют их тела, как было сделано с Королем Филипом, голову которого отрезали, послали в Плимут и повесила там на виселице, где она висела двадцать лет, в то время как одну из его рук послали в Бостон как трофей, а его тело разделили на четыре части и повесили на четыре дерева?" История и путешествия М'Форли.

ИЗ ОТЧЕТА БЮРО ПО ДЕЛАМ ИНДЕЙЦЕВ ЗА 1854 ГОД.

Портов Орфорд, Орегонская Территория, 5 февраля 1854.

"С огорчением сообщаю Вам, что самая ужасная резня, или, скорее - отъявленное и варварское убийство, было совершено в племени нэзона, проживающем в устье реки Коквилль утром 28 ого января группой из сорока шахтеров. Прежде, чем дать Вам результат моего расследования и моих собственных заключений, я приведу Вам причины, которыми шахтеры пытаются оправдать свои действия.

"Они признают это, в течение некоторого времени в прошлом, индейцы в устье реки Коквилль вели себя высокомерно; что они имели привычку ездить на лошадях белых без разрешения; что в последнее время они совершали много воровства, такого как кража весел и многих других вещей из собственности белых; что недавно один из них начал палить из пистолета, находясь на пароме; и что за несколько дней до нападения на индейцев, вождь, покидая парома, где его только что накормили, выстрелил в группу четырех белых, стоящих около двери дома. Они далее заявляют, что 27 января они послали за вождем, чтобы поговорить с ним; но что он не только отказался прийти, но и прислал сообщение, что он убьет любого белого, кто придет в его дом; что он хотел убить всех белых, которых только мог; что он был настроен выгнать белых с территории его страны; что он убьет мужчин на пароме, и сожжет их дома. Немедленно после этого сообщения с вождем, белые, проживающие на и около парома собрались, и начали обсуждать потребности непосредственного нападения на индейцев.

Результат их обсуждения, с полными слушаниями их встречи, здесь прилагается. В заключении послали курьера в верхние шахты, за помощью. Группа из приблизительно двадцати человек ответила на призыв о помощи, и достигла дома парома вечером, предшествующим утру резни.

По прибытию этого подкрепления, результаты первого обсуждения были пересмотрены, и единодушно одобрены.

На рассвете утра 28 января группа людей с парома, к которым присоединилось приблизительно двадцать мужчин из верхних шахт, организованных в три отряда, пришла на индейские ранчо и осуществила самую жестокую резню. Полный отчет того, что они называют 'боем', вы найдете в отчете, который их капитан, Джордж Х. Абботт, отправил мне в день резни.

Индейцы проснулись, чтобы встретить их смерть с лишь слабым сопротивлением. Они были подстрелены сразу же, как только они пытались сбежать из своих домов; были убиты пятнадцать мужчин и одна женщина; двух женщин тяжело ранили. Со стороны белых не была получена даже малейшая рана. Здания индейцев, с одним лишь исключением, были обстреляны и полностью разрушены. Таким образом была совершена резня слишком бесчеловечная и жестокая, чтобы в нее можно было легко поверить. Теперь мое расследование этого неприятного дела.

Утром 29-ого января я покинул порт Орфорд и отправился в Коквилль. Мы достигли дома парома рано вечером того дня. Рано утром в день после моего прибытия я послал за вождем, который немедленно пришел, сопровождаемый приблизительно тридцатью его людьми. Вождь, так же как и его люди, был настолько сильно встревожен (он, очевидно, опасался, что белые убьют их даже в моем присутствии), что только с большими трудностями я смог убедить его свободно говорить, что у него уме. Он казалось только стремился предусмотреть мир и будущую безопасность его людей; и чтобы обеспечить это, он был готов принять любые условия, которые мы могли бы продиктовать. Вождь явно боялся жаловаться или порицать убийц его племени, и какое-то время отвечал на все обвинения, сделанные против него, с некоторой неуверенностью. После многократных гарантий защиты, он наконец подробно ответил на каждый вопрос. Я спросил его, стрелял ли он когда-либо в человека в доме на пароме. 'Нет!' - был его быстрый ответ. В то время, когда он, как говорили, стрелял в белого, он объявил с большой серьезностью, что выстрелил в утку в реке на расстоянии приблизительно в 200 ярдов от дома парома, когда шел домой, и что возможно его пуля срикошетила от воды. Мое последующее наблюдение за участком реки и местом, с которого он, по его словам, стрелял, убедили меня, что его заявлению можно было верить. Его заявление подтверждается сомнением, выраженным одним из людей из группы, по которой он, как утверждали, стрелял.

"Белые делают обвинение только на основании того, что они услышали свист пули. Это было единственным доказательством того, что вождь в них стрелял. Я спросил вождя, он, или кто-либо из его людей, когда-либо стреляли в паром. На это он ответил: "Нет". Он наиболее решительно отрицал, что когда-либо посылал письмо с угрозами людям на пароме, но признал, что некоторые из его людей посылали. Он также признал, что часть его племени крала вещи у белых, и что они использовали их лошадей без разрешения. Он не отрицал, что был настроен негативно к белым, и что он надеялся, что они покинут его страну. Он обещал сделать все, что я от него потребовал бы. Он сказал, что хочет покинуть дом своих отцов и отведет его людей в горы; но что с моего разрешения и с моей защитой, он предпочел бы остаться в текущем доме его народа.

"На все, что я то него просил или требовал, он с готовностью соглашался, наиболее торжественно обещая поддерживать с его стороны постоянные дружественные отношения с белыми. Мое интервью с племенем заняло приблизительно два часа. Во время всего совета они слушали с самым глубоким вниманием, очевидно будучи настроенным впитать в их умы все, сходило с моих губ. В конце совета я попросил вождя послать за всеми ружьями и пистолетами,

находящимися во владении его людей. Вы будете удивлены, когда я скажу Вам, что все ружья и пистолеты в руках индейцев состояли только из пяти предметов, два из которых были непригодными; относительно пороха и патронов, то полагаю, что у них не было и пяти патронов. Похоже ли это на то, чтобы они готовились к войне? Может ли какой-либо нормальный человек поверить в то, что эти индейцы, в количестве не более 75 человек, включая женщин и детей, придумали план выгнать из их страны приблизительно триста белых? Такое заключение слишком нелепо, чтобы его принимать к сведению хоть на мгновение. Не было никакой потребности обращения к таким чрезвычайным мерам. Я расцениваю убийство тех индейцев как один из наиболее ужасных актов вандализма, когда-либо совершенный цивилизованными людьми. Но что могло быть сделано? Лидеры карательного отряда не могут быть арестованы, хотя правосудие громко требует их наказания. Здесь у нас нет даже мирового судьи; и относительно группы войск, размещенных в форте Орфорд, то она состоит всего лишь из четырех мужчин. Если такие убийственные нападения будут продолжаться, индейским войнам в Орегоне не будет конца. "- Ф. М. Смита, заместитель агента.

Саймон Кентон, упомянутый в следующем рассказе, был опытный борец с индейцами, командовавший полком во время войны 1812 года.

"В ходе войны в 1812 частью ополчения, размещенного в Урбане, Огайо, был сформирован план напасть на лагерную стоянку дружелюбных индейцев, которым угрожали враждебные племена, и которых попросили удалиться вместе с их семьями на территорию наших пограничных поселений, что быть в "безопасном месте" под гарантией того, что они должны быть защищены. Кентон выражал протест против этой атаки, которая по его мнению была не только мятежной, но и предательской и трусливой. Он отстаивал индейский характер против ложных обвинений, которые предполагались в оправдании произвола, который они собирались совершить, и предупредил их о позоре, которому они подвергнутся, уничтожив беззащитную группу мужчин, женщин, и детей, которые были вынуждены полагаться на их милость и имели торжественные обещания защиты от власти.

44 Он обратился к их человечности, к их чести и солдатскому долгу. Он противопоставил свое знание характера этих несчастных людей с их невежеством. Он сказал им, что переносил от их рук страдания и пытки снова и снова, но что это было во время войны, когда они защищали своих жен и детей, и когда он стремился разрушить и истребить их; и что при тех обстоятельствах, он не имел никакого права жаловаться, и никогда не жаловался. Но, по его словам, в мирное время, они всегда были добрыми, преданными друзьями и щедрыми, заслуживающими доверия людьми.

Исчерпав все средства убеждения, не добившись эффекта, и обнаружив, что они все еще были настроены выполнить свою цель, он взял винтовку и обратился к ним с просьбой сразу же начать свое грязное дело, и с большой твердостью заявил, что он будет сопровождать их к лагерной стоянке, и застрелит первого человека, который попытается принести вред индейцам. "Моя жизнь", - сказал он, - "приближается к концу, и то, что остается, не стоит многого". Но без разницы - он решил, что если они войдут в индейский лагерь, то они должны сделать это, переступив через его труп. Зная, что старый ветеран выполнит его обещание, их уверенность покинула их; ни один не рискнул взять на себя инициативу; их цель была оставлена, и индейцы были спасены. "- Бурне на северо-западной Территории.

V.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ОТЧЕТА КОМИССИИ, ПОСЛАННОЙ ДЛЯ ПЕРЕГОВОРОВ С ВОЖДЕМ СИУ В КАНАДЕ - "СИДЯЩИМ БЫКОМ"

Комиссия состояла из бригадного генерала Терри, почтенного А. Г. Лоуренса, и полковника Корбина, секретаря. После месячного путешествия через Омаху, Небраску, Хелену, Монтану и Форт-Бентон, эти господа были встречены на канадской границе канадским чиновником с конной охраной, которая провела их в форт Уолш. В форту они были встречены Сидящим Быком и другими вождями.

Генерал Терри резюмировал им преимущества нахождения в состоянии мира с Соединенными Штатами, и о доброжелательном обращении, которое получили все выданные заключенные, и сказал: "Президент приглашает Вас приехать на границу его и вашей страны, и там, на границе - сдать оружие и боеприпасы, и оттуда идти в агентства, которые он вам назначит, и в агентствах сдать всех лошадей, за исключением тех, которые требуются в мирных целях. Ваши оружие и лошади будут затем проданы, и на все полученные от продажи деньги будут куплены коровы и доставлены к вам."

Дрожь проходит, когда думаешь, что представители Соединенных Штатов вынуждены были серьезно представлять на формальном совете столь смехотворные предложения. Индейцы, должно быть, были полностью лишены чувства юмора, если они, возможно, слушали их без смеха. Ответ Сидящего Быка достоин того, чтобы быть помещенным в отчет среди известных протестов индейских вождей против притеснений их расы.

Он сказал: "В течение шестидесяти четырех лет вы удерживали меня и моих людей, и относились к нам плохо. Что мы такого сделали, что вы хотите, чтобы мы остановились? Мы ничего не сделали. Именно с вашей стороны люди начали совершать все эти ограбления. Мы больше никуда не могли уйти, и поэтому мы нашли убежище в этой стране. * * * Я хотел бы знать, почему вы приехали сюда. Во-первых, я не отдавал вам земли; но вы следовали за мной от одного места до другого, и, таким образом, я должен был уйти и поселиться в этой стране. * * * У вас есть уши, и у вас есть глаза, чтобы увидеть, как я живу с этими людьми. Вы видите меня. Вот я - здесь. Если Вы думаете, что я - дурак, то вы - большие дураки, чем я. Этот дом, в котором мы собрались - больница. Вы приходите сюда, чтобы лгать нам, но мы не хотим слышать лжи. Я не желаю, чтобы подобные речи использовались в мой адрес, чтобы мне говорили неправду в доме моей Великой Матери. Эта земля является моей, и я намереваюсь остаться здесь и поднять эту страну, полную зрелых людей. Посмотрите на этих людей здесь. Мы были воспитаны вместе с ними (жмет руку британским чиновникам). Этого больше недостаточно. * * * Из той части страны, которую вы мне отдали, вы же меня и выгнали. * * * Я хочу, чтобы вы возвратились, и успокоились, возвращаясь."

The-one-that-runs-the-Ree, вождь санти, сказал: "Вы не относились к нам хорошо, и вы мне вообще не нравитесь. * * * Я буду находиться в состоянии мира с этими людьми, пока я жив. Эта страна является нашей. Мы не отдавали ее вам. Вы украли ее у нас. Вы приехали сюда, чтобы сказать нам неправду, и не нужно множества слов. Это все, что я хочу сказать. Я хочу, чтобы вы успокоились, уходя домой. Не спешите."

Нин, из племени янктонов, сказала: "Шестьдесят четыре года назад вы получили нашу страну, и вы обещали проявить хорошую заботу о нас и поддержать нас. Вы гоните нас с одного места на другое, убивая нас и борясь с нами * * * Вы не обращались с нами хорошо там, поэтому мы возвратились сюда. * * * Я прихожу этим людям здесь, и они дают мне разрешение торговать с

торговцами. Вот - способ, которым я зарабатываю на жизнь. Все, что я получаю, я покупаю у торговцев. Я ничего не краду* * *Я собираюсь жить с этими людьми здесь."

У индейцев к этой комиссии было столь глубокое презрение, что они позволили женщине обращаться к уполномоченным от США.

Женщину звали "Та, которая говорит однажды", они была женой "Мужчины, который бросает медведя", и она сказала: "Я была в вашей стране. Я хотела воспитать там своих детей, но вы не дали мне времени. Я приехала в эту страну, чтобы воспитать свих детей, и теперь наконец-то нашла хоть немного мира "(Жмет руки британским чиновникам); Вот и все, что я хочу сказать вам. Я хочу, чтобы вы возвратились туда, откуда пришли. Вот это - люди, с которыми я собираюсь остаться и с которыми буду воспитывать своих детей."

Индейцы встали, будучи очевидно намеренными покинуть комнату, и переводчик был вынужден задать следующие вопросы: "Мне следует передать президенту, что вы отклоняете предложения, которые он вам сделал? Следует ли нам понимать, что вы отклоняете эти предложения? "Сидящий Бык ответил: "Я мог бы сказать вам больше, но это - все, что я хотел сказать. Если бы сказали вам больше, вы бы не обратили на это внимания. Эта часть страны не принадлежит вашим людям. Ваше место - по ту сторону границы. Эта сторона принадлежит нам."

Ворон, после того, как пожал руку и обнял полковника Маклеода, и пожал руки другим британским чиновникам, сказал: "Это - способ, по которому я буду жить в этой части страны. * * * Эти люди, которые ничего не скрывают - это люди, которых я люблю. * * * Шестьдесят четыре года назад я обменялся рукопожатием с солдатами, и с тех пор у меня были проблемы. Я заключил с ними мир; и с тех пор, я бегаю с одного места в другое, чтобы держаться в стороне от их пути. * * * Идите туда, где вы родились, и оставайтесь там. Я приехал в эту страну, и моя Великая Мать знает все о ней. Она знает, что я приехал сюда, и она не желает ничего от меня. Мы думаем, и все женщины в лагере думают, что у нас будет страна, полная людей. * * * Я возвратился обратно в эту часть страны, чтобы построить большое общество, жить в мире и воспитать детей."

Индейцы тогда спросили, есть ли у комиссии еще что-нибудь сказать, и комиссия ответила, что им говорить больше нечего и конференция была закрыта.

Комиссия, с наивной нехваткой понимания истинной ситуации, убедилась, что "Сидящий Бык и его племена не хотят вернуться в эту страну в настоящее время. Они против возвращения, частично - из-за их воспоминаний о жестком обращении с ними вооруженных сил Соединенных Штатов прошлой зимой и весной, частично - их верой, что, по некоторым причинам, которых они не могут понять, правительство Соединенных Штатов искренне желает, чтобы они возвратились. * * * В их интенсивной враждебности нашему правительству, они настроены нарушить его желания насколько смогут." Конечно, это было странно - ведь им за это по их возвращению предложили такие привилегии, как сдачу всего оружия, обмен их лошадей на коров, и бесценное право быть закрытым на территории резервации, которую они не могли покинуть без того, чтобы их преследовали, арестовывали и возвращали войсками. Какая же глубина коварства должна быть в этих индейцах, что для ее удовлетворения это они добровольно отказываются от всех этих выгод, и продолжают оставаться в стране, где они могут охотиться и обеспечивать себе их собственное проживание такими неправдами как свободная торговля на открытых рынках?

VI.

ОТЧЕТ О НЕКОТОРЫХ ИЗ СТАРЫХ ОБИДАХ СИУ.

Интервью между Красным Железом, руководителем сиссетонских сиу, и губернатором Рэмси в декабре 1852.

Белые торговцы, ведущие торговлю с индейцами, потребовали от последних 400 000$ из денег, обещанных сиу соглашениями за 1851 и 1852 года. Индейцы объявили, что они не были должны такую сумму. Губернатор Рэмси пытался заставлять Красное Железо подписать квитанцию на эту сумму; тот - отказался. Он сказал, что у его племени никогда не было товаров. Он попросил, чтобы губернатор назначил арбитров двух белых и одного индейца; этому отказали. Тогда он сказал, что принял бы и трех белых арбитров, если бы они были честными людьми: этому отказали.

Свидетель делал набросок внешности вождя в этом случае, и записал интервью между ним и губернатором: совет был переполнен индейцами и белыми, когда ввели вождя Красное Железо, охраняемого солдатами. Ему было приблизительно сорок лет: высокий, атлетичный; ростом приблизительно шесть футов в его мокасинах, с крупной, хорошо развитой головой, орлиным носом, тонкими сжатыми губами, и лицом, излучающим интеллектом и уверенность. Он был одеты в полувоенный, полу индейский костюм вождей Дакоты. Его посадили в муниципальной комнате, его никто не поприветствовал. Через несколько минут губернатор, повернувшись к вождю посреди мертвой тишины, при помощи переводчика, открыл совет.

Губернатор Рэмси спросил: "Какое оправдание у Вас имеется для объяснения того, что Вы не пришли на совет, когда я послал за Вами?"

Вождь встал с врожденным изяществом и достоинством, накидка спала с его плеч, и преднамеренно выронив трубку мира, он стоял прямо перед губернатором руки сложены, и правая рука лежала на ножнах его ножа для снятия скальпа. Твердым голосом он ответил:

"Я начал к Вам двигаться, но Ваши действия оттолкнули меня."

Губернатор: "Какие оправдания Вы можете представить по поводу того, что Вы не прибыли и во второй раз, когда я посылал за Вами?"

Красное Железо: "Никаких оправданий, только причины, которые я Вам уже предоставил."

Губернатор: "На совете я думал, что Вы - хороший человек, но после Ваших плохих действий, я собираюсь сломать Вас. И я Вас действительно сломаю."

Красное Железо: "Вы сломаете меня?! Мои люди сделали меня вождем. Мои люди любят меня. И я все равно буду их руководителем. Я не сделал ничего неправильного."

Губернатор: "Почему Вы собрали храбрейших воинов и пришли сюда с целью запугать других вождей, и препятствовать тому, чтобы они прибыли на совет?"

Красное Железо: "Я не собирал храбрецов вместе, они сами собрались, чтобы предотвратить, чтобы мальчишки ночью пришли на совет и их сделали вождями, они подписали соглашения и их подкупили, чтобы подписать документы за деньги, которые мы никогда не получали. Мы слышали, как с медевакантонами обошлись в Мендоте; что на секретных советах Вы получили их фиктивное согласие на бумаге, и отобрали их деньги. Мы не хотим, чтобы с нами обошлись подобным образом. Мои храбрецы захотели прибыть на совет днем, когда светит солнце - мы не

хотим советов в темноте. Мы хотим, чтобы все наши люди пришли в совет вместе - чтобы мы все могли знать, что происходит."

Губернатор: "Почему Вы пытались приехать на совет с Вашими воинами, тогда как я запретил Вам брать сопровождение на совет?"

Красное Железо: "Вы пригласили только вождей, и не позволили также присутствовать храбрым воинам. Это не способ, с которым к нам относились прежде; это вопреки нашим традициям, поскольку среди племен Дакоты вожди и воины идут на совет вместе. Когда Вы послали за нами в первый раз, здесь было всего два или три вождя, и мы хотели подождать, пока не приедут остальные, чтобы мы могли бы все вместе собраться на совете и определить то, что нужно сделать, и чтобы мы все могли бы понять бумаги, и знали то, что мы подписываем. Когда мы подписали соглашение, торговцы бросили покрывало на наши лица, затмили наши глаза и заставили нас подписать документы, которые мы не понимали, и которые нам не зачитывали и не объясняли. Мы хотим, чтобы наш Великий Отец в Вашингтоне знал то, что было сделано."

Губернатор: "Ваш Великий Отец послал меня, чтобы представлять его, и то, что я говорю - его воля. Он хочет, чтобы вы заплатили свои старые долги, в соответствии с документом, который вы подписали, когда соглашение было сделано, и оставили эти деньги в моих руках, чтобы заплатить по долгам. Если вы откажетесь это сделать, то я заберу деньги."

Красное Железо: "Вы можете забрать деньги. Мы продали нашу землю вам, и вы обещали заплатить нам. Если вы не дадите нам деньги, то я буду радоваться, и все наши люди будут радоваться, поскольку нам вернется назад наша земля, если вы не дадите нам деньги. Ту бумагу нам не перевели и не объяснили. Нам говорят, что это по ней передаются приблизительно 300 коробок (300 000$) наших денег некоторым торговцам. Мы не думаем, что должны им настолько много. Мы хотим выплатить все наши долги. Мы хотим, чтобы наш Великий Отец послал сюда трех хороших людей, чтобы сказать нам, сколько мы действительно должны, и независимо от того, что они скажут - мы заплатим; и это - то, что говорят все эти храбрые воины. Наши вожди и все наши люди говорят это же.'' Все присутствующие индейцы издали возглас одобрения.

Губернатор: "Это не может быть сделано. Вы должны больше, чем могут оплатить ваши деньги, и я готов теперь выплатить вам вашу ренту, не больше; и когда вы будете готовы получить ее, агент заплатит вам."

Красное Железо: "Мы получим нашу ренту, но мы не подпишем документов на что-либо еще. Снег уже лежит на земле, и мы ждали долгое время, чтобы получить наши деньги. Мы - бедны; а у вас есть много. Ваши костры горят. Ваши вигвамы не впускают холод. Нам же - нечем питаться. Мы долгое время ждали наших денег. Наш сезон охоты прошел. Очень многие из наших людей больны, потому что они голодают. Мы можем умереть, потому что вы не платите нам. Мы можем умереть, но если мы умрем, то оставим свои кости на этой земле, чтобы наш Великий Отец увидел где умерли его дети Дакоты. Мы очень бедные. Мы продали наши охотничьи угодья и могилы наших отцов. Мы продали наши собственные могилы. Нам негде хоронить наших мертвых, и вы не платите нам деньги за наши земли."

Совет был окончен, и Красное Железо послали на гауптвахту, где он находился до следующего дня. Примерно 30-40 воинов из племени Красного Железа присутствовали во время этой договоренности перед губернатором. Когда его увели, они отбыли в угрюмой тишине, возглавляемые Ловкий Медведем, к месту за четверть мили от муниципального дома, где они

произнесли последовательность криков - знак дакота для сбора. Прежде чем замерло эхо, индейцы спешили к ним из их вигвамов, готовые к бою. Они пришли на место около лагеря, где сложили кости многие воины. Это было незабываемое поле битвы, где боролись их предки, в конфликте как при Ватерлоо, воинственные саки и фоксы, сохранившие таким образом их земли и национальность. На этой земле стояли двести решительных воинов, готовых пойти в сражение за их благородного руководителя. Ловкий Медведь, храбрый руководитель из группы Красного Железа, был крупным, решительным человеком, приблизительно тридцати пяти лет возраста, и имел большое влияние в его стране.

Здесь, на их старом поле битвы, Ловкий Медведь вспоминал храбрые дела Красного Железа, и длинный список несправедливостей, причиненных индейцам белыми, и предложил воинам сделать общее нападение на белых. Под влиянием некоторых полукровок, и белых, которые были дружелюбны по отношению к индейцам, Худощавый Медведь был вынужден оставить его схему; и, наконец, голодающее племя согласилось покинуть свои земли и принять денежную сумму, предлагаемую им.

Более чем 55 000$ этих денег по соглашению, заплаченных за долги индейцев, пошли некому Хью Тайлеру, незнакомцу в стране, за то, что он провел соглашения через Сенат, и за необходимые выплаты для обеспечения согласия вождей.'"

Пять лет спустя другой торговец, под отговоркой, что он собирался возвратить им часть этих украденных денег по соглашению, получил их подпись на ваучерах, посредством которых он обманул индейцев больше, чем на 12 000$. В это то же самое время он получил оплату в 4 500$ за товары, которые, по его словам, они у него украли. Другому человеку позволили удовлетворить требование в 5 000$ за лошадей, которых, с его слов, они у него украли.

В 1858 году руководители были доставлены в Вашингтон, и согласились там подписать соглашения по уступке ими всей их резервации к северу от реки Миннесота, по которому, как это было ратифицировано Сенатом, им должны были выплатить 166 000$; но из этих денег они не получили ни цента вплоть до момента четыре года спустя, когда нижним сиу послали товаров на 15 000$, и эту сумму вычли из того, что им полагалось в соответствии с бывшими соглашениями. "- "История войны сиу", Исаак В. Д. Херд.

Этот параграф дает причины ужасной миннесотской резни, в которой восемьсот человек потеряли свои жизни.

В соглашении явно ставилось условие, что никакие требования против индейцев не должны были быть удовлетворены и заплачены, если они не были одобрены индейцами на открытом совете. Но такой совет не проводился. Несколькими вождями провелся секретный совет, но большинство индейцев не были об этом осведомлены. В этом соглашении был пункт, что министр внутренних дел мог использовать любые фонды индейцев на такие цели цивилизации, которые может продиктовать его суждение. В соответствии с этим пунктом передача более шестиста тысяч акров земли была предпринята в требованиях против индейцев. Из огромной суммы, полагающейся нижним сиу, только немногим более 800$ осталось на их счету в Вашингтоне во время вспышки. Кроме того часть их ежегодной ренты была также взята погашения для требований.

Удаление сиу и виннебаго из Миннесоты в 1863

"Охрана, сопровождавшая этих индейцев, состояла из четырех офицеров, 135 солдат, и одной прачки; всего - сто сорок человек. Количество транспортируемых индейцев санти сиу было 1318 человек. Для транспортировки, пропитания и охраны этих индейцев была заплачена сумма 36 322,10$.

"Число транспортируемых виннебаго было 1945; за их транспортировку и пропитание была заплачена большая сумма 56 042, 60 $ созданиями. Целая сумма, уплаченная подрядчикам получилась 92 364,70$.

Сиу транспортировали из форта Снеллинг в Ганнибал, Миссури на двух пароходах. Одна из лодок остановилась и индейцы по пути в Сент-Джозеф пересекли реку Миссури по железной дороге. Другая лодка продолжила поездку к соединению рек Миссисипи и Миссури, и отсюда - снова к Сент-Джозефу; здесь индейцы, которые пересекли реку по железной дороге, были помещены в лодку, и отсюда в Кроу Крик все они были доставлены на одной лодке. При переправе из Сент-Джозефа в Кроу Крик было очень много людей, они толпились. Шестнадцать из них умерли по пути, не получив медицинской помощи или медикаментов. Всех индейцев увели с палубы и заключили в нижних и верхних палубах. Это было в мае, и люди нижней палубе задыхались. Их кормили твердым хлебом и свининой, по большей части - не проваренной, поскольку не было никакой возможностью ее приготовить - только ночью, когда лодка лежала в дрейфе. У них не было никакого сахара, кофе или овощей. Заключение на лодке при такой массе людей, отсутствии надлежащей еды, создало значительное количество болезней, таких как диарея и лихорадка. В течение многих недель после того, как они достигли Кроу Крик, индейцы стабильно умирали по три, по четыре человека в день. Через несколько недель умерло 150 человек, главным образом - из-за обращения, которое они получили после того, как покинули форт Снеллинг. "- Манейпенни, Индейская Опека.

Питание индейцев в Кроу Крик, Дакота, зимой 1864.

В течение лета индейцев кормили мукой и свининой, они не получали говядины до осени. Они страдали из-за отсутствия свежей говядины так же, как и от отсутствия медикаментов. Осенью их рацион начал уменьшаться; выдаваемые порции постепенно уменьшились; индейцы горько жаловались.

Говядина была от рогатого скота, который поставили из Миннесоты. Этот рогатый скот проехал более 300 миль в поезде без какой-либо еды, кроме сухой травы прерий, поскольку по пути их следования не было никаких поселений. Рогатый скот был очень плохой. Некоторые коровы умерли или отощали в поездке, их забили и мясо привезли на поезде в качестве еды для индейцев. 1 января 1864, около четырехсот голов рогатого скота были забиты. Кроме сухой травы прерии, которую убил мороз, у этого рогатого скота не было никакой пищи с того времени, как они прибыли в Кроу Крик, пока их не забили. Часть говядины, сделанной таким образом, была сложена на складе в снегу, и была оставлена лежать подобным образом, упакованная снаружи в снег. На этой говядине индейцы должны были продержаться до ближайшего июня. Говядина была черной, и очень плохой, большая часть - только кожа и кости. Вскоре после прибытия поезда из Миннесоты, подрядчики которые снабжали индейцев мукой, взяли приблизительно сто волов, выбирая лучших из них, и послали их фургонами в Сиу-Сити, приблизительно за двести сорок миль, чтобы ими доставить муку. Этот поезд возвратился в феврале, и этих волов тогда зарезали и скормили индейцам.

В январе у индейцев началась проблема с супом. Его делали в большом деревянном чане на пару, который поставлялся трубой от котла с лесопилки к чану. Чан был частично заполнен водой, затем нарубили несколько четвертей говядины, бросили туда и добавили несколько мешков муки. Сердца, легкие и внутренности добавили туда же, и поначалу в котел также бросали несколько бобов; но эта роскошь не продолжалась долго. Этот суп разливали через день - один раз среди санти сиу, на следующий день - среди виннебаго. Он был очень горьким. В тот день, когда индейцы получали суп, им не выдавали никакой другой еды. Они были очень неудовлетворены, и сказали, что не могли жить на суп, и что люди, на чьем попечении они находились, сказали им, что если у них есть где жить в другом месте, то они должны лучше уйти, но что они не должны идти в белые поселения. Многие из них действительно покинули агентство, некоторые в поисках еды пошли в форт Салли, другие - в форт Рэндалл. Исходя из одного только описания ингредиентов этого тошнотворного супа, данного Сэмюэлем К. Хейнсом в форте Рэнделл, и некоего помощника военного хирурга, можно увидеть, что у индейцев была хорошая причина оставить Кроу Крик. Он заявляет, что в чан там бросали говядину, коровьи головы, внутренности, оставшиеся после забоя рогатого скота, немного бобов, муки и свинины.

Я думаю, в чан каждый раз бросали два барреля муки. Эта масса затем обрабатывалась паром от котла, проходящего через трубу в чан. Когда блюдо было готово, всем индейцам говорили прийти с тарелками. Разливали это половником на длинной рукоятке, сделанным для этой цели. Я не могу сказать о количестве, выдаваемом каждому из них. По консистенции это было похоже на очень жидкую кашу. Индейцы выливали жидкую часть ели то, что оседало на дне. Когда блюдо вылавливали из чана, некоторым индейцам доставалась более жидкая часть, некоторым - немного мяса. Я часто проходил мимо, когда блюдо готовилось, и часто был там, когда его раздавали. У него был очень скверный аромат - оно пахло содержимым внутренностей рогатого скота. Я видел то, что оседало на дне чана после того, как они раздавали все индейцам. Когда они чистили чан, то осадок пахнул падалью. Некоторые из индейцев отказывались есть это, говоря, что не могут, и что это делает их больными.' "-Манейпенни, Индейская опека.

VII.

ПИСЬМО ОТ САРЫ УИННЕМУККА, ОБРАЗОВАННОЙ ЖЕНЩИНЫ ПА-ЮТА.

Майору Х. Дугласу, американской армии:

Сэр я узнала от командира этого поста, что Вы желаете полной информации в отношении индейцев, расположенных вокруг этого места, с целью, если возможно, улучшения их состояния и отсылки их в резервацию на Траки Ривер. Все индейцы отсюда и до Карсон-Сити принадлежат племени па-юта. Мой отец, имя которого - Уиннемукка, является главным вождем всего племени; но он теперь слишком стар, и не имеет достаточно энергии, чтобы приказать или внушить им потребность того, что нужно пойти на резервацию. Фактически, я думаю, что он сам полностью настроен против этого. Он, я, и большая часть индейцев Гумбольдта и Куинс Ривер уже были когда-то на резервации Траки; но если бы мы там остались, то среди нас начался бы голод. Я думаю, что если бы они получили то, что им причиталось по праву согласно обещаний агентов, они никогда бы не оставили резервацию. Насколько можно оценить их знание сельского хозяйства - они довольно неосведомлены, поскольку их никогда не было возможности обучения.

Но я думаю, если бы были приложены надлежащие усилия, они бы охотно согласились работать, чтобы поддерживать себя собственной работой, если бы они, конечно, поверили, что

производимый ими продукт было их собственностью, для их личного использования и комфорта. Мне нет смысла вдаваться в подробности относительно того, как к нам относились, пока мы были на резервации. Достаточно сказать, что мы были ограничены территорией резервации и должны были жить на том объеме рыбы, которую мы могли поймать в реке. Если это - вид цивилизации, который ждет нас в резервациях, то пусть Бог убережет нас, чтобы нам никогда не пришлось пойти туда, поскольку нам более предпочтительно жить в горах и существовать таким образом, как мы привыкли. Если говорить о жизни, то индейцы на всех военных постах получают достаточно еды и им дают одежду.

Но сколько времени это должно продолжаться? Какова задача правительства в отношении индейцев? Достаточно ли того, что мы находимся в состоянии мира? Удалите всех индейцев с военных постов и разместите их на резервациях, подобных резервациям Траки и Уокер Ривер, и потребуется еще большая группа войск, размещенная по периметру, чтобы сдерживать их в пределах границ, чем это нужно сейчас, чтобы держать их в подчинении. С другой стороны, если у индейцев будет гарантия, что они могут получить постоянный дом на своей собственной родной почве, и что нашим белым соседям можно препятствовать вторгаться и посягать на наши права, после разумной раздачи земли, выделенной нам как наша собственная, и предоставления нам необходимого обучения, я гарантирую, что дикарь (как его называют сегодня) будет бережливым и законопослушным членом общества уже через 15-20 лет.

Сэр, если в будущем Вам понадобится информация относительно расположенных здесь индейцев, я буду счастлива предоставить ее, если смогу.

Сара Виннемакка,

Лагерь Макдермитт, Невада, 4-ого апреля 1870.

VIII.

ЗАКОНЫ ДЕЛАВЭРСКОЙ НАЦИИ ИНДЕЙЦЕВ.

[Принятые 21-ого июля 1866 года.]

Вожди и члены совета племени индейцев делавер собрались в их муниципальном доме, на резервации указанного племени, и приняли 21 июля 1866 года следующие законы:

Статья I.

Раздел 1. На общественной территории, на которой теперь располагается муниципальный дом, должна быть основана национальная тюрьма.

Раздел2. Любой человек, который украл лошадь, мула, осла или рогатый скот любого вида, должен быть наказан следующим образом: За первое преступление собственность преступника должна быть продана шерифом, чтобы оплатить владельцу украденного животного, цену указанного животного, и все затраты, которые он может понести из-за такого воровства. Но если у преступника нет никакой собственности, или если его собственности недостаточно, чтобы заплатить за украденное животное, то будет удержана такая часть его ренты, которая может быть необходима, чтобы заплатить владельцу указанного животного, и никакому родственнику указанного преступника нельзя разрешать помогать ему в выплате штрафов за указанное воровство. За второе преступление вора нужно послать в тюрьму на срок в 35 дней, и он должен оплатить все затраты и ущерб владельца, которые тот может понести из-за указанного воровства.

За третье преступление вор должен быть заключен в тюрьму на три месяца, и должен оплатить все затраты и убытки, указанные выше.

Раздел 3. Если какой-либо человек украдет лошадь вне пределов резервации, и приведет ее на территорию резервации, то для владельца должно быть законно преследовать и вернуть себе украденное после предоставления адекватных доказательств собственности, и, в случае необходимости, он должен получить помощь чиновников нации делавэров. И такие чиновники могут быть время от времени наделены властью агента Соединенных Штатов преследовать такого преступника как в пределах, так и вне резервации.

Раздел 4. Если кто-либо будет ездить на любой лошади без согласия владельца, то за первое преступление он должен заплатить 10 $за каждый день и ночь, которые он будет удерживать упомянутое животное; за второе преступление преступника следует заключить в тюрьму на срок в 21 день, помимо этого он также должен оплатить штраф в 10 $.

Раздел 5. Если кто-либо, кроме правонарушителя, возвратит любое такое животное законному владельцу для преступления, указанного в прошлом разделе, то он должен получить сумму 250$.

Раздел 6. Во всех случаях воровства, человек или люди, признанные виновными в таком воровстве, должны быть осуждены оплатить все затраты и убытки, получившиеся в результате преступления; а в случае окончательной утраты любого украденного животного, преступник должен заплатить цену животного, в дополнение к затратам и убыткам, предусмотренным в предыдущем разделе.

Раздел 7. Если кто-либо украдет свинью или овцу, то за первое преступление, он должен быть оштрафован на 15$; десять из которых будут заплачены владельцу овцы или свиньи, и пять долларов - свидетелю воровства; за второе преступление вор, в дополнение к вышеупомянутому штрафу, должен быть заключен в тюрьму на 28 дней; и за третье преступление вор должен быть заключен на четыре недели в тюрьму, и затем его должны судить и назначить такое наказание, которое суд посчитает нужным.

Раздел 8. Если кто-либо украдет домашнюю птицу любого вида, то за первое преступление он должен заплатить владельцу такого животного сумму в 5$; за второе преступление, в дополнение к вышеупомянутому штрафу, вор должен быть заключен в тюрьму на 21 день. Свидетель, который указал на подобное воровство, должен быть наделен правом получить разумную компенсацию, заплаченную из средств преступника.

Раздел 9. Забор по закону должен быть высотой в 8 футов, частокольный и хорошо укрепленный. Если какое-либо животное прорвется через законный забор, и нанесет какой-либо ущерб, то владелец поврежденного имущества должен уведомить владельца этого животного, и не причинять вреда животному. Владелец такого животного должен также позаботиться о том же самом, и предотвратить нанесение животным какого-либо повреждения; но если он пренебрегает или отказывается сделать так, то само животное должно быть продано, чтобы заплатить за ущерб, который оно, возможно, нанесло. Но если территория не ограждена законным определенным выше забором, то владелец не должен получить возмещение убытков; но если он ранит любое животное, зашедшее на огражденную территорию, то он должен заплатить за любое повреждение, которое он может причинить такому животному.

Раздел 10. У каждого владельца скота должна быть своя марка, свое клеймо, и описание клейма каждого человека в племени должно быть зарегистрировано национальным клерком.

Статья II.

Раздел 1. Если кто-либо злонамеренно подожжет дом, то для первого преступления, он должен возместить владельцу дома все убытки, которые тот понесет из-за такого пожара; и, кроме этого, за второе такое преступление преступник будет заключен в тюрьму на срок в 21 день.

Раздел 2. Если в пожаре будет потеряна человеческая жизнь, то поджигатель будет подвергнут смертной казни через повешение.

Раздел 3. Должно быть незаконно для любого человека поджигать лес или прерию, за исключением цели проектирования участка собственности, и только в такие времена, в которые у человека, разведшего такой огонь, будет возможность его погасить.

Раздел 4. Кто нарушит условия последнего предписания, за первое преступление, должен быть оштрафован на сумму 5$, и заплатить полную стоимость всей собственности, разрушенной вследствие таких действий; за второе преступление, в дополнение к вышеописанному штрафу, преступник должен быть заключен в тюрьму на срок в тридцати пять дней; за третье преступление - то же самое наказание, за исключением того, что заключение в тюрьме должно быть на период трех месяцев.

Раздел 5. Любой человек, живущий за пределами резервации, который скашивает сено на земле человека, проживающего на резервации, должен заплатить владельцу этой земли сумму в расчете 1$ за акр, или половину стоимости скошенного сена.

Раздел 6. Никакой человек не должен продавать древесину на территории резервации, кроме случаев, когда древесина сначала срублена и связана.

Статья III.

Раздел 1. Если кто-то нашел потерянный предмет, то он должна немедленно быть возвращен владельцу, если он может быть найден, под угрозой штрафа, налагаемого за кражу такого же предмета, в случае пренебрежения этой обязанностью.

Раздел 2. Если кто-то возьмет любой предмет собственности без разрешения ее владельца, то он должен оплатить стоимость вещи и получить такое наказание, которое судья может наложить на свое усмотрение.

Статья IV.

Раздел 1. Если кто-то найдет на территории резервации беспризорное животное, то он в течение одной недели должен предоставить описание такого животного для регистрации в книге беспризорных животных, сохраняемой советом.

Раздел 2. Если владелец указанного беспризорного животного заявит свои права на него в течение одного года со дня, в который было зарегистрировано описание животного в книге, то он должен быть наделен правом забрать животное после должного доказательства его собственности, и проведения платежа по курсу 5$ за месяц содержания такого животного.

Раздел 3. Право на животное, зарегистрированное должным образом, и для которого не объявился владелец в течение одного года с даты такого отчета, будет абсолютно принадлежать человеку, нашедшему животное и внесшему запись в книгу.

Раздел 4. Если кто-то найдет беспризорное животное, и откажется или забудет сделать запись описания этого животного, как предусмотрено в "разделе 1" этой статьи, будет считаться как укравший такое животное, если его найдут в его владении, и должен перенести наказание, налагаемое за кражу подобных животных. Беспризорное животное должно у него отобрано, и оставаться во владении совета, и описание животного также должно быть зарегистрировано в книге учета беспризорных животных.

Статья V.

Раздел 1. Если человек совершит убийство первой степени, то он, после осуждения, должен быть подвергнут смертному приговору; но если доказательств против него будет недостаточно, или если убийство будет сделано в целях самозащиты, то человек, совершивший убийство, должен быть освобожден.

Раздел 2. Если кто-либо путем насилия нанесет телесное повреждение другому человеку, он должен быть арестован, и должен понести такое наказание, которое ему присудит суд; и если из такого телесного повреждения последует смерть другого человека, преступник должен быть арестован, и понести такое наказание, которое ему присудит суд.

Раздел 3. Если кто-либо будет преднамеренно клеветать на невиновную сторону, он будет наказан за такую клевету на усмотрение судьи.

Раздел 4. Если кто-либо в состоянии алкогольного и прочего опьянения покажется в доме другого, в опасной или угрожающей манере, с любым смертельным оружием, и откажется удалиться после словесного указания, и если он поднимет такое оружие против владельца дома, или любого другого человека, то он за первое преступление должен быть оштрафован на сумму 5$, должен возместить все убытки, которые причинил; за второе преступление он должен быть заключен в тюрьму на двадцать один день, заплатить штраф в 10 $ и возместить все причиненные убытки; за третье преступление он должен быть заключен в тюрьму на тридцать пять дней, оштрафовано на 20 $, и обязан возместить все убытки, как указано выше.

Раздел 5. Должны быть назначены чиновники, с целью оценки всех убытков, имеющихся вследствие действий, указанных в предыдущей секции, которые также должны заслушать все показания, и сделать суждение согласно закону и доказательствам.

Раздел 6. Если кто-то в состоянии алкогольного опьянения посетит общественное вероисповедание или любое другое общественное собрание, должен быть сначала мирно отослан домой; но если он откажется, то обязанность шерифа - арестовать и задержать такого человека, пока он не станет трезвым; и преступник должен заплатить штраф размером в 5 $.

Раздел 7. Это должна быть обязанность шерифа - посещать все встречи и общественное вероисповедание.

Раздел 8. Никакой член нации делавэров не должен считаться ответственным за любые долги, появившиеся в следствии покупки спиртного.

Раздел 9. У агента Соединенных Штатов и вождей должны быть полномочия выдать лицензию на ввоз товаров на национальный рынок для продажи стольким торговцам, как они сочтут полезным для интереса страны.

Раздел 10. Должно быть незаконно для любого человека приносить любой вид напитков, кроме кофе, на территорию рынка; и любой человек, который нарушит это предписание, утратит свои напитки и свое право оставаться на территории рынка.

Раздел 11. Для любого человек должно быть незаконно проносить на территорию резервации больше одной пинты спиртных напитков за раз. За первое нарушение этого предписания преступник лишится прав на свои спиртные напитки, и заплатит штраф 5 $; за второе преступления он должен потерять свои напитки, и заплатить штраф 10 $; за третье преступление он должен потерять свои напитки, и заплатить штраф 25 $;

Раздел 12. Любой человек, который найдет во владении другого более одного пинты спиртных напитков за раз, может законно вылить и разбить это спиртное, и должен использовать такую силу, которая может быть необходима для такой цели. Если владелец сопротивляется, и пытается нанести телесное повреждение человеку, занятому выливанием или разрушением указанных запасов спиртного, он должен быть арестован шерифом, и наказан по закону как преступник.

Раздел 13. Шериф может законно заставить любого человека или любое число мужчин, кроме священников, помочь в задержании любого человека, который нарушит эти законы.

Раздел 14. Если кто-либо будет оказывать сопротивление задержанию, или арест за нарушение любого из положений этих законов, он должен быть наказан не только за первоначальное преступления, за которое он был арестован, но также и за то, что он сопротивлялся офицеру.

Статья VI.

Раздел 1. Все дела, затрагивающие общие интересы нации, должны быть проводимы советом на регулярных сессиях.

Раздел 2. Все личные действия вождей, членов совета или частных лиц, в подобных вопросах, которые вредят интересам нации, нужно считать не имеющими законной силы.

Раздел 3. Если кто-либо нарушит предыдущий раздел, предпринимая лично действия против общественного и национального интереса, он должен быть заключен в национальную тюрьму на срок не меньше шести месяцев, но не больше, чем на один год, и должен свой пост на службе или положение в нации. Эта позиция или положение должны быть заняты назначением других подходящих людей.

Раздел 4. Должны быть назначены члены совета, которые дадут искреннюю клятву выполнять их обязанности по отношению к нации, и если они будут пренебрегать этими обязанностями, другие люди должны быть назначены на их место.

Раздел 5. Если член совета отправляется в поездку, так что для него было невозможно регулярно посещать встречи совета, он может назначить заместителя, который должен представлять его интересы в его отсутствие.

Раздел 6. Определенные дни должны быть выделены отдельно для дней совета и суда.

Раздел 7. Вожди и члены совета должны назначить трех шерифов с зарплатой 150 $ в год каждому; одного клерка с окладом в 100 $ в год; одного тюремщика с зарплатой 100 $ в год, зарплата которому будет выплачиваться раз в полгода; и в случае, если вышеупомянутые чиновники пренебрегут или откажутся выполнить любую из обязанностей, соответствующих их должности, они должны утратить свою зарплату, и их место должно быть объявлено свободным, и другой человек должен быть назначен, чтобы заместить позицию.

Раздел 8. Вожди и члены совета должны каждые полгода, в апреле и октябре, выделять средства на национальные расходы, какое ассигнования должны быть взяты из доверительного фонда, или любых других средств, полагаемых делаверам, и заплачены казначейству.

Раздел 9. В первый день апреля ежегодно должен быть назначен казначей, в обязанности которого входит получение и выплата всех необходимых сумм денег, которые будут использоваться в национальных целях; но казначей должен выплатить деньги только по указу вождей и членов совета, и за его услуги ему нужно заплатить 5% от выплачиваемой суммы.

Статья VII.

Раздел 1. Это должно быть законно для любого человека, перед смертью составить завещание, и таким образом распорядиться своей собственностью, как он пожелает.

Раздел 2. Если человек умрет без завещания, и оставит вдову и детей, одна четверть его собственности должна быть отделена для оплаты его долгов. Если отделенной таким образом собственности недостаточно, чтобы оплатить все его долги полностью, она должна быть пропорционально разделена среди его кредиторов, и пропорциональная оплата должна быть получена его кредиторами в полном удовлетворении всех требований.

Раздел 3. Если отделенной таким образом собственности для оплаты долгов, будет более чем достаточно, чтобы заплатить все долги, то остаток должен быть разделен пропорционально среди детей.

Раздел 4. Вдова должна быть наделена правом на одну треть собственности, не отложенной для оплаты долгов.

Раздел 5. Если человек умрет, не оставив вдовы или детей, то его долги должны сначала быть заплачены из доходов его личного имущества, и остаток, если таковой будет иметься, вместе с недвижимым имуществом, должен быть отдан самому близкому родственнику.

Раздел 6. Кто бы ни взял или получил любую часть собственности, принадлежащей вдове и сиротам, будет наказан так, как будто он украл эту собственность.

Раздел 7. Совет должен назначить опекунов для детей-сирот, когда он будет считать целесообразным так поступить.

Статья VIII.

Раздел 1. Если белый человек женится за члена нации, то собственность, накопленная в таком браке, должна принадлежать его жене и детям; и при этом ему нельзя вывозить какую-либо часть такой собственности вне пределов резервации.

Раздел 2. Если такой белый потеряет свою жену, вся собственность должна принадлежать детям, и никакая последующая жена не должна требовать никакой части такой собственности.

Раздел 3. Если такой белый человек умрет среди нации, не оставив детей, вся его собственность должна принадлежать его жене после уплаты его долгов.

Раздел 4. Если такой белый человек потеряет свою жену, и у него нет детей, то половина движимого имущества должна принадлежать ему, а другая половина должна принадлежать самым близким родственникам его жены.

Раздел 5. Если такой белый человек высылается с территории резервации, и жена хочет последовать за своим мужем, она должна утратить все свои права и интересы в резервации.

Статья IX.

Раздел 1. Никакой член страны не должен сдавать в аренду землю людям не-членам нации.

Раздел 2. Если белый хочет вступить в трудовые отношения с любым членом нации, он должен сначала дать свое имя агенту Соединенных Штатов, и снабдить его свидетельством о хорошем и моральном характере, и также заявить время, в течение которого он нанимается, и имя его работодателя.

Раздел 3. Работнику должна быть оплачена вся работа согласно соглашения.

Раздел 4. Любой человек или люди, нарушающие любое из условий этих законов на территории резервации, должны быть наказаны по закону.

Раздел 5. Все белые на территории резервации, игнорирующие эти законы, должны быть удалены с территории резервации.

Статья X.

Раздел 1. Если кто-либо насильственно заставит любую женщину нарушить супружескую верность, или кто-то совершит насилие над женщиной, то за первое преступление он должен быть оштрафован на сумму 50 $, и заключен в тюрьму в тюрьму на срок в 35 дней; за второе преступление он должен быть оштрафован на 100 $, и заключен на три месяца в национальной тюрьме; за третье преступление он должен быть наказан так, как суд сочтет необходимым.

IX.

ОТЧЕТ О ЧЕРОКИ, КОТОРЫЙ ИЗОБРЕЛ АЛФАВИТ ЧЕРОКИ.

"Секвойя, индеец чероки, вместо того, чтобы присоединиться к грубым спортивным состязаниям индейских мальчиков, когда был ребенком, получал большое удовольствие и проявлял свою гениальность, занимаясь механикой. Он также помогал в управлении собственности его матери, состоящей из фермы, рогатого скота и лошадей. В его общении с белыми он узнал, что они обладали искусством, по которому имя, назначенное физическому предмету, могло быть понято сразу любым человеком, знакомым с искусством. Он попросил образованного полукровку по имени Чарльз Хикс, чтобы тот написал его имя; и после того, как он это сделал, Секвойя сделал из имени факсимиле, которым он клеймил все предметы, произведенные его механической изобретательностью. От этого он продвинулся к искусству рисунка, в котором он делал быстрые успехи, прежде, чем не увидел картины и гравюры. Эти свершения сделали молодого человека очень популярным среди людей его крови, и особенно - среди женщин; но это было задолго до того, как непрерывная лесть оказала какое-либо негативное влияние на его характер. Однако, он был склонен присоединяться к его товарищам в пьянках, средства на которые давала его

собственная работа. Но он скоро утомился праздной и рассредоточенной жизни, внезапно решил бросить пить, и самостоятельно изучил кузнечное дело. В 1820 году, посещая некоторых друзей в деревне чероки, он услышал беседу по поводу искусства письма, которое, кажется, всегда было предметом большого любопытства среди индейцев. Секвойя отметил, что не расценивает это искусство как сколько-нибудь экстраординарное, и полагал, что он мог изобрести план, по которому краснокожий мог бы сделать то же самое.

Компания, обсуждающая данный предмет, была недоверчива; но этот вопрос долго был предметом его размышлений, и он пришел к выводу, что буквы представляли слова, или идеи, и будучи всегда однородными, всегда должны передавать то же самое значение. Его первый план состоял в том, чтобы изобрести знаки, описывающие слова; но попробовав, он был быстро понял, что это будет слишком громоздким и трудоемким, и скоро он изобрел план алфавита, который должен представлять звуки, где каждый знак обозначает слог. Он упорно продолжал заниматься выполнением его намерения, и достиг своей цели, сформировав восемьдесят шесть знаков.

"Во время этих исканий, он подвергался насмешкам своих соседей, и друзья просили его бросить эту затею. Но изобретение, однако, было абсолютно успешно, и диалект чероки теперь имел письменный язык - результат полностью благодаря экстраординарному гению Секвойи. После того, как он научил многих читать и написать, он покинул страну чероки в 1822 году, посетив Арканзас, и развил это искусство среди чероки, которые эмигрировали в ту страну; и после его возвращения домой, была открыта корреспонденция на языке чероки между двумя ветвями этой нации. Осенью 1823 года Генеральный совет наградил его серебряной медалью в честь его гения, и для выражения благодарности за его выдающиеся общественные услуги." - North American Review.

"Мы можем заметить, в отношении вышеупомянутого, что поскольку каждая буква этого алфавита представляет один из восьмидесяти шести звуков, из которых в различных перемещениях составляется язык, чероки могли читать сразу же, как только они изучали свой алфавит. Говорили, что одного умного мальчика можно таким образом научить читать за один день. " - The Saturday Magazine, Лондон, апрель 1842.

X.

ЦЕНЫ, ЗАПЛАЧЕННЫЕ БЕЛЫМИ ЗА СКАЛЬПЫ.

"Во время войн между Францией и Англией с их колониями, их индейские союзники были наделены правом на премию за каждый скальп врага. Во время прошлой войны 1703 года, правительство Массачусетса давало двенадцать фунтов за каждый индейский скальп. В 1722 году эта сумма была увеличена до ста фунтов - сумма, достаточная, чтобы купить значительную часть американских земель. 25 февраля 1745 года американским колониальным законодательным органом был принят закон, названный "Закон о предоставление награды за скальпы." - 'Эскизы истории, манер и традиций североамериканских индейцев', Джеймс Бьюкенен, 1824.

"Была постоянная конкуренция между правительствами Великобритании, Франции и Соединенных Штатов относительно того, кто из них должен привлечь услуги варваров снимать скальп с их белых врагов, в то время как каждый в свою очередь наиболее громким образом осуждал отвратительные варварства тех племен, которых они были не в состоянии привлечь к собственной службе; и цивилизованный мир, ошеломленный ужасными и подробными описаниями, игнорирует тот факт, что почти каждая крупная резня в истории Северной Америки

была организована и управляема агентами одного из этих правительств. "- Гейл, Верхняя Миссисипи.

XI.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СОГЛАШЕНИЯ С ШАЙЕНАМИ В 1865.

Статья 6 соглашения от 14-ого октября 1865 года между Соединенными Штатами и вождями и главами, представляющими конфедерированные племена индейцев арапахо и шайенн:

"Соединенные Штаты жаждут выразить осуждение грубого и изощренного произвола, совершенные против определенных групп индейцев шайенн и арапахо полковником Дж. М. Чивингтоном, командующим войсками Соединенных Штатов, в день 29 ноября 1864 года в Сенд Крик, на территории Колорадо. В то время вышеупомянутые индейцы находились в состоянии мира с Соединенными Штатами и под их флагом, защиту которого они имели от законной власти. Правительство, желая предоставить некоторую подходящую компенсацию за причиненный ущерб, предоставит 320 акров земли в виде патента каждому из вождей вышеназванных групп, и подобным же образом предоставит каждому человеку, потерявшему родственника в этом случае, 160 акров земли. Соединенные Штаты также в ценных бумагах Соединенных Штатов, животных, товарах, провизией или другими полезными предметами, по усмотрению министра внутренних дел для блага людей, заплатят членам племен, которые пострадали в Сенд Крик в вышеупомянутом случае, определенные суммы, в качестве компенсации за собственность, принадлежащую им и разрушенную или отобранную у них вышеупомянутыми войсками Соединенных Штатов."

Одна из поправок Сената к этому соглашению вычеркнула слова "полковником Дж. М. Чивингтоном, командующим войсками Соединенных Штатов." Было ли это сделано с целью освобождения полковника Дж. М. Чивингтона от оскорбления, или для сокрытия факта, что войска Соединенных Штатов были инструментом для совершения убийства, не ясно. Но, в любом случае, это было бесполезным. Резня будет известна под названием "Резня Чивингтона" до конца истории, и Соединенные Штаты должны иметь свою долю ее позора.

XII.

РУБКА ЛЕСА ИНДЕЙЦАМИ В ДАКОТЕ.

В своем отчете за 1877 год, руководитель индейских дел в Дакоте говорит: "Были получены приказы прекратить рубку леса индейцами, выплатить им деньги за тот, что они уже срубили, завладеть им и продать его. Это как мне советуют, является результатом недавнего решения, которое лишает индейцев любого права собственности на лес, пока они не будут владеть землей на паевой основе. Если агенты не проведут в жизнь эти приказы, они сами понесут за это ответственность. Если они введут в действие эти приказы, индейцы лишаться даже того небольшой стимула для физической работы, который они имеют. Тем временем иностранцы всех стран рубят лес на индейских землях, продают его пароходам, заключают контракты с армией и индейскими агентствами по высоким ценам. * * * Рубка леса является одной из очень немногих вещей, которые индеец может делать в Дакоте сейчас."

XIII.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РЕЗНИ УОЛЛА-УОЛЛА.

[Этот рассказ был написан известным офицером, корреспондентом армии и журнала Navy Journal, и появился в этой газете 1 ноября 1879.]

История того дела (Резня Уолла-Уолла), мы полагаем, никогда не была написана; или, если и была, то абсолютные факты этого случая никогда не давались беспристрастным человеком, и многим может быть интересно, если мы предоставим их здесь. История, как она рассказана нашим вашингтонским корреспондентом, "Ebbitt", который был свидетелем указанных сцен, следующая:

"Первые поселения в Орегоне были приблизительно тридцать лет назад основаны колонией Методистов. Один из основателей среди них был покойный г-н "Губернатор" Абернети, как его назвали, поскольку он в течение короткого промежутка времени был видным губернатором Орегона. Он был тестем нашего приветливого представителя квартирмейстера, генерала Генри К. Ходжса, превосходного человека, и его нельзя помнить, как одного из тех, кто был ответственен за отвратительные события, о которых мы собираемся рассказать. Святой отец по имени, скорее всего, Уитман, пошел на территорию Уолла-Уолла, где он был любезно принят каюзами и другими дружелюбными индейцами, которые, в то время как они особенно не желали быть преобразованными в христианскую веру как объяснил один из последователей Уэсли, не имели особых возражений присутствию миссионера. Таким образом они жили спокойно в течение года или двух; затем среди индейцев вспыхнула корь, и значительное их количество умерло. Индейские знахари сказали, что болезнь появилась вследствие присутствия белых, и г-н Уитман был уведомлен, что он должен покинуть их страну. Задавшись целью отстоять правду, и не обладая достаточным чувством, чтобы понять ситуацию, он отказался уйти.

"В это время люди из Hudson's Bay Company имели большое влияние на всех индейцев в том регионе, и старый добрый губернатор Питер Скин Огден был главой компании в форте Ванкувер. Он был осведомлен самими индейцами о положении дел среди индейцев, и о бушующих около миссии эмоциях, и он был упрошен ими убедить Уитмана уйти, поскольку, если он не уйдет, то он будет, конечно, убит. Губернатор написал в миссию, советуя им уехать, по крайней мере, на некоторое время, пока индейцы не успокоятся, что должно произойти сразу же, как только среди них перестанет бушевать корь. Его усилия были бесполезны, и конечно, в один из дней, мы полагаем, 1847 года, миссия была выжжена, миссионер и почти все связанные с ним люди - убиты.

"Последовала индейская война. Она продолжалась в течение нескольких месяцев, и с незначительным, но достаточным ущербом, чтобы Государственное управление затребовало для этой территории невероятные суммы денег. Два или три года спустя, когда страна начала заполняться эмигрантами, и после того, как на ее территории Орегона расположился полк стрелков, и две дивизии артиллерии, люди начали думать, что неплохо бы поднять вопрос убийства семьи Уитманов. Генерал Джозеф Лейн был послан в ту местность в качестве губернатора в 1849 году, и он, несомненно, думал, что для него будет хорошо с политической точки зрения - ублажить местных людей.

Лейн был энергичным, решительным, западным человеком, который был генералом во время мексиканской войны, и у него тогда были президентские стремления. Таким образом, губернатор приехал в форт Ванкувер, где были расположены штабы полка стрелков, под началом полковника Лоринга. Он учредил создать малочисленный отряд, с которым он начал выслеживать индейцев, приложивших руку к резне, и требовать их выдачу. К этому времени индейцы начали понимать

мощь правительства; и когда губернатор нашел их, и объяснил природу его миссии, они собрались на совет, чтобы решить, что нужно делать. После должного обдумывания они были убеждены, что если они откажутся прийти к какой-либо договоренности, они подвергнутся нападению солдат, которых они тогда смертельно боялись, и должны будут оставить их страну навсегда. Так что они встретились с губернатором, и главный вождь сказал, что они услышали то, что тот хотел донести. Было верно, что его люди убили белых в миссии, но что они сделали так по той причине, что они действительно думали, что ужасная болезнь была распространена среди них белыми; что они умоляли их уйти, поскольку они не хотели убивать их, и что они их убили только затем, чтобы спасти собственные жизни, как им казалось. Он сказал, что за это белые с юга Колумбии вели с ними войну, и убили намного больше их людей, чем было убито в миссии, и они думали, что дело на этом решено. Если белые не видели тут правосудия, то трое из их руководителей добровольно предложили вернуться с губернатором в Орегон-Сити и предстать перед судом за убийство. Это удовлетворило губернатора, и мужчины попрощались со своими женами и детьми, и со всем их племенем, поскольку они очень хорошо знали, что никогда больше не увидят их снова. Они знали, что шли к тем, кто жаждал их крови, что они шли на верную смерть, и на смерть самую позорную, которую можно причинить краснокожему, поскольку они должны были быть повешены как собаки.

"Губернатор и его партия уехали. Жертвы бросили один длинный последний взгляд на берег, когда сели в небольшую лодку на реке Колумбия, но ни одно слово жалобы никогда не сошло с их губ. Когда они достигли форта Ванкувер, мы взяли контроль над этими индейцами. Они не были ограничены никаким способом - над ними не было установлено никакой охраны, поскольку не было такой силы на земле, которая, возможно, заставила бы их поколебаться в их намерении поехать в Орегон-Сити, и умереть как мужчины для спасения их племени.

"В Орегон-Сити эти мужчины шли с высоко поднятыми головами, и сошли с небольшой лодки как сенаторы, среди насмешек зверской толпы. Их провели в тюрьму, которая должна была стать их последней крышей над головой.

"Начался суд, жюри было внесено в списки присяжных, к Капитан Клэйборн из отряда стрелков добровольно вызвался защищать индейцев, которым сказали, что у них должен быть справедливый суд, и что они не будут наказаны, если не будут признаны виновными. Все это они не принимали во внимание. Они сказали, что это хорошо, но они не понимали ни слова з того, что они были вынуждены слушать несколько дней, и что они не заботились о формах закона. Они пришли, чтобы умереть. И когда некоторые свидетели поклялись, что они признали в них тех самых индейцев, которые убили Уитмана - все это им объяснили - ни один мускул не дрогнул на их лицах, хотя имелись более чем хорошие подозрения, что свидетелей никогда и близко не были около миссии во время резни. Суд было окончен, и, конечно, индейцы были осуждены на смертную казнь через повешение. Без ропота или вздоха сожаления, и с достоинством, которое бы даже на зулуса произвело впечатление глубокой жалости, эти люди были проведены к виселице и были повешены, в то время как толпа цивилизованных американских мужчин, женщин и детей девятнадцатого века, смотрела и смеялась над их последними конвульсивными подергиваниями.

"Мы читали о героях всех времен, но никогда не читали или полагали, что такой героизм, который показали эти индейцы, мог существовать. Они знали, что быть обвиненным означало быть осуждено, и что их казнят в цивилизованном городе Орегон-Сити с такой же уверенностью, как

казнили бы бедную женщину, обвиняемую в том, что она ведьма, в цивилизованном и христианском городе Салеме, в хорошем штате Массачусетс двести лет назад.

"Прошло поколение, начиная с казни, или убийства этих индейцев в Орегон-Сити. Губернатор Лейн все еще живет, не как бывший президент, но как бедный, но энергичный старик вниз в долине реки Роуг Ривер. Маленький противный город Орегон-Сити был сценой самопожертвования столь же большого, как и любое, которое мы можем прочесть в истории, и там не было даже трех человек, которые бы это оценили. Проклятый город, мы слышим, все еще более противный чем когда-либо, и умное жюри - ни один человек из которого не посмел высказать хоть пару слов жалости или восхищения тем бедным индейцам - вместе со зрителями той неприятной сцены, являются или мертвыми и проклятыми, или погружены в забвение, которое является судьбой тех, кто рождается без души."

XIV. Отчет о количестве, местоположении, социальном и индустриальном состоянии каждого важного племени и группы индейцев на территории Соединенных Штатов, за исключением тех, что описаны на предыдущих страницах.

[Из Сообщения Френсиса А. Уокера, специального уполномоченного Соединенных Штатов по делам индейцев за 1872 год.]

Индейцы на территории Соединенных Штатов, исключая проживающих на Аляске, составляют количество, приблизительно, 300 000 человек.

Они могут быть разделены согласно их географическому положению на пять больших подразделений следующим образом: в Миннесоте, и штатах к востоку от реки Миссисипи - приблизительно 32 500 человек; в Небраске, Канзасе, и на Индейской территории - 70 650; на территориях Дакоты, Монтаны, Вайоминга, и Айдахо - 65 000; в Неваде, и на территориях Колорадо, Нью-Мексико, Юты и Аризоны - 84 000; на Тихоокеанском склоне - 48 000. * * * Что касается их средств поддержки и методов пропитания, они могут быть разделены следующим образом: те, кто сами поддерживают себя на их собственных резервациях, не получая ничего от правительства, кроме процента с их собственных сумм денег, или ренту, предоставленную им с учетом уступки их земель Соединенные Штатам - число таких - приблизительно 130 000 человек; те, кто полностью содержится правительством - приблизительно 31 000; частично поддерживается - 84 000, вместе - приблизительно 115 000 человек; те, кто существует охотой охотясь, ловом рыбы, сбором на корней, орехов, ягод и т.д., или попрошайничеством и воровством - приблизительно 55 000.

ПЛЕМЕНА К ВОСТОКУ ОТ РЕКИ МИССИССИПИ. НЬЮ-ЙОРК.

Индейцы Нью-Йорка, остатки однажды некогда сильных "Шести Наций," составляют 5070 человек. Они занимают шесть резерваций в штате, совокупной площадью в 68 668 акров. Две из этих резерваций - Alleghany и Cattaraugus - первоначально принадлежали колонии Массачусетса; но после продажи и назначения, перешли в руки компании. Индейцы имеют бесконечное право на проживание, а упомянутая компания, или отдельные ее участники, имеют окончательную плату. То же самое прежде было актуально и в отношении резервации Тонаванда, но индейцы, которые ее занимают, купили за окончательную плату часть резервации, которая теперь сохраняется для них министром внутренних дел. Штат Нью-Йорк соблюдает суверенитет этой резервации. Резервации, занятые племенами онеида, онондага и тускарора, были предусмотрены соглашениями между индейцами и штатом Нью-Йорк. Все шесть резерваций

удерживаются и занимаются индейцами вместе. В то время как индейские племена на континенте, за редким исключением, устойчиво уменьшаются в численности, те, что проживают в Нью-Йорке, в последнее время имели более чем устойчивое положение, что показано увеличением их численности на 100 человек в текущих докладах за 1871 год, и - на 1300 человек, если смотреть на численность, с момента последней переписи населения Соединенных Штатов в 1860 году. В нью-йоркской резервации действует 28 школ; посещаемость во время некоторых промежутков прошлого года, чрезмерно - 1100 человек; ежедневная средняя посещаемость составляет 608 человек. Из нанятых учителей, пятнадцать человек - индейцы, столь же полноправно компетентные для этой позиции, как и их белые партнеры. Признак того, что должно быть достигнуто в будущем с образовательной точки зрения, можно найти в успешных усилиях, приложенных в прошлом августе, чтобы построить преподавательский институт на территории резервации Cattaraugus для образования учителей, особенно - для индейских школ. Институт посетило 38 претендентов, и 26 из них теперь проходят обучение. Статистические данные отдельного богатства и совокупного продукта сельскохозяйственной и другой промышленности, в общем, благоприятны; и из года в год наблюдается значительное увеличение этих показателей. Обрабатываются 20 000 акров; зерновые культуры в хорошем состоянии; значительного успеха добились в выращивании фруктов.

МИЧИГАН.

Группами или племена, проживающие в Мичигане: чиппевы из Сагино, суон крики и индейцы блек ривер; оттавы и чиппевы; поттауаттоми из Гурона; и группа чиппевов л'Ансе.

Чиппевы из Сагино, суон крики и индейцы блек ривер составляют 1630 человек, оттавы и чиппевы - 6039 человек, и являются уроженцами этой страны. Они хорошо развиты в делах цивилизации; им, за редким исключением, были выделены земли по условиям соглашений, на которые они получили патенты; и теперь они имеют право на все привилегии и выгоды граждан Соединенных Штатов. Те, кому не были сделаны никакие распределения, могут построить себе фермы, основываясь на положениях закона от 10 июня 1872 года. Срок действия все соглашений, подписанных с этими индейцами, истекли. У них теперь нет никаких денег или других видов ренты, выплачиваемой им правительством Соединенных Штатов. Три первые племени имеют на всех 4 школы со 115 учениками; последние - две школы со 152 учениками. Поттаваттомы из Гурона составляют приблизительно 50 человек, группа чиппевов л'Ансе, численностью в 1195 человек, принадлежит к другим племенам чиппевов озера Лейк Супериор. Они занимают резервацию в приблизительно 48 300 акров, расположенных на озере Лейк Супериор, в крайне северной части государства. Но лишь немногие из них заняты сельским хозяйством, пропитание большинства из них зависят от охоты и ловли рыбы. У них есть две школы с 56 учениками.

Прогрессу индейцев Мичигана в цивилизации и промышленности в прошлом очень препятствовало чувство неуверенности в отношении их постоянных владений, и невозможность наслаждаться собственным домов. Начиная со времени распределения земли, и раздачи этим индейцам или патентов, или свидетельств на фермы (кроме чиппевов л'Ансе или проживающих на озере Лейк Супериор - охотников и рыбаков), было отмечено значительное усовершенствование в отношении постройки зданий и обработки земли. Совокупное количество земли, культивируемой этими несколькими племенами, является 11 620 акров. Зерно, овес и пшеница являются главными продуктами. Жилье состоит из 244 каркасных домов и 835 срубов. Совокупное население этих нескольких названных племен (включая объединенных чиппевов,

оттавов и поттаваттомов, приблизительно 250 человек, с которыми правительство сделало полный расчет в 1866 по его обязательствам по договору), согласно сообщению их агента в течение текущего года - 9117 человек. Эта цифра больше численности, отмеченной в 1871 году, на 402 человека. Но это, однако, возможно также вследствие возвращения отсутствующих индейцев, а не превышением рожденных людей над умершими. В образовательных вопросах эти индейцы в последнее время, к великому сожалению, далеки от результатов прошлых лет; это случается главным образом по той причине, что срок действия их соглашений истекает, и обеспечиваемые ранее условия образовательного процесса, теперь терпят неудачу, ввиду отсутствия финансирования.

ВИСКОНСИН.

Группы или племена в Висконсине - чиппева озера Лейк Супериор, меномони, стокбриджи, мунси, онеиды, и определенные, так называемые, "беспризорные" группы из индейцев виннебаго, поттаваттомов и чиппевов.

Численность чиппевов озера Лейк Супериор (в это племя входит много различных групп - приблизительно 5150 человек. Они составляют нации оджибве (сформулированный на английском языке термине "Chippewas"), прежде - одной из самых влиятельных и воинственных наций на северо-западе, охватывающей много групп и простирающейся на огромную территорию вдоль берегов озер Гурон, Мичиган, и до степей Верхнего Миссисипи. Из этой великой нации много людей все еще находятся в Миннесоте, многие - в Мичигане, и лишь некоторые - в Канзасе.

Вышеупомянутые племена в настоящее время располагаются на нескольких маленьких резервациях площадью приблизительно 695 290 акрах, выделенных им соглашениями от 30 сентября 1854 года и 7 апреля 1866 в Висконсине и Миннесоте. Законом конгресса от 29 мая 1872, с согласия этих индейцев было сделано предоставление о продаже трех из вышеназванных резерваций - Lac de. Flambeau и Lac Court D'Oreille в Висконсине, и Fond du Lac в Миннесоте; и о переселении индейцев, расположенных на этих резервациях, на резервацию Бэд Ривер, где есть много хорошей пахотной земли, и где о них можно должным образом позаботиться, и научить сельскому хозяйству и механике.

Большая часть этих индейцев в настоящее время ведет несколько бродячую жизнь, находя себе пропитание, в основном, охотой, сбором дикого риса, и ловлей рыбы. Успехи по обработке почвы сравнительно малы. Некоторые племена были в последнее время очень деморализованы контактом с людьми, нанятыми для строительства Северной Тихоокеанской Железной дороги, линия которой проходит близко около одной из резерваций (Fond du Lac). Однако некоторые из этих людей, особенно - расположенные на резервации Бед Ривер, начали проявлять серьезное стремление к самосовершенствованию. Многие живут в грубого построенных зданиях, и выращивают на небольших участках зерновые культуры и овощи; другие работают на белых; многие находят работу по обрезке рельсов, установке столбов забора и распилу бревен на правительственных стройках. В отношении усилий по обучению детей письму, можно сказать, что, не будучи в целом бесплодными, результаты были к настоящему времени скромными и несколько обескураживающими. Большинство родителей утверждает, что хотело бы обучить их детей, и просят создать школы; но когда находятся средства и делается работа, то появляются трудности, в основном - за счет недисциплинированности учеников, которую учитель должен преодолевать без родительского сотрудничества; а также - нерегулярное посещение школы,

особенно со стороны тех, кто обязан сопровождать их родителей на рисовые поля, сахарные лагеря или в районы рыбного промысла.

Племя меномони числом в 1362 человека располагается на резервации площадью в 230 400 акров в северо-восточной части Висконсина. Им прежде принадлежала большая часть восточной части штата, и, в соответствии с соглашением, которое они заключили с правительством 18 октября 1848, они уступил эти земли за дом в Миннесоте на землях, которые были получены Соединенными Штатами от чиппевов; но, будучи неудовлетворенными договоренностью, поскольку им казалось, что им не дали того, на что по закону у них было право, они впоследствии запротестовали и проявили большое нежелание уходить. Ввиду этого состояния дел, президент разрешил им остаться в Висконсине и временно располагаться на землях, которые они сейчас занимают, и которые были им обеспечены последующим соглашением от 12 мая 1854 года. Это резервация имеет обильные водные ресурсы - омывается озерами и ручьями. Последние предоставляют превосходную возможность сплава древесины для продажи; большинство их страны изобилует ценной древесиной - сосной. Значительная часть меномонов сделала реальный и существенный шаг к цивилизации; часть их занята сельским хозяйством; другие находят достойную работу на лесопилках на их резервации, находящихся под управлением правительственного агента; в то же время, некоторые все еще возвращаются время от времени к их старому способу жизни - охоте и ловле рыбы.

По плану, принятому правительством в 1871, в отношении сруба и продажи сосновой древесины, принадлежащей этим индейцам, 2 000 000 футов леса были срублены и сплавлены по реке. Вырученная сумма составила 23 731$, из которых индейцы, работающие на лесоповале получили за их труд более чем 3000$, казначейство племени получило чистую прибыль в 5$ за тысячу футов. По оценкам агента, за лесопильные работы на территории резервации, и за работу на железной дороге, в течение прошлого года индейцы получили приблизительно 20 000$, и это исключая работу по строительству зданий, выращиванию зерновых культур, изготовлению сахара, уборке риса и охоту на зверей ради их шерсти. Просветительная работа на этой резервации была в последнее время довольно неудовлетворительной, но одна небольшая школа, которая сейчас действует, имеет семьдесят учеников, и ее в среднем посещают 50 учеников в день.

Стокриджи и мунси, числом в 250 человек, занимают резервацию в 60 800 акров, примыкающую к меномонам. Стокриджи изначально происходят из Массачусетса и Нью-Йорка. После нескольких переселений, они вместе с мунси наконец расположились на их текущей резервации.

Исходя из положений закона от 6 февраля 1871 года, сейчас предпринимаются шаги, чтобы отчудить всю их резервацию, за исключением восемнадцати частей, лучше всего приспособленных для сельскохозяйственных целей, которые сохраняются для их будущего использования. У них в настоящее время нет никаких соглашений с Соединенными Штатами; при этом они не получают никакой ренты от правительства. Эти племена, хотя в действительности можно говорить "это племя", (стокбриджи, поскольку из мунси осталось, вероятно, не более полдюжины душ), были прежде умными, преуспевающими людьми, ни на йоту не отстающими от наиболее продвинутых наций. Они владели хорошими фермами, были хорошо проинструктированными и трудолюбивыми. К сожалению для них, хотя и много для выгоды правительства, которое таким образом приобрело ценный участок страны для белого поселения, они были перемещены в 1857 на их существующее место жительства. Изменение оказалось

очень вредным для их интересов и перспектив. Их новая резервация, большая часть которой имеет бедную почву и серьезно затапливается в сезоны дождей и подвержена частым морозам, никогда не давала им больше, чем минимальное скудное пропитание. Многие по этой причине оставили племя, и в течение многих лет пытались получать средства к существованию среди белых, лишь слабо поддерживая общение с теми, которые остались на территории резервации, но всё же удерживая их права на собственность племени. Результатом служили частые ссоры, наносящие ущерб миру и прогрессу сообщества. Больше чем половина существующих членов племени - и "урбанизированных", и "диких ", как сообщает агент, решили воспользоваться условиями упомянутого выше закона Конгресса, принятого в феврале 1871, по которому они наконец получат свою часть племенной собственности, и станут гражданами Соединенных Штатов. Те, кто желает сохранить их племенное отношение под защитой Соединенных Штатов, могут, согласно закону, если так пожелает их совет, выбрать новое местоположение для их будущего дома. Образовательные и религиозные вопросы этих людей находятся под управлением г-на Иеремии Слинджерлэнда, славящимся добрыми делами, интеллектом, и его успехами в деле морального и образовательного усовершенствования его людей.

Племя онейда, численностью в 1259 человек, имеет резервацию в 60 800 акров около Грин Бей. Они составляют большую часть одноименного племени, названного в честь озера Онейд, где племя тогда проживало. Они прежде были одной из "Шести Наций."

МИННЕСОТА.

Индейцы, проживающие в пределах Миннесоты, как и те, кто живет в Висконсине, составляют часть нации оджибвей или чиппева, и включают следующие группы: Mississippi, Pillager, Winnebagoshish, Pembina, Red Lake, Boise Forte, Fond du Lac и Grand Portage. Последние три группы, будучи привязанными к агентству чиппева озера Лейк Супериор, были рассматриваемы вместе с индейцами Висконсина. Пять первых групп в совокупности составляют приблизительно 6455 душ, и занимают, или, скорее, предназначено, чтобы они в конечном счете заняли эти земли, вполне достаточные резервации в центральной и северной части штата, известные как резервации Уайт Ленд, Лич Лейк, и Ред Лейк, площадью в целом приблизительно 4 672 000 акров, которые очень ценятся за сосновую древесину. * * *

Племена Миссисипи проживают в различных окрестностях. Большинство из них находится на их резервировании в Уайт Ерс; другие - в Миллелиак, Галл Лейк и Уайт Оак Пойнт. На первой из названных резерваций были приложены довольно значительные усилия для возведения зданий школы, жилых домов, магазинов и заводов и для разбивки местности. В один момент в течение прошлого лета там была перспектива богатого урожая с 300 акров хлебных злаков; но, к сожалению, саранча уничтожила весь урожай; а второй урожай гречневой крупы и репы не удался. Индейцы на этой резервации ведут себя хорошо и очень трудолюбивы. Многие из них заняты вспахиванием почвы, в то время как другие изучают механические искусства; и о них, как об обществе в целом, можно сказать, что они делают значительные успехи в делах цивилизованной жизни. Примерно половина индейцев в Галл Лейк была переселена на Уайт Ерс, остальные, настроенные против удаления, готовы скорее утратить их ренту, чем изменить местоположение. Чиппевы на Милл Лэйк, продолжающие занимать земли, которые они уступили в 1863 с условием иметь право жить на этой земле в случае хорошего поведения, не хотят покидать их старый дом, чтобы жить в новом, предназначенном для них на территории резервации Уайт Ерс. К настоящему времени только приблизительно 25 человек удалось убедить

удалиться. Их существующая резервация богата сосной - предметом зависти для дилеров древесины; и со всех сторон присутствует есть сильное давление за их раннее удаление. У них должна быть помощь правительства, не важно останутся ли они, или переселятся; и эта помощь может быть обеспечена путем выгодной продажи леса на земле, которую они теперь занимают. Правительство вряд ли сможет предложить им что-то лучшее.

Чиппевы Уайт Оак Пойнт были прежде известны как "индейцы Сенди Лейк". Их в 1867 году переселили с Сенди Лейк и Рэббит Лейк в Уайт Оак Пойнт на Миссисипи, около восточной части резервации Лич Лейк. Это местоположение неблагоприятно для их морального усовершенствования и материального прогресса в следствие его близости к лесопильным лагерям белых. К настоящему времени, все усилия, приложенное для улучшения их состояния и размещения их на землях, пригодных для сельского хозяйства, потерпели неудачу. Земля, обработанная для них, снова поросла травой, их бревенчатые дома - в руинах, прежнее жители ищут прибежища. Было бы хорошо, если бы этих индейцев смогли бы вынудить переселиться на резервацию Уайт Ерс.

На озере Ред Лейк у индейцев был преуспевающий год: они получили хорошие урожаи зерна и картофеля, и построили много зданий. Это племя было в намного более лучших обстоятельствах, если бы у них было больше пахотных земель. Земли, которым они ограничиваются в настоящее время, позволяют дать каждой семье всего только пять акров, подходящих для использования с этой целью. Предлагается продать их лес, расчистить земли на доход, купить запасы и построить школу ручного труда.

Племена Пембина проживают на территории Дакоты, но здесь отменены в связи с миннесотскими индейцами из-за того, что они управляются одним агентством. У них нет резервации, так как они уступили их земли в соответствии с соглашением, сделанным в 1863 году, но они заявляют права на гору Туртл Маунтин в Дакоте, на которой некоторые из них проживали во время заключения соглашения, и которая находится к западу сделанной тогда линии уступки земель. Чистокровных индейцев в этом племени приблизительно 350 человек, полукровок - приблизительно 100. Они ведут несколько кочевую жизнь, добывая сомнительное пропитание охотой и завися от ренты от правительства Соединенных Штатов.

Чиппевы Миннесоты имели лишь немного образовательных преимуществ; но со средствами, предоставляемыми теперь, и с серьезными усилиями их агента по наему учителей, особенно - в Уайт Ерс - ожидается, что их интересы в этом отношении очень продвинутся. В Уайт Ерс деятельность школ была довольно успешна; причем настолько, что потребовалось дополнительное помещение, чтобы удовлетворить требованиям индейцев по образованию их детей.

Единственная другая действующая школа на Ред Лейк, действует под покровительством Ассоциации миссий американских индейцев.

Индиана.

В Индиане сейчас проживает приблизительно 345 майами, которые не ушли в Канзас, когда племя переселилось на те земли в соответствии с соглашением 1840 года. Они - добропорядочные граждане, многие из них являются бережливыми фермерами, не создающими проблемы ни их белым соседям, ни правительству. В этом штате и в Мичигане проживает также малочисленная группа, названная "майами Эль Ривер".

СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА, ТЕННЕССИ, И ДЖОРДЖИЯ.

Cherokees.-там проживают в этих государствах, вероятно, приблизительно 1700 чероки, которые выбирали оставаться, при условиях, уважая чероки, несклонных к удалению, содержавшемуся в двенадцатой статье соглашения с чероки 1835. Согласно закону от 29-ого июля 1848, транспортировке на душу населения и прожиточному фонду 53$ 33 был создан и помещен отдельно для их выгоды, в соответствии с рулоном переписи, сделанным при положениях сказанного акта; интерес, на который фонд, до тех пор, пока они должны индивидуально удалить в индейскую страну, является единственными деньгами, к который названные в сказанном рулоне, кто образует дугу, живя, или наследники тех, у кого есть покойный, называются. Этот интерес является слишком маленьким, чтобы иметь любую выгоду; и некоторые меры должны быть предприняты Конгрессом, с целью наличия всех деловых вопросов между этими индейцами и поселенным правительством, удаляя таких из них запад как теперь желание пойти, и платя тем, кто отказывается удалять упомянутый фонд на душу населения. У правительства нет никакого агента, проживающего с этими индейцами. В соответствии с их искренне выраженным желанием, которое будет принесено под непосредственным обвинением правительства, как его опека, Конгресс, законом, одобренным 27-ого июля 1868, предписал, чтобы Министр внутренних дел заставил специального уполномоченного индейских Дел принимать то же самое контролирующее управление ими с других племен индейцев; но это фактически ничего не составляет, в отсутствие средств выполнить намерение закона с любым выгодным результатом индейцам. Состояние этого люди представляется, чтобы быть прискорбным. Перед последним Восстанием они жили при хороших обстоятельствах, занятых, со всем успехом, который мог ожидаться в сельском хозяйстве, и в различном незначительном индустриальном преследовании. Как все другие жители этой секции, они пострадали очень во время войны, и теперь, от этого и других причин, очень обедневших.

ФЛОРИДА.

Здесь есть несколько групп семинолов, приблизительно 300 человек, все еще проживающих во Флориде - это те, или потомки тех, кто отказался сопровождать племя, когда оно много лет назад переселилось на запад. Но об их состоянии и характере известно немного.

НЕБРАСКА, КАНЗАС, И ИНДЕЙСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ.

Племена, проживающие в Небраске, Канзасе, и на Индейской Территории, делятся следующим образом: в Небраске приблизительно 6485 человек; в Канзасе - 1500 человек; на индейской Территории - 62 465 человек.

НЕБРАСКА.

Индейцы в Небраске - санти сиу, виннебаго, омаха, поуни, саки и фоксы Миссури, айовы, оты и миссурийцы. * * *

Омахи. Омахи - миролюбивые и безобидные люди, числом в 969 человек, с 1871 года уменьшившиеся на пятнадцать человек, являются уроженцами той страны, которую они занимают теперь. Они занимают резервацию в 345 600 акров, примыкающую к резервации виннебаго. Они имеют земли, выделенные им паями для отдельного владения, и они сделали значительное продвижение в сельском хозяйстве и цивилизации, хотя все еще в некоторой степени поддерживают привычки охоты. По указаниям закона от 10 июня 1872года, делаются

шаги, чтобы продать 50 000 акров западной части их резервации. Доходы от продажи этих земель позволят им улучшить и снабдить свои фермы, построить здания и т.д., и, с надлежащей заботой и промышленностью, перейти через несколько лет на полное само обеспечение. На этой резервации можно найти несколько домов. В настоящее время на этой резервации действуют три школы, обслуживающие 120 учеников.

Поуни. Поуни - воинственные люди, числом в 2447 человек, увеличились за прошлый год на 83 человека. Они располагаются на резервации площадью 288 000 акров, в центральной части штата. Они уроженцы той местности, которую сейчас занимают. В течение многих лет они был лояльными к правительству, часто поставляя бойцов для операций против враждебных племен или мародерствующих групп. Их местоположение - так близко к границе, почти в постоянном контакте с индейцами с равнин, с которыми они всегда были более или менее в состоянии войны - сейчас имеет тенденцию задерживать их продвижение в искусствах цивилизации. Однако, постепенно становятся более приученными к традициям белых, уделяют некоторое внимание сельскому хозяйству, и, в связи с исчезновением с их части страны буйволов, несомненно всерьез возьмутся за сельское хозяйство и механизацию. Упомянутый прежде закон от 10 июня 1872 года, обеспечивает продажу 50 000 акров, принадлежащих поуни, земли также будут взяты с той части их резервации, которая лежит к югу от Лоуп Форк. Эти земли сейчас исследуются; считается, что с доходами от этой продажи для поуни будут возможны такие усовершенствования, позволяющие строить здания, открывать и содержать фермы, что это вскоре побудит их посвящать все свое время и внимание индустрии. На территории резервации действуют две школы, одна - школа-интернат ручного труда, другая - дневная школа. Они обе обслуживают 118 учеников. Конгрессом на последней сессии также обеспечил условия для построения двух дополнительных зданий школы для использования этим племенем.

Саки и фоксы Миссури. Эти индейцы много лет назад эмигрировали из Айовы и обосновались около племени айова. В настоящее время их число составляет лишь 88 человек, потому их ряды устойчиво редели в течение многих лет. У них есть резервация площадью приблизительно 16 000 акров, лежащая в юго-восточной части Небраски и северо-восточной части Канзаса, купленного для них у племени айова. Большая часть резервации - превосходная земля; но они никогда в значительной степени не использовали эти земли для пашни, будучи почти безнадежно лишенными желания участвовать в работе любого вида, и надеющиеся в их очень бедном пропитании преимущественно на их ренту, которая обеспечивается им соглашением от 31 октября 1837 года, и составляет 7870$. Законом от 10 июня 1872, было сделано предоставление для продажи части или всей территории их резервации, и доходы от такой продажи должны были быть израсходованы для их непосредственного использования, или для их переселения на Индейскую Территорию или в другое место. Они согласились на продажу всей резервации; и, как только из этого источника будут получены средства, будут предприняты шаги по переселению их на Индейскую территорию к югу от Канзаса.

Айова. Эти индейцы, составляющие в настоящее время 225 человек, эмигрировали несколько лет назад из Айовы и северо-западного Миссури, и теперь имеют резервацию, примыкающую к сакам и фоксам Миссури, площадью приблизительно 16 000 акров. Они принадлежат намного лучшему классу индейцев, чем их соседи саки и фоксы, так как они скромные, трудолюбивые и заинтересованные в образовании их детей. Они были полностью лояльны во время последнего восстания, и дали много солдат армии Союза. Многие из них - хорошие фермеры. Как племя, они обычно расширяют диапазон своих сельскохозяйственных умений, улучшают их жилье и многое

добавляют к своему комфорту. Значительное большинство племени хочет, чтобы их резервацию разделили на отдельные паи; и поскольку они не склонны удаляться на другое местоположение, желательно, чтобы их пожелания в этом отношении были выполнены. На их резервации действует одна школа, которую посещают 66 учеников. Помимо этого - индустриальный сиротский приют, поддерживаемый самими индейцами.

Оты и миссури. Эти индейцы, численностью 464 человека, за последний год увеличились на 14 человек. Их переселили из Айовы и Миссури на их существующую красивую и плодородную резервацию, включающую 160 000 акров и расположенную в южной части Небраски. До совсем недавнего момента проявили лишь только немного расположения к труду для улучшения их несчастного состояния; и все же, отрезанные от их обычного источника пропитания, буйвола, и под страхом перед дикими племенами, которые овладели их старыми охотничьими угодьями, они постепенно все более и боле были вынуждены работать для обеспечения своей жизни. В течение прошлых трех лет многие из них открыли фермы и построили себя дома. Также была построена школа, в которой обучалось 95 учеников.

Канзас.

Индейцы, все еще остающиеся в Канзасе: какапу, поттаваттомы (племя прерии), чиппевы и мунси, майами, канзасы или кавы.

Кикапу. Кикапу эмигрировали из Иллинойса, и теперь располагаются числом в 290 человек на резервации площадью 19 200 акров, в северо-восточной части штата. Во время последней войны, партия в приблизительно 100 человек, неудовлетворенных соглашением, заключенным с племенем в 1863 году, пошла в Мексику из-за уверений их родственников, живущих в той республике, что они будут приветствоваться и защищаться мексиканским правительством; но их обманули и они попытались возвратиться в Соединенные Штаты. Только некоторые, однако, достигли агентства Кикапу. Члены племени, оставшиеся в Мексике, отрезанные от племени более двадцати лет назад, обосновались среди южных индейцев на Индейской Территории, около реки Уошито, откуда они пошли в Мексику, где и живут и пой сей день, несмотря на усилия правительства в последнее время договориться с Мексикой об их переселении на Индейскую Территорию и расположении на некоторой подходящей резервации. Их набеги через границу были постоянной бедой людей Техаса; и это очень важно, чтобы им при первом же попавшемся случае обеспечили возвращение в Соединенные Штаты, и поселили там, где за ними можно тщательно наблюдать, и ограничивать их грабительские привычки, и наказывать, если они продолжают упорно заниматься грабежом. Кикапу, остающиеся в Канзасе, миролюбивы и трудолюбивы, они продолжают делать похвальные успехи в обработке ферм и проявляют много интереса к образованию их детей. Положениями соглашения от 28 июня 1862, несколько из этих индейцев получили земли в паях, им дали акты на владение землей, и они являются теперь гражданами Соединенных Штатов. Среди этих индейцев действуют две школы, где ежедневно учатся в среднем 39 учеников.

Поттаваттомы. Группа Прерии - это все племя, оставшееся в Канзасе. Остальные стали гражданами и большинство из них переселились на Индейскую территорию. Племя, за исключением тех, кто прежде был замечен в Висконсине, до этого проживало в Мичигане и Индиане, и удалилось в Канзас согласно положений соглашения 1846 года. Численность группы прерии - приблизительно 400 человек, и они располагаются на резервации площадью 77 357 акров, в четырнадцати милях к северу от Топики. Несмотря на многие усилия обучить и воспитать

этих индейцев, большинство из них все еще стойко цепляется за привычки и обычаи их отцов. Некоторые, однако, недавно обратили их внимание на сельское хозяйство, и теперь выращивают скот и большинство видов зерна, производимого их белыми соседями. Они также проявляют больше интереса к образованию, чем прежде. На территории резервации действует одна школа, обслуживающая 84 ученика.

Чиппевы и манси. Чиппевы Сагино, Суон Крик и Блэк Ривер были удалены из Мичигана в соответствии с соглашением 1836 года; манси, или охристианизированные индейцы - были удалены из Висконсина в соответствии с соглашением 1839 года. Они были объединены по условиям договора, заключенного с ними 16 июля 1859. Объединенные группы составляют теперь всего лишь 56 человек. Они имеют 4760 акров земли в округе Франклин, приблизительно в сорока милях к югу от города Лоуренс, держат земли отдельно по паям, значительно преуспели в жизненных искусствах, и прилично зарабатывают себе на жизнь, преимущественно - сельским хозяйством. У них действует одна школа, которую посещают 16 учеников. У этих индейцев в настоящее время нет никаких соглашений с Соединенными Штатами; и при этом они не получают помощи со стороны правительства.

Майами. Майами Канзаса прежде проживали в Индиане, составляют одно племя с майами, все еще жившими в том штате, но переселенными в 1846 на их текущее местоположение по условиям соглашения 1840 года.

Вследствие откола значительного числа тех, кто соединился с пеорийцами на Индейской Территории, и также - вследствие разрушительных болезней и вредных привычек, особенно - пьянства, эта группы, которая во время ее переселения из Индианы составляла приблизительно пятьсот человек, в настоящее время имеет лишь 95 человек. У них есть резервация площадью 10 240 акров в округе Линн и округе Майами в юго-восточной части Канзаса, большая часть которой разделена между ними паями.

Руководитель министерства по делам индейцев в своем отчете за этот года говорит, что майами, остающиеся в Канзасе, очень деморализованы, их школа была покинута и их молодежь осталась без преимуществ образования. В течение многих лет существовала значительная проблема, вызванная тем, что белые поселенцы настойчиво селились на землях, принадлежащих этим индейцам, и никакие усилия по вытеснению нарушителей не были до настоящего времени успешными.

Канзасы или кавы. Эти индейцы - уроженцы местности, которую они занимают. В настоящее время их - 593 человека; в 1860 году их было 803 человека. Хотя у них есть резервация в 80 640 акров хорошей земли в восточной части штата, они - бедные и непредусмотрительные, и в последние года очень пострадали из-за отсутствия необходимых для жизни предметов. Они никогда значительно не были расположены трудиться, и зависели от рент, выплачиваемых правительством. Они уверенно становились все более бедными; и даже теперь, в их стесненных обстоятельствах и под давлением нужды, они выказывают лишь только небольшую склонность участвовать в сельскохозяйственном труде. Все попытки побудить их работать в известной мере потерпели неудачу. До совсем недавнего момента им даже не удавалось обучить их детей. Сейчас действует лишь одна школа, обслуживающая приблизительно 45 учеников. По закону от 8 мая 1872 года, было сделано предоставление для продажи всех земель, принадлежавших этим индейцам в Канзасе, и для их переселения на Индейскую территорию. Согласно закону от 5 июня 1872 года, для их поселения в рамках определенного участка земли, их землю выделили осагам.

Их земли в Канзасе сейчас предварительно оцениваются специальными уполномоченными, с целью их продажи.

Индейская территория.

Индейцы в настоящее время располагаются на Индейской Территории - обширном районе, ограниченном с севера Канзасом, с востока - Миссури и Арканзасом, с юга - Техасом, и с запада - сотым меридианом. Специальные уполномоченные определили назначить эти земли в соответствии с законом Конгресса от 20 июля 1867 года, чтобы установить мир с определенными враждебными племенами, как одну из двух больших Территорий (другая существовала, в основном, на текущей территории Дакоты, к западу от Миссури). На этих землях могло бы быть сконцентрировано большое количество всех индейцев к востоку от Скалистых гор - чероки, чокто, чикасавы, крики, семинолы, сенеки, шоуни, куапы, оттавы, рош-де-рефы, пеори, объединенные в конфедерацию кака-каскии, вии и пианкешовы, виандоты, поттаваттомы, саки и фоксы Миссисипи, осаги, айовы, команчи, арапахо и шайенны с юга, вичиты и другие связанные группы. Малочисленная группа апачей долго объединялась с айовами и команчами. * * *

Индейцы племени чокто и чикасавы. Эти племена объединились в конфедерацию для определенных национальных целей. У индейцев племени чокто, числом в 16 000 человек (они увеличились на 1000 при переписи населения в 1871 году), есть резервация площадью 6 688 000 акров в юго-восточной части Территории; а чикасавам, численностью в 6000, принадлежит участок земли в 4 377 600 акров, примыкающий на западе к территории индейцев племени чокто. Эти племена первоначально населяли часть страны, теперь ограниченной территорией Миссисипи. Их переселили в их текущее местонахождение в соответствии с условиями договоров, заключенных с ними, соответственно, в 1820 и 1832 годах. Замечания, сделанные по поводу языка, законов, образования, индустрии, и продвижения в искусствах и обычаях цивилизации чероки, могут быть применены, в основном, и к индейцам племен чокто и чикасава. У индейцев племени чокто действует тридцать шесть школ, обслуживающих 819 учеников; у чикасава - 11 с 379 учениками. Индейцы племени чокто, в соответствии с соглашениями от 16 ноября 1805 года, 18 октября 1820 года, 20 января 1825 года, и 22 июня, 1855 года, получают следующим образом постоянные ренты: деньгами - 3000$; поддержку от правительства на образование и другие полезные цели - 25 512$; для корма лошадей - 600$; в виде железа и стали - 320$. Они также обладают государственными облигациями и облигациями штата, которые министр внутренних дел держит для них в трастовом фонде, и сумма которых - 506 427$. Деньги разделены следующим образом: индейцы племени чокто, общий фонд - 454 000$; индейцы племени чокто, образовательный фонд - 52 427$. Проценты на эти средства и ренты, и т.д., передаются казначею страны, и расходуются под руководством Национального совета таким образом и на такие задачи, как это отдельно обозначается в каждом случае. Чикасавам, согласно закону от 25 февраля 1709 года, и по соглашению от 28-ого апреля 1866 года, полагается постоянная рента в 8000$. У них тоже есть государственных акции и акции штата, хранимые для них министром внутренних дел в трастовом фонде, на сумму 1 185 947$, причем 183 947$ из этой суммы являются национальным фондом, а 2000$ - страховым фондом по безработице. Проценты на эти суммы, плюс дополнительно упомянутые 3000$, выплачиваются с помощью казначея нации и расходуются им под руководством Национального совета на такие задачи, которые может определить совет.

Крики. Крики первоначально происходят из Алабамы и Джорджии. Во время последней переписи их число составляло 12 295 человек, проживающих на резервации площадью 3 215 495 акров в восточной и центральной части территории. Они обычно до сих пор не продвинулись как чероки, чокто, и чикасавы, но они делают быстрые успехи, и через несколько, будут несомненно во всех отношениях на одном уровне с их соседями. У криков, согласно последним докладам, действуют 33 школы; одна из которых находится под контролем управления Общества методистской миссии, другая поддерживается пресвитерианами. Число учеников во всех школах - 760 человек. Эти индейцы имеют, в соответствии с соглашениями от 7 августа 1790 года, 16 июня 1802 года, 24 января 1826 года, 7 августа 1856 года, и 14 июня 1866 года постоянные ренты и процент на суммы денег, которые инвестированы следующим образом: в деньгах - 68 258$; для оплаты труда кузнецов и помощников, производителей фургонов, мастеров по ремонту колёс и кузовов, мастеров по производству железа и стали - 3250$; для помощи в сельскохозяйственных операциях - 2000$; для образования - 1000$. Министр внутренних дел сохраняет для определенных членов племени, известный как "сироты," правительственные бонды и бонды штата на сумму 76 999$, проценты на эту сумму выплачиваются указанным живым сиротам, и представителям покойных сирот.

Семинолы. У семинолов, численностью 2398 человек, прослеживается на 190 человек со времен переписи населения в 1871 году. Они живут на резервации площадью 200 000 акров, примыкающей к резервации криков на западе. Это племя прежде населяло часть страны, теперь охваченной штатом Флорида. Некоторые из них были удалены на их текущее местонахождение положениями соглашений 1832 и 1833 годов. Остатки племени, спровоцированные прежним вождем, Оцеолой, аннулировали соглашения, отказались переселяться, и вскоре после этого начали грабить белых. В 1835 году эти грабежи привели к войне, которая продолжалась семь лет с огромными людскими и денежными потерями. Индейцев, наконец, обезвредили и сделали неспособными к нанесению дальнейшего вреда, и после усилий, повторяемых в течение нескольких лет, их, наконец, за исключением тех немногих, которые сбежали на болотистые равнины, переселили на резервацию на Индейской территории. В 1866 году они уступили Соединенным Штатам, в соответствии с соглашением, резервацию, тогда принадлежавшую им, и купили участок земли, который они занимают в настоящее время. Они не настолько развиты в искусствах цивилизованной жизни, как чероки, чокто, чикасавы и крики, но делают быстрые успехи в этом направлении, и несомненно скоро будут занимать место на уровне с названными племенами. Они обрабатывают 7600 акров земли; на которой они вырастили в течение прошлого года 300 000 бушелей зерна, и 6000 бушелей картофеля. Они живут в бревенчатых домах, имеют большие запасы рогатого скота, лошадей и свиней. У семинолов действуют четыре школы, где учатся 169 человек.

Они получают, в соответствии с соглашениями, заключенными с ними 7 августа 1856 года и 21 марта 1866 года ренты и прочие суммы следующим образом: процент на 500 000$, ежегодно составляющий 25 000$, который платится им как рента; процент на 50 000$, ежегодно составляющий 2500$ - для поддержания школ; и 1000$ - процент с 20 000$, для поддержки их правительства.

Сенека и шоуни. Племя сенека, численностью 214 человек, и племя шоуни (девяносто человек), были переселены приблизительно тридцать пять или сорок лет назад из Огайо в их текущее местонахождение в северо-восточном углу Территории. Они сильно пострадали во время Восстания, будучи вынужденными сбежать из дома на север, и их страна опустошалась войсками

обеих армий. Исходя из положений соглашения от 1867 года, сделанного с этим и другими племенами, сенеки, которые были тогда объединены в конфедерацию с шоуни, расторгли свою связь с тем племенем, продали Соединенным Штатам половину их резервации, принадлежавшую им вместе с шоуни, и объединились тогда с тем племенем сенека, кому тогда принадлежала отдельная резервация. У шоуни теперь есть резервация площадью 24 960 акров, и объединенная с сенеками площадью 44 000 акров. Эти племена серьезно заняты сельским хозяйством. Они миролюбивые и трудолюбивые. Многие - бережливые фермеры, живут в достатке. У них есть одна действующая школа, обслуживающая 36 учеников, в которую также ходят дети виандотов, так как в их собственном племени школ нет.

Онапавы. Этих индейцев в настоящее время приблизительно 240 человек. Они изначально происходят из этой местности и занимают резервацию площадью в 104 000 акров в крайнем северо-восточном углу территории. Они, кажется, заметно не продвинулись за течение прошлые несколько лет. Вместе с другими племенами в той местности они очень пострадали от последней войны, и пережили значительные лишения. Их близость к пограничным городам Канзаса, и возможность, таким образом, покупать виски, задержала их продвижение; но у них недавно появилось сильное желание усовершенствования; с помощью средств, полученных от продажи части их земель, и с перспективой открытия у них школы, они надеются на лучшее будущее.

Оттавы. Оттавы местности Бленчардс Форк и Роша де Беф в настоящее время составляют 150 человек. Они первоначально располагались в западном Огайо и южном Мичигане, но были переселены в соответствии с условиями договора, заключенного с ними в 1831 году, на резервацию в пределах существующих границ Канзаса. В соответствии с соглашением от 1867 года они получили резервацию площадью 24 960 акров, лежащую сразу на север от западной части резервации шоуни. Они обратили значительное внимание на образование, хорошо продвигаются в направлении цивилизации, многие из них - трудолюбивые и преуспевающие фермеры. У них есть одна школа с 52 учениками. Отношение этой малочисленной группы к правительству является несколько странным, поскольку, согласно условиям соглашений от 1862 и 1867 годов, они стали гражданами Соединенных Штатов, но все же проживают в индейской стране, владеют там резервацией, и поддерживают просто племенную организацию. Их переселили из Франклина в Канзас в 1870 году.

Пеори и прочие. Пеори, каскаскисы, вии и пианкешоуы, которые были объединены в конфедерацию в 1854 году, имели тогда общую численность населения - 259 человек, сейчас- 160 человек. Они занимают резервацию площадью 72 000 акров, примыкающую к резервации Куапавов на юге и западе. В соответствии с соглашениями, заключенными с этими племенами в 1832 году, они переселились на участок земли в пределах Канзаса, где они и оставались, пока с ними в 1867 году не был заключен договор, согласно которому они получили свою текущую резервацию. Эти индейцы вообще умны, хорошо развиты, цивилизованы, и, если судить по статистическим отчетам их агента, очень успешны в сельском хозяйстве, выращивают зерновые культуры, во вполне достаточном количестве для собственной поддержки. С пеори живут приблизительно сорок майями из Канзаса. У них есть одна действующая школа, обслуживающая 29 учеников.

Виандоты. Численность виандотов в настоящее время составляет 222 человека. Десять лет назад их было 435. Они занимают резервацию площадью 20 000 акров, находящуюся между резервациями сенека и шоуни. Это племя много лет располагалось на северо-западе Огайо,

откуда они были переселены в соответствии с условиями соглашения, заключенного с ними в 1842 году, на резервацию в Канзасе. В соответствии с соглашением, сделанным с ними в 1867 году, их существующая резервация была разделена между теми членами племени, которые желали сохранить племенную организацию, вместо того, чтобы стать гражданами США, как это было предусмотрено в соглашении от 1855 года. Они бедны и им не полагается никакой ренты, но благодаря небольшой силе характера, они делают небольшие успехи в индустрии и цивилизации. К ним в последнее время присоединились члены племени, которое, в соответствии с соглашением, приняли гражданство США. Они, желая возобновить их отношения с их людьми, были снова приняты в племя.

Поттаваттомы. Эти индейцы, которые прежде проживали в Мичигане и Индиане, откуда их переселили в Канзас перед тем как переселить дальше на Индейскую Территорию, составляют приблизительно 1600 человек. Они, согласно положениям соглашения от 1861 года, заключенного с племенем, проживающим тогда в Канзасе, стали гражданами Соединенных Штатов. По условиям указанного соглашения они получили распределение земли, и пропорционально - племенные фонды, за исключением их части определенных неприбыльных государственных акций на сумму 67 000$, сохраненных министром внутренних дел для поттаваттомом. Избавившись от их земель, они переселились на Индейскую Территорию, где получили резервацию в 30 квадратных миль, примыкающую к резервации Семинолов на западе. Они в соответствии с соглашением от 1867 года выбрали поддерживать их племенную организацию. Однако, правительство решило, что поскольку они все стали гражданами, то следовательно уже не было племени, которое могло бы предъявить права, согласно условиям соглашения на резервацию на Индейской Территории. 23 мая 1872 Конгресс одобрил на последней сессии, что этим гражданам поттаваттомам было позволено распределить земли в пределах участка резервации, первоначально предназначенного для их использования в качестве племени, вплоть до 160 акров каждому главе семьи, и каждому человеку, достигшему 21 года возраста, и 80 акров людям младшего возраста. Большая их часть, если не они все, могут сами о себе позаботиться; и многие из них - образованные, умные, и бережливые фермеры.

Абсенти Шоуни. Эти индейцы, 663 человека, отделились приблизительно тридцать лет назад от главного племени, затем расположились в Канзасе и поселились на Индейской Территории - преимущественно в рамках участка в 30 квадратных миль, прежде упомянутого в замечаниях о поттаваттомах, где они занимались фермерством и с тех пор поддерживали себя без какой-либо помощи со стороны правительства.

Саки и фоксы. Саки и фоксы Миссисипи в настоящее время составляют 463 человека. В 1846 их было 2478. У них есть резервация площадью 483 340 акров, примыкающая к резервации криков на западе, и находящаяся между Норз Форк Канады и Ред Форк рек Арканзаса. Прежде они занимали большие участки страны в Висконсине, Айове и Миссури, откуда их на основании соглашений переселили на резервацию в пределах существующего Канзаса. По условиям соглашений от 1859 и 1868 годов, все их земли в Канзасе были уступлены Соединенным Штатам, и им дали вместо этого их существующую резервацию. Эти индейцы, когда-то известные за их мастерством во время войны, в течение последних нескольких лет не сделали никакого заметного усовершенствование своего состояния. Тем не менее, они немногого достигли, при очень неблагоприятных обстоятельствах и влиянии. Они научились создавать небольшие фермы, строить здания, и начинают выказывать некоторое внимание по отношению к их женщинам, уменьшая их труд и прежде требуемую от них работу. Есть надежда на их дальнейшее

усовершенствование, хотя они все еще на одну ступень позади от индейцев Бланкет или Брич Клаут. У них есть действует одна школа, обслуживающая лишь приблизительно 12 учеников. 317 членов этих племен, после их переселения в Канзас, возвратились в Айову, где им разрешили остаться, и теперь, согласно закону от 2 марта 1867 года, они получают их часть племенных фондов. Они купили 419 акров земли в округе Тама, часть этой земли они обрабатывают. Эти индейцы не очень расположены к работе, однако на собственных землях предпочитают трудиться на белых фермеров по близости, и все еще очень охотно занимаются охотой и бродяжничеством.

Осаги. Осаги, численностью 3956 человек, родились в той части страны, где они теперь живут. Их резервация ограничивается на севере южной линией Канзаса, на востоке - девяносто шестым градусом западной долготы, на юге и западе - рекой Арканзас; площадь территории - приблизительно 1 760 000 акров. Они все еще занимаются охотой, буйвол является их главным источником пищи. Их богатство состоит из лошадей (которых им принадлежит не меньше 12 000), и рогатого скота.

Киовы, команчи и апачи. Эти племена, объединенные в конфедерацию по условиям соглашения, прежде занимали обширную территорию страны, находящейся между Рио-Гранде и Ред-Ривер. По наиболее точным подсчетам, их количество следующее: киовы - 1930 человек; команчи - 3180 человек; апачи - 380 человек. Они теперь располагаются на резервации, обеспеченной им соглашением от 1867 года, имеют 3 549 440 акров в юго-западной части Индейской Территории, на западе примыкающей к стране чикасава. Дикие и с тяжелым характером, эти индейцы, даже лучшие из них, показали лишь небольшие признаки усовершенствования в искусствах цивилизованной жизни; все взаимодействие правительства с ними к настоящему времени заключалось лишь в поставке им еды и одежды, в целях сохранения их на территории их резервации, и предотвращения совершения ими набегов в штат Техас, с гражданами которого они были много лет, перед текущими условиями их поддержания, в состоянии взаимной ненависти и вражды. Некоторые люди и группы стали тихими и миролюбивыми на территории их резервации, проявляя расположение изучить искусства жизни, участвовать в сельском хозяйстве, и обучать их детей письменности. Они проявляют все стимулы активно обрабатывать землю. К настоящему времени они культивируют лишь 100 акров, которые в прошлом году произвели хороший урожай зерна и картофеля. Богатство этих племен состоит из лошадей и мулов, которых им принадлежит, по сообщениям их агента, 16 500 голов - печально известно, что большая часть животных была украдена в Техасе.

Однако, одним словом, об этих индейцах можно сказать, что их цивилизация должна следовать за их подчинением правительству, и что первая потребность относительно них - это полезный пример, который должен вдохновить страх и повиновение власти. Пока что 4/5 людей этого племен по очереди совершают набеги в Техас, открыто и хвастливо приносят скальпы и останки в их резервацию. Попытки вдохновить высокие идеи социальной и индустриальной жизни среди общества, большей частью сформированного из налетчиков, по-видимому, приведет к неудаче.

Арапахо и южные шайенны. Эти племена являются родными для той части страны, которую они сейчас населяют. Число арапахо в настоящее время - 1500 человек, шайеннов - 2000 человек. В соответствии с соглашением от 1867 года, заключенным с этими индейцами, им была предоставлена большая резервация, ограниченная на севере Канзасом, на востоке - рекой Арканзас, на юге и западе - Ред Форк Арканзаса. Они, однако, упорно отказались оставаться на

этой резервации; и им правительственным распоряжением от 10 августа 1869 года был предоставлен другой участок, площадью в 4 011 500 акров, находящийся на севере и примыкающий к резервациям киова и команчей. По закону от 29 мая 1872 года, министр внутренних дел был уполномочен провести переговоры с этими индейцами относительно их отказа от земель, которые уступались им в упомянутом соглашении, чтобы дать им вместо этого "достаточное и постоянное местоположение" на землях, которые крики и семинолы уступили Соединенным Штатам в соглашениях, заключенных с ними в 1866 году. Курс этих переговоров показал, что указанные племена больше не должны занимать эту резервацию. Арапахо проявляют все увеличивающееся нежелание повторить судьбу шайеннов и жаждут собственной земли. Поскольку поведение арапахо хорошее и они очень решительно расположены делать индустриальные усовершенствования, то считается, что они должны теперь быть отделены от более неспокойных шайеннов, и им должно быть предоставлено место, где они могут реализовать свои лучшие намерения без прерывания, и без вредного влияния, имеющего тенденцию приводить их молодых людей к безумию. С этой целью был заключен контракт, уполномоченный Конгрессом, заключенный между специальным уполномоченным по делам индейцев и делегацией племени Арапахо, которая посетила Вашингтон в текущем сезоне (племенем полностью уполномочило делегацию на подобные действия). По этому соглашению арапахо отказались от всей своей резервации, предоставленной им в соответствии с соглашением от 1867 года, с учетом получения резервации, находящейся между Норс Форк реки Канадиан ривер и Ред Форк реки Арканзас, и простирающиеся от точки в десяти милях к востоку от 98 до 99 меридиана западной долготы. Если это регулирование вопроса, насколько в этом заинтересованы арапахо, будет одобрено Конгрессом, то тогда будут иметь место отдельные переговоры с шайеннами, в целях получения их отказа от резервации 1867 года, и их переселения на некоторые свободные земли трактате в той же самой общей части Индейской Территории.

Значительное число арапахо уже занято сельским хозяйством, хотя они находятся в тяжелых условиях; и когда должен быть улажен вопрос об их резервации, можно уверенно полагать, что все племя обратит внимание на культивирование почвы. В агентстве для их выгоды работают две школы, обслуживающие 35 учеников. Когда шайенны объединились в конфедерацию с арапахо, стали поступать менее благоприятны отчеты о прогрессе в промышленности, или в расположении улучшить их состояние. До 1867 года оба этих племени, вместе с киовами и команчами, были заняты военными действиями против белых поселенцев в Западном Канзасе; но со времени соглашения, заключенного с ними в том году, они, за исключением одной малочисленной группы шайеннов, остаются дружественными и не совершают грабежи.

Вичита и прочие. Вичита и другие связанные группы - кичи, вако, товоккары, каддо, ионы и делаверы, общей численностью в 1250 человек, разделяются приблизительно следующим образом: вичита - 299; кичи - 126; вако - 140; товоккары - 127; каддо - 392; ионы - 85; делаверы - 81. Эти индейцы, остатки некогда важных племен, первоначально происходят из Луизианы, Техаса, Канзаса и Индейской Территории. Их всех, за исключением вичита и делаверов, правительство удалило из Техаса в 1859 году в "арендованный район", который впоследствии принадлежал индейцам племени чокто и чикасавам, где они с тех пор проживали на участке на реке Уошито около старого форта Кобб. Они не имеют никаких отношений с правительством, и у них нет определенной резервации. Они всегда, или, по крайней мере, много лет, дружили с белыми, хотя и были в близком и постоянном контакте с киовами и команчами. Некоторые из

них, в основном - кадды и делаверы, заняты сельским хозяйством, и очень трудолюбивы. Из других индейцев в этом агентстве, некоторые выращивают зерно и овощи на небольших участках земли; эту работу делают, главным образом, женщины; но большинство очень хотело бы жить за счет правительства. Каддо считаются среди лучших индейцев континента, и их ставят в пример другим племенам, и они достойный этого. По телосложению, и в достоинствах целомудрия, умеренности и промышленности, они находятся на уровне со многими сообществами белых.

Для индейцев этого агентства должна быть выделена постоянная резервация; с надлежащей помощью они, несомненно, через несколько лет станут способными к полному само поддержанию. Лишь одна школа действует и обслуживает 18 учеников. Эти индейцы не получают рент; но в течение нескольких лет им выделялось ежегодное ассигнование в 50 000$, их выгоды. Эти деньги расходуются на товары и сельскохозяйственные орудия, и для помощи и обучению сельскому хозяйству и т.д.

ДАКОТА, МОНТАНА, ВАЙОМИНГ И АЙДАХО.

Племена, проживающие в Дакоте, Монтане, Вайоминге и Айдахо, делятся следующим образом: в Дакоте - приблизительно 28 000 человек; в Монтане - 30 000; в Вайоминге - 2000; и в Айдахо - 5000. Текущее временное местоположение агентства Ред Клауд, однако, привело на территорию Вайоминга группу индейцев от 8000 до 9000 человек, которые обычно считались как уроженцы Дакоты.

ДАКОТА.

Индейцы на территории Дакоты - сиу, понка и арикари, грос-вентры, и манданы. * * *

Арикари, грос-вентры и манданы. Эти племена, численность в 2200 человек, были помещены на отдельную резервацию правительственным распоряжением от 12 апреля 1870 года, включающую 8 640 000 акров, расположенную в северо-западной части Дакоты и восточной части Монтаны, простирающуюся на реки Йеллоустон и Паудер. У них нет никаких соглашений с правительством, они сейчас и всегда были дружественными по отношению к белым, исключительно в положительном смысле известны офицерам армии и жителям пограничной полосы как "хорошие индейцы"; они в некоторой степени заняты сельским хозяйством. Вследствие краткости сельскохозяйственного сезона, суровости климата и периодических разрушительных нашествий саранчи, их усилия в этом направлении, хотя и совершаемые с терпением и настойчивостью, не типичными для индейского характера, были переменчивыми и часто - печальными; время от времени было необходимо снабжать их пропитанием, чтобы предотвратить голод. Они - традиционные враги сиу; и мелкие войны шли между ними на территории агентств сиу на Гранд Ривер и шайеннов - в то время как большинство потерь в этих войнах ограничивается лишь самими индейцами, удивительно мало жизней потеряно в этих конфликтах, но сама война нарушает состояние этих агентств, и задерживает развитие всех участвующих сторон. Эти индейцы должны быть перемещены в Индейскую Территорию, к югу от Канзаса, где мягкость климата и богатство почвы воздали бы должное их рабочим силам, и где, при их готовности работать и при их послушании, и под контролем правительства, они бы через несколько лет стали совершенно независимыми. Вопрос об их переселении был представлен им, и они, кажется, одобряют проект, но выразили желание послать делегацию их вождей на Индейскую Территорию, с целью разведки состояния будущего местоположения. Их желания в этом отношении нужно как можно скорее исполнить в следующий сезон, чтобы их удаление и

расселение на новом месте могли бы быть произведены во время следующего года. Несмотря на их готовность трудиться, они показали лишь немного интереса к образованию. Конгресс ежегодно выделяет 75 000$ на товары и их обучение сельскохозяйственным и механическим искусствам, на зарплаты служащим, на образование их детей и т.д.

МОНТАНА.

Индейские племена, проживающие в пределах Монтаны - это индейцы племени блекфит, блады, пиганы, грос вентры прерий, ассинабоины, янктоны, Санти и так называемые "тетонские сиу", часть северных арапахо и шайенов, ривер кроу, маунтаин кроу, флатхеды, пенд-о-реилли и эутенейсы, немного шошонов, банноки и шипитеры, составляющие в совокупности приблизительно 32 412 человек. Они все, или почти все - уроженцы тех областей, где они сейчас живут.

Следующие цифры покажут популяцию каждого из этих племен, так точно, насколько это тогда могло быть посчитано:

Блекфиты, блады и пиганы.....7600

Ассиуабоны..... 4790

Грос-вентры..... 1100

Санти, танктоны, ункпапы и кетхед-сиу в агентстве на реке Милк Ривер..... 2628

Ривер кроус..... 1240

Муантаин кроус..... 2700

Флатхеды..... 460

Пенд-о-реилли 1000

Кутойи..... 820

Шошоны, банноки и шипитеры..... 877

Хавинг-сиу, обычно называемые "тетонские сиу", включая тех, которые собрались в 1872 году около форта Пек (примерная оценка)..... 8000

Предполагаемое общее количество..... 80 112

Численность северных шайеннов и арапахо, бродящих по Монтане, которые, считается, сотрудничали с сиу под началом Сидящего Быка в их ограблениях - не известна. Но, вероятно, их меньше 1000 человек.

Блекфиты, блады и пиганы (расположенные в агентстве блекфитов на реке Тетон, приблизительно в 75 милях от Форт-Бентона), грос-вентры, ассинабойны, ривер кроу, приблизительно 1000 северных арапахо и шайеннов, и санти и янктонские сиу (расположенные в агентстве Милк Ривер на реке Милк Ривер, приблизительно в ста милях от ее основания), занимают совместно резервацию в крайне северной части Территории, выделенную соглашениями (но не ратифицированными) от 1868 года, заключенными с большинством из этих племен. Площадь этой резервации - приблизительно 17 408 000 акров. Блекфиты, блады и пиганы, особенно последнее племя, все время были заняты, кроме последних двух лет, набегами

на белых поселенцев. Индейцы в агентстве на реке Милк Ривер, за исключением Сиу, в течение нескольких лет были тихие и миролюбивые. Сиу в этом агентстве, или - большинство из них, принимали участие во вспышке в Миннесоте в 1862 году. При подавлении военных действий они сбежали к северную часть Дакоты, где они продолжали бродить, пока осенью 1871 они не пришли на свое текущее местонахождение с общим намерением здесь остаться. Хотя они были в течение многих лет в состоянии войны с индейцами агентства Милк Ривер, все же, с помощью разумного управления со стороны агента правительства, и благодаря усилиям некоторых из самых влиятельных вождей, прежняя вражда и трудности были улажены мирным путем; и все стороны оставались дружелюбными по отношению друг к другу в течение последнего года. Индейцы ни в агентствах Блекфит, ни в Милк Ривер не выказывают никакого расположения заняться сельским хозяйством; и при этом они к настоящему времени не проявили желания образовывать их детей. Они полностью полагаются на охоту и на щедрость правительства в качестве средств существования. Однако, они вполне тщательно уважают свое обязательство сохранять мир; и последнее время не было никаких значительных трудностей поддерживать среди них порядок, и не ожидается. Блекфитам, бладам и пиганам ежегодно для их выгоды выделяется ассигнование в 50 000$; ассинабоинам - 30 000$; грос вентрам прерий - 35 000$; ривер кроу - 30 000$. Эти средства используются для снабжения соответствующих племен товарами и пропитанием, и вообще для любых других целей, которые могут считаться необходимыми, чтобы сохранять этих индейцев в покое.

Маунтаин кроус. Эти индейцы владеют резервацией в 6 272 000 акров, лежащей в южной части Территории, между рекой Йеллоустон и северной линией территории Вайоминга. Они всегда были дружественными по отношению к белым, но являются матерыми врагами сиу, с которыми ведут войны в течение многих лет. В соответствии с соглашением от 1868 года, по условиям которого их текущая резервация была выделена им для заселения - они свободно снабжаются товарами, одеждой и пропитанием. Но лишь немногие из них заняты сельским хозяйством; основная часть полагается на охоту и поставки провизии от правительства.

У них действует одна школа, в которой учится, однако, лишь только 9 учеников. В соответствии с соглашением от 7 мая 1868 года, индейцы должны получать ограниченное число лет следующие ренты и прочие выгоды, а именно: в одежды и товаров - на 22 723$ (двадцать шесть отдельных платежей); полезные предметы - 25 000$ (шесть платежей); пропитание - 131 400$ (один платеж). Правительство назначит им в помощь кузнецов, учителей, врачей, плотников, мельников, инженеров и фермеров, затраты на которых составят 11 600$.

Флатхеды и прочие. Флатхеды, пенд-о-реилли и эутенеи владеют резервацией в 1 433 600 акров в долине Джоко, расположенной в северо-западной части Территории, и обеспеченной им соглашением от 1855 года. Это соглашение также предусмотрело резервации в долине Биттеррут, если президент Соединенных Штатов посчитает установить выделить эту резервацию для их использования. Флатхеды остались в вышеупомянутой долине; но согласно положений закона от 5 июня 1872, предпринимаются шаги для переселения их в резервацию Джоко. Многие из этих индейцев заняты сельским хозяйством; но поскольку они получают лишь немного помощи со стороны правительства, их продвижение в этом направлении очень медленное. У них действует одна школа, обслуживающая 27 учеников.

Шошоны и прочие. Шошоны, банноки, и шипитеры в настоящее время располагаются приблизительно в двадцати милях выше устья Леми Форк реки Салмон Ривер около западной

границы Территории. Они показали большой интерес к сельскому хозяйству, и многие из них - довольно успешные фермеры. Им не выделяли отдельной резервации - ни по соглашению, ни по правительственному распоряжению. Они настолько малочисленны, что, вероятно, было бы лучше всего вместо того, чтобы предоставлять им отдельную резервацию - переселить их с их согласия в резервацию Форт Холл в Айдахо, где живут их братья. У них нет действующих школ. Ежегодно этим индейцам выделяются 25 000$ на покупку одежды, пропитания, сельскохозяйственных орудий и т.д.

ВАЙОМИНГ.

Индейцы на этой территории, за исключением сиу и северных арапахо и шайенов, упомянутых в главах о Дакоте и Монтане, являются восточной группой шошонов, численностью приблизительно 1000 человек. Шошоны - уроженцы этой страны. Их резервация находится в долине Винд Ривер, ее площадь - 2 688 000 акров. Она была выделена им согласно соглашения 1868 года.

Но лишь небольшое продвижение к цивилизации было сделано этими индейцами - все из-за их нерасположенности трудиться рад собственного блага, и из-за непрерывных вторжений в их страну сиу, северных арапахо и шайеннов, с которыми они много лет были в состоянии войны. Потери, понесенные вследствие этих вторжений, и страха, который они вызывают, сделали шошонов нерешительными и не желающими постоянно оставаться на резервации. Поэтому они проводят большую часть года скитаясь и охотясь, в то время, как они должны работать, обрабатывая почву и улучшая собственные земли. В агентстве есть одна школа, обслуживающая десяти учеников. Во главе школы в качестве учителя стоит епископальный миссионер.

АЙДАХО.

Индейские племена в Айдахо - нез персе, бойсе и шошоны бруно, банноки, кер-д'альфены, и споканы, с несколькими другими малочисленными племенами, составляющие в совокупности приблизительно 5800 душ. * * *

Шошоны и банноки. Эти индейцы, количеством в 1037 (представителей первого племени - 516, второго - 521) занимают резервацию в юго-восточной части Территории, около Форта Холла, прежде бывшего военного поста. Это резервация было выделена соглашением 1868 года и правительственным распоряжением от 30 июля 1869 года, и содержит 1 568 000 акров земель. У шошонов по поводу этой резервации с правительством нет никакого соглашения. Обе группы вообще тихие и миролюбивые, и если и приносят проблемы, то - небольшие; но они не расположены заниматься сельским хозяйством, и, с некоторой помощью со стороны правительства, зависят от охоты и лова рыбы для пропитания. На их резервации не действует никаких школ.

Кер-д'альфены и прочие. Кер-д'альфены, споканы, куренайи, и пенд--д'ореиллы, численностью 2000 человек, не имеют никаких соглашений с Соединенными Штатами, но имеют резервацию в 256 000 акров, выделенных им правительственным распоряжением от 14 июня 1867 года под заселение. Эта территория лежит в 30-40 милях к северу от резервации нез персе. Они являются миролюбивыми, им не платят никаких рент, они не получают помощи со стороны правительства, и совершенно полностью сами себя поддерживают. Эти индейцы никогда не собирались на резервации, и не были под непосредственным наблюдением агента. Пока их страна остается незанятой, и не пользуется большим спросом под заселение белыми, едва ли будет желательно

переселять этих людей; но строительство Северной тихоокеанской железной дороги, которая, вероятно, будет проходить через или около их региона, может сделать такое перемещение целесообразным, чтобы сконцентрировать их. В настоящее время они в значительной степени находятся под влиянием католических миссионеров миссии Кер-д'Альфен.

КОЛОРАДО, НЬЮ-МЕКСИКО, ЮТА, АРИЗОНА, И НЕВАДА.

Племена, проживающие в Колорадо, Нью-Мексико, Юте, Аризоне, и Неваде, делятся следующим образом: Колорадо - приблизительно 3800 человек; Нью-Мексико - 19 000; Юта - 10 000; Аризона - 25 000; Невада - 13 000.

КОЛОРАДО.

Индейцы, проживающие на территории Колорадо - это группа табекуаче племени ютов в агентстве Лос Пинос, численностью в 3000 человек, и ямпа из Гранд Ривер, и группы уинта агентства Уайт-Ривер, численностью 800 человек. Они - уроженцы той местности, которую они сейчас населяют, они имеют резервацию площадью 14 784 000 акров в западной части Территории, выделенную им под заселение в соответствии с соглашением, заключенным с ними в 1868 году. Эти два вышеназванные агентства установлены на территории этой резервации. Агентство Уайт-Ривер находится в северной части, на одноименной реке, а второе агентство находится в юго-восточной части. Это резервация намного больше, чем это необходимо для такого количества индейцев, живущих на этой территории; и поскольку в южной части этой резервации были найдены залежи золота и серебра, и построены рудники, за этим последовал неизбежный поток геологов и шахтеров. Конгрессом, законом от 23 апреля 1872 года, уполномочил министра внутренних дел вступить в переговоры с ютами для аннулирования их права на южную часть резервации.

Некоторые эти индейцы, которые отказались удаляться и остались на резервации, все еще бродят в восточной части территории, часто посещая Денвер и окрестности, и вызывая некоторое раздражение у поселенцев своим присутствием, но индейцы не совершают при этом насильственных действий или обширных ограблений. Индейцы Колорадо к настоящему времени показали лишь немного интереса к преследованию цивилизованной жизни или образованию своих детей. В Северном агентстве и агентстве Уайт-Ривер действует школа, обслуживающая сорок учеников. Также делаются шаги, направленные на открытие школы на юге, или в агентстве Лос Пинос.

НЬЮ-МЕКСИКО.

Племенами, проживающими и бродящими в пределах Нью-Мексико, являются навахо; группы мескалеро, хила и джикарилла племени апачей; группы муаче, капоте вииминуче ютов; и индейцы пуебло.

Навахо. Навахо сейчас составляют 9114 человек, за последний год увеличились на 880 человек. Руководитель Поуп полагает, что это увеличение происходит главным образом из-за возвращения в течение этого года тех, кто удерживался в плену мексиканцами. Они имеют резервацию площадью 8 328 000 акров в северо-западной части Нью-Мексико и северо-восточной части Аризоны, выделенную им в соответствии с соглашением 1868 года. Эти индейцы - уроженцы той части страны, где они теперь располагаются. До 1864 года не менее семи соглашений были сделаны с этими племенами, и эти соглашения последовательно нарушались

самими индейцами еще до того момента, с одним лишь исключением, прежде чем Сенат мог принять меры по вопросу об их ратификации. В 1864 году навахо были взяты в плен вооруженными силами США, и доставлены на резервацию Редондо, которая была выделена для апачей мескалеро, и где они какое-то время содержались как военнопленные, а затем были переданы на попечение этого департамента. После того, как в 1868 был заключен договор, они были удалены на их текущее местонахождение, где они, как племя, оставались тихими и миролюбивыми. Многие из них занятый сельским хозяйством и разведением овец и коз, коих у них имеются многочисленные стада (130 000 голов), которые снабжают их не только с пропитанием, но также и материалом, с помощью которого они производят знаменитое, и несравненное по теплоте и прочности одеяло навахо. У них также есть 10 000 лошадей. Эти индейцы трудолюбивы, хорошо ухаживают за зерновыми культурами, и даже сеют второй урожай, когда первый, как это часто происходит, уничтожается засухой или морозом. На территории резервации действует одна школа, обслуживающая сорок учеников.

Апачи мескалеро. Эти индейцы, численностью приблизительно 830 человек, в настоящее время располагаются не на отдельной выделенной им резервации около форта Стантон, на восточной части территории, но распределяются по южной области этого района. До 1864 года они располагались на резервации Редондо Боск, где они были тихими и миролюбивыми, пока на это место не переселили навахо. Будучи неспособными жить в гармонии с вновь прибывшими индейцами, они сбежали с резервации, и до совсем недавнего времени были более или менее враждебными. Сейчас они живут в мире с белыми, и ведут себя в известной мере хорошо. У них нет школ, они очевидно не заботятся об образовании собственных детей, и совсем не занимаются сельским хозяйством, или каким-либо другим преследованием индустриального характера.

У этих индейцев нет заключенных соглашений с Соединенными Штатами; и при этом они не получают рент. Они, однако, частично поддерживаются правительством, и снабжаются ограниченным количеством одежды, когда это необходимо. В дополнение к мескалеро, агент Кертис сообщает, что на территории его агентства поселились другие индейцы по имени агуа нуэво, численностью 440 человек; липаны (вероятно - из Техаса) - 350 человек; южные апачи - 310 человек, чей дом, без сомнения, находится на резервации Тулароса. Агент отмечает, что эти индейцы пришли на его территорию из страны команчей в различное время в течение прошлого года.

Апачи хила (иногда называемые "южными"). Это племя составлено из двух групп - мимбры и моголлоны, численностью приблизительно 1200 человек. Они воинственны, и в течение многих лет были недружелюбны к правительству. Граждане южного Нью-Мексико, долго страдая от их грабительских действий, громко потребовали, чтобы они были переселены. Чтобы выполнить желание людей, а также - предотвратить серьезные проблемы и, возможно - войну, уже год или два как было решено предоставить этим индейцам резервацию, отдаленную от их старого дома, и там их поселить. В этих целях, значительное их количество было собрано в начале прошлого года в Канада Аламоза. Впоследствии, правительственным распоряжением от 9 ноября 1871 года, для них с других бродячих групп апачей, была выделена отдельная резервация в долине Тулароза, в которую, согласно отчетам, в течение текущего года войсками Соединенных Штатов были переселены 450 человек. Эти индейцы, хотя и переселенные против их желания, были сначала довольны переменами, но после небольшого опыта проживания в их новом доме, они стали неудовлетворенными; и значительная их часть покинула резервацию и пошла бродить по окрестностям, игнорируя установленную систему пропусков. Они сильно настроены против этого

местоположения, находя его нездоровым, климат - суровым, а воду - плохой. В этих жалобах, несомненно, есть много правды. Они просят, чтобы их забрали обратно в Канада Аламоза, в их дом, обещая быть там мирными и тихими. Конечно, что касается образования и привычки к труду, в их адрес нельзя сказать ничего положительного. Те из этих индейцев, которые остались на территории резервации, питаются за счет правительства. У них нет никаких соглашений с Соединенными Штатами; и при этом они не получают никаких рент.

Апачи джикарилла. Эти индейцы, численностью приблизительно 850 человек, в течение нескольких лет располагались вместе с ютами муаче (приблизительно - 650 человек) в агентстве Симаррона, в местности под названием "Максвелсм Грант" в северо-восточном Нью-Мексико. У них нет никаких соглашений с правительством.

Также им не выделено никаких резерваций. Несколько лет назад были приложены усилия, чтобы переселить их вместе с упомянутыми ютами на большую резервацию Юта в Колорадо, но - безуспешно. Деятельность агентства Симаррона, однако, была в последнее время прекращена; и эти апачи, если это может быть произведено без фактического конфликта, будут переселены в агентство Мескалеро в форте Стантон. Четыреста апачей тикарилла по сообщениям находятся в агентстве Тьерра Амарилла.

Группы муачо, виииминуче и капоте, племени ютов. Группа муачо составляет приблизительно 650 человек, живущих в агентстве Симаррона, две другие группы, численностью 870 человек, живут в агентстве Эбикью. Они все являются сторонами соглашения, заключенного с несколькими группами ютов в 1868 году. Было желаемо, чтобы этих индейцев переселили в соответствующие резервации в Колорадо; но до настоящего времени все усилия с этой целью оказались бесполезными. Прекращение деятельности агентства Симаррона может заставить муаче переселиться либо на указанную резервацию, либо в агентство Эбикью, расположенное теперь в Тьерре Амарийи, в северо-западной части территории. Эти три группы вообще были миролюбивы и дружелюбны по отношению к белым. Однако недавно, некоторые из них начали создавать проблемы; но от них не ожидается никаких серьезных трудностей. Ни одна из этих групп не кажется склонной работать ради собственного пропитания, предпочитая жить охотой и полагаясь на щедрость правительства; при этом они не показывают склонности и не желают обучать их детей, и преподавать им привычки и обычаи цивилизованной жизни. Отказываясь удалиться и постоянно переселиться на резервацию, выделенную для Ютов в Колорадо, они не получают ни рент, ни каких-либо выгод, обеспеченных в соглашениях 1863 и 1868 годов, заключенных с несколькими группами индейцев юта, упомянутых в главе о Колорадо."

Пуебло. Индейцы пуебло, названные так потому, что они живут в деревнях, составляют 7683 человека. Они владеют 439 664 акрами земли, обеспеченной им законом Конгресса от 22 декабря 1858 года, а также одобренными требованиями старых испанских договоренностей. Они не имеют никаких соглашений с Соединенными Штатами, и получают только небольшую помощь от правительства. В течение прошлых двух лет были приложены усилия, и все еще прилагаются, чтобы обеспечить учреждение школ во всех деревнях пуебло, чтобы обучить их детей английскому языку. Сейчас для их выгоды действуют пять таких школ.

История пуебло - интересная. Они являются остатками некогда влиятельных людей, и в привычках и способе жизни все еще ясно отличаются от всех других аборигенов континента. Испанские захватчики нашли их живущими в городах. Они так и описываются испанскими историками 1540 года. Они рано восстали, хотя и безуспешно, против испанского ига; и в борьбе

многие из их городов были сожжены, много жизней - потеряны, много собственности - уничтожено. Однако, кажется, что в дополнение к сельским жителям, были и другие, живущие тогда рассеянно, которых тогда отнесли к пуебло и сделали предметом декрета Чарльза V, короля Испании в 1546 году, указывающего конвертировать индейцев в католическую веру. При испанском правительстве, в деревнях были установлены школы; людям была введена и внушена христианская религия, полностью защищались права собственности. Всеми этими средствами была обеспечена высокая степень цивилизации, которая поддерживалась до окончания учреждения мексиканской независимости; тогда, от нехватки правительственной заботы и поддержки, случился распад, и состояние пуебло значительно ухудшилось вплоть до того момента, когда на этой территории была установлена власть Соединенных Штатов. И, тем не менее, они - замечательные люди, известные своей умеренностью, предприимчивостью и послушанием. У них не так много потребностей, они имеют простые привычки жизни и морали. Их, в действительности, едва ли можно считать "индейцами", в традиционном смысле этого слова, и если не обращать внимания на их место жительства на резервации, обеспеченное этим группам древними испанскими грантами, и их длительной племенной организацией, их можно было бы расценивать как часть обычного населения страны. Сейчас в Нью-Мексико есть 19 деревень этих индейцев. У каждой деревни есть регион и организованное правительство со своим губернатором и другими чиновниками, все из которых ежегодно избираются людьми, кроме вождя, своего рода - первосвященника, который занимает свой пост пожизненно. Хотя номинально они по религии - католики, считается, что их реальные верования - такие же, как у их предков во времена Монтесумы.

ЮТА.

Племена, проживающие полностью или частично на территории Юты, являются северо-западными, западным и, так называемыми, "гошип" группами шошонов; группами вебер, ямпа, элк маунтаин и уинта племени ютов; тимпанаго, санпитчи, павенты, пиды и шеберечи - все, за исключением шошонов, говорят на языке ютов, и являются уроженцами этой местности.

Северо-западные, западные и ушипские группы племени шошонов. Эти три группы шошонов, общей численностью приблизительно 3000 человек, заключили соглашения с правительством в 1863 году. Согласно этим соглашениям, этим группам не было выделено никаких отдельных резерваций, единственное условие для их выгоды - это соглашение со стороны Соединенных Штатов снабжать их товарами - в ограниченном количестве и ограниченный срок. Товары должны были соответствовать их потребностям как охотников и пастухов. Не имея резервации, лишь немного может быть сделано для их совершенствования. Они живут в северо-западной Юте и северо-восточной Неваде, и обычно склонны быть трудолюбивыми. Многие из них получают средства к существованию, работая на белых поселенцев, в то время как другие обрабатывают маленькие участки земли, самостоятельно выращивая различные товары.

Юты вебера, численностью приблизительно 300 человек, живут около Солт-Лейк-Сити, и существуют охотой, ловлей рыбы и попрошайничеством. Тимпанаго, численностью приблизительно 500 человек, живут к югу от Солт-Лейк-Сити, питаясь охотой и ловлей рыбы. Санпитчи, численностью приблизительно 300 человек, за исключением некоторых, ушедших в резервацию долины Уинта, живут в местности к югу и к востоку от Тимпанаго, и существуют охотой и ловлей рыбы. Павенты, численностью приблизительно 1200 человек, занимают территорию к югу от гошипов, обрабатывают маленькие участки земли, но живут

преимущественно охотой и ловлей рыбы. Юты тампы, пидесы, пиуты, юты элк маунтаин и шеберечеры живут в восточных и южных частях Территории. По наиболее точным оценкам, их численность составляет 5200 человек. Они не обрабатывают почву, но существуют охотой и ловлей рыбы, и, время от времени, совершают небольшие набеги на белых поселенцев, без тяжких преступлений. Они являются воинственными и имеют привычки мигрировать, продолжая мелкие войны с южными индейцами. У этих групп ютов нет никаких соглашений с Соединенными Штатами: они не получают рент, и имеют очень малую поддержку со стороны правительства.

Юты уинта, численностью 800 человек, проживают сейчас на резервации площадью 2 039 040 акров в долине Уинта, в северо-восточном углу Территории. Земля была выделена для заселения индейцами в штате Юте правительственным распоряжением от 3 октября 1861 года, и законом конгресса от 5 мая 1864 года. Это резервация включает часть лучшей земли для сельскохозяйственных целей в Юте, и ее достаточно, поддерживать всех индейцев на Территории. Некоторые из поселенных здесь индейцев, изъявляют желание участвовать в сельском хозяйстве, хотя большинство из них все равно предпочитает охоту труду. Пока еще никакие шаги не предпринимались для открытия на территории резервации школы. У ютов уинта нет никаких соглашений с Соединенными Штатами; но им с 1863 года ежегодно выделяется приблизительно 10 000$ на цели цивилизации и их усовершенствования.

АРИЗОНА.

Племена, проживающие на территории Аризоны: пима и марикопы, папаго, могавы, моки, и орива пуеблос, юмы, явапаи, хулапаи и различные группы апачей. Все они являются родными для занимаемых ими районов.

Пима и марикопа. Эти племена в прошлом были "деревенскими" индейцами пуебло, численностью 4342 человек. Они занимают резервацию в 64 000 акров, выделенную для них согласно закона от 28 февраля 1859 года, и располагаются в центральной части Территории, на реке Хила. Они сейчас и всегда до этого были мирные и лояльные к правительству; они значительно продвигаются и уже имеют грубую форму цивилизации. Они трудолюбивы, работают вполне успешно, и всякий раз, когда состояния почвы и климата благоприятны, результаты их сельскохозяйственных трудов позволяют им почти полностью поддерживать себя. Однако, отношения этих групп с соседними белыми, очень неблагоприятны для их интересов; и положение дел быстро ухудшается. Трудность проистекает из факта использования, и, вероятно, непредусмотрительного использования белыми, располагающимися территориально выше их, воды реки Хилы, вследствие чего они лишаются возможности орошать собственные земли. В связи с этим возникает значительная неудовлетворенность, в результате которой многие из индейцев покинули резервацию и пошли в долину реки Солт Ривер, где они зарабатывают на жизнь, обрабатывая почву, но уже не вступая в конфликты с белыми поселенцами.

Пима и марикопа очень заинтересованы в образовании их детей. На территории резервации действуют две школы, обслуживающие 105 учеников. Эти племена не имеют никаких соглашений с Соединенными Штатами, и получают совсем мало помощи со стороны правительства.

Папаго. Эти индейцы, числом приблизительно 5000 человек, имеют, в некотором отношении, такой же класс, как и пуебло в Нью-Мексико - они живут в деревнях, обрабатывая почву, и выращивая урожай для пропитания себя. Они не имеют резервации, выделенной им отдельно, но они населяют юго-восточную часть Территории. Многие из них приняли христианство; они

обычно ведут себя хорошо, являются тихими и миролюбивыми. Они проявляют сильное желание обучать собственных детей; и с этой целью правительство предприняло определенные шаги. У этих индейцев нет никаких соглашений с государством Соединенных Штатов, и они не получают помощи со стороны правительства. Целесообразность назначения индейцам папаго резервации, и концентрации их там, где они могут быть под непосредственной опекой и контролем правительства, рассматривается департаментом. И кажется нет никакой причины сомневаться в том, что если это будет сделано, и если им дадут орудия труда и запасы, они в скором времени станут не только самоподдерживающимися, но и - богатыми.

Могавы. Эти индейцы имеют резервацию площадью 75 000 акров, расположенных на реке Колорадо, и выделенную им и другим племенам указанной реки согласно закону от 3 марта 1865 года. Число могавов - приблизительно 4000, из которых только 828 человек находятся на территории резервации. Остальные или бродят, или питаются на других резервациях на Территории. С большими тратами для них был проведен оросительный канал; но сельскохозяйственная деятельность пока еще не оказалась очень успешной. Однако, индейцы обрабатывают более 1100 акров земли. Выращиваемые культуры - зерно, дыни и тыквы. Эти индейцы показывают только небольшое продвижение к цивилизации. Родители возражают против образования их детей, на территории резервации нет школ, поскольку они могли бы быть построены только в случае системы обязательного образования. У могавов нет никаких соглашений с Соединенными Штатами; но они дотируются лишь частично, им в значительной степени помогают в делах сельского хозяйства из общего фонда Территории.

Юмы. Эти индейцы, числом, вероятно, 2000 человек, населяют страну около устья реки Колорадо, но принадлежат резервации, занимаемой могавами. Однако, они отказываются удаляться на резервацию, и получить скудное пропитание путем фермерства и рубки леса для сплава его по реке пароходами. Многие из них остаются около города Аризона, выполняя чернорабочие услуги для белых, и удовлетворяя свою неисправимую страсть к азартной игре. Они не имеют никаких соглашений с Соединенными Штатами, и получают лишь немного помощи со стороны правительства.

Хулапаи. Эти индейцы, численностью приблизительно 1500 человек, населяют местность около реки Колорадо, к северу от могавов, располагаясь на значительное расстояние вглубь страны. Они были и все еще более или менее являются враждебными. Те из них, которые тихие и миролюбивые, вместе с членами других групп индейцев, содержатся правительством в лагерях Макдауэлл, Битс Спринг и Дейт Крик.

Явапаи и апачи. Этих индейцев по оценкам от 8000 до 12 000 человек, причем меньшее количество является более вероятным.

Они располагаются в центральных, северных и восточных частях Территории. Большинство из них долгое время были враждебными к правительству, совершая многочисленные грабежи и убийства. В прошлом году были приложены серьезные усилия, чтобы поселить их на резервациях, три из которых (лагерь Апач, лагерь Грант, и лагерь Верде) были выделены для их поселения правительственным распоряжением от 9 ноября 1871 года. Эти усилия, однако, не завершились очень успешно; индейцы, иногда набегали в резервации в больших количествах, но и уходили без разрешения, вели себя вызывающе и всякий раз, когда хотели, часто возобновляли грабежи еще до того, как исчерпаются запасы, поставленные им правительством. Многие из групп этого племени (если это можно назвать племенем, так как привычки, физическая структура

и язык - все указывает на большое разнообразие в происхождении среди этих нескольких групп) на вид неисправимы, и едва ли могут быть принуждены прекратить их грабежи и резню, кроме как за счет применения военной силы.

НЕВАДА.

Племена, проживающие в Неваде: паюты, пиуты, вашо, шошоны и банноки. Они уроженцы населяемых ими земель.

Паюты. Эти индейцы, числом приблизительно 6000, населяют западную часть штата. Им было выделено две резервации - одна на реке Уокер Ривер, другая - на озере Пирамид Лейк. Площадь каждой резервации - 320 000 акров. Эти индейцы тихие и дружелюбные по отношению к белым, очень бедные и живут в основном рыбалкой, охотой, сбором семян и орехов, и такой помощью, которую правительство время от времени им оказывает. Они показывают значительное расположение к труду. Люди на территории резервации Уокер Ривер, обрабатывают маленькие участки земли. Резервация Пирамид Лейк предоставляет, кроме этого, превосходную возможность для рыбалки, а окружающие поселения имеют рынки для сбыта продукции и получения даже излишков того, что требуется индейцам для их собственного потребления. Для этих индейцев не было построено ни одной школы. Они не имеют никаких соглашений с правительством, и не получают рент.

Пиуты. Пиутов примерно 2500 человек, они населяют юго-восточную часть штата. У них нет собственной отдельной резервации; также нет никаких соглашений с Соединенными Штатами. Они бродят по территории по собственному желанию, испытывают значительные лишения, и живут преимущественно воровством у белых, хотя несколько из них скромно заняты сельским хозяйством. Но правительство может сделать для них лишь очень немного в их существующем бродячем состоянии. Они должны быть переселены на одну из резерваций, выделенных индейцам в Неваде, или на резервацию Уинта в Юте, где они могли получить подходящую заботу и надлежащие инструкции в искусствах цивилизованной жизни.

Вашо. Эти индейцы, численностью приблизительно 500 человек, являются бедными, несчастными и распущенными людьми, и проводят большую часть времени среди белых поселений, где они получают немного еды и одежды за чернорабочие услуги. У них нет никакой резервации и никаких соглашений, за ними не закреплено ни одного агента правительства; пороки и болезни быстро убивают их.

Шошоны. Шошоны - это часть северо-западных, западных, и так называемых "гошип" групп, упомянутых в главе о ютах. Те, которые бродяжничают или проживают в восточной части Невады, составляют приблизительно 2000 человек. Замечания, сделанные по поводу их братьев в Юте, будут одинаково относиться и к ним.

Банноки. Банноки, бродящие по северо-восточной части государства, составляют, вероятно, 1500 человек, и являются несомненно частью племени, располагающегося в восточном Орегоне и южном Айдахо. Они не имеют никаких соглашений с правительством, у них нет отдельных резерваций, за ними не закреплен агента Соединенных Штатов. Их нужно, если возможно, расположить на резервации Форт Холл в Айдахо, где некоторые шаги могли бы быть сделаны, чтобы продвинуть их к цивилизации.

ТИХООКЕАНСКИЙ СКЛОН.

Индейцы на Тихоокеанском склоне делятся следующим образом: на вашингтонской Территории - приблизительно 14 000 человек; в Орегоне - 12 000; в Калифорнии - 22 000.

ВАШИНГТОНСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ.

Племена, проживающие на вашингтонской Территории: нискуали, пуйаллапы, и другие федеральные племена; д'вамиши и другие союзнические группы; макахи, с'клалламы, куинаэлты и куиллеуты, такамы, чехали и другие союзнические племена, колвилли, споканы, кур-д'альфены, оканаганы и другие.

Нискуали, пуйаллапы и другие. У этих индейцев, числом приблизительно 1200 человек, есть три резервации, площадью, согласно соглашения 1854 года, 26 776 акров, расположенных на реках Нискуалли и Пуйаллапа, и на острове в Пьюджет-Саунд. Некоторые из этих индейцев заняты сельским хозяйством, выращивают много пшеницы, картофеля и других овощей. Многие нанимаются на близлежащие фермы; в то время как другие - все еще праздные и беспомощные, проводят их время, блуждая с места на место. На резервации Пуйаллапа действует одна школа, обслуживающая одиннадцать учеников.

Д'вамиши и другие. Д'вамиши и другие союзнические племена, численностью 3600 человек, имеют пять резерваций, площадью 41 716 акров, выделенных им соглашением, сделанным с ними в 1855 году, и расположенный в Пьюджет-Саунде. Многие из этих индейцев, особенно те, которые проживают на резервации Лумми, являются трудолюбивыми фермерами, выращивающими достаточно продуктов, необходимых собственной поддержки. Они имеют большое количество рогатого скота, лошадей, свиней и т.д.; в то время как другие или нанимаются соседними белыми фермерами или заняты рубкой леса. Они обычно обращаются в христианство, большинство из них - прихожане католической церкви. На резервации Тулалип, где располагаются все правительственные здания, действует одна школа с 57 учениками. У этой школы замечательный уровень успеха, как сообщается агентом и незаинтересованными посетителями.

Макахи. Этих индейцев 604 человека, у них есть резервация площадью 12 800 акров, выделенная соглашением, сделанным с ними в 1855 году, и расположенная в чрезвычайном северо-западном углу Территории. Они - смелая, выносливая раса, не склонная к обработке земли для собственной поддержки, но зависящая преимущественно от ловли рыбы и охоты на морского котика. Действует 1 школа, обслуживающая 16 учеников.

С'клалламы. Этих индейцев 919 человек, у них есть резервация площадью 4000 акров, выделенная соглашением, сделанным с ними в 1855 году, расположена на территории того, что известно как "Худз Канал." Некоторые из них скромно заняты в сельском хозяйстве; и другие нанимаются для заготовки леса на соседние лесопилки. Их состояние вообще таково, что их продвижение к цивилизации обязательно должно быть медленным. На территории резервации была установлена школа, в которой учится 22 ученика.

Куинаэлты и куиллеуты, хохи и куиты. Этих индейцев 520 человек, у них есть резервация площадью 25 600 акров в восточной части Территории, почти полностью изолированная от белых поселений, выделенная соглашением, сделанным с ними 1 июля 1855 года. Но лишь одно из этих четырех упомянутых племен, куинаэлты, живет на резервации: другие проживают в различных пунктах местах побережья, к северу от резервации. Они объявляют, что они никогда не соглашались продавать свою страну, и что они никогда сознательно не подписывали какое-либо

соглашение, лишающее их права на землю. Нижняя часть резервации - почти сплошной лес, и требуется много рабочих сил, чтобы расчистить территорию; но, когда она расчищена, она дает хороший урожай. Многие из индейцев, хотя и едят, главным образом, рыбу (река Qui-nai-elt в большом изобилии снабжает их лососем), обрабатывают маленькие участки и выращивают достаточно овощей для собственного использования. На территории резервации действует одна школа, обслуживающая 15 учеников.

Якамы. Этих индейцев 3000 человек, у них есть резервация площадью 783 360 акров, выделенная соглашением, сделанным с ними в 9 июня 1855 года. Эти индейцы принадлежат к многочисленным группам, объединенным в конфедерацию под именем "якамы". Многие из них, под способным управлением их нынешнего агента стали заметно продвигаться к цивилизации, и являются хорошими фермерами или квалифицированными механиками. Школа ручного труда в агентстве Яками является полным успехом, и принося неисчислимую выгоду в передаче детям практических знаний сельского хозяйства и различных механических искусств. Их основное богатство - лошади, которых им принадлежит 12 000. Тот факт, что резервация этих индейцев располагается к востоку от Каскейд Маунтаинс, далеко от любого контакта с белыми, несомненно поспособствовал тому, что это сейчас - образцовое агентство на Тихоокеанском склоне: хотя этому результату также очень поспособствовали энергия и преданность агента Уилбера. На территории резервации были основаны церкви, которые имеют хорошую посещаемость, и где службы проводят проповедники-индейцы. В настоящее время есть две школы, обслуживающие 44 ученика.

Агентство Гранд Монде. Индейские племена в этом агентстве: молалла, клакама, калапуйя, молель, умпекуа, роуг ривер и другие группы - всего 17, с общей численностью населения 870 человек. Резервация, на которой располагаются эти группы, находится в северо-западной части штата. Она содержит 69 120 акров, и была им выделена для заселения соглашением от 22 января 1855 года, заключенного с молаллами, клакама и прочими, и правительственным распоряжением от 30 июня 1857 года. Некоторые части этой резервации хорошо приспособлены к выращиванию зерна, хотя большая ее часть является грубой и лесистой. Было указано сделать распределение земли по паям, что вызвало значительное удовлетворение и поддержку среди племен. Эти индейцы склонны к промышленности, и выказывают похвальное рвение в обрабатывании их ферм, выращивании урожаев, которые положительно можно сравнить с урожаями их белых соседей. Их традиции и жизненные привычки также показывают значительное улучшение. Действует одна школа, обслуживающая 50 учеников.

Агентство Силет. Индейцы в этом агентстве: скотаны-часта и фрагменты четырнадцати других групп, называемых в общем "племена побережья", составляют в целом приблизительно 2500 человек. У этих индейцев, включая тех, которые живут в субагентстве Олси, есть резервация площадью 1 100 800 акров, выделенная им соглашением от 11 августа 1855 года. Это соглашение, однако, никогда не ратифицировалось, хотя резервация занимается индейцами. Они были в течение долгого времени весьма несклонны трудиться для собственного поддержания; но недавно они выказали больше расположения заниматься сельским хозяйством, хотя традиционно они приучены полагаться для еды, в основном, на рыбу. Многие уже оградили их фермы и построили хорошее, удобное жилье и надворные постройки. Нет никакой причины, почему они не должны со временем стать полностью преуспевающими людьми. Отказ от распределения земли по паям, ради которого в 1871 году были начаты разведки земли, был источником большого беспокойства среди индейцев, и имел тенденцию ослабить их уверенность

в благие намерения правительства. На территории резервации действует одна школа, обслуживающая двадцать учеников. Ни у одного из племен или групп в этом агентстве нет соглашений с Соединенными Штатами, кроме, разве что, нескольких членов группы роуг ривер, упомянутых в главе об агентстве Гранд Ронде.

Субагентство Олси. Индейцы в этом субагентстве: альски, кузы, синселаны, и группа умпакуа, составляющие 800 человек, располагающихся в пределах резервации, упомянутой в главе об агентстве Силетз. Замечания, сделанные об индейцах в агентстве Силетз, могут вообще относиться и к индейцам этого субагентства. Кузы, синселаны и умпакуа делают значительные успехи в сельском хозяйстве, и если их обучить, быстро приобрел бы мастерство в более простых механических отраслях промышленности. Олси не настолько послушны, выказывают лишь небольшое желание усовершенствования. Вся помощь, которую они получают от правительства, поставляется в ограниченном количестве и приспособлена для общих случайных расходов на обслуживание индейцев в Орегоне.

Агентство Клэмата. Индейцы, принадлежащие этому агентству: клэматы и модоки, и группы яхускина и уол-пух-пи племени снейков, составляющие в целом приблизительно 4000 человек, из которых, по сообщениям, только 1018 человек проживают в агентстве. Они имеют резервацию площадью 768 000 акров, выделенную им в соответствии соглашением от 14 октября 1864 года, и правительственным распоряжением от 14 марта 1871 года, расположенные в крайне южной части штата. Эта резервация не приспособлена хорошо к сельскому хозяйству. Климат - холодный и неустойчивый; урожаи склонны уничтожаться морозами. Это, однако, хорошая местность. Хотя эта резервация сравнительно новая, индейцы, расположенные на ней, делают похвальные успехи - и в сельском хозяйстве, и в рубке леса. Часть модоков, которые, в соответствии с соглашением, принадлежат этому агентству, и которые когда-то были расположены на резервации, из-за проблемных отношений с племенем клемата (преимущественно - из-за высокомерия последних), покинули агентство и отказываются на него возвращаться. Они желают разместиться на маленькой резервации. При этих обстоятельствах, им нужно разрешить так поступить, или же - позволить выбрать участок земли на резервации Малеур. В настоящее время у этих индейцев не действует ни одной школы.

Резервация Малеур. Эта резервация, выделенная правительственным распоряжением от 12 сентября 1872 года, располагается в юго-восточной части штата. На ней правительство, в конечном счете, намеревается поселить все скитающиеся и разбросанные группы в восточном и юго-восточном Орегоне, которых можно вынудить там обосноваться. Поскольку в распоряжении правительства нет никаких средств, с помощью которых можно было бы сделать необходимые усовершенствования и предоставить временное пропитание переселенным индейцам, работа еще не была толком начата. Индейцы, которых должны были переселить на эту резервацию, являются теперь постоянным источником раздражения для белых поселенцев. Они слоняются вокруг поселений и военных постов, попрошайничая и воруя; и если не принять некоторые быстрые меры, чтобы привести их на попечение и под контроль агента правительства, в любое время может случиться серьезная проблема. Конгресс во время следующей сессии должен выделить необходимые средства, чтобы назначить агента для этих индейцев, установить здания агентства и обеспечить пропитание для тех, которые могут быть собраны и могут остаться на резервации.

Индейцы, находящиеся вне резерваций. Есть много индейцев, вероятно - не меньше 3000 человек, "отступников" и других, которые имеют привычку бродяжничества, и у которых нет никаких отношений и соглашений с правительством, и над ними нет ни одного агента. Названия племен некоторых из них - клатсопы, нестукалы, тилламуки, негалиры, снейки и нез персе. "Отступники", по названию и по факту, бродят по реке Колумбия, и составляют значительную проблему для агентов в Уорм-Спрингс и Аматилла: другие - снейки, численностью в 200 человек, бродят на границе резервации Гранд Ронде. Они живут, охотясь и ловя рыбу, и утверждают, что желают, чтобы им выделили во владение земли и построили школу для их детей. Нез Персе, находящиеся в Айдахо (предполагаемое количество - 200 человек), находятся в долине Валлова в восточной части штата. Они утверждают, что они не были сторонами соглашения с племенем нез персе несколько лет назад; и что долина, в которой они живут, всегда им принадлежала; и они серьезно выступают против ее заселения белыми.

КАЛИФОРНИЯ.

Племена в Калифорнии - уки, питт риверы, вайлаки, конконы, редвуды, гумбольдты, гунзольтоны, мискотты, сиа, тулы, тейоны, коагулья, кингз риверы и различные другие группы и племена, включая "индейцев миссии". Все племена являются исконными уроженцами этой местности.

Агентство Раунд Уелли. Индейцы, принадлежащие к этому агентству: юеи, конконы, питт риверы, вайлаки и редвуды, количеством в 1700 человек. Это число в течение прошлого года увеличилось, после расселения 1040 индейцев, собранных в Литтл Лейк и других долинах. В западной и северной части штата была выделена резервация площадью 31 683 акра законом от 8 апреля 1864 года, и правительственным распоряжением от 30 марта 1870 года для этих индейцев, и для таких других, которые могут впоследствии быть на ней поселены. Земли этой резервации очень плодородны; климат позволяет выращивать самые различные культуры. Выращивается больше, чем необходимо для пропитания индейцев, и доходы, полученные от продажи излишка, используются для покупки домашних и рабочих животных, и для дальнейшего усовершенствования резервации. Некоторые из индейцев заняты обработкой садов, в то время как другие обрабатывают собственными силами целых 25 или 30 акров.

Индейцы на территории этой резервации все как один тихие и миролюбивые, несмотря на то, что их очень тревожат белые нарушители. По руководству правительства, против таких нарушителей были начаты судебные дела, но пока что - без определенных результатов. Генеральный прокурор Соединенных Штатов направил районному прокурору указ приостановить слушания. Из этой резервации Министерство по делам индейцев фактически владеет только приблизительно 4 тысячами акров; остальные земли находятся во владении поселенцев, все их которых настроены разбить резервацию и вытеснить индейцев.

Индейцы на этой резервации не показали особенного расположения обучать собственных детей; и с этой целью не предпринимались никакие шаги до лета 1871 года, когда была начата деятельность 1 школы. Теперь эта школа обслуживает 110 учеников. У этих индейцев нет никаких соглашений с правительством; и им оказывается помощь в виде одежды и т.д., их денег, выделенных на общие случайные расходы для обслуживания индейцев в штате.

Агентство Эбопа Уелли. Индейцы, принадлежащие к этому агентству: гумбольдты, гунзольтоны, мискотты, сиа и несколько других групп, численностью 725 человек.

Резервация в северной части штата была выделена по закону от 8 апреля 1864 года для этих и таких других индейцев, которые могли бы обосноваться вслед за ними. Эта резервация расположена в северо-западной части штата, с обеих сторон от Тринити Ривер, и содержит 38 400 акров. Как правило, на резервации выращивается достаточно, чтобы удовлетворить потребности индейцев. Эти индейцы тихие и миролюбивые, и в общем не расположены трудиться на резервации вместе, но будут работать усердно, если им позволят сделать это на собственных землях ради личной выгоды. На резервации действует одна школа, где учатся 74 ученика. Они не имеют соглашений с Соединенными Штатами, и, следовательно, не получают никаких регулярных рент. Для их выгоды используется общий чрезвычайный фонд штата - настолько, насколько это может быть необходимым. Помощь идет в форме одежды, сельскохозяйственных орудий, семян, и т.д. Помимо этих, их агент имеет общий контроль над определенными группами индейцев клэмат, которые живут на смежных резервациях и вдоль берегов реки Клэмат. Эти индейцы прежде принадлежали к одноименной резервации, которая несколько лет назад была покинута из-за полного разрушения зданий агентства и усовершенствований вследствие наводнения. Они теперь поддерживают себя в основном охотой и рыбалкой, и выращивают на маленьких участках зерно и овощи.

Агентство Тул Ривер Фарм. Индейцы, расположенные в этой местности: тулы и маначи, численностью 374 человека. Эти индейцы постепенно улучшаются, становятся довольно опытными во всех видах фермерских работ, и показывают хорошее расположение обрабатывать почву самостоятельно. Здесь действует одна школа, обслуживающая 37 учеников. Приблизительно в шестидесяти милях от агентства проживают несколько сотен индейцев кингз ривер, которые находятся в состоянии крайней бедности. Они желают быть присоединенными к агентству, и в прошлом им иногда поставляли еду.

Индейцы вне резерваций. В дополнение к индейцам, расположенным в этих трех названных агентствах, есть, вероятно, не меньше 20 000 человек, включая так называемых индейцев Миссии, племен коагульи, оуен риверов и других в южной части штата; а также людей, живущих около рек Клэмат, Тринити, Скотт и Сэлмон, в северной части. Индейцы Миссии, которые в течение прошлого столетия находились под опекой католических миссий, установленных на Калифорнийском побережье, более-менее сносно развиваются в сельском хозяйстве, и благоприятно сравниваются с наиболее цивилизованными племенами востока. Коагульи и другие, населяющие юго-восточные, и восточные части штата, а также те, кто находится на севере, поддерживают себя, работая на белых поселенцев, или охотясь, ловя рыбу, попрошайничая и воруя, кроме, может быть, нескольких северных индейцев, которые иногда идут в резервации и военные посты в той местности, ища помощи и пропитания.

Есть также приблизительно 4000 оуэн риверов и маначей к востоку от Сиерры, которых поселенцы с удовольствием бы видели переселенными на резервацию и поставленными на попечение агента. Правительство рассматривает уместность установления новой резервации, на которой буду сконцентрированы эти и многочисленные другие индейцы, в случае чего было бы полезно прекратить деятельность агентства Тала Ривер.

XV.

ОТЧЕТ

О СОСТОЯНИИ И ПОТРЕБНОСТЯХ ИНДЕЙЦЕВ МИССИИ В КАЛИФОРНИИ, СДЕЛАННЫЙ СПЕЦИАЛЬНЫМИ АГЕНТАМИ ХЕЛЕН ДЖЕКСОН И АББАТОМ КИННЕЙ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ДЕЛАМ ИНДЕЙЦЕВ.

Колорадо Спрингс, штат Колорадо, 13 июля 1883 года.

Сэр, в соответствии с нашими инструкциями от 28 ноября 1882, и 12 января 1883 годов, мы имеем честь предоставить Вам следующий доклад на предмет состояния индейцев Миссии в южной Калифорнии.

Термин "индейцы Миссии "датируется более чем сто лет назад - ко времени францисканских миссий в Калифорнии. Он тогда включал всех индейцев, которые жили в учреждениях миссии, или были на попечении францисканских отцов. Естественно, термин продолжил применяться к потомкам тех индейцев. Однако, в классификации Бюро по делам индейцев, он теперь используется в несколько ограниченном смысле, охватывая только тех индейцев, живущих в трех самых южных округах Калифорнии, и известных как серрано, кагуилла, сан луисенос и диегуинос; последние два имени очевидно происходят из названий двух самых южных миссий - Сан-Луис Рэй и Сан-Диего. Перепись этих групп, проведенная в 1880 году, дает их численность следующим образом:

Серрано.....881

Кагуилла.....676

Сан Луисенос.....1 120

Диегуино.....731

Всего 2 907 человек.

Эта оценка, вероятно, значительно далека от действительных чисел, поскольку без сомнения есть "в бегах", если можно так выразиться - в отдаленных и недоступных местах - многие люди, семьи или даже села, которые никогда не пересчитывались. Эти индейцы живут по большей части в небольших и изолированных деревнях; некоторые - на резервациях, выделенных им правительственным распоряжением; некоторые - на правительственной земле вне резерваций, некоторые - на землях в пределах границ, обеспеченных мексиканскими грантами.

Значительное число этих индейцев должны также можно найти в предместьях белых поселений - в Риверсайде, Сан-Бернардино, или в колониях в Сан-Габриэль Уелли, где они живут в хижинах как цыгане - сегодня здесь, завтра - там, влача жалкое существование на черных работах днем, заработная плата за которые слишком часто тратится на виски в деревенских салунах. Путешественники в южной Калифорнии, которые сформировали свои впечатления об индейцах Миссии по этим несчастным придорожных существам, были бы очень удивлены при виде некоторых индейских деревень в горных долинах, где, свободнее от тлетворного влияния белой расы, живут трудолюбивые, мирные сообщества, обрабатывающие землю, разводящие скот, продающие их собственные простые глиняные изделия, посуду, циновки, корзины, и зарабатывающие себе на жизнь сами - на очень бедную жизнь, это верно; но они - независимы, и обладают благодаря этому чувством собственного достоинства, ничего не просят из рук правительства Соединенных Штатов сейчас, за исключением того, чтобы США защитило их

собственность, право на земли - земли, которые во многих случаях непрерывно заселяли и обрабатывали их предки больше ста лет.

Участок за участком белыми поселенцы вытесняли их с этих земель, год за годом, пока они уже не могли отступать дальше; некоторые из их деревень находились буквально на последнем пахотном участке на краю пустыни, или в горной области. И все же сегодня в южной Калифорнии есть много плодородных долин, которые только тридцать лет назад походили на садовые участки, где колосилась пшеница этих же индейцев, были сады и виноградники. Теперь в этих долинах не осталось ни следа от этих индейцев, кроме руин их глиняных зданий; в некоторых случаях эти здания, все еще в пригодном для жилья состоянии, занимаются белыми грабителями, которые вытесняли их. Ответственность за эту несправедливость, возможно, можно одинаково разделить между правительством Соединенных Штатов, которое разрешало, чтобы земли, занимаемые мирными сельскохозяйственными сообществами, были вброшены "на рынок," и чтобы белые люди, не ограниченные ни человечностью, ни чувством справедливости, "столбили" участки и заявляли права на фермы на землях, которые были ограждены, орошались, обрабатывались и на которых многие поколения жили индейцы. Правительство не может оправдать это пренебрежение одним лишь невежеством. Неоднократно в ходе последних тридцати лет и обычные агенты, отвечающие за индейцев Миссии, и специальные агенты, посылаемые заниматься исследованием состояния индейцев, давали полный фактический отчет о данной проблеме в своих докладах Бюро по делам индейцев.

В 1873 один из этих специальных агентов, делая отчет о индейцах в Сан Паскуале, упоминает факт, что белый человек только что купил право на землю, на которой была расположена большая часть деревни. Он заплатил цену за земли в регистр окружной земельной комиссии, и со дня на день ожидал акт права на землю из Вашингтона, которая ему "принадлежала". Агент говорит: "Было очень трудно выгонять этих добрых и трудолюбивых людей из дома, который они создали; но если бы я этого не сделал, то это сделал бы кто-то другой; поскольку все соглашались, что у индейцев не было никакого права на общественные земли." Этой деревня Сан Паскуале была организована индейцами пуэбло, сформированными из приблизительно ста неофитов Миссии Сан-Луис Уелли, в соответствии с условиями "Акта отделения церкви от государства" от 1834 года. Отчет о ее основании сохраняется в мексиканских архивах в Сан-Франциско. У этих индейцев были стада рогатого скота, лошади и овцы; они выращивали зерно, имели сады и виноградники. Целая долина, в которой лежала эта деревня, была когда-то выделена правительственным распоряжением как резервация, но усилиями сотрудников геологической разведки, этот указ быстро отменили; и едва это было сделано, как начался процесс выселения индейцев. Сейчас на территории того старого участка индейцев пуэбло находится белое поселение, насчитывающее 35 избирателей. Индейцев нет ни одного - некоторые ушли в другие деревни; некоторые живут в окрестностях в землянках и убежищах на холмах, из которых, во время случайных посещений священника, они все собираются и проводят службы в полуразрушенной глиняной часовне, построенной ими в дни их процветания.

Эта история индейцев Сан Паскуале - только справедливый показ опыта индейцев Миссии в течение прошлых пятидесяти лет. Почти без исключения они были покорными и миролюбивыми, проходя через все это, и отступали снова и снова к новым прибежищам. В нескольких случаях среди них случались небольшие восстания, и угрозы возмездия; но в основном их история была состояла почти из невероятного долгих страданий и терпения.

В 1851 году одна из групп Сан Луисено - индейцы аква калиенте в северной части округа Сан-Диего - напали на дом белого поселенца, и на какое-то время возник большой страх перед общим восстанием всех индейцев в стране. Вероятно, что это было спровоцировано мексиканцами, и что был совместный план по выдворению американцев за границу. Восстание, однако, было легко подавлено; четырех вождей судил военный трибунал и их расстреляли по приказу генерала Хеинцельмау. В январе следующего года было сделано соглашение с индейцами Сан Луисено и Диегуино, отправляющимися по которому им выделялись большие участки земли. Это соглашение было заключено специальным уполномоченным Соединенных Штатов, доктором Уозенкрэфтом, и лейтенантом Гамильтоном, представлявшими армию, и полковником Дж. Дж. Уорнера, поселенцем, дом которого подвергся нападению. Большая часть земель, которые были назначены индейцам в соответствии с этим соглашением, находятся сейчас в пределах границ грантов, подтвержденных и запатентованных еще с того времени; но много индейских деревень все еще остаются на этих землях, и все индейцы, живущие на таких землях, как предполагается, находятся там исключительно благодаря терпению и находятся во власти владельцев указанных ранчо, и они склонны быть выселенными согласно закона. Так ли это или нет, было бы мудро проверить в суде. В случае всех этих индейцев Миссии можно точно сказать, что "права на проживание" белого человека значительно отличаются от прав дикого и нецивилизованного индейца.

Во время сдачи Калифорнии Соединенным Штатам эти индейцы Миссии были больше семидесяти лет предметом споров сначала испанского правительства, затем - мексиканского. Они прибыли под юрисдикцию Соединенных Штатов согласно условиям соглашения при Гвадалупе Идальго между Соединенными Штатами и Мексикой в 1818 году. В это время они были настолько цивилизованными, что мексиканские и белые поселенцы прямо зависели от них и полагались на их услуги в обслуживании всего внутри и снаружи зданий. В замечательном отчете об этих индейцах, сделанном министерству внутренних дел в 1853 год, почтенный Б. Д. Уилсон из Лос-Анджелеса заявляет следующее:

"Эти же индейцы построили все здания в этой местности, засадили все поля и основали все виноградники. Среди индейцев Миссии были каменщики, плотники, штукатуры, производители мыла, крема для загара, сапожники, кузнецы, мельники, пекари, повара, производители кирпичей, извозчики и производители телег, ткачи и прядильщики, шорники, пастухи, земледельцы, агрономы, пастухи; одним словом они заполнили все трудоемкие занятия, известные цивилизованному обществу."

Намерения мексиканского правительства относительно этих индейцев были мудрыми и гуманными. По прошествии этого времени, и перед лицом печальных фактов последующей истории индейцев, вызывает значительную боль - читать детали планов, разработанных всего полвека назад для их выгоды. В 1830 году в двадцати одной миссии в Калифорнии находилось приблизительно 20 000 или 30 000 индейцев, которые жили комфортной, трудолюбивой жизнью под контролем францисканских отцов. Испанская колонизация рассматривала превращение этих учреждений миссии в деревни, как только индейцы должны стали бы достаточно цивилизованными, чтобы это осуществить. Мексиканское правительство, выполняя тот же общий план, выпустило в 1833 году закон, названный "Законом об отделении церкви от государства", постановлявший, чтобы это изменение было произведено. Этот акт обуславливал, что за индейцами должен быть закреплен рогатый скот, лошади и овцы, выделенные из стад Миссии; а также - земли для культивирования. Одна статья из инструкций губернатора Фигероа для

воплощения "Закона об отделении церкви от государства" обуславливала, что каждому главе семейства, и всем людям старше 21 года возраста, даже если у них не было семьи, должен быть выделен участок не меньше 70, но и не больше 300 квадратных метров. Им также должно было быть выдано достаточное количество земли для выпаса их рогатого скота. Другая статья обуславливала, что половина рогатого скота каждой школы миссии должна быть пропорционально разделена среди индейцев этой миссии; также - половина движимого имущества, инструментов, семян и т.д. При распределении этой собственности не должны были устанавливаться никакие ограничения. Индейцам запретили "продавать, менять или отчуждать под любым предлогом земли, данные им. Также они не могли продать рогатый скот." Были назначены специальные уполномоченные, чьей задачей было соблюдение этих условий. Они должны были "объяснить все эти меры индейцам, с учтивостью и терпением;" сказать им, что земли и собственность будут разделены среди них так, чтобы каждый мог бы работать, поддерживать себя и свою семью, и управлять имуществом не завися от кого-то другого." Было также определено, что ранчьеро (деревни), расположенные на расстоянии от миссий, и содержащие более чем 25 семей, могли бы, если они сами захотят, сформировать отдельные поселения и распределить земли и собственности так же, как и те, которые живут около миссий.

Эти условия никак не были выполнены. Управление обширными землями и собственностью Миссий было слишком большим искушением для человеческой натуры, особенно во время революции и анархии. История этих тринадцати лет между прохождением закона "Об отделении церкви от государства" и завоеванием Калифорнии - отчет позорного мошенничества и грабежа, которого индейцы были самыми несчастными жертвами. Вместо того, чтобы каждому разрешили, работать, поддерживать себя и семью не завися от кого-либо другого, как им обещали, их права на участки земли были, в большинстве случаев, проигнорированы; они были вынуждены трудиться на землях миссии как рабы; во многих случаях они сдавались внаем в бригады к жестоким владельцам. От этой жестокости и притеснений они сотнями сбегали, возвращаясь в их старые дикие дома. Те, кто оставался по соседству с деревнями, постоянно становились все более деморализованными, и подвергались всем формам произвола. Согласно декрету Лос-Анджелеса, в то время, как мы овладели Калифорнией, все индейцы нашли без паспортов или разрешительных документов деревень, в которых они жили, или от документов, выданных "их владельцами" [точная цитата], должны были рассматриваться как конокрады и враги. В это время, согласно отчету г-на Уилсона, в Лос-Анджелесе были целые улицы, где любой дом был магазином спиртного для индейцев; и каждую субботу ночью город был заполнен индейцами каждой стадии опьянения. Тех, кто был беспомощен и без сознания, несли в тюрьму, запирали и в понедельник утром связанного продавали лицами, предлагающим самую высокую цену, прямо у ворот тюрьмы. "У индейца выработано острое чувство справедливости," - говорит г-н Уилсон, -" Он никогда не сможет понять, почему его продают в течение неопределенного срока на рабский труд за несдержанность, в то время как белый человек остается безнаказанным за той же самое. И что даже самые богатые и добросердечные люди, как он замечает, являются теми, которые заставляет его пить, и иногда даже не собирается платить ему за труд никаким другим способом." Даже трезвые, трудолюбивые и наиболее квалифицированные среди них могли заработать лишь немного; это стало обычаем - платить индейцам только половину заработной платы белого.

Из этого краткого и фрагментарного обзора положения и состояния индейцев Миссии при мексиканском правительстве, во время сдачи Калифорнии Соединенным Штатам, будет

замечено что наше правительство приняло в соответствии с соглашением при Гвадалупе Идальго в наследство беспомощную расу в довольно странном положении. Было бы очень трудно, даже в начале, разработать реальные методы справедливого обхождения с этими людьми, и сохранения им их прав. Но с каждым годом нашего пренебрежения, трудности все увеличивались, а заблуждения - умножались. И сейчас, если сказать просто по-человечески, уже невозможно отдать им должное по справедливости. Все, что остается в нашей власти - дать им некоторые искупление. К счастью для них, их численность значительно уменьшилась. Страдание, голод, болезни и вредные привычки за прошлые тридцать лет сократили их численность больше чем на половину; но оставшиеся достойны быть спасенными. Откладывая в сторону вопросы их требований в качестве искупления за сделанные несправедливости, они заслуживают помощи, исходя даже просто из их собственных достоинств. Никто не может посетить их поселения, такие как Аква Калиенте, Сабоба, Кагуилла Уэлли, Санта Изэбель, не имея чувство уважения и глубокого сочувствия к людям, которые одинокие, бедные, без защиты закона, все еще продолжают работать, сеять, обрабатывать, орошать, строить дома на землях, с которых, исходя из их обширного опыта, белый человек может выгнать их в любой день, когда захочет. То, что пьянство, азартные игры и другие виды безнравственности печально распространены среди них, не может отрицаться; но действительно чудесно то, что столь многие остаются честными и добродетельными в том состоянии, которое делает фактически не имеющими законной силы большинство побуждений, которые сохраняют белых честными и добродетельными.

Резюмировав, таким образом, насколько возможно общую ситуацию и природу этих индейцев, мы продолжаем указывать шаги, которые должны быть сделаны правительством Соединенных Штатов от их имени. Описания большинства важных деревень, которые мы посетили, и подробные отчеты об обстоятельствах и ситуациях, на которых базируются наши предложения, даются для удобства в виде отдельных пунктов.

1) Первый и самый существенный шаг, без которого нет никакой возможности защитить этих индейцев или сделать для них хоть что-то разумное и полезное - это определение, перерассмотрение и отчетливая установка границ уже существующих резерваций. Единственный способ сделать это точно и честно - это провести исследование их инспектором, назначенным умным и честным специальным уполномоченным; но не независимый инспектор, который "чертит" линии резервации, там, где он и его друзья или заинтересованные стороны выбирают, но вместо того этого - человек, назначенный преследовать цель правительства Соединенных Штатов, с целью пользы для индейцев. Было слишком много подобных обзоров индейских резерваций в южной Калифорнии. Все резервации, созданные в 1876 году (сюда входят почти все сейчас существующие), были спутаны инспектором в Сан-Диего из-за несовершенной карты графства. Об этих секциях, предположенных таким образом инспектором, специальный уполномоченный сообщил в министерство внутренних дел, чтобы их отделили правительственным распоряжением и рассмотрели отдельно. Когда был произведен фактический обзор, то было обнаружено, что в большинстве случаев предполагаемые индейские деревни находились вне линий резервации, и что большая часть отделенных земель не имела совершенно никакой ценности. На каждом из участков инспектор отметил дополнительные цветные линии, показывая, что нужно добавить участки земли, чтобы включить деревни и области, занимаемые индейцами. Насколько мы можем знать, никакие меры не были предприняты в отношении этих предложенных дополнений.

Линии резервирования, после того как они были определены таким образом, должны быть фактически отмечены указателями и столбами, чтобы не оставалось почвы для сомнений. После этого участок каждой резервации должен быть выдан индейцам, живущим на нем. Было жалко слушать, во время наших посещений деревни за деревней, как индейцы просили "бумагу, которую можно было бы показать белым, чтобы подтвердить то, что это их земля." Они тщательно сохраняли каждый документ, который они когда-либо получали, и который мог с любой возможностью подтвердить их право на их земли; старые изодранные указы офицеров тридцатилетней давности, указы мировых судей и т.д. - все это, конечно, ничего не стоило, но они с трогательной серьезностью принесли и показали это нам. Ни в одном случае им не указывали на границы резервации. Одна группа, индейцы секуан, которые никогда не видели агента, сказала, что им сказали, что они живут на территории резервации, но они сами не знали, было ли это верно или нет. Они были вынуждены прекратить разводить скот, потому что они не могли найти место, где белые люди позволили бы им пасти рогатый скот.

Есть некоторые поселения индейцев на правительственных землях, не выделенных как резервации, в некоторых случаях они даже не разведаны. Все эти участки должны быть исследованы, их границы - отмечены, и земли - изъяты из свободной продажи, чтобы их можно было передать для постоянного использования индейцами. Мы используем термин "определение границ" в отношении этих резерваций в основном из-за того осложнения, что они были в некоторых случаях расположены в пределах участков железной дороги, и были заключены позже договоров о продаже земли железнодорожным компаниям. Некоторые фактически находятся в рамках Южного тихоокеанского участка железной дороги; другие будут находится в пределах участка Техасской тихоокеанской дороги, если это будет подтверждено. Участки земли таким образом принадлежащие железным дорогам, должны быть переданы индейцам. Есть также несколько требований на земли в пределах границ резерваций, которые являются законными из-за того, что они были сделаны прежде, чем была создана резервация. Эти права должны быть аннулированы.

2) Все белые поселенцы, находящиеся сейчас на территории резерваций, должны быть удалены. В течение прошлых четырех лет поселенцы без спроса входили на земельные участки резерваций. Это происходило вследствие вышеупомянутой нехватки определений границ, а также неспособности исследователей земли определить расположение резерваций так, чтобы включить все земли, фактически занятые индейскими деревнями. Таким образом, во многих случаях, поля и поселения индейцев были у них отобраны, и они сами не знали, куда они могли, и куда они не могли идти. Нет ни одной резервации, которая была бы свободна от белых поселенцев. Казалось бы, что агенты, отвечающие за этих индейцев, должны были быть проинструктированы ни в коем случае не позволять белым поселенцам обосновываться на землях, которые, как известно, находились в пределах границ резервации, и не важно занимались ли они индейцами или нет.

Количество земли, выделенной для индейских резерваций в южной Калифорнии, согласно отчету кажется очень большим, но пропорция тех земель, которые действительно доступны, является очень маленькой. Сам округ Сан-Диего - это на 4/5 - пустыня и горы, и не будет преувеличением сказать, что пропорция пустыни и гор в этой резервации еще больше, чем указанные. Таким образом, повторно рассматривая, "закругляя" и освобождая от белых поселенцев существующие резервации, и добавляя к ним всем правительственные земли сейчас

фактически занимаемые индейцами, нам кажется, что будет почти достаточно земли для размещения всех индейцев Миссии, кроме тех, поселения которых находятся на грантах.

3) В отношении этого последнего класса, то к тем поселениям, чьи деревни сейчас находятся в пределах границ подтвержденных грантов, правительство должно применить один из двух планов действий - или переселить их и предоставить им нечто другое, или поддерживать и защищать их право оставаться там, где они находятся сейчас. В поддержку последнего курса мы полагаем, что можно привести веские доводы, и мы заручились письменным мнением одной из самых способных юридических фирм в южной Калифорнии по этому вопросу. Кажется ясным, что этот выбор должен быть сделан самими правительством. Поскольку для этих бедствующих и неосведомленных людей невозможно самим предпринять и за собственный счет вести юридическое разрешение этого вопроса. Было бы глупо это советовать, и жестоко - ожидать этого. Можно было бы сделать прецедент, который уладил бы вопрос раз и навсегда. В случае, если решение было бы благоприятными к оставшимся индейцам, тогда нужно было бы обратиться к владельцам ранчо с просьбой отделить границы земель индейцам, согласно калифорнийскому государственному праву для таких случаев. Можно ли считать земли, возвращенные таким образом индейцам как правительственные земли или нет - это вопрос, ответ на который еще следует найти. Вероятно, самый верный способ обеспечить их для постоянного использования индейцами состоит в том, чтобы считать их как таковыми и определять их как резервации согласно законам Конгресса.

4) Мы подходим к нашей четвертой рекомендации, которая заключается в том, что резервации всех этих индейцев, уже выделенные правительственным распоряжением, и все новые, не важно - правительственные ли это земли, которые они сейчас занимают, или земли, на которых они теперь живут, и которые после судебного процесса могут быть возвращены в их владение грантами - чтобы все эти земли были запатентованы этими несколькими группами, занимающими их; чтобы Соединенные Штаты держали этот патент на доверительном хранении в течение периода двадцати пяти лет; по истечению этого времени Соединенные Штаты должны передать данный патент указанным индейцам, как это было сделано для индейцев омаха. Ненадежность резерваций, выделенных просто правительственным распоряжением - очевидна, и уже печально иллюстрируется в южной Калифорнии в случае с резервациями Сан Паскуале, Аква Калиенте и другими. Ненадежность резерваций, выделенных исключительно законом Конгресса, является лишь на одну степень меньше. В тот же момент, когда интересом и целью белых в любой части страны станет возврат земель таких резерваций в общественное владение, решение спора в их пользу будет лишь вопросом влияния и времени. Но оно точно будет сделано. Будущее этих трудолюбивых, мирных, сельскохозяйственных сообществ нельзя ни на день дольше, чем это необходимо, оставлять в зависимости от таких возможностей; возможностей, которые всегда работают против и никогда - для интересов индейцев, что касается владения землями. Лучший путь и время для раздачи этих земель индейцам в отдельное паевое владение, нужно оставить на решение правительства. В их патенте на землю нужно предусматривать такие возможные распределения для их выгоды, и агенты и специальные уполномоченные должны доносить преимущества этой системы до ума индейцев. Некоторые из них уже готовы к подобным нововведениям, и искренне желают их воплощения в жизнь, но большинство не было к этому готово. Коммунальная система, которая господствует сейчас на занимаемых ими землях, удовлетворяет их, и они очевидно управляются с ней без затруднений. Это точно та же самая система которая использовалась ранними испанскими

поселенцами в южной Калифорнии для распределения земель, на которых потом выросли деревни. Они соглашаются между собой уважать право друг друга на занятие земли; право человека на плодородное поле в этом году зависит от того, обрабатывал ли он его в прошлом году, или нет, и так далее. Этим индейцам, кажется, даже не приходит на ум, что земля - это вещь, из-за которой можно ссориться.

В деревне Аква Калиенте один из самых умных молодых людей столь сильно стремился показать нам свои поля, что мы пошли с ним на небольшое расстояние вне пределов деревни, чтобы увидеть их. У него было приблизительно восемь акров пшеницы, виноградников и плодовых деревьев. Указывая сначала в одном направлении, затем - в другом, он указал на места, где его земля присоединилась к земле других людей. При этом вообще не было никаких обозначенных границ, кроме того, что на смежных участках росли разные культуры. Мы сказали ему: "Алессандро, а как Вы знаете, какая земля - Ваша, а какая - их?" Он на минуту показался озадаченным, и ответил: "Это земля принадлежала моей матери. Мы всегда ей владели." Но мы упорствовали: "Предположим, что один из этих других людей захочет больше земли и отнимет Вашу часть?" "Он не сможет этого сделать" - вот и весь ответ, который мы получили от Алессандро, и было ясно, что он был очень озадачен предположением о возможности проникновения соседей на поля друг друга.

5) Мы рекомендуем учреждение большего количества школ. Немедленно необходимы еще по крайней мере две: одна - в Ринконе, и одна - в Санте Изабеле. Когда резервации постепенно точно определятся и будут гарантированы для занятия индейцами, сотни индейцев, которые являются сейчас бродят с места на место без постоянного дома, несомненно успокоятся в деревнях, и будет необходимо больше школ. Нужно надеяться, также, что некоторые из меньших групп будут объединяться с большими ради школ и других преимуществ более многочисленного сообщества. Частный случай многих текущих меньших поселений - непреодолимые трудности в предоставлении образования всем детям. Эти индейцы остро осознают ценность образования. В каждой деревне, которую мы посетили, нас убедили передать дальше просьбу, чтобы правительство дало им школу. В одном поселении индейцы вывели всех детей и поставили в ряд, чтобы мы могли самостоятельно увидеть, что здесь достаточно детей, чтобы оправдать строительство школы.

В этой связи мы предположили бы, что если можно в южной Калифорнии построить школу-интернат и ремесленную школу, подобные оным в Хэмптоне и Карлайле, польза от этого была бы неоценима, и это предоставило бы многим детям возможности, которые, вследствие изоляции их домов, не могли бы быть достигнуты никаким другим способом.

Далее мы бы предложили, чтобы только учителя женского пола нанимались в эти изолированные индейские деревни. Среди этих индейцев распространена большая слабость нравов; и в диких регионах, где лежат эти деревни, не существует неписанных законов общества, которые в более цивилизованных сообществах способствуют сохранению мужчин добродетельными. Поэтому должность учителя в этих школах - полна для мужчины искушениями и опасностями. Кроме того, у женщин есть больше храбрости и миссионерского духа, они больше склонны жертвовать своими интересами - всего этого достаточного, чтобы вести такую жизнь и иметь неоценимое влияние на людей вне классной комнаты. Они могут легче проникнуть в дом и в действительности обучать также и родителей, что невозможно для мужчины, насколько серьезным и преданными делу он бы ни был.

Мы также предполагаем, что среди этих индейцев могла бы быть достигнута большая польза от некоторой формой религиозной и образовательной работы. В списке назначений индейских агентств различных религиозных верований, как это указано в сообщении Бюро по делам индейцев за 1882 год, Агентство Миссии назначено лютеранским евангелистам; но мы не могли узнать, велась ли среди них действительно какая-либо духовная работа. Если индейцы Миссии вообще принадлежат к какой-либо религии, то они - католики. Во многих деревнях есть глиняные часовни, построенные во время миссий, где все еще сохраняются много реликвий со дней Миссий - лики святых, емкости со святой водой и т.д. В этих часовнях в случае посещений священника индейцы собираются в большом количестве, женщины иногда приходят их окрестностей в двух днях ходьбы, принося с собой младенцев, чтобы их окрестить. В нескольких деревнях есть также старые индейцы, которых прежде обучали в миссиях, и которые исполняют католические обряды на похоронах, и по воскресеньям повторяют части мессы. Поскольку эти индейцы сейчас располагаются в изолированных обособленных поселениях, значительно отдаленных от центров цивилизации, единственный реальный метод обращения к ним всем - это некоторая форма общей воспитательной работы. Пылкий религиозный и практический учитель, который сможет ходить от деревни к деревне, оставаясь в каждом селений несколько дней или недель, в зависимости от обстоятельств, посеял бы семя, которое не прекращало бы расти и во время интервалов его отсутствия. Если бы он был человеком сильного здравого смысла, знал бы законы жизни, смог бы проинструктировать индейцев в вопросах гигиены, чистоты, вентиляции и т.д., преподать им несколько простых механических искусств, а также - доктрины религии и этики, то он сделал бы больше добра для этих людей, чем в настоящее время это может быть достигнуто школами.

6) Предложение ценности проведения воспитательной работы среди индейцев приводит нас к следующей рекомендации, которую мы считаем очень важным, то есть - что она должно быть сделана обязанностью любого правительственного агента, отвечающего за индейцев Миссии, периодически проводить осмотр, по крайней мере - два раза в год, посещая каждую деревню или поселение, какое бы маленькое оно ни было. Никаким другим способом нельзя достичь надлежащего наблюдения за положительным курсом этих индейцев. Это доказательство намерения правительства не спускать острых глаз со всего, что могло бы иметь отношение к индейцам, окажет благотворный моральный эффект, не только на индейцев, но и на белых поселенцев, живущих по соседству. Это также предоставило бы средства сравнительной быстрого контакта со все время возникающими трудностями и проблемами. Поскольку сейчас не следует удивляться почему индейцы чувствуют себя незащищенными и брошенными на произвол судьбы, а белые поселенцы чувствуют себя в безопасности в случае злоупотреблении собственностью индейцев или обижая этих людей. В некоторых из деревня агента не было в течении прошлых четырех лет. Можно точно заявить, что если бы каждый год на этих участках был агент с надлежащими полномочиями чтобы предпринять действенные меры, то большая часть существующего страдания и беспорядка была бы предотвращена. В случае, например, деревни Лос Койотес, зафиксированного несколько месяцев назад, не было никакой причины, почему те земли не должны были быть выделены индейцам, если бы в их ситуации толком разобрались; также - в случае Сан-Исидро и других. Вся ситуация с агентом в отношении индейцев Миссии полностью отличается от оной с обычным агентством на резервации. Обязанности индейского агента на резервации могут быть обременительными, но они, в некотором смысле, просты. Его индейцы - это все люди в пределах сравнительно небольшой территории, которые, если можно так выразиться, им опекаются и в значительной степени

зависят от правительства. Индейцы Миссии, напротив, рассеяны в изолированных поселениях, на расстоянии 30, 40, 100 миль от штаба агентства, и многие из них - в труднодоступных регионах. Кроме того индейцы, в основном, независимы и сами поддерживают свою жизнедеятельность. Защита или контроль могут осуществляться только систематическими частыми посещениями.

То, что верно в отношении работы агента, то еще более верно в случае работы врача. Если вообще для агентства индейцев Миссии должен быть назначен врач, то он должен быть молодым, сильным, энергичным человеком, который в состоянии и готов делать, по крайней мере, четыре обхода в год всех деревень, и который будет считать себя обязанным пойти, когда его вызовут, во всех случаях эпидемий, тяжелой болезни или несчастных случаев, происходящих среди индейцев в пределах одного дня поездки от штаба агентства. Любая зарплата, которую необходимо платить, чтобы обеспечить подобную службу, должна быть заплачена, или иначе врачебный офис в агентстве индейцев Миссии можно закрывать. Усилия меньшие, чем это - фарс и мошенничество.

7) Мы рекомендуем, чтобы в Лос-Анджелесе был назначен адвокат, или юридическая фирма, которые действовали бы специальные поверенные Соединенных Штатов во всех случаях, затрагивающих интересы этих индейцев.

Они так долго были без какой-либо защиты закона, что нарушения их прав и прямые грабежи стали практикой во всех белых сообществах, рядом с которыми они живут. Скот индейцев крадут, загоняют в загон и отбирают в счет погашения фиктивных штрафов, иногда - просто расстреливают, даже на собственных резервациях индейцев или на общественной области. В сезоны урожая белые фермеры и пастухи гонят свои стада на зерновые поля индейцев, разрушая их пропитание на целый год. Земли, занятые индейцами или индейскими деревнями, регистрируются на продажу под фермы точно также, как будто это была пустая свободная земля. Это уже не раз делалось какого-либо предупреждения индейцев, пока не приезжал шериф с предписанием их выселения. Сами жизни индейцев находятся в непрерывной опасности, и абсолютно безопасно - стрелять в индейца в любое время, если свидетелями преступления являются только другие индейцы. Ясно, что все подобные случаи должны быть разрешены адекватными мерами. Одна из самых больших трудностей в положении агента индейцев Миссии состоит в том, что во всех подобных случаях он бессилен действовать, кроме как избрать, в лучшем случае, медленный и до настоящего времени - неудовлетворительный путь подачи рапорта министерству внутренних дел. Он находится в постыдном положении опекуна, призванного защищать личные и собственнические права индейцев, но защиты которых он неспособен оказать быструю юридическую помощь. В случаях, когда сами индейцы пытались получать компенсацию через суды, их, в большинстве случаев - к позору судебной системы южной Калифорнии - просто обманывали. Они столь же беспомощны, как дети, в руках нечестных, недобросовестных людей. Мы полагаем, что в скором времени один только простой факт того, что подобный орган правовой защиты Соединенных Штатов всегда рядом, чтобы представлять интересы индейцев, после нескольких эффективных демонстраций его силы, покончил бы с большей частью проблем, требующих юридического вмешательства.

Вопрос прав индейцев, живущих на землях, переданных ранее, если правительство решит проверить его согласно закона, повлечет некоторые тяжбы, поскольку он без сомнения будет оспариваться владельцами ранчо; но как только этот пункт будет однажды разрешен, и индейцам обеспечат собственность их земель, то через очень немного лет отпадет потребность

любой специальной тяжбы от их имени. Мы рекомендуем в этой связи фирму Branson & Wells из Лос-Анджелеса. Мы получили из этой фирмы ясное и замечательное мнение о праве этих индейцев на их существующие дома, и мы знаем, что они имеют высокое положение в юридических кругах, и у них также есть гуманное сочувствие к индейцам.

8) Мы рекомендуем, чтобы произошло разумное распределение сельскохозяйственных орудий среди этих индейцев. Никакая деревня не должна быть забыта. Фургоны, сбруя, плуги, лопаты и мотыги - очень необходимы. Удивительно видеть то, чего достигли некоторые из этих деревень, не обладая почти никакими орудиями. В деревне Санта Изабель у индейцев было в обработке триста акров пшеницы; но на всю деревню было всего лишь три старых сломанных плуга, никакой сбруи и никаких фургонов. В настоящее время есть очень необоснованное негодование в некоторых из деревень, которые к настоящему времени не получили никакой подобной помощи, в то время как другие деревни были снабжены всем, что было необходимо.

9) Для агентства индейцев Миссии всегда должен предоставляться небольшой фонд для покупки еды и одежды для очень старых и больных людей во времена особенной нищеты. Индейцы Миссии, как класс, не занимаются попрошайничеством. Они - гордые, и хотят сами зарабатывать на жизнь. Они вынесут много страданий, прежде чем попросят помощи. Но в сезоны засухи или когда их небольшие урожаи зерновых культур, по любой причине, потерпели неудачу, в деревнях иногда случается большое бедствие. Прошлой зимой кагуиллы, в долине Кагуилла в течение многих недель жили без достаточного количества. Учитель их школы неоднократно просил их позволить ей написать агенту, прося помощи, но они отказывались. Наконец однажды ночью вождь и двое главных мужчин вошли в ее комнату и сказали, что она может написать. Они больше не могли переносить голод. Она написала письмо; но следующим утром днем индейцы снова были у ее двери. Они сказали, что пересмотрели свое решение, и что они не будут попрошайничать. Они скорее умрут голодной смертью, и они не разрешили ей послать письмо.

10) Особые пункты, на которые мы были проинструктированы обратить внимание правительства - это вопрос, остались ли все еще в южной Калифорнии правительственные земли, подходящие для индейской резервации, и, если нет, если для этой цели нужно купить земли, то индейцы просят совета какие земли наиболее полезно было бы купить. В южной Калифорнии не осталось ни клочка правительственной земли любого размера, подходящего для белых или индейских поселений. Причина состоит в том, что на изолированные небольшие поселения индейцев сейчас столь сильно посягают и захватывают, даже находящиеся на краю пустыни и гор, что все хорошие земли, земли с водой или на который можно найти источник воды - уже заняты.

Мы рекомендуем две покупки земли, одну - положительно, другую - условно. Первая - это ранчо Паума, сейчас принадлежащее епископу Мора из Лос-Анджелеса. Это ранчо лежит между резервациями Ринкон и Пала на севере и юге, и примыкает к резервации Ла-Хойя, предоставляя замечательную возможность объединить большой участок земли для занятия индейцами. Это, по нашему мнению, очень желанный участок земли. В то время как он является в значительной степени холмистым и гористым, на нем есть хорошие пастбища для овец и рогатого скота, и изрядное количество поймы вдоль реки, пригодной для культивирования. Цена, которую попросили за этот участок, с учетом той, по которой сейчас продают земли в южной Калифорнии, низкая. Если уже существующие резервации будут очищены от белых, объединены и приготовлены для заселения индейцами, и правительственные земли, которые теперь фактически занимают индейцы, будут им гарантированы, то добавление этого ранчо Паумо

будет, по нашему мнению, хорошим делом для всех индейцев, кроме тех, которые живут в пределах границ ранее подтвержденных грантов.

Если правительство решит удалить их всех и предоставить им новый дом, мы рекомендуем покупку ранчо Санта Изабел. Покупка этого ранчо для индейской резервации рекомендовалась правительству еще несколько лет назад, но она была отклонена из-за чрезмерной стоимости, которую за нее попросили. Теперь ее предлагают правительству за 95 000$. В течение прошлых десяти лет ценность земель в южной Калифорнии во многих местах подскочила в 4 раза; в некоторых местах земля стоит в 20 раз больше, чем тогда. Мы без колебаний можем сказать, что сейчас невозможно купить настолько подходящий участок за какое-либо меньшее количество денег. Ранчо содержит 17 719, 40 акров; оно находится в пределах дождевого пояса округа Сан-Диего, хорошо поливается, и хотя и является в значительной степени гористым, имеет хорошее пастбище, немного лугов и немного дубовых лесов. Кроме того, участок находится в регионе, к которому большая часть этих индейцев сильно привязана и около которого сейчас живет большинство из них. Одна большая индейская деревня находится на ранчо. Отец Убах, католический священник в Сан-Диего, который знал этих индейцев в течение семнадцати лет, говорит относительно этого: "Это единственный участок земли, на который человеческая сила может вынудить этих индейцев переселиться." Мы рекомендуем эту покупку только как последнее средство, в случае если правительство будет вынуждено предоставить новые дома всем индейцам, живущим сейчас в пределах границ подтвержденных ранее грантов.

В заключение мы хотели бы сделать предположение, что существует несколько малочисленных групп индейцев Миссии к северу от границ так называемого Агентства индейцев Миссии, позаботиться о которых - обязанность правительства, так же как и об уже перечисленных людях. Одни из них - индейцы сан-карлос, живущие около старой миссии Сан-Карлоса в Монтерее. Их почти сто человек, и они живут на землях, переданных им еще до вступления в силу закона "Об отделении церкви от государства" в 1834 году. Эти земли находятся близко от Монтерея, около границ ранчо Сан Франсискито. Эти границы три раза переносились, каждый раз отбирая еще несколько акров индейских земель, до тех пор, что сейчас у них осталось только 10 или 12 акров. Есть также очень пострадавшие индейцы, живущие по соседству с миссией Сан-Антонио, приблизительно в шестидесяти милях к югу от Монтерея и Сан-Мигеля, за сорок миль дальше на юг, и индейцы санта хуеза около Санта-Барбары. Об этих индейцах нельзя забыть, приводя в жизнь заключительное переселение индейцев Миссии в южной Калифорнии.

Надеемся, что эти рекомендации могут быть одобрены правительством.

С уважением,

Хелен Джексон и аббат Кинни.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Лос-Анджелес, Калифорния, 12 мая 1883.

Сэр, в ответ на Ваш устный запрос о нашем мнении относительно следующих вопросов, а именно:

1) Имеют ли цивилизованные индейцы и те, кто занят сельским хозяйством или любым честным трудом, а также тех, которые известны как индейцы пуебло или ранчеро в Калифорнии, право занимать и владеть землями, которыми владели они и их предшественники, в то время как указанные земли находились под юрисдикцией мексиканского правительства, до и во время ратификации соглашения при Гвадалупе Идальго между Соединенными Штатами и Республикой Мексика в марте 1848 года?

2) Имеет ли правительство Соединенных Штатов право отчуждать земли в пределах Калифорнии с целью поселения на них индейцев?

Мы с честью можем представить наш письменный ответ на вышеуказанное. До и во время соглашения при Гвадалупе Идальго, вся территория теперь известная как "Калифорния" Мексиканской Республики и находилась под ее юрисдикцией. Мы не считаем необходимым, отвечая на указанный вопрос, давать историю земельных законов Испании и Мексики, или методы приобретения земли до 18 августа 1824 года.

18 августа 1824 года мексиканский Конгресс подписал общий закон о колонизации, описывающий способ предоставления земель по всей мексиканской территории. Этот закон был ограничен и определен рядом инструкций, назначенных мексиканским правительством 21 ноября 1828 года. Теми законами и постановлениями, которые с тех пор вступали в силу, губернаторы территорий были уполномочены предоставить свободные земли, с определенными указанными исключениями. Согласно фундаментальным законам 1824 года, инструкциям 1824 года, и инструкциям ведомственного законодательного органа, в Калифорнии были определены все мексиканские гранты; и этим была определена законность каждого участка земли в Калифорнии. (см. дело Lesse & Vallejo vs. Clark, 3 Cal. 17.) Ограничения, так же как и упомянутые фундаментальные законы, при условии, что при создании грантов или распределении земель (которые сейчас известны как "мексиканские гранты"), предусматривали следующее:

1. Это должна быть свободная земля, и если она занята индейцами, то должна быть им передана.

2. Земли, отнятые у индейцев, должны быть возвращены законным владельцам.

Мексиканское правительство удержало от выпуска на частный рынок все земли, занимаемые и находящиеся в собственности индейцев. Была проявлена большая забота чтобы сделать строгое резервирование такой земли; и, согласно закону, никакой действительный грант занятой земли, находящейся во владении индейцев, не мог быть отнят у них. Когда Калифорнию уступили Соединенным Штатам, права на собственность у ее граждан остались неизменными. В соответствии с международным правом эти права были священными и неприкосновенными, и новому правительству передавались обязательства защитить и поддерживать их. Термин "собственность", в применении к землям, охватывает все названия, законные или равноправные, совершенные или несовершенные. (См дело Teschemacher vs. Thompson, 18 Cal. 12.) Соединенные Штаты никогда прежде, и сейчас не обладают силой ни на основании указанного соглашения, ни посредством какого-либо другого документа, присуждать гражданину, получившему собственность, предоставленную мексиканским правительством, другие или

отличные права собственности, чем присужденные ранее мексиканским правительством. США не может сократить или увеличить право обладать собственностью, действующее на основании мексиканских законов во время заключения указанного соглашения, и при этом они не могут лишить людей любого права на собственность, которая принадлежала им во время заключения указанного соглашения.

На второй вопрос мы можем ответить следующим образом: - пятая поправка к Конституции Соединенных Штатов обеспечивает: "...частная собственность не может быть взята для общественного использования без справедливой компенсации." Будут ли земли, уже принадлежащие гражданам, забраны с целью предоставления их же индейцам, случаем такого же "общественного использования", как это рассматривается Конституцией? По нашему мнению - нет. (Далее идет перечисление судебных дел: Walther vs. Warner, 26 Mo. 277 ; Board of Education vs. Hockman, 48 Mo. 243; Buffalo & New York Railroad Company vs. Brannan, 9 N. Y. 100; Bradley vs. New York, &c. Railroad Company, 21 Conn. 294 ; Fisher vs. Horicon Iron Work, &c. Company, 10 Wis. 354; New Orleans & Railroad Company vs. Railroad Company, 63 Ala. 211; Conn vs. Horrigan, 2 Allen, 159; Chambers vs. Sattuler, 40 Cal. 497; Railroad Company vs. City of Stockton, 41 Cal. 149; Channel Company vs. Railroad Company, 61 Cal. 269; Gilmer vs. Lime Point, 18 Cal. 229; Conn vs. Tewksbury, 11 Metcalf, 66; Manufacturing Company vs. Head, 66 N. H. 386; Olmstead vs. Camp, 33 Conn. 532; Buck-man vs. Saratoga Railroad Company, 3 Paige Ch. 45; Memphis Freight Company vs. Memphis, 4 Cold. 419; Enfield Toll Bridge Company vs. Hartford Railroad Company, 17 Conn. 42.)

С уважением,

Brunson & Wells, Attorneys-at-Law. Abbot Kinney, Esq., Lob Angeles, Cal.

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Сабоба.

Saboba - название деревни индейцев племени серрано, численностью 157 человек, живущих в долине Сан Хасинто, в основании цепи гор Сан Хасинто, округ Сан-Диего. Деревня находится в пределах границ мексиканского участка земли, записанного на наследников Дж. Эстудилло от 17 января 1880. Большая часть участка была продана компании, которая разделяя земли, выделила участок земли, на котором находится деревня Сабоба некому М. Х. Бирнсу из Сан-Бернардино, который предлагает изгнать индейцев, если правительство Соединенных Штатов не купит весь его участок в 700 акров по непомерной цене. Деревня Сабоба занимает приблизительно двести акров - лучшую часть участка г-на Бирнса. Индейцы жили в этом месте больше ста лет. У них есть глиняные дома, огражденные области, сады и каналы орошения. В деревне есть надежный источник воды. Индейцы говорят, что первые разведки земли не включили деревню в план. Это, вероятно, верно, поскольку перерассмотрение участков и "закругление" их линий, чтобы охватить недавно обнаруженные ценные земли, и не учесть другие, ничего не стоящие - это обычная практика в Калифорнии. В стране, где вода - на вес золота, такой источник, как этот, принадлежавший индейцам Сабоба, не мог избежать внимания и долго оставаться в безмятежном владении индейцев. Эти индейцы поддерживают себя сейчас, и всегда, занимаясь сельским хозяйством, выпасая организованными группами овец и занимаясь виноградарством. Они трудолюбивые и миролюбивые, и в удачные сезоны живут довольно комфортно. Они раньше держали рогатый скот, но, со времен последнего переселения, предварительных обзоров и ограждения долины, были вынуждены бросить это занятие. В этой деревне есть правительственная школа, в которую ходят от тридцати до сорока учеников. Они делают замечательные успехи. В школе преподает леди из Пенсильвании, прежде - учитель вольноотпущенников. Ее мягкость и утонченность оказали влияние на всю деревню, а ее самоотверженный труд среди людей во времена болезни и страданий - были, скорее, работой миссионера, а не учителя. Следующие письма были написаны двумя из детей этой школы, обеим детям - менее четырнадцати лет. Они были написаны без знания и помощи учителя, и принесены ей с просьбой, что она их пошлет. Почерк четкий и хороший:

Президенту Соединенных Штатов.

Уважаемый господин президент, я хотел бы написать Вам письмо, в котором я попытаюсь рассказать Вам некоторые вещи. Белые люди называют ранчо Сан Хасинто их землей, и я не хочу, чтобы они так делали. Мы думаем, что оно наше, поскольку Бог дал его нам первыми. Я думаю, что Вы скажете мне, что является правильным, поскольку Вы были настолько хороши к нам, дав нам школу и помогая нам. Вы не приедете в Сан Хасинто на некоторое время, чтобы увидеть нас, школу, и людей деревни Сабоба? Многие из людей - больны, и некоторые - умерли. Мы настолько бедные, что у нас недостаточно хорошей еды для больного, и иногда я боюсь, что мы все умрем. Пожалуйста, скажите те слова, которые хорошо подействуют на наши ранчо, и приезжайте скоро, чтобы увидеть нас.

Ваш друг,

Рамон Кавави.

Г-жа Джексон,

Мой дорогой друга, я хотел бы написать Вам письмо об американских людях, которые хотят выгнать нас из нашей собственной деревни Сабоба. Я не знаю на основании чего они уверены в своей правоте. Я не знаю, почему они так делают. Мой учитель сказала мне, что она очень сожалеет о городе, и затем мой учитель сказала, мне кажется: "Вам найдут хорошее место, если вы должны будете уйти; но я надеюсь, что они выгонят вас". Тогда это будет очень хорошо для всех людей Сабоба. Это - очень хороший город для людей. Они много чего сделали в своих садах, и они очень сожалеют о проделанной работе, которая пропадет зря. Моя работа также очень хорошо сделана. Люди делают один большой забор, чтобы удержать коров и лошадей подальше от их сада.

Ваш истинный друг,

Антонио Леон.

Эти индейцы Сабоба очень удручены и приведены в уныние перспективой того, что их выгонят из их домов, и чувствуют, что правительство должно защитить их. Вождь деревни, очень разумный и здравомыслящий человек, сказал: "Если правительство скажет, что мы должны уйти, значит - мы должны; но мы скорее умерли бы прямо здесь, чем куда-то передвинулись." Право этих индейцев на землю, которую они так долго занимали и обрабатывали - вне всякого сомнения. То, что это право могло бы быть успешно поддержано в судах, поддерживается мнением юридической фирмы Brunson & Wells, замечательное письмо которой, покрывающее все подобные случаи, указано здесь.

В трех милях от этой деревни на правительственной земле мы нашли узкий участок земли, называемый Индейским Катионом, на котором жили полдюжины индейских семей. Он имеет длину всего лишь в пять или шесть миль и очень узкий; но на территории есть маленький, надежный ручей, и хорошая пойма, на которой индейцы выращивали превосходный урожай зерновых культур пшеницы. Эта земля - умеренно лесистая. Было удивительно, что столь желаемый и укромный уголок был пропущен или не замечен инспекторами ранчо Сан Хасинто. Мы немедленно написали правительству, рекомендуя, чтобы он был отложен для использования индейцами. На другом красивом участке, на котором также есть ручей, мы нашли дом старого вождя, Викториано, которому почти сто лет. Этот участок было оазисом из зелени, дубовых и ивовых деревьев, пшеничных полей, абрикосового сада и виноградника - все это посажено и ухожено отцом Викториано.

Это место было передано Викториано своему внуку, который, как нам сказали, предпринимает шаги, чтобы обеспечить его себе, согласно индейскому "Закону о фермерстве".

ПРИЛОЖЕНИЕ С.

Резервация Кагуилла.

Долина Кагуилла находится приблизительно в сорока милях от Сабоба, высоко среди пиков гор Сан Хасинто: дикая, бесплодная, недоступная местность. Деревня Кагуилла, расположенная здесь, была одним из самых интересных мест, которые мы посетили, и индейцы здесь казались очень здравомыслящими, более индивидуальными и независимыми людьми, чем любые другие, которых мы видели. Это так частично из-за их врожденных качеств - племя первоначально было одним из самых воинственных и сильных в стране, как и обозначается их именем, которое означает "владелец, хозяин". Изоляция этой деревни также имела тенденцию сохранить у этих индейцев чувство собственного достоинства и независимость. В пределах десяти миль нет никаких белых поселений, и полезные земли сравнительно небольшие, чтобы соблазнить белых прийти в эту горную твердыню. Население деревни составляет от 150 до 200 человек. Здания сделаны из самана, и покрыты соломой и тростником; у трех зданий есть покатые крыши, и в каждом доме есть пол. Эти индейцы делают большую часть своего пропитания обеспечивают животноводством. Каждый год они также отсылают группу, чья задача состоит в стрижке овец. Они обрабатывают шестнадцать полей, больших и маленьких, и сказали, что обрабатывали бы и больше, если бы не нехватка плугов - поскольку там один плуга на целую деревню. Они выращивают пшеницу, ячмень, зерно, сквош и арбузы. Иногда мороз убивает зерно, и иногда саранча спускается в долину, но, кроме этих несчастных случаев, их зерновые культуры весьма преуспевают. На всем протяжении деревни можно заметить их любопытные наружные зернохранилища - огромные корзины, сделанные из искривленных и сотканных прутов, и установленные на столбах. Женщины аккуратно одеты, дети тоже, лица у всех мужчин, женщин и детей, имеют вид интеллектуальной увлеченности, что очень необычно среди индейцев южной Калифорнии. В предместьях деревни есть надежный горячий источник. В этой воде и старые, и молодые индейцы, как говорят, могут купаться все время. Индейцы полагают, что границы их резервации проходят непосредственно через центр этого горячего источника. Так им сказали некоторые белые люди, но они ничего не знают точно, конечно. Им никогда не показывали границ. При последующей экспертизе в офисе генерала-инспектора в Сан-Франциско мы обнаружили, что и этот источник, и сама деревня находятся полностью вне границ резервации; также и другое индейское поселение под названием Дуазно, находящееся на расстоянии в нескольких миль, и положенное быть включенным в резервацию, находится за границами. Резервация Кагуилла зарегистрировано содержит двадцать шесть участков земли; насколько мы могли судить о регионе, нам показалось щедрой оценкой, что этот регион мог бы возможно содержать 500 акров обрабатываемой земли. В хорошие годы на склонах гор может располагаться обширное пастбище; но дальняя и большая часть участка абсолютно ничего не стоит, так как это - голые и каменистые горы. Кагуиллы, однако, удовлетворены ими. Они любят страну, и ни за что не обменяли бы ее на плодородные долины ниже. Они сказали, что будут отлично удовлетворены, если правительство выделит им их землю, и установит границы - чтобы они могли знать, где они могли бы выпасать свой собственный скот, и откуда прогонять скот белых. Все, что они попросили в дополнение к этому - это сбруя, фургоны и сельскохозяйственные орудия, особенно - плуги. По поводу плугов, вождь не успокоился, пока не увидел, что мы записали, что десять плугов - это наименьшее количество, которого будет достаточно для деревни.

На некотором отдалении от горячего там стоял хороший глиняный дом, закрытый и незанятый. История этого дома - наглядная иллюстрация тех проблем, с которыми сталкиваются индейцы в этих отдаленных регионах, незащищенных правительством, и неспособные сами защитить себя. Приблизительно восемь лет назад кагуилла арендовали участок их земли как пастбище двум мексиканцам по имени Мачадо. Эти Мачадо, по разрешению индейцев, построили этот глиняный дом, и жили в нем, заботясь о своих животных. По истечению арендного договора дом должен был стать собственностью индейцев. Когда Мачадо уехали, они сказали вождю кагуиллы: "Вот Ваш дом." В следующем году другой человек по имени Томас арендовал у индейцев участок пастбища, и также арендовал этот дом, заплатив за его использование в течение двух лет шесть быков, и поселив в нем человека по имени Кушмен, который был его надзирателем. В конце этих двух лет Томас сказал кагуиллам: "Вот Ваш дом; теперь я убираю свой рогатый скот." Но его человек Кушмен отказался выселяться из дома; он сказал, что дом находился на земле в собственности железной дороги, и что он купил эту землю у компании железной дороги. Несмотря на протесты индейцев, он жил на там в течение трех или четырех лет. Наконец он умер. После его смерти, его старый работодатель Томас, который когда-то арендовал этот же дом у индейцев, выступил вперед и потребовал дом как свой собственный, и сейчас он продал его человеку под именем Парки. И все это время индейцы не совершали насилия над нарушителями. Они поехали в Лос-Анджелес, чтобы узнать у компании железной дороги, принадлежала ли земля Кэшману, как он утверждал, и им сказали, что нет, не принадлежала. Они представили это дело своему агенту, но он был неспособен с этим что-либо сделать. Хотя, казалось бы, это было делом наибольшей важности в случае этой резервации, и всех других, так же размещенных на землях, требуемых или принадлежавших железнодорожным компаниям. Эта земля должна была отделиться и добавиться к постоянной резервации. Таким образом можно было бы избежать многих дальнейших проблем.

Инцидент, который произошел на границах резервации Кагуилла за несколько недель до нашего прибытия туда, важен как иллюстрация потребности некоторой правовой защиты для индейцев в южной Калифорнии. Индеец кагуилла по имени Хуан Диего построил для себя дом и обрабатывал маленький участок земли на высоком горном выступе в нескольких милях к северу от деревни. Здесь он жил один с женой и ребенком. Он уже в течение нескольких лет был тем, что индейцы называют "locoed", будучи время от времени сумасшедшими; он никогда не был опасным, но все равно был безумным длительные или более короткие периоды. Его состояние было известно агенту, который сказал нам, что он боится, что он будет вынужден закрыть Хуана, если тот не поправится. Хуана также знали по всей соседней стране, как мы выяснили повторными расспросами. Все знали, что Хуан Диего был "locoed". (Это выражение происходит от эффекта, который одноименная трава оказывает на лошадей, делая их дикими и неуправляемыми.) Хуан Диего как-то отправился искать работу по постригу овец. Он приехал домой ночью верхом на странной лошади. Его жена воскликнула: "Это чья лошадь?" Хуан посмотрел на лошадь, и смущенно ответил: "Гм, а где тогда моя лошадь?" Женщина, очень испугалась и сказала: "Ты должен сейчас же вернуть лошадь, иначе они скажут, что ты ее украл." Хуан ответил, что так и поступит, только сперва отдохнет; и он лег спать. Он был пробужден лаем собак, и выбежал из дома, чтобы посмотреть, что он означает. Женщина последовала за ним, и она была единственной свидетельницей того, что затем произошло. Белый человек по имени Темпл, владелец лошади, на которой Хуан приехал домой, увидев, что Хуан начал громко что-то говорить, достал свой пистолет и убил его. После того, как Хуан упал, Темпл подъехал ближе и выпустил в тело еще пули - одну в лоб, одну - в щеку, и одну - в запястье. Женщина это все видела.

После этого он взял свою лошадь, которая стояла привязанный перед домом, и уехал. Женщина с ее ребенком на спине, побежала в деревню Кагуилла и рассказала, что произошло. Это было ночью. На рассвете индейцы пришли на место трагедии, принесли тело убитого человека в деревню, и похоронили его. Было интенсивное волнение. Учитель, рассказывая нам о том, что происходило в течение последующих нескольких дней, сказала, что она боялась, что будет обязана закрыть свою школу и покинуть деревню. Убийца пошел к ближайшему мировому судье и сдался, говоря, что он имел стрелял в индейца для самозащиты. Он поклялся, что индеец бежал к нему с ножом. Вызвали жюри из двенадцати мужчин, которые посетили место преступления, выслушали историю Храма, объявил его невиновным и судья подтвердил их решение. Свидетельство женщины не было принято. Но оно все равно ничего бы не стоило, если речь шла об изменении мнения присяжных. По ее заявлению, абсолютно положительно, что у Хуана не было ножа или вообще какого-либо оружия.

Ее муж встал после сна и торопливо побежал посмотреть, что произошло, и был застрелен почти как только пересек порог двери. Окружной прокурор в Сан-Диего, будучи информированным нами о фактах этого случая, неохотно допустил, что бесполезно приводить в суд белого за убийство индейца при таких обстоятельствах, с единственно индейскими показаниями в качестве обвинения. Это было подтверждено, и общая враждебность общественности, ярко проиллюстрированная нам беседой, которую мы позже имели с одним из присяжных заседателей этого случая - с прекрасным, чистосердечным, мужественным молодым человеком, по образованию и социальному положению - намного выше среднестатистического владельца южнокалифорнийских ранчо. Он не только оправдал убийство индейца Темплом, но и сказал, что сам бы поступил точно также. "Мне без разницы, был ли у индейца нож или нет," - сказал он. "Это не произвело бы никакого впечатления. Любой человек, который украл бы мою лошадь и уехал на ней в горы, получил бы пулю сразу же, как только я бы его нашел. Фермеры должны защитить себя в этой стране." Те известные факты, что Хуан оставил свою собственную лошадь в загоне, из которого он взял лошадь Темпла; что поехал прямиком к своей собственной двери, и оставил лошадь привязанной перед ней, таким образом делая бесспорным факт, что он будет выслежен и пойман, ничего не затронул в уме этого молодого человека. Предельная уступка, на которую он пошел, это наконец сказать: "Хорошо, я соглашусь, что Темпл был виноват в том, что стрелял в него после того, как тот уже был мертв. Это подло, да."

Отчет о нашем посещении резервации Кагуилла был бы неполным без краткого описания тамошней школы. В ней учится от сорока до пятидесяти учеников, там преподает вдова, которая вместе с ее маленькой десятилетней дочерью живет в одной небольшой комнате, построенной в конце здания школы. Часть комнаты занавешивается скрывая держащий постель, умывальник и бюро. Остальная часть комнаты является гостиной, кухней, складским помещением, и в ней едва помещаются плита, стол и стулья. Здесь одна, с ее маленькой дочерью, в деревне с приблизительно 200 индейцами, в десяти милях от дома первого белого, эта храбрая женщина жила больше года, делая работу, в которой часы, проведенные в классной комнате, являются самой маленькой частью. Индейцы приезжают к ней с каждым затруднением и проблемой; обращаются к ней за помощью по уходу, когда они больны, просят еды, когда они испытывают лишения. Если бы она это позволила, ее небольшая комната могла бы всегда быть переполненной женщинами, а также - мужчинами, готовыми смотреть и учиться. Кагуиллы имеют хороший мозг, рвение, они быстры и упорны. Успехи, которые эти дети сделали в сравнительно короткий промежуток времени, с того момента, как была открыта их школа, были

далеко за пределами успехов, обычно делаемых белыми детьми в тот же самый промежуток времени. Дети, которые два года назад не знали письменности, сейчас читали разумно уже во вторых и третьих классах, писали быстро и с замечательной точностью.

Их тетради абсолютно свободны от чернильных пятен или стираний; некоторые из учеников старшего возраста хорошо поняли арифметику, счет в уме, и за их вопросами было не так легко уследить. Они пели песни в красивой мелодии и времени, с большим духом, и очевидно наслаждаясь этой частью упражнений больше, чем все остальные. Мы принесли им пакет иллюстрированных сборников рассказов, любезно предоставленных некоторыми ведущими издателями в Нью-Йорке и Бостоне, и выражении рядов их ярких темных глаз, когда учитель доставал книгу за книгой, запомнится нам навсегда. Нервное напряжение учителей в подобном положении едва ли можно оценить обычными стандартами. Абсолютная изоляция, непрерывное требование, нехватка, не только удобств, но и многих предметов первой необходимости - это все возрастающее бремя, которое, казалось бы, никакая женщина не смогла бы долго выносить. Прошлой зимой в долине Кагуилла была метель, длящейся два дня и две ночи. Жестокий ветер мел сухой снег в каждую щель плохо построенного глиняного дома - как песок в песчаную бурю. В первый день шторма, школа должна была закрыться в начале дня, поскольку снег столь быстро падал на книги и доску, что ничего нельзя было сделать. В последний вечер шторма учитель и ее маленькая дочка провели всю ночь, выгребая снег из комнаты. Они складывали его в одеяло, открывали дверь, выворачивали одеяло, и затем продолжили сгребать. Они упорно трудились всю ночь, чтобы успеть за штормом. Когда снег перестал идти, классная была полностью заметена, и в течение многих дней после этого была влажной. Казалось бы, что школьный год в таких местах, как это, не должен составлять более восьми месяцев в году. Однако, зарплаты не следует уменьшать, поскольку сейчас на них едва можно выжить, и очень неудобно жить в этих диких регионах. Один из этих учителей сказал нам, что она была обязана дать индейцу 1$, чтобы тот поехал в ближайший магазин и привез ей сахар стоимостью также в 1$. Учитель в резервации Кагуилла (перед ее браком) считала, что индейцы достигнут больше за восемь месяцев непрерывной учебы, чем за девять. Напряжение на них также слишком большое - они не привыкли к сидячему образу жизни и непрерывному интеллектуальному труду. Если это изменение вступит в силу, то каникулы должны устроены так, чтобы захватить сезон стрижки овец, во время которого все школы отмечают отсутствие старших мальчиков.

ПРИЛОЖЕНИЕ D.

Индейцы Ранчо Уорнера.

Участок, известный как Ранчо Уорнера, находится в северной части округа Сан-Диего, приблизительно за сорок миль от долины Кагуилла. Он содержит два участка - Сан-Хосе дель Валье и Валь де Сан Хосе; первый имеет площадь 26 000 - 27 000 акров, подтвержденный во владение Дж. Дж. Уорнером, запатентованный 16 января 1880 года; второй содержит 17 000-18 000 акров, подтвержденный во владение некому Портула, запатентованный 10 января 1880 года. Вся собственность сейчас находится во владении губернатора Дауни из Лос-Анджелеса. Там, как говорят, есть несколько противоречивых требований, и все же нерешенных. Ранчо сейчас используется для разведения овец и рогатого скота, и имеет большую ценность. Это - красивая область, богатая запасами воды и лесистая. Е пределах ее границ находятся пять индейских деревень: Сан Луисенос и Диегмонс, Аква Калиенте, Пуэрта де Ла-Крус, Пуэрта де Сан Хосе, Сан-Хосе и Матагуэй. Последние четыре являются очень маленькими, но Аква Калиенте долго был источником процветания и влиятельной деревней в стране. Она прежде была выделена как резервация, но правительственное распоряжение было отменено 17 января 1880 года, непосредственный после патентования ранчо Сан Хосе дель Валье, в пределах границ которого тогда заявлялось местонахождение деревни, хотя, исходя из лучшей информации первых трех обзоров того ранчо, деревня не была включена в территорию резервации. Старый вождь индейцев Аква Калиенте все еще сохраняет бумагу, подтверждающую меморандум об установлении этой резервации в приблизительно 1 120 акров для этих людей. Это было сделано согласно правительственному распоряжению от 1875 года. Он также дорожит несколькими другими одинаково ничего не стоящими бумажными свидетельствами от судьи Сан-Диего, согласно которым индейцы наделяются правом на их земли; меморандум об обещании генерала Кирни, который уверил их, что с учетом их дружелюбия и помощи ему они должны сохранить свои дома, "хотя весь штат должен быть заселен белыми." Поэтому не следует задаваться вопросом, почему эти индейцы аква калиенте сегодня с трудом могут верить каким-либо обещаниям.

По вышеупомянутому краткому обобщению ситуации может быть замечено, что у них есть чрезвычайно сильное требование к правительству по защиты их права на их земли. Начиная с восстановления их деревни и полей "в общественное владение," патентования ранчо и продажи их земли губернатору Дауни, индейцы были в постоянном беспокойстве и ужасе. Губернатор Дауни был внимателен и гуманен в своем обхождении с ними, позволяя им многое. И его руководитель также был дружелюбен к ним, разрешая полную свободу, когда дело касалось ранчо. Он считает их труд неоценимым, когда подходит время стрижки овец, и он может в течение года иногда давать им возможность случайного заработка. Но индейцы очень хорошо знают, что согласно обычному течению вещей в округе Сан-Диего, они могут в любой день быть изгнанными правовой процедурой; и удивительно, что при этих обстоятельствах они столь упорно продолжали заниматься своими разнообразными продуктивными делами. У них есть большое количество обрабатываемых земель. Они также делают циновки, седла и шляпы из волокнистых растений; женщины делают корзины и шнурки. Это, как говорят - самая трудолюбивая деревня в графстве; старый вождь строго обходился с любым праздным индейцем. У них также есть маленький доход от горячих источников, благодаря которым деревня получила свое имя. Они пузырятся в любопытных каменных бассейнах в сердце деревни. Ими летом очень активно обращаются ревматические и другие пациенты, которые арендуют

небольшие глиняные здания индейцев и платят им маленький налог за использование вод. Индейцы и сами в эти времена переселяются в хижины в долине в приблизительно двух милях выше от деревни, где располагаются их главные обрабатываемые земли. Они были очень серьезными, когда узнали от нас, что мы советовали бы им засадить большее количество этой земли. Они сказали, что засадили бы их все, если бы не страх, что их каждый день могут выгнать. Эта верхняя долина и эти засаженные поля, как говорили, находились на правительственной земле; но после изучения планов инспектора в земельной комиссии Лос-Анджелеса, мы не смогли найти какие-либо примечания, которые указали бы на местоположение. У этих индейцев в использовании есть другая долина под названием Лост Велли, приблизительно в пятнадцати милях от их деревни, высоко в горах, достижимая только по одной очень крутой тропе. Здесь они держат свой скот, будучи не в состоянии пасти его на пастбище ниже. Они трогательно стремились убедить нас записать точные числа рогатого скота, лошадей, овец, имеющихся у каждого человека, и передать эти данные в Вашингтон, чтобы президент мог бы увидеть, как они все пытаются продуктивно работать. Во владении деревни находятся, вероятно, от 125 до 150 голов рогатого скота, приблизительно 50 лошадей и 100 овец.

Здесь есть правительственная школа, в которой преподает молодая немецкая леди, превосходного образования и с большим энтузиазмом в ее работе. С большими затратами и риском она доставила свое фортепьяно в эти дебри, и считает это неоценимой помощью в обучении и влиянии на ее учеников. Это была сцена, забыть которую невозможно, когда после их упражнений в чтении, арифметике и т.п., во всех из которых они показали действительно замечательное мастерство, дети столпились в небольшой комнате учителя и пели песни под аккомпанемент фортепьяно, на котором играли с духом и с чувством." Моя страна, сладкая земля свободы" - это была песня, которую они, казалось, любили лучше всего, пока что не осознавая, насколько мало применимо к их собственной ситуации были эти проявления ликующей радости и свободы. В этой крошечной комнате, примыкающей к классной комнате, эта молодая особа жила, спала, готовила себе пищу, часто проводила "кулинарные курсы" индейским женщинам, которых она учила как делать супы, хлеб, напитки. Невозможно не восхищаться благородным сочувствием этих учителей женщин в индейских школах в южной Калифорнии. Их ситуация и их работа уникальны по своей изоляции и трудности.

Другие индейские деревни на территории ранчо Уорнера не требуют отдельного описания, так как состоят из не более полудюжины строений каждая и включают только 15-30 индейцев. У каждой деревни, однако, есть свой собственный вождь, свои обрабатываемые поля, сады и т.д., к которым индейцы очень сильно привязаны, и с которых было бы очень трудно, чтобы побудить их уйти, несмотря на их бедность, и трудности выживания в тех условиях, в которых они сейчас находятся.

Во время нашего пребывания на ранчо Уорнера у вождя деревни Сан-Хосе мы имели опыт, который иллюстрирует беспомощность этих индейский фермеров в южной Калифорнии. У него имелась часть правительственной земли, на небольшом расстоянии от его деревни - огражденное пшеничное поле, площадью приблизительно в 50 акров; для него это был главный источник поддержки в году. Уходя однажды, он оставил своего старого отца ответственным за дом; старик куда-то ушел и во время его отсутствия один из бродячих пастухов овец, которыми была полна страна, сломал забор и завел на поле свое стадо, и когда Доминго приехал ночью, то все посевы были съедены до земли. Прослышав о том, что мы в это время находились в доме вождя, Доминго приехал, чтобы спросить, не могли ли мы помочь ему в этом вопросе. Тихий и

толковый образ его повествования, с которым он рассказывал историю, был более внушительным, чем любая громкая жалоба. Он очень просто сказал: "Что же мне теперь делать, чтобы обеспечить себе еду на зиму?" Г-н Кинни поехал в деревню, увидел разоренное поле, и после этого, с некоторыми проблемами, нашел пастуха, который был очень напуган и сказал, что сделал это согласно распоряжениям своего владельца. Этот владелец, итальянец, жил на расстоянии в приблизительно 20 миль; самый близкий мировой судья находился в 16 милях. Для соблюдения правосудия, мы нашли, что ничего нельзя было сделать, чтобы покрыть убытки фермера от владельца овец, пока двое белых жителей графства не осмотрели бы поле и не оценили убытки. Доминго проехал 16 миль ночью, в жестокий шторм и дождь со снегом, с письмами от нас к белым на ранчо, прося, чтобы они это сделали. Он снова вернулся днем с письмом от одного из них, в котором говорилось, что он не может побудить человека идти с ним. Наконец, суд, по нашему запросу, нанял двух мужчин с полагающейся им заработной платой, чтобы они пошли и осмотрели поле индейца. Они оценили убытки в приблизительно 1/10 реального ущерба, и, таким образом, мы были вынуждены оставить этот вопрос. Мы впоследствии получили письмо от итальянца, в котором заявлялось, что он уладил дело с Доминго, но там нигде не упоминалась заплаченная сумма. Было ясно, что если бы мы не вмешались в дело, индеец не возвратил бы ни цента. И это ни в коем случае не исключительный случай.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е.

Индейцы бан чибо

В Канон Сан-Исидро, приблизительно в восьми милях от ранчо Уорнера, с незапамятных времен жила группа индейцев Сан Луисено, числом от 50 до 75 человек, и названная по имени их местности. Сначала мы видели управляющего этих индейцев в Лос-Анджелесе, в офисе специального уполномоченного суда Соединенных Штатов, г-на Х. Т. Ли, чья доброта и гуманное сочувствие во всех индейских делах под его опекой уместно было бы здесь упомянуть. Капитан Пабло с двумя главными помощниками шел три дня к Лос-Анджелесу, чтобы увидеть, мог ли он получить какую-либо помощь относительно того, что касается земель, которые были отобраны у его людей. Его история была жалкой. Приблизительно шесть лет назад белый человек по имени Чатем Хелм пришел на участок на три мили выше территории их деревни, построил там ферму, отрезав большую часть их водоснабжения, и забрав некоторые из обрабатываемых ими областей, и оставив им ограниченную площадь для выпаса скота. С этого времени они становились беднее день ото дня, но сумели выживать, обрабатывая земли ниже деревни около основания катиона, где находился другой небольшой ручей. Но теперь ниже их территории появился новый поселенец, и присвоил все остающиеся земли, включая саму территорию деревни. Человек Хельм, находящийся выше их, запатентовал свои земли, построил хороший дом и содержал значительное стадо скота. Индейцам не поступала вода, кроме той, которую он пропускал вниз по течению. Три года назад один из их числа был застрелен Хельмом, которого освободили исходя из обычного заявления о самозащите. С тех пор индейцы находились в непрерывном терроре. Новый поселенец угрожал им тем же самым, если они пойдут к его землям. Между этими двумя поселенцами индейская деревня была полностью окружена и зажата, голодание смотрел им в глаза. Фактически, в ходе прошлой зимы одна маленькая девочка умерла из-за отсутствия еды. Ее соотечественники подтвердили рассказ. Они были изможднены от голода и полны отчаяния. Это превысило бы все границы этой книги, если бы мы дали полный текст доклада интервью с этими индейцами. Об этом нескоро забудет тот, кто принимал в нем участие - сдержанный тон, с которым индейцы отвечали на вопросы переводчика, их намерение и умоляющий пристальный взгляд, с которым они изучали все наши лица и слушали все слова, непонятные им, которыми мы переговаривались друг с другом.

Наконец было решено отправить в министерство внутренних дел показания под присягой этих индейцев, формулируя образ, которым у них отняли их земли, и прося, чтобы Клусу (поселенцу ниже их) отменили право владения, и чтобы патентованный участок Хельма (поселенца выше из) был вновь открыт. Рассматривая этот вопрос в Вашингтоне, было найдено, что несколько лет назад, этот участок был изъят с рынка в целях выделения его в качестве резервации для живущих на нем индейцев, но этот вопрос со временем выскочил из головы. Лично посетив Катион Сан-Исидро несколько недель спустя, мы нашли, что Клус сработал быстро и решительно, продал права на ферму, дом, и то, что он был рад назвать своими "усовершенствованиями", за 600$ бедной старой вдове, г-же Памеле Хэгэр. Мы нашли г-жу Хэгэр, с ее сыном, на земле - они готовились открыть пасеку. Она не очень-то удивилась, услышав, что ее права на участок, который она купила, были сомнительными. Она лишь сказала: "Ну, я подозревала, что что-то было не так - Клус настолько спешил получить его деньги." Эта женщина казалась почти столь же беспомощной, как и сами индейцы. Участок, который она купила у Клуса, не был признан; ее не записали как владелицу; ее имя было записано в документе с орфографическими ошибками; и перечисление участков в ее акте на землю не совпадало со списком в свидетельстве земельной

комиссии. Она просила нас похлопотать, чтобы правительство возместило ей сумму, которую она заплатила Клусу, и подписала документ, в котором говорилось, что она готова принять эти условия. Это - маленькая сумма, и поскольку бедная старуха сделала сделку добросовестно, ничего не зная о присутствии индейцев на этом месте, казалось весьма разумным, что ей нужно заплатить. Следующим утром сам Клус появился на сцене, очень сердитый и обиженный. Он сказал, что имел "прекрасное право на участок той земли;" что "индейцы не были гражданами и не имели никакого права на общественные земли", и что" фермеры округа Сан-Диего не собирались больше терпеть убийство индейцами их рогатого скота; " что "правительство должно поместить индейцев где-нибудь всех вместе, и позаботиться о них" и что "будет большая битва с индейцами в округе Сан-Диего в ближайшее время, мы должны быть в этом уверены;" и еще много подобных выражений, которые не стоил бы даже и повторять, за исключением того, что это - хорошая иллюстрация враждебности большей части владельцев ранчо в южной Калифорнии по отношению к индейцам. Спустя несколько дней после этого нас обрадовали новости из Вашингтона, что регистрация Клуса отменялась, и что генеральный прокурор приказал, чтобы в Сан-Франциско были начаты слушания по делу освобождения патента Чатема Хельма. Несколько подобных быстрых случаев изменили бы все состояние южнокалифорнийских индейцев, придав им храбрость, и, что еще более важно, прояснив восприятию белых, что права индейцев больше не стоит игнорировать, как это было до сих пор.

ПРИЛОЖЕНИЕ F.

Лос Койотес

В пяти милях от Катиона Сан-Исидро находится небольшая долина на пустынной стороне гор, и ее можно достигнуть только по крутой и узкой тропе. Это лишь немного больше, чем углубление на выступе. С его края можно смотреть прямо в пустыню. Лишь немного белых людей смогли проникнуть в нее и индейцы, живущие в этой долине, были до настоящего времени в безопасности из-за бедности и недоступности их дома. Их никогда не посещал никакой агент; они поддерживали себя сами, держа скот и обрабатывая их несколько акров земли. В долине не больше восьмидесяти акров хорошей земли. Приблизительно за три недели до нашего прибытия в ранчо Уорнера человек по имени Джим Фэйн, товарищ Хельма, который узурпировал Канон Сан-Исидро. Узнав, без сомнения, через Хельма, о существовании долины Лос Койотес, он появился в деревне и предложил индейцам 200$ за их участок. Они отказались продавать ему землю, на что он сказал им, что уже подал на нее заявку, и что он должен остаться в любом случае, и начал срубать деревья и строить загон. Это кажется изумительной воздержанностью со стороны сообщества, имеющего 26 здоровых мужчин и 21 женщину, что они не приняли каких-либо насильственных мер, чтобы прогнать подобного злоумышленника. Но индейцы южной Калифорнии знали с большим опытом, что в любом соревновании с белыми, они точно находились на стороне неправых. Ни один индеец не тронул Фейна. А он, кажется, ходил по сердцу этой индейской деревни, которую он прямо готовился украсть, так же благополучно, как будто он был в пустой дикой местности. Г-н Кинни нашел его там, поглощенным работой, с полным патронташем и пистолетами за поясом. Он был грубым человеком, и сначала хотел упереться и не повиноваться, но, будучи информированным о действиях правительства в случае с регистрацией Клуса, он взял более умеренный тон, и подписал документ, говорящий, что он согласен взять 75$ за свои "усовершенствования". Позже в тот же день, после консультации с его другом Хельмом, он отозвал бумагу и объявил о своем намерении остаться в долине. Подав запрос в земельную комиссию Лос-Анджелеса, мы выяснили, что его акт на землю был возвращен ему "для исправления ошибок". Поэтому мы оказались там вовремя, чтобы обеспечить остановку всех дальнейших слушаний с его стороны через земельную комиссию. Ничто, однако, кроме авторитетных и авторитарных действий со стороны агента, представляющего Министерство внутренних дел, не могло остановить слушания по делу о "его" земле. Прежде, чем уехать из Калифорнии мы получили срочное письмо от управляющего Лос Койотес, в котором говорилось, что Фейн был все еще там, все еще рубил их деревья и строил загоны.

Индейцы этой группы - здравые, активные, хорошо сложенные люди, более близкие к белым по врожденному здоровью и силе, чем любая другая группа в стране. Значительная доля детей также свидетельствовала об их сильном здоровье, всего их было 35 детей, 21 женщина и 26 мужчин. У управляющего имелись списки своих людей, помеченные тремя линиями меток, каждая новая метка означала новорожденного, каждая вычеркнутая - смерть. Они могли считать только до пяти. Все, что было больше пяти, было "много". Их дома были в хорошем состоянии, построены из высеченной сосновой древесины с соломенными крышами, сделанными из некоторого жесткого волокнистого растения, вероятно - юкка. Каждый дом имел садовый участок, был огражден забором. Эти индейцы выращивают бобы, тыкву, пшеницу, ячмень и зерно. У них есть двадцать пять голов рогатого скота и еще больше лошадей. Они говорят, что всегда жили в этой долине, и никогда не желали бы ее оставить. Единственными вещами,

которые они попросили, были сбруя, цепи, пять плугов и прочее снаряжение. Сейчас у них есть один плуг.

Эта деревня - это одна из лучших иллюстраций наших замечаний о потребности способной рабочей силы среди индейцев Миссии. Вот деревня в 84 души, живущих в горной местности, которую они так любят. Они скорее умерли бы, чем оставили бы ее, и куда обычные агенты влияния цивилизации никогда не достигнут, независимо от того, насколько плотно будут заселены области ниже поселения. Пылкий религиозный и практический учитель, проводящий несколько недель каждый год среди этих индейцев, мог бы посеять семя, которое никогда не прекращало бы расти во время интервалов его отсутствия.

ПРИЛОЖЕНИЕ G

РАНЧО САНТА ИЗАБЕЛЬ

Ранчо Санта Изабель примыкает к ранчо Уорнера. Это - хорошая, лесистая, богатая водными ресурсами, красивая местность, очень изломанная крутыми и каменистыми горами. Оригинальный грант на это ранчо был подтвержден 17 марта 1858 года неким Хосе Ортего, его наследниками Эдварда Стоукса. 14 мая 1872 года был выпущен акт на землю. Он теперь принадлежит капитану Вилкоксу, который, до настоящего времени не только оставлял индейскую деревню в пределах границ его земли в покое, но и пытался защищать индейцев, позволяя арендатору ранчо уступку с арендной платы в 200$ ежегодно из-за занятия земли индейцами. В оригинальном гранте этого ранчо есть следующий пункт: "Получающие эту землю во владение оставят свободными и в покое пахотные земли, которые фактически занимают индейцы Сан-Диего."

Прибыв в деревню Санта Изабель, мы нашли, что один умный молодой индеец, живущий там, был недавно избран главой индейцев диегуино, живущих по соседству. Он показал нам свои бумаги и попросил подождать, пока он не соберет всех своих капитанов, чтобы встретить нас. Он сообщил, что под его руководством находилось восемь деревень: Санта Изабель, Меса Гранде, Меса Чилкита, Сан-Хосе, Матагуэй, Ла Пуэрта, Лагуна и Анаха. Он был полон интереса и энтузиазма по поводу своих людей. "Я хочу познать американский путь,"- сказал он на своем жаргонном английском. "Я хочу сделать всех моих людей похожими на американский народ. Как я могу понять американские законы? Когда белые теряют корову, теряют свинью, они приходят сюда с пистолетом и говорят, что мы должны найти пропажу, или выдать человека, который украл животных. Но как мы знаем, что это - правда? Это и есть - американский закон? Мы здесь одиноки. Нам никого ничего не показывает. Есть куча вещей, о которых я хочу спросить. Я хочу, чтобы все мои люди работали. Мы не можем работать как американский народ; мы не получаем работы; у нас нет фургонов, сбруи; у нас лишь три старых поломанных плуга на всех этих людей. Мы хотим, чтобы у нас здесь был человек, к которому можно было бы обратиться. Пока вы здесь, белые ведут себя очень хорошо; когда Вы уйдете - начнутся проблемы, так же, как прежде."

В этой деревне живет 171 индеец. Они очень бедные. Многие из их зданий построены из камыша или хвороста, их одежда - скудная и рваная, некоторые из пожилых людей, одеты в одни обноски. Но они не ведут праздную жизнь, как доказывает их обширное, хорошо ухоженное поле пшеницы в 300-400 акров. "Как вы делите между собой урожай?" - спросили мы." Каждый человек знает, сколько составляет его собственная часть" - был ответ. Они продают всю эту пшеницу, которую могут сэкономить, владельцу магазина на расстоянии в приблизительно три мили. Не имея фургона они тянут туда пшеницу на своего рода санях - деревянном треугольнике приблизительно четыре фута длиной, с планками. Веревка привязывается к вершине треугольника, затем прикрепляется к рожку седла лошади, на которой едет человек, который регулирует сани насколько может. Индейцы принесли нам эти сани, чтобы показать, и доказать насколько сильно они нуждались в фургонах. Они также заставили женщин привести всех детей, построить их в ряды, чтобы показать, что у них достаточно детей, чтобы построить школу, повторяя много раз, что у них было еще много детей, но они собирали дикие корни и овощи. "Если бы их не было так много, мои люди умерли бы от голода," - сказал вождь; "это большая часть того, что мы можем кушать." Индейцы Санта Изабель очень обижены, что индейцы Аква Калиенте, на расстоянии всего лишь в 20 миль, получили от правительства школу, плуги, фургоны

и т.д., в то время как для них не было сделано вообще ничего. "Аква Калиенте получили все," - сказал генерал; "У них также есть горячие источники; они делают деньги на этих источниках; у моих людей нет никаких шансов делать деньги."

На второй день нашего пребывания в этом регионе мы увидели четырех старших помощников этого молодого вождя - из Пуерта Сан Фелипе, Сан-Хосе, Анахи и Лагуны. В Пуэрта Сан Фелипе живут шестьдесят четыре человека. Эта деревня находится на подтвержденном гранте, "Вале де Сан Фелипе," подтвержденном для Фелипа Кастильо. Ранчо сейчас сдается в аренду французу, который отбирает у индейской деревни воду, и говорит вождю, что вся деревня принадлежит ему, и этому если кто-либо будет охотиться на кролика на его земле - он поместит его в тюрьму. Эти люди находятся в большой нищете и проблемах, лишенные большинства их предыдущих средств поддержки. Управляющий Анаха сообщил о 53 людях в своей деревне. Белые люди пришли и оградили землю с обеих сторон. "Когда он садит свою пшеницу и зерно, белые люди загоняют своих свиней на его поля;" и "когда белые находят кого-либо из этих свиней мертвыми, они приходят к нему, и заставляют его все об этом рассказывать, но ему нечего сказать." У управляющего Сан-Хосе была подобная история. Управляющий Лагуна был высоким, статным индейцем, настолько хорошо сложенным и отличавшимся от всех остальных, что нам стало интересно, что же могло быть в его жизни, что произвело такие различия. Он сказал, что никто его не обеспокоил. У него были хорошая земля, много воды, он выращивал зерно и овощи, и вообще все, что хотел, кроме арбузов. Его деревня содержала 11 человек; до нее можно было добраться только по крутой тропе, последние четыре мили.

Мы выразили наше удовольствие, что обнаружили одного индейского управляющего и деревню, у которой не было никаких проблем, и которая ни в чем не нуждалась. Он лишь загадочно улыбнулся, когда мы позже вспомнили и повторили, что его никто не обеспокоит. Тайна была объяснена позже, когда мы случайно обнаружили в Сан-Диего, что эта деревня Лагуна не избежала, как мы предполагали, нашествия белых, и что единственная причина, по которой у индейцев Laguna не было бед, состояла в том, что они мирно сдали половину их земель белому, который жил с ними в мире согласно своего рода контракту или арендным договору.

ПРИЛОЖЕНИЕ Н.

Меса Гранде.

Меса Гранде находится выше деревни Санта Изэбель, в пятнадцати милях к западу от нее. Земля примыкает к ранчо Санта Изабель, и, как указывает ее название, является большим плато. Здесь в 1876 года была выделена большая резервация, предназначенная включить индейскую деревню Меса Гранде, а также меньшую - Меса Чилкита; но, как обычно, деревни лежали вне пределов линий резерваций, а зарезервированные земли были, в основном, ничего не стоящими. Один из поселенцев по соседству сказал нам, что он не будет брать всю резервацию в качестве подарка и платить налоги на нее. Ситуация индейцев здесь чрезвычайно неудачная и становится таковой все больше ежедневно. Хорошие земли Меса Гранде, которые они когда-то принадлежали им, которые они занимали, и которые должны были быть обеспечены им, были быстро отобраны белыми, индейцев прогнали, и как сказал молодой генерал: "Собрали всех в кучу пока не осталось совсем мало места". Оба плато - Меса Чилкита и Меса Гранде сейчас хорошо обрабатываются белыми, у которых есть хорошие здания и большие огороженные участки.

Они построили хорошее здание школы, которое мы случайно посетили в час перерыва, и, заметив среди детей индейские лица, остановились, чтобы спросить о них. Из 27 учеников, 15 были чистокровными индейцами или полукровками, некоторые из них - дети индейцев, которые построили фермы. Мы спросили учителя о талантах индейских и белых детей, как если бы мы разделяли обычное предубеждение против индейцев. Учитель рассудительно ответил, с тоном осуждения что, в общем, в действительности между ними нет никакого большого различия, как всем кажется. Мы спросили: "Но какая раса все же учится лучше?". Внезапно пораженный нашим некорректным вопросом, учитель изменил свой тон и сказал, что находит индейских детей столь же умными, как и белые; что, фактически, самой умной ученицей из всех была девочка-полукровка.

В списке переписи, произведенной среди индейцев Меса Гранде и Меса Чилкита в 1880 году, в первой деревне проживает 103 индейца, во второй - 23. Сейчас, вероятно, их не так много, так как участок Меса Чилкита почти полностью заселен белыми. Деревня Тереза Гранде расположена в красивой местности на небольшом ручье, в своего рода бассейне с холмом, окруженном высокими холмами. Здания, в основном - глинистые, и на одном из склонов есть опрятная небольшая глинистая часовня, чья покатая крыша почти доделана - индейцы этим очень горды. Было много полей зерновых культур и несколько фруктовых садов. Женщины собрались вокруг нашего фургона в нетерпеливые группы, настаивая на рукопожатии, и подавая их маленьких детей, чтобы они также обменялись рукопожатием. Они лишь один раз видели агента правительства, и любые доказательства реального интереса к ним и их благосостоянию сильно их впечатлили.

Состояние индейцев в этом районе слишком богато трудностями и проблемами, которые мы здесь подробно опишем. Дословная копия некоторых из наших заметок, сделанных на месте, даст хорошую картину ситуации.

Индеец Хризанто был два месяца назад выгнана с его фермы белым по имени Джим Анджел, у которого был сертификат о владении участком от земельной комиссии Лос-Анджелеса. Антонио Дуро, другой индеец, которого выгнали таким же самым способом с его фермы около здания

школы. Он построил хороший деревянный дом, и белый пришел и забрал дом и половину земли индейца. Антонио как раз пахал, когда приехал белый и сказал: "Убирайся! Я купил эту землю." Они были у агента. Они были там десять раз, пока не устали ходить. Другой американец по имени Харди, выгнал индейца с его фермы, построил на участке дом; после этого он продал дом Джонсону, и Джонсон захватил еще немного земли; затем Джонсон продал участок Стоуну, и тот захватил опять немного больше. У индейцев все было хорошо обустроено, они имели много скота и сотни лошадей. Теперь они все окружены за всех сторон и должны были заплатить такие штрафы, что стали от этого бедными. Белые загоняют лошадей и рогатый скот индейцев в свой загон и заставляют тех платить 25/50 центов, чтобы вывести их оттуда. "Это что - такой американский закон?" - спрашивают они. -"И если это закон для лошадей индейцев, то почему нельзя делать то же самое с лошадьми белых?" Лишь один индеец закрыл несколько лошадей белых, которые забрели на его землю, и тут же приехал констебль, отобрал их всех и заставил индейца платить деньги. Американцы настолько разрослись и обнаглели, что хотят прогнать всех индейцев. И чтобы заставить их уйти, они продолжают обвинять их в кражах.

Это лишь маленькая десятина того, что нам рассказали. Было жалко наблюдать, как надежда умирает на лицах индейцев, когда они выкладывали нам обиду за обидой, и мы были обязаны сказать им, что мы ничего не можем сделать, кроме как "рассказать об этом правительству." Когда мы возвращались в Санта Изабель, нас по пути встретили несколько индейцев, некоторые из них - очень старые, и каждый с той же самой историей относительно того, как их прогоняют или угрожают немедленно прогнать с их земель.

На следующий день мы имели долгое интервью с одним из белых поселенцев Меса Гранде, и изучили некоторые подробные сведения относительно ассоциации, в которую вступили белые Меса Гранде, чтобы защититься от конокрадов и прочих воров. На этом интервью присутствовал молодой индейский генерал. Его ботинки были с дырками на больших пальцах, он был в старой пестрой рубашке и рваном жилете, но его осанка была полна достоинства. Согласно истории белого, эта ассоциация совсем не являлась "комитетом мстителей". Ее назвали "Защитной лигой Меса Гранде" и она никак особо не касалась индейцев. Согласно истории индейского генерала, это-таки был "комитет мстителей" и все индейцы об этом очень хорошо знали, что их жизни были в опасности от действий этого комитета. Белый выступил против этого заявления, и повторил свои бывшие заявления. На наш вопрос, почему, если лига была создана для взаимной защиты всех владельцев рогатого скота в регионе, в нее не были приглашены капитаны индейских деревень, он ответил, что сам бы был не против этого, но что для среднестатистического белого поселенца в регионе такое предложение было бы как красная тряпка для быка; но что он сам, однако, был близким другом индейцам. "Как давно Вы являетесь другом индейцев?" - спросил молодой индейский генерал с тихим сарказмом. Мы впоследствии с помощью показаний одного из самых влиятельных граждан соседнего города узнали, что эта "защитная лига" была фактически ничем более, чем "комитетом мстителей" и что это значило короткую расправу для индейцев; но, будучи преданной одним из ее участников, она преждевременно рассыпалась, к большому облегчению всех законопослушных людей в окрестностях. Он также добавил, что большая часть воровства рогатого скота и лошадей в регионе совершалась мексиканцами и белыми, а не индейцами.

Возможно ли для правительства, поместить индейцев Меса Гранде в положение, в котором они смогли бы защитить себя, и иметь хоть какой-либо справедливый шанс зарабатывать себе на жизнь в их текущей ситуации - это сложный вопрос; но то, что это должно быть сделано, если

вообще возможно - вне всякого сомнения. Печально думать, что эта прекрасная полоса земли, так долго находящаяся в собственности и занимаемая этими индейцами, и добросовестно предназначенная правительством для их использования, перешла таким образом в другие руки. Даже если участок резервации приблизительно в 300 акров, был мошенническими средствами снова возвращен в общественную собственность, и теперь занимался человеком по имени Клеллэнд, который предпринял шаги, чтобы запатентовать его - все равно участок при надлежащем расследовании и своевременных действиях мог бы быть возвращен для использования индейцами.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Капитал Гранде.

Капитан Гранде - название участка, через который река Сан-Диего впадает в горы Куюмак, где после этого повышается. Участок находится в 35 милях от города Сан Диего; он длиной 15 миль и имеет узкие поймы вдоль реки, в некоторых местах расширяющихся в хорошие луга. Он частями красиво заполнен лесом, цветущими кустами, виноградными лозами и растениями. В 1863 году группа индейцев диегуино была, по приказу Лейтенанта Мэгрудера, перемещена из Сан-Диего в этот регион (см. приложенную Бумагу № 1). Эти индейцы продолжали с тех пор жить там, хотя недавно они были сжаты кольцом белых поселенцев, что их количество резко уменьшилось. В 1876 году для этих индейцев была выделена большая резервация, разбитая на рекордные 19 полных секций. Как обычно, существующая деревня по документам попала за линии резервации. Поэтому белые поселенцы пришли и прогнали индейцев. Нам сообщили, что было подано ходатайство для восстановления части этой резервации в общественное владение. Нам не удалось найти копию этого ходатайства; но, само собой разумеется, что любое такое ходатайство означает отбирание у индейцев тех немногих участков хорошей земли, которые остались в их владении. Сейчас на этой территории осталось лишь приблизительно 60 индейцев. Шестнадцать лет назад это было процветающее сообщество от 150 до 200 человек, с многочисленными стадами рогатого скота, лошадьми и хороших обработанными землями. Еще не слишком поздно для правительства исправить статус большей части этого участка и передать его для использования законными владельцами. Приложенные показания под присягой, которые мы отправили в Вашингтон, покажут факты, на которых мы базируемся, искренне рекомендуя такой курс действия.

Бумага № 1.

Копия приказа полковника Мэгрудера, о поселении индейцев в Капитан Гранде.

Миссия Сан-Диего, 1 февраля 1853 года.

Дается разрешение племенам патрисио и леандро обрабатывать землю и жить в месте по имени Капитан Гранде, приблизительно за четыре лиги на юг и восток от Санта Изэбель, так как эти индейцы лишь с чрезвычайной трудностью могут получить пропитание на землях около миссии из-за недостаточности воды для ирригации. Подразумевается, что это место, Капитан Гранде, является частью общественной области. Все люди тем самым предупреждаются от нарушения покоя или вмешательства в дела упомянутых индейцев, или их людей, по занятию или культивированию указанных земель. Любые жалобы относительно указанного культивирования или права занятия земли должны быть, в отсутствие индейского агента для этой части страны, представлены командиру этого поста.

(Подписано полковником Мэгрудером.)

Бумага № 2.

Копия показания под присягой капитана индейцев Капитан Гранде и одного из его главных людей.

Калифорния, графство Сан-Диего:

В заявлении Даниэля К. Ишема, Джеймса Мид, Мэри А. Тэйлора, и Чарльза Хенсли, Игнасио Куро и Марселлино, которые должным образом поклялись мне через переводчика, и слова были переведены каждым из них по отдельности, утверждают следующее:

Я - индеец, принадлежащий к части индейцев диегуино под руководством капитана Игнасио Куро, проживающих в ранчьеро Капитан Гранде, будучи также частью индейцев, известных как "индейцы Миссии"; наш указанный ранчьеро был расположен в Капитан Гранде, куда как все мы теперь с 1853 года переселились, согласно распоряжению полковника армии Соединенных Штатов, Мэгрудера с поста Сан-Диего 1 февраля указанного 1853 года. С этого времени мы и наши семьи поселились и обладали указанными землями. Эти земли включаются в меридиан Сан-Бернардино в округе Сан-Диего, Калифорния.

Свидетели сообщают и полагают, что Даниэль К. Ишем, Джеймс Мид, Мэри А. Тэйлор, и Чарльза Хенсли - каждый из них подал в земельную комиссию Лос-Анджелеса заявление на переоформление земель, прежде находившихся в собственности ответственных свидетелей, и сейчас занимаемый ими как дом для себя и своих семей. Указанные свидетели и их племя постоянно занимали и частично обрабатывали землю, сейчас требуемую указанными Ишемом, Мидом, Тэйлор, и Хенсли с 1853 года. То, что ни свидетели, ни их племя никогда не подписывали какие-либо бумаги, уступающие владения, или отказывались от своих прав на указанные земли; но указанные люди пытаются обманом, мошенничеством и насилием отобрать указанные земли у ответственных свидетелей и у правительства Соединенных Штатов. Ответственные свидетели поэтому просят, чтобы земельные чиновники правительства Соединенных Штатов защитили их в своем праве, и приостановили все слушания со стороны указанных претендентов, пока вопрос не будет полностью изучен, и не будут признаны права соответствующих сторон.

Игнасио Куро (его подпись); Марцеллино (его подпись).

Свидетель: М. А. Люс.

ПРИЛОЖЕНИЕ J.

Индейцы секуан

Индейцы Sequan - малочисленная группа индейцев диегуино, живущих в отчуждении холмов на одной стороне Свитуотер Кэньон, приблизительно в двадцати милях от Сан-Диего. Их всех меньше пятидесяти человек. Они испытывают нужду, так как в течение прошлых десяти лет на из территорию все больше и больше вторгались белые поселенцы. Лишь до недавнего времени они не могли держать рогатый скот, и иметь немного земли, пригодной для обработки. Им выделена одна маленькая резервация, но им никогда не указывали границы, и они нам сказали, что сами не знали, была ли у них резервация или нет. Они также услышали, что индейцам полагался агент, но они не знали, было ли это верно или нет. Насколько мы могли определить, эта деревня находится в пределах линий резервации; и если она включена, то включены также и некоторые из полей, которые недавно белые отобрали у индейцев. У них была обычная связка изодранных "бумаг", которые они нам показывали, некоторые из которых были настолько стары, что их едва можно было прочесть. Одна из бумаг - сертификат от мирового судьи в Сан-Диего, формулирующий, что эти земли, на основании полномочий, данных им Калифорнийским государственным правом, разрешалось мирно занимать всем этим индейцам, включая пользование всеми другими необходимыми привилегиями, главным образом - водой, необходимой для ирригации их земель."

Эти индейцы очень удручены и деморализованы, и ужасно бедные. Вероятно, лучше всего для них было бы, чтобы в случае, если Капитан Гранде Канон будет очищен от белых и вновь передан во владение индейцев, чтобы они переселились туда и присоединитесь к группе Капитан Гранде.

ПРИЛОЖЕНИЕ К.

Конэйо.

Конэйо - это группа племени диегуино. Их деревня, как говорят, находится частично на резервации Капитан Гранде. Один человек, знакомый с областью, сказал нам, что линия резервации проходила через центр деревни Конэйос. Деревни можно достичь только по девятимильной тропе, если ехать верхом, и мы не посещали ее. Ее управляющий приехал в Сан-Диего, чтобы увидеть нас, и мы также изучили много подробных сведений о деревне от умной женщины-рэнчера, которая прожила одиннадцать лет рядом с этой деревней. В племени 32 мужчины, 26 женщин, и 22 ребенка. Они имеют хорошие поля пшеницы, выращивают зерно, тыкву и бобы; и все же, в деревне нет плуга. Руководитель прилагает значительные усилия, чтобы заставить всех его индейцев работать. Когда в деревню забредают индейцы снаружи, они охотно принимаются за работу. Никому не разрешают оставаться в деревне более чем на три дня, не участвуя при этом в деревенской работе. Они - сильная и здоровая группа. Они говорят, что всегда жили в этом месте. Руководитель попросил плуги, сбрую и "все вещи, которыми можно легче работать", а также - некоторую одежду для очень старых людей и женщин. Он также просил, чтобы ему "рассказали все вещи, которые он должен знать", так как никакой агент и не посещал и "никто никогда ничего им не говорил."

Во многих недоразумениях они имеют привычку консультироваться с г-жой Грегори, и она часто садится верхом на свою лошадь и едет за девять миль, чтобы присутствовать на одном из их советов. Недавно один из их числа, очень молодой индеец, нанес удар ножом белому, живущему около Джулиана, был арестован, брошен в тюрьму, и над ним нависла опасность быть линчеванным толпой Джулиана. Однако, их наконец убедили, что нужно выдать его племени, чтобы они судили и наказали его. Послали за г-жой Грегори, чтобы она присутствовала на суде. Факты в случае были такие, что ирландец попытался взять жену молодого индейца силой. Муж вмешался, ирландец, который был пьян, выстрелил в него, при этом индеец достал свой нож и зарезал ирландца. Г-жа Грегори нашла молодого индейца связанным в снегу, в кругу индейцев, сидящих вокруг. Перечитав факты, руководитель сказал г-же Грегори: "Что Вы думаете, что я должен сделать?" "Вы думали, что он заслужил бы наказание, если бы это индейца зарезали при тех же самых обстоятельствах?" - спросила г-жа Грегори. "Конечно, нет", - был ответ, - "мы должны сказать, что он действительно поступил справедливо." "Я тоже так думаю," - сказала г-жа Грегори, - "ирландец заслужил быть убитым." Но капитан сказал, что белые люди были бы рассержены на него, если бы никакое наказание не было причинено молодому человеку; таким образом, они отхлестали его бичом и высылали из деревни сроком на 1 год. Г-жа Грегори сказала, что в течение одиннадцати лет, во время которых они держали свое ранчо рогатого скота по соседству с этой деревней, только лишь одна корова была украдена индейцами; и то, в том случае сами индейцы помогли в отследить вора и строго его наказали.

ПРИЛОЖЕНИЕ L.

Пала и ее окрестности.

В дни процветания миссии Сан Луиса Рэй, Фала была одним из главных пунктов. Это находится в одном дне легкого путешествия из Сан-Луиса Рэй в долину реки Сан Луис Рэй Ривер. В ней также есть собственный небольшой ручей, Фала Крик. Это - красивое местность, окруженная высокими холмами, с лесистыми участками, и зелеными лугами тут и там. Руины старых зданий миссии все еще стоят, и в обветшалой часовне услуги несколько раз в год проходят службы. Это всегда было любимое место у индейцев Сан Луис Рэй, приблизительно 500-600 из которых живут в этом регионе. Главные поселения - Пала, Паума, Апече, Ла-Хойя и Ринкон. Пала, Ла-Хойя и Ринкон являются резервациями. Из резервации Палы некоторые участки земли вернулись в общественное владение, и их запатентовали белые. Остаток этой резервации, насколько мы могли понять его местоположение, содержит лишь очень немного хорошей земли, и большая часть ее находится около ручья. Резервация Ринкон лучше, находится над долиной, непосредственно на реке, окруженной с юга высокими горами. Резервация, как и повествует ее имя, находится в углу. Здесь есть деревня из почти 200 индейцев; их земли ограждены забором, хорошо орошаются и обрабатываются для выращивания зерна и овощей. У них есть рогатый скот, лошади и овцы. Когда мы ездили в деревню, индейский мальчик с мотыгой немедленно восстанавливал прорыв в набережной канаве, через которую мы должны были проехать. Об этих индейцах нам сообщили, что они антагонистичны и неприятны, и отказались установить у себя правительственную школу. Расспросив их мы нашли, что последний факт был верен. Они сказали, что хотели закрепить права на свои земли, и пока им это не предоставят, они не хотели бы принимать что-либо от правительства; что обещал им это снова и снова, но что они теперь потеряли веру когда-либо это получить. Вождь сказал: "Специальные уполномоченные приезжают в один день и говорят нам, что нам принадлежат земли и области; а следующий день приходит кто-то другой, перемеривает, и затем выбрасывает нас из наших зданий и земель, мы должны жить как собаки." В предместьях этой деревни живет полукровка, Эндрю Скотт, который требует себе некоторые из областей индейцев, и отрезает часть их водоснабжения. О нем сообщают, что он продавал виски индейцам, и этим и другими способами причиняет им большой вред. Весьма вероятно, что земли, которые он требует, находятся в пределах линий резервации.

Между Ринконом и Пала находится деревня Паума. Она находится на ранчо Паума, покупку которого для занятия индейцами мы рекомендовали правительству. Это ранчо сейчас арендуется, и арендатор очень сильно вмешивается в жизнь индейцев, которые, естественно, отказывается терять прибыль даже с единственного акра земли. В оригинальном гранте ранчо Паума есть следующий пункт: "Они должны иметь свободным пахотные земли, сейчас занимаемые индейцами, которые на них поселились, а также земли, в которых они, возможно, нуждаются для их небольшого количества скота."

Область Ла-Хойи мы были неспособны посетить. Индейская деревня, как говорят, лежит вне линий резервации. Есть заявленные требование против этого трактата, и вождь Ла-Хойи сказал нам, что стороны, представляющие это требование, сказали ему, что они в следующем году придут с овцами и вытеснят всех индейцев. На запрос в офисе инспектора-генерала в Сан-Франциско в отношении участка Ла-Хойи мы узнали, что есть отчет в файле в архивах этого отдела, показывающий, что был грант, сделанный в пользу индейцев Сан-Луис Рэй, Пабло и Хосе Апис, на участок земли под названием "Ла-Хойя", в непосредственной близости от Валле де Сан

Хоска, датированный 7 ноября 1845 года, подписанный Пио Пико, депонированный в архив 31 января 1878 года. От г-на Чонси М. Хайеса, жителя Сан-Луис Рэй, агента ранчо Паума, мы получили следующее письмо на предмет Ла-Хойи:

"7 ноября 1845 года мексиканское правительство передало Ла-Хойю во владение индейцев хосе и пабло апис - указ № 242, зарегистрированный в офисе инспектора-генерала в книге № 4, стр. 17. Указ не был представлен специальному уполномоченному по земельным делам в 1858 году, и он остался без каких-либо предпринятых мер. Полковник Кэйв Дж. Коутс, теперь покойный, купил интерес людей, получающих землю в дар, и впоследствии был заключен контракт между судьей Э. Д. Сойером из Сан-Франциско, и им непосредственно, чтобы обеспечить его одобрение специальным законом конгресса. Приблизительно три года назад закон был принят, одобряя грант приблизительно в 8 848 акров, резервируя оттуда все тогда занятые земли. Если бы он включал индейцев, то от Ла-Хойи осталось бы немного."

Очевидно, что это требование должно быть тщательно исследовано. Но наиболее вероятно, что такого исследования не будет. В Пале некоторые из индейцев были изгнаны из их домов при обстоятельствах большой жестокости и несправедливости; показания под присягой, формулирующие факты в этих случаях, были отправлены нами в Вашингтон. Нужно надеяться, что индейцы могут быть восстановлены в их домах. Если ранчо Паума будет куплено для занятия индейцами, как мы рекомендуем, то оно будет составлять, вместе с существующими участками резервации Ринкона, Пала и Ла-Хойей, значительный участок земли, где индейцы будут сравнительно свободны от вторжения белых, и где у них будет хороший шанс поддержать себя сельским хозяйством и животноводством.

ПРИЛОЖЕНИЕ М.

Индейцы пачанга.

Эта небольшая группа индейцев достойна особого упоминания. Они - группа племени сан луисенос, и прежде жили в долине Темекула, где у них были хорошие глиняные здания и большая полоса обрабатываемой земли. Руины этих зданий все еще стоят там, окруженные стеной кладбища, полного могил. В этой долине Темекула с незапамятных времен было поселение индейцев, и во время отделения церкви от государства, многие из неофитов миссий Сан-Луис Рэй возвратились туда в их старый дом. Во время восстания индейцев Аква Калиенте в 1851 году, эти индейцы Темекулы отказались участвовать в нем и переместили свои семьи и скот в Лос-Анджелес для защиты. Пабло, их вождь в то время, был человеком с некоторым образованием, мог читать и писать и обладал многочисленными стадами рогатого скота и лошадей. Эта долина Темекулы была частью трактата, переданного сан луисенам и диегуинам соглашением от 3 января 1853 года, упомянутым в этом отчете. В 1873 году декрет о выселении этих индейцев был получен в судах Сан-Франциско без уведомления индейцев. Союз Сан-Диего 23 сентября 1875 года говорит об этом предмете:

"В течение сорока лет эти индейцы были признаны самыми бережливыми и трудолюбивыми индейцами во всей Калифорнии. Больше двадцати последних лет этим индейцам специальные уполномоченные Соединенных Штатов и агенты, как особые, так и обычные, а также - их юрисконсульты, ежегодно говорили, что они могли оставаться на этих землях. Теперь, без какого-либо их уведомления о слушаниях в суде, им приказывают покинуть их земли и дома. Приказ о выселении был подан им шерифом округа Сан-Диего. Ему не только приказали удалить этих индейцев, но и взять из их собственности столько, сколько может потребоваться для оплаты затрат, связанных с иском"

Комментарии были бы лишним. Не часто случается, что большая часть истории может быть сжата в нескольких газетных параграфах. Часть этих индейцев Темекулы, желая остаться насколько возможно близко около их старых домов и могил их родственников, перешла в Пачанге, находящееся всего лишь в трех милях от поселения. Это было бесплодная, сухая местность; но индейцы хорошо расселились, построили новые здания и начали снова работать. Весной 1882 года, когда впервые посетили это место, мы увидели значительное количество земли, засаженной пшеницей и ячменем. Было сделано даже небольшое ограждение. В июле 1882 года для этих индейцев правительственным распоряжением был выделен участок в качестве резервации. В следующем мае мы снова посетили долину. Наша первая мысль при входе в нее была: "Вот бы сейчас все те люди, которые все еще твердо убеждены, что индейцы не будут работать, могли увидеть эту долину!" Вряд ли было бы преувеличением сказать, что долина была одним непрерывным пшеничным полем. Было посажено по крайней мере в четыре раза больше, чем в предыдущем году, были построены загоны, разбиты фруктовые сады; один человек в этом случае даже последовал примеру белых и отгородил забором как землю его сада часть дороги, которая проходила через его участок. Местность полностью преобразилась - столь большим стимулом тамошним индейцам было даже небольшое дополнительное чувство защищенности, данное правительственным распоряжением, выделяющим им долину как резервацию. И, достаточно странно, как будто сама природа тайно замыслила и помочь и отомстить за этих индейцев в долине Темекулы, из которой они были вытеснены - зерновые культуры белых были тонкими, бедными, едва стоящими сбора; в то время как растения индейцев были высокие и

зеленый - в целом, лучшая пшеница и ячмень, которые мы видели в графстве. Очень удачно, что этот небольшой укромный уголок пригодной для обработки земли был отделен как резервация. Если бы не это, то участок уже "застолбили" бы белые этого региона, которые уже смотрят с завистью и огорчением на зерновые культуры, которые индейские изгнанники сумели вырастить на земле, которую никто не считал стоящей занимать.

Здесь в прошлом году была открыта правительственная школа, и ученики очень быстро развивались. Мы нашли, однако, много неприязни среди индейцев в отношении учителя этой школы, вследствие того, что он за несколько лет до этого прогнал четыре индейских семьи с их земель в Пале, и запатентовал эти земли себе. Были также другие слухи, серьезно затрагивающие его моральный характер, что вынудило нас сделать предложение в отношении наема учителя женского пола в эти индейские школы. Как пылко сказал один из индейцев: "Ставить таких мужчин, как этот, во главе школы, походило на то, что заставлять волка заботиться о ягнятах."

Этим индейцам пачанга их земля была выделена им как резервация еще до их расселения по территории, они предприняли шаги к удержанию их земли, и разделили ее между собой согласно положений "Индейского закона о расселении". Им советовал в этом деле и помогал Ричард Игэн из Сан-Хуан-Капистрано, известный как хороший друг индейцев. Они выразились, что они глубоко сожалели, что их убедили оставить этот план и выделить участок земли как резервацию. Им сказали, что они могли таким образом получить свои отдельные участки так же надежно и, к тому же, бесплатно. Выяснив, что они не имеют никаких отдельных прав, и не могут получить земли, очень их разочаровало. Казалось бы мудрым - позволить им как можно скорее выполнить свое оригинальное намерение. Они готовы и пригодны для этого.

ПРИЛОЖЕНИЕ N.

Индейцы пустыни.

Индейцы, известные как "индейцы пустыни", включают, в основном, племя кагуилла, и находятся под контролем вождя в возрасте под названием Кабезон, у которого, как говорят, больше силы и влияния, чем у любого индейца в Калифорнии. Поселения этих индейцев находятся буквально в пустыне; некоторые из них находятся в том бассейне, на много футов ниже уровня моря - факт, который вспомнят все путешественники по южной Тихоокеанской железной дороге. В этой пустыне есть одна резервация - Аква Калиенте, площадью приблизительно 60 000 акров. Исходя из лучшей информации, которой мы обладаем, это - сплошная бесплодная пустынная земля, с одним только источником. Эти индейцы пустыни несчастно бедны, и нуждаются в помощи, возможно больше, чем любые другие в южной Калифорнии. Мы не смогли посетить этих индейцев лично, но были столь удачны, чтобы побудить капитана Дж. Г. Стэнли, бывшего агента по делам индейцев Миссии и их близкого друга, пойти на этот участок от нашего имени и предоставить нам отчет об их состоянии. Вот его отчет:

Г-жа Х. Х. Джексон,

Мадам, в соответствии с Вашим запросом я направился в долина Кабезон, и попытался, насколько это было возможно с моим ограниченным временем, установить текущее состояние и фактические потребности этих индейцев, которые все еще населяют ту часть Колорадского Бассейна, известного как долина Кабезон. Это название также является именем их главного вождя, которому уже не меньше 90, а, вероятно, и все 100 лет. Но он все еще имеет большое влияние на всех индейцев в этом регионе. Я счел невыполнимым - посетить все деревни, и, соответственно, отослал бегунов и созвал на совет всех индейцев из всех деревень, который должен был пройти на узловом пункте на железной дороге, известной как Станция Уолтера, так как это наиболее центральная точка. На следующий день там присутствовали на совете приблизительно сто индейцев, включая вождей всех ранчьеро (деревень) и старого главного Кабезона. Будучи специальным агентом по старой руководящей системе, и хорошо знакомый индейцам, я был принят ими с самой большой сердечностью. Я прочитал и интерпретировал Ваше письмо Кабезону, и также объяснил, что Вы не смогли посетить их лично из-за слабого здоровья. Индейцы, через их представителя или переводчика, затем объявили свою причину жалоб. Во-первых, что г-н Лоусон никогда не посещал их деревню, и не интересовался их благосостоянием; что он позволил своему переводчику, Хуану Моренго, взять над ними шефство; что этот Хуан Моренго заключил контракт от их имени с человеком в Сан-Бернардино, чтобы компания железной дороги рубила древесину на земле, принадлежащей индейцам; что этот человек брал львиную долю прибыли, и согласился платить им каждую субботу наличными; что этот Хуан Моренго взял приблизительно 200$, принадлежащих индейцам, и приспособил их на собственные нужды; что подрядчик не платил так, как было согласовано, но хотел, чтобы индейцы взамен покупали плохую муку и другие товары по большой цене. Может некоторое преувеличение жалоб имеет место, но очевидно, что никто не заботился о правах этих индейцев. Индейцы прекратили рубить лес, и они говорят, что подрядчик говорит им, что пошлет других людей, чтобы рубить древесину, если они не будут делать этого. Если я правильно понимаю, то это - правительственная земля, и никто не имеет право рубить лес. Верно, что это - древесина мескитового дерева, и они утверждают, что рубят только сухие деревья, но мескитовое дерево неоценимо для индейцев. Оно не только идет им в костры, но его фрукты снабжают их большим

количеством пропитания. Боб мескитового дерева используется и зеленый, и сухой, и в настоящее время является их основным источником еды. Кроме того без дерева мескитового дерева долина была бы абсолютной пустыней. Древесина (мертвые деревья) могла бы быть сделана источником занятости и выгодного дохода для индейцев, если бы ее резали по надлежащим инструкциям, но существующий способ - разрушает лес, и приносит лишь очень мало выгод индейцам. Я расширил свои замечания по этому предмету, поскольку я думаю, что тема очень важна. Если древесина должна быть срублена, то индейцев нужно снабдить фургонами и веревками, чтобы они могли сделать всю работу по поставке древесины, и получать прибыль за их труд. Я предположил бы, что очень важно, чтобы участок земли был отдельным, и его выделили исключительно для этих индейцев. В их стране есть огромное количество пустынной земли, но на ней есть участки, которые занимались ими в течение сотен лет, где могут быть выращены пшеница, зерно, дыни и другие сельскохозяйственные продукты. Есть очень немного проточной воды, но вода находится настолько близко к поверхности, что ее легко можно разработать. Индейцы, кажется, ничего не знают о выделенных им землях, но требуют всю территорию, которую они всегда занимали. Я думаю, что, чтобы избежать осложнений, нужно немедленно что-то сделать для этих индейцев, чтобы защитить их интересы. В настоящее время есть восемь деревень или ранчьеро, каждая - с ее собственным вождем, но все признают старого Кабезона главным вождем. Я узнал у каждого вождя численность жителей в его деревне, и выяснил, что в совокупности их было 560 душ. Эти индейцы не являются теми, кого называют "обращенными в христианство индейцами". Они никогда не принадлежали миссиям и никогда не обращались ни в какую церковь. Они верят в духов и колдовство. В то время как я был среди них, мне рассказал один белый, что индейцы намеревались убить одно из своих, потому что он околдовал человека и сделал его больным. Я спросил переводчика об этом. Он признал, что это было верно, но также добавил, что они всего лишь намеревались напугать его, чтобы он оставил человека в покое. Я сказал ему, что будет неправильно - убивать индейца, и он сказал, что они не будут делать этого. Они очень стремятся построить в деревнях школы, и все желают жить в одной деревне, если может быть выбрано подходящее место. Я предложу, в качестве своего мнения, что должны быть сделаны непосредственные шаги, что нужно установить обособленно для этих индейцев земли, что им нужно разрешить рубить лес для продажи только на общественных землях в долине Кабезон, что никому нельзя разрешать рубить любой зеленый лес в долине, чтобы индейцам дали два крепких фургона, ремни и 12 лошадей (или данными взаймы) с целью исключительно транспортировки древесин, и эта же древесина должна быть пущена на нужды по постройке сараев для указанных фургонов и ремней. У индейцев есть собственные лошади, которых они с радостью предоставят.

Дж. Г. Стэнли.

ПРИЛОЖЕНИЕ О.

Резервация Сан Горгонио.

Это - единственная резервация значительного размера и ценности в южной Калифорнии. Она находится в проходе Сан Горгонио Пасс между горами Сан Хасинто и Сан-Бернардино. Через нее проходит южная Тихоокеанская железная дорога. Это - большой участок земли, включающий значительную часть трех городов. Он полностью открытый для ветров пустыни, и здесь очень горячо летом. В этом районе находится маленькое белое поселение под названием Баннинг. Большинство прав на эти поселения, как говорят, было приобретено прежде, чем была выделена резервация.

На этой резервации Сан Горгонио есть значительное количество пахотной земли. На ней есть также несколько маленьких, но очень хороших источников воды. Один из этих источников, вместе со смежной землей, занят индейской деревней под названием Потреро. В ней живут приблизительно 60 человек - небольшое трудолюбивое сообщество, с хорошим количеством огражденной окультуренной земли. У этих индейцев большие проблемы из-за их рогатого скота, так как подходы к загонам постепенно были отгорожены белыми поселенцами, которые не оставили индейцам никакого места, куда они могут выгнать свой рогатый скот без риска того, чтобы его загнали в загон и держали до тех пор, пока за то, чтобы их выпустить, не заплатятся штрафы. Все другие источники, кроме этого, удерживаются белыми поселенцами, которые, как нам сообщили, лишь с одним исключением, все переселились сюда в течение прошлых пяти лет. Они утверждают, однако, что купили права у бывших поселенцев. Один из самых больших участков земли этой резервации находится на горе Сан-Бернардино, и является очень хорошим местом для выпаса скота. Сейчас он используется с этой целью человеком по имени Хайлер. Следующий самый большой доступный участок земли на резервации сейчас находится под пашней по сухой системе фирмы Smith & Stewart. Есть также пчеловодное ранчо на резервации, принадлежащее фирме Herron & Wilson. Один из источников и прилегающая земля находятся во владении человека по имени Джост. Этот человек поселился на неразведанной земле, но утверждает, что он частным исследованием установил, что он находится на ничейной секции, и он подал заявку в железнодорожную фирму, чтобы обеспечить свои права. Он просил нас представить правительству его оценку ценности сделанных им усовершенствований. Оценка прилагается к этому приложению. В свете от вышеупомянутых фактов, и из письма джентльмена Бэннинга, кажется очевидным, что значительное число индейцев могло бы быть полезно размещено на этой резервации, если бы белые были переселены. Было бы необходимо приобрести земли, включенные в резервацию, и без разницы какой у них правовой статус; а также - разработать систему подачи воды посредством строительства резервуара, и, вероятно, купить некоторые незначительные права на пользование водой. Оценивая расходы примерно в 30 000 - 40 000$, эта резервация могла бы быть в готовом состоянии передана индейцам. Это должно быть наиболее решительно заявлено и отчетливо понятно, что без подобной подготовки, и это в основном касается прав на пользование водой и строительства каналов, индейцев нельзя туда поселять. Для человека, незнакомого с местностью южной Калифорнии, едва возможно полностью понять, насколько это необходимо. Без ирригации большая часть земли ничего не стоит, и все меры для того, чтобы разработать, сэкономить и распределить воду, являются дорогостоящими. Это - ощутимый минус резервации Сан Горгонио. Но есть две других. Индейцы, по большей части, имеют чрезмерную неприязнь к этой области, и никогда не пойдут туда добровольно, возможно - только силой. Чередование участков железной дороги с участками

резервации, конечно, приведет в будущем к проблемам между белыми поселенцами и индейцами. Это - серьезные возражения; но это - единственный большой участок земли, которую правительство имеет в запасе доступной с целью занятия индейцами.

Бумага № 1, дополняющая ПРИЛОЖЕНИЕ О.

Требование права К. Ф. Джоста и его жены на усовершенствования на резервации Сан Горгонио, Бэннинг, округ Сан-Бернардино.

Он поселился на разделе 25, участок 2 S., R. 1 E., S. B. M., округ Сан-Бернардино, в мае 1875 года. Выкупил землю у других белых поселенцев. Держит разрешение железной дороги обосноваться на земле, датируемое ноябрем 1875 года.

Усовершенствования ($):

Дом..... 300,00

Сарай..... 150.00

Молочная ферма..... 50.00

Скотобойня..... 50.00

Зернохранилище..... 50.00

Картофельный склад и подвал..... 50.00

Курятник..... 20.00

Два канала орошения..... 50.00

Две водных дамбы..... 20.00

Пасека..... 10.00

Забор из колючей проволоки..... 300.00

Другие ограждения..... 200.00

Сто семьдесят плодовых деревьев (главным образом - посаженные в этом году). 400.00

Рассада дерна и осушение земли..... 200.00

Сумма, заплаченная первому белому поселенцу за право владения (без усовершенствований). 250.00

$2,100.00

1 июня у меня будет посажен картофель ценностью в 50$, затраты на рабочую силу - 100$. Необходимо вспахать землю три раза, чтобы должным образом подготовить к посадке картофеля. Этот урожай в декабре этого же года будет стоить на рынках 500-600$. Имеется приблизительно семьдесят ульев пчел, ценностью, скажем, в 300$, которые, если я перееду, погибнут.

ПРИЛОЖЕНИЕ Р.

Ранчо Паума.

Ранчо Паума находится на Сан Луисе Рэй Ривер между резервациями Ринкон и Пала. Оно содержит три лиги земли, хорошей для пастбища и выращивания неполивных культур. Его можно орошать, забирая воду из реки Сан Луис Рэй Ривер. На участке есть немного древесины; также - в некоторых долинах вдоль реки и вдоль ручья Паума Крик. Ранчо - собственность епископа Моры, который сделал нам следующую оценку земли в случае ее продажи:

"За сумму 31 000$ в золотых монетах Соединенных Штатов Северной Америки я намерен продать правительству Соединенных Штатов в пользу индейцев Миссии ранчо, называемое "Ранчо Паума, в графстве Сан-Диего", содержащее, более или менее, три лиги земли. Резервирую для себя непосредственно и моих представителей: 1) два акра земли, где стоит сейчас индейская часовня; 2) 320 акров на одной полу секции на южной стороне общественной дороги, ведущей к Пале, где стоит каркасный дом, прежде принадлежащий Хоакину Амату. Условия - выплата наличными при продаже. Это предложение делается с условием, что сделка должна быть завершена в период перед 31 октября существующего года."

Фрэнсис Мора, Епископ Монтерея и Лос-Анджелеса. Санта-Инез, округ Санта-Барбара, 14 мая 1883.

Будучи информированным нами, что это условие времени продажи лишало нас возможности обеспечить эти земли для индейцев, епископ в следующем примечании отказался от того условия:

Сан-Луис-Обиспо, 21 мая 1883 года.

Г-же Уильям С. Джексон:

Дорогая г-жа Джексон, Ваше предложение от 17 числа было получено. Я чувствую себя сердечно благодарным за интерес, который Вы проявляете к правам наших индейцев, и с удовольствием отказываюсь от того условия, что касается времени, и позволяю предложению быть действительным до тех пор, пока Конгресс не проголосует за предложенный законопроект ; при условии, что покупка может быть завершена в течение весны или лета 1884 года, и подвергается арендному договору на 1 год, который закончится 31 декабря 1884 года, потому что я должен получить достаточно денег, чтобы заплатить налоги.

Надеясь Вы доберетесь домой в хорошем здравии,

Искренне Ваш,

Фрэнсис Мора, епископ Монтерея и Лос-Анджелеса.

Должно быть отчетливо понятно, что епископ Мора делал это предложение, и великодушно разрешал ему быть открытым столь долгое время исключительно из-за искреннего желания благосостояния индейцев.

ПРИЛОЖЕНИЕ Q.

Предложение передачи Санта Изабель правительству Соединенных Штатов.

Лос-Анджелес, 19 мая 1883.

Г-же Хелен Бант Джексон и аббату Кинни, эсквайру,

Специальные уполномоченные индейцев Миссии:

Если американское правительственное желает купить ранчо Санта Изабель в округе Сан-Диего, Калифорния, содержащее 4 лиги земли, или приблизительно 18 000 акров, мы продадим указанное ранчо за сумму в девяноста пять тысяч долларов (95 000$) золотыми монетами.

С уважением,

Хэртшорс и Уилкокс, через Э. Ф. Спенса, агента.

ПРИЛОЖЕНИЕ R.

Закон правительства по защите индейцев, переданный на рассмотрение законодательного собрания штата Калифорния 22 апреля 1850 года.

Раздел 1. Мировые судьи должны обладать юрисдикцией во всех случаях жалоб, подаваемых индейцами, или против индейцев, или в интересах индейцев, в соответствующих городах в этом штате.

Раздел 2. Люди и владельцы земель, на которых проживают индейцы, должны разрешать таким индейцам мирно проживать на таких землях, не мешать им заниматься их обычными делами, направленными на пропитание себя и своих семей; белый человек или владелец таких земель, обратившийся к мировому судье в городке, где проживают индейцы, может выделить таким индейцам определенное количество земли, и при таком заявлении суд должен выделить достаточное количество земли, необходимое для удовлетворения потребностей таких индейцев, включая территорию их деревни или места жительства, если они так захотят, и ни в коем случае подобный выбор не может быть сделан против воли указанных индейцев; и при этом они не должны быть вынуждены оставить свои дома или деревни, где они проживали в течение многих лет; любая сторона, чувствующая к себе несправедливое отношение, может обратиться в окружной суд для совершения правосудия, и затем, в случае разделения земель, будет сделана запись о таком разделении; и индейцам нужно разрешить остаться на занимаемых ими землях, пока не предусмотрено обратное.

Этот закон никогда не был ни опровергнут, ни, насколько мы знаем, выполненный - хоть в одном случае. Сегодня в судах Калифорнии он считался бы как не имеющий силы.